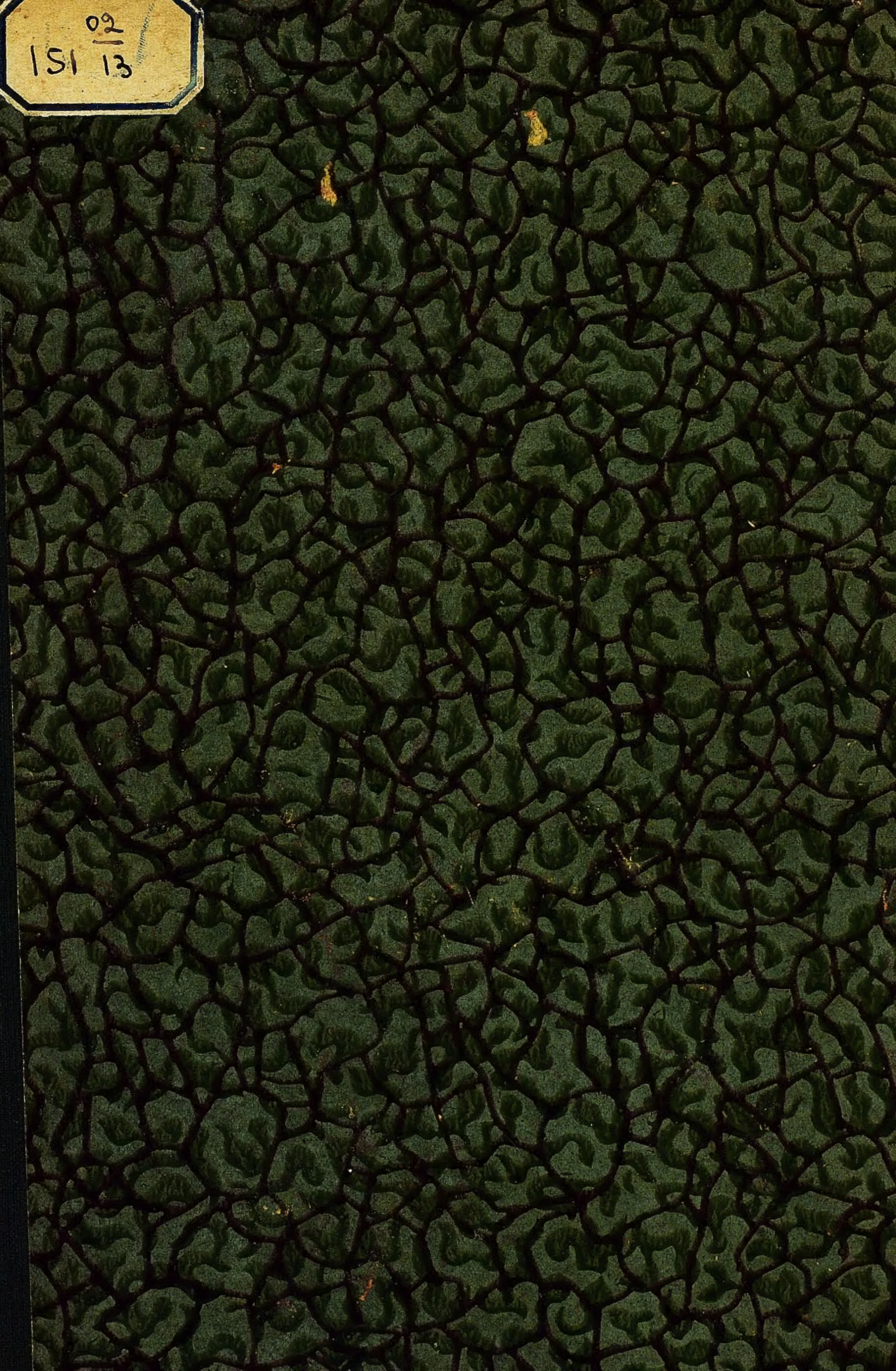

02
151 13

от автора. 31/X 1908.

GRÉGOIRE PISSAREVSKY. RECHERCHES SUR L'HISTOIRE DE LA COLONISATION ÉTRANGÈRE EN RUSSIE AU XVIII-e SIÈCLE. (D'APRÈS DES DOCUMENTS INÉDITS).

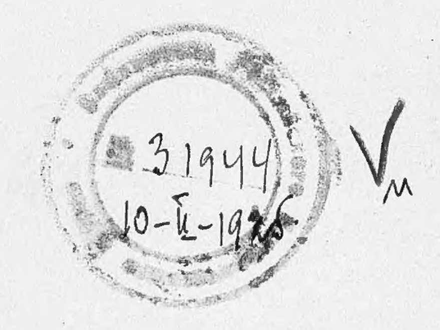
Григорій Писаревскій.

ИЗЪ ИСТОРІИ ИНОСТРАННОЙ КОЛОНИЗАЦІИ ВЪ РОССИИ ВЪ XVIII в.

(По неизданнымъ архивнымъ документамъ).

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
Остоженка, Савеловскій пер., соб. домъ.
1909.

Изъ V тома Записокъ Московскаго Археологическаго Института.

Печатано по постановленію Совѣта Московс. Археолог. Института 10 сент. 1908 г.
Директоръ Института *Александръ Успенскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Иностранная колонизація въ Россіи рано стала привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ. Уже *Иванъ Лепехинъ* („Дневныя Записки путешествія доктора и академіи наукъ адъюнкта Ивана Лепехина въ 1768—1769 году. СПБ. 1771 году“), *Самуилъ Георгъ Гмелинъ* (Самуйла Георга Гмелина Путешествіе по Россіи. Часть II. Съ начала августа 1769 по 5 іюля 1770 года. СПБ. 1783 года), *Георги* („Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772 von Joh. Gottl. Georgi. 1-er Band. St.-Petersburg, 1775“), *Петръ Симонъ Палласъ* („Петра Симона Палласа Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Часть третія. Половина вторая, 1772 и 1773 годовъ. Перевелъ Василій Зуевъ. СПБ. 1788-го года) посвящаютъ въ своихъ работахъ рядъ страницъ только что основаннымъ Екатериной колоніямъ Поволжья. Въ слѣдующемъ столѣтіи интересъ къ иностраннымъ колоніямъ Россіи усиливается. Не только журналы обще-литературные, издававшіеся частными лицами, но и въ особенности спеціальные, являвшіеся оффиціальными органами правительства, каковы: „Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ и позднѣе — „Журналъ Министерства Госуд. Имуществъ“, удѣляютъ имъ много вниманія. Но большинство помѣщенныхъ въ этихъ изданіяхъ статей, подобно предыдущимъ работамъ 18-го столѣтія, или даютъ физико-географическое описаніе колоній (см. напр. „С.-Петербургскій Журналъ“ 1805 г., т. 4-ый, № 7 [1]), или сообщаютъ о

[1] „Описаніе колоній, въ Саратовской губерніи поселенныхъ. 1) Мѣстоположеніе ихъ. 2) Качество земли. 3) Горы. 4) Рѣки. 5) Рыба. 6) Ключи. 7) Мельницы. 8) Лѣсъ. 9) Птицы. 10) Звѣри. 11) Образъ жизни колонистовъ. 12) Упражненія и промышленность колонистовъ. 13) Земледѣліе. 14) Роды хлѣба. 15) Кормовыя травы. 16) Табакъ. 17) Сѣнокосы. 18) Огороды. 19) Сады. 20) Земледѣльческія орудія. 21) Хлѣбные магазейны. 22) Казенныя повинности. 23) Церкви и пастораты. 24) Школы“. Все это изложено на 27 страницахъ.

нихъ статистическія данныя; тѣ-же немногія работы, которыя имѣютъ въ виду исторію иностранной колонизаціи въ Россіи, основываясь на матеріалѣ, находящемся въ „Полномъ Собраніи Законовъ", даютъ лишь простое, въ хронологическомъ порядкѣ, обозрѣніе правительственныхъ мѣропріятій относительно колоній (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1837 г., № 12: „Историческое обозрѣніе водворенія иностранныхъ поселенцевъ въ Россіи"; тамъ-же, 1850 г., № 4: Благовѣщенскій В., „Обзоръ правительственныхъ мѣръ относительно иностранныхъ поселеній въ Россіи"; Журналъ Мин. Госуд. Им., 1854—1855 гг.: „Исторія и статистика колоній иностранныхъ поселенцевъ въ Россіи"). Всѣ эти особенности характеризуютъ не лишенную публицистической тенденціи книгу *Фридриха Маттэи* (Matthäi): „Die deutschen Ansiedelungen in Russland. Jhre Geschichte und ihre volkswirthschaftliche Bedeutung für die Vergangenheit und Zukunft", появившуюся за границей въ 1866-мъ году (Gera. Verlag von C. B. Griesbach).

Въ лучшемъ положеніи, чѣмъ его предшественники, оказался *А. Клаусъ*, издавшій въ 1869-мъ году свою книгу: „Наши Колоніи. Опыты и матеріалы по исторіи и статистикѣ иностранной колонизаціи въ Россіи". Его научные интересы счастливымъ образомъ совпали отчасти со служебными, „ex officio", занятіями по вопросу объ иностранныхъ колоніяхъ въ Россіи, что̀ открыло ему двери въ наши правительственные архивы. Клаусъ намѣтилъ обширную программу для своей работы, но, къ сожалѣнію, не выполнилъ ея, ограничившись изданіемъ въ свѣтъ только лишь 1-го выпуска своего труда. Впрочемъ, и тѣ вопросы, на какихъ онъ здѣсь остановилъ свое вниманіе, не обслѣдованы съ надлежащей полнотой. Причиной этого, быть можетъ, было то обстоятельство, что „не всѣ архивы и канцеляріи", какъ онъ самъ заявляетъ, были для него открыты. По крайней мѣрѣ матеріалы, хранящіеся въ Государственномъ Архивѣ и въ Московск. Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, были Клаусу совершенно неизвѣстны, а матеріалы другихъ архивовъ извѣстны только отчасти (напр. архивомъ канцеляріи опекунства иностранныхъ, хранящемся въ Архивѣ Мин. Землед. и Госуд. Им., онъ, повидимому, совсѣмъ не пользовался).

Послѣ работы Клауса, вышедшей сорокъ лѣтъ тому назадъ, не появилось ни одной серьезной научной работы

по исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи, за исключеніемъ статьи доктора политической экономіи Joh. Von Keussler'a: „Das Grundbesitzrecht in den deutschen Kolonien Südrusslands“, напечатанной въ журналѣ „Russische Revue“ за 1883 г. (23 т., 385—436 стр.). Рядъ статей *Велицына*, напечатанныхъ въ „Рус. Вѣстникѣ“ за 1889 — 1890 гг. (и затѣмъ въ 1893 г. переизданныхъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: „Нѣмцы въ Россіи. Очерки историческаго развитія и настоящаго положенія нѣмецкихъ колоній на югѣ и востокѣ Россіи“) представляетъ изъ себя одностороннее публицистическое произведеніе, не дающее ничего новаго, съ невѣрными ссылками на Полное Собраніе Законовъ [1]).

Исполнившееся въ 1904-мъ году столѣтіе существованія нѣмецкихъ колоній, основанныхъ на югѣ Россіи при имп. Александрѣ I, вызвало интересъ къ своему прошлому въ самихъ колоніяхъ, результатомъ чего было появленіе книжекъ *Штаха* (J. Stach. Die deutschen Kolonien in Südrussland. I Teil. Prischib. 1904) и Конрада Келлера (Die deutschen Kolonien in Südrussland. Ein Ueberblick der Culturentwickelung derselben im Verlaufe von 100 Jahren, nebst den Chroniken der katholischen Kolonien: Kleinliebenthal, Josephsthal, Marienthal und Franzfeld, als Jubilumsgabe zum 100—jährigen Bestehen derselben. Von. P. Cōnrad Keller. I Bändchen. Одесса, 1905). Несмотря на юбилейный характеръ и узкую задачу, взятую этими авторами, данныя произведенія не лишены интереса, такъ какъ заключаютъ въ себѣ новый, хотя и не богатый, историческій и статистическій матеріалъ.

Состояніемъ литературы предмета и первостепенной важностью еще не раскрытыхъ въ исторической наукѣ вопросовъ опредѣлились задачи, поставленныя себѣ авторомъ настоящей работы, причемъ важнѣйшимъ источникомъ здѣсь послужили ему неизданные документы центральныхъ правительственныхъ архивовъ — Московскихъ и Петербургскихъ.

Авторъ старался выяснить тѣ общія условія времени, которыя опредѣляли собою популяціонистскую политику не только нашего правительства, но и правительствъ дру-

---

[1]) Статьи Велицына вызвали въ свое время отпоръ со стороны „St.-Petersburger Zeitung“, гдѣ напечатано противъ него семь большихъ статей (№№ 39, 162, 165—за 1889 г., №№ 17, 20, 44, 46—за 1890 г.). Изъ нихъ три касаются историческихъ очерковъ колонизаціи.

гихъ государствъ Европы, въ особенности-же болѣе близкихъ намъ географически, какъ-то — Пруссіи, Австріи и Даніи. Всѣ эти государства усиленно поощряли иммиграцію иностранцевъ въ свои владѣнія, опираясь на господствовавшія въ тогдашней наукѣ теоріи народонаселенія. Эти-же послѣднія отражали собой интересы государственной власти и правящихъ зажиточныхъ классовъ общества.

Къ общимъ условіямъ времени, благопріятствовавшимъ иммиграціи, у насъ въ Россіи присоединились свои мѣстныя. Огромныя степныя пространства на югѣ и востокѣ страны не только не приносили государству никакой пользы, но и служили для него источникомъ постоянныхъ безпокойствъ. Нужно было путемъ колонизаціи пустить ихъ въ народно-хозяйственный оборотъ. Но разсчитывать на выполненіе этой задачи одними туземными силами представлялось дѣломъ невозможнымъ: крѣпостное право, развиваясь въ XVIII в. и количественно, и качественно, лишаетъ крестьянское населеніе свободы передвиженія, задерживаетъ естественное, сообразное съ качествомъ почвы, распредѣленіе его по территоріи и искусственнымъ образомъ сосредоточиваетъ въ бассейнахъ Оки, верхней и средней Волги. Въ виду недостатка туземнаго матеріала правительство императрицы Елизаветы Петровны приглашаетъ сербовъ для колонизаціи южной окраины государства, гдѣ и появляются двѣ территоріи, спеціально ими населенныя и извѣстныя подъ именемъ Новой Сербіи и Славяно-Сербіи. Въ царствованіе той-же императрицы, какъ устанавливаетъ 2-ая глава настоящаго изслѣдованія, было рѣшено организовать вызовъ въ Россію колонистовъ изъ Западной Европы, и только Семилѣтняя война помѣшала его осуществленію. Такимъ образомъ императрица Екатерина II, которой обычно приписываютъ мысль о вызовѣ въ Россію нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ, была только исполнительницей плана, составленнаго до ея воцаренія.

Выяснивъ общія и мѣстныя условія, побуждавшія наше правительство вызывать иностранцевъ въ Россію, авторъ счелъ нужнымъ съ возможной полнотой изучить организацію вызова въ первые годы царствованія Екатерины II. Это изученіе раскрыло существованіе двухъ категорій колонистовъ—„коронныхъ“ и „вызывательскихъ“. Первые навербованы были правительственными агентами и находились въ непосредственномъ вѣдѣніи правитель-

ства, вторые, набранные частными предпринимателями, такъ называемыми „вызывателями", становились къ нимъ въ своеобразныя зависимыя отношенія, обязывались, напр., платить въ ихъ пользу десятину урожая. Въ общемъ устройство вызывательскихъ колоній было попыткой на русской почвѣ установить, правда, въ значительно смягченной формѣ, тѣ отношенія, которыя существовали во Франціи до революціи 1789 г. между крестьянами и дворянствомъ. Но эта попытка не имѣла успѣха: зависимыя, и то скорѣе de jure, чѣмъ de facto, отношенія колонистовъ къ вызывателямъ просуществовали до 1779 года, когда вызывательскія колоніи окончательно обращены были въ коронныя, а сами вызыватели, за утрату своихъ правъ, получили денежное вознагражденіе отъ правительства.

Попытка Екатерины II широкими льготами иммигрантамъ вызвать эмиграцію въ Россію изъ западно-европейскихъ государствъ, какъ показываютъ III и IV главы предлагаемаго труда, вызвала противодѣйствіе со стороны этихъ государствъ, въ особенности со стороны мелкихъ владѣній юго-западной Германіи, гдѣ ея манифесты и рекламы ея вербовщиковъ создали настоящую эмиграціонную горячку въ низшихъ обездоленныхъ классахъ населенія. Повсемѣстныя жалобы владѣтелей юго-западной Германіи въ концѣ концовъ побуждаютъ императора Іосифа II издать въ 1768 г. эдиктъ противъ эмиграціи. Съ этимъ эдиктомъ, лишившимъ Россію главнаго поставщика колонистовъ—юго-западной Германіи, правительство Екатерины II принуждено было считаться, а между тѣмъ совершавшійся въ ея царствованіе ростъ русской государственной территоріи и въ особенности включеніе въ составъ имперіи пустынныхъ или малонаселенныхъ земель на югѣ поддерживали стремленіе правительства пользоваться для цѣлей колонизаціи иностраннымъ элементомъ. Вотъ почему правительство хватается за малѣйшій предлогъ, пользуется всякимъ случаемъ, не останавливается ни передъ какими жертвами, чтобы привлечь возможно бóльшее число иностранцевъ для колонизаціи русской территоріи.

Возникаютъ въ Крыму смуты, правительство пользуется этимъ, чтобы вызвать оттуда переселеніе христіанъ (грековъ и армянъ) въ Россію; испанцы, овладѣвъ въ 1781 году островомъ Меноркой, изгоняютъ съ него гре-

ковъ и корсиканцевъ, русскій дипломатъ не только принимаетъ изгнанниковъ, но и пользуется случаемъ, чтобы организовать въ широкихъ размѣрахъ эмиграцію изъ примыкающихъ къ Средиземному морю странъ въ южную Россію; городъ Данцигъ со своей „округой“ переживаетъ тяжелый экономическій кризисъ, отъ чего сильно страдаютъ бѣднѣйшіе классы населенія,—туда отправляется спеціальный агентъ русскаго правительства, чтобы организовать ихъ переселеніе въ Россію; на Данцигской-же территоріи меннониты недовольны своимъ городскимъ правительствомъ за стѣсненія ихъ при покупкѣ земель,—тотъ-же русскій агентъ склоняетъ ихъ къ переселенію въ Россію; открывается 2-ая турецкая война, русскіе генералы пользуются военными дѣйствіями, чтобы набрать христіанъ въ турецкихъ владѣніяхъ и волей или неволей переселить ихъ въ Россію.

Это увлеченіе эмиграціей доходило до крайности. Иностранцы, не только водворявшіеся земледѣльческими колоніями въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ, но и избиравшіе для своего жительства столичные города—Москву и Петербургъ—отправлялись въ Россію на казенномъ иждивеніи и пользовались льготой отъ податей, хотя и на болѣе короткій срокъ. На пригодность иммигрантовъ для цѣлей колонизаціи сплошь и рядомъ не обращалось вниманія: уже самое увеличеніе населенія путемъ иммиграціи считалось большимъ пріобрѣтеніемъ для Россіи, независимо отъ того, кто иммигрируетъ.

Потемкинъ серьезно думаетъ о поселеніи въ Крыму бѣглыхъ англійскихъ каторжниковъ, и только графъ Воронцовъ мѣшаетъ ему привести свое намѣреніе въ исполненіе. Дипломатическій представитель Россіи въ Ливорно графъ Мочениго хлопочетъ о переселеніи въ Россію корсиканскихъ и сардинскихъ разбойниковъ. Жена русскаго резидента въ Курляндіи барона Местмахера покупаетъ тамъ внѣбрачныхъ дѣтей, платя по 3—4 дуката за каждаго ребенка, нанимаетъ для нихъ кормилицъ и воспитываетъ въ своемъ домѣ: она намѣревается подарить своихъ воспитанниковъ всесильному тогда Потемкину для колонизаціи ввѣреннаго его управленію Новороссійскаго края.

Вопросу о вызовѣ въ Россію различныхъ категорій колонистовъ въ царствованіе императрицы Екатерины II

авторъ въ своемъ изслѣдованіи считалъ необходимымъ удѣлить особое вниманіе.

Въ какой мѣрѣ выполнены авторомъ поставленныя имъ себѣ задачи, судить объ этомъ ученой критикѣ. Но и достигнутыми въ этой работѣ результатами онъ съ благодарностью признаетъ себя въ значительной степени обязаннымъ благосклонному содѣйствію, совѣтамъ и указаніямъ профессора Д. В. Цвѣтаева, а также С. А. Бѣлокурова, П. А. Шафранова, профессора М. К. Любавскаго и профессора Steenstrup'a (Копенгагенъ).

Я. О. Вельма, Р. А. Гретмана, В. П. Вульфіуса и Ф. А. Дюсиметьера авторъ сердечно благодаритъ за помощь, оказанную при чтеніи иностранныхъ документовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ глубокую и искреннюю признательность приноситъ онъ Московскому Археологическому Институту, въ лицѣ его директора А. И. Успенскаго, за изданіе настоящаго труда въ „Запискахъ“ Института.

Москва, 7-го октября 1908 года.

1. Ученіе о народонаселеніи и политика народонаселенія въ западно-европейскихъ государствахъ XVII—XVIII ст. Иностранная колонизація въ Пруссіи, Австріи и Даніи.

Популяціонистская политика западно-европейскихъ государствъ въ XVII—XVIII вв. опиралась на теоріи народонаселенія, которыя господствовали въ тогдашней наукѣ и находились въ тѣсной связи съ экономической системой меркантилизма.

По ученію меркантилистовъ, богатство каждой страны заключается въ возможно-бо́льшемъ скопленіи въ ней благородныхъ металловъ. Чтобы удержать у себя золото и серебро, добываемыя въ собственныхъ рудникахъ, а также вызвать приливъ этихъ металловъ изъ другихъ странъ, государство должно держаться такой торговой политики, которая приводила-бы къ „благопріятному торговому балансу“, т.-е. къ преобладанію вывоза надъ ввозомъ. Послѣднее-же возможно лишь въ томъ случаѣ, если промышленность страны развита въ достаточной степени, что̀ въ свою очередь зависитъ отъ численности въ ней народонаселенія: чѣмъ населеннѣе страна, тѣмъ больше она можетъ развить свою промышленную дѣятельность.

Наблюдая, что наиболѣе богатыя страны оказываются въ то-же время и наиболѣе населенными, ученые XVII—XVIII вв. обобщили этотъ фактъ и возвели его на степень закона, имѣющаго одинаковую силу и значеніе во всѣ времена, для всѣхъ странъ и народовъ.

Представители популяціонистскихъ теорій этого времени считали поэтому возможно бо́льшее увеличеніе народонаселенія цѣлью, къ которой нужно стремиться, и рекомендовали различныя средства для достиженія этой цѣли.

Вотъ здѣсь наиболѣе характерныя мнѣнія по данному вопросу нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей.

Фейтъ Людвигъ фонъ Секкендорфъ (1626—1692) въ своихъ сочиненіяхъ по государственному праву—„Teutscher Fürstenstaat" (1655) и „Christenstaat" (1685)—утверждалъ, что задачей хорошаго правительства является прежде всего „сохраненіе и умноженіе населенія и его имущества". „Въ многочисленности подданныхъ," говорилъ онъ, „залогъ величайшаго счастья для правителей; это—настоящее сокровище для страны".

По мнѣнію другого нѣмецкаго ученаго XVII-го же вѣка, Іоганна Іоахима Бехера, высказанному имъ во введеніи къ своему сочиненію „Politischer Discurs", „первымъ правиломъ государственной мудрости или максимой, для города или страны, должно быть слѣдующее: вскормить наибольшее число народа; въ самомъ дѣлѣ", утверждалъ онъ, „ни правитель государства, ни города и самыя страны не могутъ имѣть никакого значенія, если они бѣдны народомъ, ибо вслѣдствіе недостатка въ людяхъ они не могутъ, какъ слѣдуетъ, защитить себя и становятся поэтому добычей всякаго, кто враждуетъ съ ними".

Англійскіе писатели XVII-го вѣка—Сэръ Вилльямъ Петти (1623—1687), Джонъ Локкъ (1632—1704) и Сэръ Вилльямъ Темпль (1629—1700) полагали, что чѣмъ больше численность населенія, тѣмъ плодотворнѣе трудъ въ области хозяйства. Лишь плотностью населенія обусловливается раздѣленіе труда въ промышленности, оживленная конкурренція въ торговлѣ, удешевленіе транспорта и передвиженій, уменьшеніе налоговъ.

Исходя изъ тѣхъ-же соображеній, и видя въ увеличеніи населенія самое вѣрное средство для обогащенія народа, англійскій писатель Чарльсъ Дэвенантъ (1656—1714) рекомендовалъ *давать пріютъ эмигрантамъ*, назначать награды за извѣстное число дѣтей и т. д.

Во Франціи тѣ-же взгляды развивалъ маршалъ де-Вобанъ (1633—1707) въ своемъ сочиненіи „Projet d'une dixme royale". „Извѣстно," говорится въ названномъ сочиненіи, „что величіе королей измѣряется количествомъ ихъ подданныхъ; вотъ въ чемъ заключается ихъ благо, ихъ счастье, ихъ богатство, ихъ сила, ихъ удача, и все то уваженіе, которымъ они пользуются въ свѣтѣ".

Въ XVIII-мъ столѣтіи ученіе о народонаселеніи становится центральнымъ пунктомъ въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ; положеніе, что многочисленность населенія оказываетъ благотворное вліяніе на жизнь страны, считалось несомнѣннымъ, не нуждающимся въ доказательствахъ, и на немъ, какъ на аксіомѣ, строили

свои выводы не только меркантилисты, но и явившіеся на смѣну имъ физіократы.

Изъ писателей этого столѣтія особенно сильное вліяніе на своихъ современниковъ оказалъ Іоганнъ Петеръ Зюсмильхъ (1707—1767), издавшій посвященное Фридриху II-му сочиненіе „О божественномъ порядкѣ въ судьбахъ рода человѣческаго“ (Die göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts, aus der Geburt, dem Tode und der Fortpflanzung desselben erwiesen“). Исходя изъ библейскаго изреченія: „плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю“, и считая многочисленное населеніе необходимымъ условіемъ для процвѣтанія государства, онъ указываетъ рядъ мѣръ, коими можно достигнуть умноженія населенія. Такими мѣрами, по Зюсмильху, являются:

1) устраненіе препятствій, мѣшающихъ а) вступленію въ бракъ и б) плодовитости браковъ,

2) попеченіе о сохраненіи жизни подданныхъ,

3) недопущеніе эмиграціи и, если нужно, поощреніе иммиграціи. Кромѣ того Зюсмильхъ рекомендуетъ еще рядъ частичныхъ мѣропріятій чисто полицейскаго характера. Такъ, люди не должны вступать въ бракъ слишкомъ поздно, потому что въ этомъ случаѣ „пройдутъ наиболѣе благопріятные для рожденія дѣтей годы, и вмѣсто десяти и болѣе дѣтей въ результатѣ такого брака можетъ оказаться едва лишь 4—5“; „неравные браки между юношами и женщинами, имѣющими болѣе 40 лѣтъ, а также между молодыми дѣвушками и старыми отжившими мужчинами... слѣдуетъ воспретить вовсе“; „родители, имѣющіе много дѣтей, должны получать поддержку отъ государства“; „противъ продолжительнаго кормленія дѣтей грудью нужно бороться, выдавая награды тѣмъ, которыя имѣютъ много дѣтей“.

Справедливость требуетъ однако отмѣтить тотъ фактъ, что Зюсмильхъ, какъ и большинство предшествовавшихъ ему писателей XVII-го столѣтія, сознавалъ внутреннюю связь между населеніемъ и производствомъ и только „пропорціональное средствамъ продовольствія количество подданныхъ“ считалъ „основой счастія, силы, безопасности и богатства государства“.

Но во-вторую половину XVIII-го столѣтія, въ особенности среди нѣмецкихъ писателей, появляются фанатическіе сторонники увеличенія населенія во что-бы то ни стало, которые объявляютъ перенаселеніе дѣломъ невозможнымъ.

„Такъ-какъ въ странѣ никогда не можетъ оказаться слишкомъ много жителей,“ писалъ Іоганнъ Генрихъ Готтлобъ фонъ

Юсти (+1771), то нужно заботиться прежде всего объ одномъ: возможно болѣе поощрять увеличеніе населенія.

По мнѣнію Юсти, „единственная и главная цѣль“ брака— рожденіе дѣтей. „Природа, здравый смыслъ и цѣли правительства по отношенію къ населенію не могутъ допускать никакой иной цѣли наряду съ этой“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Юсти беретъ подъ свою защиту устройство воспитательныхъ домовъ, гдѣ „каждый ребенокъ, въ качествѣ драгоцѣннаго производителя будущихъ поколѣній, долженъ найти радушный пріемъ; тѣмъ, кто принесетъ туда ребенка, нужно скорѣе дать награду, нежели требовать съ нихъ денегъ или объявленія своего имени“.

Прочіе прусскіе экономисты временъ Фридриха II-го держались тѣхъ-же взглядовъ. Таковы—Іоахимъ Георгъ Даріесъ (1714—1791), Якобъ Фридрихъ фонъ Бильфельдъ (1716—1770) и Іоганнъ Фридрихъ фонъ Пфейферъ (1718—1787).

Послѣдній изъ нихъ очень подробно занимался даже вопросомъ, можно-ли рекомендовать многоженство въ видахъ увеличенія населенія. Разсматривая этотъ институтъ *со стороны его значенія для населенія*, Пфейферъ находилъ, что онъ полезенъ во всѣхъ отношеніяхъ: во-первыхъ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, эмиграціи и т. п. „отношеніе между взрослыми дѣвушками и способными къ воспроизводству юношами равно отношенію 6╳1; во-вторыхъ, населеніе выигрываетъ, если во время беременности одной женщины происходитъ зачатіе другой; въ третьихъ, наконецъ, и хозяйство,—въ особенности — крестьянина, выигрываетъ“, если у него вмѣсто одной жены и трехъ необходимыхъ ему работницъ, будутъ четыре здоровыхъ жены, которыя будутъ смотрѣть на хозяйство, какъ на свою собственность, и каждая будетъ стараться улучшить свою часть и извлечь изъ нея всевозможныя выгоды“.

Наконецъ, австрійскій экономистъ Іосифъ фонъ Зонненфельсъ (1733—1817), въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій игравшій руководящую роль „въ области теоріи и государственной политики своего отечества,“ раздѣлялъ тѣ-же популяціонистскія воззрѣнія.

„Увеличеніе населенія“, писалъ онъ въ своихъ „Grundsätze der Polizei, Handlung und Finanz“, заключаетъ въ себѣ въ отдѣльности всѣ тѣ средства, которыя въ совокупности способствуютъ общему благосостоянію...

...Я принимаю поэтому увеличеніе числа гражданъ при помощи поощренія размноженія населенія за основное положеніе государственной науки вообще и различныхъ ея отдѣловъ въ

частности; пробнымъ камнемъ каждаго мѣропріятія, которое принимаютъ для содѣйствія общему благосостоянію, долженъ быть вопросъ: принесетъ-ли пользу это мѣропріятіе увеличенію населенія? выгодно-ли оно въ этомъ отношеніи?“ Обязанность правительства—стремиться къ тому, чтобы „довести населеніе до высшихъ предѣловъ, „насколько дозволяютъ это имѣющіяся въ его распоряженіи средства“.

Зонненфельсъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ выгоды, проистекающія для государства отъ увеличенія населенія: „чѣмъ больше количество населенія, тѣмъ больше сила его сопротивленія, отчего зависитъ внѣшняя безопасность государства, составляющая основное положеніе политики; чѣмъ больше количество населенія, на готовность котораго помочь можно разсчитывать, тѣмъ меньше можно опасаться за положеніе дѣлъ внутри государства, въ чемъ заключается главная задача полиціи; чѣмъ больше людей, тѣмъ больше потребностей, тѣмъ разнообразнѣе способы ихъ удовлетворенія внутренними силами; чѣмъ больше рукъ, тѣмъ больше продуктовъ земледѣлія и труда, предметовъ для внѣшняго обмѣна, а въ этомъ и состоитъ главная задача науки о торговлѣ; чѣмъ больше гражданъ, тѣмъ больше плательщиковъ налоговъ, идущихъ на государственныя нужды, тѣмъ меньше доля каждаго плательщика въ отдѣльности, хотя государственные доходы остаются тѣ-же, и въ этомъ—главная задача науки о финансахъ“.

Въ числѣ мѣръ, способствующихъ увеличенію населенія, Зонненфельсъ указывалъ между прочимъ на учрежденіе родильныхъ домовъ, въ которыхъ дѣвушки могли бы разрѣшиться отъ бремени, не подвергаясь позору; мало того, онъ рекомендовалъ выдавать каждой матери, оставляющей родильный домъ, если она нуждается, по 10 талеровъ „за тотъ подарокъ, который она сдѣлала государству“ [1]).

Вопросъ о населеніи и о мѣрахъ къ его увеличенію занималъ въ XVIII-мъ столѣтіи не однихъ камералистовъ и экономистовъ, но и медиковъ. Іоганнъ Петеръ Франкъ въ своемъ обширномъ и пользовавшемся большимъ распространеніемъ трудѣ —„System einer vollständigen medicinischen Polizey“ между про-

---

[1]) То же самое высказывалъ еще раньше Зонненфельса извѣстный физіократъ маркизъ де Мирабо (1715—1789) въ своемъ сочиненіи „L'ami des hommes ou traité de la population“: „Je voudrais... qu'un quartier du bâtiment fût destiné à recevoir toute personne enceinte qui voudroit s'y retirer, qu'elle y fût bien traitée, sans honte ni reproches; et qu'en sortant, celles qui seraint nécessiteuses reçussent dix écus pour prix du présent qu'elles ont fait à l'Etat“.

чимъ пытался указать мѣры, которыя могутъ поднять плодовитость браковъ. Въ подобнаго рода медицинской литературѣ часто рекомендовали въ высшей степени удивительныя мѣропріятія, основанныя на опытѣ, полученномъ при разведеніи животныхъ, вслѣдствіе чего позднѣе Фридрихъ Карлъ фонъ Мозеръ въ своихъ „Politische Wahrheiten“ называлъ эти стремленія результатомъ „настоящей лошадиной философіи“ (Gaulphilosophie).

Если, однако, въ вышеизложенныхъ теоріяхъ мы отбросимъ всѣ увлеченія и крайности, и будемъ разсматривать эти теоріи въ связи съ условіями времени, при которыхъ онѣ возникли, то найдемъ, что онѣ были глубоко жизненны и только какъ таковыя и могли оказать вліяніе на популяціонистскую политику современныхъ имъ правительствъ.

Въ XVI, XVII, а отчасти и въ XVIII-мъ столѣтіяхъ крупные и мелкіе властители сплошь и рядомъ относились къ народной массѣ хуже, чѣмъ къ животнымъ. Постоянными войнами, религіозными преслѣдованіями, всевозможнаго рода притѣсненіями и вымогательствами они тормозили развитіе населенія и равнодушно смотрѣли, если голодъ, эпидеміи или другія какія-либо бѣдствія уменьшали его чуть не на половину. При такихъ обстоятельствахъ стремленіе писателей популяціонистовъ показать правителямъ, что они, не заботясь о сохраненіи и умноженіи населенія, подрываютъ политическую мощь своей страны и вредятъ въ сущности самимъ себѣ, было понятно и естественно и вполнѣ соотвѣтствовало условіямъ времени.

Въ концѣ концовъ призывы писателей не остались „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“: на ихъ теоріяхъ рядъ правительствъ въ XVII—XVIII столѣтіяхъ старается обосновать свою политику народонаселенія [1]. Но само собой разумѣется, что основанная на этихъ теоріяхъ популяціонистская политика лишь тамъ могла привести къ ощутительнымъ реальнымъ результатамъ, гдѣ внутреннія условія страны тому благопріятствовали.

2.

Для увеличенія численности населенія государственная власть считала необходимыми мѣропріятія, направленныя на а) повыше-

---

[1]) Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Переводъ провѣренъ С. Булгаковымъ. Изданіе М. А. Водовозовой. Москва 1897, 104—122 стр. (Статья Людвига Эльстера: „Ученіе о народонаселеніи и политики народонаселенія“).

ніе цыфры раждаемости, б) поощреніе иммиграціи и в) воспрещеніе эмиграціи. Въ настоящей главѣ мы остановимся только на мѣропріятіяхъ первыхъ двухъ родовъ, объ отношеніи же европейскихъ правительствъ къ эмиграціи у насъ будетъ рѣчь впереди.

А. Увеличенія цыфры раждаемости думали достигнуть, препятствуя безбрачію, поощряя заключеніе браковъ и ихъ плодовитость и, наконецъ, снисходительно относясь къ внѣбрачной беременности.

Остававшіеся безъ особо уважительныхъ причинъ холостыми, въ нѣкоторыхъ государствахъ подвергались ограниченію своихъ правъ: они не могли занимать тѣхъ или иныхъ государственныхъ должностей, не могли заниматься ремеслами, не заплативъ правительству опредѣленной пошлины за разрѣшеніе; наслѣдство послѣ нихъ могло быть отбираемо въ казну, если у нихъ не было въ живыхъ ни родителей, ни братьевъ, ни незамужнихъ сестеръ; наконецъ, иногда устанавливался спеціальный налогъ на холостяковъ.

Наоборотъ, лица рано вступавшія въ бракъ (въ силу испанскаго эдикта 1623-го года и эдикта Людовика XIV отъ 1666-го года) освобождались на извѣстное время отъ всѣхъ податей и налоговъ или только отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и даже получали непосредственную денежную помощь при заключеніи брака. Споспѣшествовать заключенію браковъ имѣли своей цѣлью учреждаемыя во многихъ мѣстахъ „кассы для невѣстъ“, „кассы выдачи приданаго.“

Семейства, число дѣтей въ которыхъ достигало извѣстной нормы, также освобождались отъ налоговъ. Въ Испаніи (въ силу того же эдикта 1623 года) освобождались отъ налога всѣ, имѣвшіе въ живыхъ шесть дѣтей мужескаго пола, рожденныхъ въ бракѣ; во Франціи освобождались отъ поголовнаго налога лица, имѣвшія десять законныхъ дѣтей, если при томъ никто изъ нихъ не пошелъ въ священники, монахи и монахини. Дворяне, не платившіе въ силу своего происхожденія поголовнаго налога, получали во Франціи ежегодный пенсіонъ отъ 1000 до 2000 ливровъ, если имѣли отъ 10 до 12 законныхъ дѣтей, изъ коихъ никто не пошелъ въ духовное званіе; буржуа, платившіе поголовный налогъ, получали половину этой суммы.

Въ силу тѣхъ же популяціонистскихъ стремленій правительствъ даже внѣбрачныя рожденія до извѣстной степени поощрялись: такъ въ Испаніи, вслѣдствіе сильнаго ея обезлюденія въ XVII-мъ столѣтіи благодаря голоду и эпидеміи, закономъ было

постановлено, что нѣтъ никакого позора въ томъ, если дѣвушка родитъ до полдюжины дѣтей.

Фридрихъ Великій циркуляромъ отъ 20 іюня 1746-го года отмѣнилъ публичное церковное покаяніе для родившихъ внѣ брака, считая соединенный съ этимъ стыдъ главной причиной умерщвленія дѣтей, а эдиктомъ отъ 8-го февраля 1765 года подъ страхомъ наказанія воспретилъ преслѣдовать упреками забеременѣвшихъ внѣ брака.

Въ тѣхъ же цѣляхъ сохраненія и увеличенія народонаселенія учреждались въ то время во многихъ мѣстахъ воспитательные дома не только для внѣбрачныхъ, но и для брачныхъ дѣтей бѣдныхъ родителей.

Б. Поощреніе иммиграціи, какъ выше было упомянуто, считалось также однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ для умноженія населенія.

Въ силу испанскаго эдикта 1623-го года всѣ иностранцы, переселявшіеся въ Испанію и заявлявшіе желаніе заниматься земледѣліемъ или какимъ-либо ремесломъ, освобождались отъ налоговъ [1]).

Когда въ 1685-мъ году былъ отмѣненъ во Франціи Нантскій эдиктъ, бѣжавшіе изъ отечества французскіе протестанты встрѣтили пріемъ въ Голландіи, Англіи, Пруссіи и другихъ государствахъ не только по сочувствію къ нимъ, какъ страдальцамъ за вѣру, но и въ силу господства вышеизложенныхъ популяціонистскихъ теорій и основанной на нихъ политики народонаселенія.

Голландія даровала тогда французскимъ эмигрантамъ натурализацію, въ силу которой они приравнивались къ кореннымъ гражданамъ республики и наравнѣ съ ними получали право вступать въ цехи ремесленниковъ и торгово-промышленныя компаніи; въ видѣ пособія имъ было выдано въ три пріема 312.000 гульденовъ изъ государственной казны, помимо пожертвованій въ ихъ пользу со стороны частныхъ лицъ. Тѣ изъ французовъ, которые были въ состояніи обзавестись здѣсь домами, освобождались отъ уплаты половины налоговъ, падавшихъ на этотъ видъ собственности. „Однимъ словомъ“, писалъ своему правительству русскій посолъ въ Гагѣ графъ Головкинъ,—„великое милосердіе отъ здѣшнихъ жителей показано и еще понынѣ (1752 г.) продолжается ко всѣмъ гонимымъ французамъ, равно же и въ дру-

---

[1]) Тамъ же, 95 — 100 ст. (Популяціонная политика въ періодъ господства меркантильной системы“).

гихъ здѣшнихъ провинціяхъ всякое щедрое попеченіе о нихъ было и еще продолжается“ [1]).

Не менѣе гостепріимно были приняты французскіе эмигранты и въ Англіи, гдѣ около половины XVIII-го столѣтія ихъ насчитывалось уже до полутораста тысячъ человѣкъ. И правительство, и общество принимали горячее участіе въ ихъ судьбѣ. Король Іаковъ II разрѣшилъ производить во всѣхъ англійскихъ церквахъ сборъ пожертвованій въ пользу эмигрантовъ; такимъ образомъ въ теченіе двухъ лѣтъ было собрано 70.000 фунтовъ стерлинговъ, которые отчасти пошли на наемъ для эмигрантовъ квартиръ и устройство церквей, отчасти были розданы имъ въ видѣ милостыни и пособій на обзаведеніе. Особенно же много вниманія и заботъ удѣлялъ французскимъ эмигрантамъ король Вильгельмъ III, по настоянію котораго парламентъ опредѣлилъ ежегодно выдавать изъ liste civile сумму въ распоряженіе особой коммиссіи для раздачи бѣднѣйшимъ изъ нихъ.

Ни въ Голландіи, ни въ Англіи, вслѣдствіе густой населенности этихъ странъ, эмигрантамъ не было отведено для поселенія особыхъ земель: всѣ они поселились въ существовавшихъ уже городахъ и селеніяхъ и занялись преимущественно ремеслами и работой на фабрикахъ и заводахъ, при чемъ не замедлили оказать свое благотворное вліяніе на эти отрасли народнаго труда. Благодаря французскимъ эмигрантамъ въ этихъ странахъ возникаютъ новые виды обрабатывающей промышленности, главнымъ же образомъ совершенствуются уже существующіе: французы вносятъ въ эти послѣдніе свой тонкій художественный вкусъ, свойственное имъ чувство изящнаго [2]).

Болѣе широкая постановка дѣлу иммиграціи дана была въ Пруссіи. Здѣсь популяціонистскія теоріи находили наиболѣе благопріятную почву для своего примѣненія, сами до извѣстной степени являясь продуктомъ мѣстныхъ условій.

Исходнымъ пунктомъ гогенцоллернской колонизаціи явилось то положеніе, въ которомъ очутилась сѣверо-восточная Германія и въ частности прусскія области (Бранденбургъ, Померанія и Восточная Пруссія) послѣ тридцатилѣтней войны. Населеніе убавилось наполовину, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осталась лишь не-

---

[1]) Московск. Главн. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ: „Дѣло по проектамъ: а) бригадира Делафонта — о призывѣ въ Россію на поселеніе изгнанныхъ за вѣру французской націи купцовъ и мастеровыхъ людей и б) генерала Вейсбаха—о вызовѣ Бранденбургскихъ подданныхъ и о поселеніи ихъ около Украинской линіи“.

[2]) Тамъ же: реляція графа Чернышева изъ Лондона отъ 29 января 1753 г.

значительная часть его прежняго состава. Страна запустѣла: „пашни стали лѣсами“, „сотни и тысячи гуфъ одѣлись верескомъ и низкимъ тернистымъ кустарникомъ, плотины разрушились, луга заболотились“. У оставшагося населенія, обремененнаго долгами и недоимками, не доставало ни силъ, ни энергіи для возстановленія прежняго благосостоянія; оно расходилось въ разныя стороны (частію осѣдало въ городахъ), а его земли захватывали дворяне, хищные поставщики арміи, офицеры и военные коммиссары, положившіе основаніе цѣлому ряду латифундій, въ особенности въ Укермаркѣ, Помераніи и т. д.

Тяжесть положенія въ правленіе Великаго курфюрста Фридриха Вильгельма (1640—1688) усугублялась большими налогами и бѣдствіями новой войны — шведско-польской, когда съ осени 1656-го по конецъ зимы 1657-го года были сожжены 13 городовъ, 249 мѣстечекъ, дворовъ и деревень съ 37 церквами, 23.000 человѣкъ перебиты и 34.000 уведены, какъ рабы. Всюду возрастала нищета, появился моръ среди скота и лошадей; голодовкѣ сопутствовали заразительныя болѣзни, отъ которыхъ умерло 80.000 человѣкъ; Пруссія походила на пустыню. Шведскія нападенія на Марку и Пруссію въ 1674—1679 гг. снова неблагопріятно отразились на положеніи страны, а въ послѣдующіе годы XVII-го столѣтія хозяйничала чума въ различныхъ частяхъ владѣній Гогенцоллерновъ.

Но особенно тяжко поразила чума прусское государство въ началѣ слѣдующаго XVIII-го столѣтія. „Говорятъ, треть населенія погибла тамъ отъ чумы 1709 и 1710 годовъ. Въ одномъ Кёнигсбергѣ въ теченіе 1-го года умерло 18.000 человѣкъ. Больше всего была поражена Литва. Число жертвъ во всей провинціи изчислялось въ 200.000, а Зюсмильхомъ даже въ 250.000. Между тѣмъ все населеніе этой провинціи до того времени едва превышало 600.000 человѣкъ. По извѣстіямъ современниковъ, на разстояніи нѣсколькихъ миль не встрѣчали ни одного человѣка. Цѣлыя деревни вымерли, скотъ и лошади блуждали по полямъ безъ присмотра и отъ недостатка въ уходѣ большею частію погибали“.

Хотя въ послѣдующіе годы прусскому государству и не приходилось переживать подобныхъ чумныхъ годовъ, но другія заразительныя болѣзни, какъ-то: кровавый поносъ, корь и оспа уносили множество жертвъ; не мало женщинъ умирало отъ родовъ; голодные годы свирѣпствовали не разъ и, конечно, не проходили безслѣдно для населенія. Наконецъ, семилѣтняя война снова вызвала уменьшеніе населенія въ прусскихъ владѣніяхъ:

Померанія потеряла около 10% населенія, а Новая Марка около 5%[1]).

При такихъ условіяхъ трудно было разсчитывать на естественный приростъ населенія: могла помочь только иммиграція въ большихъ размѣрахъ. Популяціонистская точка зрѣнія и сдѣлалась руководящей для всей колонизаціонной политики Гогенцоллерновъ[2]).

Въ Пруссіи „нужно дѣлать различіе между *колоніальнымъ правомъ* для мѣстной колонизаціи въ собственномъ смыслѣ и *общимъ правомъ колонизаціи*. Первое, основываясь на колонизаціи въ формѣ общинъ", беретъ свое начало съ манифеста Великаго курфюрста Фридриха Вильгельма, изданнаго 29 октября 1685 года и обращеннаго къ французскимъ протестантамъ; второе, касавшееся отдѣльныхъ лицъ, подробно и на широкихъ началахъ было регулировано главнымъ образомъ при Фридрихѣ II[3]).

Упомянутый манифестъ Великаго курфюрста гласилъ слѣдующее[4]):

Мы, Фридрихъ Вильгельмъ, Божіею милостію и пр. объявляемъ во всеобщее свѣдѣніе, что послѣ жестокихъ преслѣдованій и суровыхъ мѣръ, которыя съ нѣкотораго времени примѣнялись въ королевствѣ Франціи къ нашимъ единовѣрцамъ, исповѣдующимъ нашу евангелическо-реформатскую религію, многія семьи были вынуждены взяться за посохъ и отправиться изъ названнаго королевства въ другія страны, по сему изъ справедливаго состраданія, которое мы должны имѣть къ этимъ нашимъ единовѣрцамъ, притѣсненнымъ за св. Евангеліе и чистое его ученіе, мы побуждены посредствомъ этого нами собственноручно подписаннаго указа милостиво предложить имъ („этимъ самымъ") безопасный и свободный доступъ во всѣ наши земли и провинціи и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ объявить, какія права, привилегіи и преимущества мы всемилостивѣйше намѣрены имъ даровать, что-бы этимъ до нѣкоторой степени облегчить и сдѣлать болѣе споснымъ великое бѣдствіе и горе, которое Всевышнему угодно было премудрымъ и неисповѣдимымъ Промысломъ Своимъ послать значительной части своей церкви.

1.

Что-бы всѣ тѣ, которые рѣшатся поселиться въ нашихъ земляхъ, имѣли тѣмъ наибольшее удобство туда добраться и доѣхать, мы приказали нашему чрезвычайному посланнику у господъ генеральныхъ шта-

[1]) Въ Помераніи населеніе сократилось съ 368.996 душъ на 339.147, а въ Новой Маркѣ съ 219.362 на 209.808.

[2]) Die preussische Kolonisation des 17 und 18 jahrhunderts. Von Gustav Schmoller, 4—6 (Schriften des Vereins für Socialpolitik, XXXII).

[3]) Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи, 100—101 стр.

[4]) Въ виду важности этого памятника считаемъ не лишнимъ привести его полностію въ дословномъ русскомъ переводѣ.

товъ соединенныхъ Нидерландовъ фонъ-Дисту и нашему коммиссару Ромсвинкелю въ Амстердамѣ всѣмъ этимъ французскимъ людямъ той религіи, которые сдѣлаютъ имъ заявленіе, доставить корабли и все другое необходимое, чтобы отправить ихъ и ихъ семьи изъ Голландіи въ Гамбургъ, гдѣ нашъ надворный совѣтникъ и резидентъ въ нижне-саксонскомъ округѣ фонъ-Герикенъ доставитъ имъ всякія облегченія и удобства, въ которыхъ они будутъ нуждаться, чтобы достигнуть мѣста, которое они выберутъ въ нашихъ земляхъ для своего водворенія.

2.

Что касается тѣхъ, которые захотятъ отправиться въ наши земли черезъ Седанъ — изъ Шампани, Лотарингіи, Бургундіи и изъ южныхъ французскихъ провинцій, не проѣзжая черезъ Голландію, то они должны направиться на Франкфуртъ на Майнѣ и тамъ-же сдѣлать заявленіе нашему совѣтнику и резиденту Меріану, или въ Кельнѣ на Рейнѣ нашему агенту Лели, въ виду того, что онымъ обоимъ мы приказали споспѣшествовать имъ деньгами, паспортами и кораблями и препроводить ихъ внизъ по Рейну до нашего герцогства Клеве, гдѣ наше правительство позаботится, что-бы они были поселены въ нашихъ Клевскихъ или Маркскихъ земляхъ, или, если они намѣрены направиться далѣе въ наши провинціи, были снабжены всѣмъ потребнымъ и необходимымъ на сей предметъ.

3.

Поелику наши земли не только обильно и щедро снабжены всѣмъ необходимымъ, что̀ требуется для пропитанія, но и удобны для учрежденія разныхъ мануфактуръ и торговаго обмѣна на водѣ и сушѣ, то мы тѣмъ, которые тамъ поселятся, на самомъ дѣлѣ предоставляемъ свободу избрать себѣ то мѣсто, которое они найдутъ наиболѣе удобнымъ для своей профессіи и образа жизни въ нашемъ герцогствѣ Клеве, въ графствахъ Маркѣ и Равенсбергѣ, въ княжествахъ Гальберштадтѣ и Минденѣ или также въ герцогствѣ Магдебургѣ, въ курфиршеской маркѣ—Бранденбургѣ и герцогствахъ Помераніи и Пруссіи. И считая, что въ упомянутой нашей курфиршеской маркѣ Бранденбургѣ города Стендаль, Вербенъ, Ратеновъ, Бранденбургъ и Франкфуртъ, а въ герцогствѣ Магдебургскомъ города—Магдебургъ, Галле и Кальбе, какъ и въ Пруссіи городъ Кенигсбергъ являются для нихъ наиболѣе удобными, какъ потому, что̀ тамъ весьма дешево жить, такъ и по случаю легкости добыванія средствъ къ жизни и устройства ремесла, мы приняли мѣры и симъ и въ силу сего приказываемъ, коль скоро пріѣдутъ туда нѣкоторые изъ упомянутыхъ евангелическо-реформатскихъ французскихъ людей, чтобы оные тогда были хорошо приняты и чтобы имъ по возможности доставили все то, что̀ имъ нужно будетъ для ихъ водворенія. При семъ мы все-таки предоставляемъ свободному ихъ выбору избирать и сверхъ того, кромѣ упомянутыхъ городовъ, всѣ мѣста въ нашихъ провинціяхъ для своего водворенія, которыя они въ виду своей профессіи и занятія сочтутъ для себя наиболѣе удобными.

4.

То движимое имущество, а также купеческіе и другіе товары, которые они привезутъ при своемъ пріѣздѣ, должны быть освобождены отъ всѣхъ налоговъ, пошлинъ, акцизовъ и тому подобнаго таможеннаго обложенія, какого-бы то ни было наименованія, и не должны быть никоимъ образомъ обложены ими.

5.

Если въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ, гдѣ поселятся неоднократно упомянутые люди той религіи и устроятъ свое жилище, найдется нѣсколько развалившихся, пустыхъ и разрушенныхъ домовъ, собственники которыхъ не въ состояніи были-бы возобновить и отстроить ихъ, то мы оные предоставляемъ упомянутымъ нашимъ французскимъ единовѣрцамъ, имъ и ихъ наслѣдникамъ и наслѣдникамъ наслѣдниковъ, и отдаемъ въ собственность, при чемъ также объявляемъ, что прежніе собственники должны получить вознагражденіе соотвѣтственно стоимости упомянутыхъ домовъ, и оные должны быть вполнѣ освобождены отъ всѣхъ повинностей (oneribus), ипотекъ и контрибуціонныхъ взысканій и тому подобныхъ долговъ, которые прежде лежали на нихъ.

Равнымъ образомъ мы имъ безвозмедно доставляемъ также лѣсной матеріалъ, известь и другіе матеріалы, которые имъ понадобятся для поправки подобныхъ пустыхъ домовъ, и предоставляемъ имъ шестилѣтнее освобожденіе отъ всѣхъ податей, постоевъ и другихъ общественныхъ повинностей какого-бы то ни было названія, и постановляемъ, что обитатели ихъ не должны ничего уплачивать въ теченіе 6-ти лѣтнихъ привилегій, кромѣ акциза съ предметовъ потребленія.

6.

Въ тѣхъ городахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ находятся нѣкоторыя пустопорожнія земли, мы точно также отдаемъ приказанія, чтобы оныя вмѣстѣ со всѣми принадлежащими садами, лугами, пашнями и пастбищами были отданы нашимъ евангелическо-реформатскимъ единовѣрцамъ французской націи не только въ личное и потомственное владѣніе, но и съ освобожденіемъ отъ всѣхъ лежащихъ на нихъ повинностей и податей.

Такимъ-же образомъ мы дѣлаемъ распоряженіе безвозмездно отпускать всѣ тѣ матеріалы, которые понадобятся означеннымъ людямъ для застройки этихъ мѣстъ, а построенные ими вновь дома вмѣстѣ съ ихъ обитателями въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ не облагать никакими повинностями, кромѣ вышеупомянутаго акциза съ предметовъ потребленія. А поелику мы всемилостивѣйше склонны способствовать сколь возможно облегченію, чтобы упомянутые наши единовѣрцы были водворены и поселены въ нашихъ земляхъ, то мы отдали всемилостивѣйшее приказаніе магистратамъ и другимъ чинамъ въ названныхъ нашихъ провинціяхъ нанять въ каждомъ городѣ нѣсколько домовъ, куда должны быть помѣщены упомянутые французскіе люди при своемъ прибытіи, и заплатить за наемъ помѣщеній для ихъ семей въ продолженіе четырехъ лѣтъ,

однако съ тѣмъ условіемъ, чтобы тѣ мѣста, которыя имъ достанутся на вышеупомянутыхъ кондиціяхъ, они позаботились со временемъ застроить.

7.

Коль скоро упомянутые выше наши единовѣрцы французской націи евангелическо-реформатскаго исповѣданія поселятся въ какомъ-либо городѣ или мѣстечкѣ, то имъ должны быть предоставлены обычныя тамъ права горожанъ и ремесленниковъ безвозмездно и безъ взиманія всякихъ налоговъ, и дарованы имъ преимущества и права, которыми пользуются и обладаютъ наши подданные, живущіе и родившіеся въ тѣхъ мѣстахъ. Равномѣрно мы желаемъ, чтобы они были освобождены отъ такъ называемаго „droit d'aubaine“ и другихъ подобныхъ налоговъ, которыми обыкновенно облагаются иностранцы въ другихъ королевствахъ, странахъ и республикахъ, а также чтобы съ ними обращались точно такъ-же, какъ съ нашими собственными природными подданными.

8.

Тѣ, которые пожелаютъ основать мануфактуры суконъ, матерій, шляпъ, смотря по ихъ профессіи, мы снабдимъ не только всѣми требуемыми на сей случай вольностями, привилегіями и милостями, но и позаботимся и примемъ мѣры, чтобы имъ оказали по мѣрѣ возможности помощь и поддержку деньгами и другимъ необходимымъ, чтò имъ потребуется для осуществленія своего намѣренія.

9.

Тѣмъ, кто поселится въ деревнѣ и пожелаетъ заняться земледѣліемъ, повелѣваемъ отвести участокъ земли для обработки и предоставить имъ все, чтò имъ понадобится для обзаведенія, а также обращаться съ ними и помогать имъ такимъ-же образомъ, какъ до сихъ поръ водилось съ разными семействами, которыя изъ Швейцаріи переселились въ нашу страну и здѣсь водворились.

10.

Что касается юрисдикціи и разрѣшенія недоразумѣній и споровъ, которые могутъ произойти между часто упоминаемыми (многократно упомянутыми) французскими семействами, то мы всемилостивѣйше снисходимъ и соизволяемъ, чтобы въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣются различныя французскія семейства, оныя избирали кого-либо изъ своей среды, кто будетъ уполномоченъ, улаживать миромъ подобныя разногласія безъ всякихъ формальностей и проволочекъ. Если-же подобныя недоразумѣнія произойдутъ между нѣмцами съ одной и французами съ другой стороны, то оныя должны быть совмѣстно изслѣдованы и сообща рѣшены по закону мѣстнымъ магистратомъ и тѣми, кого французская нація изберетъ своимъ третейскимъ судьей, чтò должно послѣдовать и въ томъ случаѣ, когда разногласія, происшедшія между одними французами, вышеупомянутымъ способомъ не могутъ быть улажены.

11.

Въ каждомъ городѣ мы согласны содержать для вышеупомянутыхъ нашихъ французскихъ единовѣрцевъ особаго священника, а также согласны отвести удобное мѣсто, гдѣ должно происходить отправленіе церковной службы реформатскаго исповѣданія на французскомъ языкѣ и богослуженіе со всѣми тѣми обрядами и торжественностью, какъ до сихъ поръ было принято у евангелическо-реформатскихъ церквей во Франціи.

12.

Подобно тому, какъ тѣ изъ французской знати, которые до сего времени перешли подъ наше покровительство и на нашу службу, пользуются тѣми-же почестями, достоинствами и преимуществами, какъ другіе наши подданные изъ дворянъ, и какъ мы уже многихъ изъ нихъ назначили на важнѣйшія почетныя должности при нашемъ дворѣ и въ нашемъ войскѣ, такъ мы всемилостивѣйше намѣрены оказывать подобную-же милость и поощреніе тѣмъ французамъ изъ дворянъ, которые пожелаютъ и впредь поселиться въ нашихъ земляхъ, и допускать ихъ ко всѣмъ должностямъ, службамъ и достоинствамъ, къ которымъ они окажутся способными, такъ что оные, если они купятъ и пріобрѣтутъ лены и другія дворянскія имѣнія въ нашихъ земляхъ, будутъ пользоваться при этомъ точно такимъ-же образомъ тѣми-же правами, преимуществами, вольностями и льготами, какими пользуются другіе наши природные подданные.

13.

Всѣ права, привилегіи и другія благодѣянія, которыя помянуты въ вышеозначенныхъ пунктахъ и артикулахъ, должны быть предоставлены (буквально: „пойти во благо") не только тѣмъ, которые впредь прибудутъ въ наши земли, но и всѣмъ тѣмъ, которые до объявленія сего указа спаслись бѣгствомъ изъ Франціи изъ-за бывшихъ до настоящаго времени религіозныхъ преслѣдованій и нашли убѣжище въ нашихъ странахъ; приверженцы же католической религіи никоимъ образомъ не должны предъявлять притязаній на подобныя-же права.

14.

Во всѣхъ нашихъ странахъ и провинціяхъ мы назначимъ извѣстныхъ коммиссаровъ, къ которымъ много разъ упомянутые французскіе люди какъ при своемъ прибытіи, такъ и впослѣдствіи могутъ обращаться за совѣтомъ и за помощью. Посему мы всѣмъ нашимъ намѣстникамъ, правленіямъ, а также другимъ должностнымъ и начальствующимъ лицамъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, во всѣхъ нашихъ провинціяхъ, какъ въ силу этого нашего публичнаго указа, такъ и въ силу особыхъ распоряженій, всемилостивѣйше и строжайше приказываемъ, что-бы они всѣмъ неоднократно упомянутымъ нашимъ евангелическо-реформатскимъ единовѣрцамъ, сколько-бы ихъ ни явилось въ наши страны, всѣмъ и каждому оказывали особую защиту и покровительство и настоятельно

блюли за всѣми вышеупомянутыми всемилостивѣйше дарованными имъ привилегіями, и никоимъ образомъ не допускали, чтобы имъ было причинено малѣйшее зло, неправда или досажденіе, но чтобы напротивъ имъ была оказана всякая помощь, дружба и добро.

На подлинномъ Мы собственноручно подписали сей указъ и велѣли приложить къ нему всемилостивѣйшую печать.

Дано въ Потсдамѣ 29 октября 1685 года.

Предлагаемыя въ этомъ манифестѣ французскимъ Réfugiés привилегіи и льготы Бегеймъ - Шварцбахъ, авторъ извѣстной работы „Hohenzollernsche Colonisationen", резюмируетъ слѣдующимъ образомъ:

иммигрантамъ обѣщаются: 1) облегченіе и помощь во время пути и 2) указаніе пути; 3) имъ предоставляется выборъ мѣста поселенія въ земляхъ—Клеве, Маркѣ, Равенсбергѣ или Магдебургѣ, Гальберштадтѣ, Бранденбургѣ и Помераніи—какіе города они сами изберутъ, въ герцогствѣ Прусскомъ—Кёнигсбергъ; 4) все ихъ имущество, мебель, товары и тому подобное, должно быть освобождено отъ всякой пошлины; 5) пришедшіе въ упадокъ, пустые или брошенные дома, не имѣющіе состоятельныхъ владѣльцевъ, передаются имъ въ наслѣдственную собственность, владѣльцевъ-же вознаградитъ Курфюрстское правительство; или (иммигранты) получатъ также всякаго рода строительный матеріалъ для починки домовъ и будутъ освобождены на шесть лѣтъ отъ всякихъ налоговъ и повинностей, за исключеніемъ налоговъ на предметы потребленія; 6) въ городахъ и другихъ селеніяхъ, гдѣ найдутся удобныя для постройки мѣста, таковыя вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ садами, должны быть отведены иммигрантамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдніе получаютъ строительный матеріалъ и десятилѣтнюю свободу отъ податей; 7) водворившимся будетъ безвозмездно дано право гражданства и цеховой организаціи, и они не будутъ подвержены дѣйствію существующаго на ихъ родинѣ права Droit d'Aubaine; 8) фабрикантамъ и мануфактуристамъ кромѣ того будетъ оказана поддержка деньгами и всѣмъ необходимымъ для обзаведенія; 9) земледѣльцы получатъ землю для воздѣлыванія, какъ раньше швейцарцы; 10) правосудіе réfugiés могутъ производить между собою черезъ третейскаго судью; при спорахъ съ нѣмцами приговоръ постановляетъ мѣстный магистратъ при участіи одного француза; 11) въ каждомъ городѣ для нихъ содержится пасторъ и имъ отводится мѣсто для отправленія богослуженія; 12) французскіе дворяне могутъ занимать любое мѣсто, какое пожелаютъ и къ ка-

кому окажутся способны, и, если пріобрѣтутъ помѣстье, сравняться во всѣхъ преимуществахъ съ мѣстнымъ дворянствомъ; 13) всѣ эти преимущества имѣютъ силу и по отношенію къ ранѣе переселившимся французамъ, преслѣдуемымъ ради ихъ вѣры; 14) во всѣхъ провинціяхъ назначаются коммиссары, къ которымъ могутъ обращаться réfugiés какъ при своемъ водвореніи, такъ и впослѣдствіи [1]).

На этихъ условіяхъ переселилось въ Прусскія владѣнія до 20.000 французскихъ гугенотовъ, представлявшихъ цвѣтъ своей націи.

За ними послѣдовало переселеніе швейцарцевъ (отъ 6000 до 7000 человѣкъ въ періодъ времени съ 1685 по 1738 гг.), эмигрантовъ изъ Пфальца (7000 человѣкъ) въ силу грамоты отъ 15 мая 1788-го года, протестантскихъ подданныхъ изъ Зальцбургскаго архіепископства (20.000 человѣкъ) и изъ Богеміи [2]).

Всѣ эти эмигранты переселялись цѣлыми общинами на основахъ колоніальнаго права, яркимъ выразителемъ коего является приведенный выше манифестъ Великаго курфюрста.

Но и отдѣльныя лица и семейства изъ иностранцевъ, переселявшіяся въ Пруссію, радушно встрѣчались правительственною властью.

Въ силу общаго положенія объ иммигрантахъ, иностранные колонисты получали денежную помощь со стороны прусскаго правительства уже во время пути въ свое новое отечество, [3]) пользовались казенными подводами, освобождались отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ за привозимое ими имущество и отъ несенія государственныхъ и общественныхъ повинностей въ теченіе иногда 15 лѣтъ (отъ 2-хъ до 15 лѣтъ), со дня водворенія, а также отъ вербовки и несенія воинской повинности въ теченіе трехъ поколѣній. Иностранные мастера безплатно зачислялись въ цехи; иностранные купцы, художники, ремесленники и рантье освобождались на три года отъ всякихъ государственныхъ податей и налоговъ. Въ случаѣ надобности имъ выдавались ссуды и другого рода пособія, сообразно съ родомъ дѣятельности каждаго. На постройку домовъ

---

[1]) Hohenzollernsche Colonisationen. Ein Beitrag zu der Geschichte des preussischen Staates und der Colonisation des östlichen Deutschlands von Dr. Max Beheim-Schwarzbach. Leipzig 1874, 53—54.

[2]) Die preussische Kolonisation des 17 und 18 jahrhunderts. Von Gustav Schmoller. Schriften des Vereins für Socialpolitik. XXXII, 15.

[3]) „По числу головъ и разстоянію въ миляхъ (2 гроша на голову и милю").

переселенцамъ часто выдавался лѣсъ или оказывалось денежное вспомоществованіе и совершенно безвозмездно отводились для этой цѣли участки земли: лишь по прошествіи 15 или 20 лѣтъ они должны были уплачивать за нихъ небольшой оброкъ [1]).

Такъ-какъ туземное прусское населеніе относилось недружелюбно къ иностраннымъ колонистамъ [2]), то Фридрихъ Великій рядомъ указовъ пытался положить этому предѣлъ. Онъ безусловно требовалъ, „чтобы всѣ пріѣзжающіе чужестранцы хорошо принимались, каждымъ учтиво и дружески встрѣчались и имъ оказывалось всякое содѣйствіе при ихъ водвореніи; безъ исключенія и безъ различія религіи они должны быть принимаемы хорошо и охраняемы заботливо; кто будетъ затруднять водвореніе иностранцевъ или вздумаетъ дѣлать имъ непріятности, будетъ заключенъ въ крѣпость“ [3]).

Бережливое прусское правительство не жалѣло денегъ на привлеченіе иностранцевъ и колонизацію страны: водвореніе каждой колонистской семьи обходилось ему отъ 400 до 600 талеровъ, и за одно царствованіе Фридриха II истрачено было на колонизацію до 25 милліоновъ талеровъ.

Результаты этой политики были поразительные: съ 1640-го по 1786 годъ (годъ смерти Фридриха II) въ Пруссію переселилось свыше 500.000 душъ, что̀ составило до 10% всего населенія, которое въ Пруссіи въ 1786-мъ году исчислялось въ 5.500.000 душъ. Однимъ Фридрихомъ II было основано до 900 колонистскихъ деревень и еще бо̀льшее число мелкихъ колонистскихъ поселковъ и обзаведеній.

Особенно важное значеніе эта колонизаціонная политика правительства имѣла для пяти прусскихъ провинцій—Восточной и Западной Пруссіи, Помераніи (кромѣ Штральзунда), Бранденбурга и Силезіи, гдѣ пришлый элементъ образовалъ отъ 30 до 40 тысячъ крестьянскихъ дворовъ, обзаведшихся лошадьми, и отъ 100 до 20 тысячъ мелкихъ крестьянскихъ участковъ, при чемъ для обѣихъ категорій колонистовъ преимущественно отъ казны было предоставлено отъ $2^1/_2$ до 3 милліоновъ моргеновъ земли [4]).

---

[1]) Schmoller. Die preussische Kolonisation des 17 und 18 Jahrhunderts, 35; „Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи“, 101 стр.

[2]) То-же самое мы наблюдаемъ въ Венгріи, Даніи и Россіи (особенно въ Поволжьи).

[3]) Beheim—Schwarzbach. Hohenzollernsche Colonisationen, 267.

[4]) A. Meitzen und Fr. Grossmann. Der Boden und die landwirthschaflichen Verhältnisse des preussischen Staates. B. VI, 333—335.

Отъ Пруссіи, въ дѣлѣ поощренія иммиграціи, старалась не отступать соперничавшая съ нею Австрія, въ особенности при Маріи-Терезіи и Іосифѣ II. Иммигранты принимались въ Габсбургскія владѣнія на довольно заманчивыхъ условіяхъ:

1) имъ давалась земля и матеріалъ на постройку усадьбы (денегъ на руки не выдавалось);

2) они освобождались: а) отъ денежныхъ повинностей—на 10 лѣтъ, б) отъ натуральныхъ—на 3 года, в) отъ рекрутчины—сами они и ихъ сыновья, д) отъ платежа обычнаго налога, въ случаѣ желанія эмигрировать обратно;

3) иностраннымъ ремесленникамъ оказывалось всякое содѣйствіе при отысканіи ими пристанища, а разрѣшеніе на право быть мастеромъ выдавалось безплатно.

Сверхъ того, изданный Іосифомъ II въ 1781-мъ году эдиктъ о вѣротерпимости („Toleranzpatent“ отъ 3 октября 1781 года) давалъ и не принадлежавшимъ къ католической церкви иммигрантамъ право покупать дома и имѣнія, зачисляться въ граждане и мастера, пріобрѣтать академическое достоинство и служить на гражданской службѣ.

Охотниковъ иммигрировать въ Габсбургскія земли находилось не мало, особенно изъ юго-западной Германіи. Іозефинскіе публицисты (изъ школы Зонненфельса) нелицемѣрно радовались, констатируя тотъ фактъ, что „каждое лѣто на Дунаѣ видно множество баржъ, наполненныхъ переселенцами—мужчинами, дѣтьми и женщинами; послѣднія всѣ здоровы, а многія изъ нихъ даже беременны“... Потокъ иммигрантовъ, прибывавшій въ Вѣну, направлялся правительствомъ преимущественно въ Венгрію, о чемъ единогласно свидѣтельствуютъ и иностранные дипломаты[1]), и мѣстные газетные корресподенты и самая многочисленность комитатскихъ жалобъ по этому поводу. Въ 1786 г. въ одной Трансильваніи было основано до 33 нѣмецкихъ деревень. Впрочемъ и другія области, не входившія въ составъ Венгріи, не были избавлены отъ наплыва нѣмецкаго элемента: въ Галиціи въ промежутокъ между 1782 и 1786 г. было водворено до 20.000 иммигрантовъ обоего пола, и тамъ-же графъ Замойскій удостоился императорской благодарности за водвореніе на своихъ земляхъ 80 семействъ нѣмецкихъ колонистовъ.

---

1) См. между прочимъ реляцію русскаго посланника Симолина изъ Регенсбурга отъ 30 марта/10 апрѣля 1764 г.—Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д: „о колонистахъ“.

Туземное населеніе относилось къ пришельцамъ еще болѣе враждебно, чѣмъ въ Пруссіи и въ общемъ результаты иностранной колонизаціи въ Габсбургскихъ земляхъ получились ничтожные [1]).

Стремленіе увеличить свое населеніе иностранными выходцами коснулось и небольшого датскаго королевства.

Такъ-какъ вслѣдствіе населенности страны свободныхъ и удобныхъ къ колонизаціи земель не имѣлось въ Даніи, то иммиграціи иностранцевъ датское правительство могло поставить двѣ задачи: 1) развитіе промышленности,—устройство фабрикъ и заводовъ, открытіе новыхъ ремесленныхъ заведеній (иммиграція въ города) и 2) обработку впустѣ лежащихъ, мало удобныхъ къ воздѣлыванію, болотистыхъ и песчаныхъ, покрытыхъ верескомъ пространствъ.

Попытка привлечь иммигрантовъ, способныхъ осуществить первую задачу, была сдѣлана манифестомъ датскаго короля Фридриха V отъ 29 ноября 1748 г. Манифестъ былъ напечатанъ въ № 1-мъ „Регенсбургской газеты“ за 1749 г. и давалъ слѣдующія права и преимущества иностраннымъ переселенцамъ:

1. Всѣ *иностранцы*, принесшіе королю присягу въ вѣрности, пользуются одинаковыми правами съ природными датскими подданными и, сверхъ того, *освобождаются* на 20 лѣтъ отъ платежа сборовъ съ торговли и промысловъ, отъ военно-постойнаго налога и поголовныхъ денегъ, да и вообще *отъ всѣхъ податей*, какъ-бы онѣ ни назывались. Исключеніе составляютъ лишь акцизъ, налогъ на съѣстные припасы и таможенныя пошлины съ товаровъ, привозимыхъ иностранными поселенцами какъ для торговли, такъ и для собственнаго употребленія,—отъ всѣхъ этихъ видовъ косвеннаго обложенія иностранные переселенцы не освобождаются.

2. Впрочемъ, имъ дозволяется безпошлинно привезти съ собою въ Данію свои пожитки и разные предметы, какъ-то серебряныя вещи, столовую посуду, обои, картины, вина, но только для своего домашняго обихода, а отнюдь не на продажу; равнымъ образомъ безпошлинно-же они могутъ провозить изъ-за границы необходимые для ихъ „художества или ремесла“ инструменты и сырые матеріалы, какъ-то: шерсть, шелкъ и проч., объявляя эти товары въ подлежащихъ мѣстахъ и получая на нихъ пропускныя свидѣтельства. Переселенцы получаютъ особые паспорты, и коро-

---

[1]) П. Митрофановъ. Политическая дѣятельность Іосифа II, ея сторонники и ея враги (1780—1790). СПБ. 1907, 392—393; 437 стр.; См. также стр. 390. Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи, 101—102 стр.

левскимъ чиновникамъ запрещается требовать съ нихъ что-либо подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ.

3. Всѣ зданія, каменныя и деревянныя, старыя и новыя, въ которыхъ переселенцами будетъ производиться выдѣлка мануфактурнаго товара (какъ-то: суконъ, дрогетовъ, саржъ, фризовъ и другихъ шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, а также парусины и подобныхъ ей видовъ полотна, доселѣ не выдѣлываемыхъ въ Даніи), освобождаются отъ военно-постойнаго налога на восемь лѣтъ. Хозяевамъ такихъ дворовъ не позволяется, поэтому, поднимать наемной платы. Освобожденіе отъ налога производится коммерцъ-коллегіей по заявленію предпринимателя, устраивающаго фабрику [1]).

4. Тѣ изъ иммигрантовъ, которые въ Копенгагенѣ или другихъ городахъ выстроятъ каменные дома „съ простѣнками, о трехъ или двухъ аппартаментахъ по улицѣ", освобождаются отъ уплаты военно-постойнаго налога въ теченіи 8—10 лѣтъ, считая льготные годы съ того времени, какъ домъ окончательно будетъ отдѣланъ для жилья. Да и вообще всѣмъ, кто будетъ производить, какія бы-то ни было постройки, будутъ оказываться всякія облегченія и льготы, смотря по постройкѣ.

5. Если иностранные поселенцы, обосновавшіеся въ Копенгагенѣ, въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ пожелаютъ переселиться въ другіе датскіе города или провинціи или вовсе покинуть Данію, то они не платятъ со своихъ пожитковъ никакихъ вычетныхъ денегъ. Равнымъ образомъ наслѣдство поселенцевъ, достающееся ихъ родственникамъ, живущимъ внѣ предѣловъ Даніи, освобождается отъ такъ называемыхъ десятой и шестой деньги и вообще отъ всѣхъ вычетныхъ денегъ, какъ бы онѣ ни назывались и подъ какимъ бы предлогомъ ни требовались. Иностранцы-же, поселившіеся въ герцогствахъ Шлезвигскомъ и Голштинскомъ, вмѣстѣ съ ихъ наслѣдниками и потомствомъ сохраняютъ за собою право выѣхать за границу со всѣми своими пожитками и капиталами, „безъ малѣйшаго сокращенія", лишь въ томъ только случаѣ, если докажутъ, что эти пожитки и капиталы они привезли туда изъ чужихъ странъ. Датское правительство отказывается, сверхъ этого, отъ такъ-называемаго droit d'aubaine даже по отношенію къ уроженцамъ тѣхъ странъ, гдѣ существуетъ это право [2]).

[1]) Эта статья манифеста имѣла въ виду обезпечить иммигрантамъ дешевыя помѣщенія подъ заводимыя ими фабрики.

[2]) Droit d'aubaine есть право мѣстной власти на имущество, оставшееся послѣ смерти иностранца.

6. Тѣ изъ иностранцевъ, которые захотятъ устроить въ Даніи фабрики и мануфактуры, не только безпрепятственно могутъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, но еще будутъ пожалованы привилегіями и льготами.

7. Художественные мастеры и ремесленники, переселяющіеся въ Данію, безплатно и немедленно принимаются въ соотвѣтствующіе датскіе цехи, если только они подъ присягою подтвердятъ, что у себя на родинѣ занимались этими-же ремеслами и „художествами“, и сами содержали подмастерьевъ. При этомъ для поступленія въ датскій цехъ иностранецъ не обязанъ представлять аттестата изъ магистрата того города, откуда отъ выѣхалъ; не считается также необходимымъ условіемъ для этого предшествующая принадлежность къ цеху на родинѣ.

8. Иностранцы - подмастерья принимаются на тѣхъ-же основаніяхъ, т. е. отъ нихъ не требуется представленія аттестата: достаточно того, что они знаютъ свое ремесло и подъ присягою подтвердятъ, что раньше служили подмастерьями.

9. Лица, занимающіяся какимъ-либо ремесломъ, но еще не подготовленныя къ тому, чтобы сейчасъ-же могли быть приняты въ соотвѣтствующій цехъ, имѣютъ право цѣлый годъ работать самостоятельно, на кого хотятъ; однако прежде они должны принять датское подданство,

10. Не желающіе вступать въ цехи могутъ исходатайствовать себѣ право работать самостоятельно, какъ привилегированные мастеры.

11. Всѣмъ художникамъ и мастеровымъ людямъ, въ особенности тѣмъ, которые обдѣлываютъ шерсть, дано будетъ позволеніе продавать оптомъ и въ розницу собственноручно сдѣланныя ими произведенія.

12. Иностранцамъ, которые на родинѣ не занимались никакимъ ремесломъ, дозволяется производить оптовую и розничную торговлю и заниматься промыслами, съ тѣмъ однако, чтобъ они не нарушали интересовъ тѣхъ лицъ, которыя пожалованы особой привилегіей, и поступали во всемъ согласно земскимъ уставамъ и учрежденіямъ.

13. Знатные и зажиточные иностранцы принимаются, по ихъ желанію, въ гражданскую и военную службу и могутъ дослужиться до баронскаго и графскаго достоинства. Если они привезутъ съ собою капиталы или наживутъ ихъ въ Даніи, то могутъ выгоднымъ и надежнымъ образомъ помѣстить ихъ въ привилегированныхъ компаніяхъ обѣихъ Индій, во всеобщей купеческой компаніи, въ Исландской компаніи, въ банкѣ при стра-

ховомъ обществѣ и прочихъ торговопромышленныхъ учрежденіяхъ. Отдавая такимъ образомъ деньги въ ростъ и пріобрѣтая земли и имѣнія, они найдутъ случай пріумножить свое состояніе.

14. Такъ-какъ реформатамъ давно уже дозволено свободное отправленіе ихъ вѣры въ Копенгагенѣ и другихъ городахъ, то тѣмъ-же самымъ правомъ будутъ пользоваться и вновь переселяющіеся въ Данію лица этого вѣроисповѣданія. Переселенцы римско-католики получатъ возможность безъ утѣсненія продолжать свободное отправленіе ихъ вѣры въ Копенгагенѣ; если-же они сочтутъ за лучшее поселиться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ отправленіе ихъ вѣры имъ формально дозволено, то найдутъ въ Даніи нѣсколько городовъ, гдѣ эта привилегія имъ дарована.

15. „*Ежели нѣкоторые изъ вышеозначенныхъ чужестранныхъ по какимъ-либо особливымъ обстоятельствамъ еще другихъ кондицій и привилегій востребуютъ*, то они должны заявить объ этомъ датскому правительству, которое, по разсмотрѣніи дѣла, дастъ имъ надлежащій отвѣтъ. Иностранцы, желающіе переселиться въ Данію, могутъ заявлять о своемъ желаніи датскимъ резидентамъ и агентамъ при чужестранныхъ дворахъ или, по пріѣздѣ въ Данію, королевскимъ министрамъ и коллегіямъ; всѣ эти лица и учрежденія окажутъ иностраннымъ переселенцамъ всевозможное содѣйствіе къ приведенію ихъ намѣренія въ исполненіе.

Цѣль этого манифеста, заключавшаяся въ томъ, „чтобы столичный городъ Копенгагенъ умноженіемъ мануфактуръ, художествъ и купечества въ вящее приращеніе привесть“, не была достигнута,—на призывъ откликнулись только трое: одинъ португальскій еврей, французъ и швейцарецъ. Первый выстроилъ табачную фабрику, второй — на казенныя деньги заводъ для отливки желѣзныхъ пушекъ и третій на „собственномъ иждивеніи“ завелъ текстильный заводъ.

Еще раньше изданія вышеизложеннаго манифеста дѣлались попытки привлечь колонистовъ на впустѣ лежавшія вересковыя и болотныя равнины Ютландіи. 26 мая 1723 г. король Фридрихъ IV издалъ постановленіе, обнародованное въ Даніи и за границей, коимъ онъ приглашалъ охотниковъ селиться на указанныхъ земляхъ. Переселенцы получали освобожденіе отъ податей на 20 лѣтъ и позволеніе курить вино и варить пиво, однако желающихъ не оказалось. Въ 1751-мъ году король Фридрихъ V возобновилъ призывъ, но на него откликнулся только одинъ колонистъ изъ Пфальца.

Обстоятельства измѣнились съ наступленіемъ тяжелой для Германіи семилѣтней войны, которая однихъ лишила куска хлѣба,

а другихъ постоями, контрибуціями, подводами изъ года въ годъ такъ стѣснила, что они не могли спокойно пользоваться и тѣмъ, что̀ имѣли. Особенно пострадали среди ужасовъ этой войны Пфальцъ, Гессенъ и Баденъ, и часто населеніе видѣло для себя единственное спасеніе въ эмиграціи. Этимъ настроеніемъ его рѣшило воспользоваться датское правительство и поручило совѣтнику своего посольства во Франкфуртѣ на Майнѣ—Морицу вербовать искусныхъ и прилежныхъ земледѣльцевъ. За каждаго колониста Морицъ долженъ былъ получать по луидору.

28 мая 1759-го года Морицъ въ „Reichs-Post-Zeitung" напечаталъ приглашеніе къ переселенію, назвавъ его „извлеченіемъ изъ всевысочайшихъ постановленій его королевскаго величества въ Даніи относительно всемилостивѣйше дарованныхъ вольностей тѣмъ, которые пожелаютъ обрабатывать пустынныя мѣста въ Ютландіи и тамъ водвориться". Морицъ поспѣшилъ включить въ свое приглашеніе совершенно ложное упоминаніе о томъ, „что уже различныя семейства сумѣли счастливо воспользоваться всевысочайшей королевской милостью, построивъ тамъ свои домы".

Переселенцамъ приглашеніе Морица обѣщало слѣдующее:

1) Свѣдущій королевскій чиновникъ будетъ указывать колонистамъ самыя удобныя мѣста для водворенія и на указанныя каждому выдавать крѣпостной актъ.

2) Колонисты вмѣстѣ съ ихъ потомствомъ освобождаются отъ платежа десятины съ плодовъ и скота.

3) Равнымъ образомъ они освобождаются на 20 лѣтъ отъ всякаго рода податей и контрибуцій, какое-бы названіе послѣднія ни носили.

Это освобожденіе распространяется:

4) на всѣ повинности, какъ и

5) на королевскія и иныя подводныя повинности, а также

6) на постойную повинность при проходѣ войскъ.

7) Дѣти, родственники и т. д., которые наслѣдуютъ имъ послѣ смерти, должны пользоваться тѣмъ-же самымъ по полученіи новаго крѣпостного акта.

8) Если по прошествіи 20 лѣтъ колонисты „будутъ нуждаться въ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ льготахъ, то они могутъ надѣяться, что будутъ по разсмотрѣніи пожалованы таковыми".

Въ вознагражденіе путевыхъ издержекъ колонисты по прибытіи на мѣсто водворенія получаютъ: мужчина — 30 датскихъ талеровъ, женщина—20 талеровъ и дѣти отъ 12 до 16 лѣтъ—10 талеровъ.

При личныхъ объясненіяхъ Морица съ являвшимися къ нему колонистами обѣщалось больше того, что было сказано въ печатномъ приглашеніи, — колонисты впослѣдствіи утверждали, что Морицъ обѣщалъ имъ совершенно даромъ домъ, скотъ и земледѣльческія орудія.

Думая, что въ Даніи они найдутъ для себя „сѣверный парадизъ“, эмигранты толпами стали являться у Морица; послѣдній, не занимаясь тщательнымъ разборомъ, годны они для колонизаціи, или нѣтъ, принималъ ихъ, выдавалъ имъ паспорты, указывалъ маршрутъ и отсылалъ потомъ группами по 2, по 3, по 70—80 семействъ вмѣстѣ. Списокъ путниковъ отправлялся къ королевскому коммиссару, который и принималъ ихъ въ Альтонѣ. Путешествіе отъ Франкфурта до Альтоны продолжалось около 18 дней. Изъ Альтоны въ Данію колонисты могли отправляться или моремъ (черезъ Любекъ на Фридерицію илиАаргусъ), или сухимъ путемъ. Въ предѣлахъ Даніи колонисты безплатно перевозились отъ одной станціи до другой на крестьянскихъ телѣгахъ.

Въ октябрѣ 1759 г. прибыли въ Ютландію первыя 9 колонистскихъ семействъ; за ними въ томъ-же году послѣдовало еще 37 семей. Весною 1760 г. переселеніе возобновилось, и къ концу этого года въ Ютландію прибыло уже 265 семействъ въ числѣ 965 душъ обоего пола.

Колонисты выбрали для своего водворенія лучшія мѣста вересковыхъ пространствъ и для обезпеченія правильнаго веденія хозяйства требовали отъ правительства „по крайней мѣрѣ каждому семейству домъ для обитанія (von 8 Fach Länge), стойло для скота, кромѣ того амбаръ, далѣе постель съ двумя одѣялами и двумя перинами, мѣдный котелъ, и нѣсколько денегъ на мелкую домашнюю утварь“, одну корову, двухъ сильныхъ рабочихъ воловъ для плуга и 10 овецъ, одинъ плугъ, къ какому они привыкли на родинѣ, одну телѣгу, два заступа, двѣ широкихъ желѣзныхъ мотыги, одинъ топоръ и 4 тачки въ общее пользованіе. Правительство велѣло удовлетворить эти требованія, а на первое время соорудить для нихъ землянки въ 6 локтей длиною и 4 локтя шириною. Но путевыя деньги, выдачи которыхъ многіе ждали съ нетерпѣніемъ, были задержаны до переселенія въ дома, „дабы они цѣликомъ пошли на пользу дѣлу колонизаціи“.

Такъ-какъ прибывшія въ Ютландію 265 семействъ колонистовъ заняли всѣ наиболѣе пригодныя для обработки мѣста, то послѣдующій притокъ колонистовъ правительству пришлось направить въ Шлезвигъ, гдѣ вересковыя степи считались во всѣхъ

отношеніяхъ лучшими, чѣмъ Ютландскія. Здѣсь-же рѣшено было заняться осушеніемъ болотъ для цѣлей колонизаціи. Въ маѣ 1761 года сюда прибыли первые колонисты, и въ іюнѣ 1763 года въ трехъ округахъ Шлезвига-Готторфскомъ, Фленсбургскомъ и Тондернскомъ было уже 7533 души колонистовъ обоего пола. По прибытіи на мѣсто колонисты приносили присягу въ вѣрности и расквартировывались въ близь лежащихъ селеніяхъ. На содержаніе ихъ производилась ежедневная денежная дача: мужчинѣ выдавалось 6 зильберъ-грошей, женщинѣ — 4 и каждому изъ дѣтей по 2.

По мѣрѣ нарѣзки участковъ, между колонистами производилась жеребьевка, и тѣ, на кого палъ жребій, отправлялись въ землянку, которая была сооружена на ихъ участкѣ.

Здѣсь они должны были жить до построенія дома, заботу о чемъ взяло на себя правительство. Каждый участокъ въ колоніяхъ, основываемыхъ на песчаныхъ вересковыхъ пространствахъ, былъ опредѣленъ въ 30 гейтшеффелей (1 гейтшеффель = 144 квадратнымъ саженямъ), при чемъ былъ оставляемъ при колоніи еще запасной земельный фондъ; участки-же въ колоніяхъ, устраиваемыхъ на осушенныхъ болотахъ, были опредѣлены приблизительно въ 40 гейтшеффелей, но за то тамъ не оставалось запасного фонда. При замѣщеніи колонистами колоній этой послѣдней категоріи правительству пришлось испытать большія затрудненія.

Колонисты не питали никакого довѣрія къ болотистой почвѣ, не смотря на то, что докторъ Эриксенъ устройствомъ опытнаго поля доказалъ ея пригодность для культуры. Каждый пятый участокъ пришлось заселять туземцами, глядя на которыхъ колонисты мало по малу разобрали всѣ нарѣзанные участки, но не усидѣли на нихъ: въ 1765-мъ году въ 16-ой колоніи остались почти только туземцы, а въ 10-ой и 12-ой не осталось ни одного колониста,—уцѣлѣли исключительно одни туземцы. Въ общемъ не колонистамъ пришлось учить туземцевъ, а самимъ учиться у нихъ, какъ вести хозяйство въ новыхъ условіяхъ. Въ заслугу колонистамъ должно быть поставлено только распространеніе культуры картофеля и нѣкоторыхъ огородныхъ и лѣкарственныхъ растеній, какъ то: сельдерея, порея, шалфея, петрушки, бѣлой, брауншвейгской и савойской капусты, желтаго инбиря, пастернака, скороспѣлой рѣпы, горчицы, рѣдиса, майорана, табака, чечевицы, укропа, тмина, огурцовъ, салата, чеснока, конопли, тыквъ, бобовъ и проч.

На занятіе огородничествомъ колонистамъ пришлось обратить тѣмъ бо́льшее вниманіе, что рожь, гречиха и овесъ или совсѣмъ не родились, или давали очень скудный урожай. Боль-

шинство колонистовъ вовсе не имѣли собственныхъ средствъ, и правительство подарило имъ дома и скотъ, удержавъ лишь треть путевыхъ денегъ за земледѣльческія орудія. Правительству-же пришлось и кормить ихъ вслѣдствіе постоянныхъ неурожаевъ. Съ 1761-го по 1777 годъ датское правительство на вызовъ, водвореніе и прокормленіе однихъ шлезвигскихъ колонистовъ истратило 708.774 талера $83\frac{1}{2}$ зильберъ-гроша, да ютландскіе колонисты стоили ему 329.091 талеръ 18 зильберъ-грошей, а весь опытъ иностранной колонизаціи обошелся Даніи въ одинъ милліонъ тридцать семь тысячъ восемьсотъ шестьдесятъ шесть (1037866) талеровъ слишкомъ.

Эти расходы были-бы еще больше, если-бы датское правительство своевременно не замѣтило, что причина неудачи всего предпріятія лежитъ отчасти въ самихъ колонистахъ, среди которыхъ много лицъ совершенно неспособныхъ къ веденію сельскаго хозяйства. Поэтому рѣшено было всѣхъ неспособныхъ колонистовъ уволить. Это увольненіе имѣло мѣсто въ іюнѣ 1763-го года, когда въ трехъ округахъ — Готторфскомъ, Фленсбургскомъ и Тондернскомъ было уволено 253 семьи. Кромѣ того многіе добровольно потребовали себѣ отпуска.

Къ январю 1764-го года осталось въ Шлезвигѣ 654 колонистскихъ семьи въ числѣ 2855 душъ, но вскорѣ уходъ колонистовъ возобновился. Уволенные колонисты получили позволеніе оставаться въ предѣлахъ Даніи, и изъявившимъ на то согласіе выдавалось по 20 талеровъ на первоначальное устройство. Большинство однако уѣхали изъ Даніи: одни возвратились на родину, гдѣ военныя дѣйствія тѣмъ временемъ прекратились, другіе-же воспользовались гостепріимнымъ приглашеніемъ русской императрицы Екатерины II и при содѣйствіи ея посланника въ Гамбургѣ Мусина-Пушкина выселились въ Россію[1]).

---

[1]) Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig-Holstein-Lauenburgische Geschichte, sechsundzwanzigster Band, Kiel 1897,—„Die Kolonisirung der schleswigschen Heiden 1760-65. Von Christian Voigt. Lehrer in Flensburg“.

[2]) Herrn Joh. Heinr. Gottl. von Justi Neue Wahrheiten zum Vortheil der Naturkunde, und des gesellschaftlichen Lebens der Menschen, Zwölftes Stück. Altona 1758. (На стр. 609—672 помѣщено „Allerunterthänigstes Gutachten wegen Anbauung der jütländischen Heiden“).

[3]) Chr. Olufsen, Oekonomiske Annaler III, Kjobenhavn 1802.

[4]) Fr. C. Carstens, Bemaerkninger om Ahlheden og dens Colonier. Viborg. 1839.

[5]) Gaspari. Urkunden und Materialien zur näheren Kenntniss der Geschichte und Staatsverwaltung nordischer Reiche I, 1786. Здѣсь на стр. 369-ой подвергнута современникомъ жестокой критикѣ колонизація въ Шлезвигѣ.

Литература по колонизаціи въ Даніи указана намъ проф. Steenstrup'омъ (Копенгагенъ), коему приносимъ нашу глубокую благодарность.

II. Вопросъ объ иностранной колонизаціи въ Россіи въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны.

Въ обширной сферѣ того своеобразнаго „общенія“ съ Западомъ, какимъ отличалась русская жизнь въ XVIII-мъ столѣтіи, популяціонистскія теоріи, подкрѣпляемыя уже „примѣромъ другихъ державъ“, нашли въ Россіи второй половины этого столѣтія какъ нельзя болѣе благопріятную почву для своего усвоенія и примѣненія.

Огромныя степныя пространства на югѣ и юго-востокѣ Россіи не только не приносили государству никакой пользы, но и служили для него источникомъ постоянныхъ безпокойствъ.

Почти вовсе не заселенныя и не эксплуатируемыя осѣдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ, степи служили удобной ареной различнымъ кочевымъ народамъ для подготовленія ихъ набѣговъ на сосѣднія русскія области. Историческій опытъ упорной и продолжительной борьбы со степью показалъ русскому правительству, что наилучшимъ средствомъ для укрѣпленія за собою степныхъ окраинъ, извлеченія изъ нихъ возможныхъ выгодъ и водворенія спокойствія—является ихъ колонизація, одновременно военная и земледѣльческая.

Въ XVI, XVII и первой половинѣ XVIII в. правительство усердно хлопочетъ о колонизаціи южныхъ, юго-восточныхъ и восточныхъ окраинъ русскимъ элементомъ — великороссами и малороссами, не отказываясь въ исключительныхъ случаяхъ и отъ услугъ инородцевъ.

Къ половинѣ XVIII вѣка свой, русскій, источникъ колонизаціи изсякаетъ. Людей свободныхъ, вольныхъ дѣлается все меньше; крѣпостное право, развиваясь и количественно и качественно, лишаетъ крестьянское населеніе имперіи свободы передвиженія; оно задерживаетъ, такимъ образомъ, естественное распредѣленіе населенія по территоріи, сообразное съ качествомъ почвы, и искусственнымъ путемъ сосредоточиваетъ его въ менѣе плодородномъ центрѣ, въ бассейнахъ Оки, верхней и средней

Волги, то-есть въ предѣлахъ прежняго Московскаго государства. Въ виду недостатка туземнаго колонизаціоннаго матеріала правительство въ царствованіе Елизаветы Петровны, въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, рѣшаетъ обратиться къ содѣйствію иностранцевъ и прежде всего единоплеменниковъ и единовѣрцевъ славянъ. Въ двадцати верстахъ отъ польской границы, за южными предѣлами Кіевской губерніи, австрійскіе сербы, подъ начальствомъ полковника Хорвата, образуютъ рядъ военныхъ поселеній, извѣстныхъ подъ именемъ Новой Сербіи. Эти поселенія составили два полка—гусарскій и пандурскій, по 4.000 человѣкъ въ каждомъ. Восточнѣе, на Лугани и въ Бахмутѣ, поселяются полки Шевича и Прерадовича, образующіе такъ называемую Славяно-Сербію. Поселеніе сербовъ въ этихъ предѣлахъ имѣло стратегическое значеніе и было прямымъ продолженіемъ прежнихъ колонизаціонныхъ операцій правительства на южной окраинѣ государства. По самому количеству отводимой каждому земли сербы приравнивались къ русской ландмиліціи и отставнымъ военнымъ[1]).

Но въ то же царствованіе Елизаветы Петровны, вопреки прочно установившемуся въ нашей исторической литературѣ мнѣнію[2]), появляется у насъ впервые мысль и о колонизаціи иного рода — вызовѣ и водвореніи въ Россіи западно-европейцевъ, и прежде всего французовъ гугенотовъ, съ цѣлью чисто культурной—ради эксплуатаціи естественныхъ богатствъ страны, извлеченія изъ нихъ возможныхъ выгодъ и созданія новыхъ отраслей труда въ народномъ хозяйствѣ.

И популяціонистскія теоріи запада, властно вторгавшіяся къ намъ преимущественно черезъ дипломатическое вѣдомство, и „примѣръ другихъ державъ“ въ особенности сыграли въ этомъ случаѣ не маловажную роль.

Слухи о пользѣ, принесенной французскими эмигрантами развитію промышленности въ Голландіи и Англіи, извѣстія о колонизаціонныхъ мѣропріятіяхъ Пруссіи, Австріи и Даніи не могли пройти безслѣдно для русскаго правительства. Изреченіе „примѣръ заразителенъ“ — приложимо не только къ частнымъ

---

[1]) Соловьевъ. „Исторія Россіи“, 23 т., 713—714 стр. по изданію товарищества „Общественная Польза“.

Н. П. Поповъ. Военныя поселенія Сербовъ въ Австріи и Россіи („Вѣстникъ Европы“, 1870 г., № 6). Извѣстіе о похожденіи Симеона Степановича Пишчевича 1731 — 1785. Изданіе Общ. Исторіи и Древн. Росс. при Москов. Университетѣ. Подъ ред. Нила Попова. Москва. 1883.

[2]) См. Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ 1837 г., 26 часть: „Историческое обозрѣніе водворенія иностранныхъ поселенцевъ въ Россіи“, 428 стр.; тамъ же 1850 г., 30 часть: „Обзоръ правительственныхъ мѣръ относительно иностранныхъ поселеній въ Россіи“ (статья В. Благовѣщенскаго), 5 стр.

житейскимъ отношеніямъ, но и къ отношеніямъ государственнымъ. Усваивая приходящія съ запада популяціонистскія теоріи и видя осуществленіе ихъ на практикѣ въ колонизаціонной политикѣ вышеупомянутыхъ государствъ, русскіе государственные дѣятели начинаютъ склоняться къ мысли о пользѣ и своевременности для Россіи „по примѣру другихъ державъ“ приступить къ колонизаціи своей территоріи иностранцами. Такое рѣшеніе тѣмъ легче созрѣваетъ у нихъ, что указанныя выше историко-географическія, бытовыя и отчасти экономическія условія Россіи какъ нельзя болѣе способствуютъ его осуществленію: на югѣ и востокѣ своихъ владѣній государство располагаетъ огромными пространствами незаселенной земли, не только въ данный моментъ не приносящей никакой пользы, но и служащей источникомъ постоянныхъ безпокойствъ; на скорое заселеніе ея своими, русскими, въ виду существованія крѣпостного права, не приходится расчитывать; наконецъ, русская обрабатывающая промышленность находится въ зачаточномъ состояніи и страдаетъ отъ недостатка опытныхъ мастеровъ,— подвинуть ее впередъ могутъ только технически образованные выходцы съ запада.

И вотъ, вполнѣ естественно, возникаютъ проекты о вызовѣ иностранныхъ, въ частности западно-европейскихъ колонистовъ въ Россію.

Первый толчокъ къ возбужденію вопроса объ этомъ далъ французъ де-Лафонъ, протестантъ по вѣроисповѣданію, бригадиръ русской службы. 8-го іюня 1752 г. онъ подалъ канцлеру графу А. П. Бестужеву-Рюмину свой проектъ о привлеченіи въ Россію гонимыхъ на родинѣ за вѣру французскихъ протестантовъ. Сущность его проекта можно передать въ слѣдующихъ словахъ:

Утрехтскія газеты сообщаютъ о продолжающемся во Франціи гоненіи на протестантовъ, вслѣдствіе котораго многія французскія семейства рѣшили покинуть свое отечество. Наиболѣе страдаетъ провинція Лангедокская, гдѣ находятся такіе промышленные города, какъ Нимъ и Каркассона, уступающіе лишь Ліону по развитію въ нихъ шелковыхъ и шерстяныхъ мануфактуръ. Россія извлекла бы несомнѣнную пользу отъ привлеченія этихъ ремесленниковъ въ свои обширныя области. Изъ этихъ областей наиболѣе удобствъ для устройства иностранныхъ поселеній и заведенія мануфактуръ представляетъ Украйна. Поселившись въ Украйнѣ, французы привели бы эту область въ цвѣтущее состояніе путемъ устройства шелковыхъ и шерстяныхъ мануфактуръ, улучшенія качества мѣстной шерсти и проч. Для привлеченія французовъ Россія могла бы прибѣгнуть къ тому же

пріему, какой употребилъ въ подобномъ случаѣ прусскій король. Послѣдній опубликовалъ въ голландскихъ газетахъ, что нѣсколько протестантскихъ французскихъ семействъ, преслѣдуемыхъ на родинѣ за вѣру, прибыли въ Берлинъ, гдѣ они благосклонно и приняты. Такимъ образомъ прусскій король далъ понять французскимъ протестантамъ, что они могутъ найти себѣ убѣжище въ его областяхъ и въ то же время не возбудилъ подозрѣнія въ союзномъ ему французскомъ дворѣ, что у него съ корыстною цѣлью переманиваютъ подданныхъ. Подобнымъ же образомъ русское правительство могло бы напечатать въ голландскихъ газетахъ, что нѣсколько французскихъ семействъ прибыло въ Кіевъ, о чемъ гетманъ Малороссіи немедленно донесъ императрицѣ; что императрица тотчасъ же приказала отвести имъ земли, даровала свободу вѣроисповѣданія, позволивъ имѣть собственныя церкви и священниковъ, и, наконецъ, прислала къ нимъ директора ихъ національности и вѣроисповѣданія. Сверхъ всѣхъ этихъ привиллегій, для успѣха дѣла де-Лафонъ считаетъ еще желательнымъ, чтобы русскіе министры при чужестранныхъ дворахъ оказывали матеріальную помощь тѣмъ изъ французовъ, которые желаютъ переселиться въ Россію, но не имѣютъ для этого необходимыхъ средствъ. Я считаю возможнымъ надѣяться, говоритъ де-Лафонъ, что такія привиллегіи обратятъ вниманіе не только французовъ, дѣйствительно выѣзжающихъ изъ королевства, но большей части и тѣхъ, кои уже поселились въ Германіи"[1]).

Проектъ де-Лафона встрѣтилъ очень сочувственный пріемъ со стороны русскаго канцлера. Въ своемъ замѣчаніи („ремаркѣ") на проэктъ де-Лафона Бестужевъ—Рюминъ писалъ: „Гонимыхъ французовъ въ пространныя Ея Императорскаго Величества области привлечь и поселенными ихъ видѣть государственная польза такъ очевидна, что кажется о томъ что-либо и упоминать излишно". Бестужевъ считалъ лишь болѣе полезнымъ селить французовъ по Волгѣ близь Астрахани, гдѣ колонисты, каждый по своему умѣнію и способностямъ, могутъ заняться или винодѣліемъ, или шелководствомъ; если послѣднее почему-либо не удастся, колонисты могутъ привозить шелкъ изъ Персіи и обрабатывать на устроенныхъ ими мануфактурахъ[2]).

О проектѣ де-Лафона Бестужевъ доложилъ императрицѣ, которая поручила разсмотрѣть его коммиссіи, состоявшей изъ

---

[1]) Москов. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: „Переводъ представленія бригадира де-Лафонта, поданнаго канцлеру 8-го іюня 1752 г." (Дѣло по проектамъ: а) бригадира де-Лафонта.... и б) генерала Вейсбаха"....)

[2]) Тамъ-же „Ремаркъ на письмо бригадира де-Лафона".

трехъ лицъ: изъ самого Бестужева, вице-канцлера графа Воронцова и барона Черкасова. На совѣщаніи этихъ лицъ, 26 сентября, было постановлено: 1) для приглашенія французовъ на поселеніе въ Россію, „по примѣру другихъ державъ“, отправить бригадира де-Лафона въ Гданскъ, Гамбургъ и Любекъ; 2) поручить коллегіи иностранныхъ дѣлъ: а) собрать свѣдѣнія о томъ, „какимъ образомъ въ другихъ мѣстахъ такіе гонимые французы приглашаемы и принимаемы были“ и б) выработать инструкцію для де-Лафона; 3) императорскимъ указомъ потребовать у сената отправленія инженерныхъ офицеровъ на Волгу, Терекъ и Куму для приведенія въ извѣстность порожнихъ земель и описанія ихъ „по регуламъ географическимъ“ [1]).

Для содѣйствія коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ ея работѣ, де-Лафону, служившему въ Украйнѣ при ландмиліціи подъ командой графа Салтыкова, велѣно было снова прибыть въ Петербургъ и состоять въ распоряженіи помянутой коллегіи [2]).

31-го октября коллегія иностранныхъ дѣлъ отправила въ Гагу, Лондонъ, Варшаву, Гамбургъ и Гданскъ (Данцигъ) циркулярный рескриптъ, въ которомъ русскимъ дипломатическимъ агентамъ предписывалось собрать свѣдѣнія о французскихъ эмигрантахъ и немедленно отвѣтить на слѣдующіе вопросы: Какъ велико число французовъ въ областяхъ того двора, при которомъ аккредитованъ дипломатическій агентъ? „Какія имъ привилегіи акордованы? Какія имъ въ городахъ мѣста, а по провинціямъ земли подъ селеніе отведены? Не даются-ль имъ, яко новопришедшимъ, на первой случай для вспоможенія какія награжденія? На сколько лѣтъ имъ льготы отъ податей и какія другія выгоды дозволяются? Какія чрезъ нихъ тамо фабрики и другіе заводы и какіе именно заведены“. Циркуляръ предписывалъ также сообщать копіи съ дарованныхъ французамъ привилегій, если ихъ можно будетъ достать [3]).

Къ русскому посланнику въ Даніи барону Корфу былъ отправленъ особый рескриптъ, въ которомъ предписывалось только сообщить, какое дѣйствіе имѣлъ изданный въ 1748 г. королевскій манифестъ. „Для лучшаго усмотрѣнія“ къ рескрипту была приложена копія съ этого манифеста на нѣмецкомъ языкѣ [4]).

---

1) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: „Записка для всевысочайшаго ея императорскаго величества извѣстія; изъ кабинета ея импер. величества въ коллегію ин. дѣлъ“.

2) Тамъ-же: Промеморія военной коллегіи въ коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ 16-го октября.

3) Тамъ-же: Циркулярный рескриптъ отъ 31-го октября 1752 г.

4) Рескриптъ къ тайному совѣтнику барону Корфу отъ 31 октября 1752 г.

Отвѣты на рескриптъ, болѣе или менѣе обстоятельные, не замедлили послѣдовать. Мы не будемъ на нихъ останавливаться, такъ-какъ въ предыдущей главѣ имѣли случай охарактеризовать отношеніе къ иммиграціи западно-европейскихъ государствъ отчасти на основаніи этихъ-же отвѣтовъ. Отмѣтимъ только, что русскій посланникъ въ Варшавѣ Гроссъ, заявивъ въ своей реляціи о совершенномъ отсутствіи французскихъ эмигрантовъ въ Польшѣ и о маломъ числѣ ихъ въ Саксоніи, обратилъ вниманіе русскаго правительства на колонизаціонную политику Пруссіи и обѣщалъ выслать напечатанную въ Берлинѣ „книгу о дозволенныхъ привилегіяхъ французамъ, для вѣры изъ отечества выгнаннымъ и живущимъ въ Прусскихъ областяхъ“ [1]). Вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду „Recueil des Edits, Ordonnances, Réglements et Rescripts contenant les Privilèges et les Droits attribués aux Français refugiés dans les états du Roi“.

Между тѣмъ бригадиръ де-Лафонъ, прибывъ въ Петербургъ, принялъ дѣятельное участіе въ работахъ коллегіи по возбужденному имъ вопросу [2]), и 28-го ноября представилъ въ дополненіе первоначальнаго своего проекта „меморіалъ“, въ которомъ говорилъ о мѣрахъ, какія, по его мнѣнію, должно употребить для привлеченія иностранныхъ поселенцевъ въ Россію.

Де-Лафонъ прежде всего предлагалъ публиковать въ газетахъ императорскій манифестъ, въ которомъ говорилось бы, что императрица, по просьбѣ нѣкоторыхъ, недавно выселившихся изъ Франціи, протестантскихъ семействъ, приказала для подобныхъ эмигрантовъ и всѣхъ другихъ разсѣянныхъ по Европѣ вольныхъ людей „отвести мѣсто на доброй и плодоносной землѣ, на вершинѣ-ли рѣки Волги, недалеко отъ Москвы, или по берегамъ Днѣпра, близь польскихъ границъ протекающаго“. Де-Лафонъ пояснялъ, что онъ нарочно въ предлагаемомъ имъ проектѣ манифеста помѣстилъ Москву близь Волги, такъ-какъ если-бъ упомянуть о царствахъ Казанскомъ или Астраханскомъ, то дальность разстоянія испугала-бы переселенцевъ. Впрочемъ, наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для поселенія французовъ де-Лафонъ по-прежнему считаетъ земли по Днѣпру, близь Кіева.

Вслѣдъ за манифестомъ де-Лафонъ предлагалъ помѣстить въ газетахъ дополнительное „увѣдомленіе“, что дѣло иностранной

---

[1]) Тамъ-же: Реляція дѣйств. ст. сов. Гросса изъ Варшавы отъ $\frac{\text{27 ноября}}{\text{8 декабря}}$ 1752 г.

[2]) Сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ, куда 16 декабря 1752 г. выѣхала императрица со всѣмъ дворомъ и главными правительственными учрежденіями. Пребываніе императрицы въ Москвѣ продолжалось до 13 мая 1754 г.

колонизаціи въ Россіи поручается единовѣрцу и единоплеменнику французскихъ протестантовъ, бригадиру де-Лафону, при участіи котораго и выработаны „кондиціи“ или условія пріема иностранныхъ поселенцевъ въ Россію. Въ этихъ „кондиціяхъ“ де-Лафонъ считаетъ нужнымъ надѣлить своихъ земляковъ всевозможными благами.

По проекту де-Лафона, правительство должно:

а) Не только предоставить колонистамъ свободу вѣроисповѣданія, право имѣть церкви, священниковъ и колокола „для созыванія къ службѣ Божіей“, но и отпустить имъ изъ казны средства на содержаніе пастора (а равно патера, если будутъ переселяться католики), доктора, лѣкаря, аптекаря и аптеки по крайней мѣрѣ на первое время.

б) Освободить колонистовъ на пятнадцать лѣтъ отъ всѣхъ податей и даже давать въ теченіе 6 лѣтъ казенное пропитаніе и содержаніе всѣмъ ремесленникамъ (въ особенности мастерамъ, обрабатывающимъ шерсть и шелкъ, ткачамъ и проч.).

в) Предоставить переселенцамъ право обращаться за деньгами на дорогу къ представителямъ русскаго правительства за границей, а по пріѣздѣ въ Россію оказывать имъ всевозможное вспоможеніе какъ матеріалами, такъ и деньгами для построенія на отведенномъ имъ мѣстѣ города, который долженъ быть названъ Галати или Новый Галликонъ, „для показанія будущимъ вѣкамъ, что сей есть народъ французской, слѣдовательно-же и вольной“.

в) Учредить для управленія колонистами особыхъ коммиссаровъ на-половину изъ лицъ ихъ національности, предоставивъ высшее завѣдываніе колонистами коллегіи иностранныхъ дѣлъ, такъ-какъ, только находясь въ вѣдѣніи этой коллегіи, они не будутъ опасаться за свою свободу.

д) Дозволить переселенцамъ обратный выѣздъ за границу вслѣдствіе болѣзни или по другимъ причинамъ, такъ-какъ характеръ французовъ таковъ, что только при этой свободѣ выѣзда они прочно водворятся въ Россіи.

е) Снабдить переселенцевъ по прибытіи на мѣсто водворенія необходимыми инструментами и матеріалами сообразно съ ремесломъ каждаго.

ж) Тѣхъ изъ переселенцевъ, которые заведутъ какую-либо фабрику, наградить въ потомственное владѣніе пахотною землею, въ такомъ количествѣ, на обработку котораго требуется отъ двухъ до шести паръ воловъ, и дать имъ (фабрикантамъ) соотвѣтствующе число крестьянскихъ семействъ для веденія сельскаго хозяйства. Этой мѣрой, по мнѣнію де-Лафона, правительство, съ

одной стороны, привлечетъ массу переселенцевъ, „ибо для такого человѣка, который никогда надъ чѣмъ-либо господиномъ себя не видалъ, ничего ласкательнѣе нѣтъ, какъ вступить во владѣніе такого мѣста, а съ другой стороны, Россія такимъ образомъ истратитъ меньше денегъ[1]).

з) На заводимые иностранными переселенцами фабрики и заводы назначить въ качествѣ рабочихъ природныхъ русскихъ подданныхъ, съ тѣмъ однако, чтобы заводчики и фабриканты получали не только всю прибыль отъ производства, но еще и денежное вознагражденіе отъ правительства[2]).

Заканчивая изложеніе проектируемыхъ имъ мѣръ по привлеченію иностранныхъ колонистовъ въ Россію, де-Лафонъ выражаетъ желаніе, чтобы публикуемые манифестъ и „увѣдомленіе", содержащее „кондиціи", сопровождались слѣдующимъ „разсужденіемъ", исходящимъ якобы отъ самого издателя газеты:

„По сей щедротѣ и милости ея императорскаго величества всякой ремесленной человѣкъ не имѣетъ уже нужды искать счастія въ Миссисипіи или въ другихъ мѣстахъ Америки, ибо Европа представляетъ ему такія хорошія положенія земли, какія только въ свѣтѣ сыскаться могутъ и которыя такія преизрядныя и изобильныя паства производятъ, что живой баранъ вдоль по всей Волгѣ, тако-жь и по Днѣпру не стоитъ больше десяти и двѣнадцати копеекъ, а прочіе съѣстные припасы по пропорціи".

Представленный де-Лафономъ меморіалъ послужилъ предметомъ обсужденія въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Какъ ни чрезмѣрны предлагаемыя въ немъ льготы иностраннымъ переселенцамъ, какъ ни странны, если не сказать болѣе, нѣкоторыя изъ нихъ, как, напримѣръ, отдача русскихъ крестьянъ въ крѣпостную зависимость иностраннымъ выходцамъ, меморіалъ не встрѣтилъ рѣзкой критики со стороны членовъ коллегіи и не подвергся существеннымъ видоизмѣненіямъ въ своихъ „кондиціяхъ". Правда, коллегія отвергла прибавочный „артикулъ" меморіала о дачѣ русскихъ рабочихъ на устраиваемыя иностранцами фабрики, не признала возможнымъ отпускать изъ казны деньги на содержаніе пастора, доктора и проч. и дать устраиваемому иностранцами городу наименованіе „Галати" или „Новый Галликонъ", сократила срокъ казеннаго содержанія иностранцамъ-ремесленникамъ съ шести до одного года, но за то, съ другой стороны, подъ вліяніемъ манифеста датскаго короля, продлила свободу пересе-

---

1) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Меморіалъ бригадира де-Лафона.
2) Тамъ-же: Прибавочный артикулъ къ меморіалу.

ленцевъ отъ податей до 20 лѣтъ, вмѣсто предлагаемыхъ де-Лафономъ 15 лѣтъ, и признала за ними право, не довольствуясь предложенными льготами, входить въ особыя соглашенія съ правительствомъ [1]), наконецъ, безъ всякихъ оговорокъ согласилась на отдачу русскихъ крестьянъ въ крѣпостную зависимость иностранцамъ, устроившимъ фабрики.

Произведя видоизмѣненія въ проектируемыхъ де-Лафономъ „кондиціяхъ", коллегія иностранныхъ дѣлъ условія пріема иностранныхъ поселенцевъ въ Россіи формулировала въ 9 статьяхъ слѣдующимъ образомъ:

1. „Будутъ оные пришельцы пользоваться съ пріѣзду своего въ Россійскія области всею вольностію исповѣданія вѣры своей какъ сами, такъ и ихъ потомки, и имъ позволится имѣть церкви и пасторовъ своихъ, равно какъ такую-жь свободу вѣры и всѣ другіе въ Россійской имперіи проживающіе разныхъ націй люди имѣютъ.

2. „Возымѣютъ совершенную свободу какъ отъ пошлинъ, такъ и отъ всякихъ податей черезъ 20 лѣтъ такимъ образомъ, что весь плодъ всей работы имъ же въ пользу будетъ.

3. „Учредятся комиссары какъ отъ ея императорскаго величества, такъ и изъ ихъ собственной націи, дабы они вообще отправляли дѣла и объ оныхъ представляли въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, въ которой коллегіи имъ вѣдаться.

4. „Въ случаѣ ежели-бъ кто впредь пожелалъ о возвращеніи своемъ изъ Россійской имперіи просить, ему тотчасъ паспортъ дается ѣхать, куда самъ пожелаетъ.

5. „Въ отводимыхъ имъ мѣстахъ подается имъ всевозможное вспоможеніе какъ матеріалами, такъ и деньгами для построенія города.

6. „Для поспѣшествованія выѣзда ихъ въ области Россійской имперіи къ пребывающимъ при союзныхъ съ ея императорскимъ величествомъ всероссійской дворѣхъ ея величества министрамъ указы отправятся, сколько имъ денегъ давать, чѣмъ бы имъ, по состоянію каждаго, на проѣздъ удовольствоваться можно было, и такъ они могутъ къ нимъ адресоваться.

7. „Ежели кто изъ вышеупомянутыхъ въ Россійскую имперію приходящихъ людей особливо себя предъявитъ и въ состояніи будетъ завесть какую-либо фабрику (чтобы, напримѣръ, сукна, дрогеты, саржи, фризы или другихъ рукъ парчи шерстяныя и шелковыя дѣлать, тако-жь и полотна ткать), то ему въ началѣ

[1]) См. напечатанное курсивомъ въ 1-й и 15-ой статьяхъ манифеста.

для заведенія такой фабрики учинена будетъ изъ казны ея величества денежная ссуда безъ процентовъ, токмо-бъ они впредь оную ссуду въ урочные годы по частямъ обратно въ казну выплатили, а сверхъ того оной фабрикантъ награжденъ быть имѣетъ какъ на его персону, такъ и для потомковъ его въ вѣчное владѣніе землею, содержащею въ себѣ пашню отъ двухъ до шести паръ воловъ, съ *толикими-жъ семьями крестьянъ для земледѣльства*, поелику сія вознамѣренная фабрика награжденія заслуживаетъ.

Ремаркъ: По всеподданнѣйшему коллегіи иностранныхъ дѣлъ мнѣнію, можно толикое наибольшее количество крестьянъ давать изъ находящихся въ близости къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ оныя фабрики заводятся, изъ дворцовыхъ волостей, или изъ отписныхъ, буде какіе случатся.

8. „Въ разсужденіи того, что называется вообще ремесленой человѣкъ, какъ шерстяной мастеръ, ткачъ, тако-жъ мѣднаго, желѣзнаго, стальнаго, рѣзныхъ и токарныхъ и другихъ всякихъ мелочныхъ и крупныхъ работъ мастеровые люди, которые сами особливыхъ фабрикъ завести не могутъ быть въ состояніи, то имъ пропитаніе и содержаніе давано будетъ чрезъ одинъ годъ съ пріѣзда ихъ въ Россію.

9. „*Ежели нѣкоторые изъ тѣхъ пришельцовъ по какимъ особливымъ обстоятельствамъ еще другихъ кондицей и привилегей возтребуютъ* и о такомъ своемъ требованіи представлять будутъ, то имъ тогда по обращенію обстоятельствъ въ томъ столь склонное рѣшеніе учинено быть имѣетъ, какого они отъ высочайшаго ея императорскаго величества праводушія надѣяться могутъ“ [1]).

Увлеченіе господствовавшими тогда теоріями народонаселенія и колонизаціонной политикой „другихъ державъ“ было столь сильно, отъ поселенія въ Россіи иностранныхъ колонистовъ ожидали для нея столькихъ благъ, что наши передовые государственные дѣятели не останавливались ни предъ какими жертвами.

Для привлеченія въ Россію переселенцевъ на вышеизложенныхъ условіяхъ, согласно рѣшенію, принятому 26 сентября на совѣщаніи Бестужева-Рюмина съ графомъ Воронцовымъ и барономъ Черкасовымъ, коллегія иностранныхъ дѣлъ проектировала отправить де-Лафона вмѣстѣ съ поручикомъ Ингерманладскаго полка Паскалемъ въ города: Данцигъ, Любекъ и Гамбургъ, снаб-

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: „Дѣло по проектамъ а) бригадира де-Лафонта... и б) генерала Вейсбаха“... См. также Архивъ кн. Воронцова XXV т., 206—210 стр.

дивъ его на этотъ предметъ суммой въ 10.000 рублей. Помимо прогонныхъ денегъ на почтовыя подводы до Риги, де-Лафонъ долженъ былъ получить 500, а Паскаль 200 червонныхъ на дорожные расходы, въ видѣ единовременнаго пособія. Тотъ и другой сохраняли свое обычное окладное жалованье и еще сверхъ его во все время пребыванія за границей имѣли получать дополнительное содержаніе—де-Лафонъ по 100, а Паскаль по 50 рублей въ мѣсяцъ.

Коллегія поспѣшила выработать и инструкцію, которою долженъ былъ руководствоваться де-Лафонъ въ своихъ дѣйствіяхъ по вербовкѣ иностранныхъ переселенцевъ въ Россію.

Прибывъ въ вышеупомянутые вольные города, де-Лафонъ долженъ „повсюду подъ рукою освѣдомляться", на какихъ условіяхъ французскіе эмигранты принимались въ другихъ государствахъ и каково ихъ тамъ настоящее положеніе, о чемъ и сообщить обстоятельныя свѣдѣнія коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ, завязавъ сношенія съ находящимися въ вольныхъ городахъ эмигрантами, де-Лафонъ черезъ посредство послѣднихъ можетъ вступить въ переговоры съ остающимися во Франціи протестантами, а равно и съ переселившимися въ различныя области Германіи, въ общихъ выраженіяхъ („въ генеральныхъ терминахъ") приглашая ихъ къ переселенію въ Россію. Приглашать въ Россію можно всѣхъ разсѣянныхъ по Европѣ вольныхъ людей, исповѣдующихъ христіанскую религію, но главное вниманіе слѣдуетъ обращать на французовъ, въ особенности на жителей городовъ Нима (Nîmes) и Каркассоны (въ Лангедокѣ), гдѣ существуютъ въ большомъ количествѣ шелковыя и шерстяныя мануфактуры, — мастеровъ шелковаго и шерстяного дѣла слѣдуетъ привлекать „всякими удобовозможными способами", чтобы посредствомъ ихъ завести въ Россіи такія же мануфактуры, какъ во Франціи.

Переселенцевъ слѣдуетъ обнадеживать, что они будутъ пользоваться въ Россіи полной свободой вѣроисповѣданія, получатъ удобные для поселенія участки земли и денежное вспоможеніе на дорожныя и другія потребности; при этомъ, впрочемъ, де-Лафону надлежитъ строго держаться обнародованныхъ „кондицій", „не авансируя собою сверхъ того ничего, ежели бы съ оными малѣйше несходственно было", дабы не дать повода переселенцамъ по пріѣздѣ въ Россію заявлять излишнія претензіи. Упоминаемое въ 8-й статьѣ „кондицій" право переселяющихся въ Россію иностранныхъ художниковъ и ремесленниковъ получать пропитаніе и содержаніе въ теченіе одного года по пріѣздѣ въ Россію нужно

понимать въ томъ смыслѣ, что переселенцы будутъ получать отъ 6 до 25 коп. на день, смотря по ремеслу каждаго.

Де-Лафону предписывается входить съ переселенцами по этому предмету въ соглашеніе и присылать въ коллегію именные ихъ списки съ обозначеніемъ, сколько кому слѣдуетъ ежедневной дачи. Всѣмъ переселяющимся художникамъ и ремесленникамъ де-Лафонъ долженъ присовѣтовать запастись у себя за границей необходимыми въ ихъ профессіи инструментами, такъ какъ въ Россіи ихъ иногда нельзя достать ни за какія деньги.

Сборными пунктами для эмигрантовъ всего удобнѣе назначать приморскіе города, чтобъ имѣть возможность отправлять ихъ водою до С.-Петербурга на особо нанятыхъ для того судахъ, договариваясь со шкиперами послѣднихъ относительно платы за провозъ и содержаніе переселенцевъ во время пути. При этомъ часть платы, въ видѣ задатка, шкиперъ можетъ получить въ мѣстѣ отправленія, а остальную—по доставленіи переселенцевъ, въ Петербургѣ. Этимъ, впрочемъ, у де-Лафона не отнимается право, въ случаѣ надобности, отправлять переселенцевъ и сухимъ путемъ, прибѣгая къ содѣйствію дипломатическихъ агентовъ русскаго правительства за границей. При отправленіи сухимъ путемъ, переселенцевъ нужно снабжать деньгами безъ излишка, въ такомъ размѣрѣ, чтобы только хватило на дорогу, и особенно наблюдать за тѣмъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ напрасно не выманилъ денегъ и не скрылся.

О всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по набору переселенцевъ де-Лафонъ обязанъ возможно чаще доносить коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сообщая подробныя свѣдѣнія о томъ, въ какихъ мѣстахъ и сколько человѣкъ явилось охотниковъ къ переселенію въ Россію изъ французовъ и другихъ вольныхъ людей, „какихъ они художествъ и ремесла“, на какихъ основаніяхъ переселяются въ Россію, — подъ условіемъ ли принятія вѣчнаго подданства или иначе, въ какихъ пунктахъ будутъ собираться и какимъ путемъ отправятся,—о всемъ этомъ коллегію надлежитъ увѣдомлять заблаговременно, чтобъ она могла принять всѣ надлежащія мѣры для пріема переселенцевъ. Для сношенія съ коллегіей де-Лафону даются двѣ „циферныя азбуки“ — на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Въ случаѣ надобности, де-Лафону разрѣшается „для исполненія этой ему поручаемой коммиссіи“ изъ вольныхъ городовъ переѣзжать въ Ганноверъ и Голландію.

Вообще же, предоставляя установленіе деталей переселенческой организаціи благоразумію де-Лафона, коллегія рекомендуетъ

ему руководствоваться въ этомъ случаѣ примѣромъ другихъ государствъ, въ особенности Пруссіи и Даніи, и все дѣло на первыхъ порахъ вести въ тайнѣ, не подавая и вида, что онъ имѣетъ формальное порученіе приглашать переселенцевъ въ Россію; особенно нужно остерегаться, чтобы не узнало объ его миссіи французское правительство, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно можетъ принять мѣры противъ эмиграціи своихъ подданныхъ [1]).

Къ дипломатическимъ представителямъ русскаго правительства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ главнымъ образомъ де-Лафонъ имѣлъ производить наборъ эмигрантовъ, именно — къ Шереру въ Данцигѣ, князю Голицыну въ Гамбургѣ и графу Головкину въ Гагѣ, коллегіей иностранныхъ дѣлъ былъ изготовленъ циркулярный рескриптъ, которымъ предписывалось оказывать де-Лафону всевозможное содѣйствіе.

Въ то же время другой циркулярный рескриптъ предполагалось отправить въ Лондонъ къ графу Чернышеву, въ Копенгагенъ къ барону Корфу и въ Варшаву къ Гроссу, съ предписаніемъ, помимо содѣйствія де-Лафону въ его миссіи, самостоятельно производить наборъ переселенцевъ и снабжать ихъ деньгами на дорогу въ Россію, соблюдая при этомъ надлежащую осторожность и своевременно представляя въ коллегію счеты произведеннымъ издержкамъ. Въ этомъ рескриптѣ, какъ и въ инструкціи де-Лафону, рекомендовалось отправлять переселенцевъ въ Петербургъ по преимуществу морскимъ путемъ.

Такимъ образомъ, опредѣливъ условія пріема иностранныхъ переселенцевъ въ Россію, коллегія иностранныхъ дѣлъ установила въ общихъ чертахъ и организацію ихъ набора. Теперь оставалось только получить санкцію императрицы предположеніямъ коллегіи, чтобы положить начало западно-европейской колонизаціи въ Россіи.

Изложивъ свои предположенія по этому вопросу въ особомъ докладѣ, коллегія иностранныхъ дѣлъ 14-го января 1753 года отправила послѣдній къ канцлеру Бестужеву-Рюмину для представленія императрицѣ. Нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что докладъ былъ своевременно представленъ Бестужевымъ на благоусмотрѣніе императрицы. Тѣмъ не менѣе никакого отвѣта на него въ это время не послѣдовало. Лишь въ концѣ апрѣля слѣдующаго 1754 года получено было устное повелѣніе императ-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. „Инструкція отправляющемуся въ Германію господину бригадиру де-Лафону“ (Два экземпляра, нѣсколько различающіеся между собою въ деталяхъ).

рицы, въ силу котораго коллегія иностранныхъ дѣлъ должна была передать вопросъ объ иностранной колонизаціи Россіи на разсмотрѣніе сената. При этомъ сенату представлялось право не только отвести по своему усмотрѣнію удобныя мѣста для поселенія западно-европейскихъ колонистовъ, но опредѣлить и самый объемъ даруемыхъ имъ льготъ. Коллегіи же иностранныхъ дѣлъ поручалось только, руководясь рѣшеніемъ сената, составить Императорскій манифестъ о вызовѣ иностранныхъ колонистовъ въ Россію и публиковать его въ иностранныхъ газетахъ чрезъ посредство дипломатическихъ агентовъ русскаго правительства за границей.

Сообщая сенату „доношеніемъ" отъ 27-го апрѣля 1754 года о послѣдовавшемъ повелѣніи императрицы, коллегія иностранныхъ дѣлъ сочла нужнымъ представить ему при этомъ и нѣкоторые матеріалы для рѣшенія возбужденнаго вопроса, какъ-то: манифестъ датскаго короля въ русскомъ переводѣ, копію съ циркулярнаго рескрипта къ русскимъ посламъ и посланникамъ при чужестранныхъ дворахъ отъ 31-го октября 1752 года и экстракты изъ полученныхъ отъ нихъ отвѣтовъ на этотъ рескриптъ. О проектѣ и меморіалѣ де-Лафона, а равно и о выработанныхъ ею „кондиціяхъ" и „инструкціи" де-Лафону коллегія иностранныхъ дѣлъ въ своемъ доношеніи не обмолвилась ни единымъ словомъ [1]).

Передача вопроса о вызовѣ иностранныхъ колонистовъ въ полномъ объемѣ на разсмотрѣніе сената не могла быть пріятной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, такъ-какъ выполненную ею по этому предмету работу дѣлала безплодною и все дѣло откладывала въ долгій ящикъ. Коллегіи была хорошо извѣстна медленность сенатскаго дѣлопроизводства, благодаря которой множество дѣлъ по цѣлымъ годамъ и даже десятилѣтіямъ оставались нерѣшенными. Ожидая и въ данномъ случаѣ такого же результата, коллегія иностранныхъ дѣлъ сочла излишнимъ дальнѣйшее пребываніе при ней бригадира де-Лафона и потому поспѣшила отослать его въ распоряженіе военной коллегіи „для опредѣленія по прежнему къ командѣ" [2]).

Дѣйствительность оправдала ожиданія коллегіи: дѣло о вызовѣ западно-европейскихъ колонистовъ въ Россію такъ и застряло въ сенатѣ, не получивъ тамъ дальнѣйшаго движенія, тѣмъ

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Доношеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ сенату отъ 27-го апрѣля 1754 г.

[2]) Тамъ же: Промеморія изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ военную коллегію отъ 7-го мая 1754 г.

болѣе, что вниманіе русскаго правительства вскорѣ было всецѣло поглощено Семилѣтней войной.

Впрочемъ, несмотря на это, и даже въ непосредственной связи съ открытіемъ и ходомъ военныхъ дѣйствій, появились еще два проекта о вызовѣ въ Россію иностранцевъ.

Борьба съ могущественной европейской коалиціей заставила прусскаго короля Фридриха II до крайности напрягать платежныя силы своихъ подданныхъ, обременять ихъ строгими „экзекуціями", военными постоями и безпощадными рекрутскими наборами. Чрезвычайныя мѣры, къ которымъ былъ вынужденъ прибѣгнуть прусскій король, вызвали эмиграцію изъ его владѣній въ сосѣднія польскія области. Особенно много было бѣглецовъ изъ трехъ провинцій: Помераніи, Пруссіи и Селезіи. Но бѣжавъ въ Польшу, эмигранты, въ сущности, попадали изъ огня да въ полымя: они не только не получали здѣсь никакой правительственной поддержки, но, будучи, въ огромномъ большинствѣ протестантами по вѣроисповѣданію, подвергались еще гоненіямъ за вѣру со стороны римско-католическаго духовенства. Тѣмъ не менѣе бѣгство прусскихъ подданныхъ въ Польшу продолжалось, что естественно должно было вести къ ослабленію Пруссіи.

Наблюдая этотъ фактъ, саксонскій генералъ Вейсбахъ сдѣлалъ заключеніе, что если бы какая-нибудь держава дала у себя пріютъ этимъ бѣглецамъ, надѣлила ихъ землею подъ условіемъ уплаты извѣстной подати и обезпечила имъ свободу вѣроисповѣданія, то число бѣглецовъ изъ Пруссіи возросло бы въ значительной степени, а также умножились бы случаи дезертирства изъ прусской арміи. Имѣя въ виду нанести прусскому королю „значительный ущербъ въ доходахъ и войскѣ", Вейсбахъ составилъ проектъ поселенія прусскихъ подданныхъ на южной окраинѣ Россіи между старой украинской линіей и новой турецкой границей, установленной послѣ Бѣлградскаго мира въ 1740—1742 гг. Въ своемъ проектѣ Вейсбахъ предлагалъ русскому правительству, для болѣе успѣшнаго привлеченія прусскихъ бѣглецовъ въ южные предѣлы Россіи, предоставить эмигрантамъ право собственной юрисдикціи чрезъ выбираемыхъ ими старшинъ и судей, свободу отъ всѣхъ рекрутскихъ и лошадиныхъ наборовъ, а также отъ поставки провіанта, дозволить имъ варить и между собою продавать пиво и вино, торговать съ турками и татарами хлѣбомъ и другими товарами и ловить рыбу и звѣрей на Днѣпрѣ и другихъ рѣкахъ, не уплачивая за все это никакихъ пошлинъ. На этихъ условіяхъ, по словамъ Вейсбаха, Россія, затративъ 100.000 червонныхъ, привлечетъ въ свои южные предѣлы боль-

шое число переселенцевъ, которые „охотно пребудутъ въ должной преданности“, и извлечетъ изъ этого слѣдующія выгоды:

1. Увеличатся государственные доходы, такъ-какъ по истеченіи шести льготныхъ лѣтъ правительство ежегодно будетъ получать не менѣе 20.000 червонныхъ поземельной подати (по два червонныхъ съ каждаго земельнаго участка).

2. Украйна будетъ свободна отъ малыхъ татарскихъ набѣговъ.

3. „Маломощные“ украинскіе жители будутъ удержаны отъ бѣгства къ запорожскимъ казакамъ.

4. Предупреждена будетъ возможность образованія гайдамацкихъ отрядовъ, на набѣги которыхъ часто жалуются сосѣднія державы.

5. Наконецъ (и въ этомъ главная и основная цѣль проекта) нанесенъ будетъ ущербъ прусскому королю въ доходахъ и войскѣ, что равносильно тому „какъ бы баталію у него выиграть, чего ради надлежитъ со иждивеніемъ многихъ милліоновъ собирать армію [1])“.

Свой проектъ Вейсбахъ представилъ въ 1758 году русскому посланнику при польско-саксонскомъ дворѣ Гроссу, который переслалъ его въ Петербургъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, но тамъ возбужденный Вейсбахомъ вопросъ не получилъ дальнѣйшаго движенія.

Болѣе вниманія удѣлило правительство Елизаветы Петровны предложеніямъ оберъ-берейтора де-Ларивьера, который и самъ, впрочемъ, дѣйствовалъ настойчивѣе Вейсбаха. Будучи посланъ въ 1756—1757 гг. въ Германію для закупки лошадей, онъ получилъ заявленія болѣе, чѣмъ отъ тысячи достаточныхъ и бѣдныхъ нѣмецкихъ семействъ, сильно страдавшихъ отъ напряженнаго хода военныхъ дѣйствій, о ихъ желаніи „*селиться колоніями въ Россіи*“. Не считая себя уполномоченнымъ принимать этихъ людей или что-либо имъ обѣщать, де-Ларивьеръ сообщилъ объ ихъ заявленіяхъ русскому послу въ Вѣнѣ Кейзерлингу; послѣдній же, „хотя и находилъ полезными... старанія и труды“, де-Ларивьера, однако не рѣшился вмѣшиваться въ это дѣло безъ позволенія свыше. Тогда де-Ларивьеръ „взялъ самъ смѣлость“ представить непосредственно „императорской конференціи всѣ воз-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: „Проектъ поселенію бранденбургскими подаными земли межъ старою украинскою линіею и новою съ турками 1741 года поставленною границею лежащей, сочиненной куръ-саксонскимъ генераломъ Вейсбахомъ и въ 1758 г. поданной статскому совѣтнику Гроссу“.

можныя и полезныя слѣдствіи, могущія“ произойти отъ нѣмецкой колонизаціи для Россіи, и просилъ о скорой резолюціи. Конференція однако не торопилась отвѣтомъ; и только по пріѣздѣ де-Ларивьера въ Петербургъ, послѣ новыхъ и часто повторяемыхъ имъ представленій, 2-го мая 1759 года состоялась слѣдующая резолюція:

1-е, „ежели впредь подобало охотники къ нему явятся, или прежнія отвѣта испрашивать будутъ, то имъ отвѣтствовать: что какъ извѣстнымъ образомъ здѣсь всѣ иностранцы въ исповѣданіи каждой своей религіи имѣютъ полную свободу и во всемъ протчемъ фаворизуются, то, конечно, и нынѣ со всякою благосклонностью всѣ тѣ приняты будутъ, кои усердіе возъимѣютъ сюда пріѣхать, поселитца и жить, при чемъ ремесленники тотчасъ въ цехи примутся, а землепашцы обильныя и довольныя земли получатъ со увольненіемъ на нѣсколько лѣтъ отъ всѣхъ податей и налоговъ, и особливое въ томъ вспоможеніе, дабы скорѣе всѣмъ завестись и обзаводиться могли, но что *для нынѣшней тягостной войны* не могутъ на перевозъ ихъ сюда изъ отечества никакія иждивенія употреблены быть;

2-е, дѣйствительно разсматривается теперь сіе дѣло здѣсь съ надлежащимъ раченіемъ, и что потому твердо постановлено будетъ, о томъ господину оберъ-берейтору въ се же время знать дастся чрезъ посла ея императорскаго величества графа Кейзерлинга, чего ради надлежитъ, чтобъ г-нъ оберъ-берейторъ о мѣстахъ пребываніе своего ему отъ времени до времени знать давать [1])“.

Такимъ образомъ вопросъ о вызовѣ иностранныхъ колонистовъ въ Россію былъ поставленъ прямо и предрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ уже въ царствованіе Елизаветы Петровны,—на долю Екатерины II осталось осуществленіе его.

---

[1]) Архивъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, № 25.628, листы 4 и 6.

Вызовъ иностранныхъ колонистовъ въ Россію въ царствованіе императрицы Екатерины II.

III. Вызовъ колонистовъ въ 1763—1766 годахъ.

Императрица Екатерина II была крайней послѣдовательницей господствовавшихъ въ ея время теорій народонаселенія. Будучи еще великой княгиней, женой наслѣдника русскаго престола, Екатерина писала: „Мы нуждаемся въ населеніи. Заставьте, если возможно, кишмя кишѣть народъ въ нашихъ пространныхъ пустыряхъ. Я не думаю, чтобы для достиженія этого было бы полезно принуждать нашихъ инородцевъ нехристіанъ принимать нашу вѣру, — многоженство еще болѣе полезно для умноженія населенія“ [1]). Такимъ образомъ, ради торжества своихъ излюбленныхъ теорій народонаселенія, Екатерина, повидимому, готова была пожертвовать распространеніемъ православія среди инородцевъ, имѣющимъ у насъ въ Россіи не только религіозно-нравственное, но и культурно-политическое значеніе. Позднѣе, уже сдѣлавшись самодержавной императрицей, Екатерина въ своемъ знаменитомъ „Наказѣ“ высказала тѣ же мысли о необходимости умноженія въ Россіи населенія во что бы то ни стало, выраженныя, правда, не въ такой крайней и рѣзкой формѣ: „Россія, писала Екатерина, не только не имѣетъ довольно жителей, но обладаетъ еще чрезмѣрнымъ пространствомъ земель, которыя ни населены, ниже обработаны. Итакъ не можно сыскать довольно ободреній къ размноженію народа въ государствѣ ...Чтобы возстановить Державу, обнаженную отъ жителей, напрасно будемъ ожидать помощи отъ дѣтей, могущихъ впредь родиться. Надежда сія вовсе безвременна; люди, живущіе въ своихъ пустыняхъ, не имѣютъ ни ободренія, ниже раченія. Поля,

---

[1]) Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ., VII, 85.

могущія пропитать цѣлый народъ, едва даютъ прокормленіе одному семейству"...[1]).

Естественнымъ выходомъ изъ этого положенія, по мнѣнію Екатерины и ея сотрудниковъ, является вызовъ въ Россію иностранныхъ колонистовъ. Отъ привлеченія послѣднихъ, помимо увеличенія количества населенія, ожидаютъ большихъ и опредѣленныхъ выгодъ для Россіи и ея коренныхъ обитателей. Предполагается, что колонисты „работами, трудами, промыслами, ремесленными заводами и рукодѣтельными мануфактурами въ короткое время равную же могутъ принесть обширной... имперіи пользу—распространеніе торговлѣ, богатству—какую изгнанные изъ Франціи уничтоженіемъ Нантскаго эдикта протестанты принесли Англіи, Голландіи, Даніи, а особливо болотнымъ, пещанымъ и неплодороднымъ областямъ короля Прусскаго".

Главнымъ же образомъ на иностранныхъ колонистовъ возлагаются теперь надежды, что они „могутъ пріобрѣтеннымъ своимъ искусствомъ, рукодѣльствомъ, промыслами и разными незнаемыми еще въ Россіи машинами открыть (русскимъ) подданнымъ легчайшія и кратчайшія средства къ обработыванію земель, къ распространенію домоваго скота, къ разведенію лѣсовъ, къ употребленію съ пользою всевозможныхъ только произношеній, къ заведенію собственныхъ фабрикъ, къ управленію всего крестьянскаго домоводства"[2]).

Собственно забота о заведеніи новыхъ фабрикъ и заводовъ отходитъ теперь какъ бы на второй планъ: не отказываясь поощрять иностранцевъ къ устройству фабрикъ и заводовъ, въ особенности такихъ, какихъ еще не существовало въ Россіи, правительство главное вниманіе свое обращаетъ въ другую сторону—на заведеніе земледѣльческой культуры въ пустынныхъ степныхъ окраинахъ имперіи и улучшеніе ея тамъ, гдѣ она уже существуетъ, вообще на поднятіе въ Россіи сельскаго хозяйства до того уровня, на какомъ оно находилось тогда въ Западной Европѣ. Въ этомъ заключается существенная разница колонизаціонной политики Екатерины II отъ колонизаціонныхъ проектовъ, составлявшихся въ царствованіе Елисаветы Петровны. Разница эта

---

[1]) Наказъ коммиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія, 265 и 279 ст.

[2]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Реляція Мусина-Пушкина изъ Гамбурга, отъ $^{5}/_{16}$ сентября 1763 г. Этотъ и другіе, упоминаемые въ дальнѣйшемъ изложеніи архивные документы 1762—1763 гг., составляютъ „Дѣло о всемилостивѣйшемъ принятіи иностранныхъ разныхъ націй, кромѣ жидовъ, въ Россію на поселеніе и позволеніи бѣжавшимъ до сего изъ своего отечества россійскимъ подданнымъ возвращаться съ прощеніемъ всѣхъ ихъ преступленій". Документы 1764 и слѣдующихъ годовъ значатся въ Архивѣ подъ рубрикой: „О колонистахъ".

объясняется различіемъ экономическихъ воззрѣній у дѣятелей того и другого царствованія. Государственные люди Елисаветинскаго царствованія, ставя основною цѣлію западно-европейской колонизаціи въ Россіи основаніе шелковыхъ и шерстяныхъ мануфактуръ и вообще введеніе новыхъ видовъ обрабатывающей промышленности, а также совершенствованіе и болѣе широкое развитіе уже существующихъ, дѣйствовали подъ вліяніемъ экономическихъ воззрѣній меркантилизма. Экономическія же воззрѣнія Екатерины II и ея сотрудниковъ до нѣкоторой степени приближаются къ ученію физіократовъ [1]): земледѣліе признается основнымъ производительнымъ трудомъ, источникомъ богатства націи; подмѣчается связь его съ промышленностью и торговлею. *Земледѣліе*, писала Екатерина въ Наказѣ,—*есть первый и главный трудъ, къ которому поощрять людей должно;* второй есть рукодѣліе изъ собственнаго произращенія (le second les manufactures qui mettent en œuvre les propres producations du païs [2])... Не можетъ быть тамъ ни искусное рукодѣліе, ни твердо основанная торговля, гдѣ земледѣліе въ уничтоженіи, или нерачительно производится" [3]).

Такимъ образомъ взгляды русскаго правительства на основныя задачи экономической политики нѣсколько видоизмѣняются; но убѣжденіе въ пользѣ для Россіи иностранной колонизаціи остается: эту пользу видятъ теперь только преимущественно въ расширеніи площади эксплуатируемыхъ земель и усовершенствованіи земледѣлія. Какъ основной и непреложный принципъ политической мудрости, провозглашается положеніе, что „*размноженіе народа и земледѣліе суть крайне важныя и заслуживаютъ, чтобъ каждый государь и каждый министръ, знающій истинную политику, крайнее, во что бы это ни стало, попеченіе о томъ имѣлъ*" [4]).

Въ то же время изъ ремеслъ признаются наиболѣе полезными тѣ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ земледѣлію и вообще къ сельскому хозяйству. Такъ, на сообщеніи русскаго

---

[1]) О воззрѣніяхъ, господствовавшихъ въ тогдашней русской *печатной* оригинальной и переводной экономической литературѣ, см. въ книгѣ профессора Казанскаго университета Н. Н. Ѳирсова: Правительство и Общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II. Очерки изъ исторіи торговой политики. Казань, 1902. Очеркъ I, глава III, 20—38 стр.

[2]) Наказъ, XIII гл., 313.

[3]) Тамъ же, 294 ст.

[4]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Разсужденіе внесенное въ (Лондонскія) газеты отъ 28 сентября 1763 г.".

посла въ Лондонѣ Генриха Гросса [1]) объ отправленіи имъ въ Россію на поселеніе искуснаго кузнеца, швейцарца родомъ, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ было сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: „Такова ремесла люди гораздо Россіи полезнѣе, нежели шелковые и серебряные фабриканты" [2]).

Екатерина, сдѣлавшись самодержавною императрицей, не замедлила приступить къ осуществленію на практикѣ выше изложенныхъ популяціонистскихъ и экономическихъ воззрѣній.

При самомъ вступленіи своемъ на престолъ она заявила, что главнымъ правиломъ себѣ поставляетъ „*имѣть попеченіе и труды* о тишинѣ и благоденствіи ввѣренной отъ Бога пространной имперіи и *о умноженіи* въ оной *обитателей*".

14-го октября 1762 года данъ былъ сенату собственноручно написанный императрицей указъ, которымъ повелѣвалось „разъ навсегда", „безъ дальняго доклада", сносясь лишь съ коллегіей иностранныхъ дѣлъ, принимать всѣхъ желающихъ поселиться въ Россіи иностранцевъ, за исключеніемъ евреевъ [3]). Этимъ распоряженіемъ устранялись пока только излишнія канцелярскія формальности, излишняя канцелярская волокита при „выѣздахъ" въ Россію иностранцевъ.

Въ концѣ того же 1762 и въ началѣ слѣдующаго 1763 года предприняты были болѣе активныя мѣры для привлеченія въ Россію иностранцевъ. 4-го декабря 1762 года Екатерина издала манифестъ, которымъ приглашала всѣхъ иностранцевъ, за исключеніемъ евреевъ, селиться въ Россіи, обѣщая имъ оказывать свою монаршую милость и благоволеніе [4]), при чемъ повелѣла сенату данный манифестъ „публиковать на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ чужестранныхъ газетахъ напечатать" [5]). Исполняя

---

[1]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Цидула Г. Гросса въ коллегію ин. д. отъ $^4/_{15}$ іюня 1764 г.

[2]) Надо замѣтить, впрочемъ, что старыя экономическія воззрѣнія не сразу уступили мѣсто новымъ, но продолжали существовать у дѣятелей Екатерининскаго царствованія параллельно съ новыми. Одновременно со взглядами, очень замѣтно примыкающими къ ученію физіократовъ, высказываются характерно-меркантилистическія воззрѣнія. Когда въ 1763 г. нѣмецъ Яганъ Готфридъ Шнейдеръ, позолотчикъ по ремеслу, выразилъ желаніе переселиться въ Россію и предложилъ для этого свои „кондиціи", то въ Петербургѣ положили на послѣднихъ слѣдующую резолюцію: „Сколько извѣстно, истребителей золота и серебра въ нашемъ отечествѣ и безъ него довольно. Полезнѣя сіи вещи покупать отъ чужестранныхъ и при полезной коммерціи платить ихъ вексельными переводами, нежели заводить и умножать такія фабрики, которыя *металлъ, дѣйствительное государственное богатство*, истребляютъ". М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Реляція резидента Ребиндера изъ Гданска отъ $^{12}/_{23}$ декабря 1763 г. съ приложеніемъ кондицій Шнейдера (на нѣм. яз.).

[3]) Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй, Т. II, прилож. I, 15, стр. 522.

[4]) Полн. Собр. Зак., XVI т., № 11.720.

[5]) Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй, II т., 195 стр.

волю императрицы, сенатъ озаботился напечатанiемъ манифеста на разныхъ языкахъ и при указѣ отъ 29-го декабря препроводилъ въ коллегiю иностранныхъ дѣлъ по сотнѣ экземпляровъ манифеста на русскомъ, французскомъ и другихъ языкахъ, съ тѣмъ, чтобы коллегiя разослала ихъ нашимъ дипломатическимъ агентамъ за границей, предписавъ послѣднимъ способствовать распространенiю манифеста въ тѣхъ земляхъ, гдѣ они аккредитованы[1]). Въ силу этого указа коллегiя иностранныхъ дѣлъ разослала къ русскимъ министрамъ и резидентамъ при чужестранныхъ дворахъ циркулярный рескриптъ, которымъ поручалось имъ „не только извѣстнымъ учинить“ манифестъ императрицы „внесенiемъ его въ обыкновенныя тамошнiя газеты, но притомъ и всевозможное старанiе прилагать, чтобъ оный непремѣнно свое дѣйствiе имѣть могъ“[2]).

Получивъ этотъ рескриптъ вмѣстѣ съ экземплярами манифеста, нѣкоторые изъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ поспѣшили указать центральной власти на недостаточность заключающихся въ манифестѣ обѣщанiй для привлеченiя въ Россiю иностранцевъ. „Одно только обѣщанiе принимать тѣхъ, писалъ изъ Лондона своему дядѣ канцлеру графъ Воронцовъ, — которые къ тому являться будутъ, не можетъ привлечь большаго числа жителей; ибо въ семъ случаѣ оставили бъ они то, что̀ имъ уже надежно, для принятiя того, что̀ имъ еще совсѣмъ безызвѣстно“[3]). Отсюда, по мнѣнiю нашихъ дипломатовъ, вытекала необходимость точно опредѣлить и обнародовать тѣ „авантажи“ и привилегiи, которыми иностранные переселенцы имѣютъ пользоваться въ Россiи, а также установить имъ денежную дачу на путевыя издержки, такъ какъ, главнымъ образомъ, люди бѣдные прибѣгаютъ къ переселенiю[4]).

Признавая основательность этихъ соображенiй, коллегiя иностранныхъ дѣлъ обратилась въ сенатъ съ „доношенiемъ“, въ которомъ, ходатайствуя о назначенiи переселенцамъ денежной дачи на путевые расходы, просила также указать: а) какiя мѣста назначены для поселенiя иностранныхъ колонистовъ; б) какiя „облегченiя и выгоды“ могутъ имъ быть дарованы и в) къ кому должны обращаться колонисты при прохожденiи черезъ русскiе

---

1) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Указъ изъ Правит. Сената коллегiи ин. д.

2) Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ., т. XLVIII, 251 стр. Циркулярный рескриптъ отъ 7 янв. 1763 г.

3) Моск. Гл. Арх. М Ин. Д.: Переводъ экстракта изъ письма гр. Воронцова къ канцлеру отъ 18 февр./1 марта 1763 года.

4) Тамъ-же: Реляцiя графа Остермана изъ Стокгольма отъ 21 февр./4 марта 1763 г.; реляцiя Генриха Гросса изъ Гаги отъ 11/22 февраля 1763 г.

города, чтобы напрасно „не таскаться“ изъ одного мѣста въ другое. При этомъ коллегія сочла нужнымъ напомнить сенату, что она съ такой же просьбой обращалась къ нему въ царствованіе Елисаветы Петровны доношеніемъ отъ 27-го апрѣля 1754 года, присоединивъ и необходимые для рѣшенія данныхъ вопросовъ матеріалы, но что „резолюціи тогда не воспослѣдовало“. Представляя теперь на всякій случай копію съ помянутаго „доношенія“ и всѣхъ къ нему приложеній, коллегія къ числу послѣднихъ присовокупила на этотъ разъ составленные де-Лафономъ „меморіалъ и проектъ“ манифеста, „который хотя и не состоялся, заключила свое „доношеніе“ коллегія, — да и нынѣ по обстоятельствамъ не можетъ во всемъ содержаніи онаго, въ разсужденіи французовъ, изданъ быть, развѣ съ нѣкоторыми отмѣнами; однакожъ не малое облегченіе подать можетъ въ разсмотрѣніи о семъ дѣлѣ въ настоящемъ случаѣ“ [1]).

Сенатъ не спѣшилъ отвѣчать на „доношеніе“ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а между тѣмъ наши дипломатическіе агенты не переставали напоминать послѣдней о необходимости, ради успѣшности колонизаціи, точнаго обозначенія и обнародованія во всеобщее свѣдѣніе тѣхъ „вольностей и выгодъ“, которыми имѣютъ пользоваться переселяющіеся въ Россію иностранцы, вслѣдствіе чего коллегія иностранныхъ дѣлъ („доношеніями“ отъ 25 апрѣля и 16-го іюня 1763 года) снова обратилась въ сенатъ съ ходатайствомъ опредѣлить—„на какомъ основаніи онымъ чужестранцамъ быть, дабы министры, къ которымъ адресуются, знали, въ чемъ ихъ обнадежить“ [2]).

Коллегіи иностранныхъ дѣлъ вѣроятно еще долго и быть можетъ напрасно, какъ это случилось съ доношеніемъ отъ 27-го апрѣля 1754 года, пришлось бы ждать резолюціи сената, если бы не энергія императрицы, неоднократно и настойчиво выражавшей свою волю. Благодаря ея вмѣшательству въ это дѣло, при сенатѣ подъ руководствомъ генералъ-прокурора А. И. Глѣбова былъ выработанъ проектъ даруемыхъ иностраннымъ колонистамъ льготъ. Въ то же время у Екатерины и въ кругу приближенныхъ къ ней лицъ, во главѣ съ гр. Григоріемъ Орловымъ, возникла мысль объ учрежденіи особеннаго „опекунственнаго мѣста“, которое завѣдывало бы иностранной колонизаціей въ Россіи; здѣсь же „будущими опекунами“, какъ выразилась импе-

---

[1]) М. Гл. Арх. М. Ин. Д.: Доношеніе коллегіи ин. д. Правит. Сенату отъ 10 апрѣля 1763 года.

[2]) Тамъ-же: Доношеніе коллегіи ин. д. Правит. Сенату отъ 16 іюня 1763 года.

ратрица, былъ разсмотрѣнъ присланный Глѣбовымъ проектъ и подвергся нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ и дополненіямъ. Послѣ новыхъ совѣщаній съ Глѣбовымъ[1]), канцлеромъ М. И. Воронцовымъ[2]) и другими лицами, 22-го іюля 1763 года были, наконецъ, одновременно обнародованы два законодательные акта, послужившіе фундаментомъ иностранной колонизаціи въ Россіи, именно: указъ объ учрежденіи канцеляріи опекунства иностранныхъ и манифестъ о даруемыхъ иностраннымъ переселенцамъ правахъ и преимуществахъ[3]).

Первымъ изъ этихъ законодательныхъ актовъ былъ созданъ особый центральный административный органъ для насажденія и развитія иностранной колонизаціи въ Россіи. На канцелярію опекунства иностранныхъ возлагалось попеченіе о всѣхъ приходящихъ въ Россію на поселеніе иностранцахъ, чтобъ они „никакому изнуренію или тягости подвергнуты не были", отводъ имъ въ Петербургѣ квартиръ изъ одной или нѣсколькихъ комнатъ, „смотря по числу людей", на время, пока они не будутъ отправлены въ назначенныя имъ для поселенія мѣста; приведеніе въ извѣстность порожнихъ земель и выборъ изъ нихъ мѣстъ удобныхъ для поселенія путемъ составленія ихъ плановъ и описаній, наконецъ, отправленіе колонистовъ изъ Петербурга въ отведенныя имъ мѣстности и водвореніе въ послѣднихъ. Равнымъ образомъ дѣятельность русскихъ дипломатическихъ и иныхъ агентовъ за границею по набору и отправленію въ Россію иностранныхъ переселенцевъ находилась подъ высшимъ наблюденіемъ канцеляріи опекунства и направлялась ея указаніями. Для сношеній съ „за-границей" при президентѣ канцеляріи опекунства учреждалась должность „особаго секретаря, знающаго достаточно иностранные языки". Такъ какъ заранѣе нельзя было опредѣлить число имѣющихъ ежегодно переселяться въ Россію иностранцевъ, то въ распоряженіе канцеляріи „на первый случай, пока больше потребно будетъ", опредѣлено было отпускать изъ камеръ-коллегіи по 200.000 руб. въ годъ какъ на содержаніе самой канцеляріи и квартиръ для иностранцевъ, такъ и для доставленія колонистамъ всего хозяйственнаго обзаведенія: хлѣба, скота, земледѣльческихъ орудій и средствъ для заведенія полезныхъ фабрикъ и заводовъ[4]). Деньги, потребныя канцеляріи опекунства

[1]) Сборн. Истор. Общ., VII, 301—303 стр.
[2]) Архивъ кн. Воронцова, XXVIII, 26 стр.
[3]) Полн. Собр. Законовъ, XVI т., №№ 11.879 и 11.880.
[4]) Тамъ-же, № 11.881. Инструкція канцеляріи опекунства иностранныхъ.

иностранныхъ, предписано было выдавать „тотчасъ, сколько когда требовано будетъ, изъ всякихъ сборовъ, какіе бы на лицо не случались“ [1]).

По своимъ правамъ канцелярія опекунства приравнивалась къ государственнымъ коллегіямъ, т.-е. имѣла характеръ особаго министерства и обязана была отчетностію одной императрицѣ. Она состояла изъ президента, назначаемаго самою императрицей, и членовъ, избираемыхъ президентомъ [2]). Окладъ жалованія служащимъ въ ней былъ назначенъ такой же, какъ и въ прочихъ коллегіяхъ, а именно: статскому совѣтнику 1.500, коллежскому совѣтнику 1.200, секретарю 600, казначею, бухгалтеру и переводчику—каждому по 400 р., канцеляристамъ по 250 р., а знающему по-нѣмецки 300 р., подканцеляристамъ и копіистамъ по 120 р., а знающимъ по-нѣмецки по 130 р. въ годъ [3]). Президентомъ канцеляріи опекунства Екатерина назначила близкое къ ней и довѣренное лицо—гр. Г. Г. Орлова, что уже само по себѣ должно было служить залогомъ успѣшности дѣйствій канцеляріи.

Въ своихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ переселенцамъ канцелярія опекунства должна была руководиться вышеупомянутымъ манифестомъ отъ 22-го іюня 1763 года. Содержаніе этого основного въ исторіи нашей иностранной колонизаціи законодательнаго акта сводится къ слѣдующему:

1. Всѣ иностранцы получаютъ дозволеніе пріѣзжать въ Россію и селиться, гдѣ только пожелаютъ, во всѣхъ русскихъ губерніяхъ, объявляя о своемъ желаніи или канцеляріи опекунства иностранныхъ въ Петербургѣ, или губернаторамъ и прочимъ начальствующимъ лицамъ въ пограничныхъ русскихъ городахъ. Не имѣющіе средствъ для переселенія могутъ обращаться къ находящимся при иностранныхъ дворахъ русскимъ дипломатическимъ агентамъ, которые немедленно будутъ отправлять ихъ въ Россію на казенный счетъ и снабжать деньгами на дорожные расходы.

2. По прибытіи въ Россію иностранные переселенцы обязаны объявить—желаютъ ли они записаться въ купечество или въ цехи, или же поселиться колоніями на свободныхъ и удобныхъ для хлѣбопашества земляхъ. Сообразно изъявленному желанію всякій получаетъ свое назначеніе, при чемъ по своей вѣрѣ и обрядамъ приноситъ обыкновенную присягу на подданство.

---

1) Полн. Собр. Зак., XVII т., № 12.763

2) Тамъ же, XVI т., № 11.879.

3) Тамъ же, XVI т., № 11.890.

3. Иностраннымъ поселенцамъ предоставляются слѣдующія права и преимущества:

а) *Свободное отправленіе вѣры* по своимъ обрядамъ, съ правомъ строить въ колоніяхъ церкви и колокольни (но не монастыри) и имѣть при нихъ потребное число пасторовъ и прочихъ церковно-служителей. Но при этомъ строго воспрещается переселенцамъ склонять въ свою вѣру кого-либо изъ живущихъ въ Россіи христіанъ другихъ исповѣданій, магометанъ же изъ числа сосѣднихъ съ Россіей народовъ дозволяется не только обращать въ христіанство, но и дѣлать себѣ крѣпостными.

б) *Свобода отъ податей и налоговъ всякаго рода, службъ и повинностей* какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, для поселившихся цѣлыми колоніями на пустопорожнихъ мѣстахъ въ продолженіе 30 лѣтъ, для поселившихся въ столицахъ (Петербургѣ и Москвѣ) или въ городахъ Прибалтійскихъ, Ингерманландскихъ, Карельскихъ и Финляндскихъ—на 5 лѣтъ, а въ прочихъ губернскихъ, провинціальныхъ и другихъ городахъ—на 10 лѣтъ. Свободою отъ податей и повинностей пользуются и потомки первыхъ колонистовъ во все продолженіе льготныхъ лѣтъ. По прошествіи означенныхъ льготныхъ лѣтъ переселенцы, какъ и коренные русскіе подданные, обязаны платить всѣ обыкновенныя подати и нести земскія повинности. Но они освобождаются навсегда отъ службы военной и гражданской, кромѣ обыкновенной земской, которую несутъ по истеченіи льготныхъ лѣтъ наравнѣ съ прочими жителями имперіи. Однако переселенцы могутъ по собственному желанію поступать въ солдаты, и въ такомъ случаѣ вступающему въ полкъ дается 30 рублей помимо обыкновеннаго жалованья.

в) Переселенцы получаютъ не только *достаточное количество земли* выгодной и способной какъ для хлѣбопашества, такъ и для заведенія фабрикъ и заводовъ, но и *всякое вспомоществованіе*, сообразно съ состояніемъ каждаго переселенца и тою пользою, которой можно ожидать отъ его дѣятельности.

На особенное вниманіе и содѣйствіе правительства могутъ разсчитывать тѣ переселенцы, которые заведутъ фабрики и заводы небывалые еще въ Россіи, — продукты такихъ фабрикъ и заводовъ (если они до того не были производимы въ Россіи другимъ путемъ) дозволяется вывозить изъ Россіи за границу въ теченіе 10 лѣтъ безъ платежа внутренней, портовой и пограничной пошлины.

г) Иностранные капиталисты, на собственныя средства устроившіе въ Россіи фабрики, мануфактуры и заводы, имѣютъ *право покупать* къ послѣднимъ *крѣпостныхъ людей и крестьянъ*.

д) На постройку домовъ и покупку скота, земледѣльческихъ орудій и необходимыхъ въ ремеслахъ инструментовъ, а равно на пріобрѣтеніе припасовъ и матеріаловъ производится переселенцамъ *изъ казны денежная ссуда* безъ процентовъ съ одною обязанностію лишь выплатить ее по истеченіи 10 лѣтъ въ три года по равнымъ частямъ.

е) Переселенцы получаютъ право безпошлинно *провезти въ Россію* не только *свое имѣніе*, въ чемъ бы оно ни состояло, но и товаровъ для продажи *на сумму не свыше трехсотъ рублей для каждаго семейства* подъ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, если послѣднее проживетъ въ Россіи не менѣе десяти лѣтъ: въ противномъ случаѣ при выѣздѣ своемъ за границу оно платитъ обычныя ввозныя и вывозныя пошлины. Вообще же иностраннымъ поселенцамъ предоставляется *свобода обратно выѣхать за границу*, когда пожелаютъ, но при этомъ они обязаны отдать въ казну изъ всего нажитаго въ Россіи имѣнія извѣстную часть, а именно: прожившіе отъ одного года до пяти лѣтъ—пятую часть, а отъ пяти до десяти лѣтъ и далѣе—десятую.

ж) Поселившіеся особыми колоніями и мѣстечками *пользуются правомъ собственной внутренней юрисдикціи* безъ вмѣшательства въ ихъ распорядки русскихъ властей [1]). Впрочемъ всѣ колонисты обязаны подчиняться русскому гражданскому праву.

з) Переселенцамъ позволяется въ основанныхъ ими колоніяхъ *заводить* по собственному усмотрѣнію *торги и ярмарки*, не уплачивая за это никакихъ казенныхъ сборовъ и пошлинъ.

и) Переселенцамъ со дня прибытія на русскую границу даются до мѣста назначенія *кормовыя деньги и безденежно* подводы [2]).

і) Наконецъ, помимо всѣхъ этихъ правъ и льготъ, дарованныхъ всѣмъ вообще иностраннымъ переселенцамъ, послѣднимъ пунктомъ манифеста дозволялось желающимъ изъ нихъ выгова-

---

[1]) Въ скоромъ времени (1-го марта 1764 года) это право подверглось нѣкоторому ограниченію: было постановлено съ выѣзжающими въ Россію иностранцами заключать особые письменные договоры относительно внутренняго ихъ управленія; договоры эти должны быть представляемы на утвержденіе сената, послѣ чего они дѣлаются обязательными для всѣхъ колонистовъ, къ которымъ относятся. Полн. Собр. Зак., XVI т., № 12.095.

[2]) Первоначально кормовыя деньги выдавались въ слѣдующемъ размѣрѣ: мужчинамъ по 15 коп., женщинамъ по 10, а дѣтямъ, смотря по возрасту, отъ 2 до 6 коп. въ сутки; но затѣмъ, въ 1766 г. 19 мая, рѣшено было уменьшить мужчинамъ размѣръ кормовыхъ денегъ до 10 коп., въ виду того, что колонисты употребляютъ кормовыя деньги, не взирая на знатную здѣсь противъ Гамбурга въ съѣстныхъ припасахъ дешевизну, по большей части не съ такою бережливостью, какой бы собственная ихъ польза требовала, но *больше на вино и на другія излишества проматываютъ*. Полн. Собр. Зак. XVII т., № 12.651.

ривать себѣ особыя преимущества, обращаясь съ просьбами по этому дѣлу въ канцелярію опекунства иностранныхъ [1]).

Къ манифесту 22-го іюля былъ приложенъ реестръ свободныхъ и удобныхъ къ заселенію земель. Таковыми были объявлены слѣдующія мѣста [2]):

I. Въ Сибири: по Барабинской степи и близъ Усть-Каменогорской крѣпости, а также по рѣкамъ: Убѣ, Улбѣ, Березовкѣ, Глубокой и по другимъ, впадающимъ въ Иртышъ.

II. Въ тогдашней Астраханской губерніи: отъ Саратова вверхъ по Волгѣ и по рѣчкамъ: Тилюнѣ, Вертубани, Иргизу, Санзалеѣ, Березовкѣ, Малому Иргизу, и отъ Саратова внизъ по Волгѣ, ниже рѣчки Мухоръ-Торлыка, при Камышевомъ Буеракѣ, по рѣчкѣ Малому Иргизу, Нижнему Еруслану, Яблонному Буераку.

III. Въ Оренбургской губерніи: по рѣкѣ Сакмарѣ, въ 40 верстахъ отъ Оренбурга, и внизъ рѣки Самары, отъ Оренбурга въ 300 верстахъ, до рѣки Конели и по рѣкѣ Иргизу.

IV. Въ Воронежской губерніи, по рѣчкамъ: Журавкѣ, Геркулу, Биткѣ и Осколу, въ предѣлахъ Валуйскаго уѣзда.

Въ предѣлахъ данной территоріи иностраннымъ поселенцамъ предоставлялось право водворяться по своему усмотрѣнію, гдѣ пожелаютъ, при чемъ не воспрещалось, однако, селиться и на другихъ, помимо указанныхъ въ реестрѣ, свободныхъ земляхъ.

Въ соотвѣтствіе центральному органу, вѣдавшему дѣло иностранной колонизаціи — канцеляріи опекунства иностранныхъ — первоначально не было создано за границей мѣстныхъ спеціальныхъ органовъ по набору и отправленію колонистовъ въ Россію: и то и другое было возложено на русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ иностранныхъ государствахъ. Посредствующимъ звеномъ въ этомъ дѣлѣ между канцеляріей опекунства иностранныхъ и нашими дипломатами естественно явилась коллегія иностранныхъ дѣлъ. Въ дополненіе и разъясненіе манифеста отъ 22-го іюля и какъ руководство при наборѣ и отправленіи колонистовъ, изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ былъ посланъ рядъ циркулярныхъ рескриптовъ къ нашимъ министрамъ и резидентамъ при иностранныхъ дворахъ.

---

[1]) Ср. 15 пунктъ манифеста датскаго короля и 9-й пунктъ „кондицій", выработанныхъ при Елисаветѣ Петровнѣ коллегіей иностранныхъ дѣлъ.

[2]) Впослѣдствіи рѣшено было главное вниманіе обратить на колонизацію территоріи между Волгой и Дономъ. См. Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 12.095. (Высочайше утвержденный докладъ сенату канцеляріи опекунства иностранныхъ, 19 марта 1764 года).

Согласно этимъ циркулярамъ, при отправленіи переселенцевъ наши дипломатическіе агенты должны соблюдать умѣренность и не дѣлать никакихъ лишнихъ расходовъ, выдавая денежную ссуду и подмогу лишь тѣмъ изъ нихъ, которые окажутся въ дѣйствительной нуждѣ и пожелаютъ ѣхать въ Россію на поселеніе и на вступленіе въ подданство на предписанные въ манифестѣ годы; при этомъ предписывается слѣдить, чтобъ получившіе деньги на самомъ дѣлѣ отправлялись въ Россію, а не оставались въ прежнемъ мѣстѣ жительства[1]). Обязанность открыто оказывать содѣйствіе отправленію переселенцевъ въ Россію возлагалась лишь на тѣхъ нашихъ дипломатовъ, которые аккредитованы при правительствѣ тѣхъ странъ, откуда эмиграція не воспрещается мѣстными законами, „ибо инако непристойно аккредитованному министру явнымъ образомъ сдѣлаться вербовщикомъ людей той земли подданныхъ, гдѣ онъ пребываетъ, подговаривать и подъ своею протекціею партіями и фамиліями высылать“. Тамъ, гдѣ эмиграція воспрещена, нужно поступать съ осторожностью, „чтобы ни малѣйшей не могло быть причины къ неудовольствію и нареканію отъ того двора“, при которомъ аккредитованъ русскій министръ или резидентъ; въ виду этого переселенцамъ, принадлежащимъ къ числу подданныхъ такихъ странъ, предписывается паспортовъ не давать, „а оставлять каждому на его собственное попеченіе выѣздъ его изъ своего отечества“; по отношенію же къ иностранцамъ, проживающимъ въ подобныхъ странахъ, можно дѣйствовать болѣе открыто[2]). Съ особою осмотрительностію нужно относиться къ фабрикантамъ и мануфактурщикамъ, которые, имѣя намѣреніе завести въ Россіи шелковыя и другія фабрики, не довольствуются обѣщаніями, заключающимися въ манифестѣ отъ 22-го іюля, но требуютъ особыхъ, точно опредѣленныхъ условій. Наводя тщательныя справки о личности и искусствѣ подобнаго рода эмигрантовъ, но не заключая съ ними контракта, не выдавая впередъ денегъ и не отправляя въ Россію, наши дипломатическіе агенты обязаны требовать отъ нихъ умѣренныхъ условій и собрать слѣдующія свѣдѣнія для представленія центральному правительству: 1) на какомъ основаніи намѣрены они завести фабрики: на свои ли средства, или

---

[1]) Сборн. Истор. Общ., XLVIII, 571—572: циркулярный рескриптъ отъ 12 августа 1763 г.; Московскій Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: Указъ Правит. Сената коллегіи ин. д. отъ 13 августа 1763 г. и циркулярный рескриптъ отъ 25-го того же августа.

[2]) Сборн. Ист. Общ., LI, 126—127: циркулярный рескриптъ отъ 28 ноября 1763 года.

же съ нѣкоторымъ вспоможеніемъ отъ казны, обязываясь возвратить его впослѣдствіи въ нѣсколько сроковъ; 2) сколько въ компаніи каждаго ремесленниковъ и какого именно ремесла и сколько имъ понадобится денегъ на проѣздъ въ Россію, если они не имѣютъ для этого своихъ средствъ; 3) могутъ ли они достаточно обучить своему искусству русскихъ учениковъ и за какую плату; 4) какіе сорты шелковыхъ и другихъ матерій будутъ они производить на своихъ фабрикахъ и изъ какихъ именно матеріаловъ—туземныхъ русскихъ, или же иностранныхъ, и если изъ иностранныхъ, то „на какомъ основаніи“ придется „выписывать“ ихъ изъ-за границы; 5) для приведенія въ дѣйствіе фабрикъ не требуется ли имъ вывезти съ собой изъ-за границы нѣкоторыхъ инструментовъ или ихъ моделей и рисунковъ, и сколько на это потребуется денегъ.

„Кондиціи“ эмигрирующихъ фабрикантовъ должны быть изложены ясно и обстоятельно, чтобы не возбуждать никакихъ недоумѣній и тѣмъ дать возможность центральному правительству безъ замедленія дать на нихъ такой или иной отвѣтъ. При этомъ слѣдуетъ предупреждать переселяющихся, что имъ позволяется строить фабрики въ разстояніи 60-ти верстъ и ближе отъ столичныхъ городовъ, но отнюдь не въ самыхъ столицахъ.

Вообще же предписывалось строго слѣдить за тѣмъ, чтобы въ Россію переселялись лишь такіе фабриканты и мануфактурщики, отъ которыхъ по совершенному ихъ искусству въ заведеніи и распространеніи желаемыхъ фабрикъ можно ожидать настоящей пользы, а не напраснаго убытка.

При всемъ томъ наши дипломаты должны имѣть въ виду, что Россіи *„особливо нужны земледѣльцы и пахотные люди*, которыхъ, *сколь много бъ не являлось* охотниковъ“ къ переселенію, слѣдуетъ отправлять „безъ всякихъ затрудненій“ къ русскимъ границамъ на основаніи публикованныхъ манифестовъ[1]).

При снабженіи переселенцевъ деньгами на дорогу надлежитъ заблаговременно доносить въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, сколько кому дано денегъ и до котораго именно мѣста. Лучше же, если возможно будетъ, давать ассигновки на полученіе такихъ денегъ въ пограничныхъ русскихъ городахъ[2]).

Но еще прежде чѣмъ одни изъ циркулярныхъ рескриптовъ были изданы, а другіе успѣли дойти по назначенію и оказать

---

¹) Сборн. Истор. Общ., LI, 69—70: циркулярный рескриптъ отъ 28 октября 1763 года.

²) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: циркулярный рескриптъ отъ 16 декабря 1763 года.

свое дѣйствіе, уже начался наборъ и отправленіе въ Россію колонистовъ; каждый изъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ спѣшилъ заявить свое усердіе отправленіемъ возможно большаго числа колонистовъ, не обращая вниманія на нравственную и физическую пригодность эмигрирующихъ элементовъ.

Болѣе осторожно, повидимому, дѣйствовалъ русскій посолъ въ Голландіи Генрихъ Гроссъ, писавшій въ своей реляціи отъ 18/29 ноября 1763 года, между прочимъ, слѣдующее: „Понеже по сю пору у меня ради поселенія не явилось кромѣ самыхъ нѣкоторыхъ *вѣтренныхъ и негодныхъ французовъ*, кои только деньгами на проѣздъ напрасно пользоваться хотѣли, того ради и по сю пору я на囗коштѣ вашего императорскаго величества никого не отправилъ“ [1]). Въ этой осторожности Гросса на самомъ дѣлѣ играла не маловажную роль національность являвшихся къ нему эмигрантовъ. Нѣмецъ по національности и виртембергскій подданный, Генрихъ Гроссъ вообще былъ противъ пересесенія въ Россію французовъ; онъ старался даже заподозрить въ глазахъ русскаго правительства политическую благонадежность французскихъ переселенцевъ. Такъ, въ реляціи отъ 5/16 декабря того же 1763 года, сообщая объ отклоненіи имъ проекта о наборѣ для Россіи 6.000 человѣкъ въ Австрійскихъ Нидерландахъ, Фландріи, Шампаніи, Лотарингіи и Люттихѣ, вслѣдствіе чрезмѣрности притязаній составителя этого проекта французскаго инженера Жибралтара и вообще рискованности всего предпріятія, Гроссъ писалъ: „Я надѣюсь, что ваше императорское величество всемилостивѣйше соизволите апробовать поступокъ мой толь наипаче, что *на колоніи, почти совсѣмъ изъ французовъ состоящей и на границѣ Вашей имперіи переселяемой, по легкомысленности того народа полагаться не можно было бъ и опасаемо, что при первомъ какомъ неудовольствіи часть оныхъ не отошла за границы къ смежнымъ варварскимъ народамъ, обучая оныхъ въ художествахъ къ предосужденію вашего величества имперіи*“ [2]). Когда коллегія иностранныхъ дѣлъ сообщила данную реляцію Гросса канцеляріи опекунства иностранныхъ, то послѣдняя въ отвѣтъ на нее замѣтила, что „мѣста къ населенію легкомысленныхъ народовъ можно избрать въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ границъ сосѣдственныхъ державъ“ [3]).

---

[1]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ же: „Промеморія изъ канцеляріи оп. ин. въ коллегію ин. д. отъ 25 февр. 1764 г.“

Другіе наши дипломатическіе агенты, согласно съ намѣреніями правительства, не обращали вниманія на національность являвшихся къ нимъ иностранцевъ и охотно снабжали ихъ деньгами на дорогу въ Россію. Раньше другихъ дипломатовъ приступилъ къ набору переселенцевъ въ Россію нашъ резидентъ въ Данцигѣ Ребиндеръ. Онъ еще до изданія манифеста 22-го іюля, въ апрѣлѣ и маѣ 1763 года, отправилъ въ Россію нѣсколько десятковъ переселенцевъ, среди которыхъ на ряду съ нѣмцами попадались и поляки [1]). Послѣ изданія манифеста 22 іюля Ребиндеръ усилилъ свою дѣятельность по набору переселенцевъ и съ цѣлію привлечь возможно бо́льшее число ихъ не скупился на расходы: онъ не только отправлялъ переселенцевъ моремъ на казенный счетъ, согласно манифесту, но и выдавалъ каждой семьѣ денежное пособіе, иногда довольно значительное. Впрочемъ, цифры говорятъ краснорѣчивѣе словъ, а потому приведемъ сполна „списокъ отправленныхъ“ имъ (въ сентябрѣ 1763 г.) переселенцевъ съ обозначеніемъ, „сколько каждому денегъ выдано“:

Канатнаго дѣла мастеръ Яганъ Циммеръ съ женою и подмастерьемъ Томасъ Шмидскимъ получилъ . . .	45	гульд.
Кожевникъ Яганъ Даніель Прустъ	130	„
Сапожникъ Христофоръ Зидель	30	„
Портной Христіанъ Вирзингъ съ женою и тещею.	100	„
Плотникъ Якобъ Флодъ	100	„
Плотничьяго дѣла подмастерье Яганъ Христіанъ Гедике съ женою и дѣтьми	100	„
Онаго же дѣла подмастерье Яганъ Христіанъ Сандеръ	200	„
Перчаточный мастеръ Яганъ Натанаель Винценіусъ	45	„
Служивалъ кучеромъ Мартынъ Будбергъ съ женою и ребенкомъ	90	„
Купецъ Христіанъ Габріель Генгенсъ съ женою и четырьмя дѣтьми	300	„

Всего на 24 чел., считая женщинъ и дѣтей, дано 1140 гульд.

Сверхъ этого, перевозъ пожитковъ переселенцевъ на корабль обошелся 90 гульденовъ [2]), да за провозъ самихъ пере-

---

[1]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Письмо Ребиндера къ канцлеру отъ $^1/_{12}$ апрѣля и реляція отъ 4 мая 1763 года.

[2]) По тогдашнему курсу русскій рубль равнялся $4^1/_2$ гульденамъ.

селенцевъ отъ Данцига до Петербурга пришлось уплатить 32 рубля [1]).

Нашъ посланникъ при берлинскомъ дворѣ князь Долгоруковъ, несмотря на то, что эмиграція изъ прусскихъ владѣній строго воспрещалась, отправилъ въ Россію водою и сухимъ путемъ нѣсколько ремесленниковъ и „фабрикантовъ", давъ имъ всѣмъ на проѣздъ, а двоимъ сверхъ того на уплату долговъ, въ общей сложности 222 червонныхъ. По этому поводу изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ отправленъ былъ къ Долгорукову рескриптъ, которымъ выражалось ему порицаніе за неумѣренные расходы и предписывалось вообще на тратить денегъ на отправленіе въ Россію прусскихъ подданныхъ, такъ какъ всѣ издержки на это могутъ оказаться совершенно безрезультатными вслѣдствіе помянутаго запрещенія эмиграціи изъ Пруссіи[2]).

Однако и въ странахъ, откуда эмиграція не воспрещалась существующими законами, издержки нашихъ дипломатическихъ агентовъ по набору и отправленію колонистовъ не всегда приводили къ желаннымъ результатамъ. Особенно неудачными, — чего и естественно было ожидать,—оказались первые шаги нашихъ дипломатовъ на этомъ поприщѣ дѣятельности: ихъ неопытность и увлеченіе идеей колонизаціи, въ связи съ отсутствіемъ правильной организаціи переселенческаго дѣла, приводили нерѣдко къ напрасной тратѣ денегъ. Характернымъ въ данномъ отношеніи является инцидентъ, случившійся съ нашимъ посломъ въ Лондонѣ графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ[3]). Инцидентъ этотъ представляетъ еще и тотъ интересъ, что наглядно знакомитъ насъ съ тѣмъ, какіе элементы западно-европейскаго общества эмигрировали въ Россію.

Ревностныя старанія графа Воронцова набрать возможно бóльшее число колонистовъ увѣнчались, повидимому, успѣхомъ: нашлось „около двухсотъ, а можетъ быть и до трехсотъ человѣкъ", изъявившихъ желаніе отправиться въ Россію на поселеніе. Значительное число ихъ сейчасъ же стало получать изъ русскаго посольства и деньги на пропитаніе „по нѣскольку шиллинговъ на день". Озабочиваясь отправленіемъ колонистовъ въ Россію, гр. Воронцовъ нанялъ для этого особый корабль подъ на-

---

[1]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Канцелярская цидула въ госуд. коллегію ин. д. отъ обрѣтающагося въ Гданскѣ полковника и резидента" $^{17}/_{28}$ сент. 1763 г.

[2]) Сбор. И. Общ., т. LI, 115—118 стр.

[3]) Вскорѣ послѣ этого инцидента гр. Воронцовъ былъ перемѣщенъ въ Гагу на мѣсто Генриха Гросса, а Гроссъ занялъ его мѣсто въ Лондонѣ. См. рескрипты къ гр. Воронцову и Гроссу отъ 9 дек. 1763 г. въ Сбор. Ист. Общ., LI т., 134—136 стр.

званіемъ „Sally“, договорившись съ хозяиномъ послѣдняго Джонсономъ уплатить за пропитаніе и провозъ ихъ до Либавы по три гинеи съ половиною съ человѣка, полагая общее число отправляемыхъ болѣе двухсотъ. Въ счетъ означенной платы было выдано капитану впередъ 250 гиней, остальныя же деньги, согласно контракту, имѣли быть уплачены въ Либавѣ тѣмъ лицомъ, которое командируетъ туда русское правительство для пріема колонистовъ. Конечнымъ пунктомъ избрана была Либава (городъ не принадлежавшій еще тогда Россіи), потому что ни одинъ изъ капитановъ не согласился ѣхать въ Ригу (вѣроятно изъ-за того, что была уже поздняя осень), большинство же предлагало довезти колонистовъ лишь до Данцига, „на что я, доносилъ гр. Воронцовъ,—отнюдь не согласился въ разсужденіи, что такимъ случаемъ можетъ быть бы и бо́льшая часть сихъ людей остались въ прусскихъ областяхъ и не дошли бы до россійской границы; впрочемъ, такія же предосторожности при отправленіи ихъ и здѣсь возмутся и капитану наставленія дадутся, что ни одинъ изъ нихъ утратиться не можетъ“ [1]). На дѣлѣ однако вышло иначе,—большинство набранныхъ колонистовъ „утратилось“ предъ самымъ отправленіемъ изъ Лондона въ Либаву: однихъ переманило англійское правительство для своихъ колоній, другихъ—каролинская компанія для заселенія Каролины (въ Сѣверной Америкѣ). Агенты означенной компаніи, распространяя о Россіи ложные слухи, дѣйствовали настолько успѣшно, что сманили около 40 человѣкъ такихъ, которые уже получали изъ посольства деньги на пропитаніе; въ концѣ концовъ желающихъ ѣхать въ Россію оказалось всего 68 „головъ“. Въ первыхъ числахъ ноября ст. ст. этотъ „bétail humain“ отправился въ путь подъ руководствомъ выбранныхъ изъ его среды „инспекторовъ“. Кораблемъ командовалъ капитанъ Александръ Муррей (Murray). Погода неблагопріятствовала путешествію: въ Сѣверномъ морѣ корабль претерпѣлъ сильную бурю и попалъ на мель, откуда выбравшись съ большимъ трудомъ, присталъ у береговъ Зеландіи въ Цирикзее (Голландія) ради исправленія поврежденій. Между тѣмъ колонисты, пока корабль стоялъ здѣсь на рейдѣ, украли находившійся въ междупалубномъ пространствѣ (en soulevant une planche de l'entre pont) боченокъ водки, „которую и пили между собою въ количествѣ достаточномъ, чтобы потерять разсудокъ“. Какъ разъ въ день этой попойки капитанъ, находя вѣ-

[1]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Экстрактъ изъ реляціи полномочнаго министра гр. Воронцова изъ Лондона отъ 21 октября/1 ноября 1763 года.

теръ благопріятнымъ, рѣшилъ продолжать путешествіе; но еще не успѣлъ корабль потерять изъ вида городъ, какъ „одинъ изъ тѣхъ, которые принимали участіе въ попойкѣ, увидѣвъ землю и вообразивъ, что она была очень близко, подогрѣтый винными парами (échauffé par les vapeurs de la liqueur), рѣшилъ, что можно достигнуть берега вплавь и потому бросился въ море“, гдѣ мгновеніе спустя исчезъ изъ глазъ. Считая нужнымъ довести объ этомъ происшествіи до свѣдѣнія городскихъ властей, капитанъ отправился въ городъ. Во время его отсутствія между колонистами и матросами корабля произошла ссора, вслѣдствіе которой послѣдніе отказались продолжать путешествіе и сошли на берегъ. Лишь при содѣйствіи городского магистрата, приславшаго свою стражу, капитану удалось вернуть свой экипажъ на корабль. Водворивъ здѣсь спокойствіе, капитанъ рѣшилъ было снова пуститься въ плаваніе, какъ вдругъ при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ произошла буря, отъ которой корабль настолько пострадалъ, что было опасно продолжать на немъ путешествіе. Колонисты взбунтовались, рѣшительно отказались продолжать путешествіе и сошли на берегъ; изъ 68 лишь 14 человѣкъ остались на кораблѣ. Часть покинувшихъ корабль обратилась съ прошеніемъ къ русскому послу въ Голландіи (Генриху Гроссу): категорически отказываясь вернуться на корабль и вообще ѣхать моремъ, они просили отправить ихъ въ Россію сухимъ путемъ. Наведя справки относительно даннаго инцидента и снесясь съ гр. Воронцовымъ, Гроссъ не счелъ возможнымъ исполнить просьбу колонистовъ, и они были предоставлены самимъ себѣ, получивъ свободу идти, куда хотятъ. Потерпѣвшій отъ бури корабль „Салли“ направился обратно въ Англію, но, не доходя до ея береговъ, погибъ. Нашему правительству пришлось однако уплатить собственнику корабля всю сумму (съ процентами — 393 фунта стерлинговъ и 15 шиллинговъ), которая по контракту слѣдовала за провозъ до Либавы болѣе двухсотъ человѣкъ колонистовъ, тѣмъ болѣе, что въ это дѣло вмѣшался англійскій посолъ Макартней. Графу Воронцову оставалось лишь утѣшать себя размышленіями на тему, что „обыкновенно начало такихъ предпріятій бываетъ болѣе убыточно, нежели полезно, и только время и экспеpieнція, наконецъ, научаютъ и самими ошибками впредь съ лучшимъ успѣхомъ дѣло исправлять и въ такія сѣти не впадать“ [1]).

---

[1]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Реляціи гр. Воронцова изъ Лондона отъ 2/13 ноября 1763 г., 4/15 янв., 23 янв./3 февраля и 15/26 марта 1764 г., его же реляція изъ Гаги отъ 1/12 августа 1764 г.; реляція Гросса изъ Гаги отъ 28 ноября/9 декабря 1763 г. съ приложеніемъ прошенія колонистовъ; письмо Гросса къ гр.

Болѣе опытному нашему посланнику въ Гамбургѣ А. С. Мусину-Пушкину, несмотря на принятыя имъ предосторожности, не всегда удавалось избѣжать напрасной траты денегъ: нерѣдко случалось у него, въ особенности на первыхъ порахъ, что набранные колонисты, получивъ кормовыя деньги, скрывались предъ самою посадкой на корабль, который долженъ былъ отвезти ихъ въ Россію. Мусинъ-Пушкинъ склоненъ былъ обвинять въ этомъ прусскихъ вербовщиковъ, но могло быть и такъ, что являвшіеся къ нему „подонки" Германіи не думали ни о какомъ переселеніи, а хотѣли лишь воспользоваться кормовыми деньгами, чтобы потомъ скрыться [1]).

Еще въ худшемъ положеніи оказались тѣ наши дипломаты, которымъ приходилось отправлять колонистовъ сухимъ путемъ: забравъ деньги на дорогу, рѣдко кто изъ послѣднихъ на самомъ дѣлѣ отправлялся въ Россію. „Изъ отправляемыхъ отъ пребывающаго въ Вѣнѣ Россійскаго министра князя Голицына, писала въ маѣ 1764 г. канцелярія опек. ин. въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, — донынѣ еще никто не явился, кромѣ одного сербенина Афанасья Поповича, о которомъ онъ въ реляціи своей между прочимъ прописываетъ" [2]). „Я нынѣ непріятными опытами уже спозналъ, доносилъ Симолинъ изъ Регенсбурга, — что даваемыя таковымъ людямъ (колонистамъ) на проѣздъ деньги рѣдко въ пользу употреблены бываютъ, *ибо многіе изъ таковыхъ*, коимъ я по ихъ горькимъ просьбамъ и представленіямъ о ихъ бѣдности и нуждѣ нѣсколько денегъ на проѣздъ давалъ, *безсовѣстно поступали и въ Россію не поѣхали*" [3]).

Въ видахъ упорядоченія переселенческаго движенія, Симолинъ предложилъ учредить въ Любекѣ должность особаго коммиссара, къ которому находящіеся въ Германіи русскіе дипломатическіе агенты могли бы направлять являющихся къ нимъ колонистовъ, а онъ отправлялъ бы ихъ моремъ въ Россію [4]).

Воронцову отъ 27 ноября/8 декабря 1763 г.; письмо капитана Муррей къ Гроссу отъ 16/27 дек. 1763 г; письма гр. Воронцова къ Гроссу отъ 5/16 и 9/20 декабря 1763 г.; промеморія изъ канцеляріи опек. ин. въ коллегію ин. д. отъ 19 ноября 1764 г.; экстрактъ изъ конференціальной записки бытности у его сіятельства вице-канцлера въ 15 день августа 1765 года чужестранныхъ министровъ; справка въ коллегіи ин. д. отъ 31 августа 1765 г.; промеморія коллегіи ин. д. въ канцелярію опек. иност. (августъ 1765 года).

[1]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Реляція Мусина-Пушкина отъ 3/14 окт. 1763 г. и счетъ при реляціи отъ 7/18 окт. того же года.

[2]) Тамъ-же: „Промеморія изъ канцеляріи опек. ин. въ коллегію ин. д. отъ 4 мая 1764 г.".

[3]) Тамъ-же: „Переводъ съ реляціи министра Симолина изъ Регенсбурга отъ 14/25 февр. 1764 г.".

[4]) Тамъ-же: Реляція Симолина изъ Регенсбурга отъ 24 сентября/5 октября 1763 г.

Предложеніе Симолина, по докладу коллегіи иностранныхъ дѣлъ, было утверждено императрицей [1]), и Мусину-Пушкину поручено было пріискать въ коммиссары „способнаго и надежнаго человѣка“, „дать ему довольное наставленіе“ относительно предстоящей ему дѣятельности и отрекомендовать его со своей стороны городу Любеку „пристойнымъ образомъ“ [2]). По представленію Мусина-Пушкина коммиссаромъ былъ назначенъ купецъ Генрихъ Шмитъ съ жалованіемъ по 500 рублей въ годъ [3]). Такимъ образомъ въ Германіи, какъ такомъ мѣстѣ, откуда преимущественно являлись колонисты, созданъ былъ спеціальный органъ для отправленія ихъ въ Россію. Бóльшая часть нашихъ дипломатическихъ агентовъ получила предписаніе отсылать являющихся у нихъ эмигрантовъ въ Любекъ, какъ центральный пунктъ, изъ котораго переселенческое движеніе направлялось въ Россію [4]), но денегъ имъ на дорогу до Любека не давать „ради избѣжанія отъ утраты оныхъ чрезъ бездѣльныхъ и даннаго обѣщанія не содержащихъ людей“ [5]). Въ пользу послѣдней мѣры Симолинъ приводилъ то соображеніе, что „добрый работникъ можетъ въ Германіи въ короткое время столько нажить, сколько ему и съ домашними своими въ пути до Любека на нужное содержаніе надобно быть можетъ; и если такіе люди истинное намѣреніе имѣютъ сыскать“ въ Россіи „лучшее себѣ пропитаніе, нежели въ отечествѣ своемъ, то они весьма и тѣмъ довольны будутъ, что имъ изъ Любека всевозможное вспоможеніе учинится, слѣдовательно, и сами всѣ свои старанія приложатъ, дабы до означеннаго города дойтить“ [6]). Однако, чтобы строгимъ примѣненіемъ этой мѣры „не отвратить и добросовѣстныхъ отъ правдиваго ихъ намѣренія“, канцелярія опекунства иностранныхъ дѣлъ рекомендовала „въ такихъ случаяхъ ихъ уговаривать, чтобъ они, ежели собственнаго достатка на проѣздъ до Любека не имѣютъ, то бъ отъ знаемыхъ ими на то займствовали безъ излишества, съ тѣмъ, что какъ скоро у коммиссара въ Любекѣ явятся и водою въ С.-Петербургъ отправлены будутъ, то оной о томъ министровъ Россійскихъ немедленно увѣдомить, почему занятое число, кому слѣдуетъ, возвращаемо будетъ безъ всякаго продолженія“.

---

[1]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Всеподданнѣйшій докладъ коллегіи ин. д. отъ 15 дек. 1763 г.

[2]) Тамъ-же: Рескриптъ къ Мусину-Пушкину отъ 9 января 1764 г.

[3]) Тамъ-же: Реляція Мусина-Пушкина отъ 10/21 февраля 1764 г.

[4]) Тамъ-же: Циркулярный рескриптъ отъ 9 января 1764 г.

[5]) Тамъ-же: Промеморія изъ канцеляріи опек. ин. въ коллегію ин. д. отъ 4 мая 1764 г.

[6]) Тамъ-же: Переводъ съ реляціи Симолина изъ Регенсбурга отъ 14/25 февраля 1764 г.

Благодаря этимъ распоряженіямъ, переселенческое движеніе съ внѣшней стороны нѣсколько упорядочилось, обманы со стороны колонистовъ стали менѣе возможны, но составъ переселенческихъ партій не улучшился: какъ и раньше, отправляли въ Россію всякаго, кто бы ни пожелалъ, не обращая вниманія на нравственную и физическую пригодность эмигрантовъ. Вспоминая это, колонистъ Plathen впослѣдствіи писалъ:

Stadt Lübeck war der Ort
Wo man thät engagiren;
Da konnte, wer da wollt'
Jung, Alt, ja Gross und Klein,
Zu diesem Gastgebot
Bald eingeladen seyn.

Эмигрировалъ въ Россію, главнымъ образомъ, городской пролетаріатъ, оборванцы и пропоицы изъ разныхъ слоевъ общества, въ родѣ автора цитуемой поэмы, который говоритъ о себѣ, что онъ—„ein Officier, auch gut von Adel wär", и такъ характеризуетъ свое положеніе предъ поступленіемъ въ колонисты:

Mundirung, Geld und Gut
Thät mir nun gänzlich fehlen;
Kurz, meine ganze Sach'
War herzlich schlecht bestellt;
Jch konnt'es ohne Klag'
Vor Leuten nicht verhehlen:
Ich musste barfuss gehen,
Kein Schnapps war nicht zu wählen [1]).

2.

Для привлеченія въ Россію возможно бóльшаго числа иностранныхъ колонистовъ наши дипломатическіе агенты должны были принимать мѣры къ распространенію за границей, среди тамошняго населенія, свѣдѣній о колонизаціонныхъ мѣропріятіяхъ русскаго правительства и о даруемыхъ переселенцамъ пособіяхъ, льготахъ и привилегіяхъ.

Въ этихъ видахъ нашъ резидентъ въ Митавѣ Симолинъ [2]) потребовалъ отъ герцога Курляндскаго, чтобы манифесты императрицы, приглашавшіе иностранцевъ селиться въ Россіи, были

[1]) „Reise-Beschreibung der Kolonisten, wie auch Lebensart der Russen", von einem Officier Plathen (1764—1770). Напечатано въ приложеніи къ книгѣ Клауса: „Наши колоніи". Спб. 1869 г.

[2]) Не нужно смѣшивать его съ другимъ Симолинымъ, представителемъ Россіи въ Регенсбургѣ.

разосланы по всѣмъ Курляндскимъ приходамъ и прочитываемы въ церквахъ каждое воскресенье; „такимъ образомъ, доносилъ Симолинъ своему правительству, — вся Курляндія о содержаніи ихъ извѣстна учинится“ [1]). Само собою разумѣется, что такія радикальныя мѣры можно было принимать лишь въ Курляндіи, гдѣ русскій резидентъ распоряжался какъ дома. Въ другихъ мѣстахъ приходилось изыскивать для той же цѣли иныя мѣры. Въ качествѣ такого рода мѣры наше правительство предписало своимъ дипломатическимъ агентамъ печатаніе манифестовъ императрицы въ иностранныхъ газетахъ, а равно распространеніе отдѣльныхъ печатныхъ экземпляровъ ихъ [2]). Такимъ образомъ манифесты императрицы отъ 4 декабря 1762 года и отъ 22 іюля 1763 года были напечатаны въ газетахъ французскихъ и нѣмецкихъ, издававшихся въ Голландіи и въ вольныхъ городахъ Германіи [3]), а также въ газетахъ Даніи, Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Первый манифестъ, сверхъ того, былъ напечатанъ въ газетахъ шведскихъ и австрійскихъ, а второй представителемъ Россіи въ Регенсбургѣ Симолинымъ былъ изданъ отдѣльно на нѣмецкомъ языкѣ и разосланъ при газетахъ въ видѣ особаго приложенія [4]).

Приведеніе въ исполненіе этой мѣры оказалось, однако, далеко не вездѣ удобнымъ и возможнымъ и не могло привести къ значительнымъ практическимъ результатамъ. Раздѣляя господствовавшія въ то время теоріи о пользѣ умноженія населенія во что бы то ни стало, большинство европейскихъ державъ сами покровительствовали иммиграціи и запрещали эмиграцію; ясно, что распространеніе среди подвластнаго имъ населенія свѣдѣній о колонизаціонныхъ мѣропріятіяхъ русскаго правительства было не

---

[1]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Реляція Симолина изъ Митавы отъ 25 августа (6 сентября) 1763 г.

[2]) Тамъ-же: указъ Сената коллегіи ин. д. отъ 29 дек. 1762 г.; Сборн. Истор. Общ. XLVIII, 571—572: Рескриптъ циркулярный отъ 12 августа 1763 г.

[3]) Между прочимъ, первый манифестъ былъ напечатанъ въ гамбургской газетѣ „Staats und Gelehrte Zeitung der Hamburgischen unparteyischen Correspondenten“ 1763, 15 Februar, № 26 (см. М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Сношенія съ Гамбургомъ“ 1762 — 1763 гг.), а второй въ „Thornische wöchentliche Nachrichten und Anzeigen“ 1763, 27 September. (Тамъ-же: „Дѣло о всемилостивѣйшемъ принятіи иностранныхъ“, — Реляція резидента Ребиндера изъ Гданска отъ $^{19}/_{30}$ сент. 1763 г.). Благодаря лестному отзыву Ребиндера, издателю послѣдней газеты, магистратскому секретарю Геррету императрица Екатерина велѣла выдать сто червонцевъ. (Тамъ-же: рескриптъ Ребиндеру отъ 28 октября 1763 г.).

[4]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Реляціи Генриха Гросса изъ Гаги $^{11}/_{22}$ февраля и $^{5}/_{16}$ сент. 1763 г., реляція Мусина-Пушкина изъ Гамбурга отъ $^{12}/_{13}$ сентября 1763 г.; реляція барона Корфа изъ Копенгагена отъ 24 сент./5 окт. 1763 г.; реляція гр. Остермана изъ Стокгольма отъ 21 февраля/4 марта 1763 г.; канцелярская цидула гр. Воронцова изъ Лондона отъ $^{19}/_{30}$ сент. 1763 г; реляція Симолина изъ Регенсбурга отъ $^{6}/_{17}$ сентября 1763 г.

въ ихъ интересахъ. Особенныя опасенія нѣкоторыхъ европейскихъ правительствъ вызвалъ второй манифестъ императрицы (отъ 22 іюля 1763 г.), обѣщавшій переселенцамъ щедрыя льготы и привилегіи. Печатаніе его встрѣтило затрудненія даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ былъ напечатанъ первый манифестъ, а именно—въ Швеціи и Австріи.

Въ реляціи изъ Стокгольма отъ 16/27 сентября 1763 г. графъ Остерманъ жаловался, что шведское правительство всячески тормозитъ печатаніе манифеста въ газетахъ, не давая рѣшительнаго отказа въ его напечатаніи. Сенаторъ графъ Экеблатъ въ частной бесѣдѣ откровенно заявилъ графу Остерману, что при господствующей въ Швеціи бѣдности и дороговизнѣ обнародованіе въ газетахъ столь заманчиваго манифеста можетъ вызвать сильное эмиграціонное движеніе изъ страны, чему будетъ способствовать и географическая близость Россіи къ Швеціи, въ связи съ удобствомъ переѣзда туда (морскимъ путемъ); шведскій же народъ и безъ того „въ послѣдніе годы“ сталъ обнаруживать большую „склонность къ оставленію своего отечества и поселенію въ чужестранныхъ мѣстахъ“; въ силу существующихъ въ Швеціи законовъ, правительство не въ состояніи оказать сильнаго противодѣйствія данному явленію [1]).

Относительно Австріи нужно замѣтить, что Габсбурги, дѣятельно поощряя иммиграцію въ свои наслѣдственныя земли, въ особенности въ Венгрію, естественно противодѣйствовали эмиграціи изъ нихъ, объявляя то общія, то спеціальныя запрещенія эмигрировать [2]). Въ частности, въ Венгріи еще въ 1609 и 1613 гг. состоялись постановленія государственныхъ чиновъ о воспрещеніи эмиграціи подъ страхомъ смертной казни; въ 1762 году воспрещеніе это было подтверждено строгимъ указомъ Маріи-Терезіи. Изданіе въ Россіи въ слѣдующемъ 1763 году манифеста о предоставленіи иностраннымъ колонистамъ щедрыхъ льготъ и денежныхъ пособій вызвало сильное безпокойство въ вѣнскихъ правительственныхъ кругахъ. Здѣсь хорошо были освѣдомлены на счетъ симпатій къ Россія славянъ и другихъ единовѣрныхъ съ нею народовъ Австріи, на выселеніе которыхъ въ Россію разсчитывала теперь, между прочимъ, Екатерина II: еще всѣмъ памятно было въ Вѣнѣ массовое переселеніе въ Россію сербовъ въ царствованіе Елисаветы Петровны [3]); между тѣмъ количество

---

[1]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Дѣло о всемилостивѣйшемъ принятіи иностранныхъ“...

[2]) Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи, 101—103стр.

[3]) См. Вѣстникъ Европы, 1870 г., № 6: „Военныя поселенія Сербовъ въ Австріи и Россіи“.

населенія въ австрійскихъ владѣніяхъ и безъ того значительно убыло благодаря кровопролитной Семилѣтней войнѣ. Вслѣдствіе этого не только воспрещено было печатаніе въ вѣнскихъ газетахъ упомянутаго манифеста русской императрицы, но и былъ изданъ Маріей-Терезіей (16 ноября 1763 г.) особый манифестъ, въ которомъ на этотъ разъ изложены были мотивы воспрещенія эмиграціи и точно опредѣлены наказанія для эмигрантовъ, ихъ вербовщиковъ и пособниковъ.

„Высшее и главное благополучіе царствъ и областей всего болѣе заключается въ томъ, — говорилось въ манифестѣ, — чтобы не только имѣть жителей способныхъ къ воздѣлыванію полей, ремесленному труду и къ занятію многочисленныхъ и разнообразныхъ мѣстъ въ государственномъ управленіи, но чтобы сверхъ всего этого имѣть также соотвѣтствующее ихъ количество. Ибо всякій знаетъ, что какъ вслѣдствіе густоты народонаселенія малыя и бѣдныя по природѣ области пріобрѣли себѣ огромныя выгоды, такъ напротивъ того, за недостаткомъ его прочія государства, отличающіяся плодородіемъ и обиліемъ земли, въ такое пришли состояніе, что общественныя и частныя богатства заключаются въ одной только обширности границъ. Хотя наслѣдственное наше Венгерское королевство по справедливости можетъ быть отнесено къ тѣмъ областямъ, которыя славятся плодоносіемъ и богатствомъ почвы, однако и то извѣстно и всего менѣе подлежитъ сомнѣнію, что не малая часть этого обширнаго королевства, могущая быть заселенной благодаря попеченію со стороны государственной власти, страдаетъ отъ недостатка въ жителяхъ. Хотя такой недостатокъ въ жителяхъ даже и прежде, очень замѣтенъ былъ, однако въ послѣднее время наступилъ еще бо́льшій, когда по причинѣ семилѣтней жестокой войны занятые воздѣлываніемъ своихъ полей жители принуждены были идти въ солдаты и защищать общее дѣло (ad sequenda castra, tuendamque communem causam cogebantur).

„Почему мы... на то обращаемъ свои заботы, чтобы, пока другими пристойными способами не увеличится между тѣмъ число обитателей, предупредить уменьшеніе ихъ запрещеніемъ жителямъ выходить изъ государства“.

Виновнымъ въ нарушеніи этого запрещенія, въ случаѣ ихъ поимки, манифестъ угрожалъ заключеніемъ въ тюрьму на пять лѣтъ и каторжными работами; лицамъ, вторично пытавшимся эмигрировать, назначалось двойное наказаніе (тюремное заключеніе и каторжныя работы въ теченіе десяти лѣтъ), а изобличеннымъ въ третій разъ въ томъ же преступленіи опредѣлялась смертная казнь. Къ смертной же казни чрезъ повѣшеніе должны были присуждаться коммиссіонеры иностранныхъ державъ и тайные вербовщики, изобличенные въ подговариваніи жителей къ переселенію за границу, а равно сообщники вербовщиковъ, словомъ или дѣломъ помогавшіе имъ въ ихъ „преступной дѣятельности“.

Лица, принимавшія въ свой домъ людей, завѣдомо навербованныхъ для заграничной, въ особенности военной, службы и не донесшія объ этомъ подлежащимъ властямъ, какъ сообщники преступленія, въ первый разъ, смотря по мѣрѣ вины, подвергаются осужденію въ тюрьму и на каторжныя работы; въ случаѣ повторенія степень наказанія повышается и даже, глядя по преступленію, къ виновнымъ можетъ быть примѣнена смертная казнь. Доносчики же, предупредившіе правительство о замышляемой эмиграціи, получаютъ изъ казны денежную награду въ размѣрѣ двадцати пяти червонцевъ.

Эмигрантовъ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ вернувшихся въ свое отечество, но не заявившихъ на границѣ о намѣреніи своемъ остаться въ немъ, разъ будетъ установлено, что и раньше они эмигрировали безъ всякаго позволенія, манифестъ предписывалъ тотчасъ-же арестовать, хотя бы они состояли въ офицерскихъ чинахъ въ военной или иной заграничной службѣ[1]).

При такомъ отношеніи къ эмиграціи правительства Маріи-Терезіи, русскій посолъ въ Вѣнѣ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ счелъ излишнимъ входить съ нимъ въ дипломатическую переписку относительно напечатанія манифеста Екатерины отъ 22 іюля 1763 г.; онъ рѣшилъ помѣстить манифестъ въ заграничныхъ газетахъ, распространенныхъ въ Австріи[2]), и вообще поступать „съ надлежащею осторожностію, дабы здѣшнему (то есть Вѣнскому) двору, который нынѣ съ отличнымъ попеченіемъ бережетъ своихъ подданныхъ, не подать ни малѣйшей къ неудовольствію и нареканію причины“[3]). Послѣ этого и наше центральное правительство стало соблюдать бо́льшую осторожность въ сношеніяхъ со своимъ вѣнскимъ посломъ по дѣлу колонизаціи. Такъ, когда канцелярія опекунства иностранныхъ препроводила въ коллегію иностранныхъ дѣлъ по десяти экземпляровъ манифеста 22 іюля 1763 г. на греческомъ, сербскомъ и румынскомъ языкахъ для отправленія въ Вѣну, то коллегія побоялась послать ихъ по почтѣ, „дабы чрезъ то не подать нѣкоего и справедливаго подозрѣнія на здѣшняго тамъ ми-

1) М. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ: „Сношенія съ Австріей“ 1763 г. Русскій переводъ манифеста Маріи-Терезіи находится въ дѣлахъ о „колонистахъ“ за 1764 г.; онъ былъ сообщенъ коллегіей иностр. дѣлъ канцеляріи опекунства иностранныхъ для свѣдѣнія при промеморіи отъ 16 февраля 1664 г.

2) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: реляція кн. Голицына отъ $^{13}/_{24}$ сентября 1765 г.

3) Тамъ же: Реляціи кн. Голицына отъ 24 декабря 1763 г. и 24 января 1764 г.

нистра"; было рѣшено подождать съ посылкою „до вѣрнѣйшей оказіи" [1]).

Изъ другихъ европейскихъ государствъ рано приняли мѣры противъ эмиграціи Испанія и Франція. Обезлюденіе Испаніи вслѣдствіе выселенія массы народа въ Америку вызвало запрещеніе отсюда эмиграціи „cum familia et bonis". Рядъ общихъ запрещеній эмигрировать, изданныхъ во Франціи въ разное время, не остановилъ выселенія изъ нея реформатовъ въ періодъ времени непосредственно предшествовавшій отмѣнѣ Нантскаго эдикта и слѣдовавшій за нею, и это вызвало новыя мѣры противъ эмиграціи въ 1682 и 1685 гг. За пособничество бѣгству реформатовъ указъ 1685 года угрожалъ всѣмъ купцамъ, капитанамъ кораблей и другимъ мореходцамъ штрафомъ въ 3.000 ливровъ, а въ случаѣ повторенія — уголовною отвѣтственностію. Вскорѣ послѣ этого строгость наказанія была усилена, и за пособничество бѣглецамъ опредѣлена смертная казнь, а доносчикамъ, если они заблаговременно сообщатъ правительству о замышляемой эмиграціи, обѣщана половина имущества эмигрантовъ.

Имѣя въ виду такое отношеніе къ эмиграціи со стороны этихъ двухъ государствъ, наше правительство въ тѣхъ экземплярахъ циркулярнаго рескрипта отъ 7 января 1763 года, которые были назначены къ отправленію въ Парижъ и Мадридъ, не помѣстило предписанія о напечатаніи въ тамошнихъ газетахъ манифеста императрицы отъ 4 декабря 1762 года [2]). Въ циркулярномъ же рескриптѣ отъ 12 августа 1763 года, при которомъ былъ препровожденъ второй манифестъ императрицы (отъ 22 іюля 1763 г.), коллегія иностранныхъ дѣлъ, въ пылу усердія, не сдѣлала такого исключенія и предписала нашимъ дипломатическимъ агентамъ въ этихъ странахъ печатаніе манифеста въ мѣстныхъ газетахъ. Это вызвало отвѣтъ со стороны князя Голицына изъ Парижа, что едва ли удастся внести манифестъ во французскія газеты, такъ какъ послѣднія печатаются „подъ вѣдѣніемъ и съ апробаціи министра чужестраннаго департамента" [3]). Голицынъ постарался инымъ путемъ сдѣлать извѣстнымъ манифестъ императрицы не только въ Парижѣ, но и во всей Франціи: онъ

---

[1]) Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Промеморія изъ канцеляріи опек. иностр. въ коллегію ин. д. отъ 27 февраля 1764 г.; черновой набросокъ цидулы въ Вѣну.

[2]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: черновой экземпляръ циркулярнаго рескрипта отъ 7 янв. 1763 г. съ замѣчаніями на поляхъ. То мѣсто рескрипта, гдѣ говорится о публикаціи въ газетахъ, подчеркнуто и на поляхъ противъ него сдѣлана замѣтка: „въ Парижъ и Мадридъ да къ резиденту Обрескову (въ Константинополь) сего подчеркнутаго не писать".

[3]) Тамъ же: реляція кн. Голицына отъ $^{11}/_{22}$ сент. 1763 г.

повсюду разослалъ отдѣльные печатные экземпляры его. Но эта мѣра вызвала усиленную бдительность со стороны французской полиціи и строгій надзоръ за всѣми выѣзжающими изъ Франціи. „Отправленіе отселѣ какого бы ни было званія людей“, доносилъ Голицынъ императрицѣ (въ реляціи отъ 29 апрѣля—10 мая 1764 года) „столь стало трудно съ тѣхъ поръ, какъ я разсѣялъ по всей Франціи высочайшіе вашего императорскаго величества манифесты, что никакого способа никому нѣтъ выѣхать изъ здѣшнихъ портовъ безъ паспортовъ за подписаніемъ котораго-нибудь изъ статскихъ секретарей; и какъ требованіе оныхъ паспортовъ тотчасъ въ подозрѣніе приводитъ, то я думаю, что впредь нельзя будетъ инако отселѣ выѣзжать, какъ сухимъ путемъ до Гаги“. Между тѣмъ распространеніе манифеста сдѣлало свое дѣло: среди французскихъ подданныхъ нашлись охотники къ переселенію въ Россію и стали являться въ русское посольство. Положеніе русскаго посла, обязаннаго отправлять эмигрантовъ, было довольно щекотливо. „Опозиція моя столь деликатна въ оныхъ случаяхъ, писалъ Голицынъ въ той же реляціи, — что вашему императорскому величеству *невѣроятны покажутся тѣ предосторожности, которыя я неотмѣнно принужденъ здѣсь брать, дабы согласить исполненіе положенной на меня сей коммиссіи и не компрометировать высочайше повѣренный мнѣ характеръ министра вашего, а сверхъ того не потерять кредитъ мой при дворѣ здѣшнемъ*“ [1]).

Неменѣе энергично пресѣкало всякія попытки къ эмиграціи прусское правительство. Въ 1721 г. король Фридрихъ-Вильгельмъ I, указомъ воспретивъ кому бы то ни было изъ своихъ подданныхъ эмигрировать, угрожалъ смертною казнію за склоненіе крестьянъ къ эмиграціи; за задержаніе эмигранта назначено было денежное вознагражденіе, простиравшееся до 200 талеровъ [2]). Хотя русскій посланникъ въ Берлинѣ князь Долгоруковъ и нашелъ возможнымъ поставить мѣстное населеніе въ извѣстность относительно колонизаціонныхъ мѣропріятій своей государыни, однакожъ это не могло привести къ серьезнымъ практическимъ результатамъ, такъ какъ прусское правительство сейчасъ же приняло мѣры къ пресѣченію возможной эмиграціи въ Россію: „по публикаціи... манифеста (отъ 22 іюля 1763 г.), доносилъ кн. Долгоруковъ императрицѣ, — во всѣхъ здѣшнихъ пограничныхъ мѣстахъ обрѣтающимся командамъ повелѣно на-крѣпко осматривать и разспрашивать всѣхъ

---

[1]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ“.
[2]) Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи, 103 стр.

выходящихъ и выѣзжающихъ изъ королевскихъ областей людей; земскимъ въ провинціяхъ совѣтникамъ (ландратамъ) строжайше предписано наблюдать, чтобы выходцевъ изъ ихъ уѣздовъ отнюдь не было, и что они въ томъ отвѣтствовать должны". Вслѣдствіе этого „явно отправлять" эмигрантовъ изъ Пруссіи было „опасно и почти невозможно" [1]): во-первыхъ, могъ произойти изъ-за этого конфликтъ съ прусскимъ правительствомъ, а во-вторыхъ, эмигрантовъ легко могли бы арестовать и, слѣдовательно, расходы на ихъ отправленіе оказались бы не производительными [2]). Долгоруковъ пытался отправлять эмигрантовъ тайно, не выдавая паспортовъ, „дабы въ случаѣ ихъ въ областяхъ королевскихъ осматриванія или задержанія, объяснялъ онъ свое поведеніе въ въ этомъ дѣлѣ, — не можно было никакого вида о моемъ ихъ отсюда отправленіи у нихъ сыскать и тѣмъ избѣжать быть могущихъ въ противномъ случаѣ здѣсь жалобъ и нареканій" [3]). Не говоря уже о томъ, что подобнымъ путемъ нельзя было отправить въ Россію большого числа колонистовъ, такой образъ дѣйствій не мирился съ высокимъ положеніемъ посланника, представителя могущественной имперіи...

Наконецъ въ Турціи, откуда Екатерина думала вызвать эмиграцію единовѣрныхъ Россіи народовъ, главнымъ образомъ грековъ, явились особаго рода препятствія къ публикаціи колонизаціонныхъ манифестовъ во всеобщее свѣдѣніе.

Съ завистію и опасеніями присматриваясь къ постепенному росту могущества Россіи, Порта не могла равнодушно смотрѣть на заселеніе нашимъ правительствомъ южно-русскихъ степей. Вслѣдствіе поступательнаго движенія колонизаціи незаселенная полоса, лежавшая между русскими и турецкими владѣніями, постепенно суживалась, и въ этомъ обстоятельствѣ Порта видѣла прямую угрозу для своего господства на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Свое недовѣрчивое отношеніе къ колонизаціонной дѣятельности русскаго правительства она ясно высказала при устройствѣ на югѣ Россіи сербскихъ поселеній, извѣстныхъ подъ именемъ Новой Сербіи. Поддерживать недовѣрчивость и подозрительность Порты новыми фактами въ этомъ родѣ не входило въ расчеты русскаго правительства, а потому резиденту въ Константинополѣ Обрескову предписано было, не публикуя манифеста 4 декабря

---

1) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Реляція кн. Долгорукова изъ Берлина отъ $^{14}/_{25}$ октября 1763 г.

2) Эти соображенія и вызвали рескриптъ къ кн. Долгорукову отъ 21 ноября 1763 г.

3) М. Гл. Мин. Ин. Д.: Реляція Долгорукова отъ $^{14}/_{25}$ окт. 1763 г.

1762 г. во всеобщее свѣдѣніе, „сколь возможно скрытнымъ образомъ и стороною“ доводить содержаніе его до свѣдѣнія такихъ людей, на склонность которыхъ къ переселенію можно разсчитывать[1]).

Отъ публикаціи же въ Турціи манифеста 22 іюля 1763 г. тѣмъ болѣе пришлось воздержаться, что предоставленное колонистамъ 6-мъ его пунктомъ право обращать магометанъ въ свою вѣру и дѣлать себѣ крѣпостными, по мнѣнію Обрескова, могло оскорбить не только константинопольское правительство, но и всю турецкую націю.

Обресковъ ограничился тѣмъ, что тайно „подъ рукою“ уговаривалъ турецкихъ подданныхъ-христіанъ къ переселенію въ Россію[2]).

Такимъ образомъ кругъ государствъ, гдѣ наши дипломатическіе агенты могли публиковать колонизаціонные манифесты своей государыни и безпрепятственно производить всѣ операціи по набору колонистовъ, былъ ограниченъ; да и въ государствахъ, не воспрещавшихъ эмиграціи своимъ подданнымъ, дѣятельность нашихъ дипломатовъ не всегда могла разсчитывать на успѣхъ: въ Англіи и Голландіи, напримѣръ, стоявшихъ на высокомъ уровнѣ благосостоянія и обладавшихъ собственными богатыми колоніями, трудно было надѣяться на возбужденіе эмиграціи въ Россію. Русскій посолъ въ Голландіи Генрихъ Гроссъ предвидѣлъ это и счелъ нужнымъ предупредить свое правительство. Сообщая о напечатаніи въ голландскихъ газетахъ манифеста 22 іюля 1763 года, Гроссъ писалъ: „Только какъ въ сей республикѣ всѣ обыватели живутъ въ полной вольности, да отъ бо́льшей части съ изобиліемъ, надѣяться не могу, что къ такому переселенію изъ нихъ охотниковъ у меня явится“[3]).

Переселенцами изъ Англіи и Голландіи въ Россію могли оказаться только проживавшіе тамъ иностранцы или же изъ коренныхъ жителей несостоятельные должники и преступники, избѣгавшіе наказанія, — элементы, слѣдовательно, непригодные для колонизаціи.

Территорія, на которой наши дипломатическіе агенты могли не только безпрепятственно, но и *съ успѣхомъ* производить наборъ колонистовъ, ограничивалась вольными городами и тѣми кня-

---

[1]) Сборн. Истор. Общ. XLVIII, 329: Рескриптъ Обрескову въ Константинополь отъ 19 февраля 1763 г.

[2]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Реляція резидента Обрескова изъ Константинополя отъ 29 ноября 1763 г.

[3]) Тамъ же: Реляція Генриха Гросса изъ Гааги отъ $^{5}/_{16}$ сентября 1763 г.

жествами, преимущественно западной и южной Германіи, откуда эмиграція не воспрещалась мѣстными законами [1]). Между тѣмъ наше центральное правительство отнюдь не намѣрено было ограничиться поселеніемъ въ Россіи однихъ лишь нѣмецкихъ колонистовъ, напротивъ, оно въ своихъ иностранныхъ колоніяхъ повидимому стремилось на русской почвѣ возсоздать въ миніатюрѣ всю Европу, во всемъ разнообразіи ея національностей и вѣроисповѣданій: французы и греки, румыны и нѣмцы, славяне и шведы—всѣ были одинаково желанными гостями русской императрицы [2]). Къ тому же, въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, несмотря на воспрещеніе эмиграціи, извѣстныя группы населенія охотно оставляли свое отечество, если только представлялась къ этому какая-нибудь возможность. Такъ дѣло обстояло, напримѣръ, въ Австріи и Франціи. Сербы, поселившіеся въ Россіи въ царствованіе Елисаветы Петровны, продолжали поддерживать связи со своими австрійскими земляками, и среди послѣднихъ не прекращалось тяготѣніе къ переселенію въ единовѣрную Россію, что̀ не было секретомъ для нашего правительства.

Во Франціи правленіе Людовика XV, разорявшее страну, и не прекращавшіяся притѣсненія протестантовъ побуждали значительную часть населенія стремиться къ переселенію въ другія страны[3]). Французское правительство старалось регулировать эмиграціонное теченіе и направить его въ свои колоніи, но среди послѣднихъ оно крайне неудачно выбрало для этой цѣли Кайену, которую Французы справедливо сравнивали съ геенной[4]).

Наше правительство питало надежду, что при извѣстной поддержкѣ и руководствѣ съ его стороны и французы, и австрійскіе сербы, а также и жители нѣкоторыхъ другихъ странъ найдутъ возможность, обманувъ бдительность своихъ властей, напра-

---

[1]) Кромѣ Австріи и Пруссіи, эмиграція воспрещалась въ слѣдующихъ германскихъ государствахъ: въ Саксоніи, Баваріи, Гессенъ-Касселѣ, Байретѣ, Пфальцѣ и въ Рейнскихъ духовныхъ курфиршествахъ. См. Beheim-Schwarzbach: „Hohenzollernsche Colonisationen", 275—276. Тамъ-же и на тѣхъ же страницахъ см. о взаимномъ соперничествѣ Австріи, Пруссіи и Россіи при наборѣ колонистовъ въ Германіи.

[2]) Екатерина ничего не имѣла и противъ поселенія въ Россіи выходцевъ-магометанъ изъ сосѣднихъ азіятскихъ государствъ; по поводу прошенія одного персіянина о дозволеніи ему переселиться въ Россію съ тремя тысячами земляковъ императрица писала Н. И. Панину: „La colonie des trois mille Perses me réjouirait beaucoup, faites un peu en sorte que le Collège donne au plutôt son avis". См. Сборн. Истор. Общ. LI, 215 стр.: „Собственноручная записка" Екатерины.

[3]) Сборн. Истор. Общ. LI, 55: Рескриптъ кн. Голицыну въ Парижъ отъ 24 октября 1763 г.

[4]) Revue des Revues 1896, № 19, I octobre (II serie): „Une colonie francorusse au XVIII siècle (D'après des documents inédits), par Paul d'Estrée.

виться въ Россію; но возложить на нашихъ дипломатическихъ агентовъ непосредственное завѣдываніе такого рода эмиграціей оказывалось, какъ мы видѣли выше, дѣломъ крайне неудобнымъ, рискованнымъ и щекотливымъ: для такого рода дѣятельности нужны были иныя лица...

Неудобства, вытекавшія изъ порученія набора колонистовъ непосредственному завѣдыванію дипломатическихъ агентовъ, сказывались и въ тѣхъ государствахъ, откуда эмиграція не воспрещалась, но неудобства эти были иного рода. Въ рукахъ нашихъ дипломатовъ главнымъ и почти единственнымъ средствомъ воздѣйствія на населеніе тѣхъ странъ, гдѣ они были аккредитованы, въ смыслѣ склоненія его къ эмиграціи въ Россію, было печатаніе манифестовъ императрицы въ иностранныхъ газетахъ, въ особенности второго манифеста, какъ обѣщавшаго эмигрантамъ большія выгоды, а также распространеніе отдѣльныхъ печатныхъ экземпляровъ этого послѣдняго. Но обращеніе къ печати могло оказаться дѣйствительнымъ средствомъ только по отношенію къ городскимъ обывателямъ: газеты въ то время проникали въ деревню туго, повсемѣстное же распространеніе по деревнямъ отдѣльныхъ печатныхъ экземпляровъ манифеста оказывалось для нашихъ дипломатическихъ агентовъ дѣломъ очень труднымъ и почти невозможнымъ, такъ какъ они не располагали для этого достаточнымъ персоналомъ помощниковъ. Въ данномъ направленіи наиболѣе энергично дѣйствовалъ представитель Россіи въ Регенсбургѣ Симолинъ; помимо манифеста 1763 года, онъ обнародовалъ въ газетахъ особое „извѣстіе“ о назначеніи въ Любекъ коммиссара и о мѣрахъ, принятыхъ въ Гамбургѣ по довольствію и отправленію колонистовъ. Кромѣ того, манифестъ и „извѣстіе“ онъ издалъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ отдѣльно и разсылалъ ихъ въ сосѣдніе имперскіе округа по сту и даже по тысячѣ экземпляровъ. Несмотря на это, въ реляціи отъ 30 марта (10 апрѣля) 1764 года Симолинъ писалъ: „Кажется, что сіи увѣдомленіи, особливо въ самой срединѣ земель Швабской и Франконской, да при рѣкѣ Рейнѣ подлому народу, коему газеты рѣдко до рукъ доходятъ, еще не гораздо довольно извѣстны“ [1]). Да если бъ и удалось повсемѣстно привести въ исполненіе послѣднюю мѣру, то это еще не обезпечило бы желательныхъ результатовъ вслѣдствіе слабаго развитія въ деревняхъ грамотности, особенно въ католическмхъ странахъ, и свойственнаго сельскимъ

---

[1]) М. Гл. Арх. М. Ин. Д.: Переводъ съ реляціи Симолина изъ Регенсбурга отъ 30 марта (10 апрѣля) 1764 г.

жителямъ консерватизма, привязанности къ насиженному мѣсту, антипатіи къ передвиженіямъ: чтобы склонить жителя деревни къ переселенію мало было сообщить ему путемъ печати свѣдѣнія объ условіяхъ переселенія, — для этого нужно было уговариваніе, убѣжденіе со стороны живыхъ людей, нуженъ былъ примѣръ другихъ.

При отсутствіи этихъ условій главный контингентъ охотниковъ къ переселенію въ Россію составили жители городовъ: съ одной стороны мелкіе ремесленники, рабочіе („люди работные“), сбившіеся съ пути представители интеллигентныхъ профессій, разорившіеся торговцы, словомъ городской пролетаріатъ; съ другой стороны ремесленники средняго достатка, мечтавшіе разбогатѣть, основавъ въ Россіи собственныя фабрики, при помощи казенной субсидіи. Принимая первыхъ, наше правительство надѣялось, что одна часть ихъ поселится въ колоніяхъ, „сядетъ на землю“ и займется земледѣліемъ или ремеслами нужными въ сельскомъ быту, а другая, поселясь въ городахъ, найдетъ себѣ работу на фабрикахъ и заводахъ, производящихъ предметы роскоши, замѣнивъ собою въ этихъ производствахъ русскихъ людей, которые такимъ образомъ не будутъ отрываться отъ земледѣлія. Такой именно взглядъ, характерный для экономическихъ воззрѣній нашихъ государственныхъ людей того времени, былъ высказанъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ по поводу одной реляціи Мусина-Пушкина изъ Гамбурга[1]), въ которой онъ, между прочимъ, сообщалъ, что въ Берлинѣ, вслѣдствіе случившихся тамъ банкротствъ, многіе шелковые „мануфактурщики“ остались безъ работы и заявляютъ желаніе переѣхать въ Россію на соотвѣтствующія фабрики. Противъ этого сообщенія, на поляхъ реляціи, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ было сдѣлано слѣдующее замѣчаніе (повидимому, рукою Н. И. Панина): „*На такихъ болѣе къ роскоши, нежели къ надобности служащихъ фабрикахъ гораздо выгоднѣе имѣть чужестранныхъ работниковъ, ибо они тутъ замѣняютъ тѣ руки, которыя обыкновенно отнимаются отъ полезной сохи въ подобныхъ работахъ*“.

Что касается ремесленниковъ и мануфактурщиковъ, желавшихъ основать въ Россіи фабрики при помощи большой казенной субсидіи, то по поводу ихъ предложеній наши дипломатическіе агенты обыкновенно получали изъ Петербурга отвѣтъ, что по мнѣнію канцеляріи опекунства иностранныхъ „впредь до нѣко-

---

[1]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Реляція Мусина-Пушкина изъ Гамбурга отъ $^{18}/_{29}$ ноября 1763 г.

тораго времени *(пока необитаемыя мѣста довольнымъ числомъ земледѣльцевъ и рукомесленниками еще не наполнены) въ мануфактурщикахъ и фабрикантахъ*, кромѣ такихъ, которые собственнымъ своимъ иждивеніемъ или съ нѣкоторою небольшою ссудою заводы и фабрики развесть пожелаютъ, *крайней надобности не усматривается, но надлежитъ наиболѣе помышлять о земледѣльцахъ и подобныхъ тому поселянахъ*“ [1]).

Чтобы привлечь въ Россію колонистовъ, которые и у себя на родинѣ занимались земледѣліемъ, усилить вообще переселенческое движеніе въ Россіи на счетъ странъ, воспрещавшихъ эмиграцію, и въ мѣстѣ съ тѣмъ избавить нашихъ дипломатическихъ агентовъ отъ щекотливой обязанности набирать колонистовъ, оставался одинъ исходъ — послѣдовать въ этомъ дѣлѣ примѣру другихъ европейскихъ государствъ, употребить испытанныя уже на Западѣ средства.

Западно-европейскія государства, набирая иностранцевъ для колонизаціи своей территоріи и укомплектованія арміи, обыкновенно обращались къ содѣйствію спеціальныхъ агентовъ-вербовщиковъ. Въ Голландіи, въ имперскихъ и юго-западныхъ городахъ Германіи образовался значительный контингентъ лицъ, спеціально занимавшихся поставкою колонистовъ и рекрутовъ для нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ. Такъ, ихъ услугами пользовалась Данія при заселеніи Ютландіи нѣмецкими колонистами [2]), Пруссія при заселеніи Помераніи и другихъ провинцій въ 1747—1748 гг. и при вызовѣ въ свои города „художниковъ и ремесленныхъ людей“ въ 60-хъ гг. XVIII столѣтія [3]); къ нимъ обращалась Англія при колонизаціи своихъ обширныхъ американскихъ владѣній; они же доставляли рекрутъ для прусской и испанской арміи [4]).

Такъ какъ матеріальное вознагражденіе вербовщиковъ зависѣло отъ степени успѣшности ихъ операцій, то они дѣйствовали энергично, при чемъ, какъ люди въ большинствѣ случаевъ съ очень сомнительной репутаціей, не брезговали никакими дозволенными и недозволенными средствами, лишь бы набрать возможно бо́льшее число колонистовъ или рекрутовъ, смотря по

---

[1]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: двѣ промеморіи изъ канцеляріи опек. ин. въ коллегію ин. д. отъ 25-го февраля 1764 г.

[2]) М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Реляціи Мусина-Пушкина изъ Гамбурга отъ 3/14 февраля 1764 г.

[3]) Тамъ же: экстрактъ изъ письма нѣкоего Мейкснера къ русскому резиденту въ Регенсбургѣ Симолину.

[4]) Revue de Revues 1896, № 19. „Une colonie franco-russe au XVIII siècle“.

тому, на что̀ былъ спросъ въ данный моментъ. Дѣятельность ихъ въ большинствѣ случаевъ сопровождалась успѣхомъ, и обращавшіяся къ ихъ содѣйствію государства въ теченіе непродолжительнаго времени получали требующееся имъ количество живого товара. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній русское правительство рѣшило послѣдовать примѣру этихъ государствъ.

3.

Одинъ изъ видныхъ дѣятелей по вызову иностранныхъ колонистовъ въ Россію, нашъ посланникъ въ Гамбургѣ, Мусинъ-Пушкинъ, еще въ 1763 году высказалъ мысль, что для привлеченія возможно бо̀льшаго числа переселенцевъ слѣдуетъ обратиться къ содѣйствію вербовщиковъ: „для наиспособнѣйшаго въ намѣреніи семъ успѣха“, писалъ онъ въ реляціи отъ 30 сент./11 окт. „не безполезно было бы нарочно... разослать разныхъ благонамѣренныхъ, кои бы не только письменно, но и лучше словесно и разговорами своими могли робкихъ и къ сумнѣніямъ склонныхъ мужиковъ уговаривать“... [1]). Немного позднѣе резидентъ Ребиндеръ въ реляціи изъ Данцига отъ 12/23 декабря того же года, указывая на обиліе „праздно странствующихъ людей“ въ окрестностяхъ Маріенбурга, Эльбинга и другихъ близь лежащихъ городовъ, предлагалъ, „для лучшаго успѣха“ въ вызовѣ колонистовъ, обратиться къ содѣйствію „нарочныхъ людей“, употребивъ ихъ „въ развѣдываніе и розсылки“ [2]). Тѣ же мысли о необходимости обращенія къ услугамъ вербовщиковъ развивалъ въ своихъ реляціяхъ и самый выдающійся дѣятель по набору колонистовъ, представитель Россіи въ Регенсбургѣ, Симолинъ.

Въ отвѣтъ на представленія Мусина-Пушкина и Симолина, по докладу коллегіи иностранныхъ дѣлъ [3]), послѣдовало рѣшеніе императрицы, чтобъ упомянутые дипломатическіе агенты „въ семъ дѣлѣ поступали съ предосторожностію“, навели предварительно справки и сообщили обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, „для уговариванія людей на поселеніе посылка нарочнаго можетъ ли въ самомъ дѣлѣ быть полезна и не весьма убыточна, и кого бы при-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: „Дѣло о всемилостивѣйшемъ принятіи иностранныхъ разныхъ націй, кромѣ жидовъ, въ Россію на поселеніе“...

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же: всеподданнѣйшій докладъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 15-го декабря 1763 года.

личнѣе въ сіе употребить, и сколько на сіе надобно денегъ... дабы инако не послѣдовало напрасныхъ убытковъ, а особливо не возбудить бы и не подать тѣмъ причины къ какому неудовольствію иностранныхъ державъ".

Пока шла по этому дѣлу переписка между центральными нашими учрежденіями, вѣдавшими иностранную колонизацію, и дипломатическими агентами, Симолинъ и Мусинъ-Пушкинъ сдѣлали попытку обратиться къ содѣйствію вербовщиковъ.

Въ видахъ конкуренціи съ австрійскимъ правительствомъ, набиравшимъ въ южной Германіи колонистовъ для Венгріи, Симолинъ „скрытно" отправилъ „нѣкотораго надежнаго человѣка" въ имперскіе города и въ округа: Швабскій, Франконскій и Рейнскій, чтобы онъ императорскій манифестъ и спеціально изданное „*извѣстіе*" [1]) о колонизаціонныхъ мѣропріятіяхъ русскаго правительства „точнѣе между простымъ народомъ и земледѣльцами обнародовалъ и вольнымъ, кои окажутъ охоту въ Россіи поселиться, руководство при томъ подалъ, какъ имъ скорѣе и способнѣе въ Гамбургъ и Любекъ пріѣхать, слѣдовательно, и свое намѣреніе достигнуть можно".

Чтобы не возбудить никакихъ недоразумѣній, агентъ этотъ, человѣкъ бывалый, служившій раньше въ баварской, а потомъ въ прусской военной службѣ, отправился изъ Регенсбурга пѣшкомъ, съ приказаніемъ выполнять данную ему „комиссію", какъ „партикулярное дѣло", ни словомъ не упоминая о томъ, что дѣйствуетъ по порученію представителя Россіи; Симолинъ не далъ ему отъ себя и „посланническаго" паспорта [2]).

Мусинъ-Пушкинъ, дѣйствовавшій въ сѣверной Германіи, старался использовать въ интересахъ Россіи неудачу датской колонизаціонной политики. Онъ не только принималъ въ число колонистовъ и отправлялъ въ Россію лицъ, уволенныхъ датскимъ правительствомъ, а также самовольно бѣжавшихъ изъ ютландскихъ и шлезвигскихъ колоній, но и не постѣснился сманивать оттуда уже прочно водворившихся колонистовъ, для чего отправилъ въ Шлезвигъ особаго агента, который долженъ былъ передать тамошнимъ колонистамъ письма отъ ихъ выселившихся родственниковъ и ознакомить ихъ съ манифестомъ императрицы Екатерины отъ 22-го іюля 1763 года. Однако эта попытка успѣха не имѣла: посланный Мусинымъ-Пушкинымъ „благонамѣренный

---

[1]) См. выше, стр. 75.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: реляція Симолина изъ Регенсбурга отъ 20 февраля/2 марта 1764 года.

человѣкъ" былъ арестованъ датскими властями и приговоренъ къ „крѣпостной работѣ" на полгода [1]).

Несмотря на возможность испытать при случаѣ подобную же участь, не было недостатка въ людяхъ, желавшихъ принять на себя обязанность агента-вербовщика колонистовъ для Россіи. Люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, національностей и вѣроисповѣданій предлагали русскому правительству свои услуги въ этомъ дѣлѣ: не только „бывшіе арендаторы и писари (Семилѣтнею) войною разоренныхъ деревень, отставные оберъ и унтеръ-офицеры, бывшіе при арміяхъ маркитанты и подобные тому люди" [2]), не только професіональные вербовщики, но и родовитые дворяне, бывшіе чиновники и офицеры, даже лица духовныя не брезговали этимъ мало почетнымъ, а иногда и опаснымъ, но выгоднымъ порученіемъ.

Нѣкоторые изъ этихъ лицъ представили русскому правительству свои проекты, въ которыхъ начертали, такъ сказать, программу своей дѣятельности, въ случаѣ принятія ихъ предложеній, и указази возможный контингентъ колонистовъ и наиболѣе дѣйствительныя, по ихъ мнѣнію, средства къ насажденію иностранной колонизаціи въ Россіи.

Нѣмецъ Іоганнъ Каницъ, бывшій чиновникъ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, въ своемъ проектѣ, представленномъ графу Григорію Орлову [3]), настаивалъ на необхо-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Реляція Муссина-Пушкина изъ Гамбурга отъ 20февр./2 марта 1764 г. Очевидно со словъ самихъ колонистовъ Мусинъ-Пушкинъ въ своихъ реляціяхъ давалъ тенденціозные и невѣрные отзывы о нѣмецкой колонизаціи въ Даніи. По его словамъ, колонисты принесли большую пользу Даніи: „не только опахали и удобрили безплодныя песчаныя и гористыя мѣста, но и развели тамо всевозможную экономію, поправя и самое голштинское домоводство, которое инако служило примѣромъ всѣмъ почти землямъ; и король Прусскій много по образцу оной въ области свои ввесть приказалъ". (Реляція отъ 5/16 сентября 1763 г.). Виновникомъ обратнаго выселенія колонистовъ изъ Даніи Мусинъ Пушкинъ считалъ датское правительство, которое будто бы нарушило данныя имъ, обѣщанія: „Обѣщанныя имъ отъ королевско-датскаго двора кондиціи не только для нихъ вовсе уже отмѣнены, но и вмѣсто свободнаго, по ихъ смыслу, домостроительства подъ одною только королевскою протекціей дозволеннаго и ни отъ кого болѣе не зависимаго, отданы оные нынѣ всѣ въ полное разнымъ ютландскимъ дворянамъ подданство, кои, считая иностранныхъ сихъ переведенцевъ хуже собственныхъ своихъ наслѣдныхъ крестьянъ, такія причиняютъ имъ обиды и утѣсненія, что имъ никогда невозможно привесть себя работами и трудами своими въ безпечное состояніе, ибо разные изъ сихъ колонистовъ нѣсколько уже заживными учинившіеся новопожалованными имъ господами изъ прежнихъ домовъ ихъ переведены въ другіе, а домашній ихъ скотъ со всѣмъ домоводствомъ отданъ самопроизвольно природнымъ ютландцамъ, кои потому и пользуются нынѣ плодами, чужими руками произведенными". (Реляція Мусина-Пушкина отъ 19/30 декабря 1763 года).

[2]) Тамъ-же: Реляція Мусина-Пушкина изъ Гамбурга отъ 3/14 февраля 1764 г.

[3]) Государственный Архивъ (въ Петербургѣ), XVI, 348: „Представленіе И. Каница о вызовѣ иностранцевъ въ Россію на поселеніе".

димости отправить за-границу для набора колонистовъ особаго агента-коммиссіонера и предлагалъ свои услуги въ качествѣ такового. Дѣятельность проектируемаго коммиссіонера Каницъ обрисовалъ въ слѣдующихъ чертахъ:

Коммиссіонеръ долженъ постоянно разъѣзжать по иностраннымъ государствамъ изъ одного города въ другой и склонять всякихъ ремесленныхъ людей къ переселенію въ Россію, подробно разъясняя имъ „содержащіяся въ манифестѣ полезныя выгоды" или самъ лично, или чрезъ кого-другого: для успѣха своей миссіи ему необходимо завязать знакомства въ различныхъ городахъ, „снискивать себѣ потаенныхъ друзей и помощниковъ", „спознаться съ такими жителями, которые бы изъ угожденія или для небольшого прибытка помогали ему отъ времени до времени склонять другихъ людей къ переселенію сюда".

Чтобы не вызвать противодѣйствія со стороны мѣстной государственной власти, коммиссіонеру необходимо поступать вездѣ съ осторожностію, „намѣренія свои хитро скрывать подъ новымъ всегда подлогомъ (предлогомъ): онъ долженъ вести себя смотря по обстоятельствамъ каждой земли и каждаго города... примѣчать время, случай и обстоятельства".

При соблюденіи этихъ условій, успѣшность набора колонистовъ Каницъ считаетъ вполнѣ обезпеченной, тѣмъ болѣе, что въ данное время не можетъ быть недостатка въ охотникахъ эмигрировать: обстоятельства въ западной Европѣ складываются какъ нельзя болѣе благопріятно для эмиграціи.

Раздѣленіе труда въ промышленности, крайняя его спеціализація, въ связи съ цеховымъ устройствомъ, способствуетъ процвѣтанію промышленности во Франціи и Англіи, но дурно отзывается на экономическомъ положеніи многочисленнаго рабочаго класса: мастеровые люди „отъ работы едва доставляютъ себѣ пропитаніе, ибо онаго единственно въ цеховой своей работѣ искать принуждены для того, что не дѣлаютъ цѣлой вещи, чѣмъ бы могли промыслить себѣ больше денегъ". Если имъ разъяснить надлежащимъ образомъ льготы, даруемыя въ Россіи иностраннымъ переселенцамъ, то они охотно переселятся сюда и положатъ здѣсь основаніе новымъ цехамъ, фабрикамъ и мануфактурамъ.

Другимъ контингентомъ эмигрантовъ явятся бывшіе солдаты. Наступленіе въ Европѣ всеобщаго мира вслѣдствіе прекращенія Семилѣтней войны (1763 г.) привело къ распущенію многочисленныхъ армій, благодаря чему солдаты остались безъ занятій и безъ средствъ къ существованію: „Чрезвычайно многіе изъ такихъ людей сдѣлались либо побродягами, либо нищими, а особ-

ливо нынѣ, потому что многія фабрики въ нѣмецкой землѣ разорились. Всѣ такіе люди—весьма полезные переселенцы для Россіи, которыхъ помянутымъ способомъ нынѣ во всѣхъ земляхъ довольно сыскать можно". Въ доказательство своей мысли Каницъ ссылается на примѣръ англичанъ, которые для колонизаціи Флориды въ Америкѣ, при помощи вербовщиковъ, набрали въ прошломъ 1762-мъ году въ Пфальцѣ 200 человѣкъ, а нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, по газетнымъ извѣстіямъ, отправили изъ Германіи въ ту-же американскую колонію болѣе 5000 семей.

Обиліе въ западной Европѣ солдатъ, оставшихся безъ дѣла съ прекращеніемъ Семилѣтней войны, послужило исходной точкой для проектовъ французскаго дворянина д'Эстре [1]) и профессіональнаго вербовщика швейцарца Рапена (Rapin).

Въ своемъ проектѣ, представленномъ чрезъ просредство Генриха Гросса, д'Эстре указываетъ два способа для устройства въ Россіи иностранныхъ земледѣльческихъ колоній.

Первый и наиболѣе цѣлесообразный, по его мнѣнію, способъ — это сформированіе полка изъ иностранцевъ, набранныхъ въ земляхъ князей—епископовъ и въ вольныхъ ганзейскихъ городахъ. Набирать слѣдуетъ предпочтительно людей женатыхъ, обнадеживая ихъ, что будутъ заботиться объ ихъ женахъ и дѣтяхъ. Недостатка въ рекрутахъ не будетъ, особенно въ Люттихѣ, Ахенѣ и княжествѣ Стабло. Офицерами въ этотъ полкъ нужно опредѣлить иностранцевъ, уроженцевъ тѣхъ областей, гдѣ будутъ набираться солдаты. Но такъ-какъ въ Россіи не принято имѣть на службѣ иностранные полки, то по окончаніи набора, черезъ два или три года можно будетъ распустить данный полкъ, *„продолжая жалованье тѣмъ офицеромъ и солдатамъ, которые захотятъ поселиться на данныхъ для пашни земляхъ*, или-же распредѣливъ ихъ по русскимъ полкамъ съ обыкновеннымъ въ каждомъ полку жалованьемъ". Такимъ путемъ можно образовать гораздо лучшую колонію, нежели набирая бѣглыхъ иностранцевъ, бо́льшая часть которыхъ состоитъ изъ негодяевъ, оставляющихъ отечество изъ боязни наказаній за совершенныя ими преступленія.

---

[1]) Д'Эстре былъ рекомендованъ Гроссу русскимъ посланникомъ въ Парижѣ Сергѣемъ Васильевичемъ Салтыковымъ, который въ письмѣ на имя Гросса отъ 15 октября 1763 г. засвидѣтельствовалъ, что авторъ проекта приходится племянникомъ французскому маршалу графу д'Эстре и состоитъ на дѣйствительной службѣ подполковникомъ. См. Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: канцелярская цидула Гросса отъ 17/28 октября 1763 г. и его-же реляція отъ 26 декабря 1763/6 января 1764 года.

Второй способъ устройства колоній—это раздача земель въ собственность знатнымъ иностранцамъ вышеупомянутыхъ странъ и привлеченіе на нихъ колонистовъ путемъ выдачи послѣднимъ денежныхъ пособій въ слѣдующихъ размѣрахъ: женатому мужчинѣ 50 талеровъ, его женѣ—30, каждому изъ дѣтей моложе 16-ти лѣтъ по 10 талеровъ, дѣтямъ 16—19 лѣтъ по 15 талеровъ; молодому человѣку 20-ти лѣтъ, не имѣющему ни отца, ни матери—40 талеровъ, вдовамъ и дѣвицамъ отъ 18-ти лѣтъ—30 талеровъ. Болѣе одной трети обѣщанной суммы впередъ имъ на руки выдавать не слѣдуетъ; посадка на суда колонистовъ или солдатъ, если принятъ будетъ первый способъ колонизаціи, должна проиводиться въ Голландіи на счетъ русскаго правительства.

Въ заключеніе своего проекта, сравнивая два указанные имъ способа набора переселенцевъ, д'Эстре отдаетъ рѣшительное предпочтеніе первому: второй способъ, по его мнѣнію, можетъ вызвать неудовольствіе правительствъ тѣхъ странъ, гдѣ онъ будетъ примѣняться, такъ-какъ эти страны, теряя населеніе, не пріобрѣтутъ взамѣнъ этого никакой выгоды; между тѣмъ первый способъ даетъ возможность устроиться бѣдному дворянству и освободиться отъ тѣхъ изъ своихъ сыновей, которые теперь во Франціи, Австріи и Пруссіи отставлены отъ службы (вслѣдствіе прекращенія военныхъ дѣйствій) и потому родителямъ своимъ въ тягость [1]).

Профессіональный вербовщикъ Давидъ Соломонъ Рапенъ, родомъ швейцарецъ изъ Бернскаго кантона, [2]) предложилъ свои услуги для набора въ Россію колонистовъ въ количествѣ отъ 1000 до 1200 и даже до 2000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей.

Имѣя въ виду главнымъ образомъ своихъ земляковъ, швейцарцевъ, Рапенъ обѣщалъ набрать „людей здоровыхъ, крѣпкаго сложенія“, „знающихъ при томъ свободныя и механическія науки, мануфактурщиковъ, садовниковъ, (людей) умѣющихъ разводить виноградъ и дѣлать виноградныя вина, выдѣлывать шелкъ и управлять фабриками“.

---

1) Jl est possible, читаемъ въ проектѣ д'Эстре, que ce second moyen trouve des difficultés que le premier n'aurait pas: presque tout est contre le gouvernement où l'on recrutera des colons,—premièrement la cause d'une dépopulation sans bénéfice, au lieu que l'autre offre un état à la pauvre noblesse et fournit des moyens de se débarasser d'enfants qui ont été reformés tant de France, d'Autriche que de Prusse, et qui sont à charge leurs parents“. Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.

2) Рапенъ съ 1728 г. служилъ различнымъ европейскимъ государствомъ, былъ и вербовщикомъ, и шпіономъ, а теперь именовалъ себя полковникомъ прусской службы и шефомъ одного корпуса легкихъ войскъ, а также генералъ-аудиторомъ арміи „Его Прусскаго Величества“. О немъ у насъ еще будетъ рѣчь впереди.

Въ интересахъ успѣшности набора колонистовъ Рапенъ предлагалъ образовать изъ нихъ *полкъ ландмилиціи:* „сей способъ", писалъ онъ въ своемъ „меморіалѣ", „къ набранію швейцаровъ (швейцарцевъ) есть наилучшій, ибо вся швейцарская нація натурально склонна къ военнымъ дѣйствіямъ" [1]). Главное назначеніе проектируемой милиціи—защита своего поселенія (колоніи) отъ набѣговъ калмыковъ и киргизовъ, чѣмъ она будетъ способствовать и оборонѣ границъ имперіи вообще [2]).

Мысль объ устройствѣ въ Россіи военныхъ колоній изъ иностранцевъ находила сочувствіе и поддержку въ военныхъ сферахъ Петербурга [3]), но *императрица, привлекая въ Россію иностранныхъ колонистовъ, преслѣдовала цѣли чисто культурныя,* и потому Рапену далъ былъ отвѣтъ, что въ учрежденіи ландмилиціи изъ колонистовъ „никакой нужды не усматривается": во-первыхъ, въ случаѣ надобности, для защиты колоній будетъ опредѣлена „сальвогвардія добрый дисциплины" изъ русскихъ войскъ, а во-вторыхъ, самыя колоніи иностранцевъ будутъ устроены „не на той сторонѣ Волги, на которой кочуютъ татары и калмыки", но на другой (т.-е. на правой) „близъ обитаемыхъ уже донынѣ мѣстъ. Когда-же изъ таковыхъ швейцаръ поселеніе размножится, и они впредь того сами возжелаютъ, то тогда сходственно съ обстоятельствами можетъ быть и дозволеніе на то получатъ" [4]).

Отвергая мысль объ устройствѣ *военныхъ колоній,* правительство однако въ дѣлѣ привлеченія и набора колонистовъ не отказывалось и отъ содѣйствія лицъ, не принадлежавшихъ къ

---

1) На швейцарцевъ обращалъ вниманіе русскаго правительства и нѣкто Мейкснеръ, назначенный впослѣдствіи въ г. Ульмъ русскимъ коронным комиссаромъ для набора колонистовъ. Въ письмѣ къ Симолину въ Регенсбургъ онъ между прочимъ писалъ: „Невѣроятно, какое множество людей въ Швейцаріи находится, и хотя ежегодно многія тысячи человѣкъ оттуда выходятъ, однако-жь великое множество людей тутъ не умаляется по причинѣ того, что швейцарскія бабы весьма плодливы. Естли-бъ агличаня и католицкихъ швейцаровъ колонистами въ Америку принимали, то-бъ переселенія народовъ отъ того тѣмъ многочисленнѣе были, но какъ агличаня единственно токмо протестантскихъ швейцаровъ принимаютъ, то принуждены католицкіе швейцары кой куда разбраживаться, которымъ обстоятельствомъ воспользоватся должно было-бъ. Къ случаю сему приходитъ и нынѣшнее безпокойствіе въ Швейцаріи, чѣмъ-бы равномѣрно надлежало пользоваться". Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Переводъ съ приложенія къ реляціи министра Симолина отъ $^{9}/_{20}$ августа 1764 г. („Экстрактъ").

2) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д: „Mémorial" Рапена.

3) „Проектъ d'Estrées, писалъ Н. И Панинъ, нѣсколько согласенъ съ мыслями, о которыхъ я слыхалъ отъ нашихъ генераловъ касательно до новыхъ селеній способовъ и вербованныхъ полковъ". Ремаркъ Н. И. Панина на цидулѣ Генриха Гросса изъ Гаги отъ $^{17}/_{28}$ октября 1763 г. Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.

4) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д: Промеморія изъ канцеляріи опекунства иностранныхъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ 18 ноября 1763 года.

дипломатическому корпусу: подъ вліяніемъ настойчиво заявленныхъ съ разныхъ сторонъ предложеній и невозможности открыто набирать колонистовъ въ цѣломъ рядѣ государствъ, оно въ концѣ концовъ пришло къ убѣжденію въ необходимости для пользы дѣла обращаться къ содѣйствію лицъ, которыя спеціально посвятили-бы себя набору колонистовъ.

Съ 1764-года, по примѣру Мусина-Пушкина и Симолина, наше центральное правительство для привлеченія колонистовъ *секретно отправляетъ особыхъ агентовъ въ тѣ страны, откуда эмиграція воспрещалась.*

Прежде всего вниманіе правительства обратилось въ сторону Балканскаго полуострова и Австріи, откуда нѣкогда при Елизаветѣ Петровнѣ выселились сербы. Въ началѣ 1764-го года, „для истолкованія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея императорскаго величества манифеста о иностранныхъ“ рѣшено было отправить къ единовѣрнымъ Россіи народамъ означенныхъ странъ „переводчика оріентальныхъ языковъ Василья Миролюба съ двумя при немъ служителями, да сербской націи священника Филиппа Тербоховича“; коллегія иностранныхъ дѣлъ должна была выдать помянутымъ лицамъ паспорты съ обозначеніемъ, что они „по желанію ихъ отпущены для собственныхъ своихъ нуждъ и свиданія со свойственниками, съ возвратомъ, переводчикъ Миролюбъ—въ Цесарію, а священникъ Тербоховичъ—въ Венецію“ [1]).

Относительно Миролюба извѣстно, что 22-го марта 1764 года онъ приступилъ къ исполненію возложеннаго на него порученія и „чрезъ Молдавію, Валахію, Трансильванію, Банатъ и по турецкимъ границамъ отправился въ Цесарію“. На дорожные расходы, на содержаніе себя и будущихъ колонистовъ Миролюбъ получилъ изъ канцеляріи опекунства иностранныхъ тысячу пятьдесятъ четыре (1054) рубля шестьдесятъ двѣ копейки подъ поручительство одного лица, которое въ случаѣ, если онъ (Миролюбъ) „той комисіи не исправитъ или назадъ не возвратится“, обязывалось уплатить въ казну эту сумму. До этого однако дѣло не дошло: Миролюбъ въ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него порученіе, возбудивъ среди молдаванъ стремленіе къ переселенію въ Россію. „Отъ молдавскаго народа“ присланы были въ Петербургъ „нарочные“—Кука и Телебуцъ съ прошеніемъ о дозво-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Промеморія изъ канцеляріи опекунства иностранныхъ въ коллегію ин. дѣлъ отъ 15 января 1764 года. Русскому послу въ Вѣнѣ кн. Голицыну рескриптомъ отъ 31 января 1764 года предписано было оказывать помянутымъ лицамъ содѣйствіе „въ случаяхъ политикѣ и доброму согласію непротивныхъ“.

леніи поселиться въ Россіи, на что и послѣдовало соизволеніе императрицы [1]). По вызову Миролюба и „собою“ переселилось 150 человѣкъ, да другой агентъ, доселѣ нами не упомянутый, „вызыватель“ полковникъ Филиповичъ въ 1765—1767 гг. переселимъ 579 человѣкъ.

Съ послѣднимъ канцелярія опекунства иностранныхъ заключила контрактъ о вызовѣ колонистовъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Филиповичъ обязуется вызывать „изъ чужестранныхъ мѣстъ“ хлѣбопашцевъ и ремесленниковъ разныхъ націй („кромѣ поляковъ, жидовъ и азіацкихъ народовъ“), „сколько ему или его повѣреннымъ будетъ можно“; за каждую семью казна выплачиваетъ ему по 30 рублей безъ возврата.

2) Деньги кормовыя и на путевыя издержки вызыватель выдаетъ колонистамъ подъ росписки изъ своихъ средствъ; казна возмѣщаетъ ему эти расходы только по принятіи отъ него колонистовъ и при томъ въ размѣрѣ не свыше 20-ти рублей круглымъ счетомъ на каждую семью.

3) „Вызовъ людей продолжать ему съ заключенія контракта три года сряду, потому что сначала въ первой годъ не уповаетъ онъ вызвать многова числа людей, а только принужденъ будетъ здѣлать издержекъ.

4) „Мѣсто для ихъ поселенія имѣетъ быть Бѣлгородской губерніи въ Валуйскомъ уѣздѣ при рѣчкѣ Журавкѣ, Деркулѣ и Осколѣ (о которыхъ и въ печатномъ о празныхъ земляхъ реестрѣ показано) по той причинѣ, что оное вызываемымъ имъ народамъ извѣстно и способно какъ въ разсужденіи климата, какъ и недальняго отъ Кіева разстоянія.

5) „Для облегченія въ препровожденіи тѣхъ людей отъ Кіева на мѣсто поселенія, отдавать ему Филиповичу или его повѣреннымъ кіевской канцеляріи или кому препоручено будетъ не менѣе двадцати фамилей однимъ разомъ, а не порознь; *до учрежденія ихъ домостроительства и препровожденія на мѣсто поселенія ему Филиповичу дѣла нѣтъ*“ [2])

Для надзиранія“ за колонистами, вызванными Филиповичемъ и другими упомянутыми выше агентами, впослѣдствіи была учреждена при малороссійской коллегіи особая экспедиція [3]).

---

[1]) Москов. Гл. Архивъ Министерства Юстиціи: Дѣла Правит. Сената 1-го департамента по части опекунства иностранныхъ: всеподаннѣйшей докладъ президента канцеляріи опекунства иностранныхъ отъ 25 іюля 1765 года.

[2]) Архивъ Министерства Земледѣлія и Госуд. Имуществъ, № 25.646, листы 73—74. Контрактъ съ Филиповичемъ былъ заключенъ 20 го апрѣля 1765 года.

[3]) Полное Собр. Законовъ т. XVII, № 13.015: Высочайше утвержденный докладъ президента канцеляріи опекунства ин.. Объ учрежденіи при Малорос-

Наши дипломатическіе агенты въ Константинополѣ и Вѣнѣ приглашались по мѣрѣ возможности содѣйствовать успѣшному ходу иммиграціи въ Россію. Такъ, секретною канцелярскою „цидулою“ (отъ 13 мая 1765-го года), писанною „цыфирью“, коллегія иностранныхъ дѣлъ спрашивала русскаго резидента въ Константинополѣ Алексѣя Михаиловича Обрескова, не найдетъ-ли онъ возможнымъ послать отъ себя „нарочнаго компсара въ Келію, который-бы съ греческими корабельщиками о перевозѣ набираемыхъ въ областяхъ Вѣнскаго Двора, а именно въ Фіуме или Бѣлградѣ, для поселенія въ Россіи иностранныхъ колонистовъ до крѣпости св. Димитрія [1]) договориться могъ“ [2]).

Того-же числа была отправлена канцелярская „цидула“ къ русскому послу въ Вѣнѣ кн. Д. М. Голицыну, которою коллегія иностранныхъ дѣлъ поручала ему навести справки: „можно-ли въ Фіуме или въ Бѣлградѣ сыскать такого надежнаго человѣка, къ которому-бы потребное число денегъ изъ С.-Петербурга чрезъ вексель перевесть можно было, съ тѣмъ, чтобъ онъ тѣ деньги раздавалъ набираемымъ отъ *вызывателя* Вандинія [3]) для поселенія въ Россіи иностранцамъ“.

По справкамъ оказалось, что нельзя найти подходящаго человѣка ни въ Бѣлградѣ, гдѣ иностранныхъ купцовъ совсѣмъ нѣтъ, а греческіе не имѣютъ прочной осѣдлости и потому не заслуживаютъ довѣрія, ни въ Фіуме, гдѣ кромѣ одной компаніи, содержащей сахарный заводъ, „нѣтъ никакихъ другихъ надежныхъ купцовъ или банкировъ“. Сообщая объ этомъ, князь Голицынъ высказалъ свою увѣренность, что въ упомянутыхъ городахъ охотниковъ принять на себя подобную коммиссію и не найдется: въ виду воспрещенія эмиграціи изъ Габсбурскихъ владѣній „такое дѣло не инако надлежитъ производить, какъ подъ крайнимъ секретомъ“, а между тѣмъ сохранить его въ секретѣ

сійской коллегіи для надзиранія надъ вышедшими чрезъ Кіевъ и поселившимися тамъ колонистами особой экспедиціи и объ ассигнованіи на поселеніе ихъ суммы (1767 г., ноября 17-го.)

[1]) Впослѣдствіи городъ Ростовъ на Дону.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: канцелярская цидула изъ коллегіи ин. д. къ резиденту Обрескову отъ 13 мая 1765 года.

[3]) Жанъ-Бабтистъ Вандини, родомъ итальянецъ, заключилъ съ канцеляріей опекунства иностранныхъ контрактъ о вызовѣ имъ въ Россію колонистовъ. Въ силу 6-го пункта этого контракта, онъ обязывался „набранныхъ имъ въ *Италіи* и въ другихъ мѣстахъ людей привозить въ Гамбургъ или въ Гданскъ, куда способно быть-можетъ, гдѣ посланнику и резиденту, принимая тѣхъ людей, отправлять въ С.-Петербургъ, при чемъ выдавать вызывателю илиево повѣренному безъ возврату за каждую семью по десяти рублевъ“. Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Промеморія изъ канцеляріи опекунства иностранныхъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ 13 января 1765 года. О „вызывателяхъ“ см. ниже.

нѣтъ никакой возможности, вслѣдствіе чего въ „Бѣлградѣ не можно сыскать такого человѣка, который-бы отважился поступить на дѣло, соединенное съ собственною его опасностію“; компанія купцовъ въ Фіуме тѣмъ болѣе не отважится принять на себя такую коммисію, на которую Вѣнскій Дворъ равнодушно смотрѣть не можетъ. Единственная возможная мѣра, по мнѣнію князя Голицына, это—переводъ въ одинъ изъ упомянутыхъ городовъ нѣкоторой суммы денегъ „для единственной отдачи въ однѣ руки, а отнюдь не съ тѣмъ, чтобъ тому, къ кому тѣ деньги переведены будутъ, раздавать оныя разнымъ на поселеніе въ Россію идущимъ людямъ, дабы тому человѣку не попасть въ какое-либо подозрѣніе, по которому-бы онъ признанъ былъ за подкупленнаго“; если-же ощущается потребность именно въ агентѣ, который раздавалъ-бы деньги непосредственно колонистамъ, то таковаго слѣдуетъ пріискать „при польскихъ или молдавскихъ границахъ“, гдѣ „такую комиссію“ можно исполнять съ бóльшею свободою и безопасностію, нежели въ Фіуме или Бѣлградѣ [1]. Въ лицѣ названныхъ выше—гусарскаго полковника Филиповича [2]) и итальянца Вандини мы встрѣчаемся съ новымъ видомъ дѣятелей по привлеченію въ Россію иностранныхъ колонистовъ, а именно—съ *вызывателями*.

Въ 1764 году наше правительство, почти одновременно съ отправленіемъ особыхъ агентовъ для вербовки колонистовъ среди народностей, подвластныхъ Австріи и Турціи, рѣшило прибѣгнуть къ содѣйствію частныхъ предпринимателей для усиленія переселенческаго движенія въ Россію. Эти предприниматели получили въ нашемъ законодательствѣ наименованіе „*вызывателей*“. Они заключали съ канцеляріей опекунства иностранныхъ или съ русскими дипломатическими агентами за границей контракты, въ силу которыхъ обязывались за опредѣленное вознагражденіе доставлять колонистовъ. Дѣйствуя на свой страхъ, при помощи своихъ наемныхъ агентовъ или „эмисаровъ“, иногда составляя цѣлыя товарищества на равныхъ правахъ, вызыватели находили возможность распространить свои операціи не только на Германію, главную арену ихъ дѣятельности, но и на тѣ страны, откуда эмиграція строго воспрещалась, какъ то: на владѣнія Габсбурговъ, на Францію и прочія государства.

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Цидула кн. Голицына изъ Вѣны отъ $^{11}/_{22}$ іюня 1765 г.

[2]) Полное Собр. Законовъ, т. XVII, № 12836: Высочайше утвержденный докладъ. О правилахъ для поселенія вызываемыхъ полковникомъ Филиповичемъ и собою выходящихъ чрезъ Кіевъ иностранцевъ (28-го февраля 1767 г.).

Французъ Докуръ изъ Бельфора и два его товарища—первые въ качествѣ „вызывателей" предложили канцеляріи опекунства иностранныхъ свои услуги по набору колонистовъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ канцелярія „склонила ихъ напослѣдокъ къ принятію умѣреннѣйшихъ кондицій, нежели они сначала требовали"; по обоюдному соглашенію были выработаны слѣдующія условія: а) для вызванныхъ Докуромъ и его товарищами колонистовъ будутъ отведены земли между Саратовомъ и Астраханью на каждую семью „противъ прочихъ — собою выѣзжающихъ — положенное число", самимъ-же вызывателямъ — въ утроенномъ размѣрѣ, т.-е. по три земельныхъ участка на каждаго въ наслѣдственное владѣніе; б) каждый изъ вызывателей получитъ по 4000 рублей (а всѣ трое, слѣдовательно, въ общей сложности 12.000 руб.) заимообразно на десять лѣтъ безъ процентовъ; в) тому изъ вызывателей, который отправится за границу для набора колонистовъ (остальные его товарищи остаются въ Петербургѣ) выдается отъ русскаго правительства на путевые расходы безъ возврата по шести рублей на день въ теченіе шести мѣсяцевъ [1]); г) если вызванныхъ колонистовъ доставлено будетъ въ Саратовъ не менѣе ста семей, то правительство обязывается для каждаго изъ вызывателей, „въ награжденіе за ихъ стараніе", построить на свой счетъ „деревянные домы, безъ взысканія за оные денегъ, всякой о четырехъ свѣтлицахъ и одной кухнѣ съ принадлежащими къ тому конюшнями, всякая на четыре лошади, съ сараями и погребами".

1-го марта 1764 года условія договора съ Докуромъ и его товарищами были утверждены императрицей и сдѣланы обязательными для всѣхъ послѣдующихъ договоровъ съ вызывателями; тогда-же была разослана ко всѣмъ русскимъ дипломатическимъ агентамъ за границей *форма договора съ вызывателями*, въ которой изъ слова въ слово повторялся договоръ съ Докуромъ и его товарищами [2]).

---

[1]) Выдачу этихъ денегъ предполагалось производить не сразу за всѣ шесть мѣсяцевъ, а по частямъ, „отъ одного мѣста до другаго, а именно: отъ Петербурга до Риги, отъ Риги до Гданска и отъ Гданска до Берлина, отъ Берлина до Регенсбурга, отъ Регенсбурга до Гаги, отъ Гаги до Парижа", при чемъ въ каждомъ изъ послѣдующихъ городовъ вызыватель долженъ былъ предъявлять „отписки" о томъ, за сколько дней, отъ кого и гдѣ получилъ онъ передъ этимъ деньги. Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Копія договора съ Докуромъ.

[2]) Договоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ-какъ Докуръ и его товарищи не могли представить, въ видѣ гарантіи, ни залога, ни надежныхъ поручителей. Собственно канцелярія опекунства иностранныхъ, склоняясь на ходатайство этихъ „вызывателей", готова была выдать имъ при отъѣздѣ изъ Петербурга 3.160 рублей и предписать нашимъ миссіямъ въ Вѣнѣ, Гагѣ и Гамбургѣ о выдачѣ имъ денегъ впередъ еще въ количествѣ 6000 (а всего 9.160 руб.), хотя

Однако вскорѣ канцелярія опекунства иностранныхъ замѣтила, что она сдѣлала промахъ, обусловивъ вознагражденіе за вызовъ колонистовъ не только числомъ вызываемыхъ, но и вызывателей, что должно было крайне невыгодно отражаться на интересахъ казны. Поэтому, когда русскій посолъ въ Парижѣ князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ заключилъ съ тремя-же французами договоръ о вызовѣ колонистовъ на точномъ основаніи изданной формы договоровъ съ вызывателями, канцелярія опекунства объявила, что этотъ договоръ есть ни что иное, какъ плодъ недоразумѣнія, и выработала новую *„пополнительную“* форму договоровъ, которая и была утверждена императрицей 17-го ноября 1764-го года [1]).

Этотъ новый законодательный актъ, ограждая интересы казны, болѣе точно опредѣлилъ взаимныя отношенія между русскимъ правительствомъ и вызывателями, а равно между этими послѣдними и вызванными ими колонистами. Содержаніе его можетъ быть сведено къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Канцелярія опекунства иностранныхъ отводитъ для доставленныхъ вызывателями колонистовъ на каждую семью опредѣленное количество земли въ мѣстахъ необитаемыхъ, но удобныхъ къ поселенію. Отведенную землю вызыватели распредѣляютъ между колонистами по своему усмотрѣнію.

2) „Въ семью полагается“ мужъ съ женою и съ дѣтьми—мужскаго пола ниже 20, а женскаго—ниже 18 лѣтъ; лицъ не состоящихъ въ бракѣ и имѣющихъ возрастъ не ниже вышеуказаннаго считается въ одну семью—мужского пола двое, а женскаго четверо.

3) „Если нѣсколько семей изъ поселянъ ихъ какимъ-либо образомъ выбудутъ“, вызыватели обязаны „дополнять свою колонію вызываемыми вновь людьми, не требуя въ такомъ случаѣ сверхъ проѣздныхъ и кормовыхъ, по числу тѣхъ людей, денегъ ничего“; если-же въ теченіе двухъ лѣтъ убыль въ колонистахъ не будетъ восполнена вызывателями, „то по числу выбылыхъ семей возмется отъ нихъ (т.-е. изъ надѣла основанныхъ вызывателями колоній) столько-же и участковъ земли обратно“; ни

и видѣла, что эти французы „находятся состоянія и поведенія невоздержнаго, почему къ домостроительству и доброму хозяйству являются быть безнадежными“. Но императрица на докладѣ по этому дѣлу начертала слѣдующую резолюцію: „Безъ поручительства деньги не давать, ежели нѣтъ залогу такого, въ случаѣ нужды съ котораго издержанныя деньги взыскать можно“. Полн. Собр. Законовъ, т. XVI, № 12.255.

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: Реляція кн. Голицына изъ Парижа отъ 30 января/10 февраля 1765 года. Полн. Собр. Законовъ, т. XVI, № 12.283.

подъ какимъ видомъ не дозволяется переманивать къ себѣ „на упалое мѣсто“ поселившихся въ другихъ урочищахъ колонистовъ, также и тѣхъ, которые еще не поселились въ Россіи, но уже обратились непосредственно къ русскимъ дипломатическимъ агентамъ за границей и взяли у нихъ задатки.

4) Для вывезеныхъ изъ-за границы работниковъ вызыватели могутъ потребовать землю, которая и будетъ отведена имъ „на каждую тѣхъ работниковъ семью противъ колонистовъ-же“, но въ такомъ случаѣ эти работники будутъ считаться уже „поселянами“ (т.-е. колонистами); если-же по близости не найдется „порозжей“ земли, то вызыватель можетъ „пользоваться ихъ работой на отведенной ему прежде землѣ“.

5) Въ заключаемыхъ съ вызывателями договорахъ должно быть точно обозначено: „своимъ коштомъ“ обязались они вызвать колонистовъ, или же „съ надежнымъ поручительствомъ или на достаточный закладъ даны имъ напередъ деньги“ и въ какомъ именно размѣрѣ. При этомъ должно быть объяснено, что освобожденіе поручителей отъ поручительства и возвращеніе залоговъ зависитъ отъ усмотрѣнія канцеляріи опекунства иностранныхъ. Въ случаѣ, если вызыватель не выполнитъ своего обѣщанія вслѣдствіе смерти или какихъ-либо препятствій, то выданныя ему изъ казны деньги будутъ взысканы съ процентами съ поручителя или взяты изъ залога.

6) Вызыватели съ своей стороны обязаны вступать съ колонистами въ *особые договоры, опредѣляющіе ихъ взаимныя отношенія какъ во время пути, такъ и на мѣстахъ водворенія въ Россіи.* Эти договоры утверждаются русскими дипломатическими агентами, а затѣмъ представляются въ канцелярію опекунства иностранныхъ, гдѣ и хранятся, а договаривающимся сторонамъ выдаются съ нихъ копіи.

7) При заключеніи договоровъ съ колонистами вызыватели непремѣнно должны соблюдать слѣдующіе условія: а) не обѣщать переселенцамъ ничего сверхъ объявленнаго въ манифестѣ 1763 года; б) включать въ договоры статью, лишающую колонистовъ права выѣзжать изъ Россіи прежде уплаты ими издержанныхъ на нихъ казенныхъ денегъ; в) обязывать колонистовъ поступать во всемъ „по узаконеннымъ и впредь узаконяемымъ въ Россіи правамъ“. *„Что-же касается до собственныхъ доходовъ вызывателей и прочихъ взаимныхъ между ними и колонистами обязательствъ, то объ этомъ они могутъ „договариваться по своей волѣ“.*

8) Вознагражденіе за вызовъ колонистовъ опредѣляется не числомъ вызывателей, а числомъ вызываемыхъ: за свои труды

вызыватели независимо отъ ихъ числа (будетъ-ли то одинъ предприниматель, или цѣлая компанія,—безразлично) получаютъ за каждыя сто семействъ по три опредѣленныхъ на каждую семью участка земли, по 4000 рублей въ ссуду на 10 лѣтъ безъ процентовъ съ обязательствомъ уплатить эти деньги по прошествіи даннаго времени въ три срока, и 350 рублей безвозвратно „на строеніе дому".

9) За провозъ каждой колонистской семьи до Гамбурга или Любека вызывателямъ выдается не болѣе 40 рублей, да на содержаніе ея по 10 рублей „безъ возврата" [1]); деньги на содержаніе и провозъ колонистовъ отъ этихъ гаваней до Петебурга выдаются вызывателямъ по расчисленію времени, сколько имъ въ пути должно быть, и по мѣстнымъ цѣнамъ [2]).

Изъ упомянутыхъ выше вызывателей о дѣятельности итальянца Вандини намъ ничего не извѣстно,—вѣроятно онъ оказался не въ состояніи выполнить свой контрактъ; что касается полковника Филиповича, то его нужно отнести къ разряду тѣхъ частныхъ предпринимателей, которые вербовали колонистовъ „непосредственно для короны", не претендуя ни на какія особыя права и доходы въ тѣхъ колоніяхъ, которыя будутъ основаны набранными имъ колонистами. Послѣдніе поступали „подъ дирекцію" президента малороссійской коллегіи графа Румянцева, которому вмѣнялось въ обязанность составить *уставъ,* „съ описаніемъ всѣхъ подробностей, на какомъ основаніи... люди сіи поселяемы и судимы будутъ". Такъ-какъ канцелярія опекунства иностранныхъ были высшей апелляціонной инстанціей „для всѣхъ вообще выѣзжающихъ въ Россію иностранцевъ", то Румянцевъ долженъ былъ представить въ нее копію съ этого устава для свѣдѣнія, или самый оригиналъ на утвержденіе „по примѣру контрактовъ, заключаемыхъ съ колонистами разными особами, которымъ" императрица „*частныя поселенія иностранцевъ* всемилостивѣйше поручить" соизволила [3]).

Такими особами или юридическими лицами, получившими право заводить „частныя поселенія", управлять ими и взимать часть доходовъ въ свою пользу оказались:

---

[1]) Деньги выдаются въ Гамбургѣ посланникомъ, а въ Любекѣ – коммиссаромъ. То, что будетъ издержано сверхъ сорока рублей на семью, взыскивается вызывателями съ колонистовъ на мѣстахъ ихъ водворенія, но безъ отягченія, по силѣ заключенныхъ колонистами особыхъ договоровъ.

[2]) Полн. Соб. Зак., т. XVI, № 12.283.

[3]) Полн. Собр. Законовъ, т. XVII, № 12.836: Постановленіе о вызываемыхъ Филиповичемъ и о выходящихъ собою чрезъ Кіевъ иностранцахъ, 36—38 стр.

1) баронъ Кано де Борегаръ (le baron de Caneau de Beauregard) и два вызывательскія товарищества:

2) первое состояло изъ а) Дебофа (de Bauve, de Boffe), b) Менье де Прекура (Meusnier de Précourt de Saint-Laurent, Meusnier et Précourt) и с) Кантена Веніамина Кулетъ д'Отеривъ (Quentin Benjamin Coulhette d'Hauterive) и 3) второе—а) изъ женевца Питета и b) француза Леруа (Pictet, Le Roy) [1]).

Изъ числа этихъ контрагентовъ канцеляріи опекунства первое товарищество (Дебофъ,-Менье де Прекуръ и д'Отеривъ) еще въ 1764-мъ году заключило свой договоръ съ упомянутымъ выше посломъ въ Парижѣ княземъ Голицынымъ согласно первоначальной формѣ договоръ съ вызывателями, въ силу которой за сто семействъ колонистовъ каждыйчленъ товарищества получалъ въ ссуду по 4000 рублей, а всѣ трое въ совокупности должны были, слѣдовательно, получить 12.000 рублей. Когда была издана новая „пополнительная“ форма договоровъ, князь Голицынъ настаивалъ на исполненіи заключеннаго имъ контракта и выдачѣ вызывателямъ 12.000 рублей вмѣсто 4000 на всѣхъ, которыя слѣдовало выдать согласно новой „пополнительной“ формѣ. Поэтому поводу въ своей реляціи изъ Парижа (отъ 30 января/10 февраля 1765 года) онъ между прочимъ писалъ: „неисполненіе сіе (т.-е. условія о выдачѣ 12.000 рублей) можетъ моему кредиту ущербъ сдѣлать, и при томъ *разглашеніе произвесть, что я подданныхъ сего государства подговариваю и отправляю* въ Россію; ибо тѣ договарившіеся со мною, имѣя причину къ жалобамъ, нечаятельно, чтобъ секретъ столь свято стали наблюдать, какъ прежде: недовольствованные люди обыкновенно любятъ жаловаться“ [2]).

Сами члены товарищества оказались однако людьми сговорчивыми и согласились на уничтоженіе контракта съ княземъ Голицынымъ и заключеніе другого съ канцеляріей опекунства соотвѣтственно новой „пополнительной“ формѣ [3]).

Контрактъ съ женевцемъ Питетомъ и французомъ Леруа, по свидѣтельству послѣдняго, заключенъ былъ канцеляріей опекунства иностранныхъ „прежде учиненія заключаемымъ съ вызывателями контрактамъ формы“, но очевидно близко къ ней подходилъ, такъ-какъ впослѣдствіи дальнѣйшимъ измѣненіямъ не подвергался [4]).

---

[1]) „Une Colonie franco—russe au XVIII siècle (D'après de documents inédits) par Paul d'Estrée“,—Revue de Revues 1896, № 19, 1-er Octobre.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ“.

[3]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 12. 283.

[4]) Архивъ Гамбургской миссіи: „Изъ канцеляріи опек. ин. пребывающему въ Гамбургѣ нынѣ за неопредѣленіемъ на мѣсто г-на статскаго сов. Мусина-Пуш-

Питета и Леруа рекомендовалъ канцеляріи опекунства и ручался за нихъ самъ президентъ ея графъ Григорій Гр. Орловъ:

„Изъ числа тѣхъ иностранцовъ“, писалъ онъ въ своемъ предложеніи означенной канцеляріи, „которые въ канцелярію опекунства иностранныхъ письменно представили, что они желаютъ въ иностранныхъ мѣстахъ какъ рукомесленныхъ людей, такъ хлѣбопасцовъ набравъ, поселить въ Астраханской и Воронежской губерніяхъ, а для исполненія онаго требуютъ напередъ денегъ за каждые сто семей по пяти тысячъ по осмидесяти рублевъ, мною надежнымъ признавается женевецъ Питетъ, который и по французѣ Леруа во всемъ ручается; чего ради канцеляріи опекунства иностранныхъ предлагается со оными двумя заключить подлежащіе договоры...... *ибо я въ случаѣ несостоятельности вышереченнаго Питета въ заплату полученныхъ имъ денегъ самъ платить обязуюсь*“ [1]) (Слова, означенныя курсивомъ, написаны Орловымъ собственноручно).

Позднѣе въ товарищество Питета и Леруа вступилъ Зонтагъ, заключившій контрактъ съ канцеляріей опекунства уже послѣ изданія общей (пополнительной) формы договоровъ съ вызывателями; по его собственному признанію, онъ вступилъ въ договорныя отношенія съ упомянутой канцеляріей „въ угодность только Питету, не имѣя въ самомъ дѣлѣ отнюдь намѣренія вызывать людей въ Россію на поселеніе“ [2]). Склоняя на этотъ шагъ Зонтага, Питетъ хотѣлъ использовать въ своихъ интересахъ выгодныя стороны и своего и Зонтагова контракта.

Контракты канцеляріи опекунства съ двумя названными товариществами не отличались опредѣленностью: впослѣдствіи, заподозривъ членовъ этихъ товариществъ въ злоупотребленіяхъ, канцелярія толковала контракты въ томъ смыслѣ, что они были заключены на одинъ годъ о поставкѣ ста семей, при чемъ де не воспрещалось доставить и бо́льшее число семей въ означенный годичный срокъ.

На производство операцій по набору колонистовъ канцелярія опекунства, за поручительствомъ надежныхъ лицъ, выдала впередъ Питету и Леруа по 5080 рублей, Зонтагу—5000 рублей

кина переводчику г-ну Вихляеву“ отъ 27 генваря 1766 г. (Въ Москов. Гл. Архивъ Мин. Ин. Д.)

[1]) Архивъ Мин. Земледѣлія и Госуд. Имуществъ, № 25.628: „Дѣло, производившееся въ коммиссіи особо учрежденной по Высочайшему имянному указу для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ вызывателей въ Россію иностранныхъ, Леруа и Прекурта съ ихъ товарищами“, листъ 16.

[2]) Архивъ Гамбургской миссіи (см. выше).

(на сто семей)[1]), а самому крупному изъ предпринимателей барону Кано де Борегару—15.000 рублей (на триста семей)[2]).

Послѣднiй, въ силу своего договора съ канцелярiей отъ 19-го мая 1765 года, обязывался поставить 3000 колонистскихъ семей въ тѣченiи 3-хъ лѣтъ.

Въ своемъ содержанiи договоръ Кано де Борегара воспроизводитъ статьи общей формы договоровъ съ вызывателями[3]); особенность-же его составляютъ такъ называемые „сепаратные пункты", проливающiе нѣкоторый свѣтъ на первоначальную организацiю колонiй, данную имъ вызывателемъ.

Въ виду того интереса, который представляетъ этотъ документъ, мы здѣсь приводимъ полностiю какъ самые „пункты", предложенные Кано де Борегаромъ, такъ равно и опредѣленiя относительно ихъ канцелярiи опекунства иностранныхъ.

„Канцелярiи опекунства иностранныхъ баронъ де-Борегардъ предлагалъ для лутчаго колонистовъ къ выѣзду поощренiя нижеслѣдующiи сепаратные пункты:

На которые канцелярiя опекунства иностранныхъ опредѣляетъ:

1-е. Чтобъ всѣ въ контрактѣ изображенныя выраженiя не толковать къ предосужденiю напечатанныхъ въ манифестѣ всемилостивѣйшихъ привилегей и всегдашней ихъ колонистовъ вольности.

На 1-е: Всѣ обѣщанныя какъ высочайшимъ ея императорскаго величества манифестомъ привилегiи и вольности, такъ и изображенныя въ контрактѣ выраженiя канцелярiя опекунства иностранныхъ инако толковать не будетъ и не можетъ, какъ по точной силѣ и содержанiю оныхъ.

2-е. Чтобъ тѣхъ изъ товарищей его, которые при другихъ дворахъ ранги имѣли и на которыя положатъ патенты или другiя доказательства, не

На 2-е: Кто изъ товарищей вызывателевыхъ докажетъ, что онъ, будучи въ службѣ въ другихъ государствахъ, заслужилъ какой-либо чинъ, то оный у

---

[1]) Архивъ Министерства Земледѣлiя и Госуд. Имуществъ, № 25.628: „Объясненiе преступленiя вызывателя Леруа съ товарищи", листъ 82.

[2]) Черезъ русскаго посланника въ Гамбургѣ Мусина-Пушкина. См. Архивъ Мин. Земледѣлiя и Госуд. Им., № 25.697: „Переводъ съ присланнаго отъ вызывателя барона де Борегарда къ повѣренному его подполковнику Монжъ, а имъ, Монжъ, въ канцелярiю опекунства иностранныхъ поданого меморiала" (Листы 309—333).

[3]) Смотри его въ приложенiяхъ къ настоящему изслѣдованiю подъ №1-мъ.

лишать ихъ тѣхъ заслуженныхъ достоинствъ.

него и въ Россіи, кромѣ важныхъ преступленій, отнять не будетъ, только именоваться таковымъ чиновнымъ точно по своимъ патентамъ, напримѣръ, кто заслужилъ себѣ капитанскій чинъ во Франціи, тому и называться просто капитаномъ дозволено быть можетъ, но съ такимъ договоромъ, чтобъ сіи офицеры ни подъ какимъ видомъ Россійско-Императорской униформы мундировъ не носили.

3-е. Чтобъ дозволено было начальникамъ для содержанія своихъ людей въ послушаніи раздѣлить колонистовъ по швейцарскому обряду на полки, на роты и на капральства, и тѣхъ, которыя явятся способны, назначивать разными воинскими титулярными чинами, которые въ колоніи только ихъ дѣйствительными будутъ, дозволя, однако, оные титулы и въ пашпортахъ писать съ тѣмъ только различіемъ отъ прочихъ, чтобъ офицеры упоминаемые во 2 мъ номерѣ назывались прямо напримѣръ полковниками, капитанами и протчими, а другіе съ прибавленіемъ слова „колоніи“, т. е. капитанъ, поручикъ татой-то колоніи и протчее. Таковое учрежденіе въ колоніяхъ производить будетъ полезную охоту въ людяхъ безъ малѣйшаго государству предосужденія.

На 3-е: Чтобъ не сдѣлать главнымъ вызывателямъ въ распоряженіяхъ ихъ препятствія, дозволяется въ случаѣ недостатка упомянутыхъ во 2-мъ пунктѣ дѣйствительно чиновныхъ назначивать въ должности офицерскія при колоніяхъ кого начальники изъ вызванныхъ ими-же иностранцевъ за достойныхъ къ тому признаютъ съ тѣмъ, чтобы въ пашпортахъ писать ихъ не инако, какъ нанапримѣръ: при такой-то колоніи должность капитана, поручика или прапорщика правящей иностранецъ, имя рекъ.

4-е. Чтобъ вызывателямъ обѣщано было, что ежели по случаю и безъ ихъ вины въ пере-

На 4-е: По яснымъ доказательствамъ невинности вызывателей, въ убыткѣ они оставлены не бу-

возѣ колонистовъ учинится какое медленіе или другое какое несчастіе, что̀ надлежащимъ образомъ доказано ими будетъ, то-бы на счетъ ихъ того не ставить, напримѣръ, когда случится война и корабль съ колонистами непріятелямъ въ руки попадетъ, то-бы вызывателямъ напраснаго въ томъ убытку не понести, а они будутъ стараться, чтобъ колонистовъ, пропустя удобное время, въ Гамбургъ или въ Любекъ не привозить, дабы имъ тамо не зазимовать, развѣ какое непредвидимое несчастіе тому причиною будетъ.

дутъ, кромѣ того, что ссудныхъ денегъ на собственное ихъ вызывателей домостроительство, также земли и на построеніе домовъ по числу тѣхъ колонистовъ, которые по какому-нибудь несчастію въ дорогѣ утратятся, дано не будетъ, потому что сіи обѣщанія исполнены быть имѣютъ по привезеніи людей на мѣсто поселенія.

5-е. Для показанія колонистамъ дать ему съ засвидѣтельствованіемъ съ учрежденія, сколько онымъ дано будетъ земли и какая ссуда денежная на содержаніе ихъ производиться имѣетъ, копію.

На 5-е: При заключеніи контракта съ требуемыхъ учрежденій копіи даны будутъ.

6-е. Обнадежить, чтобы для скораго приведенія колонистовъ въ состояніе къ уплатѣ своего долгу дозволено имъ было во время первыхъ двадцати лѣтъ зачать десятилѣтней въ чужіе края выпускъ своихъ продуктовъ, когда они полезно разсудятъ.

На 6-е: Какъ скоро колоніи ихъ дѣйствительно поселятся и вызыватели объ отпускѣ своихъ продуктовъ канцеляріи опекунства иностранныхъ прошеніе подадутъ, то тогда и съ того самого времени и десятилѣтняя привилегія подтверждена будетъ.

7-е. Чтобы при первомъ вызовѣ колонистовъ отведена была вызывателямъ вся та окружность, которую они заселить намѣрены по луговой сторонѣ рѣки Волги, дабы имъ можно было генеральное учинить распоряженіе, какимъ образомъ

На 7-е: Требованіе сіе подтверждается съ такимъ изъятіемъ, что когда по опредѣленной пропорціи на три тысячи семей сряду въ одномъ мѣстѣ земли за какими-либо причинами отвесть будетъ не можно, то въ такомъ случаѣ недостаточное число зем-

оную раздѣлить на мѣстечки и своихъ людей по искуству ихъ разселить, а числомъ три тысячи фамилей вызвать обязуется чрезъ три года съ заключенія контракта.

ли въ ближайшемъ отъ перваго мѣстѣ отведено будетъ.

8-е. Ежели вызывателямъ за полезно покажется привозить колонистовъ прямо въ С.-Петербургъ, то-бъ и прибавлено было къ положеннымъ для колонистовъ путевымъ и кормовымъ до Гамбурга деньгамъ еще по двадцати рублевъ на каждую семью на такомъ-же основаніи, какъ въ формѣ контракта изображено.

9-е. Впрочемъ, чтобъ сія колонія пользовалась всѣми въ манифестѣ прописанными преимуществами, равно какъ и прочіе выѣхавшіе чужестранцы, и чтобъ тѣмъ, которые пожелаютъ селиться на нагорной сторонѣ рѣки Волги, въ томъ запрещенія не было, съ тѣмъ, однако, чтобъ они подвержены были учененнымъ въ прочихъ колоніяхъ распоряженіямъ.

На 8-е и 9-е: пункты подтверждаются безъ изъятія.

Въ своемъ стремленіи усилить, упрочить и упорядочить приливъ колонистовъ въ Россію наше правительство не остановилось на посылкѣ тайныхъ агентовъ-вербовщиковъ и заключеніи особыхъ контрактовъ на поставку „живого товара“ съ частными предпринимателями.

Въ 1765-мъ году Симолинъ (въ своей реляціи изъ Регенсбурга отъ 5/16-го мая) предложилъ, въ видахъ содѣйствія переселенческому движенію въ Россію, учредить въ Швабскомъ и Верхне-Рейнскомъ округахъ Германіи, а именно въ Ульмѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ „по одному комисару или агенту, которые-бы“, подъ надзоромъ его, Симолина, „собирающимся тамъ на всякій годъ во множествѣ выходцамъ изъ земледѣльцевъ въ

проѣздѣ въ Россію совѣтомъ и дѣломъ, да защищеніемъ и деньгами помогать могли". [1])

Канцелярія опекунства иностранныхъ одобрила предложеніе Симолина и уполномочила его назначить коммиссаровъ въ упомянутые города и дать имъ отъ себя „достаточное наставленіе" „съ таковымъ подтвержденіемъ, чтобъ они старались больше преклонять иностранцевъ къ выѣзду на казенный, нежели на вызывательскій счетъ". [2])

Симолинъ немедленно привелъ тогда въ исполненіе свой проектъ и назначилъ коммиссарами: въ Ульмъ—жителя города Аугсбурга Карла Фридриха Мейкснера, а во Франкфуртъ на Майнѣ—нѣкоего Іоганна Фаціуса, болѣе десяти лѣтъ состоявшаго на службѣ у англійскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Мюнхенѣ и Регенсбургѣ. Мейкснеру годовой окладъ жалованья былъ опредѣленъ въ 500 рублей, а Фаціусу только въ 400, но за то послѣднему на дорогу до Франкфурта и первоначальное обзаведеніе тамъ было выдано единовременно 100 рублей.

Оба коммиссара получили выработанную Симолинымъ инструкцію.

Инструкціей этой вмѣнялись имъ слѣдующія обязанности и правила поведенія:

1) Коммиссары обязаны „какъ можно больше *обнародовать* всемилостивѣйшій императорскій *манифестъ*" отъ 22 іюля 1763 г. „касательно пріема чужестранцевъ въ Россіи", а „также и изданное въ печать *извѣстіе* о продовольствованіи и перевезеніи переселенцевъ"; посему эти документы, особенно-же *извѣстіе*, они могутъ печатать, когда угодно и въ какомъ бы то не было количествѣ экземпляровъ.

2) Въ дѣлѣ набора колонистовъ рекомендуется соблюдать благоразумную осторожность, чтобы не подать повода къ жалобамъ со стороны городскихъ или имперскихъ властей и тѣмъ не вызвать „сокращенія въ Германіи вольности по причинѣ вывода переселенцевъ".

3) Имена навербованныхъ колонистовъ вносятся въ особыя книги и росписи, причемъ наблюдается различіе между достаточными и бѣдными людьми. Люди достаточные, наборъ которыхъ въ особенности рекомендуется, ѣдутъ до Любека на собственномъ иждивеніи: обязанность коммиссаровъ по отношенію къ нимъ

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ".

[2]) Тамъ-же: Промеморія изъ канцеляріи опекунства иностранныхъ въ коллегію ин. дѣлъ отъ 11 іюня 1765 года. О таковомъ рѣшеніи канцеляріи опекунства иностранныхъ Симолинъ былъ увѣдомленъ рескриптомъ отъ 30 іюля 1765 года.

ограничивается подачей добрыхъ совѣтовъ и содѣйствіемъ къ отправленію въ путь; что-же касается людей бѣдныхъ, которые дѣйствительно нуждаются въ пропитаніи и въ помѣщеніи, то коммиссары обязаны отвести имъ „чистую и здоровую квартиру“ и выдавать исправно поденныя кормовыя деньги.[1]) При этомъ не слѣдуетъ отъ колонистовъ скрывать, но напротивъ ясно давать имъ знать, что „всѣ употребленныя на нихъ государственныя издержки“, доказанныя взятыми съ нихъ росписками, впослѣдствіи будутъ взысканы съ нихъ. Ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ принимать въ колонисты людей престарѣлыхъ и вообще неспособныхъ къ занятію земледѣліемъ или ремесленнымъ трудомъ.

4) Колонистовъ, переселяющихся на казенномъ иждивеніи, слѣдуетъ отправлять небольшими партіями отъ восьмидесяти до ста человѣкъ въ каждой, на двухъ или трехъ фурахъ, и адресовать ихъ всѣхъ къ находящемуся въ Любекѣ россійско-императорскому коммиссару Христофору-Генриху Шмиту. При каждомъ транспортѣ колонистовъ долженъ находиться „способный надзиратель“, „чтобъ они“ (колонисты), какъ поясняетъ Симолинъ въ одной изъ своихъ реляцій[2]), „по полученіи ссуды въ дорогѣ не скрылись и совсѣмъ не сбѣжали“. Отправленіе колонистовъ можно начать въ среднихъ числахъ марта, а закончить нужно не позднѣе 15-го сентября новаго стиля (или 4 сент. по старому стилю) въ виду неудобствъ осенней перевозки моремъ. Послѣ каждаго транспорта коммиссары составляютъ счетъ всѣмъ сдѣланнымъ издержкамъ и отправляютъ его, съ приложеніемъ оригинальныхъ квитанцій и росписокъ переселенцевъ, въ Любекъ, къ коммиссару Шмиту, а этотъ послѣдній препровождаетъ его въ канцелярію опекунства иностранныхъ въ Петербургѣ.

5) Каждая переселенческая семья[3]) должна обойтись, съ доставкой къ коммиссару въ Любекъ, не свыше сорока рублей; при всемъ томъ правительство надѣется, что благодаря экономіи и бережливости коммиссаровъ каждая семья будетъ стоить ему не сорокъ рублей, но гораздо меньше.

Сверхъ этой суммы коммиссары могутъ употреблять на каждую семью по 3 или по 4 червонца въ видѣ подарка тому, кто

[1]) А именно: совсѣмъ уже взрослому мужчинѣ по 16 крейцеровъ или по 4 добрыхъ грошей; женщинѣ-жъ, также и сыну или дочери взрослымъ по 10 крейцеровъ или по $2^1/_2$ добрыхъ грошей, а ребенку обоего пола по 6 крейцеровъ или по $1^1/_2$ добрыхъ грошей.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: реляція Симолина изъ Регенсбурга отъ $^{12}/_{23}$ сентября 1765. См. въ приложеніяхъ подъ № 3-мъ.

[3]) „Т. е. мужъ съ женою и дѣтьми, или двое молодыхъ холостыхъ мущинъ, или же четыре незамужнія женщины“.

приведетъ къ нимъ годныхъ переселенцевъ; подарки эти „предаются на благоразумное и совѣстное разсмотрѣніе“ самихъ коммиссаровъ.

6) „Если иногда явятся *подрядчики*, которые обяжутся поставить „вдругъ пятьдесятъ или сто переселенческихъ семействъ, то въ такомъ случаѣ комиссары должны поступать „по особливому наставленію“.

7) Коммиссары находятся въ вѣдѣніи русскаго посланника въ Регенсбургѣ и обязаны присылать къ нему „свои доношенія, росписи отправленнымъ переселенцамъ, дубликаты счетамъ и всѣ прочія до дѣлъ Двора касающіяся письма и извѣстія“; къ нему же обращаются они въ сомнительныхъ и важныхъ случаяхъ за „особливымъ наставленіемъ“.

Наконецъ, коммиссарамъ самымъ настойчивымъ образомъ рекомендуется въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они акредитованы, „сколь возможно отвращать публичную и потаенную продажу всѣхъ къ поношенію и безчестію Россійской имперіи клонящихся книгъ“ [1]).

Реляціей отъ 24 октября/4 ноября 1765 года Симолинъ сообщилъ своему правительству, что оба опредѣленные имъ коммиссара прибыли къ мѣсту своего служенія. Такимъ образомъ въ теченіе 1764—1765 гг. получила свое завершеніе организація переселенческаго движенія въ Россію.

Но прежде чѣмъ названные выше „коронные“ коммиссары приступили къ исполненію своихъ обязанностей, въ западной Европѣ въ правительственныхъ кругахъ и въ кругахъ господствующихъ общественныхъ класовъ успѣло уже создаться настроеніе враждебное колонизаціоннымъ мѣропріятіямъ русскаго правительства: оно было подготовлено отчасти дѣятельностью частныхъ предпринимателей и ихъ агентовъ.

Съ личностью, пріемами и результатами ихъ дѣятельности мы и познакомимся въ дальнѣйшемъ изложеніи, насколько позволяютъ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи источники.

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Инструкція для Россійскаго императорскаго комисара въ Ульмѣ Карла Фридриха Мейкснера, въ Франкфуртѣ на Майнѣ Іогана Фаціуса“. Нѣмецкій оригиналъ инструкціи см. въ приложеніяхъ подъ № 4-мъ.

4.

Какъ выше упомянуто, въ дѣлѣ набора колонистовъ вызыватели дѣйствовали чрезъ особыхъ агентовъ или эмиссаровъ. Послѣдніе или заключали со своими патронами контракты о доставленіи опредѣленнаго количества живого товара, или получали заранѣе условленную плату за каждую колонистскую „голову“ или семью („фамилію“).

На службѣ у Кано де Борегара состояли:

Костъ де Сабревиль (Coste de Sabreville), „капитанъ“ устраиваемой Борегаромъ колоніи „Catherine-Lehn“ (Екатериненштадтъ), Фризель—„майоръ“ той же колоніи[1]), „коммиссаръ“ Сезаръ (César, Цезаръ, Цесаръ[2]) и „вербователь“ Веймаръ[3]).

У Питета и Леруа служили „коммиссары“—Аккерманъ и Гессъ, „писарь“ Гальцель и „Unter-Commissionnaire“—Флорентинъ (Florentin), имѣвшій въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ „подговорщиковъ“ во Франконіи, Швабіи „и при рѣкѣ Рейнѣ“[4])

Страсбуржецъ Рольвагенъ[5]), поручикъ брауншвейгской службы (un lieutenant au service du duc deBrünswick, le strasbourgeois Rollwagen) заключилъ договоръ съ Менье де Прекуромъ о доставленіи послѣднему трехъ тысячъ семействъ[6]).

Были, наконецъ, второстепенные эмиссары-вербовщики, зависѣвшіе непосредственно отъ канцеляріи опекунства иностранныхъ или отъ русскихъ посланниковъ и коронныхъ коммиссаровъ, но не выговорившіе себѣ особыхъ правъ на вызванныхъ ими колонистовъ: послѣдніе причислялись къ числу „коронныхъ“, а не „вызывательскихъ“ колонистовъ. Терминъ — „вызывательскіе“ — прилагался русскимъ правительствомъ исключительно лишь къ

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: реляція гр. Воронцова изъ Гаги отъ 1/12 мая 1766 г. („ О колонистахъ“).

2) Тамъ-же: реляція Симолина изъ Регенсбурга отъ 20 февраля / 3 марта 1766 г.

3) Тамъ-же: экстрактъ письма Симолина къ вице-канцлеру кн. Голицыну отъ 21 сентября / 2 октября 1766 г.

4) Тамъ-же: письмо къ переводчику Нилусу въ Гамбургѣ отъ нѣкоего Дорринка; реляція Симолина отъ 24 апрѣля / 5мая 1766 г.; письмо Симолина къ графу Григорію Орлову отъ 20 февраля/3 марта 1766 г. (См. его въ приложеніяхъ подъ № 5-мъ.

5) Онъ былъ родомъ изъ Керстгейма, въ 4-хъ лье отъ Страсбурга.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Экстрактъ реляціи гр. Воронцова изъ Гаги отъ 31 марта / 11 апрѣля 1766 г. („О колонистахъ“); „Une Colonie franco-russe“.

колонистамъ, вызваннымъ вышеупомянутыми двумя товариществами и Кано де Борегаромъ[1]).

Къ числу такихъ второстепенныхъ вербовщиковъ нужно отнести „полковника“ Рапена и регенсбургскаго бюргера Іоганна Андрея Фирнрора,[2]) рекомендованнаго Симолину канцеляріей опекунства иностранныхъ[3]).

Иногда эмиссары частныхъ предпринимателей одновременно служили и своему патрону и непосредственно русскому правительству, какъ Рольвагенъ, или же мѣняли одну службу на другую. Такъ упомянутый выше Флорентинъ, оставивъ службу у Леруа, сталъ набирать колонистовъ „безпосредственно для короны Россійской“[4])

Были также случаи, что различные проходимцы самовольно дѣлались вербовщиками, присваивая себѣ не принадлежащія имъ званія. Таковъ былъ нѣкто „баронъ“ Штейнъ[5]), присвоившій себѣ „чинъ тайнаго совѣтника и великаго бальифа царства Астраханскаго“[6]).

„Ко мнѣ изъ Любека писано“, сообщалъ о немъ Симолинъ вице-канцлеру князю Голицыну, „что нѣкоторой именуемой Стеинъ, которой самовольно и безъ всякаго вида сдѣлался наборщикомъ колонистовъ для Россіи, и которой за его худые поступки посаженъ былъ въ Майн(ц)скую тюрьму, изъ коей вышелъ онъ единственно по моему заступленію, готовъ совсѣмъ былъ отправиться на суднѣ въ С.-Петербургъ[7]). Имѣя случаи развѣ-

---

[1]) Военно-ученый архивъ Главнаго Штаба V, 543: „Вѣдомость о числѣ способныхъ и неспособныхъ къ хлѣбопашеству колонистовъ“...

[2]) „Бывшей регенсбургской мѣщанинъ и обыватель Іоганъ Андреасъ Фирнроръ, отправясь въ прошломъ (1765-мъ) году въ С.-Петербургъ, выходилъ для себя, по случаю принятія иностранцовъ на поселеніе въ Россіи, изъ канцеляріи опекунства иностранныхъ позволеніе отправлять туда такихъ вольныхъ къ выѣзду, подъ запрещеніемъ не состоящихъ и надлежащими абшитами отъ своего начальства снабженныхъ людей, которые съ намѣреніемъ, чтобъ въ Россіи поселиться, у него явятся“. Приложеніе къ реляціи министра Симолина изъ Регенсбурга отъ $^{2}/_{13}$ марта 1766 г. („О колонистахъ“).

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Реляція Симолина отъ 2/13 марта 1766 г. („О колонистахъ“).

[4]) Тамъ-же: Реляція Симолина изъ Регенсбурга отъ 24 апрѣля / 5 мая 1766 г. („О колонистахъ“).

[5]) Изенбургскій графскій амтманъ Рейцель сообщаетъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія въ письмѣ къ Симолину отъ 17 декабря 1768-го года изъ Ассенгейма: „Сколь мнѣ извѣстно о бывшемъ амтманомъ въ форстмейстерской службѣ и давно еще отставленномъ совѣтникѣ Штейнѣ, то онъ жительство свое имѣетъ въ Ауфенау(ѣ), упражняясь тамъ въ изысканіи философическаго камня и не имѣя равномѣрно-же собственнаго капитала“ („О колонистахъ“).

[6]) Симолинъ въ post-scriptum'ѣ къ своему письму, отрывокъ изъ котораго приводится ниже, замѣчаетъ по этому поводу: „Когда такой человѣкъ, какъ сей, даетъ себѣ столь почтенные титулы наивеличайшаго европейскаго двора, то уже всякой честной человѣкъ оными долженъ стыдиться“.

[7]) Свое намѣреніе Штейнъ привелъ въ исполненіе въ томъ-же 1766-мъ году. Прибывъ въ Петербургъ, онъ „подавалъ въ канцелярію опекунства иностранныхъ

дать о семъ человѣкѣ, почитаю я за должность предупредить ваше сіятельство, что онъ весьма худой человѣкъ, которой за свои интриги, безсовѣстныя дѣла и ябеды отвсюду выгнанъ былъ. Я совѣтовалъ (коммиссару) Фаціусу остерегаться сего плута и избѣгать всякаго знакомства, чему онъ послѣдовать не преминулъ, такъ-что всѣ покушенія сего Стейна, чтобъ его обмануть и выманить денегъ, были тщетны. Ежели употребить сего безпокойнаго человѣка въ дѣлѣ колонистовъ, какъ онъ то претендуетъ по своему чину тайнаго совѣтника ея и-го в-ва и великаго бальифа царства Астраханскаго—титулъ, которой дерзнулъ онъ себѣ дать въ имперіи,—то произведетъ онъ только замѣшательства и ссоры въ сихъ новыхъ поселеніяхъ, которымъ оныя бѣдственными будутъ. Одинъ Борегардовъ эмиссаръ, именуемый Веймаръ, первой былъ знакомецъ сему человѣку, и далъ ему титулы, которые онъ себѣ присвоиваетъ. Смѣлость съ обѣихъ сторонъ дерзкая, Двору поносная, и достойна наказанія“ [1]).

Французское правительство, желая предупредить и пресѣчь вербовку своихъ подданныхъ для русскихъ колоній, установило чрезъ полицейскихъ сыщиковъ внимательный надзоръ за дѣятельностью нашихъ вызывателей и вербовщиковъ. Что это были за дѣятели, донесенія агентовъ французской полиціи и нѣкоторые иные документы бывшаго архива Бастиліи сообщаютъ нѣсколько любопытныхъ подробностей.

Наиболѣе скудныя свѣдѣнія имѣла французская полиція о самомъ крупномъ предпринимателѣ Кано де Борегарѣ, хотя онъ всѣхъ болѣе ее интересовалъ. Было неизвѣстно даже, какого онъ происхожденія. Французская полиція считала его французомъ, самъ-же онъ называлъ себя иногда—брабантцемъ, иногда швей-

---

разныя прошенія съ приложеніями, утверждая оными, что будто-бы онъ, будучи уполномоченнымъ къ набору колонистовъ вызывателя барона Борегарда, употребилъ на то свое имѣніе и требовалъ какъ отъ канцеляріи, такъ и отъ барона Борегарда немалой суммы денегъ“. Разслѣдованіе, произведенное канцеляріей опек. ин., обнаружило, „что онъ вмѣшался въ колонистскіе наборы, не заключая ни съ самимъ Борегардомъ контракта, ниже съ кѣмъ-либо изъ повѣренныхъ, и выманивая отъ колонистовъ, подъ разными предлогами, деньги, такимъ образомъ себѣ и семейству своему пропитаніе сыскивалъ“... Въ январѣ 1769-года по докладу канцеляріи опекунства состоялось повелѣніе императрицы, „чтобъ ево, яко безпокойнаго человѣка, выслать за границу, давъ при высылкѣ изъ единаго человѣколюбія и сожалѣнія о безвинныхъ его дѣтяхъ двѣсти рублевъ на дорогу“. Это повелѣніе было приведено въ исполненіе въ томъ-же 1769-мъ году, „о чемъ и въ С.-Петербургскихъ газетахъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ 29-мъ, 30-мъ и 31-мъ нумерахъ публиковано“.—Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.—Сношенія коллегіи ин. дѣлъ съ канцеляріей опекунства иностранныхъ: промеморія изъ канцеляріи въ коллегію отъ 16-го іюня 1776-го года.

[1]) На письмѣ Симолина Екатерина положила резолюцію: „Сообщить о семъ бездѣльникѣ въ опекунскую канцелярію“. Экстрактъ письма Симолина къ вице-канцлеру отъ 25 сентября / 6 октября 1766 года („О колонистахъ“).

царцемъ изъ окрестностей Базеля; по словамъ вербовщика Рапена, онъ былъ эльзасецъ изъ Шлетштадта; документы же канцеляріи опекунства иностранныхъ называютъ его подданнымъ голландской республики и жителемъ Утрехтской провинціи[1]). Во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ съ сомнительнымъ прошлымъ. Повидимому дѣла его шли хорошо, и онъ оказывается собственникомъ одного за́мка въ Утрехтской провинціи, близъ Нимвегена (propriétaire d'un château à Broockhuysen près de Nimègue), гдѣ проводитъ часть лучшаго времени года.

Гораздо лучше извѣстна біографія его ближайшаго сотрудника, капитана колоніи „Catherine-Lehn", *Жана Баптиста Костъ де Сабревиль*, который, какъ оказывается, *былъ бывшимъ каторжникомъ*. Настоящая его фамилія была Кабюссонъ, а Сабревиль было его прозвище. У французскаго министра иностранныхъ дѣлъ маркиза Пюизье, будучи его конюшимъ, онъ укралъ 200 луидоровъ, за что,въ замѣнъ смертной казни, былъ сосланъ пожизненно на галеры. Здѣсь онъ пробылъ цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ—съ апрѣля 1750-го года по апрѣль 1761-го года. 22-го апрѣля этого года ему удалось бѣжать. Самъ онъ выдавалъ себя за уроженца Фрейбурга въ Швейцаріи. Въ 1765 году отъ „полковника" Рапена онъ получилъ „коммиссію" — производить вербовку для Пруссіи, а затѣмъ въ томъ-же году обязался доставить Кано де Борегару 300 семей колонистовъ въ теченіе времени съ марта по сентябрь 1766-го года.

Упомянутый *Рапенъ*, имѣвшій дѣло по набору колонистовъ непосредственно съ представителями русскаго правительства, былъ то-же личностью въ своемъ родѣ замѣчательною. Швейцарецъ по происхожденію, слишкомъ пятидесяти лѣтъ отъ роду (въ 1765-мъ году ему было 54 года), онъ успѣлъ побывать на службѣ почти у всѣхъ европейскихъ государствъ (служилъ между прочимъ и во французскихъ войскахъ). Во время Семилѣтней войны онъ *служилъ шпіономъ* Фридриху II, за что поплатился заключеніемъ въ тюрьмахъ Везеля, но имѣлъ возможность бѣжать оттуда. Послѣ этого онъ продолжалъ службу прусскому королю въ качествѣ вербовщика солдатъ и называлъ себя полковникомъ и генеральнымъ профо́сомъ прусской арміи („il portait le double titre de colonel et de prévôt général de l'armée prussienne"). Въ 1764-мъ году Рапенъ заключилъ договоръ съ нѣкіимъ Эртелемъ (Oertel), „коммиссаромъ при союзной арміи" („Commissaire à l'armée alliée"), въ силу котораго послѣдній обязывался доставить ему для коло-

---

[1]) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Имуществъ, № 25697, листъ 400.

низаціи русскихъ провинцій по Волгѣ сто семействъ („Et non pas des filles vagabondes“), по стольку то за голову. Потомъ, по договору съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, Рапенъ переуступилъ Россіи этотъ „bétail humain“ за плату болѣе высокую.

Изъ представителей двухъ вызывательскихъ товариществъ болѣе или менѣе извѣстна лишь предшествующая жизнь Менье де Прекура. Онъ былъ родомъ парижанинъ; сначала служилъ канцеляристомъ у одного провіантмейстера, потомъ перешелъ на службу въ Парижскую полицію, гдѣ пріобрѣлъ большую извѣстность въ качествѣ „инспектора“.[1])

Въ первыхъ числахъ марта 1757-го года, Менье внезапно изчезъ. Его товарищи объявили въ своихъ полицейскихъ отмѣткахъ (notes de police), что онъ былъ умерщвленъ во время переѣзда изъ Парижа въ замокъ д'Ифъ (d'If), куда онъ сопровождалъ одного арестанта. Онъ палъ, говорили они, жертвой личной мести. Восемъ лѣтъ спустя полицейскій чиновникъ снова появляется на сцену подъ именемъ Менье де Прекура, господина де Сентъ-Лоранъ (Meusnieur de Précourt, sieur de Saint-Laurent, aide-major général des arquebusiers de France), и заключаетъ контрактъ съ русскимъ правительствомъ о вызовѣ колонистовъ.[2])

Всѣ эти и имъ подобныя лица, изъ числа частныхъ предпринимателей, съ необыкновеннымъ усердіемъ принялись за вербовку колонистовъ для Россіи, такъ-какъ это дѣло доставляло имъ значительныя матеріальныя выгоды, прямо пропорціональныя числу набранныхъ колонистовъ. Второстепенные агенты и эмиссары получали разовую плату отъ русскаго правительства или отъ своихъ патроновъ-вызывателей за каждую колонистскую „голову“ или „фамилію“.

Сами-же вызыватели, также въ зависимости отъ числа вызванныхъ колонистовъ, получали выгоды постоянныя и болѣе значительныя.

Эти выгоды доставлялись вызывателямъ, какъ 1) русскимъ правительствомъ, такъ и 2) самими колонистами.

1. Какъ видно изъ изложенной выше формы договоровъ съ вызывателями, правительство вознаграждало послѣднихъ, независимо отъ числа (будетъ-ли то одинъ предприниматель, или цѣлое товарищество, — безразлично) за каждыя сто семействъ тремя

---

[1]) Paul d'Estrée посвятилъ ему обширный этюдъ въ „Nouvelle Revue rétrospective“ за 1892 г.

[2]) „Une Colonie franco-russe au XVIII-e siècle“.

опредѣленными на колонистскую семью участками земли (т. е. тройнымъ колонистскимъ надѣломъ), четырьмя тысячами (4000) рублей безпроцентной ссуды на десять лѣтъ, съ обязательствомъ уплатить эти деньги по прошествіи даннаго времени въ три срока, наконецъ 350-ью рублями безвозвратно „на строеніе дому".[1])

2. Съ своей стороны колонисты, навербованные частными предпринимателями и называвшіеся *вызывательскими*, въ отличіе отъ *коронныхъ*, набранныхъ непосредственными агентами правительства, обязаны были платить вызывателямъ, по водвореніи въ Россіи, десятину произведеній почвы, а также въ случаѣ продажи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ отдавать имъ, какъ директорамъ колоніи, предпочтеніе, если они выступятъ въ качествѣ покупателей и предложатъ за это такую-же цѣну, какъ и другіе[2]).

Наконецъ, становясь директорами основанныхъ ими колоній, вызыватели должны были получить надъ послѣдними административно-полицейскую власть.

Такимъ образомъ *въ вызывательскихъ колоніяхъ должны были возникнуть своеобразныя зависимыя отношенія колонистовъ къ вызывателямъ.*

Чтобы увеличить число эмигрантовъ, переселяющихся въ Россію подъ ихъ руководствомъ, вызыватели прибѣгали къ всевозможнымъ, иногда совершенно непозволительнымъ средствамъ.

Важнымъ средствомъ въ рукахъ вызывателей для привлеченія колонистовъ было распространеніе печатныхъ переводовъ манифеста Екатерины II отъ 22 іюля 1763 года, обѣщавшаго большія права и преимущества переселяющимся въ Россію иностранцамъ, а также печатаніе спеціальныхъ рекламъ, расписывавшихъ выгоды и удобства жизни въ Россіи и опредѣлявшихъ взаимныя отношенія колонистовъ и вызывателей; впрочемъ этимъ средствомъ привлеченія колонистовъ не пренебрегали и непосредственные представители русскаго правительства, охотно давая деньги на печатаніе французскихъ и нѣмецкихъ переводовъ вышеупомянутаго манифеста и сочиняемыхъ вызывателями рекламъ. Такъ, въ 1765-мъ году „для вызывателя Лероа" напечатано было 300 экземпляровъ манифеста, а „для вызывателя Прекура 450

---

[1]) Полное Собр. Законовъ, т. XVI, № 12.283.

[2]) „Prospectus des avantages pour les colonies qui se forment en Russie" и „Engagement signé de la part de colons le 21 septembre 1765,"—въ упомянутой выше статьѣ „Une Colonie franco-russe." Первый документъ („Prospectus"), на нѣмецкомъ только языкѣ, хранится также въ Архивѣ Мин. Земледѣлія и Госуд. Им., дѣло № 25.782. См. его въ приложеніяхъ подъ № 2-мъ.

экзёмпляровъ на нѣмецкомъ и французскихъ языкахъ описаній о выгодахъ для переселяющихся въ Россію колонистовъ." [1])

Этотъ послѣдній документъ настолько любопытенъ, что мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь сполна въ русскомъ переводѣ.

„Краткое изложеніе выгодъ для колоній, которыя образуются въ Россіи.

(Prospectus des avantages pour les colonies qui se forment en Russie [2]).

„Предлагаются лицамъ обоего пола и особенно семействамъ мало зажиточнымъ выгоды благосостоянія въ одной колоніи, которая образуется въ Россіи заботами дирекціи, состоящей изъ самихъ иностранцевъ, которой ея императорское величество дала средства вспомоществовать тѣмъ, которые пожелали-бы туда отправиться, такимъ способомъ, который соотвѣтствовалъ-бы требованіямъ гумманности и тѣмъ самымъ отнялъ-бы у всякаго иностранца отвращеніе, которое могло-бы у него зародиться вслѣдствіе того, что ими (иностранцами) будутъ управлять люди той страны, формы правленія которой они боятся по одному лишь, какъ можно предположить, самому несправедливому предразсудку.

Мѣстность, гдѣ расположена эта колонія, какъ нельзя лучше пригодна для земледѣлія и торговли, которую тамъ намѣрены завести. Она расположена въ южной части Россіи, на рѣкѣ Волгѣ, въ царствѣ Астраханскомъ: климатъ его ни въ чемъ не уступаетъ климату Франціи какъ по температурѣ, такъ и по плодородію земель, пригодныхъ для винодѣлія и для зерновыхъ хлѣбовъ, богатыхъ пастбищами, лѣсами и рѣками весьма обильными рыбой. Можно-ли сомнѣваться въ богатствѣ этого края, когда по самому признанію тѣхъ, которые уже туда прибыли, два фунта бѣлой пшеницы стоятъ тамъ только половину французскаго су. Только говядина, телятина и баранина стоятъ одинъ су за фунтъ, рыба, живность (птичья), молочные продукты и овощи почти ничего не стоятъ.

Но какъ всѣхъ природныхъ только выгодъ недостаточно для тѣхъ, которые пожелаютъ туда отправиться и которымъ не-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Щетъ издержаннымъ деньгамъ на содержаніе и отправленіе въ Россію чужестранныхъ колонистовъ" („О колонистахъ").

[2]) См. выше примѣчаніе 2-е на 107 стр. Настоящій переводъ сдѣланъ съ французскаго текста. Словъ, отмѣченныхъ скобками, въ нѣмецкомъ текстѣ нѣтъ.

обходимы въ помощь ихъ доброму желанію дѣйствительныя средства, чтобы туда добраться, то имъ будутъ доставлены облегченія, которыя не оставятъ въ нихъ сомнѣнія на счетъ успѣха, который имъ обѣщаютъ.

1. Дорога ихъ будетъ даровая отъ мѣста ихъ отправленія до мѣста, гдѣ основывается колонія: понятно, что они будутъ отправляться, насколько это будетъ возможно, въ мѣста наиболѣе близкія для посадки на суда, въ Амстердамъ къ русскому агенту, въ Гамбургъ къ министру русскаго Двора и къ коммиссару въ Любекъ, (каковыми мѣстами могли-бы быть— Амстердамъ, Гамбургъ, Любекъ, Данцигъ и другіе города), и въ такое время, когда навигація открыта, т. е. съ начала марта до октября мѣсяца каждаго года. Эти иностранцы объявляли-бы по прибытію въ мѣсто посадки на суда о своемъ желаніи вступить въ Екатеринбургскую колонію (colonie de Catherinbourg), чтобы воспользоваться выгодами этого водворенія, а также и преимуществомъ быть всеже между своими соотечественниками, согласно нижеслѣдующей статьѣ 7-ой;

2. Какъ только они будутъ перевезены въ эту колонію, имъ будетъ дано по пятидесяти арпановъ земли французской мѣры, которая немного больше германской,—такого качества, какого каждый колонистъ могъ-бы пожелать, имѣя въ виду свои познанія и свою профессію,—чтобы опезпечить имъ тотъ достатокъ, который честный человѣкъ долженъ-бы имѣть, но который онъ невсегда имѣетъ;

3. домá, домашняя утварь, запасы, скотъ и необходимые для обработки земли предметы будутъ доставлены начальствомъ колоніи, и ихъ стоимость будетъ уплачена только по истеченіи десяти лѣтъ безъ процентовъ;

4. ея императорское величество даруетъ на 30 лѣтъ льготу не платить никакихъ податей, ни налоговъ въ пользу государства, *уплачивая только десятину произведеній почвы директорамъ колоніи*;

5. свободное отправленіе католической и протестантской религіи: тамъ будутъ для этого храмы и церкви, и слѣдовательно, служители для каждаго культа;

6. свобода выхода изъ Россіи при условіи отдачи государству пропорціональной части изъ того, что колонистъ тамъ пріобрѣтетъ, а именно: за время отъ одного года до пяти лѣтъ (пребыванія въ Россіи) пятую и съ десяти лѣтъ и далѣе—десятую часть, и каждый тогда будетъ имѣть возможность идти, куда онъ пожелаетъ;

7. соизволеніе пріискивать для колоніи людей своей національности, говорящихъ ихъ языкомъ и исповѣдующихъ ихъ религію;

8. начальники колоніи будутъ безпрестанно и со внимніемъ заботиться о нуждахъ колонистовъ и доставлять имъ то, чего будетъ имъ недоставать;

9. тѣ, которые будутъ имѣть особенныя способности къ земледѣлію, торговлѣ и проч., будутъ особливо покровительствуемы и поставлены въ возможность извлекать много пользы;

10. будутъ устроены въ колоніи ярмарки и базары съ цѣлію сдѣлать ее болѣе удобной и болѣе торговой для тѣхъ, которые ее населяютъ и которые въ состояніи совершать куплю-продажу съ сосѣдними туземцами, независимо отъ торговли, которая будетъ производиться на рѣкѣ Волгѣ и по Каспійскому морю;

11. начальники колоніи будутъ обращать особенное вниманіе на поддержаніе избытка, чтобы всегда имѣть возможность такъже легко удовлетворять всѣмъ потребностямъ, какъ это можно-бы сдѣлать въ городѣ или въ мѣстечкѣ, обитаемомъ уже давно. Они ничего не пожалѣютъ также, чтобы доставить юношеству удовольствія, которыя способствуютъ его отдохновенію въ тѣ дни, когда божественная служба пріостановитъ работы.

По этимъ выгодамъ, являющимся слѣдствіемъ особенныхъ милостей, которыя ея императорское величество хочетъ оказать иностранцамъ, легко видѣть, что семейства, которыя теперь ничего у себя не имѣютъ, окажутся въ Россіи собственниками домовъ, земель, пахотныхъ или подъ виноградниками, изъ которыхъ они будутъ извлекать хорошій доходъ, и даже торговли съ теченіемъ времени, если они имѣютъ къ ней способность, точно такъ-же, какъ это извѣстно относительно тѣхъ, которые уже отправились туда въ большомъ числѣ и теперь оказываются собственниками: вотъ что̀ приведетъ ихъ къ жизни въ большомъ довольствѣ и доставитъ ихъ дѣтямъ, которыя безъ этого были-бы такъ-же несчастны, какъ и ихъ отцы, надежду на полученіе въ будущемъ собственности, которой эти семейства отнюдь не пріобрѣли-бы въ другомъ мѣстѣ“.

Подобныя рекламы проникали въ самые глухіе и отдаленные уголки западной Европы и возбуждали эмиграціонную горячку не только среди городского пролетаріата, но и въ сельскомъ населеніи.

Не всѣ однако, впервые узнававшіе о гостепріимномъ приглашеніи русской императрицы благодаря дѣятельности вызыва-

телей и ихъ агентовъ, зачислялись въ число „вызывательскихъ“ колонистовъ: многіе являлись къ правительственнымъ коммиссарамъ (въ особенности къ Фаціусу) и поступали въ „коронные“ колонисты.

Вознагражденіе, получавшееся коммиссарами, не было поставлено въ зависимость отъ числа навербованныхъ колонистовъ, а посему при пріемѣ послѣднихъ они дѣйствовали съ бо́льшей осмотрительностью, были гораздо разборчивѣе, обращая вниманіе на пригодность эмигрантовъ для цѣлей колонизаціи. Съ этой точки зрѣнія общій уровень коронныхъ колонистовъ былъ значительно выше, чѣмъ вызывательскихъ, среди которыхъ были не рѣдкостью представители городского пролетаріата, часто люди совершенно отбившіеся отъ всякой работы, пьяницы и бродяги.

„Колонисты отъ набору подрядчиковъ“ (т. е. вызывательскіе), писалъ Симолинъ вице-канцлеру князю Голицыну[1]), „по свидѣтельству всѣхъ тѣхъ, кто ихъ видѣлъ, суть оборышъ человѣческаго рода, шайка воровъ и бродягъ; а отъ набору Фаціусова („коронные“ колонисты) суть всѣ изъ пахотныхъ крестьянъ, народъ полезный, который не ѣдетъ въ Россію съ пустыми руками и весьма обогащенъ числомъ своей фамиліи“[2]).

---

[1]) Московскій Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Переводъ экстрактомъ съ письма къ его сіятельству вице-канцлеру отъ министра Симолина изъ Регенсбурга отъ 22 мая/2 іюня 1766 г. („О колонистахъ“).

[2]) Въ своихъ письмахъ па имя вице-канцлера Симолинъ неоднократно обращалъ вниманіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ на предосудительное поведеніе вербовщиковъ и на низкій нравственный уровень вызывательскихъ, въ частности Борегаровыхъ колонистовъ. Коллегія сообщила о письмахъ Симолина въ канцелярію опекунства иностранныхъ, которая имѣла дѣло непосредственно съ самими вызывателями и вообще охотно пользовалась услугами вербовщиковъ въ видахъ усиленія иммиграціи въ Россію. Отзывы Симолина задѣли канцелярію опекунства за живое и въ своей промеморіи въ коллегію ин. дѣлъ отъ 2 августа 1766 г. она не замедлила дать ему отпоръ. „Что-же касается до отзывовъ г-на министра Симолина“, говорилось въ названной промеморіи, „будто-бы набраные имъ, Борегаромъ, колонисты состоятъ изъ однихъ токмо воровъ и бродягъ, то канцелярія опек. ин. въ опроверженіе того имѣетъ вопреки представить, что оная между колонистовъ его, коихъ уже знатное число сюда прибыло и большая часть оныхъ въ Саратовъ отправлены, ни воровъ, ни бродягъ, ниже другихъ какихъ непорядочныхъ людей и нынѣ еще не усмотрѣла, но паче *оная канцелярія по самой справедливости признаться должна, что между ими находится противъ коронныхъ колонистовъ бо́льшее число порядочныхъ и зажиточныхъ людей*, отъ коихъ имперія по всему виду можетъ конечно ожидать желаемыхъ выгодъ, и потому канцелярія опекунства иностранныхъ заключаетъ, что реченной министръ къ таковымъ его разсужденіямъ, изображеннымъ въ его письмахъ, получилъ поводъ по учиненнымъ многимъ разглашеніямъ отъ находящихся въ нѣмецкой землѣ другихъ вызывателей камисаровъ, кои разсѣваніемъ всякихъ противныхъ и ложныхъ слуховъ, какъ то канцеляріи небезъизвѣстно, старалися другъ друга оклеветать и въ наборахъ колонистовъ учинить препятствіе“ (Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.). Такимъ образомъ, по отзыву канцеляріи опек. ин., не „вызывателевы“ а скорѣе „коронные“ колонисты, набранные по преимуществу подъ наблюденіемъ Симолина, оказывались непорядочными людьми. Этотъ отзывъ однако нельзя не

Вызывателямъ не было дѣло до нравственныхъ качествъ вербуемыхъ, до ихъ пригодности для цѣлей колонизаціи: имъ важно было прежде всего набрать какъ можно больше эмигрантовъ, такъ какъ числомъ послѣднихъ опредѣлялись ихъ матеріальныя выгоды. „Употребляемые партикулярными подрядчиками люди, число которыхъ, обнадеживаютъ меня, въ Германіи весьма велико“, жаловался Симолинъ вице-канцлеру въ другомъ своемъ письмѣ, „портятъ всѣ добрыя наши распоряженія (по колонистскому дѣлу) тѣми поступками, кои они чинятъ для умноженія числа своихъ колонистовъ. Жадность къ видимому выигрышу есть ихъ единственнымъ правиломъ“ [1]).

Не ограничиваясь распространеніемъ печатныхъ рекламъ, эмиссары вызывателей старались устными бесѣдами воздѣйствовать на предполагаемыхъ эмигрантовъ, показывали имъ письма лицъ уже водворившихся въ Россіи, въ которыхъ восхвалялись прелести жизни въ русскихъ колоніяхъ и щедрость Екатерины, дарующей переселенцамъ больше того, чтó она обѣщала [2]).

Свои увѣщанія эмигрировать вербовщики повидимому подкрѣпляли угощеніемъ уговариваемыхъ лицъ въ трактирахъ: по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ счетовъ „полковника“ Рапена указываются деньги, уплаченныя „въ трактирѣ за пиво“ и вообще статья расходовъ на пиво и водку занимаетъ видное мѣсто [3]).

Такъ какъ послѣ Семилѣтней войны множество солдатъ въ западной Европѣ осталось безъ дѣла и средствъ къ жизни, то эмиссары Кано де Борегара, титуловавшіе себя офицерами, старались многихъ увѣрить, что они на самомъ дѣлѣ набираютъ лю-

---

признать пристрастнымъ (какъ до извѣстной степени пристрастенъ и отзывъ самого Симолина). Канцелярія опекунства въ данномъ случаѣ съ одной стороны находилась подъ вліяніемъ раздраженія, вызваннаго вмѣшательствомъ Симолина въ сферу ея дѣятельности, а съ другой—свои свѣдѣнія о „вызывателевыхъ“ колонистахъ она получала отъ самихъ вызывателей, въ интересахъ коихъ было скрывать до поры до времени „непорядочные“ поступки навербованныхъ людей и ихъ непригодность для земледѣльческой колонизаціи. По вѣдомости, составленной 14 февраля 1769-го года и хранящейся въ *Военно-Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба* (V, 543), на общее число поселенныхъ въ Поволожьѣ коронныхъ колонистовъ—2946 семей—оказались неспособными къ хлѣбопашеству 199 семей (т. е. 6.7 %), а на 1523 семьи „Борегардовыхъ“ колонистовъ—166 неспособныхъ семей (т. е. 10.9 %); процентъ неспособныхъ у Питета и Леруа оказался еще выше: на 1530 семей пришлось 183 неспособныхъ семьи (т. е. почти 12%).

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Переводъ экстрактомъ съ письма министра Симолина къ вице-канцлеру отъ 17/28 апрѣля 1766 г.

[2]) „Une Colonie franco-russe“, 10 стр.

[3]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ“. Съ этими данными можно сопоставить слова гр. Александра Воронцова: „Для уговоренія-же колонистовъ къ переселенію должны были вызыватели и ихъ повѣренные употреблять всякія обольщенія“. Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им. № 25.628: „Мнѣніе тайнаго совѣтника гр. Воронцова по слѣдственному дѣлу вызывателей ....Леруа и Прекурта съ товарищи“.

дей „для милиціи“ и только скрываютъ это[1]), при чемъ нѣкоторыхъ соблазняли полученіемъ въ Россіи офицерскихъ должностей[2]). Для привлеченія въ составъ колонистскихъ партій лицъ женскаго пола эмиссары того-же Кано де Борегара не брезговали никакими средствами.

„Поступки ихъ“ (эмиссаровъ Борегара), писалъ Симолинъ вице-канцлеру, „весьма порицанія достойны, ибо употребленіемъ беззаконныхъ и гнусныхъ средствъ къ похищенію молодыхъ дѣвокъ у сродственниковъ ихъ возбуждаютъ омерзеніе публики къ нашимъ предпріятіямъ и сдѣлаютъ то, что городскіе магистраты и владѣтели другихъ областей не будутъ болѣе терпѣть и комисаровъ отъ Двора, кои ведутъ себя хорошо, но которые смѣшаться могутъ съ похитителями. Я о подобномъ сему отъ доброй стороны свѣдалъ, что нѣкоторой Бамбергской уроженецъ, Сезаръ имянуемой, называясь порутчикомъ и эмисаромъ г-на Борегара, имѣлъ ссору въ Кёльнѣ и Мастрихѣ за похищеніе молодыхъ дѣвокъ. Сіе дѣло тѣмъ менѣе сумнительно, что онъ самъ хвастался своими хитрыми и смѣлыми поступками, при чемъ былъ столь нескроменъ, что предупредилъ публику въ намѣреніяхъ своихъ. Ваше сіятельство предусмотрѣть лучше меня изволите всѣ худыя слѣдствія столь безразсуднаго, непорядочнаго и совсѣмъ противнаго намѣреніямъ и видамъ нашей августѣйшей государыни поступка, который клонится къ уничтоженію оныхъ и требуетъ немедленнаго опроверженія“[3]).

Своекорыстіе вербовщиковъ, не стѣснявшихся въ средствахъ для увеличенія своихъ колонистскихъ партій, особенно ярко выразилось въ стремленіи ихъ перебивать живой товаръ у своихъ-же товарищей, набиравшихъ его также для Россіи.

Весною 1766-го года Рольвагенъ обратился въ Амстердамъ къ русскому переводчику Ольдекопу съ просьбой выхлопотать у голландскаго правительства паспорты для свободнаго проѣзда чрезъ Голландію набранныхъ имъ, по порученію Менье де Прекура, 800 колонистовъ. По наведеннымъ русскимъ посломъ въ Гагѣ графомъ Воронцовымъ справкамъ, оказалось, что для полученія означенныхъ паспортовъ нужно или ему самому формально, особымъ „меморіаломъ“, снестись съ голландскимъ правительствомъ,

---

1) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Переводъ съ письма Симолина къ вице-канцлеру отъ 14/25 ноября 1765 года („О колонистахъ“).

2) Впослѣдствіи французъ Жанъ Луи Буке, бѣжавшій изъ Поволжья въ Москву, жаловался на такой обманъ („О колонистахъ“, 5-я часть).

3) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Переводъ съ письма Симолина къ вице-канцлеру отъ 14/25 ноября 1765-го года.

или-же поручить это дѣло какому нибудь адвокату, который представитъ „господамъ генеральнымъ статамъ“ соотвѣтствующее прошеніе, и что сверхъ этого требуется еще представленіе поручительства за колонистовъ, „т. е. чтобъ сіи люди безъ малой отговорки уплатить могли надлежащія подати и не чинили-бъ по городамъ, гдѣ проѣзжать будутъ, никакого безпорядка и непристойности“. Англійскій посолъ въ Гагѣ, при проходѣ чрезъ голландскую территорію эмигрантовъ, набранныхъ для англійскихъ колоній въ Америкѣ, обыкновенно дѣйствовалъ чрезъ адвоката, при чемъ поручителями являлись англійскіе купцы, такъ или иначе заинтересованные въ этомъ дѣлѣ. Этотъ способъ полученія паспортовъ графъ Воронцовъ съ своей стороны считалъ наиболѣе подходящимъ, но выражалъ сомнѣніе, найдетъ-ли Рольвагенъ поручителей, не имѣя въ Голландіи большого знакомства. Изложивъ обстоятельства этого дѣла, гр. Воронцовъ (въ своей реляціи отъ 31 марта/11 апрѣля 1766 г.) просилъ императрицу дать ему указанія, требовать-ли формально у голландскаго правительства („ихъ высокомочій“) выдачи паспортовъ, или-же избрать для этого другой способъ. На реляціи Воронцова была положена слѣдующая резолюція: „Прилежно помогать и стараться, формально-же лучше не требовать, потому что отъ вышеупомянутаго ручательства могутъ произойти многія и непріятныя хлопоты“. Эта резолюція оказалась пророческой, и непріятныхъ хлопотъ избѣжать не удалось, хотя паспорты на свободный пропускъ колонистовъ до Амстердама были выданы безъ формальнаго требованія посла[1]).

Колонисты „благополучно и во всякой тихости“ прибыли въ городъ Везопъ близъ Амстердама и въ скоромъ времени должны были отправиться въ Гамбургъ, какъ вдругъ среди нихъ возникли безпорядки: возмущенные слухами, что они проданы въ рабство, по одной версіи—въ Остъ-Индію, по другой—въ Турцію, нѣкоторые изъ колонистовъ „насильства и наглости учинили“ и одного изъ коммиссаровъ (вызывательскихъ) избили до полусмерти. Виновниками ложныхъ слуховъ, по донесеніямъ графа Воронцова, были—шкиперъ, везшій колонистовъ отъ самаго Вормса, и нѣкоторые изъ гражданъ Везопа, такъ называемые „зильверкоперсъ или душепродавцы“, поставлявшіе матросовъ на корабли Остъ-Индской компаніи и получавшіе съ нея за это большія деньги. По показанію же самого Рольвагена, въ его письмѣ къ Менье де Прекуру отъ 12/23 апрѣля 1766 г., истиннымъ виновникомъ

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Экстракты изъ реляцій гр. Воронцова отъ 31 марта/11 апрѣля и 7/18 апрѣля 1766 г. („О колонистахъ“).

этихъ безпорядковъ былъ его конкуррентъ—Костъ де Сабревиль, набиравшій колонистовъ по порученію Кано де Борегара[1]). Очень вѣроятно, что указанные графомъ Воронцовымъ виновники были только орудіемъ въ рукахъ названнаго вербовщика.

Происшествіе въ Везопѣ внушило гр. Вороцову не безосновательное опасеніе, что голландское правительство можетъ воспретить колонистамъ проходъ чрезъ голландскую территорію.

„Сіи безпорядки", писалъ онъ въ своей реляціи отъ 14/25 апрѣля 1766 года, „привели помянутый городъ въ великое смятеніе и причинили много безпокойства, такъ что не безъ справедливости опасаться должно, захотятъ-ли господа Статы давать впредь подобные пашпорты, и будетъ-ли склоненъ магистратъ Везопа дозволять входъ въ свой городъ какихъ-нибудь колонистовъ, ибо (какъ меня увѣряли) одна депутація отъ сего магистрата послана уже въ Гагу для увѣдомленія ихъ высокомочій о семъ приключеніи и для представленія, что кондиціи, на коихъ данъ пашпортъ, не были наблюдаемы, ибо въ оныхъ поставлено, чтобъ на всякомъ суднѣ имѣть четырехъ рядовыхъ и одного капрала для воздержанія колонистовъ, что́ Рольвагеномъ не было наблюдаемо, и весьма сожалѣтельно, есть-ли только отъ его экономіи произошли всѣ сіи худыя слѣдствія".

Мало по малу однако дѣло это уладилось. Съ каждаго корабля по нѣскольку человѣкъ колонистовъ было отправлено Рольвагеномъ въ Гагу къ графу Воронцову, который выдалъ имъ „аттестатъ" или удостовѣреніе въ томъ, „что они назначены въ Россію, а не въ Остъ-Индію, и что съ ними поступлено будетъ въ силу публикованныхъ манифестовъ"; а въ Везопъ былъ командированъ переводчикъ Ольдекопъ, чтобы уговорить мѣстный магистратъ „все сіе предать забвенію". Магистратъ оказался очень сговорчивымъ и согласился и впредь пускать колонистовъ въ городъ подъ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, „чтобъ не вдругъ по шести или восьми сотъ душъ въ оной въѣзжали, а только-бы по дивизіи, т. е. до двухъ или трехъ сотъ, по отправленіи которыхъ могутъ введены быть въ Везопъ и прочіе". Объ этомъ рѣшеніи магистрата объявлено было чрезъ переводчика Ольдекопа къ свѣдѣнію и исполненію всѣмъ проживавшимъ въ Амстердамѣ коммиссарамъ по колонистскимъ дѣламъ[2]).

На почвѣ конкурренціи между „капитаномъ" Коцеромъ, набиравшимъ колонистовъ для Кано де Борегара и „подкоммисса-

---

[1]) Une Colonie franco-russe au XVIII-e siècle, 8.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: реляція гр. Воронцова отъ 22 апрѣля/2 мая 1766 г. („О колонистахъ").

ромъ“ Ухтрицемъ, набиравшимъ для Леруа, произошли безпорядки въ Ангальтъ-Цербстскихъ владѣніяхъ, въ г. Рослау (Rosslau), который былъ сборнымъ пунктомъ для колонистскихъ партій. Опасаясь взаимной конкурренціи и переманиванія колонистовъ, каждый изъ вербовщиковъ старался уронить въ глазахъ послѣднихъ репутацію своего конкуррента. Такъ Коцеръ поносилъ Ухтрица, „будто онъ людей продаетъ такъ, какъ скотину, и беретъ за человѣка по 2 рейхсталера“, Ухтрицъ-же отзывался о Коцерѣ, что онъ мясникъ, а не капитанъ, и утверждалъ, „что онъ (Ухтрицъ) одинъ только набираетъ для ея императорскаго величества, а Коцеръ —для нѣкоего графа“.

Оба конкуррента обмѣнялись ругательными письмами; Коцеръ однако этимъ не ограничился, а отдалъ еще слѣдующій „приказъ“:

„Чрезъ сіе уполномочиваю старосту Катериненленской колоніи, Давида Алберга, когда г. комисаръ Лероа или подкомисаръ Ухтрицъ отважатся одного изъ моихъ колонистовъ подговаривать, прежде учтивымъ образомъ спросить, намѣренъ-ли онъ принадлежащаго мнѣ колониста выдать, а когда добровольно къ тому не склонится, то колониста оставить, а подкомисара изувѣчить, въ чемъ ея императорскому величеству всероссійской, яко моей всемилостивѣйшей государынѣ, я отвѣтствовать буду; для вящаго увѣренія, что я сію полную мочь далъ помянутому старостѣ, я ее своеручно подписалъ и природною своею печатью укрѣпилъ. Дано въ Рославѣ 25 марта 1766-го года. Коцеръ, капитанъ при россійской Катариненленской колоніи“.

Этотъ приказъ, прочитанный въ трактирѣ „подъ знакомъ Чернаго Медвѣдя“, вызвалъ въ первый день Пасхи 1766 г. безпорядки среди колонистовъ, въ результатѣ чего оказалось 9 раненыхъ, „поколотыхъ, порубленыхъ и получившихъ контузіи“. Для усмиренія колонистовъ, которые между прочимъ выражали сожалѣніе, что на страстной недѣлѣ не сожгли города, была прислана въ Рослау военная команда. Расходы, вызванные безпорядками и опредѣленные мѣстнымъ магистратомъ въ 33 рейхсталера 15 грошей и 8 пфениговъ, Коцеръ отказался уплатить, равно какъ отказался платить свои долги и пошлины за привозимые имъ изъ Гамбурга въ Косвигъ товары и фуражъ „подъ претекстомъ, что онъ, какъ россійской императорской офицеръ и волонтеръ, никакихъ пошлинъ не платитъ“. Поведеніе Коцера и колонистовъ вызвало жалобу къ русскому правительству со стороны Ангальтъ-Цербстскихъ властей. Послѣдніе жаловались между прочимъ и на то, что „находящіеся въ Рославѣ россійскіе ко-

лонисты безпрестанно въ тамошнемъ лѣсу пребываютъ и лѣсъ крадутъ"[1]).

Подобные безпорядки были производимы вербовщиками не только на почвѣ взаимной конкурренціи,—иногда своимъ поведеніемъ они такъ или иначе задѣвали интересы мѣстнаго населенія и возбуждали его противъ себя. Набиравшій сначала колонистовъ для Леруа, а потомъ „безпосредственно для короны россійской", коммиссіонеръ Флорентинъ вооружилъ противъ себя въ Любекѣ извозчиковъ, которые были недовольны предложенной имъ платой за перевозку колонистскаго имущества—по 5 шиллинговъ „за шиффунтъ". Явившись къ Флорентину на квартиру, извозчики начали говорить „продерзостныя рѣчи" и наконецъ вступили въ драку съ нимъ и съ упомянутымъ выше капитаномъ Ухтрицемъ, который въ это время (іюль 1766 года) состоялъ уже помощникомъ „короннаго" коммиссіонера.

Въ тотъ-же день около полуночи, возвращаясь вмѣстѣ съ Ухтрицемъ, поручикомъ Паницомъ и со своими „людьми" изъ трактира, Флорентинъ, по его показанію, подвергся нападенію толпы, которая кричала: „вотъ идутъ россійскіе канальи и плуты, они всѣ должны умереть, побьемъ ихъ каменьями до смерти"! Произошла новая драка, въ которую вмѣшался городской караулъ, и дѣло окончилось судебнымъ разбирательствомъ. Послѣднее показало, что главнымъ виновникомъ всего происшедшаго былъ самъ Флорентинъ, и судъ приговорилъ его „въ разсужденіи учиненнаго имъ публикѣ оскорбленія и нарушеннаго покоя" къ штрафу въ 500 рейхсталеровъ, помимо судебныхъ „проторей и убытковъ" (доходившихъ будто-бы до 1000 рейхсталеровъ); а до уплаты означенныхъ денегъ Флорентинъ былъ посаженъ подъ арестъ (въ марштадь). Канцелярія опекунства иностранныхъ не только отказалась платить за Флорентина штрафъ, но и была очень рада его аресту, такъ какъ опасалась, чтобы онъ „по причинѣ имѣющихся на немъ многихъ партикулярныхъ долговъ, а особливо усмотрѣнныхъ въ щетахъ его неисправностей, тайно не ушелъ"[2]).

---

1) Московъ. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Состояніе дѣла, выписанное изъ актовъ, сдѣланныхъ по причинѣ происшедшаго отъ россійскихъ колонистовъ въ Рославѣ возмущенія и прочихъ по тому жалобъ"; реляція Симолина изъ Регенсбурга отъ 22 іюня/3 іюля 1766 г. („О колонистахъ").

2) Московъ. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Переводъ приложенія къ реляціи Симолина отъ 31 іюля/11 августа 1766 г. подъ лит. а: „состояніе дѣла"; промеморіи изъ канцеляріи опек. ин. въ коллегію ин. д. отъ 6 сент. и 11 октября 1766 г.; письмо синдика Дрейера изъ Любека къ переводчику Нилусу въ Гамбургъ отъ 16/27 сент. 1766 г.; указъ въ Гамбургъ къ переводчику и повѣренному въ дѣлахъ Нилусу отъ 28 сент. 1766 г. и представленіе Нилуса въ канцелярію опек. ин. отъ 14/25 ноября 1766 г. („о колонистахъ").

Бывали случаи, что вербовщики, набравъ провизіи для колонистовъ у мѣстныхъ жителей въ долгъ, уѣзжали, не заплативъ денегъ. Леруа и его „комисаръ“ Аккерманъ задолжали въ Любекѣ нѣкоему Дорринку 137 марокъ 8 шиллинговъ. Передъ отъѣздомъ, Леруа, „какъ честный человѣкъ“, обѣщалъ уплатить по счетамъ Дорринка въ два или три дня, лишь бы послѣдній не задержалъ вещей Аккермана и колонистовъ. „Я ему повѣрилъ“, жаловался Дорринкъ переводчику Нилусу въ Гамбургѣ, „а инако-бы я вещей не отпустилъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ не заплатятъ, тѣмъ паче, что комисаръ Леруа именемъ ея и—го величества всероссійской у меня и у всякаго честнаго человѣка заслужилъ довѣренность, и что ея и—ское величество колонистскимъ своимъ комисарамъ кого-либо обманывать не дозволитъ“ [1]).

Недостойное поведеніе вызывателей и ихъ агентовъ, ихъ крупныя и мелкія продѣлки и мошенничества сильно возмущали русскаго посланника въ Регенсбургѣ Симолина и внушали ему серьезныя опасенія за судьбу русскихъ вербовокъ въ Германіи. Въ своихъ реляціяхъ и письмахъ Симолинъ всегда старался отмѣтить разницу между дѣятельностью частныхъ предпринимателей и дѣятельностью непосредственно зависимыхъ отъ него коронныхъ коммиссаровъ и ходатайствовалъ о недопущеніи первыхъ по крайней мѣрѣ въ тѣ мѣстности, гдѣ дѣйствовали послѣдніе.

Въ письмѣ къ президенту канцеляріи опекунства иностранныхъ графу Григорію Орлову отъ 20 февраля/3 марта 1766 г. Симолинъ между прочимъ писалъ:

„Относительно состоящихъ подъ моимъ управленіемъ и надзоромъ коронныхъ коммиссаровъ я могу быть совершенно увѣренъ, что они не совершатъ никакого безчинства или непристойности. Напротивъ, я не могу, какъ слѣдуетъ, держать въ уздѣ колонистскихъ вербовщиковъ, которыхъ посылаютъ частные предприниматели и ихъ посредники, такъ-какъ мнѣ ихъ отправленіе и мѣсто пребыванія никѣмъ достовѣрнымъ образомъ не указывается. Объ ихъ существованіи я узнаю всегда только случайно и по бóльшей части лишь въ томъ случаѣ, когда тотъ или другой изъ нихъ попадаетъ въ бѣду. Подобнаго рода люди рыщутъ въ огромномъ количествѣ во всѣхъ близъ лежащихъ мѣстностяхъ Пруссіи (входящихъ въ составъ имперіи—Reichs-Preÿssen), во Франконіи, Швабіи, по верхнему и нижнему теченію Рейна, и

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Письмо Дорринка къ Нилусу отъ 28-го августа 1766 г. (нов. ст.).

чрезмѣрное число таковыхъ, изъ коихъ одинъ всегда старается перехитрить другого и перебить у него, причиняетъ на самомъ дѣлѣ большой вредъ колонистскому дѣлу. Отсюда происходятъ многоразличныя несогласія и непріятности, вслѣдствіе чего германскіе имперскіе чины все съ большими затрудненіями даютъ позволеніе на наборъ здѣсь колонистовъ, такъ что дѣло дошло уже до того, что не хотятъ больше терпѣть нашихъ коммиссаровъ въ Ульмѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ. . . . .

О русскихъ колонистскихъ учрежденіяхъ начинаютъ получать неправильныя представленія, которыя потомъ не такъ то легко будетъ искоренять, въ особенности у простого народа. Въ Майнцскихъ и Ганаускихъ владѣніяхъ обнародовано недавно строжайшее воспрещеніе эмиграціи. Эти мною уже заранѣе предвидѣнныя дурныя послѣдствія побудили меня сдѣлать предложеніе, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся коронные коммиссары, никакой вербовщикъ колонистовъ для частныхъ лицъ не былъ терпимъ. Этимъ чрезвычайно вредное умноженіе числа таковыхъ вербовщиковъ по крайней мѣрѣ нѣсколько было-бы предотвращено“ [1]).

Русское правительство само давно уже подумывало объ ограниченіи дѣятельности вызывателей путемъ возвращенія въ Россію дѣйствовавшихъ за границей представителей двухъ товариществъ —Леруа и Прекура.

Побужденіемъ къ такому рѣшенію правительства послужили не недостойные пріемы и поведеніе вызывателей при вербовкѣ колонистовъ, а ихъ дѣйствительныя или предполагаемыя злоупотребленія, нарушавшія интересы казны.

Въ шестомъ отдѣлѣ 6-й статья манифеста Екатерины II отъ 22 іюля 1763-го года колонистамъ дозволялось провозить съ собою *безпошлинно* не только свое имѣніе, въ чемъ-бы оно ни состояло, но и *товаровъ для продажи на сумму не свыше трехъ сотъ рублей на каждое семейство*, подъ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, если послѣднее проживетъ въ Россіи не менѣе десяти лѣтъ: въ противномъ случаѣ при выѣздѣ своемъ за границу оно платитъ обычныя ввозныя и вывозныя пошлины.

Этимъ правомъ огромное большинство колонистовъ не могло воспользоватся по той простой причинѣ, что не имѣло не только

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Schreiben (des ministers Simolin) an des Herrn General Feld-Zeug-Meisters, Präsidentens der Tutel-Canzley und Ritter.... Grafens von Orloff Excellenz de dato Regensburg den 20 Februar/3 marz 1766 („о колонистахъ“, часть IV). См. приложеніе № 5.

денегъ на покупку товаровъ, но и никакого имущества: лишь крайняя бѣдность и безвыходное положеніе на родинѣ заставляли ихъ искать счастія въ далекой невѣдомой странѣ. Выѣхавшими въ Россію до 17 августа 1765-го года „коронными“ колонистами въ количествѣ слишкомъ тысячи семействъ было привезено товаровъ всего на сумму не болѣе тысячи рублей.

За то „вызыватели“ сразу-же оцѣнили размѣры тѣхъ выгодъ, которыя можно было извлечь изъ предоставленнаго колонистамъ права, и вознамѣрились воспользоваться имъ въ своихъ интересахъ.

Когда съ іюля мѣсяца 1764-го года „разные иностранцы стали являться въ канцелярію опекунства иностранныхъ съ предложеніями о вывозѣ колонистовъ въ Россію на поселеніе, то нѣкоторые изъ нихъ, во время продолжавшихся переговоровъ, вмѣсто опредѣленныхъ имъ проѣздныхъ по тысячѣ и ссудныхъ по четыре тысячи рублевъ за сто семей денегъ, просили только о дозволеніи привозить имъ самимъ на триста рублевъ товаровъ за каждую ими вызванную“ колонистскую семью изъ числа тѣхъ, которыя „собственныхъ товаровъ имѣть не будутъ“.

Если бы правительство согласилось на предложенія вызывателей, то они, благодаря высокому таможенному тарифу въ Россіи (40% стоимости товаровъ), заработали-бы на своихъ операціяхъ слишкомъ вдвое больше, чѣмъ давала имъ „проѣздныхъ“ и „ссудныхъ“ денегъ установленная форма договоровъ съ вызывателями, не говоря уже о томъ, что ссудныя деньги подлежали возврату по прошествіи десяти лѣтъ. Такъ, Капо де Борегаръ, обязавшійся доставить три тысячи (3000) семействъ, долженъ былъ получить за нихъ проѣздныхъ и ссудныхъ денегъ полтораста тысячъ (150.000) рублей; но если-бы ему, взамѣнъ означенныхъ денегъ, предоставили право на каждую семью безпошлинно привезти товаровъ на 300 рублей, то на пошлинныхъ сборахъ онъ заработалъ-бы триста шестьдесятъ тысячъ (360.000) рублей, „полагая по сороку процентовъ“ со стоимости товаровъ.

Канцелярія опекунства иностранныхъ, руководясь прямымъ смысломъ упомянутаго выше манифеста отъ 22 іюля 1763 года, отказала всѣмъ вызывателямъ въ ихъ просьбѣ. Тогда нѣкоторые изъ нихъ, не добившись осуществленія ея законными способами, путемъ отказа отъ проѣздныхъ и ссудныхъ денегъ, нашли лазейку для обхода закона и организовали безпошлинный провозъ товаровъ, сохранивъ при этомъ за собой всѣ выгоды, даруемыя установленной формой договоровъ съ вызывателями.

Такъ, вызыватель Леруа употребилъ выданныя ему казенныя деньги на покупку французскихъ товаровъ и уговорилъ набранныхъ имъ колонистовъ провезти означенные товары подъ своими именами. За содѣйствіе обману колонисты получали съ него по 7-ми, 8-ми, иногда по 10% стоимости провозимыхъ товаровъ; а чтобы по пріѣздѣ въ Петербургъ колонисты не присвоили себѣ привезенныхъ товаровъ, съ ними заключенъ былъ въ Любекѣ контрактъ отъ имени тамошняго купца Леметра и Леруа „въ присутствіи публичнаго нотаріуса". Леруа отправилъ такимъ образомъ въ Петербургъ товаровъ почти на 14 тысячъ рублей, а потомъ снова закупилъ ихъ на 15 тысячъ рублей.

О злоупотребленіяхъ Леруа канцелярія опекунства иностранныхъ узнала отъ русскаго посланника въ Гамбургѣ графа Мусина-Пушкина, который сообщеніемъ отъ 10/21 іюня 1765-го года очень дипломатично увѣдомилъ ее, что „вывозимые вызывателями колонисты гораздо дороже становятся, нежели являющіеся сами собою у министровъ, и что вызывателямъ доходитъ всегда больше денегъ, нежели сколько они на вызовъ колонистовъ своихъ употребляютъ".

Получивъ это сообщеніе, канцелярія опекунства „другого заключить не могла, какъ только одно то, что 1) вызывателями дѣлается какой нибудь подлогъ въ товарахъ, или 2) ошибка въ выдачѣ опредѣленныхъ на каждую фамилію до Гамбурга по сороку рублевъ денегъ на путевыя издержки".

Произведенное Мусинымъ-Пушкинымъ, по порученію канцеляріи опекунства, дознаніе вполнѣ подтвердило ея первое предположеніе о „подлогѣ въ товарахъ".

Сообщая объ этомъ канцеляріи, Мусинъ-Пушкинъ изъ добытыхъ его дознаніемъ данныхъ сдѣлалъ тотъ выводъ, что „если торговля такая признана будетъ позволенною, то, конечно, и разные другіе купцы примѣру сему слѣдовать не оставятъ", такъ какъ даже „коронный" коммиссаръ Шмитъ соблазнился выгодами подобной аферы и просилъ у него позволенія на отправленіе въ Россію товаровъ подъ именами колонистовъ.

Съ несомнѣнностію установленный Мусинымъ-Пушкинымъ фактъ безпошлиннаго провоза товаровъ подъ именами колонистовъ сдѣлался предметомъ обсужденія въ канцеляріи опекунства, причемъ члены ея разошлись со своимъ президентомъ гр. Орловымъ во взглядахъ на данный фактъ.

Горячо отстаивая интересы фиска и русской промышленности и признавая дѣятельность Леруа и его товарищей во всѣхъ отношеніяхъ вредной, преступной и нарушающей

заключенный съ канцеляріей контрактъ, члены канцеляріи предлагали:

а) Леруа и его товарищей, какъ нарушителей контракта, „отъ колоніи отрѣшить“, произведя съ ними разсчетъ въ деньгахъ;

б) „подложно“ привезенные безъ платежа пошлинъ товары конфисковать, за исключеніемъ привезенныхъ подъ именами тѣхъ колонистовъ, которые способствовали раскрытію обмана и отказались отъ принятія обѣщаннаго вызывателями подарка: эти товары надлежитъ отдать ихъ номинальнымъ владѣльцамъ „въ награжденіе за ихъ честной поступокъ“;

в) наконецъ, для предупрежденія на будущее время подобныхъ злоупотребленій распубликовать во всеобщее свѣдѣніе надлежащее разъясненіе, что вызывателямъ, подъ страхомъ лишенія „не только товаровъ, но и начальства надъ колоніею“, воспрещается ссужать колонистовъ деньгами на вексель для покупки товаровъ или самыми товарами: колонисты могутъ провозить безпошлинно лишь товары, пріобрѣтенные на собственныя деньги, въ противномъ-же случаѣ они будутъ подвергаться закономъ установленному наказанію, какъ „невѣрные подданные и вредители государственнаго интереса“.

Графъ Орловъ съ своей стороны, въ виду отсутствія въ манифестѣ ясно выраженнаго запрещенія колонистамъ брать товары на вексель, полагалъ, что необходимо „для соблюденія кредита монаршему слову“, какъ привезенные, такъ и находящіеся въ пути товары отдать тѣмъ колонистамъ, подъ именами которыхъ они привезены, „да и впредь оные имъ отдавать на такомъ-же основаніи, а когда отъ кого на тѣхъ колонистовъ происходить будутъ по векселямъ требованіи, то оные разбирать и рѣшить по законамъ.., гдѣ таковыя дѣла вѣдомы, и о томъ объявить въ газетахъ“.

Предложеніе графа Орлова было одобрено императрицей, но лишь въ видѣ временной мѣры,—на его докладѣ Екатерина положила слѣдующую резолюцію: „нынѣ быть посему, а впредь стараться изыскать потребныя мѣры для отвращенія сего злоупотребленія“ [1]).

Эта резолюція въ сущности показывала, что императрица болѣе склоняется въ данномъ вопросѣ на сторону членовъ канцеляріи опекунства, а не ея президента; поэтому графу Орлову

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Всеподданнѣйшій докладъ гр. Орлова отъ 17 августа 1765 г. („О колонистахъ“).

не оставалось иного исхода, какъ обратиться къ выработаннымъ членами канцеляріи мѣрамъ, лишь нѣсколько видоизмѣнивъ ихъ, что̀ онъ и сдѣлалъ въ своемъ новомъ докладѣ, утвержденномъ императрицей 5-го сентября 1765 года[1]).

Такимъ образомъ для пресѣченія безпошлиннаго провоза товаровъ подъ именами колонистовъ слѣдующія разъясненія и мѣропріятія были признаны „достаточными", узаконены и опубликованы:

1) Право безпошлинно провозить товары даровано колонистамъ „въ томъ намѣреніи, дабы симъ преимуществомъ особливо подать способъ имѣющимъ собственной достатокъ пріумножить оной, а чрезъ то-бъ въ случаѣ ихъ поселенія въ Россіи имѣть больше надежды какъ къ возвращенію издержанныхъ на ихъ казенныхъ денегъ, такъ и для произведенія добраго ихъ домостроительства".

2) За безпошлинный провозъ подъ именами колонистовъ чужихъ товаровъ или взятыхъ въ долгъ виновные „наказаны будутъ отнятіемъ у нихъ тѣхъ ввозимыхъ подложно товаровъ, по продажѣ которыхъ съ публичнаго торгу вырученныя деньги употреблять въ пользу общую новыхъ селеній, какъ-то: на построеніе церквей, школъ и тому подобнаго", и всѣ обязательства, заключенныя между колонистами съ одной стороны и дѣйствительными собственниками товаровъ или заимодавцами съ другой, уничтожаются, „потому что обнародованнымъ о вызовѣ иностранцевъ манифестомъ дозволено желателямъ въ Россію на поселеніе для вышеизображенной ихъ пользы привозить съ собою собственные товары, а не долги, отъ коихъ, вмѣсто чаемой выгоды, кромѣ убытка казнѣ въ недоборѣ пошлинъ и собственнаго вреда тѣмъ колонистамъ, ничего добраго ожидать не можно, ибо, польстясь малымъ прибыткомъ, обѣщаннымъ отъ своихъ заимодавцевъ, не только при самомъ вступленіи въ Россію дѣлаются злоупотребителями высочайшей милости своей монархини и теряютъ чрезъ то вовсе къ себѣ довѣренность, но и себѣ самимъ причинить могутъ знатной убытокъ, когда кто по какимъ-либо обстоятельствамъ вознамѣрится прежде десятилѣтняго пребыванія въ Россіи выѣхать обратно".

3) Если-же кто изъ колонистовъ, прежде прибытія или при самомъ прибытіи въ Россію, „раскаявшись, добровольно въ подлогѣ признается, то въ такомъ случаѣ, для поощренія и другихъ

---

[1]) Тамъ-же: Сношенія съ Австріей 1765 — 1766 гг. (Архивъ новый, связка 10).

къ подражанію, отданы ему будутъ тѣ привезенные имъ подъ своимъ имянемъ товары, а заимодавцу", какъ посягающему на интересы казны, „во всѣхъ даннымъ ему онымъ колонистомъ на себя обязательствахъ, если подлогъ доказанъ будетъ, отказывать".

Наконецъ, 4) „для лутчей предосторожности", предписано было русскимъ дипломатическимъ агентамъ за границей допрашивать и „увѣщевать" всѣхъ отправляющихся въ Россію колонистовъ, подъ именами которыхъ будутъ значиться товары[1]).

Этими мѣрами однако канцелярія опекунства иностранныхъ не должна была ограничиться въ своихъ заботахъ объ охраненіи казеннаго интереса.

Подтвердилось и второе ея предположеніе, что дѣлается „ошибка въ выдачѣ опредѣленныхъ на каждую фамилію до Гамбурга по сороку рублевъ денегъ на путевыя издержки". Оказалось, что Мусинъ-Пушкинъ выдавалъ вызывателямъ „ровно по сороку рублей за фамилію", во сколько-бы она ни обошлась; между тѣмъ слѣдовало въ этомъ случаѣ руководится росписками самихъ колонистовъ и уплачивать вызывателямъ столько, сколько въ дѣйствительности истрачено ими на каждую семью въ отдѣльности, но отнюдь не болѣе сорока рублей: все издержанное свыше сорока рублей нужно было взыскивать съ самой колонистской семьи при ея водвореніи, для чего слѣдовало брать съ нея „обязательство".

Не получая отъ вызывателей оправдательныхъ документовъ въ произведенныхъ ими издержкахъ, канцелярія опекунства иностранныхъ испытывала сомнѣніе, не наносится-ли ими ущерба казенному интересу. Нѣкоторые факты и слухи способны были поддерживать это „сумнѣніе" канцеляріи на счетъ вызывателей.

Вызыватель Леруа, получивъ отъ нея впередъ пятнадцать тысячъ рублей на производство своихъ операцій, по прибы-

---

1) Содержаніе доклада гр. Гр. Орлова „о средствахъ, служащихъ къ пресѣченію чинимаго колонистами подлога въ привозѣ чужихъ товаровъ подъ ихъ именами" было напечано въ слѣдующихъ заграничныхъ газетахъ: въ Варшавской польской газетѣ—„Wiadomosci Warszawskie" (W sobotę dnia 2 stycznia roku 1766), въ Вѣнской газетѣ—„Mittwochs-Anhang" (Num. 9, den 29 Jänner) и въ трехъ копенгагенскихъ—датской, нѣмецкой и французской („Gazette historique et politique de Copenhaque", № 6, 1766, du lundi le 20 Janvier). Объ этомъ должны были позаботиться наши дипломатическіе агенты за границей въ силу „канцелярской цидулы" изъ коллегіи ин. д. отъ 9-го декабря 1765 года.

Однако русскій резидентъ въ Данцигѣ Ребиндеръ не счелъ возможнымъ обнародовать содержаніе доклада, „чтобы не привести чрезъ сей способъ кого-нибудь изъ здѣшнихъ, которые изъ корысти на все дерзнуть въ состояніи, во искушеніе на сей обманъ, которой понынѣ ни у кого изъ колонистовъ злѣсь не открылся, и къ отвращенію котораго" онъ, Ребиндеръ, „всегда всякія потребныя осторожности" принималъ.

тіи въ Гамбургъ умолчалъ объ этомъ Мусину-Пушкину и сталъ сразу же брать у него деньги на колонистовъ, иногда и „не представляя людей“. Мусинъ-Пушкинъ подозрѣвалъ потомъ, что эти деньги Леруа тратилъ на покупку французскихъ товаровъ.

Вскорѣ возникло сомнѣніе и относительно поведенія Менье де-Прекура.

Получивъ вышеупомянутое сообщеніе Мусина-Пушкина о томъ, что „вывозимые вызывателями колонисты гораздо дороже становятся, нежели являющіеся сами собою у министровъ“ и т. д., канцелярія опекунства въ іюлѣ 1765 года обратилась за разъясненіемъ къ находившемуся въ Петербургѣ товарищу Прекура Дотериву, „не знаетъ-ли онъ, для чего понынѣ росписокъ колонистовыхъ не прислано въ канцелярію, и какимъ образомъ товарыщъ ево Прекуртъ въ роздачѣ колонистамъ казенныхъ денегъ поступаетъ?“

Дотеривъ на это отвѣтилъ, „что онъ ни о томъ, ни о другомъ не вѣдаетъ, а токмо опасается, чтобъ не причинилось ему убытковъ, слыша, что Прекуртъ въ Гамбургѣ роскошно живетъ“. А вскорѣ послѣ этого Дотеривъ подалъ въ канцелярію опекунства „меморіалъ“ въ томъ смыслѣ, чтобъ она освѣдомилась чрезъ посланника въ Гамбургѣ, „не издерживаетъ-ли товарищъ ево Прекуртъ сверхъ опредѣленныхъ сорока рублевъ на фамилію, и ево-бы отъ убытковъ предохранила“[1]).

Желая провѣрить правильность дѣйствій Леруа и Прекура и вмѣстѣ съ тѣмъ предотвратить возможныя ихъ злоупотребленія въ будущемъ, канцелярія опекунства иностранныхъ 5-го ноября 1765 года потребовала у названныхъ вызывателей, чтобы они пріѣхали въ Петербургъ для разсчета съ нею, а 2-го декабря того-же года обратилась къ русскому посланнику въ Гамбургѣ Мусину-Пушкину съ просьбой уже „о высылкѣ вызывателей“. При этомъ заключенные съ ними контракты канцелярія истолковала въ томъ смыслѣ, что они имѣютъ силу только на одинъ годъ, и для продолженія наборовъ послѣ истеченія указаннаго срока требуется испрашивать предварительно ея позволеніе.

Однако ни Леруа, ни Прекуръ не согласились съ толкованіемъ канцеляріи и отказывались подъ разными предлогами пріѣхать въ Петербургъ.

---

[1]) Архивъ Министерства Земледѣлія и Госуд. Им., № 25.838: „Въ канцелярію опекунства ин. отъ вице-президента оныя представленіе, содержащее въ себѣ описаніе всѣхъ произшествій, касающихся до вызывателей Леруа и Прекурта съ товарыщи и о ихъ поступкахъ и щетахъ“ (26 мая 1769 г.).

Леруа въ частномъ письмѣ на имя президента канцеляріи графа Г. Орлова утверждалъ, „будто при заключеніи съ нимъ въ канцеляріи опекунства иностранныхъ контракта дано ему дозволеніе набирать людей, сколько онъ можетъ, не опредѣляя на это никакого времени", и что въ контрактѣ его, который заключенъ прежде изданія общей формы договоровъ съ вызывателями, „о прошеніи отъ канцеляріи позволенія вовсе не упомянуто".

То-же самое заявлялъ и Менье де Прекуръ, хотя въ его контрактѣ было „имянно изображено, чтобъ о продолженіи вызова людей просить имъ дозволенія отъ канцеляріи" [1]).

Вызыватели впрочемъ мотивировали свой непріѣздъ по требованію канцеляріи не только необязательностью его для себя, но и невозможностью, ссылаясь на заключенные ими договоры о поставкѣ колонистовъ съ разными коммиссіонерами, на раздачу послѣднимъ денегъ авансомъ [2]).

Что касается Мусина-Пушкина, то онъ ничего не отвѣтилъ на просьбу канцеляріи опекунства за послѣдовавшимъ вскорѣ отъѣздомъ его изъ Гамбурга, и канцелярія вынуждена была снова адресоваться по тому-же дѣлу къ замѣнившему Мусина-Пушкина въ Гамбургѣ переводчику Ивану Вихляеву. Между прочимъ она ему писала (27-го января 1766 года): „извольте помянутыхъ вызывателей (Леруа и Прекура) увѣдомить, что ежели они и за симъ подтвержденіемъ не поѣдутъ, то канцелярія ихъ почитать будетъ такими людьми, которые не только контракты свои явно нарушаютъ, но и вовсе въ Россію по обѣщанію своему возвратиться не намѣрены, а ищутъ только черезъ разные вымыслы выманивать деньги, потому что не только по обязательству своему съ вызванными ими людьми надлежащихъ контрактовъ до-

---

[1]) Архивъ Гамбургской миссіи (въ Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.): „изъ канцеляріи опекунства иностранныхъ пребывающему въ Гамбургѣ нынѣ за неопредѣленіемъ на мѣсто г-на статскаго совѣтника Мусина-Пушкина переводчику г-ну Вихляеву" (генваря 27-го дня 1766 г.).

[2]) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25.628,—Всеподданнѣйшій докладъ коммиссіи по дѣламъ вызывателей Леруа и Прекурта съ товарыщи отъ 5-го іюля 1777 года: „вызыватели къ оправданію своему представляютъ, что при окончаніи 1765 года не выходило имъ возможности возвратиться въ Россію, имѣя обязательство выполнить сдѣланныя ими съ разными наборщиками договоры о поставкѣ людей, по содержанію которыхъ розданы отъ нихъ были и деньги въ задатокъ..., а сверхъ того Леруа и Питетъ показываютъ, что при начальномъ вызовѣ иностранцовъ выдали одному италіанцу три тысячи рублевъ для поставки нарочитаго числа людей, также и другимъ еще поставщикамъ до четырехъ тысячъ рублей и, по неосторожности своей въ безнадежномъ выборѣ сихъ комиссіонеровъ, не получили ни денегъ своихъ обратно, ниже потребнаго за оные числа людей".

нынѣ не прислали (коихъ, можетъ быть, вовсе не заключали), но и росписокъ колонистовыхъ о издержкахъ, безъ коихъ и щитать ихъ не можно, не прислали-же, а сверхъ того, избывая отъ пріѣзду въ С.-Петербургъ, толкуютъ заключенные съ ними канцеляріею контракты, соглашая только съ своими намѣреніями и неправильно. . . . . .
И такъ, объявя имъ о семъ въ послѣдній разъ, извольте подтвердить, чтобъ они немедленно ѣхали въ Петербургъ, и съ полученія сего выдачъ денежныхъ на вызовъ людей имъ ни подъ какимъ видомъ больше не производить, а когда въ самомъ дѣлѣ набрано ими въ запасъ нѣсколько людей и заключены съ ними контракты, какъ о томъ Леруа въ письмѣ своемъ увѣряетъ, то извольте, отобравъ у нихъ тѣ контракты и колонистовы о издержкахъ на нихъ росписки и давъ вызывателямъ отъ себя въ принятіи оныхъ квитанцію, взять всѣхъ набранныхъ ими, вызывателями, въ запасъ людей въ свое смотрѣніе и содержать ихъ точно такъ, какъ вызыватели письменно обязались"[1])...

Вихляевъ хорошо сознавалъ, какую массу мелочныхъ хлопотъ возлагаетъ на него исполненіе этого порученія, и потому отвѣтилъ канцеляріи опекунства, что ему, „не знавши вызывательскихъ контрактовъ, безъ самихъ вызывателей обойтись и съ контрагентами ихъ во всѣ подробности войти не можно"; при этомъ онъ сослался еще на свое „одиночество" и на отсутствіе позволенія со стороны своего начальства—коллегіи иностранныхъ дѣлъ[2]).

Послѣ этого самъ президентъ канцеляріи опекунства графъ Гр. Орловъ обратился къ Вихляеву съ письмомъ (отъ 4-го апрѣля 1766 г.), въ которомъ, обѣщая постараться о присылкѣ ему помощника, пояснялъ, что исполненіе порученій канцеляріи опекунства по колонистскимъ дѣламъ входитъ въ обязанности русскихъ министровъ при иностранныхъ правительствахъ, а слѣдовательно и въ обязанность его, Вихляева, какъ исправляющаго министерскую должность; при этомъ гр. Орловъ давалъ подробныя указанія, какъ нужно поступать съ контрактами, заключенными между вызывателями и ихъ „вспомоществователями" и „рекомендовалъ" Вихляеву „приложить съ своей стороны всевозможное стараніе о надежномъ доставленіи" въ Петербургъ „вы-

---

1) Архивъ Гамбургской миссіи.
2) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Доношеніе Вихляева въ секретную экспедицію коллегіи ин. дѣлъ отъ 24 февраля/7 марта 1766 г. („о колонистахъ"); Архивъ Гамбургской миссіи: письмо гр. Орлова къ Вихляеву отъ 4-го апрѣля 1766 г.

зывателей Леруа и Прекурта *какимъ бы то образомъ ни было*“, по своему „благоизобрѣтенію“ [1]).

Но и на это письмо Вихляевъ не обратилъ должнаго вниманія. Не добившись такимъ образомъ никого толка отъ своего агента, русское правительство вынуждено было обратиться къ нѣмцу—голштинскому министру въ Гамбургѣ Бредолю.

По докладу графа Г. Орлова императрицѣ, были заготовлены двѣ публикаціи для помѣщенія въ Гамбургскихъ и иныхъ заграничныхъ газетахъ.

Первая публикація имѣла въ виду лишь предупредить лицъ, желающихъ эмигрировать въ Россію, что „Леруа и Прекуртъ не имѣютъ болѣе комиссіи вызывать людей“, вторая же должна была появиться въ газетахъ лишь послѣ ареста вызывателей, чтобы выяснить его причины и успокоить публику [2]).

Обѣ публикаціи были препровождены къ Бредолю при слѣдующемъ императорскомъ рескриптѣ на его имя (отъ 12-го мая 1766 года) [3]):

„Такъ какъ мы совершенно увѣрены въ вашемъ похвальномъ усердіи, то мы рѣшили возложить на васъ такое порученіе, исполненіе котораго требуетъ особенной осторожности и очень много сдержанности, потому что въ противномъ случаѣ несвоевременнымъ разоблаченіемъ можно по собственной винѣ затруднить и помѣшать его успѣху. Дѣло касается находящихся въ Гамбургѣ и вамъ вѣроятно лично небезызвѣстныхъ вызывателей колонистовъ Леруа и Прекура, которые (хотя срокъ ихъ контракта уже давно истекъ, и они въ свое время уже добыли больше колонистовъ, чѣмъ было обусловлено въ контрактѣ, и имъ слѣдовало бы немедленно, а именно—прошлой осенью явиться сюда, чтобы совершить ликвидацію съ Нашей канцеляріей опекунства, тѣмъ не менѣе) осмѣлились продолжать наборъ и отправленіе колонистовъ, какъ будто ихъ контракты находятся еще въ полной силѣ, тогда какъ упомянутая Наша канцелярія неоднократно имъ предписывала, чтобы они не вмѣшивались больше въ это ихъ совсѣмъ больше не касающееся дѣло. Не мудрено, что они преступили это предписаніе, такъ какъ они, по всѣмъ вѣроятіямъ, были ослѣплены незаконной выгодой при продолженіи набора колонистовъ; тѣмъ не менѣе странно, что какъ Нашъ

---

[1]) Архивъ Гамбургской миссіи.

[2]) Москов. Гл. Архивъ Мин. Ин. Д.: „Двѣ публикаціи канцеляріи опекунства иностранныхъ о задержаніи гамбургскихъ вызывателей колонистовъ Леруа и Прекурта“.

[3]) Приводимъ полностію въ переводѣ на русскій языкъ.

министръ Мусинъ-Пушкинъ, бывши въ Гамбургѣ, такъ и оставшійся послѣ него переводчикъ Вихляевъ, по его примѣру, позволили этимъ интриганамъ такъ водить себя за носъ, что несмотря на то, что существовало нарочитое предписаніе отъ канцеляріи опекунства, воспрещавшее имъ дальнѣйшій наборъ колонистовъ, они тѣмъ не менѣе постоянно вступали съ ними въ переговоры и платили имъ за каждое принимаемое семейство, по произвольному постановленію, 40 рублей, и при этомъ опять-таки совершенно въ разрѣзъ съ предписаніемъ канцеляріи опекунства, которая настойчиво предписала выдавать эти деньги не иначе, какъ въ обмѣнъ на квитанцію, самими колонистами выдаваемую, подъ условіемъ, что полная семья не будетъ стоить въ цѣломъ болѣе сорока рублей.

При такомъ произвольномъ и незаконномъ поведеніи Леруа и Прекура, самое лучшее и кратчайшее средство, чтобы впредь не подвергаться ихъ обману, а его какъ можно лучше разоблачить, ихъ самихъ сюда доставить, а тѣмъ временемъ, ради предостереженія публики, ихъ своевольныя продѣлки описать такъ, какъ это было въ дѣйствительности, а именно, что Мы считаемъ ихъ (продѣлки) предосудительными и здѣшнимъ Дворомъ отвергнутыми, чтобы каждый это зналъ и не соблазнялся ихъ непозволительными заманиваніями, превышающими манифестъ, а чтобы въ случаѣ, если кто желалъ бы эмигрировать, онъ могъ бы обратиться къ людямъ, уполномоченнымъ отъ Насъ или отъ Нашихъ министровъ. Ради этой двоякой цѣли Мы вамъ поручаемъ:

1) Приложенную публикацію напечатать въ Гамбургскихъ и другихъ газетахъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ могли бы находиться упомянутые эмиссары, чтобы такимъ образомъ сразу опрокинуть ихъ планъ.

2) Пригласить ихъ самихъ къ себѣ и сообщить имъ изъ Нашей резолюціи то, что имъ нужно знать, указавъ, что теперь, когда имъ больше нечего дѣлать, они немедленно должны сюда ѣхать, чтобы дать отчетъ по поводу приглашенныхъ людей, къ чему они обязаны самимъ контрактомъ, и тѣмъ болѣе, что если бы послѣ сдѣланныхъ ими приготовленій явились еще какіе нибудь колонисты, то они могли бы быть приняты и присланы сюда также и въ ихъ отсутстіе.

3) Въ случаѣ если вы согласитесь на ихъ путешествіе сюда, то назначить тайкомъ надежнаго человѣка, который будетъ за ними слѣдить, чтобы они за это время (тѣмъ болѣе, что они сознаютъ свою вину) не измѣнили своего рѣшенія и не убѣжали.

Вы можете, стало-быть, отсрочить публикацію до ихъ отъѣзда, если только онъ не слишкомъ замедлится, какъ вы найдете наиболѣе удобнымъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, чтобы ихъ не запугать раньше времени.

4) Если вы увидите, что они на это никакъ не согласятся или, какъ и прежде, будутъ продолжать приводить пустыя отговорки и возраженія (что̀ нужно разсматривать, какъ формальный отказъ), то наиболѣе удобнымъ образомъ зондировать Гамбургскій магистратъ чрезъ знакомыхъ вамъ членовъ его, не согласится ли оный въ этомъ случаѣ арестовать ихъ и передать вамъ для отправки въ Нашу канцелярію опекунства вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ, справедливо принимая во вниманіе, что они взяли значительную сумму денегъ и, вопреки ясно выраженному смыслу контракта, не предъявляютъ никакихъ оправдательныхъ документовъ, безъ чего вѣдь нельзя ни ликвидировать съ ними, ни узнать, правы они, или нѣтъ.

5) Въ случаѣ желательнаго согласія со стороны магистрата, вы, коль скоро убѣдитесь въ этомъ, не преминете, по собственному усмотрѣнію, или сами, или чрезъ переводчика Вихляева, формально ходатайствовать передъ магистратомъ отъ Нашего имени объ арестѣ и выдачѣ упомянутыхъ Леруа и Прекура, чтобы можно было ихъ поведеніе изслѣдовать по всей справедливости.

6) Какъ только они будутъ такимъ образомъ арестованы магистратомъ и отправлены вами подъ конвоемъ съ первымъ отходящимъ кораблемъ, лучше же съ имѣющимся быть можетъ тутъ пакетъ-ботомъ, необходимо, помѣстить въ газетахъ другую при семъ прилагаемую публикацію, чтобы публика была извѣщена о справедливыхъ побудительныхъ причинахъ къ сему, и, наконецъ,

7) Въ случаѣ замѣтной несклонности города, извѣстить Насъ своевременно о семъ, присоединивъ свое мнѣніе, нельзя ли и безъ содѣйствія магистрата или, по крайней мѣрѣ, съ молчаливаго согласія тайно схватить упомянутыхъ Леруа и Прекура и отправить сюда означеннымъ путемъ.

Вы впрочемъ сами собой убѣдитесь, что главное Наше намѣреніе въ настоящей поручаемой вамъ коммиссіи состоитъ въ томъ, чтобы, во 1-хъ, предупредить и прервать продолженіе подобныхъ злостныхъ и большихъ тратъ при наборѣ колонистовъ и при этомъ, во 2-хъ, незыблемо поддерживать довѣріе ко всему тому, что̀ обѣщано людямъ, которые пожелаютъ водвориться здѣсь.

Какимъ образомъ и въ какихъ пунктахъ вы собственно время отъ времени будете исполнять Наше приказаніе, о томъ Мы ждемъ затѣмъ подробныхъ вашихъ извѣщеній и впрочемъ полагаемся на доказанную вами вѣрность и умѣнье, и чтобы также переводчикъ Вихляевъ тѣмъ временемъ точно исполнялъ ваше порученіе, ему въ настоящее время отправленъ о семъ приказъ, вамъ же поручаемъ во всѣхъ случаяхъ дѣлать указанія, какъ ему, такъ и имѣющему быть отправленнымъ Нашей канцеляріей опекунства по дѣламъ колонистовъ адъютанту Магницкому, которому также приказано обратиться къ вамъ.

Впрочемъ пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны“ [1]).

Гамбургскій магистратъ оказался очень сговорчивымъ, и Леруа и Прекуръ были арестованы и отправлены „подъ присмотромъ“ въ Петербургъ. Но они сдѣлали свое дѣло, возбудивъ своей агитаціей эмиграціонную горячку среди низшихъ обездоленныхъ классовъ населенія. Въ теченіе 1766 года число лицъ, желавшихъ эмигрировать изъ западной Европы въ Россію, быстро возрастало, при чемъ многіе изъ нихъ являлись у правительственныхъ коммиссаровъ и зачислялись въ „коронные“ колонисты [2]), хотя, быть можетъ, впервые узнавали о колонизаціонныхъ мѣропріятіяхъ русскаго правительства отъ агентовъ частныхъ предпринимателей. Реляціи и письма Симолина за этотъ годъ полны указаній на усиленіе эмиграціи.

„Первый транспортъ колонистовъ, который комисаромъ Фаціусомъ изъ Бюдингена въ 25 день февраля/8марта въ Любекъ дѣйствительно отправленъ“, писалъ онъ въ реляціи отъ 6/17 марта,

---

[1]) Москов. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ: „Rescript an den Grossfürtl. Schleswig-Hollsteinischen Ober-Jägermeister und Ministre in Hambourg H. von Bredole“.

Утвержденъ императрицей „въ Сарскомъ Селѣ 10-го мая 1766 года“.— См. его въ приложеніяхъ подъ № 13-мъ.

[2]) Принятые въ число колонистовъ передъ отправленіемъ въ путь приносили слѣдующую присягу: „Я N. N. съ моей женой, дѣтьми и прислугой, намѣреваясь водвориться въ Россійской имперіи и кормиться земледѣліемъ, по сдѣланному мною заявленію будучи принятъ на обычное содержаніе, и теперь собираясь дѣйствительно переѣхать въ Россію, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, тѣлесною присягою, что я во время всего путешествія буду послушенъ назначенному главѣ и начальнику настоящаго транспорта, уважать его приказанія и запрещенія, содѣйствовать ему совѣтомъ и дѣломъ, всякому недопустимому сопротивленію противодѣйствовать, не уклоняться отъ предписаннаго пути подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, но вѣрно оставаться при транспортѣ, относиться къ своимъ товарищамъ и спутникамъ миролюбиво, побратски и похристіански, и вообще все дѣлать и соблюдать, что̀ надлежитъ и приличествуетъ честному человѣку. Клянусь Богомъ и св. его евангеліемъ. Аминь“. Государственный Архивъ XVI, переписка Симолина съ канцеляріей опек. ин.: „Eydes-Formular für die russischen Colonisten“.

„состоитъ во стѣ одиннадцати (111) семей, въ коихъ было всего 301 человѣкъ............. У него число выходцевъ ежедневно умножается, такъ что онъ еще и теперь двѣсти сорокъ (240) семей имѣетъ, которымъ даетъ поденныя деньги; а коль скоро сіи отправлены будутъ, то тотчасъ на мѣсто оныхъ столько же семей вступитъ, кои уже съ нетерпѣливостью своего отправленія ожидаютъ“.

Черезъ мѣсяцъ въ письмѣ къ вице-канцлеру Симолинъ снова сообщаетъ объ усиленномъ притокѣ эмигрантовъ: „къ комисару нашему Фаціусу... стекается такое множество людей, что вообразить себѣ не можно. Чѣмъ болѣе онъ оныхъ отправляетъ, тѣмъ паче число приходящихъ умножается и повидимому можетъ оное такъ продолжиться во все лѣто. . . .

По 7/18 число сего мѣсяца (апрѣля) отправилъ онъ уже 825 полныхъ фамилій, нынѣ же въ собраніи считается болѣе 700 многочисленныхъ фамилій, на которыхъ исходитъ ежедневно пенсіи 350 гульденовъ. Онъ желаетъ быть въ состояніи отправить оныхъ въ двѣ недѣли и вмѣсто, чтобъ по два раза отправлять въ недѣлю, въ каждый по 100 фамилій, какъ онъ то думалъ дѣлать, принужденъ онъ отправлять по три раза въ каждые восемь дней, но, несмотря на то, число фамилій не уменьшается, потому что на мѣсто отправленныхъ въ тотъ же часъ приходятъ другія, изъ которыхъ всѣ снабжены отпускными“ [1]).

Скопленіе эмигрантовъ особенно сильно давало себя знать въ Любекѣ, который былъ сборнымъ пунктомъ почти для всѣхъ отправляемыхъ въ Россію колонисткихъ партій.

„Насланное нынѣ отъ всѣхъ вызывателей и отъ находящагося въ Франкфортѣ комисара Фаціуса въ Любекъ число колонистовъ“, доносилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ переводчикъ Вихляевъ изъ Гамбурга (отъ 8/19апрѣля), „простирается до шести тысячъ (6000) душъ, коихъ съ великою нуждою въ городѣ и внѣ онаго комисаръ Шмитъ помѣстить могъ. Обстоятельство сіе привело тамошней магистатъ до того, что оной просилъ меня письменно, чтобъ я, по неимѣнію мѣста, болѣе колонистовъ въ Любекъ не отправлялъ. Но есть-ли комисаръ Фаціусъ не воздержится отъ безпрестанной пересылки колонистовъ въ Любекъ, то и средства болѣе уже не остается къ помѣщенію оныхъ. Находящихся же на дорогѣ изъ Голландіи и изъ имперіи отъ

---

[1]) Москов. Гл. Архивъ Мин. Ин. Д.: Переводъ экстрактомъ съ письма къ его сіятельству вице-канцлеру отъ министра Симолина изъ Регенсбурга отъ 10/21 апрѣля 1766 г. („О колонистахъ“).

вызывателей колонистовъ, около трехъ тысячъ (3000) душъ, принужденъ буду я съ крайнею нуждою, по неимѣнію мѣста въ Любекѣ помѣстить здѣсь, содержа ихъ на казенномъ коштѣ до до тѣхъ поръ, пока изъ Любека въ С.-Петербургъ знатное число оныхъ отправлено не будетъ“ [1]).

Не столько крупныя и мелкія продѣлки и мошенничества вызывателей и ихъ агентовъ, сколько эта эмиграціонная горячка, овладѣвшая обездоленными классами населенія, вызвала въ западной Европѣ серьезное противодѣйствіе русскимъ колонисткимъ наборамъ.

5.

Обостренію недовольства въ Европѣ колонизаторскими предпріятіями русскаго правительства, безъ сомнѣнія, не мало способствовала дѣятельность вызывателей и ихъ агентовъ. Но и при другой своей организаціи эмиграція въ Россію въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ не могла быть терпима въ большинствѣ государствъ западной Европы и даже самой Германіи—главнаго поставщика колонистовъ: и тѣ популяціонистскія теоріи, которыя исповѣдывали государственные дѣятели въ различныхъ странахъ, и интересы зажиточныхъ классовъ настойчиво возставали противъ эмиграціи рабочихъ массъ; въ Германіи-же къ этимъ неблагопріятнымъ для русскихъ наборовъ условіямъ присоединялось еще недружелюбное отношеніе Вѣнскаго Двора, который самъ усердно заселялъ германскимъ элементомъ Венгрію и видѣлъ въ русскихъ коммиссарахъ и вызывателяхъ серьезныхъ конкуррентовъ для своихъ колонистскихъ агентовъ.

Правительства тѣхъ странъ, интересы коихъ нарушались дѣятельностью русскихъ вербовщиковъ, или дѣлали по этому поводу представленія русскому правительству, или сами непосредственно принимали мѣры къ ея прекращенію.

Прусскій посолъ графъ Сольмсъ на конференціи у вице-канцлера князя Голицына (8-го мая 1766) года заявилъ отъ имени Фридриха II неудовольствіе на то, что транспорты колонистовъ, предназначенныхъ для Россіи, перевозятся черезъ Прусскія области, и что по близости послѣднихъ—въ Ангальтъ-Цербст-

---

[1]) Тамъ же: Доношеніе переводчика Вихляева изъ Гамбурга въ секретную экспедицію коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 8/19 апрѣля 1766 года.

скихъ владѣніяхъ — водворились русскіе вербовщики. Хотя король, по заявленію посла, „сперва взиралъ на то съ нѣкоторымъ спокойствіемъ“, но, замѣтивъ теперь, „что помянутые набиратели начинаютъ подговаривать прусскихъ его величества подданныхъ, въ нетерпѣливость и безпокойство пришелъ, желая, чтобъ таковыя анролеры въ близости областей его не находились“. Безпокойство и недовольство Фридриха II, который самъ былъ дѣятельнымъ колонизаторомъ своей территоріи, вполнѣ понятны, тѣмъ не менѣе вице-канцлеръ выразилъ по поводу ихъ свое удивленіе и заявилъ, что „таковыхъ анролеровъ находиться не можетъ, потому что“ канцелярія опекунства иностранныхъ „писала къ симъ партикулярнымъ комисарамъ оные наборы оставить, позволяя только колонистовъ принимать въ Германской имперіи находящихся, съ тѣмъ точнымъ повелѣніемъ, чтобъ токмо тѣхъ вольныхъ людей принимать, которые къ нимъ съ позволеніемъ и увольнительными письмами отъ своихъ правленій представляться будутъ“.

Какъ мало значенія однако имѣли подобныя предписанія, видно изъ того, что лѣтомъ того-же 1766 года уже не частными предпринимателями, а русскимъ резидентомъ въ Данцигѣ Ребиндеромъ было отправлено въ Россію 487 колонистовъ „по большой части земледѣльцевъ, явившихся какъ *изъ королевства Прусскаго*, такъ и другихъ... окрестныхъ мѣстъ“.

Вскорѣ за тѣмъ прусскій посланникъ въ Гамбургѣ Гехтъ узналъ о предстоящемъ отправленіи въ Россію въ качествѣ колонистовъ прусскихъ подданныхъ и потребовалъ ихъ выдачи. Требованіе его было исполнено подъ условіемъ уплаты издержанныхъ на нихъ денегъ. Гехтъ деньги уплатилъ, но потомъ, по настоянію своего правительства, послалъ своего секретаря къ переводчику Нилусу (въ Гамбургѣ) съ требованіемъ, чтобы тотъ предписалъ коммиссару Лембке въ Любекѣ вернуть эти деньги. Нилусъ отказался исполнить это требованіе на томъ основаніи, что Лембке долженъ дать отчетъ въ расходахъ и „либо денегъ, либо колонистовъ на лицо имѣть долженъ“ [1]).

Часть эмиграціи въ Россію направлялась по Рейну чрезъ Голландію, гдѣ въ городѣ Везопѣ, близь Амстердама, былъ отведенъ домъ для временнаго помѣщенія колонистовъ до ихъ посадки на суда. Пользуясь гостепріимствомъ пріютившей ихъ

[1]) Московъ. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ: „Экстрактъ изъ записки бывшей у вице-канцлера съ чужестранными министрами конференціи въ 8 день мая 1766 года“; реляція Ребиндера изъ Гданска отъ 31 октября/11 ноября 1766 года; „доношеніе“ Нилуса отъ 8/19 сентября 1766 года. („О колонистахъ“).

страны, вербовщики стали принимать въ число колонистовъ такихъ голландскихъ подданныхъ, которые были обременены долгами и стремились ускользнуть отъ своихъ кредиторовъ. Вслѣдствіе этого отведенный для колонистовъ домъ былъ отобранъ голландскими властями, и русскому послу въ Гагѣ Воронцову пришлось посылать переводчика Ольдекопа въ Везопъ съ просьбою къ мѣстному магистрату „о неотнятіи помянутаго дома"; одновременно Воронцовымъ было „рекомендовано вновь людямъ, при баронѣ Борегардѣ употребляемымъ, дабы впредь осторожнѣе поступали и излишнною и слѣпою корыстливостью, подговоря восемь или десять человѣкъ, все дѣло не испортили"[1]).

„Я узналъ", говорилось въ письмѣ, адресованномъ по этому поводу къ Косту де Сабревиль, „что вы имѣли домъ въ Везопѣ и принимали въ него жителей этой страны. Изъ такихъ поступковъ могутъ быть только очень дурныя послѣдствія. На этотъ счетъ никогда не было такого намѣренія; и я увѣренъ, что господинъ де Борегаръ слишкомъ остороженъ, чтобы дозволить подобное поведеніе. Если оно принесетъ вамъ затрудненія, я не сдѣлаю ни шагу для того, чтобы выручить васъ, ни чтобы быть вамъ полезнымъ"[2]).

„Но сіи люди", по замѣчанію Воронцова, „обыкновенно недалеко видятъ": злоупотребленія вербовщиковъ продолжались, и Гагскій кабинетъ выразилъ по этому поводу свое неудовольствіе русскому правительству[3]).

Въ тѣхъ странахъ, откуда эмиграція воспрещалась, по большей части сама мѣстная государственная власть принимала суровыя и рѣшительныя мѣры для прекращенія дѣятельности вербовщиковъ. Въ Австрійскихъ Нидерландахъ (въ 1764-мъ году) нѣкто Делакроа, бывшій офицеръ германской имперской службы, набиравшій колонистовъ для Россіи, былъ „магистратомъ города Ипръ посаженъ подъ арестъ, будучи обвиненъ между прочимъ тѣмъ, что онъ заманивалъ людей подъ разными претекстами въ дальніе чужіе края ѣхать". Упомянутый выше посолъ въ Гагѣ гр. Воронцовъ обратился тогда съ просьбой объ освобожденіи Делакроа къ графу Кобенцелю, „главному въ Брюселѣ министру", и послѣдній далъ отвѣтъ на эту просьбу въ томъ смыслѣ, что принцъ Карлъ Лотарингскій, губернаторъ Нидерландовъ, вслѣдствіе его, Воронцова, заступленія, безъ сомнѣнія, „по-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: реляція графа Воронцова изъ Гаги отъ 1/12 мая 1766 г. („О колонистахъ").

[2]) Une Colonie Franco-russe au XVIII-e siècle (Revue de Revues 1896, № 19).

[3]) Тамъ же.

даритъ“ Делакроа „животъ“, „а что, впрочемъ, онъ долженъ будетъ заплатить всѣ издержки, до процесса касающіяся, и будетъ онъ выгнанъ изъ Нидерландовъ“.

Сообщая объ этомъ своему правительству (въ реляціи отъ 1/12 іюня 1764-го года), гр. Воронцовъ обращалъ его вниманіе на то, что напечатанный около этого времени во всѣхъ французскихъ газетахъ манифестъ Маріи-Терезіи, заключавшій въ себѣ строжайшее воспрещеніе „заманивать людей ѣхать въ чужіе краи“, касается Россіи и, быть можетъ, вызванъ именно дѣломъ Делакроа[1]). При этомъ Воронцовъ заявлялъ, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ отъ правительства „новыхъ.... по сему дѣлу наставленій и повелѣній“. Въ отвѣтъ но это заявленіе Н. И. Панинъ сдѣлалъ на реляціи Воронцова слѣдующій „ремаркъ“: „Другихъ наставленій придумать невозможно, какъ развѣ то, чтобъ, по изгнаніи его изъ Нидерландовъ, дать ему нѣкоторое пристойное по обстоятельствамъ покровительство за претерпѣнное бѣдствіе, которому онъ себя подвергалъ“[2]).

Особенно энергично повело борьбу съ русскими вербовщиками французское правительство. Со времени отмѣны Нантскаго эдикта (1685 г.) французскіе эмигранты дѣлаются желанными гостями въ европейскихъ государствахъ[3]) и ихъ колоніяхъ: цѣня способности, трудолюбіе и присущее французской націи чувство изящнаго, различныя европейскія правительства чрезъ наемныхъ агентовъ стараются переманивать къ себѣ французскихъ подданныхъ. Французское правительство съ своей стороны мѣрами репрессіи старается пресѣчь эмиграцію, карая заключеніемъ въ Бастиліи вербовщиковъ и вербуемыхъ, дабы „сохранить для арміи ея солдатъ, для земли ея воздѣлывателей, для мануфактуръ ихъ работниковъ, для театровъ ихъ актеровъ“.

Колонизаціонныя мѣропріятія Екатерины II какъ разъ совпали съ тѣмъ критическимъ моментомъ въ исторіи французской колоніальной имперіи, когда по Парижскому миру (1763 г.)

---

[1]) Манифестъ Маріи Терезіи былъ изданъ раньше—16 Ноября 1763 года.

[2]) Процессъ Делакроа „въ пользу его окончился“.—Экстрактъ изъ цидулы полномочнаго министра гр. Воронцова изъ Гаги отъ 4/15 іюня 1764 года („о колонистахъ“).

[3]) О томъ, какъ отнеслось къ этому факту современное ему Московское правительство, см. изданные проф. Д. В. Цвѣтаевымъ „Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи“, ч. I-я, стр. 104—106: „Переговоры прусскаго посла Іоанна Рейера Чаплича съ русскимъ правительствомъ о безпрепятственномъ пріемѣ въ Россію бѣжавшихъ изъ Франціи гугенотовъ“. Данная Чапличу, какъ результатъ этихъ переговоровъ, грамота напечатана въ „Полномъ Собраніи Законовъ“, III, № 1331, „Собраніи Госуд. Грамотъ и Договоровъ“, IV, № 195, и проф. Мартенсомъ въ „Собраніи Трактатовъ и Конвенцій“, V, № 179.

была утрачена значительная ея часть (потеря Канады), и избытку французскаго населенія естественно приходилось искать мѣстъ для водворенія въ чужихъ государствахъ. Сознавая это, французское правительство усилило свою бдительность.

20/31 мая 1765-го года министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ де-Прасленъ (Praslin), адресовалъ изъ Версаля лейтенанту полиціи Сартину слѣдующее отношеніе:

„Я усматриваю, Monsieur, изъ вашего письма, коимъ вы меня почтили отъ 27-го числа сего мѣсяца, что за неполученіемъ 40.000 франковъ, которые князь Голицынъ [1]) долженъ былъ заплатить господамъ Перрье, эти два брата отказались отъ проекта сдѣлать здѣсь новые наборы для Россіи; но письма, которыя я только что получилъ изъ Петербурга, сообщаютъ о прибытіи нѣсколькихъ личностей, за поведеніемъ которыхъ не мѣшаетъ имѣть наблюденіе...

Здѣсь въ Парижѣ долженъ теперь находиться нѣкій господинъ Рапенъ, который служилъ въ войскахъ короля и въ настоящее время выдаетъ себя за прусскаго полковника. Этотъ человѣкъ отправилъ нѣсколькихъ колонистовъ въ Россію въ теченіе прошлаго года; и онъ старается повторить тѣ-же самыя дѣйствія.

Еще мнѣ пишутъ, что нѣкто по прозванію Бусероль, протестантъ, должно быть выѣхалъ изъ Петербурга въ концѣ прошлаго мѣсяца въ Севенны и Лангедокъ для вербовки семействъ, предназначенныхъ къ основанію плантацій тутовыхъ деревьевъ и шелковичныхъ червей (sic) въ южныхъ частяхъ Россіи. Если этотъ человѣкъ проѣдетъ чрезъ Парижъ, то, я думаю, было-бы хорошо знать объ этомъ, чтобы имѣть возможность слѣдить за его путешествіемъ и устроить наблюденіе за его поведеніемъ въ провинціяхъ, куда онъ отправится“.

Изъ всѣхъ названныхъ въ этомъ документѣ лицъ только одинъ Рапенъ обратилъ на себя серьезное вниманіе французской полиціи. Замѣтивъ, что за нимъ слѣдятъ, онъ покинулъ Парижъ и благополучно перебрался черезъ французскую границу. Тогда одинъ изъ наиболѣе ловкихъ сыщиковъ Сартина—Бюго чрезъ посредство нѣкоего „благонадежнаго человѣка“ вступилъ съ Рапеномъ въ переписку, предложивъ ему вербовку солдатъ для Испаніи. Рапенъ принялъ эту уловку за чистую монету и оказался въ рукахъ у Бюго, который ждалъ лишь предписанія своего начальства, чтобы схватить одураченнаго вербовщика.

---

[1]) Русскій посолъ въ Парижѣ.

Тѣмъ временемъ борьба съ вербовщиками французскихъ подданныхъ перешла отъ министра иностранныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе военнаго департамента, которымъ управлялъ герцогъ Шуазёль. Посвященный Сартиномъ въ дѣло Рапена, Шуазёль считалъ необходимымъ поскорѣе арестовать опаснаго вербовщика.

„Я получилъ, Monsieur, письмо", писалъ онъ Сартину изъ Фонтенебло отъ 6-го октября 1765 года (нов. ст.), „которымъ вы меня почтили 1-го числа сего мѣсяца по поводу полковника Рапена. Уже давно я считаю его опаснымъ субъектомъ. Если вы можете его захватить, то чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; это значитъ даже оказать существенную услугу королевскимъ войскамъ, которыя онъ старался сманивать во время мира, какъ (и) во время войны".

Сартинъ однако не спѣшилъ съ арестомъ Рапена, дожидаясь болѣе положительныхъ предписаній, и Шуазёль вынужденъ былъ снова писать ему, „что король одобрилъ, чтобы завлекли полковника Рапена на французскую территорію, дабы его здѣсь арестовать".

Это предписаніе было исполнено въ точности, и Рапенъ, вмѣстѣ съ двумя своими собщниками, жителями Вердена, былъ посаженъ въ Бастилію, гдѣ просидѣлъ болѣе года. Отсюда онъ былъ переведенъ „на остатокъ дней своихъ" въ Венсенскую башню, причемъ Шуазёль приказалъ коменданту устроить бдительный надзоръ за плѣнникомъ. Желая избѣгнуть подобной же участи, одинъ изъ соучастниковъ Рапена лишилъ себя жизни, смертельно ранивъ предварительно одного изъ тюремщиковъ. Сентъ-Флорентенъ, министръ королевскаго двора, приказалъ тотчасъ-же „потушить дѣло".

Въ томъ-же 1765-мъ году, когда арестованъ былъ Рапенъ, французская полиція обратила вниманіе на Коста де-Сабревиль, какъ на одного изъ самыхъ дѣятельныхъ вербовщиковъ французскихъ подданныхъ, а въ слѣдующемъ 1766-мъ году, въ одну изъ поѣздокъ въ Парижъ, онъ былъ схваченъ и посаженъ въ Бастилію, откуда 15 ноября 1767 года переведенъ былъ въ Бисетръ.

Вслѣдъ за арестомъ Коста де-Сабревиль послѣдовалъ арестъ другого вербовщика — Рольвагена, который былъ заподозрѣнъ въ распространеніи въ Эльзасѣ рекламъ относительно русскихъ колоній. 11-го сентября 1766-го года, вмѣстѣ съ нѣкіимъ Дюбуа, секретаремъ генералъ-лейтенанта маркиза Дове, онъ былъ арестованъ въ Страсбургѣ, гдѣ у него былъ братъ, лютеранскій пасторъ. Со всѣми ихъ бумагами Рольвагенъ и Дюбуа были

отправлены въ Парижъ и заключены въ Бастилію. Здѣсь изъ разсмотрѣнія бумагъ Рольвагена выяснилось, что онъ отправлялъ въ Россію лишь подданныхъ различныхъ германскихъ государей, отнюдь не сманивая подданныхъ французскаго короля, и что упоминаемые въ спискахъ отправленныхъ имъ колонистовъ французы по большей части—бродяги, покинувшіе свое отечество. Тѣмъ не менѣе Рольвагенъ былъ выпущенъ изъ Бастиліи только 12-го августа 1769-го года и, слѣдовательно, безъ всякой вины высидѣлъ въ ней почти три года" [1]).

Пресѣкая дѣятельность вербовщиковъ въ предѣлахъ Франціи, французское правительство въ то-же время чрезъ своихъ представителей при Петербургскомъ Дворѣ старалось оказать содѣйствіе къ возвращенію въ отечество тѣмъ изъ колонистовъ французскаго происхожденія, которые изъявляли на это свое желаніе. Въ 1764-мъ году французскій повѣренный въ дѣлахъ Беранже далъ у себя пріютъ двумъ французамъ—Баптисту Детеру и Франсуа Жирардо, бѣжавшимъ изъ колоній Менье де-Прекура, а въ 1765-мъ году самъ французскій посланникъ де-Боссетъ принялъ къ себѣ бѣглаго изъ тѣхъ-же колоній француза Квисака и намѣревался отправить его во Францію въ качествѣ курьера. Поведеніе французскихъ дипломатическихъ агентовъ естественно вызывало неудовольствіе русскаго правительства. При личномъ свиданіи вице-канцлеръ князь Голицынъ выговаривалъ Беранже „въ сильныхъ терминахъ", „что онъ уже не впервые мѣшается въ непринадлежащія ему дѣла, и чтобъ онъ отъ того воздержался, ибо дожность его не въ томъ состоитъ, чтобъ разбирать здѣсь дѣла французскихъ уроженцевъ, находящихся въ здѣшней службѣ, но въ томъ, чтобъ престерегать вообще интересы своего Двора".

Дипломатическая переписка, возникавшая въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно оканчивалась тѣмъ, что русское правительство соглашалось отпустить колонистовъ—французовъ, если уплочены будутъ издержанныя на нихъ деньги [2]).

Противодѣйствіе колонизаціоннымъ мѣропріятіямъ русскаго правительства сказалось, наконецъ, и въ самой Германіи, глав-

---

[1]) „Une colonie franco russe au XVIII-e siècle".

[2]) Московъ. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: Промеморія изъ канцеляріи опекунства иностранныхъ въ коллегію ин. д. отъ 22 октября 1764 г.; Note pour M-r de Béranger, chargé d'affaire de sa m-té le roi de France 8 nov. 1764; Переводъ съ ноты, поданной... Беранжеромъ въ 10 день ноября 1764 г.; (Записка) для всевысочайшаго ея и-го в-ва извѣстія; Mémoire en réponse à celui qu'ont présenté les nommés Baptiste du Terre dit Flammand et François Girardot; Промеморія изъ канцеляріи опек. ин. въ коллегію ин. д. отъ 15 декабря 1765 г.; Нота французскому полномочному министру де-Боссету отъ 30 января 1766 г.

ной поставщицѣ колонистовъ не только для Россіи, но и для другихъ странъ. Помимо иныхъ причинъ общаго характера, оно обусловливалось здѣсь между прочимъ, какъ выше было упомянуто, интригами Вѣнскаго Двора.

Когда вызыватели Питетъ и Леруа начали свои операціи въ южной Германіи, и число эмигрантовъ оттуда сразу возрасло до значительныхъ размѣровъ, Симолинъ исходатайствовалъ у Регенсбургскаго магистрата позволеніе помѣщать ихъ, впредь до отправленія далѣе, „въ нѣкоторомъ просторномъ публичномъ городскомъ строеніи". Но вскорѣ это позволеніе было взято назадъ. Магистратъ чрезъ особую депутацію заявилъ Симолину, что Регенсбургъ „по многимъ причинамъ и сумнительствамъ" не можетъ быть мѣстомъ собранія россійскихъ колонистовъ, „что здѣсь, какъ извѣстно, находится общее имперское собраніе" и, помимо колонистовъ, съѣзжается множество иностранцевъ, скопленіе же народа, „сверхъ всякихъ другихъ неудобностей", легко можетъ вызвать „моръ и заразительныя болѣзни". Самое позволеніе свое магистратъ истолковалъ въ томъ смыслѣ, что упомянутое городское „строеніе" было предоставлено не для долговременнаго пребыванія колонистовъ, а лишь для ихъ отдыха при проходѣ черезъ городъ, и теперь просилъ немедленно отправить далѣе собранныхъ въ Регенсбургѣ эмигрантовъ. При этомъ Симолину частнымъ образомъ дано было понять, „что магистратъ къ симъ мѣрамъ приступилъ противъ своей воли" и въ угоду пребывающимъ въ Регенсбургѣ министрамъ императора и императрицы-королевы (Маріи Терезіи). Въ усиленныхъ наборахъ колонистовъ для Россіи названные министры видѣли помѣху для колонизаціи нѣмцами Венгріи, куда обычно совершались ихъ переселенія изъ Швабіи по Дунаю.

Считая городъ Амгофъ, принадлежавшій Баварскому курфиршеству и сосѣдній съ Регенсбургомъ, столь-же удобнымъ сборнымъ пунктомъ для колонистовъ, какъ и этотъ послѣдній, Симолинъ обратился къ своему коллегѣ, баварскому послу, съ просьбой о позволеніи русскимъ колонистамъ „за справедливую наличными деньгами плату" имѣть въ Амгофѣ квартиры и продовольствіе и проживать тамъ до тѣхъ поръ, „пока довольное число ихъ для отвезенія далѣе наберется". На просьбу Симолина помянутый посолъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, мотивируя его трудностію найти въ означенномъ городѣ мѣсто для помѣщенія большого числа иностранцевъ, необходимостью обращаться въ этомъ случаѣ за разрѣшеніемъ къ Мюнхенскому Двору и, наконецъ, неблагопріятнымъ впечатлѣніемъ, которое произведетъ

„такое снисхожденіе“ на пребывающихъ въ Регенсбургѣ министровъ Маріи Терезіи, вызвавъ у нихъ „ревнованіе и негодованіе“.

Ульмскій магистратъ также не обнаружилъ склонности удовлетворить просьбу Симолина о предоставленія въ Ульмѣ помѣщенія и продовольствія россійскимъ колонистамъ[1]), набираемымъ коммиссіонеромъ Репертусомъ[2]). Симолину данъ былъ уклончивый отвѣтъ, что, по существующимъ въ Швабскомъ округѣ узаконеніямъ, магистратъ долженъ предварительно снестись съ императорскимъ посломъ при означенномъ округѣ, барономъ Видманомъ, тѣмъ болѣе, что „собиравшіеся въ Ульмѣ переселенцы по большей части изъ переднихъ австрійскихъ земель выходятъ и не намѣрены въ Венгрію иттить, и что, слѣдовательно, наборъ оныхъ для россійскихъ поселеней интересу императрицы-королевы предосудителенъ“. Баронъ Видманъ въ это время находился въ Вѣнѣ и, слѣдовательно, опредѣленный отвѣтъ на просьбу Симолина откладывался на болѣе или менѣе продолжительное время[3]).

Симолинъ обратился тогда съ просьбой одновременно къ двумъ мелкимъ владѣтельнымъ германскимъ князьямъ: къ князю ангальтъ-цербстскому — о предоставленіи колонистамъ города Косвика при рѣкѣ Эльбѣ въ качествѣ сборнаго пункта, и къ графу Рейссу о представленіи для той-же надобности города Геры. Князь ангальтъ-цербстскій охотно согласился исполнить просьбу Симолина, признавъ лишь наиболѣе подходящимъ для предназначенной цѣли не Косвикъ, а городъ Рослау, лежащій также при рѣкѣ Эльбѣ. Графъ же Рейссъ напрямикъ отказалъ Симолину въ его домогательствѣ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что „городъ Гера не великъ, а обывателей въ немъ весьма многое число, такъ-что не токмо едва есть достатокъ въ квартирахъ, отдаваемыхъ въ наемъ, но и часто бываетъ и то, что не достаетъ пищи для удовольствованія обывателей, почему, когда тамо народу прибудетъ, неотмѣнно и дороговизна воспослѣдовать имѣетъ“[4]).

Среди этихъ затрудненій у Симолина и явилась мысль объ учрежденіи „коронныхъ“ комиссаровъ или агентовъ для колонистскаго дѣла въ городахъ Ульмѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ, вскорѣ получившая осуществленіе.

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Переводъ съ реляціи министра Симолина изъ Регенсбурга отъ 5/16 мая 1765-го года.

[2]) Репертусъ набиралъ колонистовъ по порученію вызывателей — Питета и Леруа.

[3]) Тамъ-же: Переводъ съ реляціи Симолина изъ Регенсбурга отъ 23 мая/3 іюня 1765 г.

[4]) Тамъ-же.

Тѣмъ временемъ Ульмскій магистратъ измѣнилъ свое отношеніе къ вербовкѣ колонистовъ для Россіи и уже ничего не имѣлъ противъ устройства въ Ульмѣ сборнаго пункта для нихъ подъ условіемъ наличной платы за квартиру и за пищу и „пока откуда жалобы о томъ не послѣдуетъ“[1]). „Легитимація“ Мейкснера не встрѣтила по этому въ Ульмѣ никакихъ затрудненій.

Совершенно иначе сложились обстоятельства для коммиссара Фаціуса во Франкфуртѣ на Майнѣ. Данное ему Симолинымъ „вѣрющее письмо“ тамошній магистратъ призналъ недостаточнымъ и потребовалъ представленія кредитивной грамоты непосредственно отъ Петербургскаго Двора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, „до дѣйствительной отъ Двора легитимаціи“, магистратъ воспретилъ Фаціусу жить въ нанятой имъ заблаговременно квартирѣ, желая принудить его, „чтобъ онъ свое пребываніе имѣлъ въ публичномъ трактирѣ, гдѣ онъ великія деньги проживать принужденъ“[2]) былъ.

Поведенія магистрата вызвало „наисильнѣйшія представленія“ со стороны Симолина.

Въ своемъ письмѣ къ магистрату (отъ 4-го ноября 1765 года), упомянувъ предварительно, что назначеніе Фаціуса коммиссаромъ состоялось по именному повеленію императрицы, Симолинъ писалъ:

„Вы же уповательно сомнѣваться или не согласоваться не будете, чтобъ по праву и обычаю народовъ вольное государство не имѣло совершеннаго права дать своимъ министрамъ и посланникамъ такой власти, въ силу которой могли-бъ они, для управленія дѣлъ высочайшихъ государей своихъ, опредѣлять также при прочихъ государствахъ, республикахъ и обществахъ публичныхъ особъ: сія высокая власть, происходящая отъ государскаго и посольскаго права, не можетъ никому быть безъизвѣстна“. Это положеніе Симолинъ доказывалъ ссылками на исторію и современную практику.

Когда Испанія владѣла Нидерландами, тамошніе ея губернаторы всегда имѣли полномочіе назначать посланниковъ при чужестранныхъ дворахъ, а были случаи, что они отправляли и самихъ пословъ на мирные конгрессы „и по причинѣ иныхъ торжественныхъ негоціацій“, не говоря уже „о ихъ посланникахъ второго и третьяго ранга, коихъ публичный характеръ всѣми признанъ и почитаемъ былъ“.

Какъ на ближайшій примѣръ примѣненія тѣхъ-же началъ посольскаго права и въ современной ему практикѣ, Симолинъ

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: реляція Симолина отъ 11/22 іюля 1765 г.
[2]) Тамъ-же: реляція Симолина отъ 24 октября/4 ноября 1765 г.

указывалъ на такъ называемую „potestas substituendi“, т. е. на право передавать свои полномочія другимъ лицамъ, каковымъ правомъ всѣ курфюрсты, князья и имперскіе чины Германіи снабжаютъ своихъ сеймовыхъ посланниковъ и полномочныхъ министровъ. И если уполномоченный города Франкфурта при имперскомъ собраніи въ Регенсбургѣ, какъ того должно ожидать, также снабженъ этимъ правомъ, то, безъ сомнѣнія, самъ Франкфуртскій магистратъ не сталъ-бы равнодушно относиться къ попыткамъ съ чьей-бы то ни было стороны препятствовать его посланнику пользоваться своимъ субституціоннымъ правомъ.

Наконецъ, въ городахъ Любекѣ и Ульмѣ уже находятся россійскіе императорскіе коммиссары, аккредитованные русскимъ посланникомъ въ Гамбургѣ и имъ, Симолинымъ, и ихъ признаніе тамъ не встрѣтило ни малѣйшаго затрудненія.

Выразивъ надежду, что и Франкфуртскій магистратъ въ данномъ случаѣ поступитъ не иначе, Симолинъ просилъ послѣдній, впредь до полученія резолюціи Петербургскаго Двора относительно возникшаго недоразумѣнія, дозволить Фаціусу переѣхать въ нанятый имъ домъ и отправлять порученную ему должность.

Свои „наисильнѣйшія представленія“ Франкфуртскому магистрату Симолинъ заключилъ слѣдующими словами:

„А какъ впрочемъ при всѣхъ великихъ дворахъ такъ, какъ и при моемъ, введено обыкновеніе, что никакой, по дѣламъ двора отправленной подчиненной, какъ, напримѣръ, повѣренный въ дѣлахъ, секретарь посольства, комисаръ или агентъ не акредитуется собственноручно отъ государя подписанною грамотою, но уполномочиваніе на то дается ему письмомъ отъ высочайшаго министерства, то уповательно и вы болѣе требовать не будете“ [1]).

Опасаясь однако, что магистратъ не удовлетворится „грамотою отъ министерства“, Симолинъ реляціей (отъ того-же 4-го ноября н. ст.) просилъ свое правительство снабдить его на всякій случай и грамотой отъ имени императрицы. Опасенія его оправдались. Ссылаясь на прежніе обычаи и на примѣръ французскаго и польскаго королей, которые аккредитовали своихъ агентовъ во Франкфуртѣ грамотами непосредственно отъ своего имени, магистратъ настаивалъ на снабженіи Фаціуса таковой-же грамотой, и при этомъ требовалъ, чтобы въ ней точно обозначенъ былъ „предметъ коммиссарской должности“, такъ-какъ, „если поручено ему будетъ набирать и выписывать германцевъ въ ко-

---

[1]) Тамъ-же: Копія съ письма къ магистрату во Франкфуртѣ на Мейнѣ изъ Регенсбурга отъ 4 ноября 1765 года.

лонисты", то предварительно нужно будетъ, въ силу существующихъ въ имперіи законовъ, заручиться для этого разрѣшеніемъ „его римскаго императорскаго величества". [1]).

„Da liegt der Hund begraben"! Требованіе магистратомъ кредитива непосредственно отъ императрицы, а равно особаго разрѣшенія отъ Римскаго императора на вербовку колонистовъ, было ни больше ни меньше, какъ придиркой, средствомъ отвязаться отъ коммиссара, пребываніе котораго во Франкфуртѣ не могло быть пріятнымъ Вѣнскому Двору. Представители этого Двора на послѣднемъ избирательномъ сеймѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ, „богемскіе министры съ ихъ креатурами и сообщниками", предложили даже внести въ императорскую капитуляцію статью о воспрещеніи нѣмцамъ эмигрировать за море, но встрѣтили сильный отпоръ со стороны ганноверскихъ министровъ, представителей британскихъ интересовъ, такъ-какъ принятіе этой статьи лишило-бы Англію возможности заселять свои колоніи нѣмцами. [2]).

Такимъ образомъ спеціальнаго закона противъ эмиграціи не было издано, ссылка-же Франкфутскаго магистрата на существующіе въ имперіи законы имѣла въ виду статью 4-ую, § 14-ый послѣдней имераторской капитуляцію, гдѣ говорилось, „что чужестраннымъ государямъ хотя по временамъ (zu Zeiten) въ имперіи позволяется производить свои вербовки.., но императоръ

---

[1]) Тамъ-же: „Копія съ отвѣтнаго письма отъ бургомистровъ и ратмановъ города Франкфурта отъ 28-го ноября 1765-го года.

[2]) Въ своемъ письмѣ къ русскому послу въ Вѣнѣ кн. Голицыну отъ 4/15 апрѣля 1766 г. Симолинъ сообщаетъ объ этомъ фактѣ слѣдующія подробности:

„Богемскіе министры съ ихъ креатурами и сообщниками предложили во время составленія императорской капитуляціи статью, которая долженствовала-бы быть закономъ въ имперіи, что всякія переселенія нѣмцевъ за море должны быть строго воспрещены.

Такъ-какъ это воспрещеніе не стѣснило-бы ни императрицы королевы отправлять въ Венгрію столько колонистовъ, сколько-бы она ни пожелала, ни короля прусскаго — собирать ихъ для своихъ владѣній, то министры ганноверскіе безъ труда поняли, что названная статья можетъ имѣть въ виду только короля великобританскаго и британскую націю: господа Бушъ и Геммингенъ самымъ оживленнымъ образомъ противились этому, утверждая, что эмиграція не можетъ-быть воспрещена нѣмцамъ, рожденнымъ свободными, что законы самой имперіи клонились къ тому, чтобы нѣмцы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они жили, уплативъ подать, называемую по-нѣмецки Nachsteuer, могли покидать свое жилище и переселяться со своимъ имуществомъ, куда заблагоразсудится.

Такъ-какъ австрійскіе министры настаивали, не смотря на возраженія противъ этой статьи, то ганноверскіе министры отказывались вступать болѣе въ пренія относительно какой вы то ни было другой статьи капитуляціи и угрожали сейчасъ-же покинуть сеймъ, для чего они уже сдѣлали распоряженія въ своихъ отеляхъ. Г-нъ Борье, богемскій министръ, упротребилъ всю почь на то, чтобы предупредить этотъ скандалъ и отвратить ихъ отъ исполненія своей угрозы, и онъ въ этомъ успѣлъ, только совершенно отказавшись отъ этой статьи".—См. приложеніе № 18.

долженъ... внимательнѣйшимъ образомъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы имперія не имѣла недостатка въ солдатахъ“ [1]); но въ данномъ постановленіи идетъ рѣчь не о наборахъ колонистовъ, а о военныхъ вербовкахъ: для производства первыхъ никакого разрѣшенія императора не требовалось.

Потерпѣвъ неудачу въ попыткахъ воспретить эмиграцію положительнымъ закономъ, Вѣнскій Дворъ старался воздѣйствовать на мелкія правительства Германіи въ направленіи враждебномъ эмиграціи, чего онъ могъ достигнуть съ тѣмъ бо́льшею легкостью, что въ значительной части Германіи уже проявлялось сильное недовольство русскими наборами.

Видя источникъ затрудненій для русскихъ колонизаціонныхъ мѣропріятій исключительно въ политикѣ Вѣнскаго Двора, Симолинъ находилъ нужнымъ, чтобы русское правительство дало своему послу въ Вѣнѣ соотвѣтствующія инструкціи „объ исходатайствованіи римскаго императорскаго рескрипта къ франкфуртскому магистрату въ разсужденіи колонистскаго дѣла“. Наше правительство находило однако такое обращеніе къ Вѣнскому Двору дѣломъ щекотливымъ, и мнѣніе Симолина вызвало слѣдующую резолюцію“:

„И мыслить невозможно, да и конечно нѣтъ такова примѣра, чтобъ государь уполномочивалъ своихъ подданныхъ и васаловъ множествомъ переселяться“. [2]).

Между тѣмъ Франкфуртскій магистратъ далъ коммиссару Фаціусу трехмѣсячный срокъ для представленія кредитивной грамоты, дозволивъ ему въ теченіе этого времени жить въ „партикулярномъ“ домѣ, а не въ „публичномъ трактирѣ“. Не смотря на эту льготу, отношенія магистрата къ Фаціусу носили печать „непріятливости и несклонности... противу набиранія колонистовъ“. Избранные на 1766 годъ новые бургомистры не замедлили предупредить русскаго коммиссара, что по истеченіи трехмѣсячнаго срока онъ обязанъ будетъ поселиться „равно съ прочими чужестранными въ публичномъ постояломъ домѣ“, „не дѣлая при томъ никакого набиранія и принятія колонистовъ“, если помимо представленія грамоты за собственноручной подписью императрицы, „не воспослѣдуетъ еще дозволенія отъ „Римскаго императора

---

[1]) „Dass denen Fremden Potentaten je zu Zeiten im Reiche ihre Werbungen anzustellen wohl verstattet werde... der Kaiser solle und wolle... nur zuförderst dahin sehen, dass das Reich der Mannschaft nicht entblösset werde“.

[2]) Москов. Гл. Архивъ Мин. Ин. Д.: Переводъ съ реляціи министра Симолина изъ Регенбурга отъ 24/ноября 5 декабря, полученной 18 декабря 1765 года („О колонистахъ“).

и Верхняго Рейнскаго округа, чтобъ въ тамошнихъ околичностяхъ колонистовъ для Россіи набрать". Такимъ образомъ къ прежнимъ своимъ требованіямъ магистратъ присоединилъ новое—представить разрѣшеніе на наборъ колонистовъ отъ князей Верхне-Рейнскаго округа имперіи, помимо разрѣшенія отъ императора.

2/13 февраля 1766-го года истекъ данный магистратомъ Фаціусу трехмѣсячный срокъ. По этому поводу Симолинъ въ своей реляціи (отъ 6/17 февраля того-же года) писалъ императрицѣ слѣдующее:

„А какъ отъ вашего императорскаго величества понынѣ никакого наставленія по дѣлу акредитованія помянутаго комисара мною въ полученіи еще не было, то оной комисаръ о томъ франкфуртскому магистрату промеморіею знать далъ, съ тѣмъ, что я *высочайшее* вашего императорскаго величества *повелѣніе или резолюцію объ акредитованіи его тамо съ каждою почтою ожидаю*, почему и просилъ онъ не токмо о продолженіи срока, назначеннаго ему для жительства въ имѣющейся по сіе время въ городѣ квартерѣ, но чтобъ и за городомъ въ какой-нибудь деревнѣ одинъ постоялой домъ для съѣзду и маловременнаго ночлегу нѣкоторымъ въ Россію отправляющимся колонистамъ занять дозволено было; на что ему съ стороны магистрата просто и на словахъ объявлено, что хотя онъ надлежащее о себѣ уполномочиваніе и получитъ, однакожъ собираніе колонистовъ имперскимъ законамъ столь противно, что магистратъ не можетъ, безъ опасенія у его величества Римскаго императора подвергнуть себя отвѣту, о такомъ дѣлѣ утаить, и что магистратъ потому надѣется, что онъ комиссаръ чрезъ мѣсяцъ иное мѣсто для своего пребыванія себѣ изберетъ... Помянутой магистратъ Франкфуртской подъ рукою у комиссара Фаціуса о такомъ своемъ непріятномъ объявленіи извинялся тѣмъ, что неотступные домогательства курфирста Майнцскаго и ландграфа Гессенъ-Дармштатскаго, коимъ такое собираніе для Россіи колонистовъ противно, суть причиною, что оный магистратъ на то необходимо поступить принужденъ былъ" [1]).

Послѣ этого сообщенія русское правительство еще менѣе было склонно снабжать Фаціуса кредитивной грамотой, и на реляціи Симолина Н. И. Панинъ сдѣлалъ слѣдующій „ремаркъ [2]): „Не компрометируя достоинства, отнюдь акредитировать невоз-

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Переводъ съ реляціи министра Симолина изъ Регенсбурга отъ 6/17 февраля, полученной въ 1 день марта 1766-го года.

[2]) „Ремаркъ" сдѣланъ на нѣмецкомъ оригиналѣ реляціи.

можно, потому что противъ власти имперской намъ сопротивляться нѣтъ способовъ; о томъ отъ меня давно къ Симолину писано“ [1]).

Тѣмъ временемъ Франкфуртскій магистратъ чрезъ бургомистра заявилъ Фаціусу, что дальнѣйшее пребываніе въ городѣ ему воспрещается даже и въ томъ случаѣ, если русскій Дворъ снабдитъ его надлежащимъ кредитивомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ городскія власти стали дѣлать нашему коммиссару разныя придирки и непріятности. „Худые поступки Франкфуртскаго магистрата съ комисаромъ Фаціусомъ“, писалъ Симолинъ вице-канцлеру кн. Голицыну, „ежедневно умножаются и до совершенства доходятъ. Онъ почти болѣе не скрываетъ, что побуждаетъ къ тому Вѣнской Дворъ, которому, кажется, противны селенія, кои ея и—ое в—во изволитъ чинить для благополучія своей имперіи“ [2]).

Одновременно и въ г. Ульмѣ ухудшились отношенія мѣстныхъ городскихъ властей къ коммиссару Мейкснеру, прежде чѣмъ послѣдній успѣлъ завербовать хотя одного колониста.

Наиболѣе легкимъ выходомъ изъ складывавшихся такимъ образомъ неблагопріятныхъ условій для набора колонистовъ Симолинъ считалъ непосредственное воздѣйствіе русскаго правительства на Вѣнскій Дворъ.

„... Не лучше-ли будетъ“, писалъ онъ въ реляціи отъ 9/20 февраля, „при Вѣнскомъ Дворѣ наискорѣе исходатайствовать, чтобъ Римско-императорскіе въ... имперскихъ округахъ министры по дѣлу набранія здѣсь колонистовъ лучше инструированы, да и императорскіе къ магистратамъ въ Ульмѣ и въ Франкфуртѣ при Майнѣ рескрипты о томъ-же исходатайствованы были“. Но это предложеніе Симолина вызвало резолюцію: „Сего требовать невозможно и непристойно“ [3]).

Въ рядѣ резолюцій и „ремарокъ“ на представленіяхъ Симолина ясно выразилась та точка зрѣнія русскаго правительства, что дѣлать наборы колонистовъ предметомъ дипломатическихъ переговоровъ является дѣломъ неумѣстнымъ. Раздѣляя общія популяціонистскія воззрѣнія времени, что увеличеніе населенія всевозможными способами, между прочимъ и путемъ иммиграціи, является одной изъ главнѣйшихъ задачъ разумной политики, русское правительство не считало возможнымъ требовать противо-

---

[1]) Съ послѣдними словами „ремарка“ Панина любопытно сопоставить заявленіе Симолина въ цитированной реляціи, что императрица „еще не соизволили“ объ аккредитованіи Фаціуса „ничего опредѣлить“.

[2]) Москов. Гл. Архивъ Мин. Ин. Д.: Переводъ экстрактомъ съ письма къ его сіятельству вице-канцлеру отъ министра Симолина изъ Регенсбурга отъ 9/20 февраля 1766 г.

[3]) Тамъ-же: Переводъ съ реляціи министра Симолина изъ Регенсбурга отъ 9/20 февраля 1766 года.

положнаго образа дѣйствій отъ иностранныхъ державъ; но въ то-же время оно не спѣшило ознакомить Симолина со своими взглядами на этотъ предметъ: резолюціи и „ремарки“ на реляціяхъ клались своевременно, но Симолину, повидимому, оставались неизвѣстными.

Настойчиво ходатайствуя предъ своимъ правительствомъ о воздѣйствіи на Вѣнскій Дворъ въ пользу „колонистскаго дѣла“, Симолинъ въ то-же время благоразумно посовѣтовалъ коммиссару Фаціусу „заблаговременно, въ тихости“ пріискать для своего пребыванія какое-либо другое мѣсто близь Франкфурта, „и естли ему то въ областяхъ графа Сольмсъ-Редельгеймскаго или Ганаускаго учинить нельзя будетъ, то-бъ избралъ къ сему имперской городъ Фридбергъ“. „По многимъ стараніямъ“ Фаціусу въ концѣ концовъ удалось пріискать себѣ подходящее мѣсто при городѣ Бюдингенѣ, столицѣ Изенбургскаго графства, гдѣ „за справедливую цѣну“ можно было получать необходимые для колонистовъ съѣстные припасы, а также дрова и солому. Мѣстное графское правительство обѣщалось при этомъ „чинить“ Фаціусу „всякое вспоможеніе“. Выборъ Фаціуса былъ одобренъ Симолинымъ, а потомъ вице-канцлеромъ княземъ Голицынымъ, который въ письмѣ къ Симолину совѣтовалъ побудить Фаціуса немедленно-же воспользоваться позволеніемъ графа Изенбургъ-Бюдингенскаго и переѣхать изъ Франкфурта въ Бюдингенъ, что тотъ и поспѣшилъ исполнить. Въ реляціи отъ 23 февраля / 6 марта 1766 г. Симолинъ уже доносилъ: „Коммиссаръ Фаціусъ, переѣхавъ нынѣ изъ Франкфурта въ Будингенъ, не можетъ довольно нахвалиться тою доброхотностію и ласковостію, которыя отъ тамошней графской фамиліи, по рекомендательному моему письму, какъ партикулярно, такъ и по дѣлу переселенцовъ ему оказывается.

„Для помѣщенія переведенцовъ (колонистовъ) отведенъ ему сверхъ тамошней ратуши еще одинъ пространной публичной домъ, а ежели и тутъ для нихъ тѣсно будетъ, то дано ему позволеніе переселенцовъ ставить въ каждый мѣщанской домъ. Хлѣбникамъ, мясникамъ и пивоварамъ приказано снабдить себя довольными съѣстными припасами и продавать оныя за справедливую цѣну. Притомъ обнародовано, чтобъ переселенцу никто не давалъ ничего въ заемъ, а въ противномъ случаѣ жалоба его не будетъ принята. Самъ владѣющей графъ Изенбургъ-Будингенскій изъяснился помянутому коммиссару, что ежели найдетъ онъ какое затрудeніе, то бы прямо адресовался къ нему“. 25 февраля / 6 марта 1766 г. Фаціусъ отправилъ изъ Бюдингена въ Любекъ первый транспортъ колонистовъ.

Еще до переѣзда Фаціуса въ Бюдингенъ Симолинъ ставилъ себѣ вопросъ, не станутъ-ли враги русскихъ колонизаціонныхъ мѣропріятій преслѣдовать русскаго коммиссара въ новомъ мѣстѣ жительства, не „погонятся-ли за нимъ еще до сего ретраншамента“ и не „принудятъ-ли помянутаго графа (Изенбургъ Бюдингенскаго) перемѣнить въ разсужденіи сего добрыя его намѣренія?“—„Ни единаго худаго поступка нѣтъ такого,“ нравоучительно заключалъ свои размышленія Симолинъ, „въ которомъ-бы ненависть и зависть вмѣшены не были“ [1]).

Опасенія Симолина оправдались какъ нельзя болѣе скоро. Въ письмѣ къ вице-канцлеру отъ 6/17 марта 1766 г. онъ уже сообщалъ:

„Пребываніе г-на Фаціуса въ Бюдингѣ не уходитъ отъ ненависти и отъ гоненія сосѣднихъ принцовъ, ибо Гановское (Ганауское) правительство отважилось написать къ Бюдингскому правительству письмо весьма дерзостное, въ которомъ употреблены грубые и безразсудные термины въ разсужденіи его Фаціуса комиссіи, называя оную душепродавствомъ, а самого г-на Фаціуса мнимымъ коммиссаромъ или корыстолюбивымъ эмисаромъ и душеподрядчикомъ, прося при томъ не терпѣть его въ Бюдингѣ“ [2]).

Одновременно и отъ Майнцскаго курфюрста было адресовано къ Бюдингенскому правительству письмо такого же содержанія и съ тѣмъ же требованіемъ— не терпѣть Фаціуса въ Бюдингенѣ. Основаніемъ для этихъ требованій послужило нахожденіе въ числѣ принятыхъ Фаціусомъ колонистовъ 25 человѣкъ Ганаускихъ и 22 Майнцскихъ подданныхъ. Этихъ 47 человѣкъ Симолинъ велѣлъ исключить изъ отправляемаго въ Любекъ транспорта колонистовъ, предоставивъ имъ право идти въ Любекъ самостоятельно, „гдѣ имъ такожде по требованіямъ ихъ дорожныя издержки заплачены быть имѣютъ“, Фаціусъ же съ своей стороны далъ обѣщаніе принять къ себѣ для контроля надъ составомъ колонистскихъ транспортовъ уполномоченнаго Бюдингенскаго правительства.

Но и по принятіи этихъ мѣръ Симолинъ, „въ разсужденіи худыхъ впредь слѣдствій“, не счелъ возможнымъ оставить безъ вниманія „ложныя и поносительныя нареканія“ на дѣйствія рус-

---

1) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Переводъ экстрактомъ съ письма къ его сіятельству вице-канцлеру отъ министра Симолина изъ Регенсбурга отъ 9/20 февраля 1766 г.“

2) „Переводъ съ письма къ его сіятельству вице-канцлеру отъ министра Симолина изъ Регенсбурга отъ 6/17 марта 1766 г.“

скаго коммиссара. Въ письмѣ къ графу Ганаускому отъ 6/17 марта онъ жаловался, не упоминая впрочемъ о Ганаускихъ чиновникахъ, что столь достохвальное „учрежденіе“, какъ колонизаціонныя мѣропріятія русской императрицы, „безразсуднымъ и несвѣдующимъ подлымъ народомъ или людьми подло разсуждающими легкомысленнымъ выраженіемъ, т.-е. душепродавствомъ и корыстолюбивымъ торгомъ людей тщетно опорочивается“. Указавъ далѣе, что въ число колонистовъ принимаются люди, не имѣющіе препятствія къ выѣзду со стороны своихъ государей и снабженные надлежащими отпусками со стороны своихъ прежнихъ начальниковъ, Симолинъ просилъ графа нетолько дозволить имъ „невредимый проѣздъ“ чрезъ Ганаускія области, но и оказывать „всякое потребное вспоможеніе“.

Что касается курфюрста Майнцскаго, то его недовѣрчивое и враждебное отношеніе къ русскимъ колонизаціоннымъ мѣропріятіямъ обнаружилось еще раньше: между прочимъ его „неотступными домогательствами“ мотивировалъ Франкфуртскій магистратъ свое требованіе объ удаленіи Фаціуса изъ Франкфурта. Симолинъ тогда же черезъ Майнцскаго посла въ Регенсбургѣ Линкера выразилъ по этому поводу курфюрсту свое удивленіе и неудовольствіе, но послѣдній отрекся на этотъ разъ отъ всякаго участія „въ безразсудномъ поступкѣ Франкфуртскаго магистрата“ и обѣщалъ и на будущее время не тормозить „колонистскаго дѣла“, несмотря на то, что собственнымъ его подданымъ эмиграція воспрещается. Однако своего обѣщанія курфюрстъ не сдержалъ, и Симолину пришлось вторично „сдѣлать примѣчаніе“ Майнцскому послу объ „оной грубости и непристойности“ [1]).

Враждебныя русскимъ наборамъ колонистовъ дѣйствія Майнцскаго курфюрста не ограничились представленіями Бюдингенскому правительству, но выразились также въ жалобахъ, принесенныхъ имъ Вѣнскому Двору, на пребываніе въ Бюдингенѣ русскаго коммиссара.

Извѣстіе объ этихъ жалобахъ, сообщенное Бюдингенскимъ правительствомъ, сильно встревожило и Фаціуса и Симолина. „Коммиссаръ Фаціусъ“, писалъ Симолинъ въ своей реляціи (отъ 13/24 марта 1766 г.,) „сколько возможно поспѣшаетъ отправленіемъ людей изъ Бюдингена, и отсылаетъ одинъ транспортъ по-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Копія съ письма къ его высоко-княжеской свѣтлости наслѣдному принцу Гессенъ-Кассельскому, яко владѣющему графу Ганаускому, изъ Регенсбурга отъ 6/17 марта 1766 года“.

„Переводъ съ реляціи министра Симолина изъ Регенсбурга отъ 9/20 марта, полученной во 2 день апрѣля 1766 года“.

селянъ за другимъ. Онъ опасается, что и тамошнее его пребываніе не долго продолжаться будетъ...., что вскорѣ къ владѣющему графу Изенбургъ-Бюдингскому о томъ нашлется строгой императорской рескритъ...

„Для здѣшняго о поселянахъ дѣла было бы то весьма несчастливое обстоятельство, ежелибъ Бюдингскому коммиссару нельзя бы въ своемъ мѣстѣ остаться. Окромѣ тѣхъ, кои уже тамъ находятся, нѣсколько сотъ бѣдныхъ семей предпріяли путь свой туда, которымъ по распродажѣ всѣхъ ихъ прожитковъ другаго утѣшенія и иной помощи не остается, какъ ѣхать въ Россію. Ежели-бъ они не могли до того достигнуть, и коммиссаръ Фаціусъ былъ бы не въ силахъ за нихъ заступить, то находились бы они въ жалостнѣйшемъ состояніи“ [1]).

Чтобы предупредить грозящую „колонистскому дѣлу“ опасность, Симолинъ, не долго думая, рѣшилъ обратиться непосредственно къ русскому послу въ Вѣнѣ князю Д. М. Голицыну съ просьбой удержать Вѣнскій Дворъ отъ нежелательнаго шага. „Если случиться“, писалъ онъ въ письмѣ къ Голицыну (отъ 11/22 марта 1766 г.), „что откажутъ въ дальнѣйшемъ пребываніи въ Бюдингенѣ нашему коммиссару, по приказу императора и по просьбѣ курфюрста Майнцскаго, то ни одно государство верхне-Рейнскаго и нижне Рейнскаго округовъ (aucun etat du Haut et du Bas-Rhin) не осмѣлится болѣе принимать этого коммиссара, и дѣло колонистовъ или заселенія Россіи потеряетъ тутъ безконечно. Чтобы не дать ему совершенно упасть, необходимо стараться отпарировать этотъ разрушительный ударъ. Я васъ умоляю соблаговолить объ этомъ постараться такимъ манеромъ, какой ваша свѣтлость признаетъ самымъ подходящимъ. Я увѣдомляю свой Дворъ, что обратился къ вашему посредничеству“ [2]). Это увѣдомленіе отправлено было Симолинымъ черезъ два дня (реляція отъ 13/24 марта), и въ немъ онъ между прочимъ выражалъ надежду, что его поступокъ „апробованъ будетъ“ императрицей. Симолину до сихъ поръ оставался неизвѣстнымъ тотъ фактъ, что русское правительство считаетъ неумѣстнымъ дипломатическое вмѣшательство въ пользу „колонистскаго дѣла“. Лишь запоздалый циркуляръ отъ 28-го марта ознакомилъ его съ взглядами правительства на этотъ предметъ.

Въ названномъ циркулярѣ сначала напоминались прежде данныя русскимъ дипломатическимъ агентамъ наставленія, которыми

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ“.
[2]) Тамъ же: Письмо Симолина къ кн. Голицыну отъ 11/22 марта 1766 г. См. приложеніе № 15.

предписывалось въ дѣлѣ набора колонистовъ соображаться съ „попеченіями и обрядами о сохраненіи подданныхъ въ каждомъ мѣстѣ употребляемыми, а не меньше“ наблюдать „состояніе союзныхъ Дворовъ“. Изъ этихъ основныхъ руководящихъ принциповъ русской политики въ колонистскомъ дѣлѣ, по словамъ циркуляра, вытекала невозможность и непристойность не только аккредитованія коммиссаровъ „для единственнаго набранія колонистовъ“, но и всякаго обращенія къ Вѣнскому Двору съ просьбами по этому дѣлу.

„Словомъ сказать“, резюмировалъ циркуляръ взгляды правительства по данному вопросу, „все Наше намѣреніе въ привлеченіи въ Нашу имперію новыхъ жителей никогда далѣе не распространялося, какъ токмо до поспѣшествованія оному Нашими собственными рессурсами, кои Мы на справедливое употребленіе получили изъ руки Господней; отнюдь же не хотимъ въ пользу сего дѣла искать, опровергать или и утѣснять уставы и учрежденія власти посторонныхъ областей, почему Намъ надлежитъ во время той операціи имѣть генеральнымъ правиломъ—пользоваться дозволеннымъ, свободнымъ и возможнымъ, отдавая каждому желающему входить въ оное на собственное его охраненіе его надежность и безопасность, съ помощію вашею токмо въ тѣхъ казусахъ и обстоятельствахъ, гдѣ ни слава, ни достоинство Наши компрометированы быть не могутъ впредь“ [1]).

Но этотъ запоздалый циркуляръ не могъ уже остановить возбужденныхъ Симолинымъ дипломатическихъ переговоровъ и переписки.

По полученіи его письма отъ 11/22 марта, князь Голицынъ поспѣшилъ „образомъ разговора“ объясниться съ имперскимъ вице-канцлеромъ, княземъ Коллоредо, относительно набора колонистовъ въ Германіи русскими коммиссарами. Онъ заявилъ вице-канцлеру, что всѣ жалобы на выводъ людей изъ Германіи въ Россію не заслуживаютъ „уваженія“, при чемъ въ пользу своего заявленія привелъ слѣдующіе доводы:

1) Число эмигрантовъ изъ Германіи въ Россію не велико;

2) отъ каждаго желающаго эмигрировать въ Россію требуется представленіе свидѣтельства „о совершенной его вольности, по которой онъ можетъ оставить свое отечество и итти, куда ни похочетъ“,—безъ представленія же подобнаго свидѣтельства никто не можетъ быть принятъ коммиссарами въ число колонистовъ;

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ“.

3) вовсе не принимаются въ колонисты жители тѣхъ государствъ Германіи, откуда эмиграція воспрещается (т.-е. изъ Манцскаго курфиршества, Баваріи, Пфальца и графства Ганау [1]);

4) среди отправляемыхъ въ Россію колонистовъ находится много уроженцевъ такихъ областей, кои не входятъ въ составъ Германіи, какъ-то—Альзаса и Швейцаріи;

5) наконецъ, если французскій и англійскій Дворы „безъ разбору“ выводятъ изъ имперіи многочисленныя семейства для колонизаціи своихъ владѣній, „о чемъ каждому не безъизвѣстно“, „то не видно причинъ, для чего-бъ россійскимъ коммиссарамъ возбранено быть могло принимать для отправленія въ Россію такихъ людей, кои совершенную къ тому свободу имѣютъ и достовѣрными свидѣтельствами доказать оную могутъ“.

Князь Коллоредо съ своей стороны опровергалъ доводы князя Голицына, доказывая, что „установленное издревле законами въ имперіи строгое запрещеніе о выходѣ въ другія государства на поселеніе всегда наблюдаемо было“, и что „императору извѣстно о *множествѣ людей*, отправляемыхъ въ Россію отъ учрежденныхъ къ тому въ имперіи комисаровъ“.

Изъ бесѣды съ кн. Коллоредо и другими лицами, „отъ которыхъ частію“ зависѣло „жребіе сего дѣла“, кн. Голицынъ узналъ, что два имперскихъ округа—Верхне-Рейнскій и Нижне-Рейнскій принесли жалобы на русскіе наборы колонистовъ пребывающему у нихъ императорскому министру, но что императоръ не принялъ и не приметъ по этому дѣлу никакого рѣшенія, „если только округа не обратятся прямо къ нему и не представятъ формальной просьбы къ императорской власти (à moins que les cercles ne s'adressent à lui directement et ne requièrent formellement son autorité), въ каковомъ случаѣ его величество не можетъ вовсе воспротивиться ихъ настояніямъ, не пренебрегая своими обязанностями верховнаго главы имперіи“. Впрочемъ князь Коллоредо обѣщалъ, если дѣло приметъ такой неблагопріятный оборотъ, увѣдомить князя Голицына прежде, чѣмъ императоръ сдѣлаетъ какое-либо распоряженіе по этому поводу.

Увѣдомляя Симолина о результатахъ своихъ переговоровъ, кн. Голицынъ преподалъ ему слѣдующій совѣтъ:

„Вы легко разсудите, что благоразумно не доводить дѣла до этихъ крайностей (т. е. до формальной жалобы къ императору со стороны округовъ), дабы сразу не потерять плодовъ нашихъ операцій, и что слѣдуетъ щадить, насколько это возможно, до-

---

[1]) Письмо Симолина къ кн. Голицыну отъ 11/22 марта 1766 г.

стоинство Двора. Въ виду того намъ остаются, кажется, только два исхода: или назначить другое мѣсто для нашихъ коммиссаровъ, или же склонить членовъ округовъ прекратить ихъ жалобы. Такъ какъ каждый изъ князей, которые ихъ составляютъ, содержитъ министра при сеймѣ, то вы въ состояніи начать эти переговоры. Если округа изберутъ удѣлъ молчанія, то мы можемъ считать, что императоръ вовсе не будетъ противодѣйствовать нашимъ видамъ".

Въ реляціи своей на имя императрицы (отъ 1-го апрѣля) Голицынъ рекомендовалъ наблюдать всевозможную осторожность при наборѣ и отправленіи колонистовъ,—„чтобъ колонисты небольшимъ числомъ отправляемы были въ назначенное мѣсто и не объявляли-бъ о себѣ, что они въ Россію слѣдуютъ, но сказывали-бъ, напротивъ того, будто изъ одного въ другой имперскій округъ переходятъ"[1]).

Мѣра, предложенная Голицынымъ для устраненія препятствій къ набору колонистовъ, была уже испытана Симолинымъ гораздо раньше: онъ неоднократно дѣлалъ представленія „по колонистскому дѣлу" князьямъ, входившимъ въ составъ Верхне-и-Нижне-Рейнскаго округовъ имперіи. Когда Франкфуртскій магистратъ, настаивая на удаленіи изъ своего города коммиссара Фаціуса, сослался на требованія Майнцскаго курфюрста и ландграфа Гессенъ-Дармштадтскаго, Симолинъ выразилъ представителямъ послѣднихъ въ Регенсбургѣ свое удивленіе и негодованіе по этому поводу. Тогда и курфюрстъ и ландграфъ поспѣшили тотчасъ же отречься отъ всякой солидарности въ этомъ дѣлѣ съ Франкфуртскимъ магистратомъ. Чрезъ своего посланника въ Регенсбургѣ Линкера Майнцскій курфюрстъ увѣрялъ Симолина, „что онъ ни малѣйшаго участія не имѣлъ въ безразсудномъ поступкѣ Франкфуртскаго магистрата, что онъ совсѣмъ не вѣдаетъ, что при ономъ произошло, что онъ въ оной не вмѣшивался, и впредь того чинить не будетъ. Что-жь касается до подданныхъ его, то запрещено имъ выѣзжать на поселеніе"[2]). Съ своей стороны ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій сдѣлалъ видъ, что онъ крайне возмущенъ слухами, распускаемыми нѣкоторыми лицами изъ состава Франкфуртскаго магистрата, о его враждебности русскимъ наборамъ колонистовъ и просилъ Симолина „указать ему

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Письмо кн. Голицына къ Симолину отъ 29 марта/9 апрѣля 1766 г. (См. приложеніе № 17); реляція Голицына отъ 1-го апрѣля того же года.

[2]) Переводъ съ письма Симолина къ вице-канцлеру отъ 23 февраля/6 марта.

авторовъ этого выдуманнаго и лживаго обвиненія, чтобы отомстить имъ.

Въ то же время по просьбѣ Симолина названные князья разрѣшили свободный пропускъ колонистскихъ транспортовъ чрезъ свои владѣнія въ Любекъ, а ландграфъ Гессенъ-Кассельскій приказалъ даже своимъ чиновникамъ встрѣчать колонистовъ на границахъ своихъ владѣній, сопровождать ихъ по своей странѣ и доставлять имъ все необходимое. Предосторожность не лишняя, въ виду сомнительнаго состава колонистскихъ партій и возможности безпорядковъ.

Симолинъ повѣрилъ искренности всѣхъ этихъ заявленій и распоряженій и на совѣтъ кн. Голицына устранить препятствія къ набору колонистовъ непосредственными переговорами съ князьями отвѣчалъ ему обширнымъ письмомъ (отъ 4/15 апрѣля) въ которомъ развивалъ свою точку зрѣнія на этотъ предметъ, указывая на Вѣнскій дворъ, какъ на единственнаго виновника всѣхъ непріятностей и помѣхъ въ колонистскомъ дѣлѣ.

„Самые важные чины Верхне-и Нижне-Рейнскаго округовъ", писалъ онъ между прочимъ въ этомъ письмѣ, „суть безъ сомнѣнія курфюрстъ Майнцскій, ландграфъ Гессенъ-Кассельскій и ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій... Думаете ли вы, что эти князья сошлись въ томъ, чтобы ходатайствовать предъ его императорскимъ величествомъ о воспрещеніи нашихъ наборовъ, которые ни имъ не причиняютъ никакого вреда, ни кому бы то ни было въ имперіи? Мы принимаемъ только такихъ людей, которые имѣютъ право выселяться и могутъ представить свои отпускныя свидѣтельства. Многіе члены округовъ Верхне-Рейнскаго и Нижне-Рейнскаго даже очень рады отдѣлаться отъ избытка слишкомъ густого населенія и не сдѣлаютъ никакого затрудненія при выдачѣ имъ отпускного билета. Въ томъ числѣ находится графъ Изенбургъ-Бюдингенскій, который не желаетъ ничего лучшаго, какъ оставить у себя нашего коммиссара Фаціуса въ своей резиденціи, и оказываетъ ему всевозможныя облегченія для выполненія его коммиссіи.

Развѣ возражали до сихъ поръ противъ переселеній въ Венгрію, которыя никогда не прекращались и которыя гораздо многочисленнѣе переселеній въ Россію?

Развѣ Франція не извлекла изъ этихъ краевъ многія тысячи семействъ для заселенія ими Кайены, а между тѣмъ никто не роптал?

Если эти два округа желаютъ дѣйствительно удержать всѣхъ своихъ обитателей, то нужно съ того начать, что не давать имъ

болѣе увольнительныхъ свидѣтельствъ. Они не будутъ обращаться по этому поводу къ императору, развѣ (императорскіе) министры сами будутъ побуждать къ этому.

Я знаю изъ хорошаго источника, что г. баронъ Видманъ старается въ Швабіи увлечь чины этого округа, чтобы они сдѣлали постановленіе противъ эмиграціи. Сеймъ, который соберется въ Ульмѣ въ будущемъ мѣсяцѣ, быть можетъ создастъ его. Желаніе понравиться императорскому двору можетъ побудить герцога Виртембергскаго согласиться на это, хотя договорныя условія, существующія между нимъ и его провинціальными чинами, гарантируютъ каждому виртембергцу свободу мѣнять по своей волѣ мѣсто жительства. Ульмскій магистратъ вовсе не скрываетъ, что именно императорскому двору не нравятся наши транспорты колонистовъ. Вотъ почему австрійскіе вербовщики въ Гюнцбургѣ, маленькомъ городкѣ, принадлежащемъ аббатству Кемптенскому, уже осмѣлились ихъ безпокоить и требовать обратно людей, способныхъ носить оружіе. Не кажется ли вамъ ясной вѣроятность того, что г. графъ Пергенъ въ округахъ Верхне-и Нижне-Рейнскомъ имѣетъ одинъ и тотъ же планъ съ г. Видманомъ? . .

Предположимъ еще, что нѣкоторыя государства имперіи, недовольныя нашими наборами, дѣйствительно думали сдѣлать ихъ предметомъ обсужденія въ своихъ округахъ, — не было-ли въ данномъ случаѣ ничего болѣе легкаго для императорскаго двора, какъ отговорить ихъ? Князья, управляющіе округами, не предлагаютъ на обсужденіе ничего такого, чего не желаетъ этотъ дворъ. Покровительство и защита, которую императоръ долженъ оказывать чинамъ, тутъ мало были бы скомпрометированы. Слѣдовало бы по крайней мѣрѣ, чтобы жалобщики сперва доказывали, чѣмъ они обижены, пока мы принимаемъ только горсть бѣдныхъ земледѣльцевъ, на которыхъ никто не имѣетъ никакого права, потому что они формально отпущены...

Такъ какъ городъ Франкфуртъ не хотѣлъ терпѣть коммиссара Фаціуса, то онъ постарался сначала найти другое мѣстопребываніе, каковое гразъ Изенбургскій даровалъ ему въ своей резиденціи. Но такъ какъ императорскій дворъ перегоняетъ его съ одного мѣста на другое, то онъ, наконецъ, будетъ не въ состояніи найти какое-либо мѣстопребываніе въ имперіи. Названный городъ допускаетъ въ настоящее время вербовку тысячъ колонистовъ въ своихъ стѣнахъ и на своей территоріи посредствомъ частныхъ эмиссаровъ тѣхъ предпринимателей, которые заключили контракты съ канцеляріей опекунства [1]). Но эти лица обязаны этой

[1]) Здѣсь разумѣются эмисары Флорентина, который набиралъ колонистовъ

поблажкой только своему притворству, утверждая, что эти колонисты предназначены для Венгріи. По отношенію къ имперіи Венгрія совершенно такъ же иностранное государство, какъ Россія.

Вотъ въ какомъ положеніи находится въ настоящее время дѣло нашего набора колонистовъ въ Германіи. Его судьба зависитъ отъ настроенія императорскаго Двора. Настроеніе же чиновъ имперіи, предоставленныхъ самимъ себѣ, ему не враждебно. Послѣ завѣреній, какія я имѣю на этотъ счетъ, нѣтъ болѣ нужды въ переговорахъ по этому поводу“ [1]).

Симолинъ конечно ошибался, считая Вѣнскій Дворъ единственной помѣхой для безпрепятственнаго набора колонистовъ въ Германіи. Въ дѣйствительности и Вѣнскій Дворъ и всѣ наиболѣе крупные князья Германіи, изъ владѣній которыхъ эмиграція воспрещалась, были настроены враждебно противъ колонизаціонныхъ мѣропріятій русскаго правительства, но и та и другая сторона колебалась взять на себя иниціативу рѣшительныхъ дѣйствій противъ эмиграціи въ Россію, не желая ссориться съ этой послѣдней. Въ сущности же князья пожалуй имѣли болѣе основаній возставать противъ эмиграціи, чѣмъ Вѣнскій Дворъ. Послѣднему русскіе наборы въ Германіи были непріятны лишь постольку, поскольку они сокращали число эмигрантовъ въ Венгрію; вотъ почему онъ съ особенной тревогой смотрѣлъ на пребываніе русскаго „короннаго“ коммиссара Мейкспера въ Ульмѣ и на дѣятельность вызывательскихъ эмиссаровъ, вербовавшихъ въ юго-западной Германіи, откуда уже давно по Дунаю направлялся въ Венгрію избытокъ германскаго населенія. Русскій коммиссаръ и агенты частныхъ предпринимателей казались здѣсь австрійскимъ вербовщикамъ непріятными и опасными конкуррентами, тѣмъ болѣе, что права и преимущества, даруемыя колонистамъ, въ Россіи были значительнѣе, чѣмъ въ Венгріи [2]).

На почвѣ этой конкурренціи постоянно происходили столкновенія съ австрійскими вербовщиками, въ родѣ упомянутаго Симолинымъ столкновенія въ Гюнцбургѣ, а также придирки со стороны австрійскихъ чиновниковъ къ русскимъ транспортамъ колонистовъ на Дунаѣ, которые отправлялъ частный коммиссіонеръ.

по порученію вызывателей—Питета и Леруа. Переводъ съ письма Символина къ вице-канцлеру отъ 23 февраля—6 марта 1766 г.

[1]) Письмо Симолина къ кн. Голицыну отъ 4/15 апрѣля 1766 г. См. приложеніе № 18.

[2]) Переводъ экстрактомъ съ письма Симолина къ вице-канцлеру отъ 17/28 апрѣля 1766 года.

На даваемые Симолинымъ паспорты чиновники не обращали при этомъ ни малѣйшаго вниманія, а оберъ-амтманъ въ Гюнцбургѣ (въ маркграфствѣ Бургау) баронъ фонъ Ульмъ даже двукратно письменно просилъ магистратъ имперскаго города Ульма не терпѣть у себя русскихъ коммиссаровъ, хотя тамъ проживалъ только одинъ „коронный“ коммиссаръ Мейкснеръ, отправившій въ Россію до мая мѣсяца 1766 года лишь девять (9) человѣкъ. Этимъ же соперничествомъ изъ-за колонистовъ объясняется и упомянутая выше Симолинымъ агитація Видмана въ Швабскомъ округѣ.

Всѣ эти проявленія недружелюбія очень безпокоили Симолина, и (20 апрѣля/1 мая 1766 г.) онъ снова обратился къ кн. Д. М. Голицыну съ своими жалобами на австрійское правительство. Послѣ этого князь Голицынъ уже не считалъ болѣе нужнымъ „держаться устныхъ внушеній“, и 1/12 мая представилъ по данному вопросу двѣ записки: одну—имперскому вице-канцлеру князю Коллоредо, а другую — „надворному штатскому канцлеру“ князю Кауницу.

Въ основу этихъ записокъ, почти тожественныхъ по содержанію и по изложенію, были положены письма Симолина отъ 4/15 апрѣля и 20 апрѣля/1 мая: тѣ же факты и таже аргументація.

Стараясь показать, что имперія ничего не теряетъ, а скорѣе выигрываетъ отъ русскихъ наборовъ, князь Голицынъ между прочимъ дѣлаетъ любопытное указаніе на составъ колонистскихъ транспортовъ: „русскіе коммиссіонеры“, — говоритъ онъ въ запискѣ, врученной кн. Коллоредо, „отправляютъ по большей части только подданныхъ Эльзаса и Лотарингіи, или *такихъ людей, которые, изнывая у себя въ крайней бѣдности и становясь бременемъ для своихъ согражданъ, оказываютъ истинную услугу государству, покидая его и столько же освобождая его отъ нищихъ*. Тѣ лица, которыя имѣютъ имущество, сколь бы ни было оно незначительно, и желаютъ переѣхать въ Россію, поощряются въ этомъ намѣреніи тѣми самыми коммиссіонерами лишь настолько, насколько они могутъ подтвердить подлинными свидѣтельствовами, что они уплатили господину пошлины, которыя называютъ Abzug-Gelder, и которыя, разъ будучи уплачены, даютъ каждому свободу отправляться, куда ему заблагоразсудится [1]).

Князь Коллоредо, при врученіи ему означенной записки, обѣщалъ князю Голицыну разсмотрѣть его представленіе, и при этомъ повторилъ прежнія свои увѣренія о непричастности импе-

---

[1]) См. приложеніе № 22.

раторскаго Двора къ поднятой въ Германіи агитаціи противъ колонистскихъ наборовъ; тѣмъ не менѣе онъ счелъ нужнымъ предупредить русскаго посла, что на умножающееся „часъ отъ часу“ число эмигрантовъ „долго не могутъ спокойно смотрѣть имперскіе члены, слѣдовательно и императоръ не можетъ пренебречь своей должности“.

Князь Кауницъ въ свою очередь сначала устно, по прочтеніи врученной ему кн. Голицынымъ записки, а потомъ письменно заявилъ, что со стороны правительства императрицы-королевы (Маріи Терезіи) не было предпринято никакихъ шаговъ для того, чтобы воспрепятствовать русскимъ колонизаціоннымъ мѣропріятіямъ; помѣхи же, чинимыя австрійскими чиновниками въ швабскихъ земляхъ императрицы транспорту колонистовъ изъ имперіи въ Россію, равно какъ и поведеніе оберъ-амтмана Гюнцбурскаго, объясняются ихъ ревностію къ охранѣ интересовъ своей государыни, постоянно нарушаемыхъ русскими вызывателями [1]): „здѣсь (въ Вѣнѣ) извѣстно“, говорилъ Кауницъ, „коимъ образомъ россійскіе вызыватели, не довольствуясь собственнымъ своимъ наборомъ, еще и тѣхъ людей подговариваютъ и переманиваютъ, кои въ Венгрію идутъ на поселеніе“; всѣ недоразумѣнія въ данномъ случаѣ легко устранить, „только бы люди, желающіе итти въ Венгрію на поселеніе, оставлены были при своихъ намѣреніяхъ и никакого-бъ имъ искушенія отъ россійскихъ вызывателей чинено не было [2]). Противъ названнаго злоупотребленія Кауницъ въ своемъ письменномъ отвѣтѣ на представланіе Голицына предлагалъ „съ общаго согласія“ принять надлежащія мѣры и обѣщалъ съ своей стороны немедленно отправить „потребные указы, чтобъ никакого препятствія не дѣлали выѣзду тѣхъ, кои сами собой предпочтутъ поселиться въ Россіи“. При этомъ Кауницъ выражалъ надежду, что князь Голицынъ согласится съ нимъ, что всегдашняя предупредительная любезность „апостолической“ императрицы-королевы по отношенію къ русской императрицѣ „не можетъ и не должна доходить до ущерба *самымъ существеннымъ ея интересамъ*“. „Однако же ея интересы пострадали бы“, пояснялъ Кауницъ, „если бы лица и семейства, рѣшившіяся по собственному побужденію поселиться въ менѣе населенныхъ краяхъ Венгріи, были тайно отклоняемы отъ этого рѣшенія и сманиваемы къ переселенію въ Россію, чтобы тамъ распахивать необработанныя и пустынныя земли...

---

[1]) Въ письменномъ отвѣтѣ кн. Кауница это заявленіе выражено уже не въ столь категорической формѣ.

[2]) Реляція кн. Голицына отъ 6/17 мая 1766 г.

„Императрица-королева вовсе не имѣетъ намѣренія указывать имперскимъ округамъ, чинамъ и городамъ, въ какомъ случаѣ они могутъ смотрѣть равнодушно на переселеніе ихъ подданныхъ и жителей.

„Но если мѣры, которыя они находятъ нужнымъ примѣнять, благопріятствуютъ преимущественно Венгріи, то они могутъ имѣть основательную причину смотрѣть на это королевство не какъ на совершенно чужое по отношенію къ имперіи, но какъ на древній и естественный оплотъ, для сохраненія котораго они не разъ давали Римскіе мѣсяцы" [1]).

Объясненія Кауница удовлетворили кн. Голицына, такъ-какъ Вѣнскій Дворъ теперь допускалъ совмѣстную работу русскихъ вербовщиковъ въ Германіи со своими, лишь бы тѣ и другіе размежевались между собою, не становились поперегъ дороги одни другимъ. Впрочемъ еще прежде чѣмъ переговоры по данному вопросу завершились письменнымъ отвѣтомъКауница, обнаружилось, что не столько нужно было заботиться объ „успокоеніи" Вѣнскаго Двора, сколько о пріобрѣтеніи „бóльшей надежности со стороны имперскихъ штатовъ" [2]).

Князья юго-западной Германіи давно уже съ затаенной враждой и тревогой смотрѣли на „колонистскія распоряженія" русскаго правительства, и имѣли на это свои основанія. Даже „коронный" коммиссаръ Фаціусъ принималъ иногда въ число колонистовъ выходцевъ изъ тѣхъ областей, откуда эмиграція воспрещалась; относительно же агентовъ „вызывателей" и говорить нечего: какъ выше было изложено, въ своемъ стремленіи навербовать возможно бóльшее число колонистовъ они ни передъ чѣмъ не останавливались. Ихъ „эмиссары" проникали всюду и личными уговорами и распространеніемъ печатныхъ рекламъ приводили въ движеніе рабочую массу. Это не могло не тревожить князей и прочихъ властей, стоявшихъ на стражѣ интересовъ зажиточныхъ классовъ.

Но тайно интригуя противъ русскихъ коммиссаровъ и ставя при каждомъ удобномъ случаѣ препоны колонистскимъ транспортамъ, князья долго не рѣшались открыто возвысить свой голосъ противъ колонизаціонныхъ мѣропріятій русскаго правительства. Только потерявъ надежду на то, что иниціативу протеста возьметъ на себя Вѣнскій Дворъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдившись,

---

1) Отвѣтъ кн. Кауница отъ 27 мая (по нов. ст.) 1766 года на письменное представленіе князя Голицына („О колонистахъ"). См. приложеніе № 25.

2) Реляція кн. Голицына изъ Вѣны отъ 17/28 мая 1766 г.

что послѣдній взглянетъ благосклонно на активную роль князей въ этомъ дѣлѣ, „созывающіе“ князья Баварскаго округа — курфюрстъ Баварскій и архіепископъ Зальцбургскій обратились къ „созывающимъ“ же князьямъ Франконскаго и Швабскаго округовъ, а также къ чинамъ своего округа,[1]) съ предложеніемъ сообща принять мѣры, „чтобъ россійскіе въ Германіи колонистскіе наборы отнюдь терпимы не были“[2]).

Въ письмѣ помянутыхъ князей къ „созывающимъ“ князьямъ Франконскаго и Швабскаго округовъ отъ (4-го апрѣля 1766 года нов. ст.) развивались господствовавшія въ XVIII столѣтіи популяціонистскія воззрѣнія, и указывалось на вредъ, причиняемый эмиграціей интересамъ господствующихъ классовъ, и на гибельность ея для самихъ эмигрантовъ.

„Ваши любви“, говорилось въ этомъ любопытномъ документѣ, „несомнѣнно уже увѣдомились о знатныхъ россійскихъ колонистскихъ наборахъ, чинимыхъ въ разныхъ провинціяхъ Германіи и о транспортахъ оныхъ изъ имперіи... Ваши любви столь просвѣщенны, что не можете не познавать тѣхъ *общихъ патріотическихъ правилъ*, по которымъ таковые въ чужестранныя и съ нашимъ дражайшимъ нѣмецкимъ отечествомъ ни въ какомъ союзѣ не состоящія государства чинимые *колонистскіе транспорты почитаются за наиглавнѣйшее для государства зло*, слѣдовательно, какъ *сила и благополучіе всѣхъ чиновъ несомнѣнно происходятъ отъ населенія оныхъ*, то и не можетъ къ ихъ обезсиленію вымышлено быть никакое достовѣрнѣйшее средство, какъ то, которое клонится къ обезлюденію оныхъ. И умалчивая, что такіе колонисты свое пріобрѣтенное имѣніе берутъ съ собою внѣ государства, *сіи наборы подаютъ случай и къ возмущенію служащихъ людей, кои, пользуясь тѣмъ, возстаютъ противъ своихъ господъ и бываютъ непрележны, своенравны и непослушны.*

При томъ можно такихъ бѣдныхъ колонистовъ почесть такъ, какъ пропадшими для всего человѣческаго общества, потому что малая часть изъ оныхъ снести могутъ чужестранный климатъ, и они сверхъ того по силѣ россійско-императорскихъ указовъ посылаются въ такія около Астрахани и по Волгѣ лежащія мѣста, опустошеніе и обезлюденіе которыхъ, как извѣстно, не иному чему приписываются, какъ почти ежедневнымъ набѣгамъ сосѣдственныхъ татаръ, отъ коихъ россійская сила, за крайнимъ пространствомъ своихъ областей, ихъ довольно защитить не въ

[1]) См. приложенія №№ 9 и 10.

[2]) Переводъ съ реляціи министра Симолина изъ Регенсбурга отъ 8/19 мая, полученный 15 іюня 1766 года („О колонистахъ“).

состоянiи. Посему кажется, что населенiе тѣхъ мѣстъ дѣло невозможное, хотя бы и цѣлыя земли лишились своихъ обывателей съ тѣмъ, чтобъ ихъ мало по малу посылать туда колонистами.

Итакъ, сколь охотно мы ни видимъ приращенiе поселенiй Россiйской имперiи, столько-жь усердно желаемъ напротивъ того, чтобъ оная потребныя къ тому средства изыскивала въ собственныхъ своихъ нѣдрахъ, а не въ прочихъ государствахъ, наименѣе-жь въ нашемъ нѣмецкомъ отечествѣ, кое и безъ того въ народѣ не имѣетъ излишку, но претерпѣваетъ въ немъ недостатокъ“ [1]).

Вскорѣ и въ Верхне-Рейнскомъ округѣ „возстала“, по выраженiю Симолина, „такая-жь буря“ „противъ колонистскаго дѣла“.

Курфюрстъ Трирскiй („яко епископъ Вормскiй“) и курфюрстъ Пфальцскiй („яко герцогъ Симмернской“) подали окружному собранiю во Франкфуртѣ на Майнѣ „директорiальное предложенiе“ о воспрещенiи выселенiй въ Россiю, благодаря которымъ „достойное отечество теряетъ знатное приращенiе годныхъ людей и нѣкоторымъ образомъ не мало обезлюдивается“.

Означенные курфюрсты для предупрежденiя и „совершеннаго пресѣченiя“ „сего общественнаго зла“ рекомендовали чинамъ своего округа принять слѣдующiя мѣры:

а) объявить строгое воспрещенiе эмиграцiи, и виновныхъ, „не взирая ни на что, въ примѣръ другимъ наказывать“;

б) *нигдѣ не позволять устройства сборныхъ пунктовъ для эмигрантовъ;*

в) не допускать колонистскихъ транспортовъ ни сухимъ путемъ, ни водой;

г) наконецъ, устроить наблюденiе за „набирателями и подговорщиками, дабы оные, яко начальники всего зла, повсюду сыскиваны и по схваченiи въ тюрьму посажены были, и съ оными по всякой строгости, смотря по обстоятельствамъ, чинить наказанiя тѣлесныя и лишать живота“ [2]).

Непосредственнымъ результатомъ изложеннаго „директорiальнаго предложенiя“ было то, что *графъ Бюдингенскiй воспретилъ въ своемъ городѣ коммиссару Фацiусу „имѣть сборное мѣсто для*

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.; „Копiя съ письма созывающихъ князей Баварскаго округа къ созывающимъ же князьямъ Франконскаго и Швабскаго округовъ изъ Мюнхена отъ 4 апрѣля 1766 года“ („О колонистахъ“). См. приложенiе № 9.

[2]) Тамъ же: „Переводъ съ реляцiи министра Симолина изъ Регенсбурга отъ 15/26 мая, полученной 7-го iюня 1766 года“; переводъ съ приложенiя къ означенной реляцiи Симолина. Нѣмецкiе оригиналы этихъ документовъ см. въ приложенiяхъ подъ №№ 11 и 12.

колонистовъ“ и предписалъ „всѣхъ набранныхъ уже людей оттуда немедленно выслать“ [1]).

Одновременно съ мѣрами правительственнаго воздѣйствія, направленными на пресѣченіе эмиграціи въ Россію, была сдѣлана попытка повлiять на эмигрирующее населеніе путемъ печати.

Мюнхенскій дворъ опубликовалъ въ газетахъ вышеупомянутыя письма къ чинамъ Баварскаго, Франконскаго и Швабскаго округовъ, въ коихъ между прочимъ давался неблагопріятный отзывъ о русскихъ колоніяхъ, а въ № 80-мъ „Франкфуртской Газеты“ за 1766 годъ была помѣщена слѣдующая замѣтка, спеціально трактовавшая о колонизаціи Поволжья:

„Отъ нижней рѣки Эльбы отъ 10-го мая.

Парижская вѣдомость доставляетъ слѣдующей артикулъ, а имянно:

попеченіе Россійской императрицы о населеніи лежащихъ около Волги рѣки мѣстъ не удается еще по желанію. Сладкими обѣщаніями приманенные туда чужестранцы совсѣмъ изнурены и большею частію бѣдно погибаютъ; отдаютъ ихъ подъ власть главныхъ людей, тамо жительствующихъ; отъ уроженцевъ тамошнихъ они ненавидимы и находятся въ страхѣ и безъ защищенія какъ тѣхъ, такъ и другихъ. И потому берега Волги рѣки, мнимая похвальная земля должна быть могилой сей нещастной жертвы незнанія и желанія“ [2]).

Уже одно почти всеобщее въ западной Европѣ недовольство колонизаціонными мѣропріятіями русскаго правительства должно было побудить послѣднее подумать по крайней мѣрѣ о пріостановкѣ, если не о прекращеніи колонистскихъ наборовъ; но были и другія обстоятельства, настойчиво подсказывавшія такое рѣшеніе.

Результатомъ дѣятельности „вызывателей“ и коммиссаровъ явилось огромное число людей, принятыхъ въ колонисты. Вся эта масса направлялась въ Любекъ, чтобы тамъ сѣсть на корабли и отправиться въ Россію. Но недостатокъ кораблей и „противные вѣтры“ подолгу задерживали колонистовъ въ Любекѣ, а между тѣмъ ежедневно прибывали сюда все новыя и новыя ихъ партіи. Это обстоятельство доставляло много хлопотъ и тревогъ переводчику Вихляеву и коммиссару Шмиту, которые завѣдывали пріемомъ и отправленіемъ колонистскихъ транспортовъ: въ Любекѣ не хватало ни домовъ, ни сараевъ для помѣщенія колонистовъ.

---

[1]) Тамъ же: Донесеніе переводчика Вихляева изъ Гамбурга въ секретную экспедицію коллегіи ин. дѣлъ отъ 26 мая—6 іюня 1766 года; „Переводъ экстрактомъ“ съ письма Симолина къ вице-канцлеру отъ 22 мая—2 іюня 1766 г.

[2]) Тамъ же: Приложеніе къ реляціи Симолина изъ Регенсбурга отъ 18/29 мая 1766 года. Переводъ.

Скопленіе послѣднихъ въ Любекѣ въ свою очередь внушало серьезныя опасенія мѣстному магистрату: „городъ Любекъ“, доносилъ Вихляевъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ (отъ 7/18 апрѣля 1766 года) „опасаясь, чтобъ отъ множества народа не послѣдовали безпорядки и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и заразительныя болѣзни, воспрещаетъ коммиссару Шмиту принимать отъ вызывателей присылаемыхъ колонистовъ. Обстоятельство сіе приводитъ обоихъ насъ въ крайнную заботу, ибо, окромѣ Любека, не знаемъ гдѣ и помѣстить людей всѣхъ, а особливо когда на сей годъ ожидаю я въ Любекъ около двадцати четырехъ тысячъ душъ колонистовъ, для отправленія коихъ ни кораблей, ни бочекъ для воды и пива недостанетъ . . .
чтобъ число колонистовъ надмѣру не умножилось,... *необходимо нужно запретить* учрежденнымъ въ Ульмѣ и въ Франкфортѣ ея императорскаго величества *комисарамъ, чтобъ они болѣе колонистовъ не набирали*, потому что содержаніе и отправленіе оныхъ казнѣ ея и—го вел—ва весьма много стоить будетъ“.

Для устраненія-же текущихъ затрудненій Вихляевъ просилъ коллегію снестись съ Голштинской администраціей о переводѣ изъ Любека части колонистовъ (около 4000 душъ) на Голштинскую территорію и совѣтовалъ опредѣлить тамъ комиссара для продовольствованія и отправленія оттуда колонистовъ прямо въ Петербургъ. Указаніе Вихляева было принято во вниманіе, и въ „Голштиндію“ было „отписано“.

Равнымъ образомъ и высказанное имъ мнѣніе о необходимости воспретить комиссарамъ дальнѣйшій пріемъ колонистовъ возымѣло свое дѣйствіе въ Петербургѣ, и вице-канцлеръ князь Голицынъ (письмомъ отъ 21 апрѣля того-же года) предложилъ Симолину принять эту мѣру. Послѣдній впрочемъ, подъ вліяніемъ поднявшейся въ Германіи агитаціи противъ колонистскихъ наборовъ, а можетъ быть и настояній Вихляева, еще до полученія письма Голицына пріостановилъ „операціи коронныхъ комиссаровъ“ [1]).

Въ то-же время канцелярія опекунства иностранныхъ сдѣлала распоряженіе, чтобы частные предприниматели въ теченіе 1766-го года болѣе „не набирали для Россіи колонистовъ по притчинѣ великаго множества являющихся въ Любекъ и по притчинѣ затрудненей отъ недостатка судовъ перевозить оныхъ“.

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Переводъ экстрактомъ съ письма къ его сіятельству вице-канцлеру отъ министра Симолина изъ Регенсбурга отъ 18/29 мая 1766 года“ („О колонистахъ“).

„Чтобъ (имперскіе) округи, видимо возбужденные Баваріею, и подъ рукою другого Двора, не учинили-бъ какихъ явныхъ и противныхъ нашимъ операціямъ поступковъ“, Симолинъ счелъ нужнымъ опубликовать во всеобщее свѣдѣніе объявленіе „о прекращеніи наборовъ въ имперіи“. Результатомъ этихъ мѣръ было отозваніе частными предпринимателями своихъ агентовъ-вербовщиковъ [1]); только эмиссары Кано де Борегара продолжали колонистскіе наборы въ Германіи, не смотря на объявленіе Симолина.

Возмущенный ихъ поведеніемъ Симолинъ писалъ къ вице-канцлеру князю Голицыну (отъ 29 мая/9 іюня 1766 г.): „опасаться надлежитъ, чтобъ они (имперскіе округа) теперь сіе объявленіе не сочли за вымыселъ, который учинить я мыслилъ областямъ, отъ чего можетъ весьма худое произойти дѣйствіе; я думалъ, что причина, по которой наборы комиссаровъ и другихъ пріемщиковъ чинить запрещены, равномѣрно касаться имѣла до госп. Борегарда и его товарищей; но господ. Веймаръ, одинъ изъ ихъ эмиссаровъ въ Фуртѣ (близь Нюренберга), сказываетъ, что сей приказъ до него не касается, и не престаетъ продолжать оные по прежнему. Однако госп. Вихляевъ, находящійся въ Гамбургѣ, далъ мнѣ знать, что окончаніе наборовъ разумѣется генеральнымъ и требовалъ, чтобъ я наблюденіе онаго рекомендовалъ комиссарамъ, въ имперіи находящимся“ [2]).

Канцелярія опекунства иностранныхъ, которой была сообщена жалоба Симолина, оправдывала поведеніе Веймара тѣмъ, что ему будто-бы въ началѣ іюня (по нов. ст.) еще не могло быть извѣстно „вышеписанное его г-на Симолина запрещеніе о не набираніи больше колонистовъ въ нѣмецкой имперіи“, а что самъ вызыватель, баронъ Кано де Борегаръ, „съ своей стороны въ прекращеніи набора колонистовъ поступилъ точно по желанію канцеляріи опекунства иностранныхъ, сколько ему оное исполнить было можно“ [3]).

Пріостановка дальнѣйшихъ наборовъ не означала собой немедленнаго прекращенія отправки колонистскихъ транспортовъ: масса эмигрантовъ была навербована комиссаромъ Фаціусомъ задолго до принятія этой мѣры, распродала свое имущество, и въ

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: письмо Симолина изъ Регенсбурга къ кн. Д. М. Голицыну въ Вѣну отъ 8/19 мая 1766 г. (См. приложеніе № 23); переводъ экстрактомъ съ письма къ его сіятельству вице-канцлеру отъ министра Симолина изъ Регенсбурга отъ 29 мая/9 іюня 1766 г. („О колонистахъ“).

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ“.

[3]) Тамъ-же: Промеморія изъ канцеляріи опекунства иностранныхъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ 2 августа 1766 г.

ожиданіи отправленія кормилась на счетъ русскаго правительства; не смотря поэтому на прекращеніе новыхъ наборовъ, транспорты ранѣе навербованныхъ колонистовъ продолжали одинъ за другимъ прибывать въ Любекъ и Гамбургъ, и положеніе Вихляева дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Онъ рѣшился, наконецъ, остановить направлявшійся къ нему потокъ эмигрантовъ непосредственнымъ обращеніемъ къ коммиссару Фаціусу.

„Мнѣ отнюдь не возможно“, писалъ онъ къ нему (въ письмѣ отъ 15 мая 1766 г. по нов. ст.), „отправленной отъ васъ транспортъ, состоящій въ 290 семей, здѣсь (въ Гамбургѣ) умѣстить: здѣсь-же находится болѣе 2000 колонистовъ, кои почти другъ на друга лежатъ и совсѣмъ не имѣютъ мѣста, а въ Любекѣ находится 13.000 человѣкъ, и такъ тутъ равномѣрно-жь никого умѣстить нельзя, да какъ тамъ, такъ и здѣсь происходитъ отъ неспокойнаго навалу колонистовъ недостатокъ въ квартирахъ и въ деньгахъ.

Итакъ, вами весьма изрядно сдѣлано будетъ, естли вы на сей годъ перестанете болѣе отправлять колонистовъ, и не откажитесь сами себя великому отвѣту подвергнуть, когда такіе люди паки назадъ отошлются.

Къ тому-же имѣю я повелѣніе, по которому на сей годъ болѣе колонистовъ уже не принимать, и я о томъ равномѣрно-жь къ его высокоблагородію, господину посланнику Симолину, писалъ, слѣдовательно вы о избѣжаніи всѣхъ непріятныхъ слѣдствей безъ сумнѣнія помышлять будете“[1]).

Получивъ письмо Вихляева, Фаціусъ обратился за разъясненіями къ Симолину, что̀ ему дѣлать съ набранными уже колонистами?

Тогда Симолинъ немедленно-же обратился къ Вихляеву съ письмомъ, въ которомъ указывалъ на то, что, въ случаѣ распущенія набранныхъ колонистовъ, издержанныя на прокормленіе ихъ деньги—отъ 20 до 30 тысячъ гульденовъ—пропадутъ напрасно, а о русскихъ колонизаціонныхъ мѣропріятіяхъ пойдетъ дурная молва; отвѣтственность за эти послѣдствія Симолинъ возлагалъ на Вихляева, а самъ умывалъ руки[2]).

---

[1]) Архивъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, № 25.726,—„О выѣздѣ въ 1766 г. въ Россію колонистовъ и о учиненныхъ по сему предмету распоряженіяхъ“, листъ 171 на оборотѣ: приложеніе къ реляціи Симолина отъ 22 мая/2 іюня 1766 г. подъ литерою „А“.

[2]) Тамъ-же, листъ 172-й: письмо Симолина къ переводчику Вихляеву въ Гамбургъ отъ 18/29 мая 1766 г. (Приложеніе къ реляціи Симолина отъ 22 мая/2 іюня 1766 г. подъ литерою „В“).

Одновременно въ письмѣ къ вице-канцлеру князю Голицыну (отъ 22 мая/2 іюня) Симолинъ подробнѣе развивалъ тѣ-же доводы противъ распущенія уже набранныхъ колонистовъ и горько жаловался на поведеніе Вихляева.

„Если мы собранный сей народъ (больше семи сотъ семей) распустимъ“, писалъ Симолинъ въ означенномъ письмѣ, то мы... издержки, честь, кредитъ и довѣренность Двору нашему потеряемъ. Надежда, которую публика положила на изданный ея и-го вел-ва манифестъ о переселеніи въ Россію, есть самая истинная причина удивительному сему притеканію народа, который оставилъ здѣсь все и идетъ сыскивать новое себѣ отечество въ провинціяхъ нашихъ.

„Повелѣнія владѣющаго нынѣ въ Бюдингѣ графа о испражненіи занятыхъ нами квартиръ меня не обезпокоиваютъ, понеже я всегда склонить-бы его могъ къ тому, что-бы онъ намъ дозволилъ имѣть потребное время къ отправленію переселенцевъ, хотя-бы оное и до окончанія августа продолжалось. Но угрозы обрѣтающагося въ Гамбургѣ господина Вихляева суть такого роду, о коихъ надлежитъ неоднократно подумать, ибо онъ хочетъ назадъ отсылать и распускать всѣхъ колонистовъ, коихъ къ нему Фаціусъ въ нынѣшнемъ году присылать будетъ, слѣдовательно хочетъ онъ чрезъ то сдѣлать знакъ обманства въ операціяхъ его, кои равномѣрно и до меня касаются. Мы еще отъ непріятелей и отъ ненавистниковъ нашихъ учрежденій таковаго предложенія не слыхали, ибо оные, отъ насъ требуя, чтобъ мы нѣмцевъ не подговаривали къ нашему поселенію, не потеряли однако разумъ отъ насъ требовать, что-бъ мы оставили издержанныя нами деньги безполезно и повредили-бы честь свою.

„Если роспускъ онымъ семьямъ учинится, то я въ ономъ никакого участія отнюдь не имѣю и признаю его за такое пятно, по которому наши въ Германіи операціи кредитъ весь потеряютъ такъ, какъ операціи французскія по случаю Каенскаго острова; оный роспускъ будетъ въ противность намѣренію Двора нашего и въ противность насланнымъ ко мнѣ внедавнѣ указамъ. Сверхъ сего, такой поступокъ можетъ еще придать силы ненавистнымъ рѣчамъ и переговорамъ, коими публичныя здѣсь письма наполнены о нашемъ поселеніи на Волгѣ“ [1]).

Жалобы Симолина очень напугали Вихляева, и онъ оправдывался предъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ тѣмъ, что онъ не зналъ о завербованіи Фаціусомъ до пріостановки наборовъ 700

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ“.

семей, а думалъ, что послѣдній „всякой день“ колонистовъ „набираетъ и безпрестанно въ Любекъ насылаетъ“ [1]).

Затрудненія въ „колонистскомъ дѣлѣ“ и взаимныя недоразумѣнія между лицами его вѣдавшими вызвали депешу Панина къ Симолину отъ 7-го іюня 1766 года, коей предписывалось „ограничиться только отправкой тѣхъ колонистовъ, которые уже приняты, и отъ которыхъ нельзя приличнымъ образомъ отдѣлаться“, прервавъ вмѣстѣ съ этимъ всякіе переговоры съ тѣми, „которые явились, или которымъ были сдѣланы предложенія, но окончательнаго принятія (въ число колонистовъ) еще не послѣдовало“ [2]).

Дѣло съ отправкой уже набранныхъ „коронныхъ“ колонистовъ мало по малу уладилось, и ихъ транспорты снова безпрепятственно стали приниматься въ Любекѣ и Гамбургѣ. Пользуясь тѣмъ, что теченіе эмиграціи изъ Германіи такимъ образомъ не прекращалось, и должностныя лица, вѣдавшія отправленіе колонистовъ изъ Гамбурга [3]) и Любека [4]) въ Россію не прекращали своихъ функцій, „разные люди, коимъ принятіе и наборъ колонистовъ для Россійской имперіи либо совсѣмъ не порученъ, или коимъ такое вербованіе еше и запрещено“ было, возобновили свои операціи по набору колонистовъ.

Считая необходимымъ принять мѣры противъ злоупотребленій самовольныхъ вербовщиковъ, Голштинскій министръ въ Гамбургѣ Бредоль, которому русское правительство поручило защиту интересовъ своего „колонисткаго дѣла“, составилъ „концептъ“, предупреждавшій эмигрантовъ, и переслалъ его къ переводчику Нилусу для напечатанія въ газетахъ, что и было послѣднимъ исполнено въ началѣ сентября 1766-го года.

Лица, желающія эмигрировать въ Россію, предупреждались этой публикаціей, что „за позднимъ годовымъ временемъ“ *въ текущемъ 1766-мъ году „колонистовъ болѣе принимано не будетъ“*, и увѣщевались не даваться въ обманъ, „вступая въ обязательство съ такими людьми, которые самовольно набираютъ колонистовъ“; въ противномъ случаѣ они должны будутъ пенять на самихъ себя и адресоваться за пропитаніемъ въ теченіе зимы къ тѣмъ лицамъ, кто ихъ завербовалъ.

---

[1]) Архивъ Министерства Земледѣлія и Госуд. Им., № 25.726, листъ 175 на оборотѣ: „Копія съ доношенія переводчика Вихляева изъ Гамбурга отъ 10 іюня/30 мая, полученнаго въ 15 іюня 1766 г.“.

[2]) Сборникъ Импер. Истор. Общества, 57 т., 546 стр.

[3]) Переводчикъ Вихляевъ, а послѣ его смерти—переводчикъ Нилусъ.

[4]) Коммиссаръ Шмитъ, а послѣ его смерти—коммиссаръ Лембке.

Равнымъ образомъ публикаціей поставлялись въ извѣстность „всѣ тѣ, которые способствуютъ такимъ самовольнымъ колонисткимъ наборщикамъ, а особливо извощики", и убѣждались „такимъ людямъ къ отвозу ихъ колонистовъ нимало помочи не подавать", съ предупрежденіемъ, что всѣ ихъ требованія о платежѣ денегъ будутъ отклоняемы; самимъ-же вербовщикамъ публикація угрожала „неотмѣннымъ наказаніемъ"[1]).

Къ концу 1766-го года, когда перевозка колонистовъ въ Россію закончилась, оказалось, что успѣшность вызова ихъ въ этомъ году превзошла всякія ожиданія: тогда однихъ только „коронныхъ" колонистовъ (навербованныхъ главнымъ образомъ коммиссаромъ Фаціусомъ) отправлено было подъ наблюденіемъ Симолина три тысячи семей[2]); а всего съ 1763-го года по 1766 годъ включительно въ одно только Поволжье было отправлено 6342 семейства коронныхъ и вызывательскихъ колонистовъ (около 22.800 душъ обоего пола)[3]), не считая гернгутеровъ, водворенныхъ на особыхъ условіяхъ въ Сарептѣ[4]); сверхъ этого въ тотъ же періодъ времени 202½ семейства образовали четыре колоніи (Среднюю-Рогатку, Ижору, Саратовку или Новосаратовку и Ямбургъ) въ Петербургской губерніи[5]), а 742 души выходцевъ изъ мѣстностей, лежащихъ около Франкфурта на Майнѣ, составили Бѣловѣжскую колонію изъ шести деревень (въ Черниговской губерніи)[6]). Нельзя не упомянуть также о нѣмцахъ-колонистахъ, водворенныхъ въ 1766-мъ году въ Лифляндской губерніи на казенныхъ мызахъ (Гиршенгофъ и Гильфрейхсгофъ) Венденскаго уѣзда, и объ иммигрантахъ, поселившихся въ городахъ.

Хотя такой многочисленный „выходъ колонистовъ, въ разсужденіи умноженія народа" и былъ „весьма ласкателенъ", однако

---

1) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Доношеніе переводчика Нилуса изъ Гамбурга въ коллегію ин. дѣлъ отъ 8/19 сентября 1766 года и переводъ съ приложенія къ означенному доношенію („О колонистахъ").

2) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: реляція Симолина изъ Регенсбурга отъ 2/13 октября 1766 года („О колонистахъ").

3) Военно-Ученый Архивъ Главнаго Штаба, V, 543: „Вѣдомость о числѣ способныхъ и неспособныхъ къ хлѣбопашеству колонистовъ, и сколько мужеска и женска пола душъ всего на лицо состоитъ"......

Государственный Архивъ: „Изъ канцеляріи опекунства иностранныхъ учрежденному къ принятію на все высочайшее ея и-го вел-ва имя челобитенъ г-ну коллежскому совѣтнику Козицкому извѣстіе".

4) Въ 1765-мъ году прибыло въ Россію 50 душъ гернгутеровъ обоего пола, а къ 1774-му году число ихъ возрасло, благодаря продолжавшимся переселеніямъ изъ-за-границы, до 196 душъ.

5) Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, 1854 годъ, августъ: „Историческое обозрѣніе водворенія иностранныхъ поселенцевъ въ Россіи", 53—59 стр.

6) Тамъ-же. См. также „Памятную книгу Черниговской губерніи", Черниговъ, 1862 г.: „Бѣловѣжская нѣмецкая колонія".

допустить продолженіе его въ прежнихъ размѣрахъ и на прежнихъ основаніяхъ оказывалось невозможнымъ.

Помимо поднявшагося въ западной Европѣ недовольства, помимо затруднительности отправленія моремъ вслѣдствіе недостатка судовъ, самое водвореніе колонистовъ въ Россіи сразу большой массой встрѣчало серьезныя неудобства и препятствія:

а) во-первыхъ, подавленная огромнымъ числомъ эмигрантовъ канцелярія опекунства иностранныхъ принуждена была дѣлать отступленія отъ выработаннаго ею плана ихъ водворенія и издерживать при этомъ больше денегъ, чѣмъ-бы слѣдовало;

б) во-вторыхъ, „самое поселеніе и обзаведеніе“ колонистовъ вслѣдствіе той-же ихъ многочисленности подвергалось „крайне вредной медленности“, что опять-таки должно было вызывать со стороны казны значительныя издержки на пропитаніе эмигрантовъ, а этихъ послѣднихъ ввести въ лишніе долги.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ приходилось уже подумать не о кратковременной пріостановкѣ наборовъ, а *о прекращеніи вызова на казенномъ иждивеніи* до тѣхъ поръ, „пока всѣ донынѣ выѣхавшіе (т.-е. по 1766 годъ включительно) колонисты, получа домы, нужные инструменты, скотъ и всѣ прочія потребности, дѣйствительно въ работу не вступятъ и собственнаго пропитанія имѣть не будутъ“.

Въ такомъ смыслѣ президентомъ канцеляріи опекунства иностранныхъ гр. Григоріемъ Орловымъ былъ представленъ императрицѣ *докладъ о прекращеніи вызова.* Для поставленія въ извѣстность объ этомъ желающихъ эмигрировать гр. Орловъ предлагалъ составить объявленіе и напечатать его или отдѣльными листами, или помѣстить въ газетахъ Петербурга, Гамбурга, Регенсбурга и Любека.

Что касается вызывателя барона де Борегара, съ которымъ контрактъ былъ заключенъ (19 мая 1765 г.) на три года, то Орловъ проектировалъ „оставшееся по контракту на вызовъ колонистовъ время отложить впредь до удобнѣйшаго случая, хотя съ такимъ обнадеживаніемъ, что если онъ тогда отъ перемѣны обстоятельствъ въ годичное время контрактованнаго числа и не наберетъ, то дозволено ему будетъ вызвать въ дополненіе 3-хъ тысячъ семей и впредь, не полагая уже сроку“. Убытки-же, могущіе произойти для вызывателя отъ такого перерыва, Орловъ признавалъ справедливымъ возмѣстить, разъ они будутъ доказаны.

Императрица (9-го ноября 1766-го года) утвердила докладъ Орлова, положивъ на немъ слѣдующую резолюцію:

„Быть по сему, а для публикаціи объявленіе, заготовя, представить Намъ“[1]).

Объявленіе было заготовлено въ канцеляріи опекунства и утверждено императрицей. Копія съ него и два перевода — на французскій и нѣмецкій языки — были препровождены изъ канцеляріи въ коллегію иностранныхъ дѣлъ при промеморіи отъ 29-го ноября, въ которой предлагалось коллегіи свѣрить переводы съ русскимъ текстомъ и опубликовать ихъ за границей[2]).

Итакъ *вызовъ* колонистовъ „на нѣкоторое время“ былъ прекращенъ, но эмиграція въ Россію (преимущественно изъ Германіи) еще продолжалась въ незначительныхъ размѣрахъ вплоть до Пугачевскаго бунта.

---

[1]) Москов. Гл. Архивъ Министерства Юстиціи: „Дѣла Правительствующаго Сената 1-го департамента по части опекунства иностранныхъ“.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ“.

IV. Иммиграція въ Россію послѣ прекращенія вызова колонистовъ (1767—1773 гг.).

Распоряженіе о прекращеніи вызова колонистовъ не такъ-то легко было немедленно-же привести въ исполненіе: нельзя было сразу однимъ почеркомъ пера остановить движеніе, на организацію котораго было затрачено столько средствъ и энергіи, и переселенческая волна изъ Германіи продолжала направляться въ Россію.

Многіе крестьяне, подговоренные вербовщиками и увлеченные широковѣщательными рекламами, еще до прекращенія вызова въ 1766-мъ году, стали распродавать свое имущество и готовиться къ переселенію въ Россію весной слѣдующаго 1767-го года; а нѣкоторые вербовщики, въ особенности изъ агентовъ Кано де Борегара, прямо заинтересованные, какъ и ихъ патронъ, въ продолженіи колонистскихъ наборовъ, не оставляли своей дѣятельности и послѣ публикаціи русскаго правительства о прекращеніи вызова колонистовъ.

Эмиссаръ Кано де Борегара, Веймаръ, весною 1767-го года обратился къ Симолину въ Регенсбургъ съ просьбой выдать паспорты для навербованныхъ имъ колонистовъ, „коихъ онъ", утверждалъ о себѣ Веймаръ, „повелѣніе имѣетъ отправить въ Россію". Симолинъ просьбу Веймара на этотъ разъ исполнилъ, но его взяло сомнѣніе, „хорошо или худо" онъ дѣлаетъ, когда вспомоществуетъ „такимъ людямъ". За разъясненіемъ своего недоумѣнія онъ обратился съ письмами одновременно къ русскому резиденту въ Гамбургѣ Гроссу и къ вице-канцлеру князю Голицыну, при чемъ въ послѣднемъ письмѣ далъ слѣдующій отзывъ о дѣятельности лицъ, подобныхъ Веймару: „Неоспоримо, что поведеніе сихъ наборщиковъ, кои смѣло во зло употребляютъ качество коммисаровъ россійской короны и кои не упускаютъ ничего для обману сельскихъ людей, весьма сильной дѣлаетъ нашему предпріятію вредъ, вперяя противу онаго во всѣхъ имперскихъ

областяхъ ненавистнѣйшія и самыя противныя мысли. Не оставивъ сіе заблаговремянно предупредить, не могу я себѣ сдѣлать никакого выговора, естли въ произведеніи мѣръ для умноженія нашихъ селеній случатся иногда такія обстоятельства, коихъ совсѣмъ не ожидали-бы".

Вице-канцлеръ счелъ нужнымъ доложить письмо Симолина императрицѣ, которая осталась недовольна неисполненіемъ ея указа о прекращеніи наборовъ, и на французскомъ оригиналѣ письма написала слѣдующій „ремаркъ": „Кому больше вѣрить— моимъ-ли указамъ, чтобъ больше не набирать, или требованію пашпортовъ одного бродяги? Канцелярія опекунства иностранныхъ, конечно, увѣрена, что сего достовѣрнаго запрещенія довольно, и я не вижу, въ чемъ-бы она могла упущеніе сдѣлать, ибо она публиковала уже объ отложеніи наборовъ, и что она ничего послѣ не отмѣняла въ разсужденіи г-на Симолина; итакъ онъ не долженъ защищать наборщиковъ, или онъ ошибается. Поговорите съ г-номъ Панинымъ о томъ, что я на сторонѣ сего письма написала" [1]).

Результатомъ разговора Голицына съ Никитою Панинымъ былъ императорскій рескриптъ на имя Симолина, данный въ Москвѣ 16-го іюля 1767 г. „Понеже", говорилось въ рескриптѣ, „высочайшее Наше повелѣніе объ отложеніи набора для отправленія въ Россію иностранныхъ колонистовъ отъ Нашей канцеляріи опекунства иностранныхъ повсюду уже обнародовано, по которому и вамъ поступать надлежитъ, того ради симъ повелѣваемъ вамъ впредь какъ вышеписанному Веймару, такъ и другимъ являющимся у васъ ему подобнымъ паспортовъ не давать, слѣдовательно-жь и никакого вспоможенія и обнадеживанія имъ не чинить, но единственно отзываться только учиненнымъ о неотправленіи болѣе въ Россію иностранныхъ колонистовъ генеральнымъ обнародованіемъ" [2]).

Не столь рѣшительно въ вопросѣ о новыхъ эмигрантахъ держала себя канцелярія опекунства иностранныхъ.

Весною-же 1767-го года къ ея коммиссару въ Любекѣ Лембке стали являться колонисты, набранные еще осенью 1766-го года „нѣкоторыми офицерами Борегардовой колоніи", и требовали принять ихъ для отправленія въ Россію, но Лембке, „въ силу даннаго ему изъ экспедиціи" канцеляріи опекунства „указу" отказался

---

1) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: „О колонистахъ", Ч. V, — переводъ съ письма къ вице-канцлеру отъ Симолина изъ Регенсбурга отъ $^3/_{14}$ мая 1767 г.— Подлинниковъ его писемъ въ дѣлахъ „О колонистахъ" не имѣется.

2) Тамъ же: Рескриптъ къ министру въ Регенсбургѣ Симолину.

исполнить ихъ требованіе. Изъ разговора съ ними Лембке узналъ, „что въ разныхъ мѣстахъ не малое число колонистовъ находятся, кои отъ помянутыхъ Борегардовыхъ офицеровъ обнадежены, что въ Россію отправлены быть имѣютъ“. За разъясненіемъ этого обстоятельства Лембке обратился съ письмомъ къ довѣренному лицу Кано де Борегара „подполковнику“ Монжу, который отвѣтилъ ему, что онъ съ своей стороны съ каждой почтой ожидаетъ извѣстія отъ своего „шефа“—Борегара „о дозволеніи колонистовъ, прошлаго года уже принятыхъ, симъ лѣтомъ въ Россію ввозить“. Недоумѣвая, какъ ему въ этомъ случаѣ поступить, Лембке о всемъ вышеизложенномъ донесъ въ экспедицію канцеляріи опекунства, откуда получилъ отвѣтъ, „что барону де Борегарду велѣно всячески *стараться, безъ предосужденія Россійской имперіи, колонистовъ отъ выходу* нынѣшнимъ лѣтомъ *въ Россію воздержать*, ежели-жь оттого какіе будетъ имѣть убытки, въ томъ взять ему, Борегарду, отъ здѣшнихъ въ иностранныхъ мѣстахъ находящихся министровъ и отъ него комисара засвидѣтельствованіи“ [1]).

Кано де Борегаръ однако не унывалъ и не терялъ надежды на то, что ему удастся выхлопотать позволеніе на перевозку колонистовъ въ Россію.

15/26 іюля 1767-го года изъ Амстердама онъ обратился къ русскому правительству съ „меморіаломъ“, въ которомъ ходатайствовалъ о дозволеніи ему привезти въ Россію по крайней мѣрѣ сто лучшихъ и нужнѣйшихъ семействъ, выбранныхъ изъ числа завербованныхъ имъ въ прошломъ 1766-мъ году 300—400 семействъ. Не забылъ Борегаръ при этомъ припугнуть и тѣмъ „предосужденіемъ Россійской имперіи“, котораго такъ боялась канцелярія опекунства, утверждая, что въ случаѣ неисполненія его просьбы, „Россійскаго государства славѣ отъ скорой перемѣны прежнихъ обстоятельствъ неописанной вредъ учинится, ибо оное дѣло въ Германіи въ гораздо худомъ состояніи, нежели себѣ представить можно“ [2]).

Этотъ аргументъ возымѣлъ свое дѣйствіе, и канцелярія опекунства иностранныхъ дозволила Кано де Борегару отправить въ

---

[1]) Архивъ Министерства Земледѣлія и Госуд. Имуществъ, № 25.697—„О заключеніи контракта съ барономъ Борегардомъ о вызовѣ ему въ Россію на поселеніе колонистовъ и о разныхъ ево Борегарда о семъ дѣлѣ происшествіяхъ“: рапортъ Лембке въ экспедицію канцеляріи опек. ин. отъ 9/20 мая 1767 г. и рапортъ экспедиціи въ канцелярію опекунства отъ 28 мая 1767 г.

[2]) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25697, листы 204—205: рапортъ экспедиціи канцеляріи опекунства во оную канцелярію отъ 9 августа 1767 года; „меморіалъ“ Борегара отъ 15/26 іюля 1767 г. (листы 210—225).

Россію осенью 1767-го года сто семействъ, но отнюдь не болѣе, на каковой предметъ предписала коммиссару Лембке въ Любекѣ употребить часть казенныхъ денегъ, оставшихся послѣ умершаго предшественника его коммиссара Шмита и возвращаемыхъ родственниками послѣдняго (25.879 марокъ и 4 шиллинга любскихъ).

„Хотя“, говорилось въ указѣ канцеляріи отъ 27-го августа 1767 г., „канцелярія опекунства иностранныхъ по силѣ учиненныхъ многократно барону Борегарду наикрѣпчайшихъ подтвержденій о невызовѣ въ нынѣшнемъ году въ Россію иностранцевъ и не имѣетъ причины въ выше-объявленномъ его прошеніи объ отправленіи нынѣ ста фамилей ему снисхожденіе оказывать, однако канцелярія опекунства иностранныхъ за благо разсудила позволить ему, Борегарду, изъ набранныхъ для колоніи его иностранцевъ еще нынѣшней осени отправить въ Россію сто фамилей по той только причинѣ, что оные, по объявленію его, Борегарда, принести могутъ по особымъ своимъ искусствамъ государству знатную пользу, и что они контракты съ нимъ заключили дѣйствительно еще прошлаго года лѣтомъ“[1]).

Въ силу этого разрѣшенія Борегаръ осенью 1767-го года успѣлъ отправить въ Россію всего отъ 30 до 40 семействъ, а потому въ слѣдующемъ 1768-мъ году возбудилъ ходатайство о дозволеніи ему отправить въ Россію недостающее до ста количество семействъ, но его хлопоты на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ; канцелярія опекунства даже пригрозила Борегару, что если онъ не явится въ нее[2]) въ первыхъ числахъ августа 1768-го года „для окончанія съ нимъ рощета и учиненія надлежащаго постановленія о будущихъ колонистскихъ наборахъ въ дополненіе полнаго числа семей по его контракту“[3]), то она расторгнетъ послѣдній и распуститъ всѣхъ его (Борегара) „колонныхъ офицеровъ“ и прочихъ уполномоченныхъ, т. е. обратитъ его колонистовъ въ „коронныхъ“[4]).

Канцелярія опекунства вполнѣ основательно уже не вѣрила тому, что тѣ семейства, объ отправленіи которыхъ теперь (въ 1768-мъ году) ходатайствовалъ Борегаръ, были завербованы имъ

---

1) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25697, листъ 236: „Указъ изъ канцеляріи опекунства иностранныхъ экспедиціи оной канцеляріи“ отъ 27 августа 1767-го года.

2) Борегаръ жилъ въ Голландіи, въ Утрехтской провинціи, въ замкѣ Брокгаузенъ. Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25697, листъ 387.

3) 3000 семей.

4) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25697, листъ 277: опредѣленіе канцеляріи опекунства иностранныхъ отъ 19 іюня 1768-го года. Отказъ Борегару въ его просьбѣ данъ былъ канцеляріей чрезъ русскаго посла въ Гагѣ графа Воронцова еще ранѣе 19-го іюня.

еще два года тому назадъ, т. е. до прекращенія наборовъ, и слѣдовательно его отправки колонистовъ были тѣмъ-же продолженіемъ вербовокъ, о прекращеніи которыхъ было объявлено во всеобщее свѣдѣніе осенью 1766-го года.

Но Борегаръ зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и, не дожидаясь отвѣта изъ канцеляріи опекунства на свое ходатайство, отправилъ изъ Амстердама въ Россію 29 человѣкъ колонистовъ. 16-го іюня 1768-го года голландскій шкиперъ Іоль Сибелсъ явился въ канцелярію опекунства и, представивъ данную ему Борегаромъ ассигновку, потребовалъ уплаты по ней 857 гульденовъ и 10 штиверовъ голландскихъ „курантныхъ", т. е. 394 рубля 25 коп. по тогдашнему курсу[1]), „за перевозъ и прокормленіе въ пути" означенныхъ колонистовъ. Борегаръ не ошибся въ разсчетѣ. Канцелярія не сочла возможнымъ отказать ни въ пріемѣ колонистовъ, ни въ выдачѣ денегъ. „Хотя", говорилось въ опредѣленіи канцеляріи по этому дѣлу, „оному барону Деборегарду на вывозъ въ нынѣшнемъ году колонистовъ отъ канцеляріи никакого позволенія и не дано, да и предъ недавнимъ времянемъ чрезъ пребывающаго въ Гагѣ россійскаго императорскаго министра графа Воронцова ему-же подтверждено, что канцелярія приняла твердое намѣреніе отъ него никакихъ представленей или прошеней о денежныхъ выдачахъ до пріѣзда его въ Россію вовсе не принимать, а тѣмъ меньше нынѣ причинъ имѣетъ просто по его ассигнаціи выдать деньги, однако *для сохраненія славы,* которую имѣютъ въ чужихъ краяхъ россійскія селенія, принужденною себя нашла вышеозначенныхъ колонистовъ, яко въ непорядочныхъ его, Борегарда, поступкахъ невиновныхъ, принять, о каковомъ ихъ принятіи къ находящемуся въ Ораніенбаумѣ поручику Арнольдію и указъ посланъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено уплатить требуемыя деньги, по довѣренности Сибелса, петербургскому купцу Петеръ фанъ деръ Флицу[2]).

Даннымъ въ ноябрѣ 1766-го указомъ воспрещался только *вызовъ* колонистовъ, ихъ вербовка за границей черезъ спеціальныхъ агентовъ, но ничего не говорилось о тѣхъ иностранцахъ, которые пріѣдутъ въ Россію сами собою, „на своемъ коштѣ", и пожелаютъ поступить въ колонисты. Поэтому опредѣленіемъ своимъ отъ 7-го августа 1767-го года канцелярія опекунства признала, что пріемъ таковыхъ иностранцевъ не противорѣчитъ означенному указу.

---

[1]) Рубль равнялся сорока тремъ съ половиной ($43^1/_2$) штиверамъ.
[2]) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25 697, листъ 280.

Въ силу этого опредѣленія въ 1767-мъ году выѣхало въ Россію и было принято въ число колонистовъ — 79 семействъ, въ 1768-мъ году — 12 семействъ, въ 1769 — 5 семействъ, въ 1770-мъ году—никого „въ выѣздѣ не было", въ 1771-мъ году прибыло и зачислено въ колонисты 7 семействъ, въ 1772-мъ году—25 семействъ, а всего по 1772 годъ включительно было принято 128 семействъ, въ которыхъ состояло 574 души мужескаго и женскаго пола[1]). Сверхъ этого въ 1773-мъ году было принято въ колонисты и отправлено въ Саратовъ въ одной партіи 30 человѣкъ[2]).

Въ виду того, что среди набранныхъ до прекращенія *вызова* колонистовъ (1763—1766 гг.) оказался значительный процентъ лицъ не способныхъ къ земледѣльческому труду, пріѣзжавшихъ „на своемъ коштѣ" и желавшихъ поступить въ колонисты иностранцевъ стали теперь подвергать экзамену въ знаніи хлѣбопашества. Экзаменъ производился въ канцеляріи опекунства иностранныхъ. Послѣ окончанія экзамена составлялся „журналъ", въ которомъ о выдержавшихъ испытаніе отмѣчалось, что „онъ (такой-то) на требуемые отъ него канцеляріею вопросы въ знаніи искусства хлѣбопашества отвѣтствовалъ исправно", а посему подлежитъ пріему въ колонисты и отправленію въ Саратовъ. Принятымъ въ колонисты предоставлялись всѣ права и преимущества, дарованныя манифестомъ 22-го іюля 1763-го года; со дня принятія они получали кормовыя деньги; имъ выдавались деньги на дорогу до Саратова, а также деньги „въ ссуду"; наконецъ, обыкновенно канцелярія опекунства уплачивала изъ своихъ суммъ даже и шкиперамъ „за провозъ" колонистовъ въ Россію [3]).

На мѣста водворенія старались отправлять колонистовъ партіями; во главѣ каждой партіи становился выборный „староста"; не избѣгали впрочемъ отправленія колонистскихъ семействъ и въ одиночку.

Напримѣръ, въ одномъ изъ „журналовъ" канцеляріи опекунства за 1771-ый годъ читаемъ:

„Въ канцеляріи опекунства иностранныхъ разсуждаемо было, что ни отъ кого никакихъ требованій на желающаго быть въ колонистахъ иностранца Карла Густава Орре въ канцелярію не

---

[1]) Государственный Архивъ: „изъ канцеляріи опекунства иностранныхъ учрежденному къ принятію на всевысочайшее ея и-го величества имя челобитенъ г-ну коллежскому совѣтнику Козицкому Извѣстіе" отъ 14-го февраля 1773-го года.

[2]) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25882: „О выѣхавшихъ въ 1773-мъ году колонистахъ".

[3]) Тамъ-же, № 25867 и 25882.

вступило, и онъ на вопросы, учиненные канцеляріею въ знаніи хлѣбопашества, отвѣтствовалъ исправно, того ради приказали:

ево Орре въ число колонистовъ принять, привесть ево къ присягѣ и, выдавъ ему въ ссуду восемь рублевъ, да кармавыхъ съ женою на два мѣсяца и на платежъ до Саратова на одну ямскую подводу прогоновъ, сколько по разсчисленію причтется, отправить ево на поселеніе въ Саратовъ и о томъ написать“ [1]).

Хотя эмиграція изъ Германіи въ Россію послѣ прекращенія *вызова* и сократилась до ничтожныхъ размѣровъ, но раздраженіе въ Германіи противъ выселеній нѣмцевъ за границу не улеглось, въ особенности въ юго-западныхъ округахъ имперіи. Вопервыхъ въ самомъ объявленіи русскаго правительства, опубликованномъ въ концѣ 1766-го года, ясно указывалось на то, что вызовъ колонистовъ только пріостановленъ на неопредѣленное время, а не окончательно прекращенъ, и, слѣдовательно, можно было опасаться, что Россія не преминетъ возобновить его при благопріятныхъ условіяхъ; вовторыхъ, не одна Россія вербовала для себя въ Германіи колонистовъ, но и другія европейскія государства, какъ напр. Англія и Франція для своихъ американскихъ колоній.

Мѣры, принимаемыя князьями юго-западной Германіи противъ вербовки ихъ подданныхъ иностранными державами, парализовались поведеніемъ вольныхъ имперскихъ городовъ, которые охотно давали у себя пріютъ и вербовщикамъ и эмигрантамъ [2]); поэтому князья вторично обратились къ императору Іосифу II съ просьбой издать общее для всей имперіи, слѣдовательно обязательное и для имперскихъ городовъ, узаконеніе о воспрещеніи вербовокъ въ имперіи и эмиграціи изъ нея. Императоръ на этотъ разъ уступилъ ихъ просьбѣ и 7 іюля (нов. ст.) 1768-го года издалъ соотвѣтствующій эдиктъ.

Обращаясь къ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ Германіи, императоръ въ этомъ эдиктѣ писалъ:

---

[1]) Тамъ-же, № 25867: „О явившихся въ 1771 г. и принятыхъ въ число колонистовъ иностранцахъ“.

[2]) Устройство сборнаго колонистскаго пункта въ какомъ-либо городѣ давало жителямъ послѣдняго значительные барыши. Объ отношеніяхъ гражданъ Любека къ русскимъ колонистамъ Иванъ Нилусъ въ „доношеніи“ отъ 29 декабря 1766 г./9 генваря 1767 г. писалъ слѣдующее: „Колонисты, сколь главные онаго города (Любека) того не скрывали-бъ, имъ не столь въ отягощеніе, какъ весьма пріятные гости были, потому что, умалчивая о учиненныхъ ими у меня вопросахъ о колонистахъ на будущей годъ, кои вопросы быть могли столь лехко жадности, какъ любопытства ради, ихъ-же сограждани и мѣщаня сами мнѣ сказывали, что они не помнютъ такихъ нажиточныхъ годовъ, какъ были при колонистахъ нашихъ, а особливо сего лѣта, что по оныхъ много у нихъ осталось денегъ, что естьли не колонисты, то сею осенью множество у нихъ было-бъ банкрутовъ, и что отъ нихъ исправились ихъ мѣщаня и купцы“ (Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. „О колонистахъ“, Ч. V).

„Мы напоминаемъ и требуемъ отъ вашей милости, отъ свѣтскихъ и духовныхъ князей, какъ другъ, родственникъ, дядя и милостиво, другимъ-же всемилостивѣйше и серьезнѣйшимъ образомъ повелѣваемъ, въ особенности вамъ бургомистрамъ и ратманамъ Нашихъ и имперскихъ городовъ, преимущественно-же Любека, Бремена и Гамбурга, по Нашей императорской власти и Нашему серьезному обдуманному желанію, чтобы вы:

1) никому, кто-бы онъ ни былъ, не позволяли иначе, какъ путемъ согласнымъ съ имперскими узаконеніями, выходить изъ предѣловъ священной Римской имперіи въ другія страны, не состоящія ни въ какой связи съ имперіей;

2) имѣли бдительный надзоръ за тѣми, кто тайно намѣревается удалиться, арестовали ихъ по совершеніи такого проступка и подвергали ихъ соотвѣтствующему наказанію по сути дѣла [1]);

3) никому не дозволяли отчужденія имѣній и имущества съ преступнымъ намѣреніемъ добыть средства къ запрещенному выселенію, а напротивъ приняли достаточныя мѣры предупрежденія;

4) собирали точнѣйшія свѣдѣнія о гдѣ-либо проживающихъ или разъѣзжающихъ вербовщикахъ, эмиссарахъ, соблазнителяхъ, посредникахъ и ихъ помощникахъ, и оныхъ при возникновеніи подозрѣнія арестовали и подвергали по усмотрѣнію тѣлесному наказанію, а въ крайнихъ случаяхъ смертной казни;

5) нигдѣ ни подъ какимъ видомъ вышеозначеннымъ людямъ не предоставляли ни тайно, ни публично мѣста сборища, слѣдовательно точнымъ частымъ осмотромъ имѣли внимательное наблюденіе, нарушали имѣющіяся на лицо собранія, забирали завѣдомо виновныхъ, другихъ-же отсылали въ мѣста рожденія или жительства;

6) всѣмъ перевозчикамъ и извозчикамъ, разсыльнымъ и проводникамъ, хозяевамъ и трактирщикамъ, помимо всеобщаго обнародованія, особо объявить этотъ Нашъ императорскій указъ и запрещеніе, и затѣмъ, чтобы вы,

7) какъ это исполнили и какія дальнѣйшія мѣры нужны для достиженія этой конечной цѣли, благопристойно и во время сообщили Намъ или созывающимъ князьямъ, къ которымъ вы принадлежите, дабы въ случаѣ воспослѣдовавшаго, противно упомянутому Нашему императорскому распоряженію, попустительства, снисхожденія и ошибки не нужно было-бы принимать изъ-за этого

---

[1]) Т. е. на основаніи того, что окажется при слѣдствіи.

по отношенію къ самимъ мѣстнымъ властямъ непосредственныхъ, болѣе строгихъ и неминуемыхъ мѣръ“ [1]).

Черезъ мѣсяцъ приблизительно послѣ изданія, императорскій эдиктъ или рескриптъ былъ полученъ въ Любекѣ, и городскія власти послѣдняго (магистратъ) сообщили его коммиссару Лембке „съ такимъ объявленіемъ, что они нынѣ болѣе не могутъ дозволить собираться въ томъ городѣ выходящимъ римской имперіи подданнымъ и проходить сквозь оной, поелику то противно будетъ означенному императорскому рескрипту, по которому они не могутъ преминуть чинить исполненіе въ разсужденіи извѣстной отъ его Римскаго императорскаго величества зависимости ихъ“.

Русскій резидентъ въ Гамбургѣ Гроссъ справедливо счелъ одною формальностью „объявленіе“ городскихъ властей, и въ своей реляціи (отъ 8/19 августа 1768-го года) выразилъ надежду, что „не смотря на то имянное императорское запрещеніе, Любской магистратъ, для собственной своей пользы, по возможности подъ рукою станетъ способствовать выходу и сбору цѣлыхъ нѣмецкихъ семей, желающихъ поселиться“ въ Россіи [2]).

Вѣроятно не безъ связи съ появленіемъ означеннаго императорскаго эдикта по просьбѣ князей, желавшихъ простымъ запрещеніемъ положить конецъ эмиграціи, стоитъ изданіе въ Германіи книжки неизвѣстнаго автора:

„Briefe über die Auswanderung der Unterthanen, besonders nach Russland“. Gotha 1770. (20 писемъ, 110 страницъ).— Въ ней проводится та мысль, что князья сами виноваты въ томъ, что подданные бѣгутъ изъ ихъ владѣній.

„Въ наше время“, читаемъ въ V-мъ письмѣ этой книги, [3]) земледѣлецъ, говоритъ г-нъ фонъ Лоенъ, самая несчастная тварь, крестьяне—рабы, а ихъ рабочихъ едва-ли можно отличить отъ скота, который они пасутъ. Приходишь въ деревню, тамъ дѣти бѣгаютъ полунагими и съ крикомъ выпрашиваютъ милостыню; родители едва имѣютъ только нѣсколько лохмотьевъ на тѣлѣ, чтобы прикрыть свою наготу; двѣ-три тощихъ коровы должны обрабатывать поле и давать молоко; ихъ житницы пусты, ихъ хижины каждую минуту грозятъ обрушиться, сами они имѣютъ весьма жалкій видъ.

---

[1]) Москов. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, „О колонистахъ“ Ч. V: приложеніе къ реляціи резидента Гросса изъ Гамбурга, № 10.

[2]) Москов. Гл. Архивъ Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ“, Ч. V., переводъ съ реляціи резидента Гросса изъ Гамбурга отъ 8/19 августа, полученной въ 24 день августа 1768 года.

[3]) 18 стр.

„Горе тѣмъ князьямъ, которые своими похотями, тиранствомъ и дурнымъ хозяйничаньемъ причиняютъ несчастіе столькимъ людямъ! Крестьянинъ постоянно устрашается барщиной, службой на побѣгушкахъ, травлей на охотѣ, рытьемъ шанцевъ и т. д. Онъ долженъ съ утра до вечера перерывать пашню, палитъ-ли его зной, или цѣпенѣетъ онъ отъ холода. По ночамъ лежитъ онъ въ полѣ и почти становится дикимъ звѣремъ, чтобы пугать дикихъ звѣрей, дабы они не опустошали посѣвовъ. Что вырывается изъ зубовъ дикаго звѣря, впослѣдствіи суровый чиновникъ беретъ въ зачетъ недоимокъ.

Что это описаніе въ особенности примѣнимо къ нашему времени, этому, я надѣюсь, вы не станете противорѣчить, или утверждать, что краски слишкомъ сгущены.

Иначе я бы вамъ указалъ на печальный примѣръ, который намъ даетъ негодующій г. Мозеръ.

Тысячи патріотовъ говорятъ тѣмъ-же печальнымъ языкомъ, но изъ ихъ сочиненій вы не такъ подробно познакомитесь съ жалкой судьбой большинства людей, какъ давъ себѣ трудъ лично навѣстить бѣдныя хижины.

Когда и подданный это видитъ, — а убѣдиться онъ долженъ, потому что это его ближе всего касается—когда онъ явно замѣчаетъ, что онъ или уже разоренъ, или еще мало помалу долженъ быть приведенъ къ крайней нуждѣ, что онъ долженъ своею жизнію и кровью удовлетворять прихотямъ своего князя и его недостойныхъ любимцевъ: что ему дѣлать? *Самое разумное, самое справедливое и соотвѣтствующее его долгу средство — уйти изъ страны недостойной хорошихъ подданныхъ и искать другую, гдѣ ихъ цѣнятъ и ищутъ.* Такимъ образомъ онъ покидаетъ, хотя то дѣлаетъ и неохотно, свое отечество, знакомыхъ, друзей, удобства общественной жизни и т. д. Съ огорченнымъ сердцемъ онъ выбираетъ, какъ мудрецъ, изъ двухъ золъ меньшее, онъ лучше хочетъ попытать счастія, чѣмъ остаться въ странѣ, гдѣ неминуема его гибель“.

Эдиктъ Іосифа II *въ данный моментъ* не могъ имѣть практическаго значенія для русскаго правительства: его вниманіе, силы и средства на нѣкоторое время всецѣло поглощаются польскими дѣлами, первой турецкой войной и пугачевскимъ бунтомъ. Оно не только не думаетъ теперь о продолженіи вербовокъ колонистовъ, но повидимому не имѣетъ возможности заняться и упорядоченіемъ внутренней жизни колоній, водворенныхъ въ Поволжьѣ. Только со второй половины семидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія иностранная колонизація становится снова предметомъ усиленныхъ работъ русскаго правительства.

V. Водвореніе колонистовъ въ Поволжьѣ и колоніи вызывателей.

Бóльшая часть колонистовъ, вызванныхъ съ 1763—1766 гг., а равно и выѣхавшихъ въ Россію послѣ прекращенія вызова (1767—1773 гг.) была направлена правительствомъ для водворенія въ Поволжье. Между 1764—1768 гг. здѣсь было основано 63 вызывательскихъ и 41 коронная колонія [1]).

Большинство первыхъ было расположено на лѣвой (луговой) сторонѣ Волги въ предѣлахъ нынѣшней Самарской губерніи. Здѣсь находились колоніи Кано де-Борегара и вызывательскаго товарищества-Питетъ, Леруа (Зонтагъ).

„Подъ дирекціей“ Кано де-Борегара состояли слѣдующія 27 основанныхъ имъ колоній:

Шафгаузенъ (при рѣкѣ Статюмѣ), *Кларисъ* (Гларусъ, Биберштейнъ, при р. Статюмѣ), *Баратаевка* (Бартеневка, Беттингеръ, при рѣчкѣ Вортубѣ, *Цюрихъ* (Цырхъ, при рѣчкѣ Подстепной, *Базель* (Крацъ, при озерѣ Дубовомъ), *Золотурнъ* (Витманъ, при рѣчкѣ Подстепной), *Панинская* (Шенхенъ, при рѣкѣ Каришинѣ), *Цугъ* (Гатунгъ, при рѣчкѣ Каринѣ), *Луцернъ* (Ремлеръ, при рѣчкѣ Воложкѣ), *Унтервальденъ* (Мейгартъ, при рч. Воложкѣ), *Сусанненталь* (Сузенталь, Винкельманъ, при рч. Воложкѣ), *Баскаковка* (Киндъ, при рч. Воложкѣ), *Рязановка* (Небъ, при рѣкѣ Тащанкѣ), *Брокгаузенъ* (Гуммель, при рѣкѣ Тыманкѣ), *Гокербергъ* (Боонъ, при р. Тыманкѣ), *Орловская* (при р. Волгѣ), *Обермонжу* (при безыменномъ озерѣ), *Екатериненштадтъ* (Баронскъ, при р. Волгѣ), *Борегардъ* (при рч. Караманѣ), *Паульская* (при рч. Караманѣ), *Кано* (при рч. Караманѣ), *Филипсфельдъ* (при рч. Караманѣ), *Боару* (Боаро, при рч. Караманѣ), *Эрнестинендорфъ* (при рч. Ка-

[1]) „Вызывательскихъ колонистовъ“ было водворено „противу коронныхъ пятью стами семьями больше“. Архивъ Мин. Земледѣлія и Госуд. Им., № 25.838: „Описаніе поступковъ вызывательскихъ въ ново-заведенныхъ колонистскихъ селеніяхъ“.

раманѣ), *Нидеръ-Монжу* (Нидермонжъ, Бобровка, при р. Лизель и при озерѣ, невдалекѣ отъ рч. Карамана).

Всѣ эти колоніи образовали цѣльный въ территоріальномъ отношеніи округъ [1]), не разъединенный другими владѣніями, свободный отъ черезполосицы (согласно выраженному Кано де Борегаромъ пожеланію въ его контрактѣ).

Къ югу отъ колоній Берегара было устроено восемь коронныхъ колоній, составившихъ особый „округъ лютерского закона", а именно:

Красный Яръ (Краснояръ, Краснояровка, главное селеніе въ округа, при р. Березовкѣ), *Подстепная* (Розенгеймъ, при р. Березовкѣ), *Теляуза* (Фишеръ, Прозументская, при р. Маломъ Караманѣ), *Устъ-Караманъ* (Эндерисъ, при р. Маломъ Караманѣ), *Звонаревъ-Кутъ* (Шталь, при р. Маломъ Караманѣ), *Звонаревка* (Schweden — поселены были колонисты шведы, при р. Маломъ Караманѣ), *Старица* (Рейнвальдъ, при р. Большомъ Караманѣ) и *Луговая Грязнуха* (Шульцъ, при р. Большемъ Караманѣ).

Эти восемъ колоній были единственными коронными колоніями на лѣвой (луговой) сторонѣ Волги и отдѣляли собою колоніи Кано де Борегара отъ колоній Леруа и Питета.

Послѣднія составили два округа, отдѣленные одинъ отъ другого значительнымъ разстояніемъ: первый былъ расположенъ по рѣкѣ Большому Караману, а второй—„по рѣкѣ Волгѣ и по рѣкамъ Тарлыкамъ".

По рѣкѣ Большому Караману было расположено 9 колоній Питета и Леруа:

Осиновка (Рейнгартъ), *Липовый Кутъ* (Урбахъ), *Липовка* (Шеферъ,) *Роскаты* (Раскаты, Ролендеръ), *Крутояровка* (Графъ), *Суслы* (Герцогъ), *Тонкошуровка* (Дубовой, Маріенталь — главное поселеніе въ округѣ и мѣстопребываніе коммиссара вызывателей Питета и Леруа — Гогеля), *Отроговка* (Люй, Мечетная) и *Хансоль* (Хензюля).

Второй округъ Питета и Леруа составили слѣдующія 16 колоній:

Казицкая (Брабендеръ, Брабенбергъ, при р. Березовомъ Ярѣ), *Березовка* (Теллеръ, при р. Березовомъ Ярѣ), *Зауморье* (Бангертъ, Усовая, при р. Бахъ), *Степная* (Шталь, Лопатина,

---

[1]) Toutes ces colonies sont de la direction du baron de Beauregard, gouvernées par son commissaire, qui y exerce la jurisdiction". См. „Essay geographique sur la Russie par Philippe Henry Dillhey, imprimé à l'université impériale de Moscou, l'an 1771: Des colonies établies en Russie selon le manifeste de sa majesté impériale Catherine II de l'an 1763".

при р. Кривушѣ), *Вольская* (Кукусъ, при р. Кривушѣ), *Яблоновка* (Лаубе, при р. Тарлыкѣ), *Тарлыкъ* (Лаубъ, при р. Тарлыкѣ), *Поповкина* (Іостъ, при р. Тарлыкѣ), *Тарлыковка* (Динкель, Тинкель, при р. Тарлыкѣ), *Скатовка* (Альтъ-Штраубъ, при р. Санкуловкѣ), *Привальная* (Варенбургъ, при р. Санкуловкѣ), *Краснополье* (Прейсъ, при р. Маусъ) [1]), *Кочетная* (Гельцель, при р. Кацѣ), *Ровная* (Зельманъ, при р. Подстепной, противъ села Золотого), *Кустарево* (при р. Сазанѣ) и *Красноринoвка*) [2]).

Колонисты, вызванные товариществомъ Дебофа, Менье де-Прекура и д'Отерива были водворены по правой (нагорной) сторонѣ Волги, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣдней, вѣроятно потому, что среди нихъ находились представители „легкомысленныхъ народовъ“ —французы: для поселенія ихъ канцеляріи опекунства иностранныхъ, какъ выше было упомянуто [3]), считала цѣлесообразнымъ избрать мѣста „въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ границъ сосѣдственныхъ державъ“.

1586 душъ (434 семьи) колонистовъ „вызову Дебофа съ товарищи“ образовали 11 колоній, составившихъ два округа: „округъ вызову 1765 году“ и „округъ вызову 1766 году“.

Въ составъ перваго вошло 7 колоній:

Россоши (Французы, колонія первоначально населенная одними французами, на рѣчкѣ Россошѣ, верховьѣ рѣки Иловли), *Копенка* (Фольмаръ, Луговой, па правомъ берегу р. Иловли), *Грязноватка* (Шукъ, Шухъ, на лѣвомъ берегу рѣчки Грязноватки, правомъ притокѣ р. Иловли въ ея верховьѣ), *Починная* (Кратская, Крацкій, Градская, на правомъ берегу рѣки Карамыша), *Макаровка* (Меркель, на рѣчкѣ Макаровкѣ, при впаденіи ея въ р. Карамышъ), *Карамышевка* (Бауэръ, на лѣвомъ берегу р. Камыша, противъ впаденія въ него рѣчки Каменки) и *Каменный Оврагъ* (Декотъ, на верховьѣ рч. Каменки).

Въ „округъ вызову 1766 году“ вошло 4 колоніи:

Верховье (Зеевальдъ, на правомъ берегу р. Карамыша; среди жителей этой колоніи есть нѣсколько семействъ съ французскими фамиліями) [4]), *Памятная* (Ротгаммель, при вершинѣ р. Карамыша;

---

[1]) По Дильтею: „между малыми рѣчками Волговкою и Кочичною“ (Кочетною).

[2]) Военно-ученый Архивъ Главнаго Штаба V, 543: „Вѣдомость о числѣ способныхъ и неспособныхъ къ хлѣбопашеству колонистовъ“... Февраля 14 дня 1769 г. Въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ“ (Самарская Губернія) и у Клауса („Наши колоніи“, приложеніе II, стр. 15) обѣ колоніи показаны, какъ составляющія одно цѣлое; годомъ основанія Клаусъ считаетъ 1788 г. Очевидно онъ ошибочно принялъ годъ ихъ сліянія за годъ основанія.

[3]) См. 58 стр.

[4]) Минхъ, Историко-географическій словарь Саратовской губеніи, 118 стр.

есть нѣсколько семействъ съ французскими фамиліями)[1]), *Вершинка* (Кауцъ, у рѣчки Вершинки, праваго притока р. Карамыша) и *Олешна* (Олешня, Елшанка, Титтель, Диттель, на правомъ берегу рѣчки Елшанки, верстахъ въ 3-хъ отъ впаденія ея въ р. Карамышъ).

Съ сѣверо-запада, сѣвера и востока колоніи „Дебофа съ товарищи" были окружены *коронными* колоніями, коихъ по правую сторону Волги было устроено 33. Онѣ группировались въ округа, и въ основу этой группировки первоначально былъ положенъ вѣроисповѣдной принципъ.

Мы приведемъ здѣсь коронные округи съ ихъ колоніями въ томъ порядкѣ, въ какомъ они расположены въ „Генеральномъ планѣ" занятой подъ поселеніе иностранныхъ колонистовъ окружности[2]).

Округъ „лютерскаго закона" № 2:

Таловка (Бейдекъ, главное селеніе округа, на почтовомъ Саратовско-Астраханскомъ трактѣ и рч. Таловкѣ) и *Сосновка* (Шиллингъ, на правомъ берегу Волги, близь границы Саратовскаго и Камышинскаго уѣздовъ).

Округъ „реформаторскаго закона" № 3:

Голый Карамышъ (Бальцеръ, Панцырь, главное селеніе округа, на рѣчкѣ Голый Карамышъ, правомъ притокѣ р. Карамыша), *Савастьяновка* (Севостьяновка, Антонъ, въ 4 верстахъ отъ Волги, при рѣчкѣ Севостьяновкѣ), *Ключи* (Моръ, на истокахъ рѣчки Ключи, впадающей въ р. Голый Карамышъ), *Усть-Залиха* (—Зелиха,—Золиха, Мессеръ, при большой Саратовско-Астраханской дорогѣ, на рѣчкахъ—Золихѣ и Голомъ Карамышѣ), *Поповка* (Пфафенъ-хуторъ, Бренингъ, Нейманъ, на обоихъ берегахъ рѣчки Поповки, при впаденіи ея въ р. Карамышъ).

---

[1]) Тамъ-же, 736 стр.

[2]) Военно-Ученый Архивъ Главнаго Штаба: „Генеральный планъ по имянному ея—и-го в-ва указу занятой окружности подъ поселеніе иностранныхъ съ показаніемъ на ономъ какъ отмежеванныхъ округами ко всякой колоніи порознь земель поселившимся иностранцамъ, такъ и нарѣзовъ прежнимъ жительствамъ по положенной пропорціи, по числу душъ, какъ внутри состоящимъ въ окружности, такъ и прикосновеннымъ, равно и обойденныхъ по владѣнію прежнихъ жителей дачъ, которымъ еще нарѣзовъ не учинено, съ показаніемъ-же при томъ оставшихъ за отводомъ и нарѣзомъ государственныхъ земель, также и владѣнія войска Донскаго казаковъ. Сочиненъ 1768 года". Тамъ-же—„Описаніе плана".

Округъ „реформаторскаго закона“ № 4:

Норка (по обоимъ берегамъ рѣчки Норки, на сѣверѣ Камышинскаго уѣзда, верстахъ 4-хъ отъ границы Саратовскаго, главн. селенія округа) и *Сплавнуха* (Гукъ, на рѣчкѣ Елховкѣ, близъ р. Сплавнухи, въ 10-ти верстахъ къ юго-востоку отъ к. Норки).

Округъ „лютерскаго закона“ № 5:

Лѣсной Карамышъ (Гримъ, главное селеніе округа, на лѣвомъ берегу рѣчки Лѣсной Карамышъ и на большомъ Саратовско-Астраханскомъ почтовомъ трактѣ; судя по фамиліямъ современныхъ колонистовъ, среди первоначально поселившихся были и французы [1]) и *Гололобовка* (Старая Гололобовка, Денгофъ, на небольшомъ оврагѣ).

Округъ „католицкаго закона“ № 6:

Каменка (при р. Иловлѣ и рѣчкѣ Каменкѣ, главное селеніе округа), *Ельшанка* (Гусары, на лѣвомъ берегу Иловли, при впаденіи въ нее рѣчки Ельшанки; кромѣ нѣмцевъ католиковъ живутъ въ этой колоніи и православные - обрусѣвшіе греки), *Иловля* (Илавла, Рѣзовка, Лейхтлингъ, на лѣвомъ берегу р. Иловли и на почтовомъ Саратовско-Астрах. трактѣ) и *Гнилушка* (Пфейферъ, Файферъ, вдоль праваго берега р. Иловли).

Округъ „католицкаго закона“ № 7:

Семеновка (на правомъ берегу рѣчки Семеновки, впадающей справа въ Иловлю, главное селеніе округа), *Караульный Буеракъ* (Келеръ, на правомъ берегу р. Иловли, немного ниже впаденія въ нее рѣчки Караульный Буеракъ), *Паповка* (Гильтманъ, вдоль лѣваго берега р. Иловли, при небольшомъ ручьѣ, впадающемъ въ Иловлю и по почтовому Саратовско-Астрахан. тракту) и *Усть-Грязнуха* (Нижняя Грязнуха, Гебель, по правому берегу рѣчки Грязнухи, близь ея впаденія въ р. Иловлю съ лѣвой стороны, по почтовой Саратовско-Астраханской дорогѣ).

Округъ „лютерскаго закона“ № 8:

Грязнуха (Верхняя Грязнуха, Крафтъ, главное селеніе округа, на лѣвомъ низкомъ берегу рѣки Грязнухи, верстахъ въ

---

[1]) Минхъ, 594 стр.

4-хъ отъ впаденія ея въ р. Иловлю) и *Щербаковка* (Щербачевка, на истокѣ рѣчки Щербаковки, начинающейся изъ большого родника, вытекающаго изъ горы близь этой колоніи).

Округъ „лютерскаго закона“ № 9:

Усть-Кулалинка (Нижняя Кулалинка, Галка, главное селеніе округа, на правомъ берегу р. Волги и при рѣчкѣ Кулалинкѣ, впадающей въ Волгу), *Нижняя Добринка* (на правомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣчки Добринки),

ВерхняяДобринка (Дрейшпицъ, на правой сторонѣ р. Добринки; есть въ ней семейства съ французскими фамиліями),

Верхняя Кулалинка (Озерная Кулалинка, Верхняя Галка, Голштейнъ, по обоимъ берегамъ рѣчки Кулалинки и впадающаго въ нее ручья „Кладбищенскаго барака“, берущихъ начало немного выше колоніи) и *Буйдаковъ Буеракъ* (Швабъ, Кулалы, на правомъ берегу р. Волги).

Округъ „лютерскаго закона“ № 10:

Крестовый Буеракъ (Кресты, Миллеръ „Волской Крестовой Буеракъ“, на правомъ высокомъ берегу р. Волги) и

Водяной Буеракъ (Водяное, Штефанъ, на рѣчкѣ „Водяное“).

Колоніи при р. Медвѣдицѣ, не раздѣленные еще въ 1768 году на округа:

Линево Озеро (Линевъ, Гуссенбахъ, на берегу озера Линево, въ 3-хъ верстахъ къ востоку отъ р. Медвѣдицы),

Крестовый Медвѣдицкій Буеракъ (Франкъ),

Гречина Лука (Гречиная Лука, Гречневая Лука, Вальтеръ),

Песковатка и *Ягодная Поляна*[1]).

Изъ выше описаннаго расположенія колоній видно, что колоніи вызывателей или съ нѣсколькихъ сторонъ были окружены коронными колоніями (какъ колоніи „Дефоба съ товарищи“) или соприкасались съ ними (какъ колоніи Питета и Леруа на сѣверѣ и Борегара—на югѣ).

Близкое сосѣдство съ коронными колонистами не могло не поддерживать среди вызывательскихъ колонистовъ, обязаныхъ уплачивать десятину произведеній почвы вызывателямъ, зависти къ своимъ болѣе счастливымъ сосѣдямъ и недовольства своимъ

---

[1]) Свѣдѣнія о мѣстоположеніи колоній Саратовской губерніи заимствованы изъ названной выше книги Минха, а Самарской—изъ „Списка населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 г.“ (Самарская Губернія) СПБ. 1864.

положеніемъ. Это недовольство проявилось уже при первомъ вступленіи колонистовъ на русскую почву въ Ораніенбаумѣ, гдѣ встрѣтились коронные колонисты съ вызывательскими и обнаружилась разница въ положеніи тѣхъ и другихъ. 4-го іюня 1765 г. вызывательскіе колонисты, коихъ выѣхало тогда въ Россію всего лишь нѣсколько десятковъ семействъ, заявили правительственному коммиссару въ Ораніенбаумѣ, завѣдывавшему пріемомъ колонистовъ, о своемъ желаніи причислиться къ короннымъ колонистамъ. Свои контракты, заключенные съ вызывателями (въ силу 8-ой статьи договора послѣднихъ съ канцеляріей опекунства ин.), колонисты оспаривали и отказывались „быть подъ дирекціею вызывателей и платить имъ десятую часть своихъ продуктовъ, ссылаясь на высочайшій манифестъ и (на то) что они противу коронныхъ колонистовъ не получаютъ никакого преимущества“. Они громко роптали, что сдѣлались „невольниками вызывателей“,[1]) и утверждали, будто-бы „къ подписанію контрактовъ своихъ съ вызывателями обманомъ преклонены, и о томъ, что они должны имъ платить нѣкоторую часть продуктовъ своихъ, вовсе не вѣдали, а нѣкоторые въ Любекѣ уже комисаромъ Шмитомъ въ числе вызывательскихъ приписаны“.

Канцелярія опекунства иностранныхъ, до свѣдѣнія которой доведено было коммиссаромъ о жалобахъ колонистовъ, „не разсудила за благо по сему одному случаю учинить препятствія (вызывателямъ) въ начатомъ лишь только ими дѣлѣ“ и дозволила имъ вступить со своими колонистами въ добровольную сдѣлку чрезъ посредничество реформатскаго пастора Дильтея, какъ третейскаго судьи. Представителямъ двухъ вызывательскихъ товариществъ, Питету и д'Отериву, находившимся тогда въ Петербургѣ, Дильтей „учинилъ выговоръ“ за то, что взамѣнъ платимой колонистами десятины они не обѣщали имъ никакихъ выгодъ съ своей стороны; названные вызыватели признали справедливость обращеннаго къ нимъ упрека и обѣщали колонистамъ „нѣкоторыя выгоды“[2]) или, точнѣе, „только одну ту выгоду, что... обязались за нихъ стараться и ходатайствовать въ канцеляріи опекунства иностранныхъ“, умолчавъ о томъ, „въ чемъ

---

[1]) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25.628: „Мнѣніе тайнаго совѣтника графа Воронцова по слѣдственному дѣлу вызывателей иностранцовъ въ Россію, французовъ Леруа и Прекурта съ товарищи“.

[2]) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25.838: „Въ канцелярію опекунства иностранныхъ отъ вице-президента оныя представленіе, содержащее въ себѣ описаніе всѣхъ произшествій, касающихся до вызывателей Леруа и Прекурта съ товарищи и о ихъ поступкахъ и щетахъ“.

оное ихъ стараніе и ходатайство состоять будутъ“ [1]). Тогда $41\frac{1}{2}$ семья вызова Менье де-Прекура, д'Отерива и Дебофа и 35 семей вызова Питета и Леруа дали обязательство „поступать по прежнимъ контрактамъ и быть подъ ихъ дирекціею“. При этомъ срокъ, съ котораго нужно начинать уплату десятины, не былъ обозначенъ. Впослѣдствіи въ объясненіи своемъ, поданномъ въ канцелярію опекунства иностранныхъ, вызыватели указывали, какъ на таковой срокъ, на вторую жатву [2]).

Послѣ этого инцидента вызыватели продолжали заключать такіе же контракты съ вновь вербуемыми колонистами „безъ всякаго существеннаго имъ обѣщанія“, почему жалобы колонистовъ на вызывателей не прекращались. Канцелярія опекунства иностранныхъ вынуждена была обратить вниманіе на эти жалобы и заняться выясненіемъ отношеній 2-хъ вызывательскихъ товариществъ къ ихъ колонистамъ.

13 января 1767 года состоялось опредѣленіе означенной канцеляріи о взятіи отъ вызывательскихъ колонистовъ, отъ каждаго порознь, письменныхъ извѣстій слѣдующаго содержанія:

1) „сколько и когда имянно кто или которая семья до пріѣзду въ С.-Петербургъ отъ вызывателей своихъ, ихъ коммиссіонеровъ или отъ кого другого денегъ получилъ?

2) „знали ли они подлинно о томъ, что они идутъ подъ дирекцію вызывателей, и ежели нѣкоторыя не знали, то для чего листы имъ предъявленные (кои отъ вызывателей представлены канцеляріи, яко контракты) подписывали, и какимъ образомъ оное учинили, дабы канцелярія опекунства иностранныхъ могла изъ того усмотрѣть справедливость ихъ показаній, или противное тому?

3) „не обѣщано ли имъ чего самими вызывателями или чрезъ коммиссіонеровъ сверхъ контрактовъ, ибо въ помянутыхъ подписанныхъ ими листахъ, называемыхъ контрактами, канцелярія опекунства иностранныхъ для колонистовъ усматриваетъ только одну ту выгоду, что вызыватели обязались за нихъ стараться и хода-

---

[1]) Тамъ же, № 25.782: „Дѣло о посылкѣ въ контору опекунства иностранныхъ, къ Ораніенбаумскому комисару и къ отправленнымъ съ колонистами офицерамъ указовъ о взятіи имъ съ вызывательскихъ колонистовъ извѣстей, сколько ими отъ тѣхъ вызывателей или ихъ комиссіонеровъ до пріѣзду въ Петербургъ денегъ получено, и знали ли они подлинно, что идутъ подъ дирекцію вызывателей“.

[2]) Тамъ же, № 25.628: „Дѣло, производившееся въ коммиссіи особо учрежденной по высочайшему имянному указу для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ вызывателей въ Россію иностранныхъ Леруа и Прекурта съ ихъ товарищами. 1777 года маія съ 13“. См. „Объясненіе преступленія вызывателя Леруа съ товарищи“ и „Объясненіе преступленія вызывателя Прекурта съ товарищи“.

тайствовать въ канцеляріи опекунства иностранныхъ, а въ чемъ оное ихъ стараніе и ходатайство состоять будутъ, вовсе умолчано?

4) „не читалъ ли изъ нихъ кто, или слыхалъ, какъ другіе читали изданные нѣкоимъ вызывателемъ печатные листы, названные прошпектами?..

5) „есть ли кто самъ читалъ или слышалъ содержаніе оныхъ прошпектовъ, то не изображенныя ли въ нихъ выгоды подали имъ поводъ къ выѣзду подъ дирекціею часто поминаемыхъ вызывателей, и что имянно побудило ихъ вступить съ вызывателями въ обязательство?“ [1]).

Привести въ исполненіе это опредѣленіе канцелярія опекунства иностранныхъ предписала [2]) своей Саратовской конторѣ, Ораніенбаумскому коммиссару и „отправленнымъ для препровожденія колонистовъ до Саратова оберъ-офицерамъ“.

Ранѣе стали поступать въ канцелярію опекунства отвѣты на предложенные вопросы отъ колонистовъ, находившихся въ Ораніенбаумѣ, позднѣе отъ тѣхъ, которые уже водворились въ Поволжьѣ. Эти отвѣты, иногда не полные, иногда уклончивые, всѣ проникнуты однимъ желаніемъ—во что бы то ни стало отдѣлаться отъ власти вызывателей и перечислиться въ число коронныхъ колонистовъ.

Въ своихъ отвѣтахъ колонисты заявляли, что они считали вызывателей правительственными чиновниками и не думали въ нихъ встрѣтить своихъ помѣщиковъ; что касается подписанія контрактовъ съ вызывателями, то одни изъ колонистовъ заявляли, что они голодомъ принуждены были къ подписанію контрактовъ, другіе—что они подписывали ихъ, считая простымъ дополненіемъ къ счетамъ, такъ-какъ агентъ (Рольвагенъ) вызывателя (Менье де-Прекура) всѣхъ къ тому приглашалъ; третьи утверждали, что они и сами не знали, что подписываютъ, такъ-какъ нѣмцы подписывались подъ контрактами, написанными по французски, а французы, не знавшіе по нѣмецки, наоборотъ принуждены были подписывать нѣмецкіе контракты. Отъ имени группы колонистовъ изъ 11 человѣкъ между прочимъ было заявлено, что контракты, представленные въ канцелярію опекунства иностранныхъ, были подписаны не ими самими непосредственно, а лишь двумя избранными старостами, и при томъ спѣшно, въ пути. „У насъ даже не было достаточно времени“, говорилось въ этомъ заявленіи,

---

[1]) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25.782.
[2]) Указами отъ того же 13 янв. 1767 г.

„чтобы прочесть контракты и спросить о томъ, что̀ въ нихъ заключалось, такъ что мы и не иначе думали, какъ то, что мы состоимъ въ вѣдѣніи высокой короны".

На вопросъ о „прошпектахъ", т. е. печатныхъ рекламахъ, колонисты или отзывались полнымъ невѣдѣніемъ, или ничего не отвѣчали [1]).

Какъ бы то ни было, поставленные канцеляріей опекунства иностранныхъ вопросы вызвали среди вызывательскихъ колонистовъ волненіе и единодушное желаніе избавиться отъ вызывательской власти; и вызыватели имѣли въ данномъ случаѣ основаніе жаловаться на правительство [2]), такъ-какъ до принятія этой мѣры [3]) были лишь единичныя жалобы колонистовъ и просьбы о причисленіи ихъ къ короннымъ, теперь же движеніе противъ вызывателей сдѣлалось всеобщимъ.

Всѣ старосты (Vorsteher'ы) колоній дирекціи Дебофа (22 декабря 1767 года) подали въ Саратовскую контору канцеляріи опекунства иностранныхъ прошеніе объ освобожденіи ихъ отъ вызывательской власти; то же самое сдѣлали и старосты колоній, находившихся въ вѣдѣніи Леруа или, точнѣе, его уполномоченнаго Гогеля. Такъ-какъ правительство само было виновато въ томъ, что своевременно, своей властью, не опредѣлило взаимныхъ отношеній колонистовъ и ихъ вызывателей и тѣмъ дало возможность создаться ненормальному положенію, неудобному и тяжелому какъ для него, такъ и для двухъ заинтересованныхъ сторонъ, то медлило дать какой-либо положительный отвѣтъ на упомянутыя просьбы, не зная, что̀ предпринять. Поэтому осенью слѣдующаго года стали поступать повторительныя просьбы о томъ же отъ отдѣльныхъ колоній.

Въ „меморіалѣ" отъ колоніи Грязноватки, подписанномъ старостой ея и двумя засѣдателями, слѣдующимъ образомъ мотивируется просьба объ избавленіи отъ вызывательской власти:

„намъ и нашимъ потомкамъ было бы весьма зазорно быть когда-либо подвластными таковымъ пришельцамъ изъ Франціи (Дебофу съ товарищами) или имъ платить малѣйшую подать, такъ-какъ мы никогда и ничьими не были крѣпостными; и нынѣ г-нъ Дебофъ заявляетъ и даетъ понять людямъ, что *онъ хочетъ на будущій* (1769-ый) *годъ собирать десятину не только отъ урожая*,

[1]) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25.782, листы 21 („Demonstrandi"), 115 и 173; № 25.628, „Объясненіе преступленія вызывателя Прекурта съ товарищи".

[2]) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25.628, „Объясненіе преступленія вызывателя Леруа съ товарищи".

[3]) Для отобранія у колонистовъ отвѣтовъ Саратовской конторой былъ отправленъ въ колоніи майоръ Либгардъ.

но также и отъ домашней птицы [1]), мы-же открыто говоримъ, что изъ его плана или принятаго рѣшенія ничего не выйдетъ, такъ-какъ высокой коронѣ, равно какъ высоко-учрежденной императорской конторѣ канцеляріи опекунства хорошо извѣстно, что не оказывается никакихъ причинъ, которыя могли бы насъ сколько-нибудь побудить состоять въ зависимости отъ директоровъ; и если-бы не великое попеченіе со стороны высочайше учрежденной императорской конторы, то весь народъ уже давно-бы погибъ; и г-ну Дебофу, когда онъ является въ колонію, что̀ уже случалось два раза, не можетъ быть воздано иной похвалы, кромѣ той, что онъ людей губитъ, презираетъ, и даже побоями хочетъ привлечь на свою сторону, что̀ составляетъ невыносимое угощеніе для крестьянина, который, такъ сказать, день и ночь обремененъ тяжѐлой работой и однакоже за это награждается отъ г-на директора ударами" [2]).

Въ томъ-же духѣ былъ представленъ „меморіалъ" отъ колоніи Карамышевки. Напомнивъ о просьбѣ всѣхъ старостъ (форштегеровъ) колоній отъ 22 декабря 1767 г., колонисты писали: „при подписаніи объявленной намъ внутренней юрисдикціи мы испросили себѣ, какъ особую милость, всецѣло подчиняться распоряженіямъ высокой короны, и признать насъ коронными колонистами, и предоставить намъ ихъ права. Почему мы еще разъ единогласно и всепокорнѣйше умоляемъ высочайше учрежденную контору... канцеляріи опекунства, чтобы она снова простерла намъ руку помощи и обрадовала насъ милостивой резолюціей, что̀ всего нужнѣе для нашихъ малолѣтнихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что *г. директоръ Дебофъ высказывается въ томъ смыслѣ, что съ будущаго* (1769) *года будетъ требовать десятину*; но такъ-какъ до сихъ поръ ничѣмъ не доказано, почему и по какой причинѣ мы обязаны платить десятину, и не существуетъ никакого дѣйствительнаго предписанія, и мы все время нашего пребыванія здѣсь состояли подъ высокимъ покровительствомъ высочайше учрежденной императорской конторы, то мы и впредь поручаемъ себя вмѣстѣ съ нашими дѣтьми дальнѣйшему покровительству и заботамъ сіятельной конторы" [3]).

Такого-же рода просьбы, сопровождаемыя жалобами на неисполненіе вызывателями обѣщаній о постройкѣ для колонистовъ домовъ и амбаровъ, на безпорядки при надѣленіи земельными угодьями и проч. стали поступать и изъ другихъ колоній [4]).

---

[1]) Въ данномъ случаѣ вызыватели (четверо изъ шести французы) до нѣкоторой степени копировали тѣ отношенія, которыя существовали между дворянствомъ и крестьянами во Франціи до революціи 1789 года.

[2]) Приложеніе № 28.

[3]) Приложеніе № 29. [4]) Приложенія №№ 30 и 31.

Вызыватели старались парализовать это движеніе, направленное противъ ихъ власти. Повѣренный Леруа, Гогель, послѣ подачи прошенія колонистами о причисленіи ихъ къ коронымъ разъѣзжалъ по колоніямъ и „чинилъ“ всѣмъ колонистамъ „формальные судебнымъ порядкомъ допросы“ о томъ, „извѣстно-ли имъ и довольны-ли они тѣмъ, что форштегеры ихъ оное прошеніе въ контору подали“? При этомъ Гогель распускалъ слухъ, „будто оные форштегеры обѣщанную колонистамъ вольность продали, а самимъ тѣмъ форштегерамъ толковалъ Гогель, что они подлинно вольность свою потеряли“, отъ чего всѣ въ колоніяхъ были „приведены въ сумнѣніе“. Гогель этимъ воспользовался, чтобы привлечь на свою сторону 420 семействъ колонистовъ, которые добровольно остались подъ дирекціею Леруа. Такимъ образомъ среди колонистовъ послѣдняго произошло раздѣленіе: одни настаивали на причисленіи ихъ къ коронымъ, другіе хотѣли остаться въ прежнемъ положеніи вызывательскихъ, результатомъ чего было „между колонистами сего вызывателя великое смятеніе... и въ работахъ полевыхъ помѣшательство“.

Чтобы дать перевѣсъ тѣмъ, которые стояли на сторонѣ вызывательской дирекціи, Гогель самовольно сталъ смѣнять форштегеровъ, избранныхъ самими колонистами и утвержденныхъ въ должности Саратовской конторой, „опредѣляя на ихъ мѣста бездѣльниковъ, держащихся стороны ея (т. е. дирекціи), которые по наученію оной дирекціи не только“ уговаривали „разными вымышленными разглашеніями отказывающихся отъ дирекціи колонистовъ держаться вызывательской стороны и не слушать указовъ конторскихъ, но и“ угрожали „побоями и самымъ убіеніемъ до смерти, а иныхъ имяна“ записывали „и безъ ихъ вѣдома и воли, будто они подъ дирекціею вызывателя остаться желаютъ, такъ-что сіи люди, да многіе и самовольно (т. е. добровольно) подписавшіеся, раскаявшись, не знали, „какъ имъ отбыть отъ налагаемой имъ дирекціею тягости?“

Желая урегулировать и укрѣпить зависимыя отношенія колонистовъ къ дирекціи, вызыватели Леруа и Питетъ составили „полицейскій уставъ“ или „внутреннюю юрисдикцію“, которую Леруа и представилъ въ 1767-мъ году въ канцелярію опекунства ин., „требуя на оную канцелярской апробаціи“.

Утвержденіе этой юрисдикціи важно было для Леруа „въ разсужденіи изображенной въ ней для него власти надъ колонистами“. Канцелярія опекунства не утвердила означенной юрисдикціи или полицейскаго устава, тѣмъ не менѣе повѣренный Леруа, Гогель, заставилъ колонистовъ принести присягу въ томъ,

что они будутъ „поступать во всемъ по точной силѣ и содержанію“ проектированнаго полицейскаго устава и вѣрно о всемъ томъ доносить... что ими вреднаго или предосудительнаго въ разсужденіи дирекціи, сирѣчь въ разсужденіи вызывателей, примѣчено ни будетъ“.

Въ чемъ состояла эта присяга, т. е. подписывались-ли только колонисты подъ присяжнымъ листомъ, или „съ обыкновенными при присягѣ обрядами“ давали клятву, осталось невыясненнымъ.

Сочиненная названными вызывателями юрисдикція была примѣнена въ ихъ колоніяхъ, и благодаря ей Леруа нашелъ „способъ корыстоваться и въ самыхъ селеніяхъ отъ бѣдныхъ колонистовъ разными образы“, отъ чего произошли „крайне вредные въ селеніяхъ безпорядки и между самими колонистами смятенія и безпокойства“[1]).

Свое поведеніе и притязанія на административно-полицейскую власть въ колоніяхъ вызыватели (Леруа и Дебофъ) оправдывали во 1-хъ, шестымъ пунктомъ манифеста (отъ 22 іюля 1763 г.), „коимъ учрежденіе внутренней юрисдикціи предоставлено на волю самимъ колонистамъ“, а во 2-хъ тѣмъ, что во всѣхъ заключенныхъ съ ними контрактахъ колонисты обязались подвергнуть себя внутренней юрисдикціи и полицейскимъ учрежденіямъ, какія „сочинены“ будутъ вызывателями[2]).

По докладу сената, вызванномъ „доношеніемъ“ президента канцеляріи опекунства иностранныхъ, въ 1764-мъ году состоялось высочайшее повелѣніе о предоставленіи права составить помянутую внутреннюю юрисдикцію или самимъ колонистамъ, съ обязательствомъ представить ее на утвержденіе правительства, или канцеляріи опекунства ин.[3]).

Сами колонисты оказались не въ состояніи выполнить этой задачи, „а подавъ токмо разногласныя мнѣнія, оставя на волю постановленнымъ надъ ними правительствамъ, ожидали спокойно устава сего отъ оныхъ“; канцелярія же опекунства ин. „за недовольнымъ познаніемъ нравовъ, обычаевъ и состоянія колонистовъ“ составленіе внутренней юрисдикціи считала преждевременнымъ, и колонисты управлялись указами Саратовской конторы,

---

[1]) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25838: „Описаніе поступковъ вызывательскихъ въ новозаведенныхъ колонистскихъ селеніяхъ“.

[2]) Тамъ же: „во всѣхъ колонистскихъ контрактахъ до полиціи касающіяся распоряженія сдѣлать оставили сами колонисты на волю вызывателямъ, съ тѣмъ только, чтобъ распоряженія сіи напередъ апробованы были канцеляріей опекунства иностранныхъ“.

[3]) См. Полн. Собр. Зак. т. XVI, № 12095.

„содержащими въ себѣ разныя учрежденія“, чѣмъ создавалась неопредѣленность положенія, особенно чувствительно дававшая себя знать въ вызывательскихъ колоніяхъ.

Въ сущности говоря, ни колонисты [1]), ни мѣстные правительственные органы не знали, „что изъ себя представляетъ“ вызывательская „дирекція“? Первые оспаривали заключенные съ вызывателями контракты, главнымъ образомъ по нежеланію платить десятину [2]), но повидимому ничего не имѣли противъ того, чтобы вызыватели были посредниками между ними и правительствомъ и имѣли нѣкоторую административно-полицейскую власть; вторые же, не рѣшаясь ни отвергнуть, ни признать обязательность контрактовъ для колонистовъ, явно держали сторону послѣднихъ и стремились проявлять и въ вызывательскихъ колоніяхъ ту же полноту власти, какой пользовались въ коронныхъ, что вызвало непріятныя отношенія между ними и вызывателями.

Первоначально мѣстнымъ правительственнымъ органомъ, съ которымъ пришлось имѣть дѣло вызывателямъ и ихъ повѣреннымъ, была Саратовская канцелярія, „которой поручено было тогда главное надъ колонистами смотрѣніе“. Занятая множествомъ другихъ дѣлъ, канцелярія, повидимому, не обнаружила склонности вмѣшиваться въ тѣ распорядки, которые устанавливали въ своихъ колоніяхъ вызыватели. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи Саратовская канцелярія подверглась обвиненіямъ въ нерадѣніи „о исполненіи своей должности“, а именно въ томъ, что не имѣла за вызывателемъ Дебофомъ „никакого присмотра“. Но въ 1766-мъ году была учреждена въ Саратовѣ контора канцеляріи опекунства иностранныхъ [3]) спеціально для завѣдыванія водворенными въ Поволжьѣ колоніями [4]), а два года спустя, по ея ходатайству, для наблюденія за колоніями созданъ былъ институтъ окружныхъ коммиссаровъ (въ составѣ шести членовъ).

Необходимость созданія этого института Саратовская контора мотивировала тѣмъ, что „въ разсужденіи обширности заня-

---

[1]) „Мы не можемъ постигнуть, что должна представлять означенная дирекція“, писали въ своемъ прошеніи или „меморіалѣ“ колонисты изъ Грязноватки отъ 27 августа 1768 г.

[2]) Да и то, какъ оказалось впослѣдствіи, не всѣ.

[3]) Полн. Собр. Зак., т. XVII, № 12.630: высочайше утвержденный докладъ сената отъ 28 апрѣля 1766 г.

[4]) „Указомъ канцеляріи опекунства ин. предписано канторѣ управлять *всѣми колонистами безъ изъятія* и всякія распорядки и главное надзираніе имѣть во всѣхъ селеніяхъ, доколѣ внутренняя юрисдикція сочинена и правительствомъ утверждена, а вызывателямъ власть опредѣлена не будетъ“.—Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25.838: „Описаніе поступковъ вызывательскихъ въ новозаведенныхъ колонистскихъ селеніяхъ“.

той и заселенной иностранцами земли... въ раздачѣ тѣмъ иностранцамъ какъ кормовыхъ денегъ, всякихъ матеріаловъ и другихъ припасовъ, въ понужденіи ихъ къ работамъ, въ присмотрѣ за ихъ поведеніемъ, такъ и въ направленіи ихъ (ей) самой чрезъ положенныхъ по штату служителей предуспѣть не можно, да и самимъ иностранцамъ отъ частыхъ переѣздовъ въ Саратовъ и обратно въ свои жительства причиняется не малой убытокъ, а наипаче въ рабочую пару принуждены упускать удобное время тщетно"...

Признавая основательность этихъ соображеній, канцелярія опекунства ин. находила, „что сверхъ прописанныхъ обстоятельствъ" „учрежденіе окружныхъ комисаровъ нужно наипаче потому, что безъ особливаго за колонистами присмотра въ самыхъ ихъ селеніяхъ обойтиться не можно, въ разсужденіи того, что не мало между ими находится безпорядочныхъ, лѣнивыхъ и невоздержныхъ, и при томъ добраго изъ ихъ состоянія люди сами о томъ, для вспомоществованія своего къ приведенію несостоятельныхъ къ трудолюбію, неотступно просятъ, отзываясь, что однимъ выбраннымъ изъ самихъ колонистовъ начальникамъ управиться не возможно, да и повѣренности имъ въ храненіи выдаваемыхъ колонистамъ кормовыхъ и ссудныхъ денегъ учинить не безсомнительно, ибо въ каждомъ округѣ или приходѣ, по каковымъ иностранцы, въ силу конфирмованнаго доклада въ 1764-мъ году марта 19 дня, раздѣлены по религіямъ, находиться будетъ отъ четырехъ до шестисотъ семей".

Резюмируя все сказанное, канцелярія опекунства ин. слѣдующимъ образомъ опредѣлила кругъ обязанностей окружныхъ коммиссаровъ: исправная раздача колонистамъ кормовыхъ денегъ, благовременное заготовленіе всякихъ матеріаловъ, различныхъ инструментовъ и необходимыхъ припасовъ „и прочее описанное (выше) въ представленіи къ ихъ (колонистовъ) исправленію".

Въ виду сложности и серьезности предстоящихъ задачъ, по мнѣнію канцеляріи, „должны тѣ комисары быть не только люди хорошаго поведенія и трудолюбивые и попечительные, но и довольно свѣдущіе въ практикѣ о сельской экономіи и знающіе иностранные языки" [1]).

Итакъ, на окружныхъ коммиссаровъ возлагались не только административныя, но и чисто хозяйственныя функціи, и тѣмъ

---

[1]) Государственный Архивъ, XVI: „Докладъ (сената) съ испрошеніемъ высочайшаго указа о учрежденіи при Саратовской конторѣ опекунства иностранныхъ особливой счетной экспедиціи и окружныхъ шести комисаровъ съ прочими служителями".

самымъ вызыватели совершенно устранялись отъ всякаго участія въ управленіи колоніями.

Впрочемъ Саратовская контора еще раньше созданія института окружныхъ коммиссаровъ стала игнорировать вызывателей, а именно съ того времени, какъ канцелярія опекунства ин. предписала предложить вызывательскимъ колонистамъ приведенные выше вопросы. Дебофъ жаловался, что указы изъ конторы присылались на его имя только по 22 февраля 1767 года, а послѣ того были посылаемы прямо къ форштегерамъ[1]); одновременно съ этимъ контора „перестала производить черезъ него, во избѣжаніе излишнихъ хлопотъ, какъ кормовыя колонистамъ, такъ и ссудныя деньги".

Вслѣдствіе такого игнорированія ихъ конторой, вызыватели, по словамъ Дебофа, сдѣлались съ того времени „безъизвѣстными", „отъ чего де и послѣдовало, что колонисты стали роптать на вызывателей и отказываться отъ своихъ обязательствъ"...

Въ 1768-мъ году контора составила для колоній „*временную юрисдикцію*" (или „внутренніе уставы", какъ называетъ ее Дебофъ), которая потомъ канцеляріей опекунства ин. была исправлена и утверждена подъ именемъ *инструкціи*. Цѣлью ея составленія было поддержаніе среди колонистовъ надлежащаго порядка до тѣхъ поръ, пока они „не придутъ въ такое состояніе, что всѣ до единаго собственное отъ трудовъ своихъ пропитаніе имѣть будутъ, нравы ихъ совершенно извѣданы и больше ко внесенію въ ихъ юрисдикцію случаевъ не откроется, а вызывательскія дѣла рѣшены и власть ихъ (вызывателей) надъ колонистами точно означена не будетъ". А пока инструкція сочла нужнымъ совершенно умолчать о вызывателяхъ, опредѣливъ лишь функціи и взаимныя отношенія окружныхъ коммиссаровъ и избираемыхъ колонистами форштегеровъ[2]). Благодаря этому форштегеры вышли изъ повиновенія вызывателямъ, и между тѣми и другими начались столкновенія, усилившія общую смуту въ вызывательскихъ колоніяхъ.

Примѣръ такого столкновенія между вызывательской дирекціей и форштегеромъ намъ извѣстенъ въ колоніи Россоши, населенной первоначально французами.

Здѣсь колонистъ Жеромъ Бертранъ задолжалъ своему односельчанину Жану Бакъ двацать три рубля денегъ и, несмотря на

---

[1]) На то же жаловался и повѣренный Леруа Гогель.

[2]) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25. 838: „Описаніе поступковъ вызывательскихъ въ новозаведенныхъ колонистскихъ селеніяхъ".

неоднократныя предписанія изъ Саратовской конторы, не обнаруживалъ наклонности уплатить долгъ; вслѣдствіе этого форштегеръ колоніи, Жанъ Баптистъ Жиро, распорядился наложить запрещеніе на часть домашней обстановки должника, „совершенно не нужной для обработки земли"[1]). Узнавъ о распоряженіи форштегера, вызыватель Дебофъ обратился къ нему съ слѣдующимъ характернымъ письмомъ[2]):

„Я узнаю сію минуту, что вы послали, чтобы наложить арестъ на вещи Жерома Бертрана и отнять ихъ для покрытія стараго долга, который онъ сдѣлалъ. *Я удивленъ, что вы, зная, что я нахожусь въ колоніи, не сообщили мнѣ о вашихъ дѣйствіяхъ*, хотя я уже вамъ говорилъ, что невозможно продавать ни принудительно, ни добровольно имущество колонистовъ. Благосостояніе семействъ намъ дорого, и не отъ васъ зависитъ пускать ихъ по міру (les mettre à la paille). Эти вещи составляютъ обезпеченіе казенныхъ денегъ. Вы должны понять, что въ этомъ отношеніи вы не имѣете больше власти, чѣмъ кто-либо другой, и потому я запрещаю вамъ дать дальнѣйшій ходъ этому дѣлу, и вы должны помнить указъ отъ іюля мѣсяца, который былъ мнѣ присланъ, чтобы я слѣдилъ за его исполненіемъ, и въ которомъ запрещено допускать продажу или закладываніе имущества колонистовъ; и впрочемъ, *вы должны помнить, что вы подъ моей дирекціей и должны вести себя сообразно съ этимъ*, или въ противномъ случаѣ я, конечно, приму мѣры".

Обиженный этимъ письмомъ форштегеръ жаловался главному судьѣ Саратовской конторы, бригадиру Резанову, на вмѣшательство Дебофа, оправдывая свое поведеніе и прося увольненія отъ должности. Въ представленномъ по этому поводу „меморіалѣ"[3]) онъ между прочимъ писалъ:

„Колонія была спокойна, пока отсутствовалъ упомянутый Дебофъ, или пока онъ не осмѣливался напускать на себя важность и присваивать себѣ права, которыя у него всегда оспаривались и впредь будутъ также оспариваемы, такъ какъ колонія ссылалась безпрестанно на свой контрактъ, желая пунктуально

[1]) См. „Опись принадлежащаго Жерому Бертрану, по прозвищу Франкеръ, имущества, на которое наложено запрещеніе полицейскимъ (adjoint de la police) Казиміромъ Артеле: 1) полная постель съ периной; 2) шесть салфетокъ и одно стеганое ситцевое одѣяло; 3) два полные женскіе костюма, изъ которыхъ одинъ камлотовый и одинъ шелковый, и пара простыней; 4) одинъ столъ, одинъ буфетъ, одинъ котелъ и одинъ сундучекъ".—Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25.782, листъ 109.

[2]) Отъ 10 января 1769 г.

[3]) Отъ 13 января 1769 г.

держаться его и ничего болѣе, какъ это было неоднократно выражено г-ну бригадиру.

Изъ того, что произошло по отношенію къ Бертрану, легко видѣть, что *полиція, учрежденная въ колоніи, какъ бы уничтожена и безполезна, потому что, какъ только она скажетъ—бѣлое, дирекція скажетъ — черное. Недовольная сторона сейчасъ обратится къ ней, она станетъ на ея сторону, и этимъ колонія впадаетъ непремѣнно въ смуты и волненія,* которыя такъ часто доходили до конторы въ ущербъ колоніи, если только г-нъ бригадиръ не вмѣшивался своей властью и своимъ правосудіемъ, чтобы рѣшить споръ. Имѣетъ-ли г-нъ Дебофъ право вмѣшиваться въ дѣла полиціи, или нѣтъ? Значитъ-ли въ чемъ-либо провиниться, если отнимать излишнее у мошенника, чтобы заплатить тому, кому оно пойдетъ на пользу? Развѣ колонистъ не можетъ жить, если онъ не будетъ имѣть двухъ кроватей съ перинами и не будетъ пить два раза каждый день кофе? Колонія проситъ, чтобы этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ г-номъ бригадиромъ.

Что касается лично нижеподписавшагося, то онъ не требуетъ ничего лучшаго, какъ быть освобожденнымъ отъ хлопотъ и непріятностей, которыя онъ имѣлъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ, когда былъ старостой (форштегеромъ). Онъ просился въ отставку у г-на бригадира и снова упрашиваетъ его нынѣ принять во вниманіе доводы, которые будутъ, какъ онъ надѣется, пріемлемыми... Онъ совершенно запустилъ свое хозяйство вслѣдствіе потери времени, которая вызывается этой должностью, и денежныхъ расходовъ на выполненіе его работъ наемными людьми, и убытковъ, которые онъ отъ этого потерпѣлъ, и которые доходятъ до 25 рублей въ теченіе 18 мѣсяцевъ его форштегерства; кромѣ того онъ не знаетъ ни нѣмецкаго, ни русскаго языка, что причиняетъ ему большое неудобство, такъ какъ онъ можетъ объясняться лишь съ помощью переводчика“ [1]).

Различныя злоупотребленія, допускавшіяся вызывателями по отношенію къ колонистамъ, еще болѣе усиливали волненія и общее недовольство въ колоніяхъ. Такъ, „Леруа съ товарищи брали немалыя суммы изъ выданныхъ“ колонистамъ „на заведеніе хлѣбопашества казенныхъ денегъ, подъ видомъ, чтобъ въ 1768-мъ годѣ распахать опредѣленныя для колонистовъ земли, но не соверша во всемъ такого обязательства, причинили поселянамъ убытокъ и лишили ихъ средствъ въ обсѣвѣ потребнаго количества десятинъ. Отъ таковыхъ неустройствъ, подъ разными видами

---

1) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25.782, листъ 107.

продолжавшихся, вызывательскія колоніи, не преставая приносить свои жалобы (правительству), наконецъ и совершенно отъ повиновенія вызывателямъ отказались“ [1]).

То же самое произошло и съ вызывателемъ Дебофомъ, который долженъ былъ, покинувъ колоніи, проживать въ Саратовѣ.

Въ концѣ концовъ правительство выпуждено было обратить серьезное вниманіе на вызывателей и ихъ колоніи. По докладу генералъ-прокурора, князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, въ 1777-мъ году (13 мая) высочайшимъ именнымъ указомъ была учреждена спеціальная коммиссія „для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ вызывателей въ Россію иностранныхъ, Леруа и Прекурта съ ихъ товарищами“. Въ составъ комиссіи вошли слѣдующія лица: самъ генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій, президентъ коммерцъ-коллегіи графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ и камеръ-юнкеръ Христофоръ Сергѣевичъ фонъ Минихъ.

Ознакомившись съ дѣломъ на основаніи документовъ, доставленныхъ канцеляріей опекунства, и личныхъ распросовъ самихъ вызывателей, коммиссія пришла къ заключенію о невозможности „оставить вызывателей при владѣніи колоніями“.

„Весьма ощутительна сама собою неудобность“, говорилось въ представленномъ коммиссіей докладѣ, „оставить вызывателей при владѣніи колоніями, когда уже поселяне совсѣмъ вышли изъ должнаго къ нимъ повиновенія, къ которому вновь ихъ пріучать было-бы не безъ великаго труда, а можетъ быть и не безъ навлеченія непріятныхъ послѣдствій; сверхъ-же того, отъ разнообразнаго правленія вызывательскихъ колоній, лежащихъ въ сосѣдствѣ или близости отъ коронныхъ, могутъ происходить для учрежденныхъ правительствъ безпрестанныя затрудненія. Поселяне ихъ, видя себя предъ другими излишно отягощенными, стали-бы всегда роптать на состояніе свое и изыскивать всѣ способы къ облегченію онаго, а по крайней мѣрѣ правительству безпрестанно докучать, напротивъ чего и вызыватели, не имѣя сами по себѣ достаточныхъ средствъ къ удержанію ихъ въ полной подчиненности, стали-бы на основаніи контрактовъ своихъ не меньше правительство безпокоить о учиненіи имъ помощи, а въ случаѣ неполученія ея производить жалобы и нареканія, какъ то уже и было; надлежитъ также примѣтить, что и для казенной пользы нужно освобожденіе вызывательскихъ колонистовъ, дабы они

[1]) Тамъ же, № 25.628: докладъ коммиссіи по дѣламъ вызывателей Леруа и Прекурта съ товарищи отъ 5 іюля 1777 г.

могли со временемъ притти въ состояніе возвращать употребленные на пихъ знатные росходы“...

Но признавая необходимымъ ликвидировать сразу всѣ отношенія вызывателей къ колонистамъ и правительству, коммиссія полагала справедливымъ вознаградить ихъ за утрату правъ на десятину и на тѣ преимущества и выгоды, которыя доставлялись имъ заключенными съ канцеляріей опекунства иностранныхъ контрактами.

Оцѣнивая десятину, которую должна была платить каждая колонистская семья, въ одинъ рубль, коммиссія опредѣлила ежегодный доходъ Леруа и товарищей его въ 1623 рубля 75 коп., а Прекура и „участниковъ“ его—въ 434 рубля. Капитализируя этотъ доходъ изъ 6% годовыхъ, коммиссія опредѣлила подлежащую (взамѣнъ десятины) единовременной выдачѣ сумму для первыхъ (Леруа съ товарищами)—въ 27.050 рублей, а для вторыхъ (Прекура съ товарищами)—въ 7.233 рубля. Что-бы казна не понесла въ данномъ случаѣ напраснаго убытка, коммиссія считала возможнымъ взыскать эти деньги съ вызывательскихъ колонистовъ, „поелику сей новой и временной налогъ долженствуетъ облегчить и переобразовать самое ихъ состояніе“.

Въ силу своихъ контрактовъ съ канцеляріей опекунства иностранныхъ вызыватели имѣли право получить за каждыя сто вызванныхъ ими семей по 4000 рублей безпроцентной ссуды на 10 лѣтъ, слѣдовательно товарищество Леруа имѣло право на полученіе въ ссуду 58.000 рублей, а товарищество Прекура — 17.360 рублей. Но принимая во вниманіе, что „вызыватели, по уступкѣ своихъ колоній, не будутъ имѣть ничего собственнаго“, а потому не въ состояніи будутъ найти за себя надежныхъ поручителей, коммиссія считала цѣлесообразнымъ выдать имъ вмѣсто ссуды лишь указные 6% съ нея за 10 лѣтъ, что составляло сумму въ пользу товарищества Леруа—34.800 рублей, а Прекура „съ товарищи“—10.416 рублей.

Вмѣсто обѣщанной контрактами постройки домовъ для вызывателей на казенный счетъ, коммиссія, согласно съ мнѣніемъ канцеляріи опекунства, находила нужнымъ выдать имъ соотвѣтствующую сумму денегъ, а именно: Леруа, Питету и Зонтагу—2.594 рубля 37½ копеекъ, а Прекуру съ товарищами—1.519 руб.

Равнымъ образомъ коммиссія признала за вызывателями право на вознагражденіе за обѣщанную имъ землю, въ размѣрѣ одного рубля за каждую десятину, что для товарищества Леруа составило—1461 рубль, а для товарищества Прекура—390 рублей. Впрочемъ коммиссія находила не лишнимъ удвоить эту сумму

ради охраненія достоинства и кредита русскаго Двора въ Европѣ, „тѣмъ болѣе, что не выходитъ удобности ни одному частному человѣку продать свою землю по такой дешевой цѣнѣ, по которой продаются казенныя земли для народнаго облегченія и вящаго споспѣшествованія хлѣбопашеству“.

Въ вознагражденіе за вызовъ колонистовъ коммиссія полагала выдать товариществу Леруа, за два года его дѣятельности, 9.989 рублей 25 копеекъ, а Прекура — 6.215 рублей.

Кромѣ того казна должна была возвратить Леруа 2021 руб. 68¾ коп., которые онъ „роздалъ колонистамъ по ихъ роспискамъ въ Гамбургѣ намѣсто умершаго повѣреннаго въ дѣлахъ Вихляева“.

Въ заключеніе коммиссія предлагала при окончательномъ разсчетѣ съ вызывателями и выдачѣ имъ денегъ „вычесть у каждаго изъ нихъ все то, чѣмъ они, по признанію канцеляріи опекунства иностранныхъ, остались должны казнѣ и колонистамъ“, а именно: у Леруа „съ товарищи“ 31.876 рублей 36 копеекъ, а у Прекура и его компаньоновъ—13.905 рублей 87¼ коп. За этими вычетами товарищество Леруа имѣло получить 44.018 руб. 26½ коп., а товарищество Прекура—11.867 руб. 12¾ коп.[1]).

Представляя свое рѣшеніе на усмотрѣніе императрицы, коммиссія вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовала „о всемилостивѣйшемъ упущеніи вызывателямъ выданныхъ имъ здѣсь по крайней ихъ бѣдности изъ канцеляріи (опек. ин.) на пропитаніе по одному рублю на день, а именно — Леруа и его повѣренному Гогелю, вмѣсто товарища Питета, съ 20 декабря 1767 года по первое іюля сего (1777) года 7.088 руб., а Прекурту съ двумя товарищами 9.732 рубля, да и сколько еще имъ оныхъ въ выдачу употреблено будетъ до окончательнаго рѣшенія дѣла“[2]).

„Окончательное рѣшеніе дѣла“ послѣдовало лишь въ 1779-мъ году: 31 января этого года вызыватели Леруа и д'Отеривъ за себя и за своихъ товарищей дали расписки въ томъ, что они вполнѣ удовлетворены канцеляріей опекунства иностранныхъ и не имѣютъ къ ней никакихъ претензій[3]).

---

[1]) Въ случаѣ-же оцѣнки земли, „которую вызыватели себѣ въ собственность требовать право имѣли“, по 2 рубля за десятину, означенная сумма возрастала до 45.479 рублей 26½ коп. для товарищества Леруа и 12.257 рублей 12¾ коп. для товарищества Прекура.

[2]) Архивъ Мин. Земледѣл. и Госуд. Им., № 25.628: докладъ коммиссіи по дѣламъ вызывателей Леруа и Прекурта отъ 5 іюля 1777 г.

[3]) Тамъ-же: „Подписка Леруа въ полученіи отъ канцеляріи опек. ин. полнаго удовлетворенія по высочайше конфирмованному докладу, данная генваря 31 дня 1779 года“. Тамъ-же подписка д'Отерива.

Такимъ образомъ правительство развязалось наконецъ съ двумя вызывательскими товариществами.

Что касается колоній Кано де Борегара, то благодаря особенностямъ ихъ организаціи, оттуда правительство повидимому не получало жалобъ, и обращеніе ихъ въ коронныя произошло вслѣдствіе денежныхъ злоупотребленій вызывателя и упорнаго нежеланія прибыть въ Петербургъ для окончательнаго разсчета[1]).

Коммиссія, занимавшаяся дѣломъ вызывателей (Леруа и Прекура съ ихъ товарищами), свое заботливое отношеніе къ ихъ интересамъ оправдывала желаніемъ избѣжать „всякой со стороны вызывателей предосудительной огласки и тѣмъ самымъ сберечь на будущее время готовый путь къ возобновленію подобныхъ операцій". Операціи по вызову въ Россію иностранцевъ на поселеніе дѣйствительно возобновились, и при томъ прежде, чѣмъ рѣшенія названной коммиссіи были приведены въ исполненіе.

Воспользовавшись наступившимъ во внѣшней политикѣ затишьемъ, правительство Екатерины II снова обращаетъ теперь усиленное вниманіе на колонизацію русской территоріи иностранцами. Въ вопросѣ о томъ, откуда брать этихъ послѣднихъ, сыгралъ извѣстную роль вышеизложенный эдиктъ Іосифа II: оставляя въ покоѣ юго-западъ Германіи, давшій въ шестидесятые годы наибольшее число иммигрантовъ, правительство ищетъ ихъ среди крымскихъ и турецкихъ христіанъ, итальянцевъ и „корсиканцевъ" и, наконецъ, нѣмцевъ-же, жителей Данцигской территоріи, которая не входила въ составъ имперіи и, слѣдовательно, не подлежала дѣйствію эдикта Іосифа. Вмѣстѣ съ тѣмъ для водворенія этихъ иммигрантовъ отводится иная территорія, не Поволжье, въ шестидесятые годы преимущественно колонизируемое, а Новороссійскій край, что находится въ связи съ успѣхами здѣсь русскаго оружія въ царствованіе Екатерины.

Въ нѣкоторой зависимости отъ перемѣны мѣстъ, откуда иммиграція шла и куда направлялась, стоитъ сначала утрата канцеляріей опекунства иностранныхъ своего доминирующаго руководящаго значенія въ дѣлѣ иностранной колонизаціи, а затѣмъ и совершенное уничтоженіе этого учрежденія въ 1782-мъ г. Не говоря

---

[1]) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25.697: „О заключеніи контракта съ барономъ Борегардомъ о вызовѣ ему въ Россію на поселеніе колонистовъ и о разныхъ его Борегарда въ семъ дѣлѣ происшествіяхъ".

уже о колонистахъ южной Европы, даже эмигранты изъ Данцига направляются въ Новороссію болѣе прямымъ путемъ—чрезъ Ригу и недавно присоединенную Бѣлоруссію, минуя Петербургъ. Губернская реформа Екатерины создала сильную мѣстную административную власть, которая могла какъ оказывать содѣйствіе иммигрантамъ во время прохода ими чрезъ ту или другую губернію, такъ и руководить ихъ водвореніемъ на мѣстахъ, благодаря чему вмѣшательство агентовъ спеціальнаго учрежденія было излишнимъ [1]), а властная личность Потемкина, стоявшаго во главѣ управленія Новороссійскимъ краемъ, дѣлала такое вмѣшательство и невозможнымъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи колонизаціонныя мѣропріятія этого періода мы разсмотримъ въ слѣдующей хронологической послѣдовательности: а) вызовъ христіанъ изъ Крыма, б) переселеніе шведовъ съ острова Даго, в) вызовъ колонистовъ изъ южной Европы, г) вызовъ колонистовъ изъ Данцига, д) вызовъ меннонитовъ.

¹) Полн. Собр. Зак., т. XXI, № 15.411.

VI. Вызовъ христіанъ изъ Крыма (1778—1779 гг.).

Евгеній Булгарисъ, новопосвященный архіепископъ Славенскій и Херсонскій, въ письмѣ своемъ отъ 22-го ноября 1775-го года къ двоюродному брату, священнику на островѣ Занте, между прочимъ писалъ о своей епархіи:

„Этотъ округъ называется.... Новой Россіей, и вотъ здѣсь то должна образоваться новая колонія изъ грековъ, молдаванъ и сербовъ, которые захотѣли-бы поселиться здѣсь—на землѣ обширной и плодоносной. Уже цѣлыя тысячи пришли сюда въ Яникуле и другіе города и села. Можетъ быть этихъ поселенцевъ прибудетъ современемъ и еще болѣе — въ видахъ найти себѣ здѣсь убѣжище отъ притѣсненія тиранновъ и гнета нищеты“ [1]).

Предположенія Евгенія оправдались блестящимъ образомъ, и въ теченіе одного 1778-го года изъ Крыма переселилось въ предѣлы Новороссійскаго края слишкомъ тридцать тысячъ христіанъ, т. е. болѣе, чѣмъ колонистовъ изъ западной Европы въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ (1763—1773 гг.).

Въ Крыму, признанномъ по Кучукъ-Кайнарджійскому миру (1774 г.) независимымъ, происходили смуты. Возведенный на престолъ при содѣйствіи русскихъ войскъ ханъ Шагинъ-Гирей возбудилъ противъ себя неудовольствіе преслѣдованіемъ противной ему партіи и попыткой завести регулярныя войска. Противъ хана вспыхнуло возмущеніе, которое Россіи пришлось усмирять силою оружія.

Вступивъ въ Крымъ, русскія войска въ горной его части встрѣтили значительное христіанское населеніе (грековъ, армянъ

---

1) „Древняя и Новая Россія“ 1876 г., № 3, стр. 209: „Евгеній Булгарисъ, архіепископъ Славенскій и Херсонскій“ (статья А. Лебедева).

и отчасти грузинъ), въ рукахъ котораго находилась вся промышленность, садоводство и земледѣліе края; подати и налоги, взимавшіеся съ христіанъ, составляли главныя статьи доходовъ хана.

Несмотря на это, положеніе христіанъ въ Крыму было очень тяжелымъ. Съ ними обращались, какъ съ рабами хана, имъ запрещали строить церкви и ставить на нихъ кресты. Не говоря уже о болѣе раннемъ времени, въ 1770-мъ, 1772-мъ и 1774-мъ годахъ греки подвергались въ Крыму сильнымъ притѣсненіямъ[1]).

Неудивительно поэтому, что вступленіе въ Крымъ русскихъ войскъ было привѣтствуемо христіанами, какъ радостное событіе, и между тѣми и другими установились довольно тѣсныя отношенія, что конечно не могло не раздражать татаръ; а это раздраженіе послѣ ухода русскихъ войскъ могло выразиться снова въ гоненіяхъ на христіанское населеніе[2]).

Опасаясь для себя такого рода печальныхъ послѣдствій, многіе изъ христіанъ стали выражать желаніе переселиться въ Россію, о чемъ командовавшій въ Крыму русскими войсками князь Прозоровскій донесъ своему правительству. Послѣднему мысль о переселеніи христіанъ пришлась какъ нельзя болѣе по душѣ, и оно съ большой энергіей стало настаивать на ея осуществленіи: перспектива заселить пустынныя пространства Новороссійскаго края новыми выходцами, завести тамъ земледѣльческую культуру и развить торговлю, одновременно ослабивъ Крымъ эмиграціей христіанъ, все это казалось настолько заманчивымъ, что императрица и ея ближайшіе сотрудники — Румянцевъ и Потемкинъ готовы были не жалѣть никакихъ издержекъ и не останавливаться ни передъ какими мѣрами для достиженія указанной цѣли. Румянцевъ предписалъ Прозоровскому склонять Крымскихъ христіанъ къ переселенію въ Россію, а самъ довелъ это дѣло до свѣдѣнія императрицы. Отвѣчая на донесеніе Румянцева, Екатерина въ рескриптѣ отъ 9-го марта 1778 года писала ему:

„Мы, пріемля пунктъ сей со всею важностью, не можемъ довольно предписать средствъ, коими помянутый генералъ-поручикъ (Прозоровскій) долженствуетъ усугубить всѣ возможныя для

---

[1]) Извѣстія Таврической ученой архивной коммиссіи, № 31: „Краткій очеркъ дѣятельности генералиссимуса А. В. Суворова въ Крыму“, 6 стр. (Статья Арсенія Маркевича, Симферополь 1901).

[2]) Въ указѣ графу Румянцеву отъ 11 февраля 1778-го года Екатерина писала: „При такомъ отступленіи къ Перекопу и занятіи предъ онымъ квартиръ, предохраняя жительствующихъ въ семъ полуостровѣ христіанъ отъ утѣсненія и свирѣпства, которыя они по вѣрѣ своей и преданности къ Намъ отъ мятежниковъ и самыхъ турокъ неминуемо потерпѣть могутъ, надлежитъ и имъ дать подъ защитою войскъ нашихъ безопасное убѣжище“. См. Дубровинъ, „Присоединеніе Крыма къ Россіи. Рескрипты, письма, реляціи и донесенія“, 2 т., 225 стр.

него способы уговаривать ихъ, чтобъ добровольно согласились перенести домоводство свое въ Новороссійскую и Азовскую губернію, гдѣ, подъ покровомъ Нашимъ, найдутъ они спокойнѣйшую жизнь, возможное благоденствіе; а особливо уговаривать къ тому тамошняго (греческаго) митрополита (Игнатія), обнадежа его разными выгодами; хану-же самому вразумить, что сіе дѣлается въ предупрежденіе могущаго имъ быть мщенія отъ татаръ и, можетъ статься, и отъ турокъ, если оные въ Крымъ прибудутъ".

Императрица предписывала принимать переселенцевъ „со всею ласкою" и снабжать ихъ во время пути въ означенныя губерніи провіантомъ на казенный счетъ[1]). Одновременно съ этимъ (9-го же марта 1778 г.) указомъ на имя кн. Потемкина императрица повелѣла снабдить переселенцевъ, по усмотрѣнію князя, „какъ достаточнымъ числомъ земли, такъ и нужными къ заведенію домостроительства ихъ пособіями изъ казны", и обѣщала дать имъ соотвѣтствующія привилегіи, „смотря по числу и состоянію оныхъ" (переселенцевъ), а пока поручила ихъ „собственной опекѣ тамошнихъ губернаторовъ"[2]).

Князь Потемкинъ съ своей стороны поспѣшилъ принять мѣры къ тому, чтобы устранить противодѣйствіе хана переселенію христіанъ: кн. Прозоровскому и русскому резиденту при Крымскомъ правительствѣ Константинову онъ поручилъ вразумить хана, что отъ предпринимаемаго переселенія христіанскихъ подданныхъ онъ ничего не потеряетъ и получитъ за то достойное вознагражденіе въ доходахъ своихъ.

Митрополитъ Игнатій и Прозоровскому и Константинову выразилъ надежду на то, что удастся организовать переселеніе христіанъ, а 23-го апрѣля 1778-го года, въ первый день Пасхи, объявилъ паствѣ о своихъ переговорахъ съ русскими властями.

Между тѣмъ Прозоровскаго замѣнилъ въ Крыму знаменитый Суворовъ, и съ этой перемѣной дѣло о переселеніи христіанъ затянулось; посему Потемкинъ счелъ нужнымъ 17-го мая напомнить Суворову объ этомъ дѣлѣ.

Лишь 17-го іюля Суворовъ переслалъ Румянцеву и Потемкину представленные митрополитомъ Игнатіемъ пункты, на основаніи которыхъ соглашалось переселиться въ Россію все обще-

---

[1]) Архивъ военно-походной канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго.—Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ при Москов. Университетѣ, 1875 г., кн. 4, стр. 86.

[2]) Сенатскій Архивъ: „Правительствующаго Сената дѣло о переселеніи живущихъ въ Крыму грековъ, грузинъ и армянъ въ Новороссійскую и Азовскую губерніи", 1778 г., № 322.

ство Крымскихъ христіанъ греческаго, армянскаго и католическаго исповѣданій[1]).

Содержаніе этихъ пунктовъ сводится къ слѣдующему:

1. Христіане переѣзжаютъ со своимъ имуществомъ изъ Крыма на обѣщанныя имъ земли въ Азовской губерніи[2]) при пособіи „изъ высочайшаго иждивенія“.

2. Такое-же пособіе выдается на постройку для промышленниковъ и мастеровыхъ людей особаго торговаго города, лежащаго на привольномъ мѣстѣ, при большой рѣкѣ, и состоящаго изъ домовъ, церквей и лавокъ, принадлежащихъ исключительно грекамъ и армянамъ, „безъ смѣси другихъ и какого-либо рода и званія людей“.

3. Равнымъ образомъ принципъ не смѣшиванія съ другими національностями долженъ быть примѣненъ и къ тѣмъ христіанамъ, которые поселятся поблизости помянутаго города деревнями, „въ мѣстахъ для хлѣбопашества, скотоводства, пчелъ и садовъ способныхъ и привольныхъ“.

4. Всѣмъ россійскимъ подданнымъ, впрочемъ, позволяется свободно и безпрепятственно (въ мѣстахъ водворенія Крымскихъ христіанъ) заниматься невоспрещеннымъ торгомъ и промыслами, безплатно ловить въ рѣкахъ рыбу и брать изъ лѣсовъ дрова.

5. Митрополитъ Игнатій и прочія духовныя лица остаются при своей паствѣ и по переселеніи въ Россію. Митрополитъ зависитъ непосредственно отъ Св. Синода и рукополагаетъ на вакантныя мѣста новыхъ священниковъ и прочихъ церковниковъ, которые и правятъ свою должность „по собственнымъ обыкновеніямъ“.

6. Всѣ переселенцы освобождаются *на вѣчныя времена*:

а) отъ рекрутской повинности и всякаго рода постоевъ и

б) отъ крѣпостной зависимости.

7. *На десять лѣтъ* со дня водворенія на мѣстахъ переселенцы освобождаются отъ всякихъ податей и поборовъ и натуральныхъ повинностей.

8. Размѣръ подати, которую они обязаны будутъ платить съ земли или съ души по истеченіи десяти (10) лѣтъ, долженъ быть опредѣленъ теперь-же, при самомъ переселеніи.

9. Для сбора податей, суда и администраціи переселенцы *выбираютъ* изъ своей среды на опредѣленный срокъ начальни-

---

[1]) Извѣстія Таврической ученой архивной коммиссіи, № 31, стр. 7—12.

[2]) Земли для поселенія предполагалось отвести, согласно просьбѣ и желанію переселенцевъ, между рѣками—Днѣпромъ, Самарью и Орелью.

ковъ, „которые даютъ во всемъ отчетъ губерніи, пребывая подъ защитою оной отъ всякаго оскорбленія ихъ достоинства и особъ“ [1]).

Пункты, представленные крымскими христіанами, со стороны русскихъ властей были признаны пріемлемыми и обѣщалось ихъ выполненіе, но эмигранты, „по малодушію своему“, не рѣшались сняться съ насиженныхъ мѣстъ и двинуться въ Россію прежде, чѣмъ получатъ подтвержденіе обѣщанныхъ привилегій особой грамотой за собственноручной подписью императрицы. Объ этомъ митрополитъ Игнатій написалъ Румянцеву [2]), который поспѣшилъ успокоить эмигрантовъ, увѣряя ихъ, что въ Россіи они найдутъ „подъ кротчайшимъ скипетромъ спокойную жизнь, возможное благоденствіе и такія выгоды, какихъ себѣ предполагать не могутъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщалъ довести до свѣдѣнія императрицы объ ихъ желаніи на счетъ грамоты и предлагалъ ускорить переселеніе, дабы не терять времени „всуе“ [3]).

Объ ускореніи переселенія хлопоталъ и Суворовъ, прося Румянцева, Потемкина и Азовскаго губернатора Черткова принять слѣдующія мѣры:

1) прислать въ Крымъ для перевозки христіанъ 6000 паро-воловыхъ повозокъ;

2) скупить у нихъ хлѣбъ, товары и разныя тяжелыя вещи, а если возможно, то и виноградники, чтобы прежнимъ ихъ владыкамъ-татарамъ остались только дома да лавки, взамѣнъ коихъ на мѣстахъ водворенія выстроить христіанамъ новые на казенный счетъ;

3) отвести переселенцамъ мѣста для водворенія отъ Казы-Кермена вверхъ по Днѣпру, если-же это невозможно, то въ Екатеринославѣ и его уѣздѣ, „дабы по малой мѣрѣ съ Днѣпра рыбною ловлею и пригономъ сверху Днѣпра же лѣсу довольствоваться могли“; съ одного-же мѣста на другое ихъ не водить, чтобы, разорившись отъ этого, не роптали на судьбу свою;

4) защитить христіанъ отъ нападокъ разгнѣваннаго переселеніемъ хана и его правительства, снабдить въ пути провіантомъ и всѣмъ необходимымъ, а по прибытіи на мѣсто—провіантомъ и сѣменами для посѣва;

5) такъ-какъ лѣто проходитъ и дома на мѣстахъ водворенія къ зимѣ не поспѣютъ, то отвести переселенцамъ квартиры въ

---

[1]) Дубровинъ, Присоединеніе Крыма къ Россіи, 2 т., № 215, стр. 556—557.

[2]) Тамъ же, 615 стр.: переводъ письма, писаннаго г. генералъ-фельдмаршалу графу П. А. Румянцову-Задунайскому отъ митрополита готфейскаго и кафайскаго, отъ 17 іюля 1778 г.

[3]) Тамъ-же, 616 стр.: копія письма Румянцева къ митрополиту отъ 2 августа 1778 г.

слѣдующихъ селеніяхъ по рѣкѣ Орели: Новоселицѣ, Каменкѣ, Протовчахъ, Чаплынкѣ и другихъ; а чтобы между хозяевами квартиръ и переселенцами не было распрь, „свесть два дома подъ образомъ постоя въ одинъ, такимъ образомъ цѣлая половина селенія опростана будетъ для помѣщенія христіанъ“ [1]).

Предложенія Суворова, отражавшія желанія самихъ переселенцевъ, оказались неудобовыполнимыми и непрактичными, и Азовскій губернаторъ (2-го августа 1778 г.) далъ ему слѣдующій отвѣтъ:

Уже сдѣлано распоряженіе объ отправленіи 2000 воловыхъ подводъ въ Перекопъ, на большее-же количество подводъ, „по новости учрежденія Азовской губерніи“, надѣяться невозможно, хотя губернской канцеляріи и предписано, „сколько можно будетъ сверхъ упомянутыхъ 2000, еще порядить“ [2]).

Недостающее-же количество подводъ можно возмѣстить наймомъ тѣхъ „фурщиковъ“, которые возятъ казенные и частные грузы въ Крымъ; они могутъ подрядиться на перевозку христіанъ до крѣпости Александровской или даже до тѣхъ квартиръ, которыя будутъ отведены для зимовки послѣднихъ по соглашенію съ ихъ депутатами.

Для защиты бѣдняковъ христіанъ, не имѣющихъ одежды, отъ холода, уже предписано губернской канцеляріи купить на первый случай по двѣсти шубъ и сермяжныхъ кафтановъ и отправить ихъ въ крѣпость Александровскую, гдѣ о продовольствіи и прокормленіи эмигрантовъ озаботится оберъ-комендантъ Лановъ.

Отвести эмигрантамъ просимыхъ ими земель въ Екатеринославѣ съ уѣздомъ, а равно земель между рѣками — Днѣпромъ, Самарью и Орелью, нѣтъ возможности: эти земли, въ особенности около рѣкъ, отчасти издавна заселены, отчасти вновь заселяются государственными и владѣльческими слободами, такъ-что совсѣмъ не заселенныхъ мѣстностей уже нѣтъ, за исключеніемъ развѣ мѣстъ по Днѣпру внизъ отъ Александровской крѣпости, между Московской и Конскими Водами; но удобна-ли эта „дача“

---

1) Дубровинъ, Присоединеніе Крыма къ Россіи, т. 2, № 216, стр. 558: записка, представленная Суворовымъ графу Румянцеву-Задунайскому отъ 17 іюля 1778 г.

2) Всего Азовская губернская канцелярія отправила въ Перекопъ 2400 подводъ „съ надежными приставами“, „наряля со всѣхъ государственныхъ, однодворческихъ и воинскихъ, то-жь и владѣльческихъ селеній“.—Сенатскій Архивъ: „Дѣло о переселеніи живущихъ въ Крыму грековъ, грузинъ и армянъ“, — рапортъ Азовской губерн. канцеляріи сенату отъ 28-го августа 1778 г. изъ Екатеринослава.

для водворенія христіанъ по своему положенію „впереди линіи къ Крыму“, объ этомъ предоставляется судить самому Суворову. Впрочемъ имѣются еще свободныя земли въ Маріупольскомъ уѣздѣ, отъ верховьевъ рѣки Волчьей по направленію какъ къ Бахмутской провинціи, такъ и къ Азовскому морю, по правому берегу рѣкъ Калчика и Калеца, а равно и по берегу названнаго моря. Если переселенцамъ нужны мѣста для рыбныхъ ловель, то ихъ можно отвести между крѣпостью Петровскою и устьемъ рѣки Калміуса.

Нельзя отвести переселенцамъ квартиръ въ Новоселицѣ, Каменкѣ и Протовчахъ (подъ послѣднимъ названіемъ имъ, Чертковымъ, разумѣется Петриковка): въ первомъ селеніи располагается Полтавскій, а во второмъ Луганскій пикинерные полки, изъ третьяго-же комплектуется, да и всегда пополняться будетъ, новоформирующійся полтавскій пикинерный полкъ. Чаплынскаго же селенія и совсѣмъ не существуетъ: лишь предназначено завести его при рѣчкѣ Чаплынкѣ въ 50 дворовъ, но къ этому еще и не приступали.

Христіанъ можно помѣстить въ другихъ издавна заведенныхъ селеніяхъ, лежащихъ по рѣкѣ Орели, „однако не такимъ порядкомъ, какъ они въ пунктахъ своихъ полагаютъ“: нельзя поселянъ изъ двухъ домовъ соединять въ одномъ домѣ и остающійся свободнымъ домъ отводить для переселенцевъ,—иначе поселянинъ, переводимый изъ своего дома въ чужой, лишенъ будетъ возможности наблюдать за своимъ имуществомъ и вынужденъ будетъ забрать съ собою посуду и все необходимое въ домашнемъ обиходѣ, благодаря чему переселенцы въ пустыхъ домахъ будутъ поставлены въ затруднительное положеніе. Посему ихъ нужно помѣщать въ домахъ вмѣстѣ съ хозяевами, которые могутъ оказать имъ всякое вспомоществованіе и дать полезныя на будущее время указанія, какъ вести хозяйство. Помимо того общеніе съ мѣстными жителями поможетъ переселенцамъ свыкнуться съ новыми условіями жизни и перенять „обыкновенія ихъ, сопряженныя съ послушаніемъ къ начальству“ [1]).

Переселеніе между тѣмъ мало помалу налаживалось. Въ концѣ іюля выступили первыя небольшія партіи переселенцевъ изъ Бахчисарая; 5-го августа отправилось въ Россію 1122 души обоего пола горожанъ; къ 22-му августа выѣхало уже всего

---

[1]) Дубровинъ, Присоединеніе Крыма къ Россіи. т. 2, № 247, стр. 612—614: рапортъ Азовскаго губернатора генералъ-поручика Черткова генералъ-поручику Суворову отъ 2 августа 1778 г.

10.239 душъ горожанъ и сельскихъ жителей[1]), а къ 18-му сентября выводъ крымскихъ христіанъ былъ почти законченъ: къ этому времени въ Азовскую губернію успѣло переселиться 31.098 душъ обоего пола[2]), вскорѣ за ними послѣдовало еще 68 человѣкъ ясырей грузинъ, и 288 душъ остались зимовать въ Крыму.

Изъ общаго числа эмигрантовъ—31.386 душъ (сюда включены оставшіеся зимовать въ Крыму 288 душъ, но не приняты во вниманіе 68 человѣкъ ясырей-грузинъ) 15.971 человѣкъ, слѣдоватеельно болѣе половины, были горожане, остальные 15.415 человѣкъ — сельскіе жители. Число мужчинъ превышало число женщинъ: первыхъ было 16.165 душъ, вторыхъ 15.221.

Что касается распредѣленія переселенцевъ по національностямъ, то 18.400 душъ были греки[3]), 219 (не считая упомянутыхъ выше 68 человѣкъ ясырей)—грузины[4]), 161—валахи, а остальные 12.606—армяне[5]).

Вмѣстѣ съ греками, впрочемъ, и подъ ихъ именемъ, переселилось и нѣкоторое число татаръ, принявшихъ православіе. Татары горной части Крыма были соединены съ переселявшимися христіанами самыми тѣсными, преимущественно экономическими узами, и говорили объ эмигрантахъ, что теряютъ ихъ, какъ душу отъ тѣла. Въ Бахчисараѣ и Евпаторіи, напр., были случаи, что татары изъявляли желаніе переѣхать въ Россію вмѣстѣ съ христіанами, но Суворовъ имъ отвѣчалъ, что на это „отъ высшей команды повелѣнія нѣтъ“[6]). Тогда многіе стали тайно принимать крещеніе и уѣзжать въ Россію вмѣстѣ съ христіанами. Узнавъ о все умножающихся случаяхъ крещенія татаръ, Суворовъ этому „препятствія чинить“ не велѣлъ, но не велѣлъ оказывать и содѣйствія[7]). Въ рапортѣ своемъ графу Румянцеву (отъ 13-го сентября 1778 года) Суворовъ по этому поводу писалъ: „Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе открывается между татаръ Крымскихъ безпримѣрное желаніе къ принятію христіанскаго закона. Въ горахъ татарскихъ семей до 20-ти отъ греческихъ священниковъ приняли святое

---

1) Дубровинъ, Присоединеніе Крыма къ Россіи, 2 т., 637 и 671 стр.

2) Тамъ-же, 710 стр.

3) Около 4.400 грековъ были горожане, остальные 14.000—сельскіе жители.

4) Всего, слѣдовательно, грузинъ переселилось 287 душъ.

5) Среди армянъ земледѣльцевъ было не болѣе 300 человѣкъ. См. Дубровинъ. Присоединеніе Крыма, 3 т., 257 стр.: письмо Потемкину отъ армянскихъ депутатовъ отъ 15 іюля 1779 г.

6) Дубровинъ. Присоединеніе Крыма, 2 т., 634—637 стр.: рапортъ Суворова Румянцеву отъ 7 августа 1778 г.

7) Тамъ-же, 699 стр.: рапортъ Суворова Румянцеву отъ 8 сент. 1778 г.

крещеніе и между выѣзжающихъ христіанъ скрываясь, отправились вмѣстѣ съ оными на поселеніе такъ скрытно, что ниже россійскіе о томъ предузнать могли. Множество таковыхъ приходятъ къ начальникамъ войскъ разномѣстно, объявляя свое желаніе, но на то имъ соотвѣтствуется молчаніемъ“ [1]).

Сообщая въ свою очередь объ этимъ фактахъ Потемкину, Румянцевъ въ шутку называлъ Суворова „равноапостольнымъ“ [2]).

Такъ-какъ нѣкоторые изъ переселенцевъ, преимущественно грузины и валахи, были ясырями, т. е. рабами татаръ, то Суворовъ владѣльцамъ ихъ выплачивалъ вознагражденіе. Равнымъ образомъ онъ выплачивалъ татарамъ долги свободныхъ переселенцевъ.

Оставляемые христіанами въ Крыму зерновой хлѣбъ, сѣно и солома подлежали покупкѣ въ провіантскіе магазины и полки по мѣстнымъ цѣнамъ, которыя были ниже цѣнъ на привозные провіантъ и фуражъ. Суворовъ разсчитывалъ, что казна выиграетъ на этой операціи до 100.000 рублей сбереженія, которые покроютъ всѣ расходы по переселенію. Разсчетъ Суворова однако не оправдался: въ первые-же дни по изъявленіи согласія на переселеніе христіане продали помимо русскихъ войскъ, или роздали за долги свои продукты, такъ-что количество провіанта, подлежавшаго покупкѣ въ казну, оказалось незначительнымъ[3]).

Расходы по переселенію христіанъ (по 2 октября 1778 г.) были исчислены въ 75.029 рублей 92 копейки.

Въ дѣйствительности переселеніе обошлось гораздодороже: пришлось сдѣлать крупные подарки[4]) хану, его братьямъ, мурзамъ и чиновникамъ,—всего болѣе, чѣмъ на 100.000 руб.

Несмотря на искреннее желаніе русскаго правительства исполнить всѣ свои обязательства и обѣщанія и по возможности наилучше устроить бытъ эмигрантовъ, послѣднимъ на первыхъ порахъ пришлось очень плохо въ ихъ новомъ отечествѣ. Причиною этого была неподготовленность мѣстной русской администраціи къ такому сложному дѣлу, какъ водвореніе на мѣстахъ сразу нѣсколькихъ десятковъ тысячъ колонистовъ, отсутствіе преду-

---

[1]) Тамъ-же, 751 стр.

[2]) Тамъ-же, 702 стр.: письмо гр. Румянцева къ кн. Потемкину отъ 8 сентября 1778 г.

[3]) Тамъ-же, 2 т.,634—637, 670 и 699 стр.: рапорты Суворова Румянцеву отъ 7 августа, 21 августа и 8 сентября 1778 г.

[4]) Русское правительство впрочемъ отвергало объясненіе резидента Константинова, что хану выдано 50.000 рублей *за вывозъ христіянъ*, какъ не сходное „ни съ обстоятельствами“, ни съ данными ему, резиденту, „предписаніями“. См. Дубровинъ,—Присоединеніе Крыма 3 т., 157 стр.: письмо Румянцева къ Константинову отъ 22 апрѣля 1779 г.

смотрительности и распорядительности, халатность, а иногда, быть можетъ, и прямая недобросовѣстность низшихъ агентовъ правительства.

И митрополитъ Игнатій отъ имени своихъ грековъ, и армяне въ одинъ голосъ весной слѣдующаго 1779 года жаловались на свое бѣдственное положеніе.

Прежде всего не оказалось достаточнаго числа жилыхъ помѣщеній, гдѣ-бы эмигранты могли перезимовать. Для зимовки отвели имъ съ грѣхомъ пополамъ Новоселицу, нѣсколько другихъ деревень и крѣпость Александровскую. Хотя помѣщали по двѣ и по три семьи въ одной избѣ, „съ превеликою нуждою", однако для всѣхъ мѣста не хватило: многіе по пріѣздѣ принуждены были въ ненастье и стужу кочевать въ кибиткахъ, а потомъ строить для себя своими руками землянки. Нѣкоторые изъ нихъ простудились и померли, другіе лишились всего своего скота[1]).

Съ выдачей провіанта и кормовыхъ денегъ выходили также недоразумѣнія,—иные переселенцы не получали ни того, ни другого. „Не только награжденія", жаловались Суворову армяне, „но и послѣдняго отъ грабежа разбойниковъ и другихъ притѣсненій лишились, и дошли до такой крайности, что имѣвшіе прежде у себя хорошее пропитаніе сбираютъ нынѣ по міру милостыню, а другіе отъ голоду отдаютъ все за малое число денегъ или хлѣба для своихъ дѣтей. Отъ какого голоду и по употребленію въ пищу вареныхъ въ водѣ отрубей много малолѣтнихъ померло".

Армяне жаловались также и на то, что для поселенія имъ отводятъ мѣста, гдѣ нѣтъ ни воды, ни лѣса, и принуждаютъ расписаться въ томъ, что эти мѣста для нихъ удобны, тогда какъ для нихъ желательно поселиться у береговъ Азовскаго моря, около крѣпостей тамъ построенныхъ, „по способности для коммерціи водяной коммуникаціи".

Переселенцы считали себя обманутыми, были близки къ отчаянію и роптали на митрополита Игнатія, главнаго вдохновителя и руководителя переселенія. Послѣдній писалъ по этому поводу къ резиденту Константинову: „Дорогою и по пріѣздѣ сюда, что я отъ нихъ (переселенцевъ) слыхалъ, единому Богу извѣстно. Заткнувъ уши свои, уклоняюсь отъ слуха рѣчей ихъ, ибо ежели-бы на ихъ требованія отвѣтствовавъ, то-бы давно уже меня лишили жизни. Все то я терпѣливо сношу, но Богъ праведенъ!

---

[1]) Дубровинъ, Присоединеніе Крыма, 3 т., 171—172 стр.: письмо Суворова къ кн. Потемкину отъ 2 мая 1779 г. и экстрактъ изъ письма митрополита Игнатія къ резиденту Константинову.

Вы меня ввергнули въ глубину огня и въ немъ страдать оставили; я васъ оставляю Божіему правосудію, Который воздастъ вамъ по дѣламъ вашимъ; ибо по вашимъ словамъ я попался въ сію пасть".

Письмо митрополита резидентъ сообщилъ Суворову, а тотъ— Потемкину, и на положеніе переселенцевъ обратили вниманіе, хотя, по обыкновенію, и не торопились съ устройствомъ ихъ быта.

21-го мая 1779 года была дана грекамъ, а 14-го ноября того-же года армянамъ[1]), высочайшая грамота за собственноручной подписью императрицы, опредѣлявшая положеніе переселенцевъ въ Россіи, ихъ вольности, права и преимущества. Въ сущности обѣ грамоты утверждаютъ и развиваютъ тѣ пункты, которые отъ имени всѣхъ переселенцевъ были представлены митрополитомъ Игнатіемъ въ предшествовавшемъ 1778-мъ году.

Грамотами устанавливается подраздѣленіе переселенцевъ „на классы государственныхъ жителей" (т. е. на купцовъ, цѣховыхъ, мѣщанъ и уѣздныхъ поселянъ), утверждается десятилѣтняя льгота отъ государственныхъ податей и службъ для всѣхъ переселенцевъ, и заранѣе, согласно выраженной ими въ „пунктахъ" просьбѣ, опредѣляется размѣръ этихъ податей по истеченіи льготныхъ лѣтъ, а именно: купцы платятъ съ капиталовъ по 1-му % съ рубля, цѣховые и мѣщане — съ двора по 2 рубля, уѣздные поселяне („именно земледѣльцы") *платятъ не съ души, но съ земли*, по 5 копеекъ въ годъ съ десятины, при чемъ *каждому изъ нихъ отводится по тридцати (30) десятинъ.*

Неимущіе поселяне снабжаются на первый годъ не только сѣменами всякаго рода для посѣва, „но и скотомъ и всѣмъ къ заведенію домоводства принадлежащимъ, съ возвратомъ за все оное въ казну черезъ десять лѣтъ"; равнымъ образомъ и дома для неимущихъ строятся „казеннымъ иждивеніемъ"; состоятельные-же переселенцы строятъ на отведенныхъ имъ земляхъ дома, лавки, амбары, фабрики и все, что сами пожелаютъ, на собственный счетъ.

Переселенцы освобождаются отъ рекрутской повинности, а также и отъ всякихъ постоевъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда воинскія команды проходятъ мимо ихъ селеній.

Судъ и расправа и вся внутренняя полиція въ мѣстахъ водворенія переселенцевъ организуются на основаніи обще-государственныхъ узаконеній, но вѣдаются свободно избранными изъ самихъ переселенцевъ начальниками, которые пользуются „чинами и жалованьемъ по штату Азовской губерніи, подъ апеля-

---

[1]) Пол. Сбор. Зак., т. XX, №№ 14942 и 14943.

ціей намѣстническаго правленія". Въ села-же и деревни, „для защиты во всѣхъ нужныхъ случаяхъ", назначаются „особые урядники изъ Россійскихъ", которые, „въ судопроизводство сихъ поселянъ и ни во что не мѣшаясь", должны быть только охранителями и заступниками послѣднихъ.

Наконецъ всѣ переселенцы, каждый сообразно съ избраннымъ имъ состояніемъ (или „родомъ государственныхъ жителей"), пользуются тѣми-же правами, что и коренные жители Россіи, какъ-то: могутъ свободно торговать внутри и внѣ государства, строить на свои средства купеческія мореходныя суда, нужныя и полезныя фабрики и заводы, разводить фруктовые сады и заниматься винодѣліемъ, при чемъ въ своихъ селеніяхъ имъ разрѣшается продавать вино „малыми мѣрами", во внутренніе-же города Россіи ввозить лишь бочками. Въ частности армянамъ разрѣшалось каждому дѣлать „французскую водку", но не ввозить внутрь Россіи.

Всѣ эти права и преимущества жаловались „торжественно всему обществу *на вѣчныя времена*" [1]).

Для водворенія армянъ повелѣвалось отвести въ Азовской губерніи „особенную отъ прочихъ селеній округу крѣпости Св. Димитрія Ростовскаго (нынѣ г. Ростовъ на Дону), какъ границы оной съ Донскимъ войскомъ учреждены, „исключивъ изъ нея 3000 десятинъ земли на крѣпостной валъ; равнымъ образомъ въ пользу жителей крѣпости, для рыбныхъ ловель, отводилась одна четвертая часть протекаемаго рѣкою Дономъ пространства въ предѣлахъ округи „въ верхъ отъ устья рѣчки Темерника". Если же для армянскихъ селеній въ предѣлахъ упомянутой округи не хватитъ земель, то таковыя отводятся и въ округѣ крѣпости Азовской, „гдѣ противъ тѣхъ дачъ рыбныя ловли" жалуются „въ пользу и выгоду всего общества безъ всякихъ въ казну... податей".

При урочищѣ „Полуденки" армяне строятъ особый городъ „Нахичеванъ", къ которому отводится 12.000 десятинъ земли на выгонъ. Въ этомъ городѣ учреждается магистратъ, въ которомъ творятъ надъ армянами „судъ и расправу", по ихъ „правамъ и обыкновеніямъ", выбираемые изъ ихъ-же среды, „по жребію", начальники [2]).

Предначертанія императрицыной грамоты относительно мѣстъ водворенія армянъ были выполнены; при водвореніи-же грековъ

[1]) Дубровинъ, т. 3-й, № 65, стр. 194—197.
[2]) Тамъ-же.

пришлось сдѣлать отступленія отъ указаній жалованной имъ грамоты.

Для водворенія грековъ - земледѣльцевъ грамотой повелѣвалось отвести въ Азовской губерніи „*особенную отъ прочихъ селеній* достаточную часть земли по Солоной и другимъ рѣкамъ и по берегу Азовскаго моря“, и предоставлялось имъ право, какъ и армянамъ, въ предѣлахъ отводимыхъ дачъ, ловить рыбу „безъ всякихъ въ казну... податей“.

Для поселенія-же грековъ купцовъ, мастеровыхъ и промышленниковъ назначались, „какъ выгоднѣйшія для торговли мѣста“, города Азовской-же губерніи—„Екатеринославль и Маріонополь“.

Нужно замѣтить, что послѣдняго города еще не существовало, а онъ лишь предназначался къ построенію спеціально для грековъ, на берегахъ рѣки Волчьей, тамъ, гдѣ впослѣдствіи былъ основанъ Павлоградъ. Такимъ образомъ греки горожане резъединялись съ греками земледѣльцами, отдѣляясь одни отъ другихъ значительныхъ разстояніемъ. Но если армяне протестовали противъ намѣренія администраціи отдѣлить большимъ разстояніемъ мѣста водворенія горожанъ отъ мѣстъ водворенія земледѣльцевъ, хотя послѣднихъ среди нихъ было ничтожное число, то тѣмъ болѣе должны были возстать противъ этого греки, и дѣйствительныя мѣста водворенія ихъ въ концѣ концовъ были опредѣлены не грамотой императрицы, а „ордеромъ“ князя Потемкина генералъ-поручику Черткову отъ 29 сентября 1779 года, при чемъ Потемкинъ ссылался на „обязательное свидѣтельство“ митрополита Игнатія и греческихъ депутатовъ, признавшихъ отводимыя грекамъ „земли и мѣста“ „достаточными и удобными“.

„Ордеръ“ слѣдующимъ образомъ опредѣлялъ границы отводимой грекамъ территоріи:

„отъ Азовскаго моря до устья рѣки Берды, гдѣ крѣпость Петровская“, для которой оставляется округа въ 12 тысячъ десятинъ, по лѣвому берегу Берды до устья рѣчки Каратыша, по лѣвому берегу Каратыша до его верховьевъ, откуда граница идетъ по прямой линіи на „вершину“ балки Кобыльной и по правому ея берегу до устья, впадающаго въ рѣчку Мокрыя Ялы, по правому берегу Мокрыхъ Яловъ до устья, впадающаго въ рѣку Волчью, оттуда по берегу Волчьей до устья балки Осиновой и по лѣвому берегу послѣдней до верховьевъ, отъ верховьевъ Осиновой по прямой линіи на верховья рѣчки Березнеговатой и по правому берегу Березнеговатой до ея устья, впадающаго въ рѣку Калміусъ, далѣе по правому берегу Калміуса до впаденія его въ

Азовское море, откуда по берегу Азовскаго моря до округа вышеупомянутой крѣпости Петровской.

Вся территорія въ указанныхъ границахъ, такъ какъ на ней „нигдѣ достаточныхъ ни казенныхъ, ни помѣщичьихъ заведеній“ еще не было, безъ изъятія отводилась грекамъ „для поселенія и строенія особо ихъ города“. Удобныя мѣста для построенія деревень въ предѣлахъ отведенной территоріи греки должны были выбрать сами; къ каждой деревнѣ, хотя бы въ ней и не было „полнаго количества двухъ сотъ (200) дворовъ“, отрѣзывалась округа въ 12.000 десятинъ: нормальнымъ надѣломъ на дворъ признавалось 60 десятинъ земли, излишекъ-же предназначался для естественнаго прироста населенія и для новыхъ переселенцевъ. Такими переселенцами въ теченіе 10-ти льготныхъ лѣтъ могли быть только греки на всей отводимой для нихъ территоріи, за исключеніемъ, впрочемъ, крѣпости Петровской съ ея округомъ.

Если-бы число грековъ переселенцевъ превзошло количество отведенной имъ земли (считая по 60 десятинъ на дворъ), то въ этомъ случаѣ „ордеромъ“ Потемкина предписывалось „прибавить имъ по количеству тѣхъ выходцевъ и еще изъ пустыхъ и никому не отведенныхъ мѣстъ“. Наоборотъ, если-бы греки въ теченіе 10-ти льготныхъ лѣтъ не заселили и оставиля впустѣ какія-либо земли, то послѣднія подлежали отобранію и раздачѣ желающимъ, „на равномъ основаніи съ прочими въ Азовской губерніи землями“. Это условіе должно было служить имъ побужденіемъ къ возможно бо́льшему привлеченію своихъ земляковъ въ предѣлы Россіи.

Для поселенія грековъ горожанъ предписывалось на берегу Азовскаго моря при устьѣ рѣки Калміуса, или при устьѣ рѣчки Соленой, называемой Икалецомъ и впадающей въ Калміусъ, построить городъ Маріуполь, „расположа“ его „порядочнымъ образомъ“. Всѣ отведенныя грекамъ земли составляютъ Маріупольскій уѣздъ.

Проживающіе-же въ этомъ уѣздѣ „государственные поселяне“ и „на отведенныхъ дачахъ помѣщики (коихъ число весьма невеликое)“ могутъ безпрепятственно оставаться на своихъ мѣстахъ лишь зиму 1779—1780 года и лѣто до снятія урожая, послѣ чего подлежатъ выселенію.

Помѣщики при этомъ, вмѣсто покидаемыхъ ими дачъ, на новыхъ избранныхъ ими удобныхъ мѣстахъ получаютъ такое-же или даже и бо́льшее количество земли, при чемъ освобождаются отъ платежа съ тѣхъ покидаемыхъ дачъ налоговъ за все время владѣнія ими; при опредѣленіи числа обычныхъ льготныхъ отъ

налоговъ лѣтъ на новыхъ мѣстахъ водворенія, время владѣнія прежними дачами также не принимается во вниманіе.

Что касается прочихъ классовъ населенія, то „чиновнымъ", купцамъ, мѣщанамъ и ремесленникамъ дозволяется, „по собственнымъ ихъ желаніямъ", перейти въ крѣпость Петровскую и другіе города Азовской губерніи, а „поселянамъ"—въ государственныя слободы, „съ дачей имъ льготы" отъ податей на *шесть лѣтъ*.

За покидаемые на прежнихъ мѣстахъ дома и постройки всякаго рода („какія бы они ни были"), а равно за церковь при Калміусѣ, всѣ выселяющіеся, въ томъ числѣ и помѣщики, получаютъ изъ казны вознагражденіе по оцѣнкѣ, а самые дома и постройки отдаются грекамъ, за исключеніемъ мельницъ: послѣднія, съ отведенною къ каждой изъ нихъ землею въ количествѣ 120 десятинъ, должны быть куплены греками „изъ собственнаго иждивенія", или оставаться во владѣніи ихъ хозяевъ.

Вслѣдствіе недостатка, въ предѣлахъ отводимой грекамъ территоріи, лѣсовъ не только для постройки домовъ (на что̀ бѣднѣйшіе изъ нихъ получатъ лѣсъ изъ казны), но и для прочихъ домашнихъ потребностей, грекамъ дозволяется „свободный въѣздъ въ лѣса при рѣкѣ Міусѣ, Леонтьевы, Глухіе и Дерезоватые буераки, кои по согласію Донскаго войска остаются въ Азовской губерніи" [1]). Въ этихъ лѣсахъ они могутъ брать, сколько и когда бы имъ ни понадобилось, лишь валежникъ, лозникъ и орѣшникъ; что-же касается другого „стоячаго сырого и къ рощенію удобнаго дерева", то таковое ни рубить, ни вырывать для посадки въ своихъ дачахъ они не имѣютъ права безъ разрѣшенія земскихъ властей и указанія приставленныхъ къ тѣмъ лѣсамъ смотрителей [2]).

Такимъ образомъ „ордеръ" Потемкина нѣсколько видоизмѣнилъ границы отводимой грекамъ территоріи и точнѣе опредѣлилъ условія ихъ водворенія на ней. Но прежде чѣмъ воспользоваться всѣми столь щедро дарованными имъ правами и преимуществами, грекамъ пришлось испытать не мало лишеній въ теченіе еще одной зимы 1779—1780 г. Бюрократическая машина наша въ XVIII-мъ столѣтіи дѣйствовала медленно, не торопясь: въ теченіе цѣлаго перваго года пребыванія грековъ въ Россіи (1778—1779) рѣшался вопросъ о мѣстахъ ихъ водворенія, а

---

[1]) О передачѣ этихъ лѣсовъ изъ вѣдомства портовой Таганрогской конторы въ вѣдомство Азовской губерніи Потемкинымъ было сдѣлано надлежащее представленіе.

[2]) Дубровинъ, „Присоединеніе Крыма къ Россіи", т. 3-й, № 114, стр. 370—373: ордеръ князя Потемкина генералъ-поручику Черткову.

потому невозможно было приступить и къ постройкѣ для нихъ домовъ. Вторую зиму своего пребыванія въ Россіи греки должны были провести, въ силу предписанія Потемкина, или на отводимыхъ имъ квартирахъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ — въ Торумоякахъ и Райгородкѣ, или въ землянкахъ при рѣчкѣ Каменкѣ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ провели зиму 1778—1779 г., или-же, наконецъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застало ихъ настоящее распоряженіе Потемкина.

Но гдѣ-бы греки ни проводили предстоящую зиму, митрополиту Игнатію поручалось склонять ихъ произвести посѣвы озимыхъ хлѣбовъ еще осенью 1779 года или на мѣстахъ ихъ нахожденія въ данный моментъ, или на вновь опредѣляемыхъ для нихъ земляхъ, „чтобъ въ пріобрѣтеніи на будущій годъ хлѣба время напрасно отнюдь потеряно не было“.

Благосостояніе, котораго впослѣдствіи достигли въ Россіи эмигранты изъ Крыма, вполнѣ вознаградило ихъ за тѣ лишенія, которымъ они подвергались первые два года жизни въ новомъ отечествѣ.

VII. Переселеніе шведовъ съ острова Даго въ Новороссійскій край.

(По документамъ Государственнаго архива [1]).

Переселеніе шведовъ съ острова Даго въ Новороссійскій край было предпринято Потемкинымъ въ 1781—1782 гг.

Около этого времени мыза Гогенгольмъ на островѣ Даго, принадлежавшая ландрату графу Стенбоку, перешла къ новому владѣльцу, лифляндскому помѣщику Унгарну. Потемкинъ, занятый тогда устройствомъ Новороссійскаго края, охотно принимавшій туда и русскихъ бѣглыхъ, и подонки западно-европейскаго общества, серьезно думавшій о поселеніи въ Крыму даже бѣглыхъ англійскихъ преступниковъ и каторжниковъ [2]), рѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ въ цѣляхъ колонизаціи ввѣреннаго ему края. По его ходатайству, въ 1781 году состоялся указъ императрицы Екатерины II о переселеніи проживавшихъ на мызѣ Гогенгольмъ шведскихъ крестьянъ въ Новороссійскій край. Завѣдываніе переселеніемъ было ввѣрено полковнику Ивану Синельникову, который 9-го іюля этого года явился съ упомянутымъ указомъ въ Ревельскую генералъ-губернскую канцелярію и потребовалъ отъ нея командировки съ нимъ на островъ Даго особыхъ чиновниковъ для переписи подлежащихъ переселенію крестьянъ. Въ Ревельской канцеляріи Синельникову сообщили, что Шведы уже заключили условіе съ новымъ владѣльцемъ Гогенгольма—Унгарномъ и теперь живутъ на той же землѣ, на которой жили и раньше; тѣмъ не менѣе Синельниковъ, предполагая, что многіе изъ крестьянъ рѣшились остаться на старыхъ мѣстахъ отъ крайности, по неименію себѣ „пристанища", 10-го іюля отправился на островъ Даго „какъ для внушенія всѣхъ выгодъ со стороны казенной имъ открывшихся,

---

[1]) Государственный архивъ XVI, 692: изъ дѣлъ князя Потемкина-Таврическаго.

[2]) Брикнеръ, Потемкинъ, 76 стр.

такъ же и ко узнанію способовъ о переселеніи ихъ въ Новороссійскую губернію“ [1]).

Миссія Синельникова, какъ и слѣдовало ожидать, увѣнчалась успѣхомъ: „выгоды со стороны казенной открывшіяся“ были настолько значительны, что крестьяне не могли долго колебаться въ рѣшимости переселиться на новыя мѣста. Потемкинъ „обнадеживалъ и удостовѣрялъ“ шведовъ, что переселеніе ихъ состоится на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Нарѣзано имъ будетъ въ Новороссійской губерніи довольное количество земли весьма плодородной, именно по 60 десятинъ на дворъ; 2) въ теченіе 4-хъ лѣтъ они будутъ пользоваться льготой отъ всѣхъ податей съ обязательствомъ по истеченіи льготныхъ лѣтъ платить въ казну то же, что̀ и прочіе „государственные поселяне“, а именно—по пяти денегъ въ годъ за каждую десятину, не платя уже подушныхъ денегъ“; 3) на постройку домовъ и на первоначальное обзаведеніе выданъ имъ будетъ казенный лѣсъ и денежное пособіе въ размѣрѣ 12 рублей на каждый дворъ; 4) будетъ доставлено достаточное количество разныхъ сѣмянъ для посѣва хлѣба и казенный провіантъ въ теченіе года для прокормленія; 5) на новыхъ мѣстахъ будутъ поселены они „особыми колоніями“, т.-е. отдѣльно отъ поселенцевъ другой національности, и будутъ имѣть церковь и пастора; 6) во время слѣдованія ихъ до новыхъ мѣстъ оказано имъ будетъ возможное вспоможеніе.

Шведы съ радостію приняли предложенныя условія, и Синельниковъ, при помощи сопровождавшихъ его чиновниковъ Ревельской генералъ - губернской канцеляріи, составилъ списокъ всѣхъ крестьянъ мызы Гогенгольмъ, какъ находившихся на мѣстѣ въ данный моментъ, такъ и проживавшихъ въ Ревелѣ; послѣднихъ рѣшено было разыскать и отправить вмѣстѣ съ первыми въ Новороссію. Всѣхъ подлежавшихъ переселенію оказалось 935 человѣкъ (мужскаго пола 422 и женскаго 513). Однако крестьяне, въ количествѣ 35 человѣкъ уже давно проживавшіе въ Ревелѣ и свыкнувшіеся съ городскою жизнію, отказались отъ переселенія, несмотря на всѣ „изобильныя выгоды“, ожидавшія переселенцевъ въ Новороссіи; мѣстная ревельская администрація недоумѣвала, что̀ съ ними дѣлать и спрашивала князя Потемкина: „какъ съ оными нежелающими отсюда въ Новороссію людьми поступить повелѣно будетъ, выслать ли ихъ туда, или оставить по ихъ вольности и желанію здѣсь при Ревелѣ?“

---

[1]) Рапортъ Синельникова отъ 10 іюля 1781 года.

Чтó отвѣтилъ на это Потемкинъ, изъ документовъ не видно.

За то среди крестьянъ-земледѣльцевъ, проживавшихъ на островѣ Даго, нашлись охотники къ переселенію и съ другихъ мызъ, помимо обывателей Гогенгольма, такъ что общее число переселявшихся составило около 960 душъ.

20-е августа 1781 года назначено было днемъ выступленія переселенцевъ въ путь, но прежде нужно было ликвидировать ихъ имущественныя отношенія. Съ собою переселенцы должны были взять только необходимые „инструменты", повозки и годныхъ къ упряжи лошадей и воловъ; продажа собраннаго и остающагося на корню хлѣба и прочаго имущества, чего не успѣли продать сами переселенцы, возложена была на мѣстную администрацію, которая вырученныя деньги должна была передать въ комисаріатъ для перевода въ Новороссійскую губернію. Лошадей и воловъ, „ѣзжалый скотъ", Синельниковъ рѣшилъ переправить, прежде ихъ владѣльцевъ, въ городъ Гапсаль и потребовать отъ мѣстнаго магистрата для пастьбы скота удобныхъ мѣстъ. Переѣздъ самихъ переселенцевъ встрѣчалъ затрудненія въ недостаткѣ судовъ на Даго, но графъ Стенбокъ, желая угодить всесильному Потемкину, изъявилъ готовность помочь въ этомъ дѣлѣ „всѣми своими паромами и лодками и крестьянами". Послѣ необходимыхъ приготовленій переселенцы переправлены были въ Гапсаль и оттуда предприняли отдаленное и утомительное путешествіе въ Новороссію въ сопровожденіи назначеннаго имъ руководителя отставного капитана Макаретова. Послѣдній долженъ былъ руководить и водвореніемъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, получая за это обычное жалованіе „земскаго провинціальнаго комисара".

Между тѣмъ пока переселенцы совершали свой долгій путь, новороссійскій губернаторъ Николай Даниловичъ Языковъ, по распоряженію Потемкина, долженъ былъ принять подготовительныя мѣры для ихъ водворенія.

„Ордеромъ" Потемкина Языкову предписывалось:

а) отвести шведамъ землю при рѣкѣ Днѣпрѣ, выше города Кизи-Кермена (переименованнаго въ 1784 году въ Бериславъ), въ городской дачѣ, отмежевавъ на каждый дворъ, состоящій изъ четырехъ душъ, по шестидесяти (60) десятинъ, а сверхъ того (въ общее пользованіе) „довольную часть лѣсныхъ мѣстъ изъ ближайшихъ днѣпровскихъ острововъ"; б) купивъ на губернскія суммы ржаныхъ сѣменъ и собравъ по запорожскимъ зимовьямъ воловъ и плуги, запахать отведенную землю „за плату казенную"

и посѣять на каждый дворъ по двѣнадцати четвериковъ въ теченіе осени 1781 года; в) такъ какъ переселенцы должны прибыть на новыя мѣста уже въ глухую осень, то „избравъ выгодное селеніе, помѣстить ихъ для перезимованія, довольствуя ихъ казеннымъ же провіантомъ“.

Языковъ отвелъ переселенцамъ для зимнихъ квартиръ мѣстечко Рѣшетиловку, расположенное между Кременчугомъ и Полевою.

Въ Рѣшетиловку переселенцы прибыли 26-го ноября, употребивъ такимъ образомъ на свой длинный путь цѣлыхъ три мѣсяца.

„Переходъ ихъ былъ имъ сносенъ“, доносилъ Синельниковъ Потемкину (изъ Кременчуга, рапортомъ отъ 9-го декабря), „но только обременялись малолѣтними дѣтьми, отъ нападенія на нихъ въ дорогѣ оспы, отъ коей и на мѣстѣ еще страдаютъ; впрочемъ, они, видя надъ собою благодѣянія вашей свѣтлости, изобильное продовольствіе и землю, обѣщающую имъ лучшую жизнь, весьма довольны“... Во время пути и на зимнихъ квартирахъ по 24 января 1782 года умерло изъ числа переселенцевъ взрослыхъ 30 человѣкъ, отъ разныхъ болѣзней, главнымъ же образомъ отъ старости, а малолѣтнихъ—56 человѣкъ, отъ оспы, которою они заразились въ Бѣлоруссіи; итого всѣхъ умершихъ было 86 душъ, на лицо-же оставалось въ живыхъ 880 душъ обоего пола [1]).

Переселенцы были удовольствованы провіантомъ, а ихъ лошади (въ количествѣ трехсотъ двадцати шести) — фуражемъ по 16-е апрѣля, при чемъ администрація обратила особенное вниманіе на поправленіе лошадей изнуренныхъ дальнею дорогой: сверхъ „указной дачи“ было прибавлено на каждую лошадь по пяти фунтовъ сѣна въ сутки и единовременно отпущено на каждую же лошадь по полчетверти овса.

16-го апрѣля, т.-е. съ началомъ весеннихъ полевыхъ работъ, переселенцы должны быть выступить на отведенное имъ подъ поселеніе мѣсто, гдѣ администрація также озаботилась заготовленіемъ для нихъ провіанта, а равно сѣмянъ для весенняго посѣва—на каждый дворъ по 12 четвериковъ.

Одною изъ первыхъ заботъ мѣстной администраці было построеніе домовъ для переселенцевъ. Потемкинъ предписалъ губернатору Языкову, чтобы дома для переселенцевъ были выстроены подъ наблюденіемъ мастеровъ, выписанныхъ изъ Кур-

---

[1]) Рапортъ князю Потемкину отъ губернатора Языкова отъ 24-го января 1782 года.

ляндіи. Въ этомъ распоряженіи видна необыкновенная заботливость о переселенцахъ, видно стремленіе создать на новыхъ мѣстахъ обычный въ Прибалтійскомъ краѣ типъ построекъ, къ которому переселенцы уже привыкли на своей родинѣ, чтобы тѣмъ хотя отчасти облегчить имъ возможность сродниться съ новыми мѣстами, устроиться среди новыхъ условій жизни.

Вслѣдствіе недостатка лѣса въ Новороссіи матеріаломъ для построекъ, по мысли Языкова, долженъ былъ служить камень-плита, котораго имѣлось достаточное количество близъ отведенныхъ переселенцамъ мѣстъ; этимъ Языковъ думалъ не только выиграть въ прочности, но и въ дешевизнѣ построекъ.

Среди хлопотъ по водворенію переселенцевъ не были оставлены безъ вниманія и ихъ религіозныя потребности. Въ рапортѣ Потемкину отъ 9-го декабря 1781 г. Синельниковъ между прочимъ писалъ, что переселенцы „скучаютъ о опредѣленіи къ нимъ пастора“, и просилъ о назначеніи таковаго. Потемкинъ не остался глухъ къ желаніямъ переселенцевъ и озаботился пріисканіемъ для нихъ пастора, который въ то же время удовлетворялъ бы и религіознымъ нуждамъ служившихъ въ русскихъ войскахъ лютеранъ. Желаніе занять это мѣсто изъявилъ пасторъ Іоганнъ-Адольфъ Европеусъ, которому были предложены Потемкинымъ очень выгодныя условія.

„Узнавъ желаніе ваше принять на себя званіе дивизіоннаго и шведскихъ переселенцевъ пастора во ввѣренной мнѣ Новороссійской губерніи, писалъ Потемкинъ Европеусу, – предлагаю вамъ слѣдующія выгоды для лучшаго удостовѣренія со стороны нашей:

„1. Опредѣляю я вамъ жалованья ежегодно по четыреста рублей; для обзаведенія же вашего на (въ) счетъ жалованья отпустится вамъ впередъ двѣсти рублей съ тѣмъ, чтобъ оные вычтены были въ два года.

„2. Время жалованья, вамъ опредѣляемаго, начнется со дня отправленія вашего отсюда въ тамошній край, по прибытіи же вашемъ туда получите вы, какъ въ самой колоніи помянутыхъ шведскихъ крестьянъ, такъ и въ Кременчугѣ, приличную вашему званію квартиру и землю, особливо выдѣленную для церкви.

„3. Соглашаюсь я охотно и въ собственное ваше владѣніе, вѣчное и потомственное, особливо приказать отвести тысячу десятинъ удобной земли на основаніи высочайше конфирмованнаго о земляхъ плана.

„4. Невозбранно позволяю вамъ пользоваться тѣми доходами, которые по обычаю шведскихъ прихожанъ и по ихъ собственной волѣ священникамъ отъ нихъ опредѣляются.

„5. По прошествіи пяти лѣтъ полную вы будете имѣть свободу отбыть оттуда, если бы далѣе въ семъ званіи тамъ оставаться не восхотѣли, для чего должно вамъ будетъ заблаговременно увѣдомить о томъ меня или тамошняго губернатора. Наконецъ, проѣздъ вашъ туда заплаченъ будетъ безъ возврата изъ жалованья вашего".

8-го апрѣля 1782 года пастору Европеусу для церкви основываемой шведами колоніи была выдана изъ казны церковная утварь въ болѣе чѣмъ достаточномъ количествѣ, а именно: 1) большой сосудъ серебряный съ позолотою, 2) маленькій сосудъ серебряный съ позолотою, 3) тѣлохранительница серебряная большая съ позолотою, на верху крышки придѣланъ агнецъ, 4) другая маленькая серебряная съ позолотою, 5) два дискоса серебряные гладкіе вызолоченные, 6) большой сосудъ серебряный съ крестомъ и ручкой для держанія вина церковнаго, 7) дорожный сосудъ на подобіе банки, сдѣланный для держанія вина церковнаго, съ позолотою, 8) большое блюдо серебряное, 9) четыре священническія облаченія: а) одно—серебряное полосатое съ зеленымъ, обложено по краямъ серебряною тесемкою съ фольгою; б) другое—фіолетоваго атласа, по краямъ обложено серебряною тесемкой съ фольгою; в) третье — малиноваго атласа, обложено по краямъ серебрянымъ газомъ; г) четвертое—чернаго па-де-суа, обложено серебрянымъ газомъ; на всѣхъ облаченіяхъ кресты изъ такихъ же серебряныхъ тесемокъ и газа. Доставленіе прочихъ необходимыхъ въ церковномъ обиходѣ вещей, какъ-то: напрестольныхъ одѣяній, подсвѣчниковъ, колоколовъ, кошельковъ съ колокольчиками для собиранія денегъ въ церкви и проч., правительство также приняло на свой счетъ.

При такомъ заботливомъ попеченіи правительства о хозяйственныхъ и религіозныхъ нуждахъ переселенцевъ возникла первая шведская колонія на югѣ Россіи, въ предѣлахъ нынѣшней Херсонской губерніи и Херсонскаго же уѣзда, неподалеку отъ заштатнаго города Берислава, на правомъ берегу Днѣпра. Эта колонія получила названіе Старо-шведской (Альтъ-Шведендорфъ). Въ царствованіе императора Павла I, въ 1800 г., шведамъ, хотя они и до переселенія въ Новороссію были русскими подданными, присвоены были *права иностранныхъ колонистовъ* „по совершенному различію новой мѣстности отъ ихъ родины", а въ царствованіе Александра I, въ 1804 г., были основаны еще три шведскихъ колоніи, образовавшихъ вмѣстѣ съ ранѣе основанною шведскій колонистскій округъ.

VIII. Вызовъ колонистовъ изъ южной Европы[1]).

1.

Въ 1781 году, во время сѣверо-американской войны, испанцы отняли у Англіи сначала часть острова Менорки на Средиземномъ морѣ съ портомъ Магонъ, а затѣмъ овладѣли и всѣмъ островомъ. Перемѣна властителей отразилась прежде всего на пришломъ населеніи острова: командующій испанскими войсками герцогъ де Крильонъ (Crillon) поспѣшилъ изгнать съ острова проживавшихъ на немъ грековъ, а также и корсиканцевъ, состоявшихъ до того времени на службѣ у англійскаго правительства.

Русскій посланникъ въ Португаліи графъ Несельроде сообщилъ своему правительству о несчастной судьбѣ, постигшей грековъ; 6-го ноября 1781 года письмо Несельроде было доложено императрицѣ. Екатерина II не осталась равнодушною къ участи изгнанниковъ: помимо общаго направленія ея политики народонаселенія, на императрицу въ данномъ случаѣ оказалъ извѣстную долю вліянія пресловутый „греческій проектъ“ кн. Г. А. Потемкина. Покровительство и помощь грекамъ и другимъ православнымъ народамъ Востока и привлеченіе такимъ путемъ ихъ симпатій къ Россіи съ одной стороны, возможно быстрое заселеніе Новороссійскаго края русскими переселенцами и иностранными колонистами съ другой, считались тѣми подготовительными мѣрами, которыя должны предшествовать осуществленію проекта.

---

[1]) 1. Государственный Архивъ, XVI, 692: „О колонистахъ, переселенныхъ въ Екатеринославскую губернію.... и о бунтѣ Корсиканцевъ“. (Изъ дѣлъ кн. Потемкина-Таврическаго).

2. Москов. Главн. Архивъ Мин. Ин. Д.: а) „О чрезвычайныхъ издержкахъ графа Мочениго на отправленіе колонистовъ въ Херсонъ“; б) „Сношенія съ Тосканой“, III; в) „Записки о докладахъ“ за 1781—1783 гг.

3. Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба: „Дѣло, произведенное въ Херсонѣ надъ итальянскими колонистами, учинившими бунтъ и убивство на фрегатѣ Бористенѣ“ (№ 539, изъ дѣлъ кн. Потемкина).

Въ отвѣтъ на сообщеніе Несельроде, Екатерина приказала дать „надлежащія повелѣнія“ русскому „морскому генеральному комисару“ въ Италіи графу Дмитрію Мочениго, а равно командующему русской эскадрой, зимовавшей въ то время въ Ливорно, чтобъ они, „на случай желанія сихъ высланныхъ и другихъ тому подобныхъ грековъ выѣхать на эскадрѣ Россійской сюда“, позаботились „о помѣщеніи ихъ на оной и о поданіи имъ всякой пристойной защиты и пособія“[1]).

На первоначальное пособіе изгнанникамъ, въ случаѣ желанія ихъ переселиться въ Россію, императрица повелѣла (16 ноября 1781 г.) ассигновать въ распоряженіе графа Мочениго 3000 рублей[2]). Вскорѣ во флорентійскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что императрица всероссійская принимаетъ подъ свое покровительство грековъ и иныхъ изгнанниковъ съ острова Менорки и открываетъ для нихъ убѣжище въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, возложивъ исполненіе своей высочайшей воли по этому предмету на графа Мочениго[3]).

13 января 1782 года къ графу Мочениго въ Ливорно явились первые греческіе изгнанники изъ Магона въ числѣ 17 человѣкъ и представили ему „мемуаръ“, въ которомъ, описывая свое бѣдственное положеніе и ссылаясь на извѣстіе о милости императрицы къ изгнанникамъ, просили о денежномъ вспомоществованіи. Это были, повидимому, до своего изгнанія люди болѣе или менѣе состоятельные, имѣвшіе на островѣ Менорнѣ свои дома, лавки и земли и теперь, вслѣдствіе высылки, обратившіеся въ нищихъ. Естественно, что они не могли сразу примириться со своимъ положеніемъ и питали надежду, что военное счастье перейдетъ со временемъ на сторону англичанъ, и тогда имъ представится возможность опять водвориться на Менорнѣ. На переселеніе въ Россію они смотрѣли какъ на крайнюю мѣру, на которую можно рѣшиться не ранѣе, какъ потерявъ всякую надежду на возвращеніе въ отечество: только тогда они соглашались переселиться въ Херсонъ. Графъ Мочениго счелъ необходимымъ исполнить просьбу грековъ.

„Ваше сіятельство увидитъ изъ ихъ мемуара“, писалъ онъ вице-канцлеру графу Остерману, „что они просятъ о субсидіи, и хотя я не имѣю достаточно ясныхъ приказаній, чтобы произво-

---

1) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Записки о докладахъ 1781 года“.
2) Тамъ-же.
3) Тамъ-же: Сношенія съ Тосканой, III, „Promémoire“ корсиканцевъ, приложенный къ письму гр. Мочениго къ гр. Остерману отъ 16/27 мая 1782 г.

дить ее, несмотря на то я разсудилъ, что было бы несогласнымъ съ величіемъ ея императорскаго величества, послѣ публичнаго объявленія, что она милостиво приняла (ихъ) подъ свое покровительство, отказать имъ въ субсидіи, въ величайшей возможной для нихъ милости въ ихъ настоящихъ обстоятельствахъ. Я рѣшился выразить имъ свое согласіе, тѣмъ болѣе, что это не превыситъ приблизительно 100—150 рублей въ мѣсяцъ"[1]).

Екатерина одобрила распоряженіе Мочениго, предписавъ продолжать выдачу грекамъ субсидіи впредь до новаго ея приказанія[2]).

Между тѣмъ военные успѣхи испанцевъ на Меноркѣ, въ особенности взятіе ими форта „Филиппъ", послѣдовавшее 5-го февраля, побудили изгнанныхъ грековъ согласиться на переселеніе въ Россію. Какъ люди серьезно смотрѣвшіе на предпринимаемый ими шагъ, они рѣшили предварительно отправить изъ своей среды двоихъ уполномоченныхъ въ Херсонъ, чтобы тѣ сдѣлали тамъ необходимыя распоряженія, прежде чѣмъ перевозить туда цѣлыя семейства. Въ ожиданіи возвращенія посланныхъ, остальные 15 грековъ должны были оставаться въ Ливорно на попеченіи графа Мочениго. Послѣднему приходилось не только ежемѣсячно тратить на содержаніе ихъ ассигнованные 100—150 рублей, но и дѣлать новые расходы на лѣченіе: вслѣдствіе развившихся среди эмигрантовъ болѣзней, Мочениго долженъ былъ заплатить аптекарю, хирургамъ и лекарю около 100 рублей[3]). Этимъ однако не ограничились заботы Мочениго объ эмигрантахъ. Лѣтомъ 1782 г. онъ обратился къ испанскому послу во Флоренціи, Монино, съ просьбой оказать „добрыя услуги", выхлопотать у губернатора Менорки позволеніе изгнаннымъ грекамъ продать тамъ свои земли и вывезти съ собой вещи и мебель[4]). Монино изъявилъ на это свое согласіе, и депутаты отъ грековъ отправились въ Магонъ, съ его рекомендаціей и подъ покровительствомъ русской императрицы, для ликвидаціи своихъ имущественныхъ дѣлъ. „Услуги" Монино оказались очень полезными для изгнанниковъ:

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Сношенія съ Тосканой, III, письмо Моченито къ Остерману отъ 14/25 января 1782 г. изъ Ливорно; „Promémoire" грековъ (traduit du grec).

[2]) Тамъ же: Projet de lettre du vice-chancelier comte d'Ostermann au commissaire général de marine comte Mocenigo (утвержденъ императрицей 23 февраля 1782 г. и отправленъ, „подъ кувертомъ кн. Голицына въ Вѣнѣ, съ гишпанскимъ курьеромъ 24 февраля.").

[3]) Тамъ-же: письмо Моченито къ Остерману отъ 20 февр./4 марта 1782 г.

[4]) Тамъ-же: письмо Моченито къ Остерману отъ 24 іюня/5 іюля 1782 г.

губернаторъ на этотъ разъ отнесся къ ихъ депутатамъ со вниманіемъ и заботливостью[1]).

Несмотря на всю предупредительность Мочениго по отношенію къ грекамъ, число греческихъ эмигрантовъ хотя и увеличилось новыми семействами, въ общемъ все же было незначительно: Ливорно не былъ удобнымъ пунктомъ для вербовки грековъ. Главный контингентъ изъявившихъ желаніе переселиться въ Россію составили представители другихъ національностей, главнымъ же образомъ итальянцы, и то переселенческое движеніе въ Россію, проводникомъ и организаторомъ котораго сдѣлался теперь Мочениго (въ 1782—1783 гг.), должно было такимъ образомъ положить основаніе не греческой, а итальянской колонизаціи на югѣ Россіи.

Изгнанные съ острова Менорки, подобно грекамъ, корсиканцы, потерявъ возможность послѣ капитуляціи форта св. Филиппа продолжать свою службу Англіи, разсѣялись по разнымъ городамъ Италіи: ихъ можно было встрѣтить въ Генуѣ, Ниццѣ, Ливорно и другихъ мѣстахъ; въ одномъ Ливорно ихъ было около 60 человѣкъ. Послѣдніе, ознакомившись съ публикаціей, помѣщенной во флорентійскихъ газетахъ, представили Мочениго свой мемуаръ, въ которомъ заявляли о своемъ желаніи отправиться въ Херсонъ, но не въ качествѣ простыхъ колонистовъ, а въ качествѣ военнослужащихъ: они просили образовать изъ нихъ роту егерей, снабдить ихъ домами и землями и почтить военными чинами тѣхъ, кои ими облечены; при этомъ составители мемуара увѣряли, что всѣ ихъ товарищи, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ Италіи, немедленно присоединятся къ нимъ, какъ только узнаютъ о согласіи русскаго правительства принять ихъ на свою службу, что тогда же поспѣшатъ соединиться со своими семьями тѣ изъ корсиканцевъ, которые ихъ имѣютъ. Не желая ничего брать на свою отвѣтственность, Мочениго представилъ мемуаръ корсиканцевъ вице-канцлеру графу Остерману при письмѣ отъ 16/27 мая[2]). Отвѣтъ со стороны русскаго правительства на ходатайство корсиканцевъ послѣдовалъ благопріятный: 21 іюня императрица повелѣла „упоминаемыхъ въ письмѣ графа Мочениго корсиканцевъ обнадежить милостію и покровительствомъ и по желанію ихъ отправить въ Херсонъ“, сообщивъ о томъ предварительно князю Потемкину, чтобъ онъ, въ качествѣ генералъ-губернатора Ново-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О чрезвычайныхъ издержкахъ графа Мочениго на отправленіе колонистовъ въ Херсонъ“, письмо Мочениго къ Остерману отъ 3/14 октября 1782 г.

[2]) Тамъ-же: Сношенія съ Тосканой, Ш.

россійскаго края, распорядился принятіемъ необходимыхъ мѣръ для ихъ водворенія[1]).

Одновременно съ принятіемъ корсиканцевъ послѣдовало разрѣшеніе на переселеніе въ Херсонъ „луканцевъ“, по ходатайству Квилличи (Fradien Quillici), уроженца города Лукки, „который вслѣдствіе превратностей судьбы не имѣлъ средствъ содержать себя и жить честно въ своемъ отечествѣ“. Квилличи обѣщалъ перевезти въ Россію помимо своего семейства, состоящаго изъ жены и 5-ти человѣкъ дѣтей, еще 5 или 6 добрыхъ крестьянскихъ семействъ и привезти съ собою въ новое отечество умѣніе обрабатывать хлопокъ; взамѣнъ этого онъ просилъ отвести ему въ собственность дома и земли въ достаточномъ количествѣ и дать субсидію на дорогу и на пріобрѣтеніе необходимыхъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ инструментовъ.

О послѣдовавшемъ соизволеніи императрицы на переселеніе въ Россію корсиканцевъ и луканцевъ вице-канцлеръ увѣдомилъ Мочениго письмомъ отъ 5-го іюля[2]).

Между тѣмъ молва о гостепріимствѣ русской императрицы, приглашавшей въ свои обширныя владѣнія представителей разныхъ національностей, быстро разнеслась по берегамъ Средиземнаго моря: явились проекты переселенія въ Россію славянъ, женевцевъ, евреевъ, началось движеніе въ Италіи среди пролетаріата и среди горцевъ Корсики и Сардиніи, жившихъ разбоемъ.

Графъ Иванъ Трифонъ Буровичъ, дворянинъ города Катаро, и два его товарища, Францискъ Лазари и Андрей Луковичъ, всѣ трое подданные Венеціанской республики, предложили набрать полкъ, въ два баталіона, изъ 1200 человѣкъ славонцевъ и македонянъ, „привычныхъ къ морю, добрыхъ земледѣльцевъ и храбрыхъ солдатъ“, для водворенія въ Херсонѣ и образованія тамъ военно-земледѣльческой колоніи. При этомъ они выговаривали себѣ слѣдующія условія:

1) Солдаты-колонисты снабжаются со стороны русскаго правительства шинелями, одѣялами и платьемъ „по славонски“, и находятся на полномъ его содержаніи съ момента посадки на корабль и до пріѣзда въ Херсонъ.

2) Въ Россіи колонисты пользуются всѣми правами и преимуществами, предоставленными другимъ иностраннымъ колонистамъ.

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Записки о докладахъ“ 1782 г.

[2]) Тамъ-же: Сношенія съ Тосканой, III, „Promémoire“ Квилличи и „Projet de lettre du vice-chancelier d'Ostermann au comte Mocenigo“ („Высочайше аппробованъ 4 іюля 1782 г.; отправленъ по почтѣ 5-го того-жъ мѣсяца“).

3) Въ случаѣ если черезъ три года полкъ будетъ распущенъ, штабъ и оберъ-офицеры переводятся въ другіе полки съ тѣмъ же чиномъ и съ тѣмъ же старшинствомъ.

4) Управленіе колоніею и назначеніе офицеровъ зависитъ отъ Буровича и Лазари, а сами они подчиняются непосредственно генералъ-губернатору.

5) При сформированіи перваго баталіона Буровичъ получаетъ чинъ подполковника, Лазари майора, а Луковичъ перваго капитана; когда же будетъ набранъ второй баталіонъ, всѣ они получаютъ повышеніе еще на одинъ чинъ.

Представляя на благоусмотрѣніе русскаго правительства „мемуаръ“ указанныхъ лицъ, Мочениго писалъ вице-канцлеру графу Остерману:

„Считаю необходимымъ указать вашему сіятельству, что будутъ садить людей на суда на Черногорскомъ и Рагузскомъ берегу, чтобы не придти въ столкновеніе съ венеціанцами. Если ея императорское величество найдетъ также условія, требуемыя предлагающими, слишкомъ чрезмѣрными, то достаточно мнѣ будетъ объявить ея высочайшую волю, чтобы направить это дѣло сообразно съ нею“[1]).

Условія, предложенныя Буровичемъ и его товарищами, императрица не нашла чрезмѣрными, но дать полное согласіе на ихъ проектъ она не сочла возможнымъ, очевидно по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ сами предприниматели не рѣшались производить посадку колонистовъ на суда въ венеціанскихъ владѣніяхъ, то-есть не желая возбуждать неудовольствіе въ Венеціи: въ эпоху вооруженнаго нейтралитета Екатерина со вниманіемъ относилась и къ мелкимъ государствамъ, тѣмъ болѣе къ Венеціи, все еще представлявшей значительную морскую силу; возможно также, что, отказывая въ своемъ согласіи на переселеніе въ Россію уже сформированныхъ полковъ, Екатерина хотѣла избѣжать подозрѣній и разныхъ придирокъ со стороны Турціи при провозѣ колонистовъ чрезъ Дарданелы и Босфоръ. Какъ бы то ни было, когда ей были доложены „промеморія“ Буровича съ товарищами и письмо Мочениго къ Остерману, императрица положила слѣдующую резолюцію:

„что касается до желанія нѣкоторыхъ изъ славянъ набирать полки, то можетъ онъ, графъ Мочениго, совѣтовать имъ просто

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О чрезвычайныхъ издержкахъ гр. Мочениго“, письмо Мочениго къ Остерману отъ 26 ноября/7 декабря 1782 г. изъ Пизы и „Promemoria“ названныхъ предпринимателей.

переселиться въ Херсонъ или другія мѣста Новороссійской или Азовской губерніи, гдѣ по переѣздѣ ихъ и таковое ихъ желаніе удовлетворено будетъ; а въ формированіи тамъ на мѣстѣ полковъ великія на то неудобности предстоятъ; впрочемъ, можетъ онъ ихъ обнадежить высочайшею... милостію и всякимъ со стороны правительства защищеніемъ и пособіемъ"[1]).

Такимъ образомъ массовое переселеніе славянъ въ Россію на этотъ разъ не состоялось, но отдѣльныя лица и цѣлыя славянскія семейства являлись къ Мочениго въ Ливорно и были имъ принимаемы въ число колонистовъ[2]).

Самъ Мочениго, имѣя въ виду усилить переселенческое движеніе въ Россію, и при томъ эмигрантами наиболѣе по его мнѣнію полезными, предложилъ свои услуги для привлеченія въ Россію швейцарцевъ, искусныхъ ткачей, обрабатывающихъ ленъ „до совершенства батистовой ткани", и женевцевъ, „искусныхъ ювелировъ и часовщиковъ".

„Я имѣю средства и въ Швейцаріи и въ Женевѣ, писалъ онъ графу Остерману, чтобы ихъ привлечь, но ваше сіятельство хорошо знаетъ рѣшеніе Ирландскаго парламента, которое даруетъ каждому изъ этихъ выходцевъ 50 фунтовъ стерлинговъ, землю, домъ, натурализацію и всѣ права гражданства; здѣсь нѣтъ сравненія между издержками и издержками... Ваше сіятельство будьте добры сообщить мнѣ привилегіи, которыя ея императорское величество имѣла милость даровать Херсонской колоніи,—все служитъ къ тому, чтобы дать бóльшее движеніе дѣлу"[3]).

Русское правительство не думало, однако, вступать въ конкуренцію съ Ирландскимъ парламентомъ и не обратило вниманія на предложеніе Мочениго; когда вскорѣ кавалеръ де Гріеръ изъ

---

1) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Записки о докладахъ", докладъ 31-го декабря 1782 г.

2) Въ слѣдующемъ 1783 году среди славянъ Далмаціи снова обнаружилось тяготѣніе къ переселенію въ Россію. Ихъ уполномоченный Любовичъ обратился къ русскому послу въ Вѣнѣ кн. Д. М. Голицыну съ просьбою о позволеніи имъ переселиться въ Россію. Голицынъ отправилъ Любовича въ Петербургъ съ своими письмами, „по коихъ содержанію ея императорское величество повелѣть изволила помянутаго Любовича съ курьеромъ препроводить къ кн. Г. А. Потемкину, сообщая ему, что ежели онъ таковое преселеніе Далматцовъ находитъ выгоднымъ и полезнымъ, то и позволяетъ ея величество дать сему присланному отвѣтъ и сдѣлать нужныя распоряженія, а буде въ немъ предусматриваются напрасныя издержки и разныя затрудненія, особливо же въ переводѣ ихъ, въ такомъ случаѣ, объявивъ о неудобности того на настоящее время и отлагая на другое способнѣйшее, отпустить его, выдавъ ему, Любовичу, на проѣздъ сто червонныхъ изъ суммы на чрезвычайные расходы опредѣленной". „Записки о докладахъ" 1783 г., доклады 2 іюня въ Царскомъ Селѣ.

3) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О чрезвычайныхъ издержкахъ гр. Мочениго", письмо Мочениго къ Остерману отъ 26 ноября/7 декабря 1782 г.

Парижа также предложилъ съ своей стороны организовать переселеніе женевцевъ въ Россію, то Екатерина велѣла холодно отвѣчать ему, что переселеніе женевцевъ въ Россію зависитъ отъ ихъ собственной воли, равно какъ и избраніе ими здѣсь того или другого мѣста для поселенія, что въ Россіи всѣмъ иностранцамъ предоставлена полная свобода „пріѣзжать, селиться, переселяться и выѣзжать изъ государства по своему благоразсужденію“ [1]). Императрица сознавала, что для заселенія южно-русскихъ степей женевскіе ювелиры неподходящіе колонисты.

Точно также было отклонено ходатайство евреевъ съ острова Менорки о переселеніи ихъ въ Россію. Евреи эти, подобно грекамъ и корсиканцамъ, были изгнаны испанцами изъ порта Магона. Узнавъ о принятіи въ Россію ихъ собратьевъ по несчастію, евреи чрезъ своего уполномоченнаго Іосифа Вилла де Бенедетти представили гр. Мочениго „меморіалъ“, въ которомъ ходатайствовали о разрѣшеніи имъ водвориться въ Херсонѣ и принимали на себя слѣдующія обязательства: 1) вывезти въ Россію нѣкоторое число торговцевъ и ремесленниковъ изъ своихъ единовѣрцевъ безъ всякихъ другихъ издержекъ со стороны русскаго правительства, кромѣ платы за провозъ ихъ отъ Ливорно до Херсона, 2) на томъ же основаніи *вывезти земледѣльцевъ, художниковъ и рукодѣльныхъ шелковыхъ мастеровъ*, способныхъ ко всякой работѣ, *кои всѣ римско-католическаго исповѣданія*, а также 3) мастеровъ для устройства завода „цвѣтныхъ и другихъ всякаго рода стеколъ“, если только императрица пожалуетъ этому заводу привилегію на опредѣленное число лѣтъ.

Взамѣнъ этого евреи испрашивали для себя у русскаго правительства: a) поселеніе на мѣстахъ, удобныхъ для торговли сухимъ путемъ и моремъ; b) „домы для житья, кои не были бы имъ въ тягость“; c) земли на ряду съ другими колонистами; d) денежную подмогу „художникамъ и рукодѣльнымъ мастерамъ“ „для скорѣйшаго произведенія ихъ работъ“; e) свободное отправленіе вѣры и открытіе синагогъ съ тѣми преимуществами, коими пользовались они тогда въ Ливорно; f) „вольность и свободу въ отправленіи торговъ“ на ряду съ другими колонистами и g) всѣ права русскихъ подданныхъ, наравнѣ съ переселенцами прочихъ національностей.

Традиціонная политика русскаго правительства по отношенію къ евреямъ носила ограничительный и даже запретительный ха-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Записки о докладахъ“ 1783 г., докладъ 10 февраля.

рактеръ; извѣстна резолюція императрицы Елисаветы Петровны: „отъ враговъ вѣры Христовой не желаю интересной прибыли“. Сама Екатерина манифестомъ отъ 22 го іюля 1763 года приглашала въ Россію всѣхъ иностранцевъ, *„кромѣ жидовъ“*. Но по отношенію къ Новороссійскому краю Екатерина считала возможнымъ сдѣлать исключеніе, и въ 1764-мъ году „Новороссійской губерніи главный командиръ“, генералъ-поручикъ Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, отправилъ въ Ригу нѣсколько человѣкъ еврейскихъ купцовъ, во главѣ со старшиною Левіемъ Вульфомъ и въ сопровожденіи секундъ-майора Ртищева, съ спеціальной миссіей вызывать въ Новороссійскій край купцовъ (въ томъ числѣ и евреевъ) изъ Польши, Пруссіи, Бранденбурга и Помераніи. Попытка эта, впрочемъ, не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ каждый изъ купцовъ занялся своимъ торговымъ дѣломъ, не думая о порученной имъ „коммиссіи“, и въ концѣ концовъ они перессорились между собою и съ Ртищевымъ[1]).

Не зная объ исключительномъ положеніи Новороссійскаго края по отношенію къ еврейской иммиграціи, но считая переселеніе евреевъ полезнымъ для Россіи въ видахъ развитія ея торговли, Мочениго представилъ выписку изъ ихъ меморіала въ Петербургъ при письмѣ на имя вице-канцлера графа Остермана. Послѣднему Мочениго писалъ между прочимъ слѣдующее:

„хотя не безызвѣстно мнѣ, что въ счастливыхъ ея императорскаго величества областяхъ нѣтъ жидовъ, однако я не хотѣлъ самъ собою рѣшиться въ разсужденіи ихъ требованія, а доставляю оное вашему сіятельству, тѣмъ больше, что *мѣсто, гдѣ они просятъ о позволеніи селиться, собственно не въ Россіи находится*, и когда великій герцогъ Тосканскій вознамѣрился основать въ семъ городѣ (Ливорно) торговлю, то онъ употребилъ къ тому сей народъ, коему и должна она частію цвѣтущимъ своимъ состояніемъ“.

Ходатайство евреевъ коллегія иностранныхъ дѣлъ передала на усмотрѣніе Потемкина. Потемкинъ находился въ это время на югѣ Россіи, и дѣло затянулось. Между тѣмъ, получая отъ вице-канцлера письма, въ которыхъ ни словомъ не упоминалось объ евреяхъ, Мочениго недоумѣвалъ, что̀ это значитъ. Въ письмѣ къ Остерману отъ 26 ноября (7-го декабря) 1782 г. онъ писалъ:

„Хотя ваше сіятельство мнѣ сдѣлали честь отвѣтить на мои письма отъ 8 (19) августа, я не вижу, однакожъ, чтобы

---

[1]) Архивъ Мин. Землед. и Госуд. Им., № 25.659: „Дѣло по доношенію генералъ-поручика Мельгунова объ отправленныхъ въ Ригу новороссійскихъ купцахъ“. О дозволеніи евреямъ селиться въ одной только Новороссійской губерніи см. Полн. Собр. Зак., т. XVIII, № 13.383.

вы мнѣ объяснили волю ея императорскаго величества относительно проекта еврея Бенедетти; правда, что въ вашемъ письмѣ отъ 7 октября сказано: „*принимать и отправлять въ Херсонъ колонистовъ разныхъ національностей, которые пожелаютъ тамъ водвориться*“, и такъ какъ евреи представляютъ націю, то я буду имѣть возможность считать себя уполномоченнымъ ихъ принимать; несмотря на то, чтобы мнѣ никоимъ образомъ не ошибиться, я умоляю ваше сіятельство сообщить мнѣ положительно волю ея императорскаго величества по этому предмету“.

Только письмомъ отъ 19 декабря вице-канцлеръ сообщилъ графу Мочениго, что наборъ колонистовъ въ силу приказаній императрицы долженъ быть ограниченъ только двумя націями,—греками и корсиканцами: представители другихъ національностей принимаются лишь въ томъ случаѣ, если они сочтутъ возможнымъ примкнуть (очевидно не по языку только, но и по религіи) къ грекамъ или корсиканцамъ[1]). Тоже самое было подтверждено вице-канцлеромъ въ началѣ слѣдующаго 1783 года. Этимъ отвѣтомъ совершенно устранялись евреи отъ принятія въ число колонистовъ[2]), но за то открывалась возможность переселенія въ Россію для итальянцевъ и славянъ[3]). Этою возможностію и воспользовался главнымъ образомъ итальянскій пролетаріатъ.

Въ письмѣ къ гр. Остерману отъ 31 октября (11 ноября) 1782 г. Мочениго сообщилъ, что принятыя для привлеченія колонистовъ мѣры, а именно: публикація въ газетахъ „милостивое и щедрое предложеніе“ императрицы грекамъ и корсиканцамъ и принятіе луканцевъ, возбудили во множествѣ лицъ стремленіе къ переселенію въ Россію и водворенію въ Херсонѣ.

„Я принялъ, писалъ Мочениго вице-канцлеру, депутатовъ горцевъ изъ Гросаньяны, Пармы, Модены и Массы, просившихъ меня устроить переѣздъ ихъ соотечественникамъ земледѣльцамъ, пастухамъ и нѣсколькимъ мануфактурщикамъ шляпъ... Если ея императорское величество имѣетъ расположеніе принять людей,

---

[1]) „L'engagement des colons est borné aux seules nations Grecque et Corse, à moins que d'autres sous le nom de celles-ci ne jugeassent à propos de se présenter“.

[2]) Въ черновомъ письмѣ вице-канцлера, вслѣдъ за приведеннымъ въ предшествующемъ примѣчаніи текстомъ, говорилось далѣе: „il s'ensuit naturellement de cela, que les juifs comme tels ne peuvent point entrer en considération“, но затѣмъ эти слова были зачеркнуты. См. „Сношенія съ Тосканой“, III.

[3]) „Записки о докладахъ“ 6-го декабря 1782 г.: „По письму графа Мочениго о являющихся къ нему желателяхъ для переселенія въ Херсонъ или другое мѣсто Новороссійской губерніи ея императорскому величеству угодно, чтобъ ему дано было знать, дабы онъ пріемъ таковыхъ желателей ограничилъ въ однихъ грекахъ и корсиканцахъ, развѣ бы между ними подъ именами сихъ націй являлися и другія“.

я могу себя льстить надеждою послать до іюля мѣсяца свыше 2000 человѣкъ населять новую колонію".

До полученія предписанія ограничить эмиграцію въ Россію греками и корсиканцами Мочениго напринималъ въ число колонистовъ людей различныхъ національностей: среди нихъ встрѣчались французы, нѣмцы, славяне, испанцы, шведы, но все-же количественно преобладали итальянцы. Независимо отъ національности, это были по преимуществу бѣдные горожане пролетаріи, заброшенные судьбою на побережье Средиземнаго моря въ портовые и промышленные города Италіи. Въ письмѣ къ вице-канцлеру отъ 24 декабря 1782 г. (4 января 1783 г.) Мочениго заявлялъ, что онъ вынужденъ окружать себя міромъ черни, потому что люди порядочные не желаютъ переселяться. Несмотря на это, Мочениго выражалъ надежду, что колонисты-пролетаріи разныхъ національностей не подадутъ никакого повода къ нареканію на себя: „они ни обольщены, ни навербованы никакимъ эмисаромъ; ужасный голодъ, крайняя бѣдность, вотъ что̀ выгнало ихъ изъ отечества и заставило просить о принятіи" (въ колонисты). Тѣ же мысли о крайней нищетѣ колонистовъ, какъ основной причинѣ ихъ эмиграціи, высказалъ Мочениго въ августѣ 1783 года въ письмѣ къ князю Г. А. Потемкину, при чемъ уже обнаружилъ болѣе трезвое отношеніе къ эмигрантамъ: въ томъ обстоятельствѣ, что только крайняя необходимость, голодъ, побуждала записываться въ колонисты, Мочениго видѣлъ уже скорѣе отрицательную, чѣмъ положительную сторону организованной имъ эмиграціи: „Здѣсь нѣтъ никого, кто предпочиталъ бы водвореніе въ Херсонѣ самому скудному въ Италіи: эмигранты побуждаются голодомъ давать согласіе на переселеніе въ надеждѣ дезертировать весной".

Особенно тяжелымъ становилось положеніе итальянскихъ пролетаріевъ съ наступленіемъ осени и зимы, когда приходилось думать не только о пропитаніи себя, но и о квартирѣ: поступленіе въ колонисты обезпечивало и то и другое на цѣлую зиму. Эмигрантамъ выдавались „харчевыя деньги" въ различномъ размѣрѣ, смотря „по людямъ и ихъ состояніямъ". Въ среднемъ содержаніе каждаго колониста обходилось приблизительно въ три осьмиреальныхъ піастра, то-есть, по тогдашнему курсу, по 3 рубля 90 копеекъ въ мѣсяцъ.

Помимо этого, колонистовъ, „какъ людей въ крайней бѣдности находящихся", приходилось снабжать всѣмъ необходимымъ изъ одежды и бѣлья: для мужчинъ изготовлялись „епанчи, фуфайки и по парѣ матросскихъ шароваръ" на каждаго, „а для

женщинъ шерстяное съ головы до ногъ платье". Для избавленія отъ насѣкомыхъ и содержанія въ чистотѣ всѣмъ выдавалось по двѣ рубашки, по двѣ пары чулокъ и по двѣ пары башмаковъ. Иногда расходы на колонистовъ возрастали вслѣдствіе случайныхъ причинъ, напримѣръ, развитія среди нихъ болѣзней или нежеланія капитана нанятаго для перевозки колонистовъ корабля своевременно отправиться въ путь[1]). Характеръ колонистовъ также обусловливалъ собою большую или меньшую степень расходовъ на нихъ. Сообщая объ отправленіи колонистовъ на кораблѣ „Св. Николай и св. Спиридоній", Мочениго меньшее сравнительно количество расходовъ по этой экспедиціи приписалъ „тихому и кроткому характеру колонистовъ", умѣренности ихъ потребностей, въ противоположность колонистамъ изъ сардинцевъ, и отсутствію у нихъ назойливости. Въ общемъ, по вычисленіямъ Мочениго, каждый колонистъ долженъ былъ обойтись русскому правительству отъ 50 до 60 рублей, но дѣйствительная стоимость колонистской „головы" несомнѣнно превысила эту цифру[2]).

Иные, поступивъ въ колонисты въ сентябрѣ мѣсяцѣ, пользовались готовымъ содержаніемъ и квартирой всю осень и зиму, съ наступленіемъ же весны, когда предстояло отправиться въ Россію, дезертировали. Противъ этого Мочениго принужденъ былъ принимать мѣры предосторожности. Сообщая о посадкѣ колонистовъ на корабль „La très sainte Annonciation" для отправленія въ Россію, онъ писалъ гр. Остерману:

„Чтобъ удерживать посаженныхъ на корабль эмигрантовъ во время пребыванія въ этомъ портѣ, я обращался къ господину адмиралу (командовавшему русской эскадрой въ Средиземномъ морѣ), который назначилъ мнѣ стражу, и благодаря этому и мѣрамъ строгости, которыя мнѣ должно было употребить, я воспрепятствовалъ бѣгству съ корабля, (равно) какъ благодаря военной силѣ, которая мнѣ была дана правительствомъ (Тосканскимъ), мнѣ удалось остановить тѣхъ, которые, будучи содержимы въ теченіе шести мѣсяцевъ на императрицыномъ иждивеніи, старались убѣгать. Безъ добраго расположенія его королевскаго высочества (герцога Тосканскаго)... мнѣ было бы очень трудно благо-

---

[1]) Въ письмѣ на имя вице-канцлера отъ 6/17 марта 1783 г. Мочениго писалъ: „Vendredi 3/14 du courant le capitaine André Garmogliesi se mit à la voile après un séjour presque d'un mois, causé en partie par les tempêtes et en partie par ses caprices pour ne pas perdre le carnaval, ce qui lui fît perdre le bon temps et occasionna bien de dépenses".

[2]) За одну перевозку отъ Ливорно до Херсона 212 человѣкъ колонистовъ на кораблѣ „Александръ Великій" Мочениго долженъ былъ заплатить 7000 рублей. Копія договора Мочениго съ корабельщикомъ Н. Калерджи.

получно справиться съ этимъ порученіемъ, трудъ по исполненію котораго превосходитъ все другое"[1]).

Впрочемъ, у Мочениго нашлись помощники изъ числа самихъ эмигрантовъ, до нѣкоторой степени облегчавшіе его трудъ. Въ числѣ желающихъ переселиться въ Россію вмѣстѣ съ корсиканскими солдатами и итальянскими пролетаріями оказалось нѣсколько иностранныхъ офицеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ и раньше уже состояли на русской службѣ, какъ, напримѣръ, поручикъ Паччіола родомъ корсиканецъ, майоръ Этаньонъ, родомъ французъ; другіе, какъ Макюзи, служили раньше различнымъ правительствамъ; теперь они заявляли желаніе отправиться въ Россію съ тѣмъ, чтобы стать во главѣ отправляемыхъ колонистовъ и образовать изъ нихъ на новомъ мѣстѣ жительства военныя колоніи. Въ послѣднее время Макюзи состоялъ на англійской службѣ и командовалъ отрядомъ корсиканцевъ въ Магонѣ. 60 человѣкъ его отряда, по ходатайству его и его товарищей, уже были приняты въ колонисты и отправлены въ Россію; не довольствуясь этимъ, Макюзи предложилъ набрать 1200 человѣкъ колонистовъ, включая сюда женщинъ и дѣтей, съ тѣмъ, чтобы половина ихъ были земледѣльцы, четвертая часть мануфактурщики, а остальные солдаты. При этомъ онъ обѣщалъ завести въ Херсонѣ культуру винограда и тутовыхъ деревьевъ, устроить тамъ мануфактуры: 1) хлопчатобумажную, 2) шелковыхъ чулокъ и 3) неаполитанскихъ макаронъ, наконецъ, основать заводъ для производства стекла и хрустальныхъ издѣлій. Въ награду себѣ за все это Макюзи испрашивалъ 2000 рублей и чинъ майора, колонистамъ автономію, съ непосредственнымъ подчиненіемъ ихъ колоніи генералъ-губернатору, плодородныя земли на берегахъ Днѣпра и всѣ права и привилегіи, предоставленныя прочимъ иностранцамъ, водворяющимся въ Россіи. Какой отвѣтъ былъ данъ нашимъ правительствомъ на предложеніе Макюзи, изъ документовъ не видно; во всякомъ случаѣ мы видимъ его, на ряду съ Паччіолой, Этаньономъ и другими иностранными офицерами, стоящимъ во главѣ партіи колонистовъ.

Положеніе сначала вербовщика колонистовъ, а потомъ офицера колонистскаго отряда и шефа или начальника колоніи (иначе „директора") было очень выгоднымъ и потому заманчивымъ для многихъ искателей приключеній: помимо выговоренныхъ у правительства законныхъ субсидій и жалованья, они получали много

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О чрезвычайныхъ издержкахъ гр. Мочениго", письмо Мочениго къ вице-канцлеру отъ 13/24 февраля 1783 г.

незаконныхъ доходовъ, обирая колонистовъ и присваивая себѣ суммы, ассигнованныя на ихъ водвореніе. Вслѣдствіе этого никогда не было недостатка въ лицахъ, предлагавшихъ нашему правительству свои услуги по набору колонистовъ.

Благопріятныя условія для эмиграціи, а слѣдовательно и для дѣятельности подобныхъ лицъ, представляли въ то время острова Корсика и Сардинія. Населеніе Корсики были недовольно французскимъ владычествомъ: значительная часть корсиканцевъ, охраняя свою независимость, нашла убѣжище въ горахъ своего острова или укрылась въ горахъ сосѣдней Сардиніи. Здѣсь они съ оружіемъ въ рукахъ поддерживали свое существованіе, „добывая себѣ необходимое набѣгами на свои края". Мочениго повидимому рано обратилъ вниманіе на жителей Корсики. Въ 1782 году французское правительство заподозрило его въ попыткѣ сманить въ Россію греческую колонію на Корсикѣ. „Всѣ лица, которыхъ императрица опредѣляетъ на службу за границей, писалъ съ негодованіемъ Верженъ, постоянно заняты сманиваніемъ людей... Они вкладываютъ сюда болѣе или менѣе ловкости, но все же это есть та часть ихъ инструкцій, которая всего болѣе имъ по сердцу. Слишкомъ хорошо извѣстно, какова судьба несчастныхъ, которые соблазняются обѣщаніями русскихъ министровъ и эмисаровъ. Бо̀льшая часть обречена погибать въ пустыняхъ, предоставленная корыстолюбію начальниковъ колоній, которые даютъ имъ только самую ничтожную часть того, что̀ императрица назначила для ихъ водворенія". Франція приняла самыя суровыя мѣры „противъ охоты за колонистами", противъ вербовщиковъ-соблазнителей, заранѣе осужденныхъ на висѣлицу. Военный министръ запретилъ нѣкоему Перетти сформированіе на Корсикѣ полка для русской императрицы, рѣшено было даже во что бы то ни стало воспрепятствовать единичнымъ отъѣздамъ съ острова; „король, писалъ тотъ же упомянутый выше министръ, имѣетъ чѣмъ занять своихъ подданныхъ, какое бы состояніе они ни хотѣли избрать; они могутъ поступать на службу иностранной державы, только получивъ позволеніе, которое дается въ очень рѣдкихъ случаяхъ"[1]).

Тѣмъ не менѣе попытки склонять корсиканцевъ къ переселенію въ Россію не прекращались. Нѣкто Антуанъ Паоли предложилъ Мочениго устроить переселеніе въ Россію нѣсколькихъ сотенъ корсиканцевъ, укрывающихся въ горахъ Корсики и Сар-

---

[1]) „Les Français en Russie et les Russes en France", par Léonce Pingaud. Paris, 1886, 81—82 стр.

диніи, на условіяхъ дарованія имъ военной организаціи. Мочениго сочувственно отнесся къ предложенію Паоли, но, прежде чѣмъ вступить съ нимъ въ обязательство, рѣшилъ навести справки и отправилъ въ Сардинію одно довѣренное лицо, чтобы разузнать „о настроеніи этихъ людей“ и отношеніи сардинской администраціи къ предположенному переселенію ихъ. Отвѣтъ получился благопріятный. Въ частности *сардинская администрація готова была всѣми мѣрами содѣйствовать выселенію съ острова корсиканцевъ, „чтобы освободиться отъ этихъ людей“*.

„Получивъ эти извѣстія, доносилъ Мочениго своему правительству (рапортомъ отъ 8/19 августа 1783 г.), я приказалъ одному изъ моихъ друзей нанять корабль, *чтобы закрыть глаза французскому консулу, который за мной наблюдалъ*, и вмѣсто того, чтобы запасаться провизіей въ Ливорно, я далъ сто золотыхъ дукатовъ указанному Паоли, чтобы купить провизію въ Сардиніи, и нѣсколько денегъ другимъ троимъ корсиканцамъ, которыхъ онъ избралъ для помощи въ этомъ предпріятіи“.

Паоли благополучно прибылъ въ Сардинію, и корсиканцы готовы уже были двинуться въ путь, какъ вдругъ одинъ изъ компаніоновъ Паоли, Жанъ Санто Перальди (при помощи своего друга Франсуа Делитата Тедде и двоюроднаго брата Паоли Эттори), „по зависти къ своему соотечественнику“, распустилъ среди корсиканцевъ слухъ, „что Паоли продалъ ихъ, какъ негровъ, и что должно обличить этого человѣка, отослать его и устроить свои дѣла самимъ. Эти инсинуаціи возымѣли свое дѣйствіе: корсиканцы отказались садиться на судно, и капитанъ долженъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ въ Ливорно“.

„Хотя я былъ крайне пораженъ, писалъ Мочениго въ томъ же рапортѣ, дурнымъ исходомъ дѣла, которое я считалъ вѣрнымъ и ради котораго отсрочилъ другую экспедицію на Корсику, гдѣ я также пригласилъ людей... тѣмъ не менѣе, въ виду показаній капитана Chelmi и корсиканца Антонелли, что люди пребывали все въ томъ же намѣреніи переселиться, я рискнулъ отправить еще разъ самого капитана, тѣмъ болѣе, что онъ требовалъ всего только 15 дукатовъ, если не успѣетъ перевезти самыхъ людей. Это второе путешествіе къ корсиканцамъ было также безполезно, такъ какъ они постоянно были убѣждаемы Перальди и Эттори никоимъ образомъ не довѣряться. Но съ другой стороны мои служащіе увлекли съ собой 44-хъ сардинцевъ[1]),

[1]) Въ спискѣ колонистовъ они были помѣчены, какъ пьемонтцы.

которые были соединены съ корсиканцами... Они вознаграждаютъ до нѣкоторой степени этотъ расходъ короны".

„Хотя и обезкураженный" неудачею въ Сардиніи, Мочениго „тѣмъ не менѣе не потерялъ своей цѣли" и обратился въ сторону Корсики. Однако, несмотря на содѣйствіе нашего повѣреннаго въ дѣлахъ при Генуэзской республикѣ Мордвинова, попытка нанять въ Генуѣ одно или два судна для отправленія въ Корсику за колонистами долго не удавалась, такъ какъ никто не хотѣлъ рисковать собою и своимъ кораблемъ въ виду суровыхъ мѣръ, принятыхъ на Корсикѣ французскимъ правительствомъ. Экспедиція на Корсику такимъ образомъ затянулась. Только въ концѣ іюля 1783 г. явился въ Ливорно корабль, капитанъ котораго „отважился на это предпріятіе". Но къ этому времени Мочениго уже получилъ приказаніе отъ своего правительства „прекратить всякій дальнѣйшій пріемъ" колонистовъ. Въ силу этого приказанія пришлось не только отмѣнить посылку корабля на Корсику, но и отказать въ пріемѣ 120 корсиканцамъ, явившимся въ Ливорно изъ Гибралтара въ началѣ августа 1783 года.

Отправленіе колонистовъ въ Россію совершалось по мѣрѣ накопленія ихъ въ Ливорно и пріисканія подходящихъ судовъ для ихъ перевозки. Важную заботу для гр. Мочениго составляло охраненіе колонистскихъ транспортовъ отъ нападенія пиратовъ на Средиземномъ морѣ и поддержаніе внутренняго порядка и дисциплины среди посаженныхъ на корабль колонистовъ. Для охраны отъ пиратовъ иногда назначались въ качествѣ конвоировъ военныя суда русской эскадры, крейсировавшей тогда въ Средиземномъ морѣ[1]). Гораздо больше приходилось считаться съ возможностью безпорядковъ среди самихъ колонистовъ; особенно опасными въ этомъ отношеніи казались Мочениго нѣкоторые „довольно безпокойные и упрямые" корсиканцы. Во главѣ каждаго транспорта колонистовъ ставился одинъ или нѣсколько офицеровъ иностранцевъ, избиравшихъ себѣ помощниковъ изъ числа колонистовъ. „Для добраго управленія" колонистами Мочениго „счелъ подходящимъ установить *систему*, распадающуюся на *гражданскую*, которая наблюдаетъ за добрымъ порядкомъ въ отношеніи обезпеченія съѣстными припасами, и *военную*, чтобы заставить наблюдать субординацію и добрый порядокъ во всемъ". Колонисты подчинялись строгой военной дисциплинѣ: выработан-

---

[1]) Такъ русскій корабль „Александръ Великій", принадлежавшій Михаилу Фалееву и нагруженный 212 колонистами, былъ конвоируемъ русскимъ военнымъ судномъ.

ный Моченнго „Ordonnance“, состоявшій изъ 14 артикуловъ, опредѣлялъ ихъ поведеніе на кораблѣ; за нарушеніе того или другого изъ артикуловъ ордонанса колонисты подвергались болѣе или менѣе суровымъ взысканіямъ: заключенію въ оковы, уменьшенію раціона на половину, наказанію линьками и проч.

Офицеры должны были наблюдать, чтобы, въ случаѣ остановокъ въ портахъ дружественныхъ державъ, колонисты не вызвали своимъ поведеніемъ жалобъ со стороны мѣстныхъ властей или вовсе не скрылись съ корабля. Особенное вниманіе офицеровъ Моченнго обращалъ на поддержаніе чистоты и вообще на санитарное состояніе корабля, рекомендуя производить безпрестанныя окуриванія жженымъ уксусомъ во всѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ находятся колонисты, а также заставлять послѣднихъ „чесаться, мыться, перемѣнять рубашку и чулки, чтобъ избѣжать того, что заведутся вредныя для ихъ здоровья насѣкомыя“.

Отправленіе колонистскихъ транспортовъ совершалось въ слѣдующей послѣдовательности: 26 августа (5 сентября) 1782 года на полякрѣ „Мадонна де Мегаспиль“, принадлежавшей Дмитрію Вальсамахи и плававшей подъ русскимъ флагомъ, отправлено было въ Херсонъ 87 колонистовъ грековъ, корсиканцевъ, лукканцевъ и иныхъ итальянцевъ. Начальство надъ колонистами было ввѣрено поручику Августину Паччіола. Эти первые колонисты обошлись нашему правительству въ 4981 рубль 85 копеекъ.

3/14 марта 1783 года на кораблѣ „La très sainte Annonciation“ отправлено было 229 человѣкъ, по преимуществу итальянцевъ (грековъ совсѣмъ не было); въ томъ же мѣсяцѣ 20/31 числа послѣдовала новая экспедиція колонистовъ, въ количествѣ 300 человѣкъ, на кораблѣ „Св. Николай и Св. Спиридоній“. Въ концѣ мая того же года на кораблѣ „Александръ Великій“, принадлежавшемъ русскому негоціанту Михаилу Фалееву, Моченнго отправилъ 212 колонистовъ (въ большинствѣ итальянцевъ). Всѣ эти четыре экспедиціи прошли благополучно, но надъ пятой и, какъ потомъ оказалось, послѣдней экспедиціей, для которой былъ назначенъ фрегатъ „Борисѳенъ“ (принадлежавшій тому же Фалееву), тяготѣлъ какой-то рокъ.

Не желая ограничиваться эмигрантами итальянской національности, Моченнго обратилъ вниманіе на грековъ, жившихъ на восточномъ побережьѣ Адріатическаго моря, въ южной части Далмаціи, гдѣ, по заявленію самого Моченнго, его „репутація стояла довольно прочно“. Для привлеченія грековъ въ число колонистовъ Моченнго употребилъ нѣкіихъ Лазаревича и Десковича, вручивъ имъ на первый разъ 24 дуката. Подъ вліяніемъ

уговоровъ этихъ лицъ, греки стали являться въ Ливорно, и Мочениго отправлялъ ихъ на стоявшій въ гавани фрегатъ „Борисѳенъ“. Онъ хотѣлъ отправить ихъ вмѣстѣ съ корсиканцами (съ острова Сардиніи), которыхъ поджидалъ со дня на день.

20 іюня стараго стиля, видя, что набралось достаточно людей для отправленія въ Россію, и не желая обременять Ливорно большимъ числомъ грековъ, Мочениго приказалъ капитану фрегата Власьеву „сойти съ мола и пойти на рейдъ“. Греки и огромная часть колонистовъ, видя, что „Борисѳенъ“ намѣревается уходить, наскоро сошли на землю и отправились въ трактиры, которые обычно удовлетворяли ихъ нуждамъ. Изъ объясненій Мочениго съ Дёсковичемъ обнаружилось, что послѣдній превысилъ свои полномочія и наобѣщалъ колонистамъ больше, чѣмъ слѣдовало, что сверхъ этого греки и славяне напуганы слухами о войнѣ между Россіей и Турціей и потому отказываются ѣхать въ Херсонъ. Желая положить конецъ все возраставшему волненію среди колонистовъ, Мочениго, по совѣту ливорнскаго губернатора, запретилъ трактирщикамъ отпускать взбунтовавшимся пищу. Но это только подлило масла въ огонь, и Мочениго долженъ былъ пойти на уступки.

„Въ моментъ величайшаго волненія, доносилъ Мочениго своему правительству (рапортомъ отъ 8/19 августа 1783 г.), я приказалъ позвать начальниковъ грековъ и славонцевъ, я имъ далъ чѣмъ удовлетворить ихъ нужду на этотъ вечеръ, я имъ обѣщалъ удовольствовать ихъ на слѣдующій день и, отославъ ихъ, старался найти средства къ тому, чтобы усмирить также другихъ, которые, увлеченные своею яростью..., напали на мой домъ, старались выломать дверь, угрожая разграбить его и даже покуситься на мою жизнь, но такъ какъ мой домъ находится въ центрѣ города, то я имѣлъ достаточно времени, чтобы велѣть позвать стражу, которая при помощи моихъ людей и особенно нѣкоторыхъ сардинскихъ колонистовъ, находившихся у меня..., разсѣяла этихъ людей. Губернаторъ города былъ у меня въ тотъ же вечеръ; такъ какъ изъ его разговоровъ я понялъ, что я не могу успокоиться на этихъ распоряженіяхъ, то я принялъ рѣшеніе дать всѣмъ свободу уйти, давъ имъ также нѣкоторую небольшую сумму на дорогу... Вслѣдствіе этихъ распоряженій у меня осталось грековъ въ двухъ партіяхъ всего только 13 человѣкъ... Хотя все казалось спокойнымъ, тѣмъ не менѣе буря не прошла. Оставались еще люди, которые вообразили себѣ, что могутъ уладиться съ господиномъ адмираломъ, но такъ какъ они все отказывались отправиться въ Россію, они хотѣли служить

только своему капризу, то, получивъ отказъ и истративъ то немногое, что я имъ далъ на дорогу, возбуждаемые своими предводителями, они снова безпокоили городъ и меня. Внушенія правительства сдѣлать нѣкоторыя новыя жертвы, чтобы освободить отъ затрудненій его королевское высочество, слабость самого правительства и еще болѣе нерасположеніе министра къ этой эмиграціи, покровительствуемой единственно государемъ великимъ герцогомъ вслѣдствіе дружбы къ ея императорскому величеству, побудили меня приступить къ легальному и окончательному договору... съ предводителями этихъ людей, которые, какъ вся эта порода предпринимателей, не имѣли другой цѣли, какъ только выманить денегъ: когда имъ это удалось, люди эти разсѣялись сами собой.

Изъ этихъ печальныхъ происшествій Мочениго сдѣлалъ лишь слѣдующій выводъ: во 1-хъ), что не слѣдуетъ ограничивать наборъ колонистовъ людьми какой-нибудь одной національности, такъ какъ они „способны соединяться и претендовать на то, чтобы давать законы тамъ, гдѣ они считаютъ себя самыми сильными“; во 2-хъ), что, имѣя на рукахъ 150 человѣкъ, не слѣдуетъ медлить ихъ отправленіемъ. Усомниться въ пользѣ для Россіи подобныхъ колонистовъ русскому дипломату не пришло и въ голову.

Потерявъ грековъ и не дождавшись корсиканцевъ, Мочениго 24 іюля посадилъ на „Борисѳенъ“ тѣхъ 228 колонистовъ, которые у него имѣлись, и 15/26 іюля отправилъ ихъ подъ начальствомъ Макюзи. Такъ какъ русскій адмиралъ получилъ отъ своего начальства приказъ не отпускать ни одного изъ своихъ кораблей для конвоированія „Борисѳена“, то послѣдній пришлось вооружить по требованію капитана Власьева, который заявилъ, „что онъ не двинется, не будучи вооруженнымъ, изъ опасенія варварійцевъ“. Но опасность „Борисѳену“ и его капитану угрожала не оттуда, откуда ее ждали.

2.

„Борисѳенъ“ благополучно совершилъ свой путь по Тирренскому, Іоническому и Эгейскому морямъ, обогнувъ Италію и Балканскій полуостровъ, и въ сентябрѣ 1783 г. приблизился къ Дарданеламъ. Наступленіе осенней погоды задержало на цѣлые два мѣсяца дальнѣйшее движеніе корабля къ предѣламъ Россіи:

нѣсколько разъ „Борисѳенъ“ пытался войти въ Дарданельскій проливъ, но каждый разъ противные сѣверо-восточные вѣтры заставляли его возвращаться назадъ; пришлось поневолѣ стать на якорь и дожидаться болѣе благопріятной погоды. Мѣсто для этой невольной стоянки корабля было выбрано у береговъ острова Тенедоса по тѣмъ соображеніямъ, что здѣсь „способно было стоять для налитія прѣсной воды и покупки дровъ и провіанта“.

Продолжительное и однообразное пребываніе на кораблѣ, сопряженное съ необходимостію соблюдать извѣстный порядокъ и дисциплину, было тяжелымъ испытаніемъ для отбросовъ итальянскихъ городовъ, а строгія взысканія, до тѣлеснаго наказанія включительно, которымъ по настоянію командира „Борисѳена“, лейтенанта Власьева, они были подвергаемы за нарушеніе установленныхъ правилъ, только озлобляли людей, которые были „всѣ почти съ висѣлицы“. На бѣду Власьева и его экипажа въ это время одинъ бѣглый изъ Россіи колонистъ распространилъ на Тенедосѣ слухъ, „будто бы находящіеся въ Херсонѣ колонисты худо содержатся“. Этотъ слухъ былъ искрой, попавшей въ порохъ. „Не хотя себя подвергнуть равной участи, а желая снискать себѣ вольность и независимость“, семь (7) человѣкъ колонистовъ „Борисѳена“ составили заговоръ съ цѣлію завладѣть кораблемъ. Въ случаѣ успѣха своего предпріятія они предполагали отправиться въ Алжиръ и тамъ или продать „Борисѳенъ“ вмѣстѣ съ его грузомъ, или же заняться на немъ морскимъ разбоемъ. Во главѣ заговора стоялъ сардинецъ Николай Теальди, по профессіи подлекарь. Для приведенія своего намѣренія въ исполненіе заговорщики сначала хотѣли отравить экипажъ корабля опіумомъ, тайно вливъ его въ „водяныя бочки, откуда корабельные служители прѣсную воду употребляютъ въ пищу“ [1]), но почему-то передумали и рѣшили дѣйствовать открытымъ бунтомъ.

Съ 15/26 на 16/27 октября, около 2-хъ часовъ пополуночи, колонисты выскочили внезапно на палубу съ ножами и полѣньями, напали на подштурмана Кузьму Любимова и 6 человѣкъ матросовъ, стоявшихъ на вахтѣ, избили ихъ полѣньями и бросили въ форъ-люкъ; боцмана Андрея Ащепкова и трехъ матросовъ, находившихся на бакѣ, зарѣзали, и еще одного матроса тяжко ранили.

Чтобъ остальные русскіе матросы, спавшіе въ трюмѣ, не оказали имъ сопротивленія и помощи своимъ товарищамъ, коло-

---

¹) Государственный Архивъ, XVI, 192: Рапортъ подштурмана Любимова контръ-адмиралу Макензію отъ 1-го декабря 1783 г.

нисты загородили имъ выходъ на палубу, ставъ съ полѣньями и ножами вокругъ люковъ: пытавшихся выйти били и бросали обратно въ трюмъ, гдѣ между тѣмъ другая часть колонистовъ вязала матросамъ руки.

Когда такимъ образомъ одни изъ колонистовъ, принявшихъ участіе въ бунтѣ, вели борьбу съ экипажемъ корабля, другіе, во главѣ съ руководителями заговора, расправлялись съ командиромъ „Борисѳена" лейтенантомъ Власьевымъ.

Въ каютъ-компаніи собралось скопище изъ 15-ти или 20-ти человѣкъ колонистовъ, изъ коихъ бо́льшая часть „съ отчаяніемъ и звѣрствомъ" бросались въ камеру помянутаго капитана Власьева, разбивая у нея двери и стекла полѣньями и крича: „а, окончилъ жизнь, собака!" Изъ капитанской каюты (или „камеры") слышался голосъ Власьева, призывавшаго къ себѣ на помощь начальника колонистовъ Макюзи, и плачъ его жены. Бунтовщики ворвались, наконецъ, въ каюту Власьева чрезъ выбитое окно съ наружной стороны. Собравшись съ духомъ, Макюзи отворилъ дверь своей каюты и „увидѣлъ при лунномъ сіяніи выходящую изъ капитанской каюты" и направляющуюся къ нему „съ воплемъ" жену Власьева. Впустивъ ее къ себѣ и помѣстивъ вмѣстѣ съ своей женой, Макюзи сдѣлалъ слабыя попытки образумить бунтующихъ, но не имѣлъ успѣха, расправа съ Власьевымъ продолжалась, истязанія не прекращались: колонистъ Боріо ударилъ Власьева два раза полѣномъ по головѣ, главный зачинщикъ бунта Теальди нанесъ ему ножемъ двѣ раны въ животъ, а вслѣдъ за нимъ Бартоломей Боджи два удара топоромъ по головѣ; такъ какъ Власьевъ обнаруживалъ еще признаки жизни, то „капралъ" Джузепе Мари Фили взялъ у Боджи топоръ, чтобы прекратить жизнь несчастнаго лейтенанта.

Вокругъ каюты Власьева толпились колонисты, готовые принять участіе въ совершеніи убійства, какъ-то: Станиславъ Песъ, Томасъ Марцисъ и другіе.

Въ это время, несмотря на мѣры предосторожности, принятыя колонистами, подштурману Никифору Дресвянникову удалось выбѣжать изъ комисарскаго люка. Преслѣдуемый колонистами, охранявшими выходъ изъ люковъ, Дресвянниковъ былъ загнанъ въ капитанскую каюту, откуда чрезъ окно выскочилъ за бортъ и схватился за веревки, которыми привязаны были къ кораблю стоявшіе на водѣ баркасъ и шлюпка; одновременно съ Дресвянниковымъ оказался за бортомъ стоявшій на ютѣ часовой матросъ, сброшенный колонистами, и спасся такимъ же способомъ. Такимъ образомъ на баркасѣ и шлюпкѣ, вмѣстѣ съ находи-

вшимися на нихъ 4-мя дневальными матросами, оказалось шесть человѣкъ изъ команды „Борисѳена“. Теперь явилась возможность отвязать эти суда и отправиться на нихъ искать помощи на сторонѣ, чѣмъ Дресвянниковъ и поспѣшилъ воспользоваться. Подъ градомъ полѣньевъ, лотовъ и бутылокъ, бросаемыхъ съ корабля колонистами (при чемъ у Дресвянникова была перешиблена лѣвая рука), удалось отвязать шлюпку и баркасъ и направиться на стоящій по близости греческій корабль подъ русскимъ флагомъ. Здѣсь Дресвянниковъ разсказалъ о бунтѣ колонистовъ и просилъ о помощи. Капитанъ корабля Антоній Драко немедленно далъ знать объ этомъ по стоявшимъ венеціанскимъ и турецкимъ купеческимъ судамъ, а затѣмъ послалъ судно въ сопровожденіи своихъ служителей и двухъ русскихъ матросовъ на стоявшій неподалеку турецкій военный фрегатъ для объявленія о случившемся. Въ то же время самъ Дресвянниковъ въ сопровожденіи матроса и даннаго ему съ греческаго судна переводчика отправился въ городъ Тенедосъ, гдѣ, явившись на гауптвахту, просилъ у турокъ защиты. Турки съ своей стороны также дали знать по стоявшимъ судамъ, равно какъ и на свой военный фрегатъ. Дресвянниковъ очень торопилъ турокъ оказать помощь, такъ какъ, отъѣзжая на греческое судно, замѣтилъ у колонистовъ намѣреніе уйти въ открытое море.

Между тѣмъ колонисты, умертвивъ лейтенанта Власьева, начали хозяйничать на „Борисѳенѣ“. Войдя въ артиллерійскую каюту, они разломали сундуки и вынули оттуда тесаки, сабли, ружья, мушкетоны и пистолеты и, вооружившись ими, стали ранить матросовъ, которые попадались имъ подъ руку; другіе вбѣжали въ комисарскій люкъ и, смертельно ранивъ караульнаго матроса, начали вытаскивать наверхъ и бросать за бортъ провіантъ, предназначавшійся на содержаніе команды корабля; „письменныя дѣла“, находившіяся въ томъ же люкѣ, „рвали и на огнѣ жгли“, а вещи, принадлежавшія матросамъ, растаскивали и дѣлили между собою.

Впрочемъ жажда крови и увлеченіе грабежомъ овладѣли не всѣми колонистами. Болѣе разсчетливые изъ нихъ понимали, что въ видахъ личной безопасности имъ слѣдуетъ поторопиться выходомъ въ открытое море: въ то время какъ ихъ товарищи расправлялись съ матросами, растаскивали и уничтожали корабельное имущество, они приготовлялись къ отплытію: отрубили у „Борисѳена“ оба якоря, подняли паруса и поплыли было въ южномъ направленіи. Но корабль оказался приспособленнымъ болѣе къ якорной стоянкѣ, чѣмъ къ плаванію и шелъ очень

медленно. „Чтобы имѣть больше парусовъ“, пришлось обратиться къ содѣйствію русской команды, такъ какъ сами колонисты ничего не понимали въ мореходствѣ. Отыскавъ подшкипера Новоженова, они „за конвоемъ, съ тесаками, водили“ его по кораблю и заставляли отдавать приказанія матросамъ, что нужно дѣлать.

Въ это время находившійся на „Борисѳенѣ“ лоцманъ, венеціанскій подданный Павелъ Дисеменосъ, взятый въ Занте „для провожденія“ корабля до Константинополя, поспѣшно „сошелъ на низъ и обрѣзалъ веревку (штуръ-тросъ), коею руль управляется“; такимъ образомъ „дѣйствія въ рулѣ и не стало, и понесло корабль къ берегу Тенедосскому при вѣтрѣ ONO“, и онъ вскорѣ сталъ на мель. Пользуясь этимъ случаемъ, Новоженовъ бросился въ море и выплылъ на берегъ, а виновникъ посадки корабля на мель Дисеменосъ, „опасаяся, чтобъ за то его не убили, тотчасъ влѣзъ на заднюю мачту и тамъ скрывался даже до разсвѣту“. На разсвѣтѣ къ стоявшему неподалеку военному турецкому фрегату присоединилось еще два такихъ же фрегата, и со всѣхъ 3-хъ фрегатовъ, а равно и съ греческаго судна подъ русскимъ флагомъ, были посланы къ „Борисѳену“ гребныя суда съ достаточнымъ числомъ вооруженныхъ людей. Подъ предлогомъ, что нужно облегчить корабль для снятія съ мели, колонистовъ пригласили сойти на берегъ, гдѣ ихъ турки тотчасъ же арестовали и отвели въ Тенедосскую крѣпость.

Послѣ этого корабль былъ снятъ съ мели и поставленъ на „вольную воду“. Турецкіе капитаны поручили капитану греческаго судна Антонію Драко оказать помощь русской командѣ своими людьми и провести корабль въ Константинополь, при чемъ съ своей стороны снабдили „Борисѳенъ“ якоремъ и канатомъ.

1-го ноября (стараго стиля) „Борисѳенъ“ благополучно прибылъ въ Константинополь. На немъ находилось въ это время, помимо лицъ команды, оставшихся невредимыми во время бунта, 14 человѣкъ матросовъ „раненыхъ легкими и тяжелыми ранами“, нѣсколько мертвыхъ тѣлъ[1]), начальникъ колонистовъ Макюзи съ семействомъ и четырьмя служителями, 4 человѣка пассажировъ въ вѣдѣніи того же Макюзи и, наконецъ, жена покойнаго лейтенанта Власьева (родомъ француженка).

„О плачевной трагедіи, воспослѣдовавшей на „Борисѳенѣ“, русскій посланникъ въ Константинополѣ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ былъ увѣдомленъ письмомъ Макюзи изъ Тенедоса отъ

---

[1]) А именно: капитана Власьева, боцмана Ащепкова и 4-хъ матросовъ. Всѣ они были преданы землѣ въ Буюкъ-Дере у греческой церкви.

18/29 октября; 1-го ноября стараго стиля, въ день прибытія „Борисѳена“ въ Константинополь, подштурманъ Кузьма Любимовъ „обще съ командою“ также представилъ Булгакову рапортъ о бунтѣ колонистовъ[1]).

Русскому посланнику предстояло теперь много хлопотъ. Трое изъ колонистовъ успѣли потурчиться въ Тенедосѣ, то-есть, принять магометанство (одинъ изъ потурчившихся былъ уже въ Ливорно въ цѣпяхъ за то, что хотѣлъ зарѣзать своего тестя[2]). Вслѣдъ за этими тремя ренегатами и всѣ остальные колонисты заявили желаніе принять турецкое подданство, вслѣдствіе чего турецкія власти въ Тенедосѣ поспѣшили отправить ихъ въ Константинополь.

Здѣсь однако Булгаковъ, сдѣлавъ представленія турецкому правительству, „предуспѣлъ всѣхъ оныхъ колонистовъ получить отъ Порты въ свои руки“. „Оковавъ“, онъ посадилъ ихъ на „Борисѳенъ“, поручивъ начальство надъ ними и надъ кораблемъ русскому подданному, англичанину Томасу Рейну, „который умѣлъ обходиться съ подобными извергами, перевозя неоднократно негровъ изъ Африки въ Америку[3])“.

21-го ноября 1783 года „Борисѳенъ“, вооруженный двѣнадцатью шестифунтовыми орудіями, вышелъ изъ Буюкъ-Дере и направился къ предѣламъ Россіи[4]), въ Херсонъ, гдѣ Томасъ Рейнъ долженъ былъ сдать колонистовъ, при письмѣ Булгакова отъ 8-го ноября, полковнику Гаксу, начальнику Херсонской крѣпости. На случай, если бы за позднимъ временемъ года и противными вѣтрами „Борисѳену“ не удалось добраться до Херсона, Булгаковъ разрѣшилъ пристать въ Крыму и обратиться къ командовавшему тамъ русскими войсками барону Осипу Андреевичу Игельстрому, или иному изъ начальствующихъ тамъ лицъ. На имя барона Игельстрома Булгаковымъ вручено было Томасу Рейну особое письмо и сверхъ того было предписано, въ случаѣ прибытія въ Крымъ, распечатать письмо къ полковнику Гаксу,

---

[1]) Москов. Отд. Архива Гл. Штаба: Рапортъ подштурмана Любимова Я. И. Булгакову отъ 1-го ноября; письмо Макюзи къ Булгакову изъ Тенедоса отъ $^{18}/_{29}$ октября и его же „объявленіе“, сдѣланное въ канцеляріи русскаго посольства въ Константинополѣ; показаніе лоцмана Дисеменоса, данное тамъ же; показаніе подштурмана Дресвянникова, данное въ слѣдственной комиссіи 2-го марта 1784 года.

[2]) Тамъ же: письмо Булгакова къ полковнику Гаксу отъ $^{15}/_{26}$ ноября 1783 г.

[3]) Государственный Архивъ: письмо Булгакова къ полковнику Гаксу отъ 8-го ноября 1783 г.

[4]) Тамъ же: Рапортъ подштурмана Любимова контръ-адмиралу Макензію отъ 1-го декабря 1783 г.

чтобы мѣстныя власти, сообразно съ содержавшимися въ немъ свѣдѣніями, могли принять мѣры относительно колонистовъ[1]).

Въ письмѣ отъ 8-го ноября Булгаковъ писалъ Гаксу, между прочимъ, слѣдующее:

„обязаннымъ почитаю себя просить ваше высокородіе тотчасъ по полученіи сего приставить сильный караулъ къ колонистамъ, даже и въ карантинѣ изъ цѣпи ихъ не освобождать, а особливо начальниковъ бунта, кои и на кораблѣ съ бо́льшею передъ другими строгостію содержались, дабы они какъ не разбѣжались, въ которомъ случаѣ причинить могутъ большіе бѣдствіи, ибо, *сверхъ небольшаго числа добрыхъ и невинныхъ, всѣ почти съ висѣлицы*“.

Въ другомъ письмѣ къ Гаксу отъ 15-го ноября, отправленномъ сухимъ путемъ чрезъ Ольвіопольскую почту, Булгаковъ опять напоминаетъ о необходимости принять всѣ мѣры предосторожности противъ колонистовъ:

„остается мнѣ просить ваше высокоблагородіе принять всѣ нужныя мѣры съ сими колонистами. *Вообразить невозможно, на какіе они злодѣйствы въ состояніи пуститься*, и слѣдовательно не надлежитъ вѣрить ни клятвамъ ихъ, ни лицемѣрнымъ лицамъ. Теперь они, по словамъ своимъ, всѣ святые, и, кромѣ начальника своего лекаря, никто ни въ чемъ участія не бралъ. Ваше высокоблагородіе скоро о поведеніи каждаго можете удостовѣриться отъ экипажа и чрезъ то въ состояніи найдетесь отличить и облегченіе сдѣлать невиннымъ“.

Къ этому письму Булгаковъ приложилъ всѣ документы, имѣвшіе отношеніе къ колонистамъ и ихъ бунту, и предлагалъ Гаксу отправить ихъ немедленно къ барону Игельстрому съ нарочнымъ офицеромъ, если „Борисѳенъ“ за позднимъ временемъ года не въ состояніи будетъ добраться до Херсона[2]).

„Борисѳенъ“ дѣйствительно принужденъ былъ направиться къ крымскимъ берегамъ и 30 ноября вошелъ въ Ахтіярскую гавань (Севастополь).

Теперь началась переписка между крымскими и херсонскими властями по вопросу, какъ поступить съ колонистами? Херсонскія власти въ лицѣ генералъ-поручика графа Дебальмена[3]) сочли

---

[1]) Государственный Архивъ: Рапортъ барона Игельстрома Потемкину отъ 17-го декабря 1783 года.

[2]) Москов. отд. Архива Гл. Штаба.

[3]) Дебальменъ замѣнялъ въ это время Гакса, который, вслѣдствіе „возложенія на него... кн. Г. А. Потемкинымъ крѣпостнаго строенія“, былъ уволенъ „отъ всѣхъ зависящихъ по гражданскому управленію дѣлъ“.

нужнымъ довести дѣло до свѣдѣнія екатеринославскаго губернатора Тимоѳея Ивановича Тутолмина, „особому распоряженію“ котораго „препоручены“ были кн. Потемкинымъ вызываемые въ Россію колонисты[1]). Тутолминъ съ своей стороны обратился къ барону Игельстрому съ просьбой „учинить строгое изысканіе, кто у нихъ былъ главнымъ зачинщикомъ заговора и причиною содѣяннаго на кораблѣ злодѣянія, и кто, наконецъ, прямо участвовали въ злоумышленіи и дѣйствительномъ исполненіи онаго“?[2]). Во исполненіе просьбы Тутолмина, для производства слѣдствія 1 марта 1784 года учреждена была въ Ахтіярской гавани слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ флота капитана 2 ранга Доможирова. Вскорѣ, впрочемъ, дѣло по распоряженію Потемкина было передано военно-судной коммиссіи, учрежденной въ Херсонѣ, куда и перевезли колонистовъ. Херсонская коммиссія потребовала пересылки ей дѣла, производившагося въ Севастополѣ (Ахтіярской гавани), что̀ и было исполнено; однако присланными документами она не удовлетворилась, а произвела дополнительное разслѣдованіе. Дѣло такимъ образомъ затянулось. Генералъ-поручикъ Гудовичъ ордеромъ отъ 10 сентября 1784 г. побуждалъ военно-судную коммиссію „всю возможность употребить къ скорѣйшему окончанію сего дѣла, толико времени продолжающагося“. Несмотря на это напоминаніе начальства, коммиссія не спѣшила: только 7 ноября Гудовичъ получилъ возможность представить на усмотрѣніе кн. Потемкина „дѣло съ заключенною при немъ на основаніи законовъ сентенціею[3]) и своимъ мнѣніемъ“.

Какъ показало разслѣдованіе, виновниками возмущенія и убійства были не корсиканцы, а сардинцы и отчасти иные колонисты, главнымъ образомъ итальянской же національности: но такъ какъ, по офиціальной терминологіи, всѣхъ ихъ принято было объединять подъ именемъ „корсиканцевъ“, то и самое возмущеніе получило названіе бунта корсиканцевъ.

Всѣхъ найденныхъ такъ или иначе виновными, не исключая и начальника колонистовъ Макюзи, военный судъ, на основаніи соотвѣтствующихъ артикуловъ морского и воинскаго уставовъ, приговорилъ къ различнымъ видамъ смертной казни: колесованію, повѣшенію и простому „лишенію живота“, смотря по степени виновности.

---

[1]) М. Отд. Арх. Гл. Штаба: письмо гр. Дебальмена къ Тутолмину отъ 15 декабря 1783 года.

[2]) Тамъ же: письмо Тутолмина изъ Полтавы отъ 20 января 1784 года.

[3]) Сентенція „заключена“ въ Херсонѣ 28 октября 1784 года.

Въ приложенномъ къ сентенціи своемъ „мнѣніи“ Гудовичъ предлагалъ значительно смягчить наказаніе виновнымъ, а именно:

1. Николая Теальди и 6 его сообщниковъ, какъ первыхъ зачинщиковъ бунта и убійства, казнить смертію (вмѣсто колесованія).

2. Петра Перацони и 6 же его сообщниковъ, приставшихъ къ заговору, но не участвовавшихъ въ убійствѣ, сослать на два года въ каторгу (вмѣсто повѣшенія).

3. Доминика Доминичиса и 20 его товарищей, присоединившихся къ бунтовщикамъ уже во время самаго бунта безъ предварительнаго уговора, и въ убійствѣ также не принимавшихъ участія, въ городовую работу на одинъ годъ (вмѣсто повѣшенія). Впрочемъ, одного изъ виновныхъ послѣдней категоріи, „Флорентинскаго дворянина“ Човатино Ферони, Гудовичъ полагалъ „оставить безъ всякаго наказанія“, вмѣнивъ ему въ оное содержаніе въ желѣзахъ до резолюціи, „во уваженіе его дворянства“ и того обстоятельства, что онъ насильно и въ самомъ концѣ бунта былъ привлеченъ къ участію въ немъ, будучи поставленъ часовымъ у матросовъ.

4. Начальника колонистовъ Макюзи, примѣненіе къ которому смертной казни за попустительство и непредусмотрительность самъ военный судъ находилъ несоотвѣтствующимъ степени его виновности, отъ всякаго наказанія избавить, вмѣнивъ ему въ оное содержаніе подъ карауломъ до воспослѣдованія конфирмаціи.

Князь Г. А. Потемкинъ, на усмотрѣніе котораго поступило дѣло, только относительно виновныхъ первой категоріи (Николая Теальди и его сообщниковъ) согласился съ мнѣніемъ Гудовича, по отношенію же къ виновнымъ остальныхъ категорій стоялъ за болѣе суровыя наказанія.

Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ императрицѣ Потемкинъ предлагалъ:

(2-я категорія) Петра Перацони съ прочими его товарищами „наказавъ кнутомъ, сослать вѣчно въ каторжную работу“.

(3-я категорія) „Доминиса съ соучаствовавшими съ нимъ и Павла Гусича, вѣдавшаго о заговорѣ и не донесшаго, наказавъ кнутомъ, сослать въ каторжную работу на время, при чемъ Февронія, какъ нечаянно и насильно вовлеченнаго къ этому дѣлу отъ преступниковъ, во уваженіе его дворянства и насильственнаго его примѣшанія къ возмутителямъ, *не подвергая тѣлесному наказанію, сослать на время въ работу*“.

Что касáется начальника колонистовъ Макюзи, „коего власть недовольно была сильна къ усмиренію бунтовщиковъ, сколько онъ

ни старался“, то въ виду продолжительнаго содержанія его подъ стражей и той опасности, которой онъ самъ подвергался во время бунта, Потемкинъ полагалъ отъ смертной казни его избавить, предавая опредѣленіе ему наказанія на милость императрицы[1]).

Окончательное рѣшеніе участи виновныхъ колонистовъ опять затянулось: весь слѣдующій 1785 годъ они просидѣли въ херсонской крѣпости подъ карауломъ. Только 9 февраля 1786 года послѣдовало распоряженіе Потемкина отправить виновныхъ колонистовъ изъ Херсона въ Кременчугъ къ „правителю екатеринославскаго намѣстничества“ Синельникову (смѣнившему Тутолмина) для приведенія въ исполненіе состоявшейся относительно ихъ высочайшей конфирмаціи. При этомъ оказалось, что изъ числа виновныхъ 9 человѣкъ, и среди нихъ двое присужденныхъ къ смертной казни, Николай Теальди (главный зачинщикъ и руководитель бунта и убійства) и Франциско Папа, умерли подъ стражей, двое бѣжали изъ-подъ стражи, („за что бывшіе тогда въ караулѣ офицеры штрафованы, а часовые наказаны“), одинъ былъ отданъ „на поруки херсонскому трактирщику Бенодето, отъ котораго бѣжалъ, да и самого поручителя не найдено“, наконецъ, бывшій начальникъ колонистовъ Макюзи, уволенный для излѣченія болѣзни на форштадтъ, скрылся. Только въ августѣ 1786 года Макюзи былъ пойманъ и отправленъ въ Кременчугъ „для поступленія и съ нимъ также по оной высочайшей конфирмаціи“[2]).

Таковъ былъ финалъ трагедіи, разыгравшейся на „Борисѳенѣ“.

3.

Обратимся теперь къ колонистамъ, не участвовавшимъ въ возмущеніи на „Борисѳенѣ“, а равно къ прибывшимъ изъ Ливорно съ предшествовавшими экспедиціями, и постараемся освѣтить ихъ судьбу, насколько позволяютъ это сдѣлать сохранившіеся въ Государственномъ Архивѣ документы.

Въ средѣ иностранныхъ офицеровъ, предводителей или начальниковъ колонистскихъ партій, возникъ свой планъ организаціи итальянскихъ колоній на югѣ Россіи. Планъ этотъ, не имѣющій, къ сожалѣнію, даты, изложенъ въ документѣ, озаглавлен-

---

[1]) Москов. Отд. Архива Гл. Штаба.

[2]) Государственный Архивъ: Рапорты Потемкину генералъ-маіора Якова Рѣпнинскаго отъ 26 марта и 15 августа 1786 года.

номъ: „конвенціи". Судя по нѣкоторымъ даннымъ, заключающимся въ самыхъ „конвенціяхъ", онѣ выработаны не позже весны 1783 года[1]). Что представляетъ изъ себя этотъ документъ, есть-ли онъ результатъ обоюднаго соглашенія между русскимъ правительствомъ съ одной стороны и представителями и начальниками колонистовъ съ другой, какъ можно судить по его названію: „конвенціи", или же это только проектъ, простое пожеланіе, исходящее отъ одного или нѣсколькихъ лицъ изъ числа предпринимателей, „которые отъ разныхъ мѣстъ собрали въ Ливорнѣ" колонистовъ для Россіи? не имѣя другихъ документальныхъ данныхъ, трудно отвѣтить на этотъ вопросъ положительно, но второе рѣшеніе его кажется болѣе вѣроятнымъ. Какъ-бы то ни было, „конвенціи", отражая въ себѣ интересы и стремленія лицъ, стоявшихъ во главѣ колонистскихъ партій, и ихъ взгляды на организацію колоній, представляютъ несомнѣнный интересъ, и мы считаемъ не лишнимъ привести ихъ здѣсь сполна.

„Конвенціи".

„Колоней будетъ двѣ: *одна* составляемая *изъ корсиканов и геновезовъ, а вторая изъ лукезовъ и разныхъ народовъ итальянскихъ;* каждая колонія имѣть будетъ особливое правленіе подъ однимъ начальникомъ, и *каждое селеніе должно отдать нѣкоторое число въ солдаты.*

Хлѣбопашцы, которые не будутъ имѣть фамилій, соединятца съ тѣми, которые съ фамиліеми, или между ими учредить товарищество, кои въ хлѣбопашествѣ пособствовали-бъ взаимно, и каждое товарищество составляло-бъ меніе пяти человѣкъ.

Солдаты и художники разселятца будутъ по пропорціи между вышереченными фамиліеми и соглашены будутъ съ ними; отведенную-жъ землю позволяется салдатамъ и художникамъ отдавать въ работу помянутымъ фамиліемъ, а отъ нихъ за то получать половинную часть изъ прибыточнаго.

Тѣмъ, которые ихъ отъ разныхъ мѣстъ *собрали въ Ливорнѣ,* чтобъ быть достойными пользоваться милостію ея императорскаго величества, *каждой изъ тѣхъ колонистовъ обязанъ будетъ рабо-*

---

[1]) При умноженіи колонистовъ раздѣленіе ихъ на двѣ колоніи по „конвенціямъ" должно зависѣть отъ разрѣшенія генералъ-поручика И. А. Ганнибала, между тѣмъ послѣдній въ рапортѣ полковника Гакса Потемкину отъ 2-го мая 1783 г. называется „бывшимъ здѣсь", то-есть, уже не состоящимъ на службѣ въ Херсонѣ.

тать[1]), а когда самъ не можетъ, то за оную (работу) заплатитъ, хотя онъ художникъ или салдатъ, *1600 квадратныхъ геометрическихъ шаговъ или 40 шаговъ длиною и шириною;* половинное число сей земли работать осенью, а другую (половину) весною; начальникамъ-же тѣхъ, которые имъ будутъ работать, содержать на своей порціи во все время ево работы.

Господинъ поручикъ Пачіола долженъ имѣть команду надъ обѣими колоніеми, пока онѣ не раздѣлятца, а ежели онъ будетъ обязанъ какими другими дѣлами, которые не допустютъ ево быть при вышереченныхъ колоніяхъ, также когда умножутся, что можно будетъ ихъ раздѣлить на двѣ колоніи, то просить должны г-на генералъ-поручика Ганнибала опредѣлить на мѣсто его Пачоли г-на Гантина Гарделина.

Военный корпусъ, которой ея императорское величество соблаговолила сформировать отъ колонистовъ, имѣть команду г-ну порутчику Пачолу, и какъ корпусъ умножитца и потребуются другіе афицеры, то должны быть г-нъ Иванъ Макюзи, а по немъ г-нъ Гантино Гарделини, г-нъ Петро Орсини и Павло Антони.

По умноженіи корпуса, какъ можно будетъ составить два селенія и двѣ роты военныхъ, то различить оные колоніи и роты сими наименованіями: первое — Корсолигура, а второе — Ольтрамонтана; г-нъ Пачолъ долженъ получить Корсолигуру, а г-нъ Макюзи Ольтрамонтану.

Вышеписанные колоніи и роты зависимы будутъ отъ генералъ-губернатора, а чтобъ не быть подъ командою другихъ корпусовъ; когда-жъ потребны будутъ другіе афицеры, то начальники имѣютъ право выбирать, по ихъ разсмотрѣнію, тѣхъ, которые достойны и представлять по командѣ.

Всѣ салдаты, составляющіе военный корпусъ, производились бы въ чины по достоинству, какъ въ Россіи оберъ-афицерскіе дѣти."

При устройствѣ судьбы колонистовъ администрація Новороссійскаго края на первыхъ порахъ не обнаружила склонности руководиться „конвенціями". Согласно желанію самихъ эмигрантовъ, часть ихъ принята была въ военную службу и образовала изъ себя егерскую роту. Къ 21-му октября 1783 года въ послѣдней состояло 56 человѣкъ, а именно: поручикъ 1, прапорщиковъ 2, сержантовъ 3, капраловъ 4 и егерей 46. Въ слѣдующемъ 1784 году еще 71 эмигрантъ пожелали поступить въ военную службу.

---

1) Обрабатывать.

Остальныхъ итальянскихъ эмигрантовъ, не раздѣляя „по пропорціи“ на земледѣльцевъ, солдатъ и „художниковъ“, рѣшено было всѣхъ обратить въ колонистовъ-земледѣльцевъ[1]); вопреки „конвенціямъ“ былъ даже сдѣланъ опытъ поселенія ихъ не отдѣльной колоніей, а вмѣстѣ съ другими поселенцами, и при томъ иной, совершенно чуждой имъ, національности, съ порученіемъ наблюденія за ними состоявшему при колоніи русскому офицеру.

Въ 1782 году въ Новороссійскомъ краѣ, какъ выше было изложено, водворены были особой колоніей шведы съ острова Даго. Проходя чрезъ Бѣлоруссію, шведы заразились оспой, которая какъ во время пути, такъ и по водвореніи на новыхъ мѣстахъ унесла среди нихъ немало жертвъ. Къ этому присоединились заболѣванія и другими болѣзнями, вызванными непривычкой переселенцевъ къ новымъ для нихъ климатическимъ условіямъ. Только въ маѣ 1783 года заболѣваемость и смертность приняли нормальные размѣры. Между тѣмъ шведы совсѣмъ потеряли голову и, вопреки здравому смыслу и требованіямъ гигіены, искали спасенія въ сплоченности, въ соединеніи нѣскольких семействъ въ одномъ домѣ: „будучи въ такомъ неожиданномъ страхѣ, въ разстроенномъ здоровьѣ“, они, „къ лучшему себѣ вспоможенію, помѣстились изъ числа совсѣмъ отстроенныхъ“ для нихъ „58 домовъ только въ 19-ти домахъ, полагая будущимъ лѣтомъ раздѣлиться и занять жительствомъ остальные“. Но „главная команда“ распорядилась иначе: рѣшено было воспользоваться пустыми домами для водворенія въ нихъ „корсиканцевъ“, при чемъ послѣдніе дѣлались совладѣльцами отмежеванной шведамъ земли[2]). Въ іюнѣ 1783 года поселено было такимъ образомъ въ Шведской колоніи 38 семей корсиканцевъ, въ количествѣ 235 душъ.

Мы знаемъ, что̀ за люди были новые иностранные колонисты: въ огромномъ большинствѣ это были бездомные горожане, пролетаріи, люди опустившіеся и не способные ни къ какой работѣ, тѣмъ болѣе къ земледѣлію, однимъ словомъ, подонки большихъ и приморскихъ городовъ Италіи и побережья Средиземнаго моря.

Зная составъ колонистовъ и не имѣя при этомъ никакихъ другихъ документальныхъ данныхъ, уже не трудно было бы предугадать результаты итальянской колонизаціи на югѣ Россіи: ясно,

---

[1]) Такъ поступила мѣстная администрація, вопреки распоряженію Потемкина, который приказалъ посадить на землю однихъ хлѣбопашцевъ. См. ниже рапортъ Синельникова Потемкину отъ 6 янв. 1784 г.

[2]) Государственный Архивъ: „Доношеніе Ивану Максимовичу Синельникову уполномоченнаго шведовъ Михеля Альферсона отъ 5 декабря 1783 г.“.

что она не могла дать другихъ результатовъ, кромѣ чисто отрицательныхъ; но мы располагаемъ и фактическимъ матеріаломъ, который не оставляетъ никакого сомнѣнія въ справедливости этого вывода.

Не прошло и мѣсяца отъ водворенія корсиканцевъ въ Шведской колоніи, какъ началось ихъ бѣгство оттуда: уже 25 іюня состоявшій при упомянутой колоніи капитанъ Макаретовъ рапортомъ донесъ Тутолмину, что 8 корсиканцевъ скрылись изъ колоніи. Оставшіеся же въ ней (корсиканцы), „узнавъ, что по желанію ихъ на содержаніе ихъ и на одежду деньгами отпуска не будетъ, вознегодовавъ за то, къ продовольствію принятіемъ провіанта отказались, кромѣ восьми (8) хозяевъ, но и тѣ, получа на полмѣсяца, увидя, что не пшеничная, а русская мука, съ крайнимъ презрѣніемъ въ домахъ своихъ безъ употребленія разсыпали. Хотя, по способности нынѣшняго времени къ пріобрѣтенію пользы, выданы имъ были для кошенія сѣна косы, но, ни одинъ въ хозяйство свое не входя, обращались ежедневно въ праздности“. 28 іюня ночью опять бѣжало изъ колоніи 6 корсиканскихъ семей въ количествѣ тридцати семи (37) душъ, а 6 іюля ночью же еще 25 семей, состоявшихъ изъ ста шестидесяти девяти (169) душъ; въ колоніи такимъ образомъ осталось всего 4 корсиканскихъ семьи или 21 душа.

Бѣглецы, захвативъ съ собой выданные имъ изъ казны инструменты, топоры, желѣзныя лопаты и косы, какъ можно было думать, направились къ Херсону, почему капитанъ Макаретовъ просилъ Херсонское полицейское управленіе и „начальствующаго“ въ Херсонской крѣпости полковника Гакса о поимкѣ корсиканцевъ. Съ своей стороны губернаторъ Тутолминъ предложилъ Новороссійской губернской канцеляріи „сдѣлать неукоснительное о поимкѣ ихъ въ уѣздахъ и городахъ... распоряженіе и объ отправленіи пойманныхъ въ колонію“. Точно также и Гаксу было предписано Тутолминымъ, въ случаѣ поимки корсиканцевъ, „отправить ихъ подъ присмотромъ попрежнему въ колонію“[1]).

Благодаря принятымъ мѣрамъ, бѣглецовъ поймали, хотя и не всѣхъ, и снова водворили въ Шведской колоніи. Въ началѣ 1784 года ихъ находилось здѣсь налицо „за умертвіемъ мужеска и женска пола взрослыхъ и малолѣтнихъ сорока“ и „за побѣгомъ тридцати семи“ сто шестьдесятъ (160) душъ.

Но теперь уже сами шведы, ссылаясь на „увѣрительные пункты“ Потемкина, требовали выселенія отъ нихъ корсиканцевъ

---

1) Госуд. Архивъ: Рапортъ Тутолмина Потемкину отъ 2 іюля 1783 года изъ Полтавы.

и предоставленія имъ всей отмежеванной къ колоніи земли. Находя претензію шведовъ обоснованной и справедливой, бригадиръ Синельниковъ съ своей стороны ходатайствовалъ предъ Потемкинымъ объ исполненіи ихъ просьбы. Помимо указанія на законность притязаній шведовъ, онъ приводилъ и другіе доводы въ пользу выселенія корсиканцевъ изъ колоніи. Въ своемъ рапортѣ (отъ 6 января 1784 год)а Синельниковъ, между прочимъ, писалъ Потемкину:

„Шведскимъ крестьянамъ *льготные годы* положены отъ вашей свѣтлости на четыре года, а *корсиканцамъ Новороссійская губернская канцелярія опредѣлила на десять лѣтъ*, и слѣдовательно и будетъ тутъ въ одномъ селеніи и за одну землю разновременный сборъ; и необходимо должно будетъ имъ какъ пахотными и не пахотными землями, сѣнокосами и другими угодіями раздѣляться, и чрезъ то будутъ выходить споры и безпокойство; а сверхъ того ваша свѣтлость, помѣщая въ оную колонію въ состоявшіе тамъ пустые дома, оставшіеся отъ умершихъ шведовъ, означенныхъ корсиканцевъ, приказать мнѣ изволили поселить изъ оныхъ только *земледѣльцевъ, а оныхъ кромѣ четырехъ семей, подающихъ надежду къ земледѣлію, нѣтъ*, и что тѣ корсиканцы чинили побѣги, то тому причиною было помѣщеніе ихъ въ той земледѣльческой въ степныхъ мѣстахъ колоніи и раздача имъ земледѣльческихъ инструментовъ, ибо *они, возростя и состарившись при городахъ и упражняясь въ разныхъ службахъ, не находили тамъ себѣ работы и потому огорчались тою жизнію;* а при томъ и поселить ихъ въ томъ пограничномъ мѣстѣ сомнительно, поелику оные, сколько ни чинили побѣговъ, то всегда пробирались къ рѣкѣ Бугу и въ Крымъ, ища способа уйти за-границу, и не однажды предпринимались красть въ Кизи-Керменѣ лодки, а двѣнадцать человѣкъ изъ числа бѣжавшихъ, укравшіе двѣ казенныя лодки, какъ видно, на оныхъ уплыли Днѣпромъ въ море, ибо и понынѣ какъ тѣ лодки, такъ и оные не найдены“.

Въ силу этихъ соображеній Синельниковъ испрашивалъ повелѣніе Потемкина объ отосланіи корсиканцевъ въ Новороссійскую губернскую канцелярію для поселенія въ городѣ Кременчугѣ, гдѣ они, по привычкѣ къ городской жизни и знанію ремеслъ, могли бы себѣ найти пропитаніе и „помѣститься въ приличное званіе“. Какой отвѣтъ далъ Синельникову Потемкинъ, изъ документовъ не видно, но, очевидно, ходатайство его было уважено.

Во всякомъ случаѣ бѣгство колонистовъ не прошло безслѣднымъ для администраціи Новороссійскаго края, и она теперь, повидимому, была не прочь дѣйствовать въ направле-

ніи указываемомъ конвенціями, насколько это оказывалось возможнымъ.

26 января 1784 года Потемкинъ далъ предписаніе Тутолмину „касательно учрежденія порядочнаго житія корсиканскихъ колонистовъ“. „Исполняя насланное“ къ нему „повелѣніе“, Тутолминъ распорядился „самолично отъ каждаго отобрать желаніе, въ какое состояніе кто изъ нихъ поступить хочетъ“? Результаты опроса оказались очень любопытными: изъ 485 человѣкъ 94 (68 мужескаго пола и 26 женскаго) оказались мастеровыми и были водворены въ Кременчугѣ; 181 человѣкъ (125 мужескаго пола и 56 женскаго) заявили желаніе получить паспорты, по которымъ они могли бы „вступать въ службу и работу для снисканія пропитанія трудами“, то-есть, и въ Россіи хотѣли остаться тѣми же, какъ были на родинѣ въ Италіи, бездомными пролетаріями: желаніе ихъ было исполнено; наконецъ 210 человѣкъ (130 мужескаго пола и 80 женскаго) выразили готовность „упражняться въ земледѣліи“ [1]).

Въ маѣ того же 1784 года по распоряженію Тутолмина произведенъ былъ опросъ 206 человѣкъ итальянскихъ колонистовъ, временно расположенныхъ въ мѣстечкѣ Станиславѣ близъ Херсона (сюда входили и прибывшіе на „Борисѳенѣ“, но не участвовавшіе въ бунтѣ 180 человѣкъ). На этотъ разъ изъ 206 человѣкъ оказалось только 40 земледѣльцевъ; иные объявили себя „художниками“, то-есть, ремесленниками, большинство же изъявило желаніе получить паспорты и пропитывать себя работою, то-есть, опять таки остаться пролетаріями.

Такимъ образомъ составъ эмигрантовъ оказался очень неблагопріятнымъ для земледѣльческой колонизаціи, и соблюсти при поселеніи въ колоніяхъ должную пропорцію между различными ихъ категоріями, какъ требовали „конвенціи“, не было возможности; да и среди самихъ колонистовъ большинство предпочитало городскую жизнь жизни въ колоніяхъ. Поэтому правительство рѣшило надѣлить землей лишь тѣхъ, которые сами выразили готовность „упражняться въ земледѣліи“: таковыхъ оказалось въ общей сложности 84 семьи. Изъ нихъ *была образована отдѣльная колонія въ Павлоградѣ*, „гдѣ, по перемѣщеніи уѣзднаго правленія въ Луганку“, онѣ могли воспользоваться „не только землею, къ хлѣбопашеству удобною, но и казенными тамъ строеніями“, а также „еще не отдѣланною церковію“; *во главѣ ко-*

---

[1]) Госуд. архивъ: Рапортъ Тутолмина Потемкину отъ 19-го апрѣля 1784 года.

лоніи былъ поставленъ офицеръ ихъ національности, указанный въ „конвенціяхъ“ поручикъ Паччіола. Кромѣ него при колоніи назначены были состоять: священникъ, подлекарь и подлекарскій ученикъ. Всѣмъ имъ было назначено жалованье отъ казны: поручику Паччіолѣ 120 р., священнику и подлекарю по 100 р., а подлекарскому ученику 24 р. въ годъ. На уплату жалованья этимъ должностнымъ лицамъ по 1 января 1785 года и на обзаведеніе корсиканцевъ „экономіей“ Азовская губернская канцелярія отпустила денегъ 2.221 р. Послѣ уничтоженія Азовской канцеляріи попеченіе о колонистахъ перешло къ Екатеринославской казенной палатѣ, которая должна была позаботиться о снабженіи ихъ сѣменами для посѣва и скотомъ, а также продовольствіемъ по 1 сентября 1785 года, то-есть, до полученія перваго урожая.

За неимѣніемъ данныхъ мы не можемъ прослѣдить дальнѣйшую исторію этой колоніи, намъ извѣстно только, что, несмотря на всѣ заботы, и это поселеніе въ качествѣ итальянской земледѣльческой колоніи не уцѣлѣло, и поселенцы разсѣялись безслѣдно.

Такъ плачевно кончилась задуманная колонизація юга Россіи итальянцами, стоившая усилій и трудовъ многихъ лицъ, большихъ расходовъ деньгами и даже жертвъ людьми.

Послѣ этой неудачи съ южанами, правительство снова обращается къ болѣе уравновѣшенному и подходящему для земледѣльческой колонизаціи германскому элементу въ лицѣ „Данцигскихъ“ колонистовъ и меннонитовъ.

IX. Вызовъ колонистовъ изъ Данцига [1]).

По первому раздѣлу Польши, городъ Данцигъ оказался со всѣхъ сторонъ окруженнымъ прусскими владѣніями. Уже во время этого раздѣла Пруссія добивалась включенія Данцига въ составъ польскихъ земель, доставшихся на ея долю [2]), но встрѣтила сильное противодѣйствіе со стороны Россіи и Англіи.

Несмотря на постепенное умаленіе въ теченіе XVIII столѣтія торговаго значенія Данцига, послѣдній ко времени перваго раздѣла Польши все еще былъ значительнымъ хлѣбнымъ рынкомъ: чрезъ него шло за границу польскаго хлѣба около половины всего хлѣбнаго вывоза изъ Польши.

Не добившись на этотъ разъ присоединенія Данцига, прусское правительство предприняло рядъ мѣръ, которыя должны были отвлечь торговлю отъ него въ прусскіе города, главнымъ образомъ въ Эльбингъ, и тѣмъ подорвать торгово-промышленное, а вмѣстѣ и политическое значеніе Данцига.

Для достиженія указанной цѣли, хлѣбъ, шедшій изъ Польши въ Данцигъ и вывозимый изъ него моремъ, былъ обложенъ высокими пошлинами, между тѣмъ какъ прусскіе подданные, покупавшіе польскій хлѣбъ и направлявшіе его въ Эльбингъ, платили сравнительно ничтожную пошлину. Благодаря этому, хлѣбъ въ Эльбингѣ стоилъ дешевле, чѣмъ въ Данцигѣ, что привело къ паденію хлѣбной торговли послѣдняго.

---

[1]) I. Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ:

а) „Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг. Письма, полученныя и отправленныя коллежскимъ ассессоромъ Траппе, вслѣдствіе возложеннаго на него порученія набирать въ Данцигѣ на казенный счетъ охочихъ людей къ поселенію въ намѣстничествахъ, ввѣренныхъ начальству князя Г. А. Потемкина, и отправлять ихъ въ Ригу“. („О поселеніи въ Россіи иностранныхъ колонистовъ и другихъ выходцевъ“).

б) „Сношенія Россіи съ имперскими городами, III, Dantzig“.

II. Государственный Архивъ XVI, 692: „О колонистахъ, переселенныхъ въ Екатеринославскую губернію изъ Корсики, Данцига и острова Даго“. (Изъ дѣлъ князя Потемкина-Таврическаго).

[2]) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, VI книга, 28 томъ, 857 стр.

„Многія иностранныя корабли, привыкшія всегда ѣздить сюда за хлѣбомъ,—доносилъ своему правительству русскій дипломатическій агентъ въ Данцигѣ Семенъ Соколовскій,—теперь уже предпочитаютъ Эльбингъ, находя тамо цѣну оному хлѣбу гораздо дешевле противу здѣшняго. Многія изъ оныхъ кораблей сего лѣта (1787 г.) приходили прежде сюда, но не съ товаромъ уже, а только съ барластомъ (sic), съ которымъ потомъ и возвратились, перемѣня свой путь въ Эльбингъ, по причинѣ, что *здѣшніе купцы, платя прусскому королю высокіе пошлины, не могутъ съ урономъ продавать товара своего, купленнаго у поляковъ за высокую цѣну*“ [1]).

На всѣ другіе товары, помимо хлѣба, была наложена пошлина отъ 8 до 12% стоимости, что, въ свою очередь, подорвало Данцигскую („Доминикскую“) ярмарку, на которую прежде являлись и русскіе купцы для закупки товаровъ: „Изъ Россіи,—доносилъ вице-канцлеру графу Остерману упомянутый Семенъ Соколовскій,—купцы сюда уже почти совсѣмъ покупать не ѣздятъ, единственно опасаясь прусскихъ крайне высокихъ и разорительныхъ нарочно вокругъ Гданска (Данцига) разстановленныхъ таможней“ [2]).

Чтобы создать своего рода таможенную блокаду вокругъ Данцига, прусское правительство захватило цѣлый рядъ мѣстностей, принадлежавшихъ этому городу и находившихся въ его окрестностяхъ. Самой тяжкой потерей для Данцига былъ захватъ пруссаками Фарвассерской гавани (или Фарвассера), чрезъ которую направлялась вывозная торговля Данцига.

Таможенныя стѣсненія привели къ развитію контрабанды въ зимнее время, когда крестьяне по льду переправляли товары изъ Данцига, счастливо минуя прусскія таможенныя заставы; это еще съ грѣхомъ пополамъ поддерживало вывозную торговлю Данцига зимой, но лѣтомъ послѣдній оказывался въ отчаянномъ положеніи [3]).

Еще въ худшемъ положеніи очутились данцигскіе ремесленники: благодаря высокой оцѣнкѣ въ Фордонской [4]) таможнѣ про-

---

[1]) Московъ. Глав. Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ, Dantzig: письмо Соколовскаго къ вице-канцлеру графу Остерману отъ 8/19 іюля 1787 г.

[2]) Тамъ же: письмо Соколовскаго отъ 26 іюля/6 августа 1787 г.

[3]) „Lors de l'hiver la ville ne souffre aucun embarras pour son transport (ce qui est assez considérable) par le moyen du paysan, qui peut éviter les barrieres prussiens, passant par dessus le glaces. Ce n'est pas de même en été où il ne peut les éviter; le proffit ainsi que le négociant tire de son commerce pendant le trainage, est porté, dès que la navigation est libre, dans les coffres prussiens pour fournir aux fraix de la douane qui est exorbitante“.—Письмо резидента Петерсона къ графу Остерману отъ 2/13 марта 1787 г. (Dantzig).

[4]) „Фордонъ (Fordon)—городъ въ Бромбергскомъ округѣ Познанской провинціи (Пруссія) на лѣвомъ берегѣ Вислы въ 12 верстахъ отъ Бромберга“. См.

возимыхъ чрезъ нее товаровъ и соотвѣтствующему высокому обложенію ихъ, всякіе заказы, приходившіе раньше изъ Польши, прекратились, ремесленники были совершенно разорены [1]).

Застой въ торговлѣ и промышленности тяжело отзывался на экономическомъ благосостояніи многочисленнаго населенія Данцига; особенно плохо приходилось простому народу, жившему поденщиной и мелкимъ ремесленнымъ производствомъ.

Крупные капиталисты, стоявшіе во главѣ городского управленія, еще кое-какъ переносили торгово-промышленный кризисъ, надѣясь на помощь Россіи, на ея заступничество передъ прусскимъ правительствомъ; „нижняго же класса люди, не имѣя великаго разсужденія и понятія о политическихъ дѣлахъ", показывали „себя отъ того неинако, какъ ожесточенными и терпѣніе потерявшими мятежниками" [2]). Простому народу, не имѣвшему для себя насущнаго пропитанія, конечно, было не до политики; для него недорога была теперь и политическая самостоятельность Данцига, и онъ громко заявлялъ, „что гораздо бы городу лучше умереть скоропостижно, т.-е. сдаться теперь въ прусское подданство, нежели ожидать себѣ смерти въ продолжительной болѣзни" [3]).

Не ограничиваясь выраженіемъ своихъ сѣтованій и пожеланій, „ожесточенные и терпѣніе потерявшіе мятежники" отъ безработицы стали покидать Данцигъ и переселяться въ другіе сосѣдніе города; болѣе же рѣшительные изъ нихъ начали являться къ русскому резиденту въ Данцигѣ Петерсону и просили его отправить ихъ въ Россію для водворенія въ Херсонѣ [4]).

Ближайшимъ толчкомъ для этой просьбы данцигскаго пролетаріата явился манифестъ императрицы Екатерины II отъ 14 іюля 1785 года [5]), незадолго предъ тѣмъ обнародованный въ иностранныхъ газетахъ [6]).

„Всеобщій географическій и статистическій словарь". Составилъ кн. С. П. Гагаринъ. Москва, 1843 года.

1) „Avec l'artisan il en est tout autre, celui-ci est tout à fait ruiné, les demandes qui venoient autre fois de la Pologne, n'existent plus, la raison en est à trouver dans la douane de Fordan" (sic.).

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ: письмо Соколовскаго къ гр. Остерману отъ 15/26 апрѣля 1787 г.

3) Тамъ-же: письмо Соколовскаго къ гр. Остерману отъ 19/30 апрѣля 1787 г.

4) Тамъ-же: письмо резидента Петерсона къ гр. Остерману отъ 2/13 марта 1786 года.

5) Полное Собраніе Законовъ, т. XXIII, № 16226.

6) Несмотря на неудачный опытъ вызова колонистовъ изъ Италіи, манифестъ этотъ былъ обнародованъ, по распоряженію коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ итальянской газетѣ *Notizie del' Mondo*, Numero 75, Sabato 17 Settembre 1785. См. Москов. Глав. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ: сношенія съ Тосканой, V, Consulat, „Rapport de Jean Calamai, Consul Général de Russie à Livourne", отъ 17/28 октября 1785 г. съ приложеніемъ номера означенной газеты.

Этимъ манифестомъ императрица приглашала иностранцевъ селиться въ Кавказской губерніи (а не въ Херсонѣ) и обѣщала имъ, помимо свободнаго исповѣданія вѣры и невозбраннаго отправленія обрядовъ ея, всѣ права и выгоды „наравнѣ съ прочими“ своими „подданными равнаго имъ званія, а также *освобожденіе на 6 лѣтъ отъ всякой государственной подати*; если бы же, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, кто-нибудь изъ поселившихся по данному манифесту иностранцевъ пожелалъ выѣхать изъ предѣловъ Россіи, то обязанъ былъ при этомъ уплатить подать сразу за три года.

О возникшемъ среди жителей Данцига движеніи въ пользу переселенія въ Россію резидентъ Петерсонъ донесъ вице-канцлеру графу Остерману (письмомъ отъ 2/13 марта 1786 г.); вскорѣ узналъ объ этомъ и князь Г. А. Потемкинъ, настойчиво хлопотавшій о заселеніи ввѣреннаго его попеченіямъ Новороссійскаго края.

Около этого времени великая княгиня Марія Ѳеодоровна (супруга великаго князя Павла Петровича) рекомендовала князю Потемкину, какъ генералъ-губернатору Новороссійскаго края, нѣкоего коллежскаго асессора Георга Траппе[1]).

Потемкинъ уважилъ рекомендацію великой княгини и принялъ Траппе къ себѣ на службу[2]).

11 мая 1786 года Траппе обратился къ Потемкину съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ свои услуги для привлеченія въ Россію иностранныхъ колонистовъ.

„Не только изъ прибавленія къ Гамбургской Газетѣ подъ № 61 (par le supplement à la Gazette d'Hambourg sous № 61),— писалъ Траппе въ означенномъ письмѣ,—но еще болѣе по частнымъ письмамъ извѣстно, что затопленіе береговъ Вислы только что принесло много вреда окрестностямъ Торна, и что большое число земледѣльцевъ разорено. Зная въ совершенствѣ мѣстность въ этихъ краяхъ, зная, насколько они населены, и имѣя тамъ

---

[1]) Въ письмѣ на имя Потемкина Траппе говоритъ о себѣ слѣдующее: „C'est pendant le cours de 23 années que je eu l'occasion de me procurer assez de connaissances et quelque expérience soit pour les défrichements soit pour les améliorations de terres selon les principes excellents, solides et très applicables pour ce climat, de feu M-r de Brenkenhoff, l'homme, le plus célèbre en Allemagne pour les défrichements et pour l'établissement des colonies, comme il y a des personnes de distinction ici, qui en sont très bien informées“. Государственный Архивъ, письмо Траппе отъ 11 мая 1786 года.

[2]) Траппе по этому поводу писалъ Потемкину: „A présent je suis persuadé, que son altesse impériale madame la grande duchesse a bien raison en soutenant, qu'il n'y a personne en Russie, qui ait tant d'attention pour sa recommandation que votre altesse“.—Государственный Архивъ, письмо Траппе отъ іюня 1786 года.

много связей, я увѣренъ, что Россія могла бы извлечь пользу изъ этого бѣдствія и могла бы привлечь нѣсколько сотенъ семействъ, будутъ ли то земледѣльцы, ремесленники или поденщики, тѣмъ болѣе, что можно бы перевозить съ удобствомъ и малыми издержками въ вольный городъ Данцигъ... я готовъ самъ совершить путешествіе въ окрестности Торна, чтобы пригласить людей, крестьянъ ли, или иныхъ, отправиться для водворенія въ вашихъ губерніяхъ, въ такомъ количествѣ, какое я могъ бы склонить (autant que je pourrois persuader)"[1]).

Такимъ образомъ, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ мѣсяцевъ, если не менѣе, Потемкинъ получилъ два указанія на возможность привлеченія въ Россію иностранныхъ колонистовъ и при томъ изъ районовъ почти смежныхъ. Онъ не могъ, конечно, остаться равнодушнымъ къ этимъ указаніямъ, столь гармонировавшимъ съ его обширными колонизаціонными планами, и вступилъ въ переговоры съ Траппе относительно порученія ему набора колонистовъ. Переговоры продолжались около мѣсяца и въ началѣ іюня привели къ заключенію соглашенія между Потемкинымъ и Траппе: тотъ и другой подписали взаимныя обязательства[2]).

Приводимъ существенные пункты этихъ обязательствъ въ переводѣ на русскій языкъ.

Обязательство Потемкина.

„Князь Потемкинъ поручитъ асессору Траппе совершить *путешествіе въ окрестности Данцига*, чтобы набирать *крестьянскія семейства* для отправленія и водворенія въ губерніяхъ, которыя находятся подъ (его) управленіемъ.

„1. Князь Потемкинъ позаботится о томъ, чтобы резидентъ и консулъ ея императорскаго величества (въ Данцигѣ) получили необходимыя приказанія оказывать ему всякое содѣйствіе въ случаѣ надобности.

„2. Князь Потемкинъ велитъ уплатить названному асессору Траппе четыреста голландскихъ дукатовъ на издержки по его путешествію и возвращенію и сверхъ того тысячу рублей на вознагражденіе его за чрезвычайные расходы.

---

[1]) Государственный Архивъ.
[2]) Обязательство Потемкина помѣчено 5-мъ іюня, обязательство Траппе 7-мъ; оба на французскомъ языкѣ.

„3. Будетъ опредѣленъ въ Данцигѣ одинъ торговый домъ, который будетъ доставлять (деньги) на издержки по путешествію и содержанію колонистовъ, лишь только они прибудутъ въ Данцигъ.

„5.[1]) Князь Потемкинъ обѣщаетъ асессору Траппе, если онъ успѣетъ въ своей коммиссіи, оказать содѣйствіе къ тому, чтобы онъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника (de s'intéresser à ce qu'il obtiene le rang de conseiller de cour) и былъ помѣщенъ надлежащимъ образомъ на службу ея императорскаго величества".

Обязательство Траппе.

„На слѣдующихъ условіяхъ нижеподписавшійся асессоръ Траппе договорился съ его свѣтлостью, г-мъ княземъ Потемкинымъ, *совершить путешествіе*, чтобы приглашать людей, будутъ ли то *крестьяне или иные*, отправиться для водворенія въ Россію, въ губерніи, находящіяся подъ управленіемъ его свѣтлости (à venir s'établir en Russie et dans les gouvernements dépendants des ordres de son altesse), а именно:

„1. Названный асессоръ обѣщаетъ ѣхать немедленно, какъ только его свѣтлости угодно будетъ его отправить, чтобы употребить всѣ свои усилія на наборъ и отправленіе въ Ригу или Петербургъ такого числа колонистовъ, какое онъ въ состояніи будетъ склонить (autant de colons qu'il pourra persuader).

„2. Асессоръ Траппе обязывается доводить (de faire conduire) колонистовъ до Риги или Петербурга, требуя, чтобы ему въ Данцигѣ было заплачено по 60 рублей[2]) на каждое семейство за издержки путешествія и пропитанія до Риги или Петербурга, послѣ чего и тотчасъ же, какъ прибудутъ колонисты, будетъ ли то въ Петербургѣ или въ Ригѣ, асессоръ считаетъ себя свободнымъ и слагаетъ на корону заботу о дальнѣйшей перевозкѣ колонистовъ.

---

[1]) 4-й пунктъ обязательства кн. Потемкина по своему содержанію соотвѣтствуетъ 4-му же пункту обязательства Траппе, которое приводится ниже.

[2]) „Я еще вчера, — писалъ Траппе кн. Потемкину отъ 2 іюня 1786 г., — имѣлъ случай въ совершенствѣ освѣдомиться объ издержкахъ, которыхъ могли бы потребовать перевозка и пропитаніе колонистовъ, и я знаю навѣрное, что по причинѣ дороговизны, которую разливы Вислы причинили въ этомъ году, эти издержки, пожалуй (bien), могутъ возрасти до суммы 60 рублей на каждое семейство. Но это всегда будетъ бездѣлицей по причинѣ той *великой выгоды, которую безъ сомнѣнія доставитъ увеличеніе населенія*". Государственный Архивъ.

„4[1]). Названный асессоръ приметъ за правило набирать колонистовъ подъ условіемъ, что они удовольствуются правами и преимуществами, дарованными иностранцамъ жалованными грамотами (манифестами) ея императорскаго величества[2]), безъ права претендовать на казенное жалованье (sans pouvoir prétendre des gages de la couronne)“[3]).

Сравнивая обязательства Потемкина и Траппе, мы находимъ, что договаривавшіяся стороны не вполнѣ одинаково понимали задачу предстоящей „коммиссіи“. Потемкинъ опредѣленно говоритъ о наборѣ *крестьянскихъ семействъ*, какъ элемента наиболѣе пригоднаго для колонизаціи, Траппе же обязывается принимать въ колонисты *всѣхъ желающихъ*, „будутъ ли то крестьяне или иные“; Потемкинъ, основываясь на офиціальныхъ сообщеніяхъ русскаго резидента Петерсона, имѣетъ въ виду наборъ колонистовъ именно въ окрестностяхъ Данцига, гдѣ не могло быть недостатка въ охотникахъ эмигрировать, Траппе же говоритъ вообще о поѣздкахъ для набора колонистовъ, не называя района, гдѣ онъ будетъ его производить. Такимъ образомъ, Траппе намѣренно расширялъ рамки своей дѣятельности и открывалъ себѣ возможность осуществить свой проектъ о поѣздкѣ въ окрестности Торна и вообще въ Познань. Этою возможностью, какъ увидимъ, онъ и воспользовался, хотя и безъ осязательныхъ результатовъ.

Доведя до благополучнаго окончанія переговоры съ Потемкинымъ, Траппе немедленно и настойчиво сталъ хлопотать о своемъ отправленіи за границу „безъ дальнѣйшей проволочки, которая могла бы повредить интересамъ короны“. Быстроту въ исполненіи задуманнаго плана и соблюденіе строжайшей тайны онъ считалъ необходимымъ условіемъ успѣха своей „коммиссіи“: ради соблюденія тайны онъ находилъ даже излишнимъ посвящать коллегію иностранныхъ дѣлъ въ порученное ему предпріятіе. „Я васъ умоляю,—писалъ онъ Потемкину (отъ 7 іюня 1786 г.),—приказать гг. Попову и Рибопьеру соблюдать тайну въ этомъ дѣлѣ; и чтобы избѣжать всякаго шума и подозрѣній, мнѣ кажется излишнимъ объявлять объ этомъ предпріятіи коллегіи иностранныхъ дѣлъ (le département des affaires étrangères). Какъ я думаю, достаточно, чтобы ваша свѣтлость соизволили подписать собственной рукой рекомендательныя письма къ резиденту и кон-

---

[1]) 3-й пунктъ обязательства Траппе соотвѣтствуетъ 1-му пункту, а 5-й пунктъ 2-му и 5-му пунктамъ обязательства Потемкина.

[2]) Въ обязательствѣ Потемкина „par ukase de sa Majesté Impériale“.

[3]) Государственный Архивъ.

сулу въ Данцигѣ; ибо я не могу себѣ вообразить, чтобы былъ такой министръ или консулъ ея величества, который не обратилъ бы всевозможнаго вниманія на то, что̀ исходитъ отъ вашей свѣтлости. Это безспорно, М. Г., что добрый успѣхъ моей коммиссіи зависитъ отъ (соблюденія) тайны, и чтобы все дѣлалось безъ шума и, такъ сказать, украдкой“ [1]).

Находя, очевидно, соображенія Траппе основательными, кн. Потемкинъ въ тотъ же день 7 іюня написалъ и вручилъ ему два письма: одно къ Семену Соколовскому, незадолго передъ тѣмъ замѣнившему собою, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, резидента Петерсона, а другое—къ русскому консулу въ Данцигѣ Карлу Фредстендеру.

9 іюня Траппе получилъ паспортъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и въ качествѣ „курьера“ чрезъ Данцигъ отправился въ Польшу, въ Познань. Въ Данцигѣ онъ пробылъ только три дня „скрытнымъ образомъ“, остановившись на постояломъ дворѣ. Сюда явился къ нему Соколовскій, „дабы развѣдать точно о его коммиссіи“, но Траппе ничего ему объ этомъ не сообщилъ, а равно не передалъ на этотъ разъ и письма Потемкина.

О дѣятельности Траппе въ Польшѣ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій, но, очевидно, его надежды на привлеченіе въ Россію пострадавшихъ отъ наводненія Вислы польскихъ земледѣльцевъ не оправдались, и онъ черезъ двѣ недѣли [2]) принужденъ былъ вернуться въ Данцигъ.

19 іюля Траппе вручилъ Соколовскому „по секрету“ письмо кн. Потемкина. Въ своемъ письмѣ Потемкинъ глухо говорилъ о „нѣкоей секретной коммиссіи“ (d'une commission secrete pour la couronne), возложенной на Траппе, и просилъ Соколовскаго оказывать послѣднему, въ случаѣ надобности, всевозможное содѣйствіе. Самъ Траппе устно объяснилъ Соколовскому, что эта „коммиссія“ состоитъ въ томъ, чтобы „набирать всякаго сорту людей и на коронномъ коштѣ отправлять ихъ для поселенія въ нѣкоторые россійскіе провинціи и города“, при чемъ отъ имени Потемкина запретилъ ему доносить объ этомъ вице-канцлеру графу Остерману „до тѣхъ поръ, пока онъ (Траппе) не увидитъ прежде, какой успѣхъ его коммиссія здѣсь возымѣетъ“. Это запрещеніе Траппе мотивировалъ тѣмъ, что „князь Потемкинъ нарочно желаетъ сію коммиссію скрытно чрезъ него въ дѣйство произвести,

---

[1]) Государственный Архивъ.
[2]) Москов. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Dantzig: Письмо Соколовскаго къ гр. Остерману отъ 13/24 августа 1786 года.

дабы тѣмъ ея величеству въ угодность сдѣлать“ (т.-е. преподнести императрицѣ сюрпризъ) [1]).

Тѣмъ не менѣе Траппе просилъ Соколовскаго представить его президенту Данцига, что̀ тотъ и исполнилъ, но только частнымъ образомъ, а не офиціально, такъ какъ не рѣшался безъ вѣдома вице-канцлера сдѣлать какія-либо представленія данцигскому правительству.

Тайна, которою Потемкинъ, по желанію Траппе, облекъ вызовъ колонистовъ изъ Данцига, поставила Соколовскаго въ крайне затруднительное положеніе, причинила самому Траппе массу непріятностей и хлопотъ и задержала надолго успѣшное выполненіе его „коммиссіи“.

Соколовскій считалъ себя не въ правѣ не доносить своему непосредственному начальнику, вице-канцлеру, о порученномъ Траппе наборѣ колонистовъ, но въ то же время боялся, что, преступая волю кн. Потемкина, онъ наживетъ себѣ въ немъ опаснаго врага: поэтому онъ рѣшилъ немедленно же обратиться къ гр. Остерману „партикулярнымъ образомъ“, пославъ ему одно за другимъ (20 и 23 іюля ст. стиля) два секретныхъ письма, и просилъ его „наставленія“, какъ держать ему себя по отношенію къ Траппе. „Больше всего я въ недоумѣніи моемъ тревожусь,— писалъ между прочимъ Соколовскій въ письмѣ отъ 23 іюля— 3 августа,—что онъ (Траппе) требуетъ отъ меня, дабы я ему дозволилъ въ казенномъ здѣсь домѣ, въ который я нынѣ жить перебрался, помѣстить нѣсколько иностранныхъ людей съ фамиліями, коихъ онъ скоро сюда изъ окружныхъ мѣстъ ожидаетъ, и кои, по мнѣнію его, должны неотмѣнно жить и содержаться въ россійскомъ домѣ до времени своего въ назначенныя мѣста отправленія“.

Черезъ четыре дня послѣ отправленія своего письма, Соколовскій снова выражалъ гр. Остерману свое недоумѣніе по поводу „коммиссіи“ Траппе:

„Нынѣ же не могу умолчать,—писалъ онъ въ письмѣ отъ 27 іюля—7 августа,—что въ разсужденіи извѣстнаго уже находящагося здѣсь г. коллежскаго асессора Траппе я нахожусь въ весьма затруднительныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ по причинѣ его тайной коммиссіи, о коей я къ моему великому удивленію ни малѣйшаго отъ вашего сіятельства не имѣю наставленія; но какъ между тѣмъ не вижу я изъ того еще ничего та-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., Dantzig: письма Соколовскаго Остерману отъ 20/31 іюля и 23 іюля/3 августа 1786 года.

кого, которое бы могло стремиться противу интересовъ россійской державы, а особливо, когда узналъ я, что г. Траппе съ неограниченнымъ кредитомъ отъ придворнаго въ С.-Петербургѣ банкира Сутерланда адресованъ здѣсь къ поселившемуся въ семъ городѣ аглицкому купцу Эліоту, за благоразумнѣйше почелъ оказывать ему возможныя услуги, какія онъ отъ меня къ успѣху своей коммиссіи здѣсь требовать можетъ. Я... надѣюсь, что симъ по вѣрности къ службѣ предосторожнымъ поступкомъ моимъ не окажусь безвинно виновнымъ предъ его свѣтлостію, княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ, коего гнѣва я крайне опасаюсь".

Иногда на Соколовскаго нападало сомнѣніе въ подлинности врученнаго ему Георгомъ Траппе письма кн. Потемкина, такъ какъ до этого времени ему „еще никогда собственноручной онаго свѣтлѣйшаго князя подписи видѣть не случалось"; но вице-канцлеръ не спѣшилъ отвѣтомъ на „доношеніе" Соколовскаго, хотя послѣдній 3/14 августа 1786 г. отправилъ къ нему „четвертое партикулярное писаніе", а 6/17 августа пятое, посланное уже съ нарочнымъ курьеромъ, гдѣ просилъ удостоить его „скорымъ свѣдѣніемъ о существѣ помянутаго секретнаго письма, подлинно ли оное подписано собственною свѣтлѣйшаго князя Потемкина рукою" [1]).

Между тѣмъ Траппе приступилъ къ выполненію возложенной на него „коммиссіи".

На другой день по возвращеніи изъ Польши въ Данцигъ, представленный Соколовскимъ городскому президенту, бургомистру Пегелау (Pegelau), Траппе сообщилъ послѣднему о данномъ ему, Траппе, порученіи набирать людей для отправленія въ Россію въ качествѣ колонистовъ и спросилъ при этомъ, „не противна ли будетъ городу такая его коммиссія?" Президентъ на это отвѣтилъ, что разъ повѣренный въ дѣлахъ представляетъ ему г. Траппе, то онъ всему сообщаемому послѣднимъ долженъ вѣрить и думаетъ, что городъ, во всемъ повинуясь волѣ русской императрицы, не окажетъ въ данномъ случаѣ препятствія. Впрочемъ, президентъ заявилъ, что онъ „сдѣлаетъ прежде о томъ всему магистрату должное сообщеніе", отъ чего, однако, Траппе старался

---

[1]) Позднѣе, въ письмѣ отъ 31 августа/11 сентября 1786 г., Соколовскій писалъ гр. Остерману: „истину говорю, что полученное мною чрезъ г. Траппе княжеское письмо (которое я вчера и сегодня, въ угодность оному Траппе, принужденъ былъ нѣкоторымъ изъ главныхъ бургомистровъ показать) почитается здѣсь за фальшивое". Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Dantzig.

его отклонить, указывая на то, что такое сообщеніе лучше отложить „до тѣхъ поръ, какъ нужда того потребуетъ“ [1]).

Послѣ этого визита Траппе всѣми мѣрами сталъ распространять въ народѣ свѣдѣнія о данномъ ему порученіи, „говорилъ безъ разбору со всѣми ему на улицѣ попавшимися людьми“, разсылалъ повсюду съ этой цѣлью своихъ служителей и самъ открыто ѣздилъ по деревнямъ, находившимся въ окрестностяхъ Данцига, уговаривая крестьянъ къ переселенію въ Россію.

Не довольствуясь этимъ, Траппе рѣшилъ помѣстить въ данцигскихъ газетахъ публикацію о своей коммиссіи, „дабы всѣ несумнѣнно вѣдали о волѣ ея величества и о казенномъ для транспорта ихъ коштѣ“. Однако типографія не рѣшилась печатать такую публикацію безъ разрѣшенія мѣстной цензуры, и Траппе вмѣстѣ съ Соколовскимъ вторично долженъ былъ отправиться къ городскому президенту, чтобы испросить требуемое разрѣшеніе.

Президентъ „съ важнымъ видомъ“ попросилъ тогда Соколовскаго представить объ этомъ офиціальное требованіе отъ имени русскаго правительства. Не имѣя на этотъ счетъ предписанія отъ вице-канцлера, Соколовскій уклонился отъ такого шага и просилъ у президента позволенія, по крайней мѣрѣ, повторить старую публикацію, которая печаталась въ Данцигѣ, съ разрѣшенія магистрата, въ бытность тамъ резидента Петерсона; президентъ на это сказалъ, что „онъ самъ собою не можетъ дать никакого... отвѣта“ и доложитъ требованіе Соколовскаго магистрату. Черезъ день къ Соколовскому былъ присланъ городской секретарь и отъ имени магистрата объявилъ, что разъ повѣренный въ дѣлахъ не можетъ дать письменнаго „представленія“ на требуемую публикацію, то магистратъ „всеуниженнѣйше“ проситъ его убѣдить Траппе отказаться отъ публикаціи, „для напечатанія коей, онъ (магистратъ), дозволеніе дать крайне опасается по причинѣ какъ сосѣдняго Прусскаго двора, который такое публичное дозволеніе поставилъ бы городу въ предосудительный поступокъ [2]), такъ и потому, что и *самъ г. Траппе не можетъ по*

---

[1]) Такъ говоритъ объ этомъ посѣщеніи президента Соколовскій въ письмѣ къ гр. Остерману отъ 13/24 августа 1786 г., Траппе же въ письмѣ къ тому же Остерману отъ 17 августа иначе передаетъ отвѣтъ президента: („Bürgermeister Pegelau) expressis verbis uns erklärte dass, da diesser Ort eine frey Stadt sey, der hiesige Magistrat niemanden, der freuwillig geneigt seyn möchte, sich nach Russland zu begeben, solches verwehren würde und glaube er, dass es an solchen Leuten nicht fehlen dürfte, indem die Noth und die Berdrängniss hier sehr gross sey“. Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: „Дѣла колонистовъ“ 1786—1792 г.

[2]) Достойно вниманія, что само прусское правительство нисколько не стѣснялось производить въ Данцигѣ вербовку солдатъ для своей арміи. Въ своемъ

справедливости жаловаться, получа уже множество и безъ того охотниковъ, къ скорому отправленію въ готовности находящихся, и что онъ долженъ и можетъ быть тѣмъ доволенъ, что ему въ томъ не препятствуетъ здѣшнее правленіе, которое предъ прусскимъ и польскимъ королями тѣмъ себя оправдать можетъ, что на то городъ формальнаго дозволенія не далъ, и запрещенія тому не учинилъ единственно съ великаго къ Россіи уваженія".

Получивъ чрезъ Соколовскаго такой отвѣтъ магистрата, Траппе и не настаивалъ на своемъ требованіи, тѣмъ болѣе, что успѣхъ его дѣятельности по вызову колонистовъ превзошелъ всѣ его ожиданія: особенно много, на первыхъ же порахъ, склонилъ онъ къ эмиграціи въ Россію крестьянъ изъ окрестностей Данцига, элемента наиболѣе пригоднаго для колонизаціи. Этотъ успѣхъ Траппе не безъ основанія приписывалъ своему умѣнью обходиться съ крестьянами и основательному знанію мѣстнаго народнаго языка (Plattdeutshe Sprache) [1]). Итакъ, не настаивая больше на публикаціи въ газетахъ, Траппе сталъ усиленно примѣнять тѣ пріемы вызова, которые онъ практиковалъ до сихъ поръ и которые и безъ того обезпечивали ему вѣрный успѣхъ его „коммиссіи".

„Съ тѣхъ поръ г. Траппе,—писалъ Соколовскій гр. Остерману,—употребилъ все свое искусство обратить къ себѣ народъ и постарался прельстить оный частью обѣщаніями, а частью деньгами, на расплату долговъ и на выкупку пожитковъ выдаваемыми, въ чемъ ему и удалось: ибо *не только бѣдные городскіе жители, но и изъ окружныхъ мѣстъ зажиточные менонисты къ нему всѣ кинулись* и толпами за нимъ бѣгали, называя его спасителемъ своимъ.

Г. Траппе... по желанію своему нарочно избралъ себѣ особливо нѣсколько покоевъ въ партикулярномъ и недалеко отъ меня находящемся домѣ, въ коемъ *съ утра до полуночи безпрестанно люди набирались*, и который окруженъ былъ многочисленнымъ народомъ, и, наконецъ, до того дошло, что въ скоромъ времени

письмѣ къ гр. Остерману отъ 15/26 іюля 1787 г. Соколовскій сообщалъ, что прусскіе гусарскіе солдаты, непрестанно шатающіеся по Данцигу, „не только въ окружности по дорогамъ, но уже и въ самомъ городѣ людей хватать и насильно отсюда въ разные полки скрытно отсылать повелѣніе имѣютъ отъ своихъ шефовъ"; немного спустя, въ письмахъ отъ 26 іюля/6 августа и 30 августа/10 сентября 1787 г. Соколовскій писалъ вице-канцлеру, что вербовка производится уже явно и насильно, „несмотря на приносимыя отъ магистрата прусскому резиденту формальныя о томъ жалобы", и что „всѣ жители почти и за городъ выходить опасаются, видя повседневно разныя отъ того происходящія нахальства". Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Dantzig.

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: письмо Траппе къ гр. Остерману отъ 17 августа 1786 г.

18

всѣ въ городѣ рукодѣльные мастера лишились работниковъ своихъ, слуги и служанки не хотѣли долѣе у господъ оставаться и никто о работѣ помышлять не заботился, а всѣ единогласно кричали: въ Херсонъ, въ Херсонъ!" [1]).

При зачисленіи въ колонисты желающихъ эмигрировать, „при семъ крайне трудномъ и скучномъ, однако-жъ съ охотою исполняемомъ дѣлѣ", Траппе соблюдалъ слѣдующія „предосторожности":

1. Отнюдь не принималъ прусскихъ уроженцевъ („ich ganz und gar keine Preussische Landeskinder angenommen, sondern solche abgewiesen habe").

2. Для тѣхъ „вольныхъ" людей, которые не зависѣли отъ короля прусскаго, поставилъ за „conditio sine qua non" принятія въ колонисты представленіе церковнаго свидѣтельства о крещеніи (Taufschein) или вида о мѣстѣ рожденія (Geburts-Brief), или „несомнѣннаго" паспорта (einen reinen Pass), дабы этимъ избавить себя отъ нареканій.

3. За многихъ людей платилъ мелкіе долги и выкупалъ заложенныя ихъ вещи, въ особенности же ткацкіе станки, но отказывался принимать въ колонисты тѣхъ, чьи долги были слишкомъ велики.

Такимъ образомъ у Траппе записалось въ колонисты 247 семействъ, въ томъ числѣ 35 семействъ меннонитовъ, „которые весьма искусны въ сельскомъ хозяйствѣ, очень знающи въ скотоводствѣ и для Россіи особливо были бы полезны". Для перевозки этихъ семействъ въ Россію Траппе нанялъ уже корабль, снабдилъ его съѣстными припасами, и многіе изъ эмигрантовъ принесли даже туда свои пожитки; въ непродолжительномъ времени корабль долженъ былъ отправиться въ Ригу, какъ вдругъ случилось неожиданное препятствіе: принятыя Траппе „предосторожности" („dreifache Praecation"), оказывается, не избавили его отъ серьезныхъ непріятностей.

Данцигская буржуазія, опасаясь съ выселеніемъ въ Россію бѣднаго люда лишиться дешевыхъ рабочихъ рукъ, „отважно" потребовала у магистрата „немедленно отвратить столь наглый наборъ (колонистовъ), отъ коего предстоитъ явная городу погибель". Въ то же время, несомнѣнно изъ ея же среды, нарочно былъ пущенъ въ народъ слухъ, что Траппе „подъ видомъ Россіи отъ другой присланъ державы подкупать людей и дѣлать ихъ потомъ

---

1) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., Dantzig: письмо Соколовскаго къ гр. Остерману отъ 13/24 августа 1786 г.

вѣчными невольниками". Этотъ слухъ произвелъ волненіе въ народѣ, и у многихъ изъ его среды явилось тогда намѣреніе „вломиться къ г. Траппе въ домъ и тамъ его арестовать".

Отчасти опасаясь волненій въ народѣ, а больше уступая давленію со стороны буржуазіи, магистратъ, собравшись „въ полное трехъ орденовъ засѣданіе"[1]), 5/16 августа послалъ своего секретаря къ Траппе объявить ему „именемъ всего магистрата, съ должною учтивостью, что нужныя обстоятельства и самая Россіи честь того требуетъ, дабы онъ съ того же часа пересталъ набирать людей, кои въ замѣшательствѣ съ глупости сами не знаютъ, что̀ дѣлаютъ".

Въ то же время магистратъ задержалъ „до новаго ордера" приготовившійся къ отправленію корабль съ колонистами, а хозяину того дома, гдѣ жилъ Траппе, воспретилъ, подъ угрозой большого штрафа, терпѣть тамъ какой бы то ни было наборъ и впускать туда „вольныхъ" людей для переговоровъ съ Траппе и записи въ колонисты.

Траппе протестовалъ противъ этихъ распоряженій и грозилъ за нихъ магистрату возмездіемъ со стороны русскаго правительства. Тогда магистратъ послалъ другого своего секретяря къ Соколовскому съ просьбой уговорить Траппе, причемъ секретарь неофиціально сообщилъ Соколовскому, что городъ, не имѣя никакого „удостовѣренія" со стороны русскаго правительства относительно коммиссіи Траппе, „находится въ великомъ сумнѣніи о семъ удивленія достойномъ и во Гданскѣ еще не слыханномъ публичномъ наборѣ людей, коихъ городу нынѣ будетъ крайне чувствительно потерять".

„Послѣ такого внушенія", Соколовскій немедленно отправился къ Траппе, „у котораго *предъ домомъ столь было много народу, что съ великимъ трудомъ протѣсниться можно было.* Взошедъ къ нему въ покои, тѣсно людьми наполненные", Соколовскій „не приминулъ совѣтовать Траппе, дабы онъ... отложилъ на время коммиссію свою, и вывелъ бы чрезъ то весь городъ изъ подозрѣнія".

Такимъ образомъ Соколовскій, не имѣвшій никакихъ указаній отъ своего непосредственнаго начальства и не довѣрявшій

---

[1]) „Подъ именемъ трехъ орденовъ здѣшняго правительства разумѣется: 1-й магистратъ или ратсгеры, 2-й герихтъ или шепенгеры, а 3-й такъ называемый дрите орд나унгъ или купечество и мѣщанство, числомъ сихъ послѣднихъ сто человѣкъ, раздѣляющихся на четыре части и засѣдающихъ за четырьмя разными столами, имѣя каждая часть одного предводителя подъ именемъ квартирмейстера". Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Dantzig: письмо Соколовскаго къ гр. Остерману отъ 23 февраля/5 марта 1788 г.

Траппе, при столкновеніи послѣдняго съ магистратомъ принялъ сторону магистрата: оказалось, слѣдовательно, что одинъ агентъ русскаго правительства становится на дорогѣ другому агенту того же правительства.

Раздраженный этимъ, Траппе, обращаясь къ предполагаемымъ эмигрантамъ, собравшимся у него въ квартирѣ, кричалъ, что магистратъ поступаетъ несправедливо, „отнимая отъ нихъ хлѣбъ, который Россія имъ опредѣляетъ, что Россійскому двору не трудно будетъ сюда прислать нѣсколько фрегатовъ, вооруженныхъ для спасенія народа имъ набраннаго, и что онъ всѣ свои поступки оправдать можетъ своею инструкціею. Послѣдней онъ, однако, не показалъ Соколовскому [1]), а сталъ въ его присутствіи читать народу манифестъ 1763 года на нѣмецкомъ языкѣ.

Нежеланіе Траппе подчиниться совѣту Соколовскаго относительно пріостановки набора колонистовъ еще болѣе охладило взаимныя отношенія двухъ агентовъ русскаго правительства, обязанныхъ идти рука объ руку: недовѣріе ихъ другъ къ другу возрастало, переходило въ открытую вражду и вызывало взаимныя обвиненія. Траппе обвинялъ Соколовскаго въ отсутствіи патріотизма, а Соколовскій Траппе—„въ великой нескромности“, „нахальномъ хвастовствѣ“ и „непрестанномъ болтаніи пустыхъ рѣчей“, „какихъ бы не всякому и слушать было надобно и коими онъ, какъ слышно, навлекъ на себя и въ городѣ Торнѣ подозрѣніе“. Соколовскій изливалъ свои жалобы на Траппе графу Остерману и, между прочимъ, сообщалъ ему (въ письмѣ отъ 13 / 24 августа 1786 г.), что послѣ принятыхъ магистратомъ мѣръ „уже за г. Траппе люди не бѣгаютъ, однако, не для того,— наивно пояснялъ Соколовскій, — чтобы они не хотѣли уже въ Россію ѣхать, но единственно, что на его одну персону и рѣчи довѣряться не смѣютъ, сообразуясь въ томъ своему *магистрату, который, имѣя объ нихъ попеченіе, яко о дѣтяхъ своихъ, не можетъ имъ легкомысленно дозволить такъ скоро оставить сей городъ, не свѣдавъ прежде вѣроятно, въ какія онъ отпускаетъ ихъ руки*“. Соколовскій такимъ образомъ полагалъ, что магистратъ, запрещая выселеніе бѣдному люду, заботится исключительно о благѣ послѣдняго, а не объ интересахъ правящаго зажиточнаго

[1]) Если вѣрить показанію этого послѣдняго; самъ же Траппе утверждалъ противное. Въ письмѣ къ гр. Остерману отъ 26 сентября 1786 г. онъ писалъ слѣдующее: „Ich habe ihm aus meiner vom Fürsten eigenhändig unterschriebenen Vollmacht den ersten Punkt lesen lassen, der ausdrücklich lautet, dass der Chargé d'Affaires mir in dieser Commission für die Crone, laut der an ihn ergangenen Orde allen nöthigen Beistand leisten würde. Aber das rührte ihn nicht, indem er dem Magistrat zu gefallen die Sache offenbar gehindert und hientertrieben hat“.

класса населенія, какъ было на самомъ дѣлѣ. Изъ среды именно этого общественнаго класса распускались разные неблагопріятные слухи насчетъ „коммиссіи“ Траппе. Помимо упомянутаго выше слуха, что Траппе набираетъ колонистовъ не для Россіи, былъ пущенъ другой слухъ, что онъ намѣренъ отправить ихъ хотя и въ Россію, но не для императрицы, а для князя Потемкина, т.-е. для поселенія не на государственныхъ, а на лично князю Потемкину принадлежащихъ земляхъ.

Теперь и Траппе, настаивавшій раньше на сохраненіи своей коммиссіи въ тайнѣ, когда его дѣла приняли столь неблагопріятный оборотъ, рѣшился съ своей стороны писать къ графу Остерману. 6/17 августа онъ отправилъ къ вице-канцлеру свое первое письмо, въ которомъ, сообщивъ свѣдѣнія о сущности возложеннаго на него порученія, первыхъ шагахъ своей дѣятельности въ Данцигѣ и неожиданно встрѣченномъ противодѣйствіи со стороны магистрата, просилъ дать предписаніе Соколовскому, чтобы послѣдній сдѣлалъ данцигскому магистрату „жестокій выговоръ за ихъ беззаконное и невмѣстное поведеніе и накрѣпко наказалъ, чтобъ оный впредь не отваживался запрещать вольнымъ людямъ по собственному ихъ произволенію выѣзжать въ Россію и поселяться“, въ особенности тѣмъ 117 семействамъ, за которыхъ онъ, Траппе, заплатилъ ихъ долги, и коимъ „производилъ“ и теперь „производитъ“ кормовыя деньги.

При этомъ Траппе указывалъ, съ одной стороны, на несправедливый образъ дѣйствій магистрата, который дозволяетъ пруссакамъ безпрепятственно производить въ городѣ солдатскіе наборы, и спокойно смотритъ на эмиграцію въ Пруссію, а съ другой—на значительность ущерба, наносимаго интересамъ Россіи такимъ поведеніемъ данцигскаго правительства: „Я долженъ донесть вашему сіятельству, — писалъ онъ въ вышеозначенномъ письмѣ гр. Остерману, — что теперь дѣло настоитъ о толь важномъ пріобрѣтеніи, каковаго, можетъ быть, въ семъ родѣ и съ толь малымъ иждивеніемъ еще не было сдѣлано для Херсона; что въ числѣ принятыхъ мною людей есть много нынѣшнимъ лѣтомъ изъ чужихъ краевъ сюда прибывшихъ и пропитанія здѣсь найти не могущихъ, какъ-то: ткачей шелковыхъ, полотняныхъ и бумазейныхъ матерій и проч., что здѣшній магистратъ отнюдь не имѣетъ права препятствовать здѣшнимъ и иностраннымъ людямъ переходить въ Россію, *когда заплатятъ они то, что слѣдуетъ, т.-е. или десятую долю или же нажитые ими долги*“.

Четыре дня спустя Траппе снова писалъ къ графу Остерману. Въ своемъ письмѣ (отъ 10/21 августа) онъ опровергалъ

ссылку магистрата на противодѣйствіе эмиграціи въ Россію со стороны Пруссіи заявленіемъ, сдѣланнымъ ему, Траппе, прусскимъ резидентомъ въ Данцигѣ Линденовскимъ. Послѣдній, явившись къ Траппе, подробно говорилъ... о столь же неожиданномъ, сколько и непростительномъ поведеніи данцигскаго магистрата, а также увѣрялъ при этомъ, что ему и въ голову никогда не приходило ставить Траппе какія бы то ни было препятствія въ дѣлѣ принятія колонистовъ; что вся его обязанность въ данномъ случаѣ ограничивается наблюденіемъ, чтобы не эмигрировали въ Россію прусскіе подданные.

Но Траппе самъ тщательно избѣгалъ ихъ принимать, тѣмъ болѣе, что у него не было недостатка въ охотникахъ эмигрировать изъ числа данцигскихъ жителей.

„Въ теченіе трехъ дней, — писалъ онъ гр. Остерману, — у меня явилось еще много людей, большею частью мелкихъ землевладѣльцевъ, которые, такъ какъ они здѣсь едва владѣютъ половиной морга земли, сильно побуждаемы были тѣмъ, что *я имъ въ полное и наслѣдственное владѣніе могъ обѣщать, согласно своей инструкціи*, полученной отъ его свѣтлости князя (Потемкина), *30 десятинъ земли съ десятилѣтнимъ освобожденіемъ отъ податей*“.

Многіе изъ эмигрантовъ уже заплатили свои долги и обычныя пошлины, взимаемыя съ отъѣзжающихъ, а также получили позволеніе отъ магистрата продать свое имущество съ публичнаго торга, и въ концѣ-концовъ совершенно неожиданно были задержаны въ Данцигѣ. Траппе справедливо жаловался на непослѣдовательность въ поведеніи магистрата, а равно на иное отношеніе его къ эмиграціи въ Пруссію.

„Въ прусскія владѣнія повседневно отправляются отсюда люди, и городъ не получаетъ съ нихъ никакихъ пошлинъ за отъѣздъ, и при всемъ томъ магистратъ и не пикнетъ объ этомъ. Нынѣ, хотя люди по своей доброй волѣ желаютъ (переселиться) въ Россію, и у нихъ даже одежду на тѣлѣ оцѣнили и взяли съ этого десятину, не хотятъ позволить (имъ) выѣхать“.

Въ разсмотрѣнныхъ двухъ письмахъ, равно какъ и въ третьемъ письмѣ отъ 17/28 августа, Траппе не позволялъ еще себѣ задѣвать Соколовскаго, а ограничивался жалобами на данцигскій магистратъ, причемъ выражалъ увѣренность, что дерзкое и несправедливое поведеніе послѣдняго вызоветъ негодованіе и соотвѣтствующія мѣры со стороны вице-канцлера.

„Ваша извѣстная міру заботливость обо всемъ, — писалъ онъ гр. Остерману, — что касается *высочайшаго блага Россіи, именно*

увеличенія народонаселенія, позволяетъ мнѣ надѣяться, что вы милостиво соизволите распорядиться, чтобы здѣшній магистратъ не смѣлъ болѣе позволять себѣ возбранять свободнымъ людямъ, которые заплатили свои долги и пошлины за отъѣздъ, отправляться въ Россію. Если это случится, то я могу здѣсь сдѣлать такое пріобрѣтеніе, которое будетъ важнѣе, чѣмъ ваше высокографское сіятельство можете себѣ представить".

Однако надежды Траппе на вмѣшательство вице-канцлера въ пользу его „коммиссіи" были пока преждевременны: графъ Остерманъ продолжалъ упорно хранить молчаніе, не отвѣчая на его письма, также какъ и на письма Соколовскаго [1]).

Не получая отвѣта на свои представленія, Траппе рѣшилъ обойти препятствія, стоявшія на пути его „коммиссіи", разъ нельзя ихъ было устранить. На прусскомъ Фарвассерѣ, слѣдовательно на территоріи не подчиненной данцигскому магистрату, онъ зафрахтовалъ корабль и сталъ готовиться къ отправленію на немъ колонистовъ. Разрѣшеніе на это было дано командовавшимъ на Фарвассерѣ полковникомъ Пирхомъ, аудиторъ (auditeur) котораго скрѣпилъ своею подписью контрактъ, заключенный между Траппе и хозяиномъ корабля. Соколовскій между тѣмъ согласился съ своей стороны выдавать колонистамъ паспорты для отправленія въ Россію. Такимъ образомъ Траппе собралъ 145 человѣкъ колонистовъ, посадилъ ихъ на корабль и снабдилъ всѣмъ необходимымъ для путешествія: оставалось только отправить ихъ въ Ригу.

Но пока Траппе занимался снаряженіемъ колонистовъ, отношеніе прусскихъ властей къ его „коммиссіи" измѣнилось. По особому распоряженію, всѣ отправлявшіяся чрезъ прусскіе границы и порты лица были изъяты изъ-подъ вѣдѣнія полковника Пирха, и право выдачи имъ паспортовъ было предоставлено прусскому резиденту въ Данцигѣ Линденовскому. Послѣдній же, несмотря на то, что самъ увѣрялъ Траппе въ противномъ, „говорилъ нѣкоторымъ людямъ въ откровенность", что *„его дворъ крайне на г-на Траппе коммиссію негодуетъ въ томъ мнѣніи, что рано или поздно, но надобно со временемъ городу Гданску быть подъ властію прусской короны"*. Зная отношенія, существовавшія между Соколовскимъ и Траппе, и желая затормозить дѣло эмиграціи, Линденовскій потребовалъ отъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ письменной деклараціи, что посаженные на корабль колонисты предназначены для русской „короны", а не для князя Потемкина:

1) Московск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Д.: „Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг."

безъ этой деклараціи онъ не хотѣлъ дать позволенія на отправленіе корабля.

Соколовскій, не получая отъ гр. Остермана отвѣта „на всѣ многократныя" свои „партикулярныя отношенія", не рѣшался исполнить требованіе Линденовскаго и вообще боялся дѣлать какіелибо официіальные шаги въ пользу „коммиссіи" Траппе: онъ склонялся къ мысли, что Траппе не агентъ Потемкина, а самозванецъ и авантюристъ, злоупотребляющій именемъ всесильнаго вельможи. Свои сомнѣнія по этому поводу Соколовскій письменно высказывалъ графу Остерману въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „здѣсь (въ Данцигѣ) никто ему (Траппе) вѣрить не хочетъ, почитая его совсѣмъ *за фальшиваго человѣка, за котораго и я могу его признать, не получая никакого объ немъ изъясненія*"; (Траппе) „безстыднымъ образомъ здѣсь нахальствуетъ именемъ нашего высочайшаго двора и сіятельнѣйшаго князя Потемкина, который, можетъ быть, его совсѣмъ и не знаетъ, и который, также станется, что и ко мнѣ никогда письма не писалъ" [1]).

Вслѣдствіе отказа Соколовскаго дать письменную декларацію, приготовленный къ отправленію корабль былъ задержанъ на прусскомъ Фарвассерѣ, и эта задержка естественно причиняла русской казнѣ излишніе расходы по содержанію колонистовъ. „Непростительное поведеніе" Соколовскаго возмутило, наконецъ, Траппе, и онъ отправилъ на него жалобу графу Остерману въ своемъ четвертомъ письмѣ отъ 15/26 сентября 1786 г.: „Непростительное поведеніе г. Соколовскаго во всемъ этомъ дѣлѣ,— писалъ Траппе вице-канцлеру,—служитъ причиной того, что корона терпитъ большой ущербъ, такъ какъ если бы онъ не препятствовалъ изъ зависти къ тому большому успѣху, какой я имѣлъ, то я навѣрное могъ бы послать въ Россію изъ этой страны болѣе, чѣмъ 400 семействъ, большею частью сельскихъ жителей" [2]).

Въ то же время Траппе письменно обращался къ самому Соколовскому, указывая на странность его поведенія и возлагая на него отвѣтственность за тотъ ущербъ, какой наноситъ онъ Россіи своимъ образомъ дѣйствій.

„Декларація, которой отъ васъ требуютъ,—писалъ онъ Соколовскому отъ 20 сентября/1 октября, — заключается въ пас-

---

[1]) Московск. Главн. Арх. Мин. Ин. Д., Dantzig: письмо Соколовскаго къ гр. Остерману отъ 17 / 28 сентября 1786 г. Позднѣе, въ письмѣ къ вице-канцлеру отъ 1 (12) октября того же года Соколовскій снова возвращается къ своей idée fixe: „Здѣсь всѣ заключаютъ, что коммиссія должна быть фальшивая, разсуждая по всѣмъ г-на Траппе принужденнымъ движеніямъ и хвастовству".

[2]) Тамъ же: „Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг.".

портахъ, которые вы подписали своей рукой, и если вы желаете отнестись по совѣсти, то увидите, что много рискуете, продолжая противодѣйствовать патріотическимъ видамъ его свѣтлости князя Потемкина, которые имѣютъ цѣлью интересы короны, и коль скоро вы находитесь въ здравомъ умѣ, вы ни минуты не должны сомнѣваться въ томъ, что князь Потемкинъ сдѣлалъ вамъ честь написать.

„Впрочемъ, если вы имѣли малѣйшее сомнѣніе, то поступили очень худо, представляя меня и рекомендуя это дѣло президенту города и выдавая паспорты. Кстати объ этихъ паспортахъ: я не понимаю, какъ вы можете оставаться столь спокойнымъ при видѣ того, какъ г. резидентъ Линденовскій не желаетъ принимать во вниманіе вашихъ паспортовъ, тогда какъ онъ подписываетъ безъ колебанія тѣ, которые даетъ магистратъ этого города. Ахъ, подумайте хорошенько о томъ, что̀ вы дѣлаете, и что вы, наконецъ, будете отвѣтственнымъ за все, и что это ваша вина, что колонисты находятся въ теченіе двѣнадцати дней на Фарвассерѣ, не получая позволенія уѣхать, что̀ причиняетъ коронѣ значительную трату, за которую вы безъ сомнѣнія будете отвѣчать. Документы, которые я адресовалъ съ г. Фейрингомъ (Feuring) князю Потемкину и его превосходительству графу Остерману, будутъ свидѣтельствовать противъ васъ. Всѣ, сколько ни есть здѣсь честныхъ людей, открыто осуждаютъ ваше настоящее поведеніе послѣ тѣхъ шаговъ, какіе вы сдѣлали вначалѣ. Словомъ, (enfin), я принялъ свое рѣшеніе, и это будетъ не моя вина, если вы себя погубите, такъ какъ ваше упрямство является единственной причиной, что корона теряетъ столь значительно. Можетъ быть, мы скоро увидимся съ вами въ Петербургѣ, и тогда вы узнаете, какіе убѣдительные доводы я представилъ противъ васъ и противъ вашихъ дѣйствій“ [1]).

Несмотря на всѣ доводы и угрозы Траппе, Соколовскій продолжалъ упорствовать. Еще до полученія означеннаго письма его отношенія къ Траппе до того обострились, что онъ серьезно думалъ принять противъ него крайнія мѣры.

Для меня сей злобный человѣкъ столь страшенъ, — писалъ Соколовскій графу Остерману (отъ 17/28 сентября),—что я не смѣю теперь наединѣ съ нимъ говорить, и, наконецъ, принужденъ буду для сбереженія россійской чести и моей жизни просить у города поставить ко мнѣ на домъ абвахту, или же прикажу его самого арестовать, яко сумнительнаго человѣка“ [2]).

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „Дѣла колонистовъ 1786—1792 г.г.“.
[2]) Тамъ же, Dantzig.

Эта угроза произвела, наконецъ, свое дѣйствіе на вице-канцлера и заставила его прервать свое упорное молчаніе. Въ самомъ дѣлѣ, если бы предположенія Соколовскаго осуществились, произошелъ бы неслыханный скандалъ, тѣмъ болѣе вредный для престижа Россіи въ Данцигѣ, что въ этомъ городѣ русское вліяніе должно было бороться съ прусскимъ. На этотъ разъ графъ Остерманъ немедленно же, съ „нарочной стафетой", отвѣчалъ Соколовскому:

„Сіе намѣреніе ваше нахожу я тѣмъ болѣе страннымъ, что вы, писавъ ко мнѣ неоднократно и донося самому князю Григорію Александровичу объ всѣхъ Трапповыхъ поступкахъ, должны были спокойно ожидать отсюда наставленія; да и въ подлинности помянутой комиссіи не надлежало вамъ, конечно, сомнѣваться, ибо въ противномъ случаѣ были бы вы увѣдомлены по полученіи здѣсь о томъ перваго донесенія вашего".

Вице-канцлеръ предписывалъ Соколовскому „способствовать" Траппе въ отправленіи колонистовъ, „безъ всякаго однако-жъ письменнаго представленія" и обѣщалъ доставить ему на этотъ счетъ „нужныя повелѣнія" въ непродолжительномъ времени.

Сущность этихъ „повелѣній", доставленныхъ Соколовскому съ курьеромъ Артемьевымъ, заключалась въ слѣдующемъ:

Соколовскому предписывалось „изъясниться" съ президентомъ Данцига и выразить недоумѣніе петербургскаго кабинета по поводу того, что „магистратъ города, пользующагося великодушнымъ покровительствомъ" русской императрицы и „ощущающаго дѣятельные опыты ея благоволенія, препятствуетъ" свободнымъ людямъ выѣзжать въ Россію, „хотя онъ и по собственному его признанію... не могъ таковымъ же людямъ возбранить переселеніе въ Ельбингъ и другія мѣста". Поведеніе магистрата тѣмъ болѣе русскому правительству кажется страннымъ, что въ Данцигѣ, какъ вольномъ городѣ, производятся даже наборы для иностранныхъ войскъ. Что касается требованія магистрата представить *письменное удостовѣреніе*, что колонисты отправляются на поселеніе въ Россію, то таковое излишне: достаточнымъ доказательствомъ этого являются паспорты, выданные колонистамъ отъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ,—письменныя же представленія съ его стороны магистрату могли бы имѣть мѣсто въ томъ лишь случаѣ, если бы приходилось требовать у города выдачи какого-нибудь преступника [1]).

[1]) Чтобы тѣмъ вѣрнѣе подѣйствовать на данцигскій магистратъ, „по партикулярному внушенію" гр. Остермана, польскій посланникъ въ Петербургѣ Деболи согласился съ своей стороны написать въ Данцигъ „о недѣланіи препятствія въ отпускѣ отправляемыхъ" въ Россію „людей".

Тѣ же заявленія о ненужности особыхъ „письменныхъ объявленій“ долженъ былъ сдѣлать Соколовскій и прусскому резиденту Линденовскому, присовокупивъ, что въ Россію выселяются вольные люди, „не имѣющіе въ Пруссіи никакой обязанности“, и что въ виду существующей между правительствами обоихъ государствъ дружбы естественно было бы ожидать отъ Линденовскаго „всякаго облегченія и податливости, тѣмъ болѣе, что, въ вящшее удостовѣреніе нанятаго корабельщика, заключенный контрактъ подписанъ былъ и со стороны королевскаго прусскаго полковника Пирха“.

„Таковыми внушеніями, которыя однако надлежитъ вамъ дѣлать учтивымъ образомъ и по сношенію съ г. Траппе, — заключилъ свою инструкцію гр. Остерманъ, — потщитесь, государь мой, преодолѣть встрѣтившіяся затрудненія, да и вообще приложите крайнее стараніе, чтобы набранные онымъ ассессоромъ люди могли ѣхать свободно, и чтобъ такимъ образомъ была къ удовольствію здѣшнему исправлена порученная ему коммиссія“ [1]).

Сдѣланныя Соколовскимъ, въ силу этого предписанія, представленія магистрату сразу же возымѣли свое дѣйствіе, и требуемое разрѣшеніе на отправленіе колонистовъ было дано; что касается прусскихъ властей, то онѣ разрѣшили свободный пропускъ чрезъ Фарвассеръ только „послѣ многихъ разныхъ затрудненій“ и „во уваженіе сильнаго употребленнаго“ Соколовскимъ „старанія“: лишь 21 октября/1 ноября, корабль, „нагруженный колонистами“ въ количествѣ 141 души, отправился въ Ригу, простоявъ напрасно на Фарвассерѣ цѣлыхъ шесть недѣль. Во все время этой утомительной стоянки колонисты, по свидѣтельству Траппе, „выносили свои бѣдствія и всю суровость этого времени года (осень) съ мужествомъ, котораго“ онъ отъ нихъ „никогда не ожидалъ“; всѣ обнаруживали страстное желаніе отправиться въ Россію, и, несмотря на отсутствіе охраны, ни одинъ изъ нихъ не убѣжалъ съ борта корабля [2]).

Когда дѣло эмиграціи, повидимому, наладилось, Траппе самъ признался князю Потемкину, что сдѣлалъ ошибку, не посвятивъ предварительно вице канцлера въ свою „коммиссію“.

„Я сожалѣю безконечно, — писалъ онъ Потемкину (отъ 8/19 октября 1786 г.), — что я прибылъ сюда безъ письма со стороны г-на гр. Остермана. Огражденный такимъ письмомъ, я имѣлъ бы

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Dantzig.

[2]) Государственный Архивъ: Письмо Траппе къ кн. Потемкину отъ 22 октября/2 ноября 1786 г.

удивительный успѣхъ въ моей коммиссіи, и ваша свѣтлость никогда не можете себѣ вообразить, какъ я возбудилъ здѣсь крайнее желаніе отправиться для водворенія и обработки невоздѣланныхъ земель въ губернію, находящуюся подъ управленіемъ вашей свѣтлости. Результаты докажутъ, что несмотря на всѣ каверзы и преслѣдованія, которымъ меня подвергали, я употребилъ здѣсь свое время хорошо и съ усердіемъ и съ большой пользой для службы ея величества и патріотическихъ видовъ вашей свѣтлости; но это вещи, о которыхъ я могу донести только устно или по возвращеніи, надѣясь скоро имѣть честь лично засвидѣтельствовать свое глубокое уваженіе вашей свѣтлости, приготовляясь, согласно вашимъ приказаніямъ, милостивый государь, къ возвращенію въ Петербургъ, какъ только отправлю помянутыхъ колонистовъ“[1]).

За первой партіей колонистовъ послѣдовали новыя отправленія ихъ въ Ригу. Здѣсь ближайшее попеченіе о нихъ впредь до отсылки въ Кременчугъ было возложено на контору англійскихъ купцовъ „Торлея, Морисона, Угтерлони и компаніи“, а сопровождать колонистовъ отъ Риги до мѣста назначенія былъ командированъ Потемкинымъ корнетъ Данило Гиршфельдъ. Въ вѣдѣніе послѣдняго поступила партія колонистовъ въ 210 душъ. Колонисты оказались „безъ всякаго одѣянія“, а потому, „въ разсужденіи ихъ наготы“ рижскій губернаторъ Александръ Андреевичъ Беклешовъ приказалъ вышеупомянутой конторѣ „построить“ на нихъ „самонужнѣйшее платье“. Вообще, исполняя „повелѣніе“ Потемкина, Беклешовъ оказывалъ Гиршфельду „всевозможныя пособія“: доставилъ ему нужное число унтеръ-офицеровъ, нанялъ для колонистовъ подводы до Кременчуга и сдѣлалъ предписаніе о снабженіи ихъ въ дорогѣ всѣмъ необходимымъ. 5 декабря 1786 г. колонисты двинулись изъ Риги въ Кременчугъ[2]), куда прибыли уже въ слѣдующемъ 1787 г.

Между тѣмъ и самъ Траппе сухимъ путемъ, чрезъ Пруссію и Курляндію, направился въ Россію. Въ Курляндіи онъ остановился на нѣкоторое время и свое пребываніе здѣсь рѣшилъ употребить на привлеченіе въ Россію новыхъ эмигрантовъ изъ числа жителей Курляндіи. Въ Либавѣ онъ принялъ въ число колонистовъ нѣсколько кораблестроителей и между ними одного англичанина, „человѣка очень способнаго, который обнаруживалъ страстное желаніе отправиться для водворенія въ Херсонъ или Таганрогъ“.

---

[1]) Государственный Архивъ.

[2]) Тамъ-же: Рапорты Гиршфельда Потемкину отъ 24 и 28 ноября и письмо Беклешова къ Потемкину отъ 5 декабря.

Со стороны дипломатическихъ агентовъ русскаго правительства въ Курляндіи,—резидента барона Местмахера и консула въ Либавѣ, майора Шуца — Траппе встрѣтилъ полное сочувствіе и поддержку; поведеніе ихъ въ этомъ случаѣ, по словамъ Траппе, выгодно отличалось отъ поведенія Соколовскаго: они не ссылались, какъ этотъ послѣдній, на отсутствіе приказаній со стороны своего начальства, но заявили, что со всѣмъ почтеніемъ, какое приличествуетъ князю Потемкину, они считаютъ себя обязанными содѣйствовать „успѣху *столь важнаго дѣла, каково, безъ сомнѣнія, пріобрѣтеніе колонистовъ* для странъ, которыя въ нихъ имѣютъ столь великую нужду".

Съ согласія и одобренія этихъ дипломатическихъ агентовъ, Траппе напечаталъ записку (le billet) или рекламу, заключавшую приглашеніе переселяться въ новороссійскій край; распространеніе ея среди жителей Курляндіи онъ поручилъ своимъ эмиссарамъ.

Въ то же время Траппе посвятилъ въ свои эмиграціонные планы жену барона Местмахера. Послѣдняя возымѣла мысль предложить князю Потемкину нѣсколько „внѣбрачныхъ (désavoués) дѣтей, рожденныхъ не крѣпостными, но отъ свободныхъ родителей, которые покинули эти бѣдныя созданія". Баронесса купила ихъ себѣ, заплативъ по 3—4 дуката за каждаго ребенка, наняла имъ кормилицъ и воспитывала ихъ въ своемъ домѣ. „Она желала отдать ихъ мнѣ, — писалъ Траппе Потемкину, — чтобы послать ихъ съ ихъ кормилицами въ Кременчугъ, но я не осмѣлился ихъ принять безъ именного приказанія вашей свѣтлости. Что вы прикажете мнѣ, М. Г., въ настоящее время отвѣчать этой дамѣ относительно ея единственнаго (въ своемъ родѣ) предложенія, но исходящаго отъ превосходнаго сердца? Если справедливо, какъ говаривалъ покойный прусскій король (Фридрихъ II), что дѣти любви талантами и умомъ часто безконечно превосходятъ таковыхъ же, рожденныхъ въ бракѣ, то, быть можетъ, ваша свѣтлость будете имѣть день пріятнаго удовлетворенія, видя великихъ геніевъ среди этихъ дѣтей, воспитанныхъ въ вашемъ екатеринославскомъ институтѣ (воспитательномъ домѣ) на благо государства".

Неизвѣстно, что велѣлъ Потемкинъ отвѣчать на оригинальное предложеніе баронессы Местмахеръ; дѣятельность же Траппе въ Курляндіи по набору колонистовъ вызвала жалобы со стороны курляндскаго правительства (Messieurs de la Régence de Courlande). Траппе оправдывался предъ Потемкинымъ тѣмъ, что онъ принималъ свободныхъ людей, а не крѣпостныхъ, и притомъ

набралъ ихъ столь небольшее число, что объ этомъ не стоитъ и говорить; не принимать ихъ — было бы съ его стороны небреженіемъ своею обязанностью, такъ какъ это были люди очень полезные для Россіи. Жалобы же курляндскаго правительства Траппе объяснялъ интригами и завистью пруссаковъ.

„Чѣмъ болѣе я размышляю,—писалъ онъ Потемкину, —тѣмъ болѣе мнѣ кажется, что ваша свѣтлость съ городомъ Херсономъ и въ этомъ самомъ случаѣ находитесь (въ такомъ же положеніи), какъ славной памяти Петръ Великій съ Петербургомъ. Всѣ завидовали этому великому человѣку, всѣмъ успѣхамъ, какіе онъ старался сдѣлать, привлекая иностранцевъ, и я припоминаю, что зналъ многихъ стариковъ въ Германіи, которые мнѣ часто разсказывали, что завистники Россіи ему дѣлали много затрудненій, стараясь ложными слухами напугать людей, которые желали отправиться въ Петербургъ, говоря имъ, что они рискуютъ погибнуть отъ голода въ болотахъ Ингріи, что никогда тамъ не видать цвѣтущаго города. Но вся Европа видитъ съ изумленіемъ то, чѣмъ сдѣлался Петербургъ, и какъ Петръ Великій сумѣлъ побѣдить всѣ препятствія. Я надѣюсь и желаю жить столько, чтобы видѣть, какъ необыкновенный геній вашей свѣтлости сумѣетъ также побѣдить всѣ препятствія, чтобы довести до цвѣтущаго состоянія (pour faire fleurir) торговлю Херсона и другихъ водвореній, столь важныхъ для имперіи, что̀ не преминетъ сдѣлать вашу славу безсмертной“.

Зависть Пруссіи, по объясненію Траппе, въ частности поддерживалась тѣмъ обстоятельствомъ, что слѣдомъ за нимъ изъ Данцига по ея территоріи направлялись въ Россію цѣлыя толпы колонистовъ, въ свое время задержанныхъ каверзами магистрата и интригами пруссаковъ. Подобнымъ колонистамъ приходилось направляться сухимъ путемъ чрезъ Курляндію, и Траппе поручилъ ихъ заботливости барона Местмахера и консула Шуца [1]). Какъ и раньше отправленные моремъ на Ригу, эти колонисты прибыли въ Новороссійскій край уже въ слѣдующемъ 1787 году.

Вслѣдъ за первой партіей колонистовъ и самъ Траппе направился на югъ Россіи, гдѣ онъ и провелъ бо̀льшую часть 1787 года[2]), не переставая хлопотать о лучшемъ устройствѣ

---

[1]) Государственный Архивъ: Письмо Траппе къ Потемкину отъ 9 февраля 1787 г. изъ Кіева.

[2]) „Ich bin seit Novbr. 1786 bis Novbr. 1787, also in Jahresfrist“, говоритъ о себѣ Траппе въ письмѣ къ Соколовскому, „mehr als 1300 Meilen gereiset, habe viele Menschen kennen gelernt, habe in Taurien mit vielen Tatarischen Mursen, ja mit gemeinen Tataren Umgang gehabt“... Москов. Главн. Арх. Мин. Ин. Д.

участи прибывшихъ, а также имѣвшихъ еще прибыть туда колонистовъ. Въ письмахъ Потемкину (изъ Кіева) онъ совѣтовалъ не задерживать въ Ригѣ подолгу тѣхъ колонистовъ, которые явились послѣ отъѣзда оттуда корнета Гиршфельда, „чтобы сберечь на расходахъ по ихъ прокормленію, которые въ Ригѣ чрезмѣрны, и чтобы имѣть ихъ на мѣстахъ, дабы они могли начать свою работу будущей весной“. Продолжительное оставленіе колонистовъ въ праздности [1]) онъ считалъ вреднымъ для успѣховъ колонизаціи и рекомендовалъ скорѣйшее водвореніе ихъ на мѣстахъ, для чего прежде всего нужно было озаботиться постройкой домовъ: немедленную постройку ихъ Траппе находилъ настолько необходимой, что, въ случаѣ невозможности произвести ее въ теченіе 1787 года для всѣхъ колонистовъ, совѣтовалъ пріостановить на время дальнѣйшій пріемъ послѣднихъ.

Среди данцигскихъ выходцевъ были не только земледѣльцы, но и горожане-ремесленники: для первыхъ Траппе ходатайствовалъ предъ Потемкинымъ о выдачѣ субсидіи на одинъ годъ, для вторыхъ же находилъ ее вредной, чтобы они, оставаясь праздными, не сдѣлались лѣнтяями; онъ совѣтовалъ распредѣлить ихъ по городамъ, „гдѣ въ нихъ могутъ имѣть нужду, какъ, наприм., въ Херсонѣ, гдѣ недостатокъ во многихъ ремесленникахъ“ [2]). Наконецъ, Траппе проектировалъ учрежденіе, изъ людей дѣятельныхъ и честныхъ, особой колонизаціонной коммиссіи, которая бы имѣла право сноситься непосредственно съ княземъ Потемкинымъ о важныхъ дѣлахъ [3]).

Выказывая самъ большую заботливость о колонистахъ и побуждая къ тому же князя Потемкина, Траппе имѣлъ въ виду не только съ самаго же начала положить прочное основаніе иностранной колонизаціи на югѣ Россіи [4]), но и привлечь изъ-за

---

[1]) „Праздные и необузданные“ эмигранты своимъ поведеніемъ доставляли Траппе не мало хлопотъ, и ему приходилось по отношенію къ нимъ играть роль судьи и даже пастора.

[2]) Между прочимъ, Траппе рекомендовалъ Потемкину для Херсона одного данцигскаго трактирщика на томъ основаніи, что въ Херсонѣ не имѣется гостиницы, и прибывающіе туда во множествѣ иностранцы, чтобы полюбоваться этимъ городомъ, этимъ созданіемъ творческаго генія князя, могутъ оказаться безъ всякаго пристанища, на мостовой. Государств. Арх.: Письмо Траппе къ Потемкину отъ 9 апрѣля 1787 года.

[3]) Государств. Архивъ: Письмо Траппе къ Потемкину отъ 7 февраля 1787 г. изъ Кіева.

[4]) Траппе не чужда была мысль о созданіи особой образцовой колоніи, которая служила бы примѣромъ раціональнаго веденія хозяйства для окрестныхъ жителей. Восхищаясь въ письмѣ къ Потемкину отъ 9 апрѣля 1787 г. плодородіемъ и обширностью помѣстій, пріобрѣтенныхъ этимъ вельможей въ предѣлахъ тогдашней Польши у князя Любомирскаго, Траппе присовокупилъ: „Но очень жаль, М. Г., что ваши крестьяне по ту сторону (de ce coté là), поляки (les polonois)

границы новыя толпы эмигрантовъ. Предъ княземъ Потемкинымъ онъ рисовалъ картину широкой переселенческой волны, которая неминуемо должна хлынуть изъ разныхъ странъ Германіи въ Россію, коль скоро цвѣтущее состояніе новооснованныхъ колоній сдѣлается общеизвѣстнымъ и несомнѣннымъ фактомъ. Въ письмѣ отъ 7 февраля 1787 года изъ Кіева Траппе, между прочимъ, писалъ Потемкину:

... „Страстное желаніе отправиться для водворенія въ (подвѣдомственныя вамъ) губерніи все продолжается въ Германіи, и особенно въ Пруссіи, съ энтузіазмомъ, который много превосходитъ мое ожиданіе. Ни злостно распространяемые газетами ложные слухи, которые я успѣлъ опровергнуть, ни прусскія козни, ни каверзы данцигскаго магистра не могли воспрепятствовать эмиграціи, такъ что, если ваша свѣтлость этого очень желаете, то я могъ бы вамъ доставить 500 семей и быть можетъ еще болѣе... Поистинѣ нынѣ самое благопріятное время для того, чтобы привлечь большое число колонистовъ со стороны Данцига; ибо вполнѣ достовѣрно, что нынѣ царствующій король имѣетъ болѣе, чѣмъ когда-либо, значительную партію въ Данцигѣ, которая открыто говоритъ о своемъ намѣреніи оставить польскаго короля и подчинить городъ прусскому королю. *Крестьяне и въ особенности меннониты, эти добрые земледѣльцы, сильно боятся этой фатальной катастрофы*, питая отвращеніе къ прусскому ярму, — вотъ почему они обнаруживаютъ столь сильное желаніе отправиться для водворенія въ наши губерніи . . . .

. . . .

Также въ предѣлахъ Мекленбурга много людей, которые обнаруживаютъ желаніе водвориться въ Тавридѣ или въ окрестностяхъ Херсона, — можно посадить ихъ на суда въ вольномъ городѣ Любекѣ. Я только что получилъ очень добрыя вести со стороны Рейна, а именно изъ Франкфурта на-Майнѣ. Надлежитъ только совершить туда путешествіе, и ваша свѣтлость можете имѣть оттуда виноградарей, крестьянъ, мастеровыхъ, воздѣлывателей табака... Все будетъ зависѣть отъ распоряженій, какія ваша свѣтлость сдѣлаете для добраго помѣщенія колонистовъ, и отъ вашихъ приказаній, чтобы заботились о нихъ и чтобы не пренебрегали

находятся, такъ сказать, еще въ младенчествѣ по отношенію къ воздѣлыванію земель. Вотъ почему я осмѣливаюсь предложить вашей свѣтлости основать тамъ колонію изъ добрыхъ нѣмецкихъ поселянъ, чтобы возбудить соревнованіе. Если вы пожелаете ввѣрить мнѣ управленіе таковой колоніей, М. Г., то я ручаюсь вамъ, что озабочусь доставленіемъ отборныхъ людей, которые могутъ служить образцомъ хорошей колоніи не только для Польши, но и для Россіи“.

ими въ началѣ, что самое трудное. Это—существенный пунктъ, но, М. Г., ваша мудрость и ваше могущество сумѣютъ побѣдить всѣ препятствія".

Осуществленіе этихъ обширныхъ эмиграціонныхъ плановъ предоставлялось на долю ближайшаго будущаго, а пока дѣятельность Траппе въ Данцигѣ въ теченіе 1786 г. привела къ переселенію въ Россію въ общей сложности девяти сотъ десяти (910) душъ, въ томъ числѣ 510 мужского и 400 женскаго пола. Изъ нихъ 49 человѣкъ мужск. пола и 24 женск. бѣжали, 8 мужчинъ и 1 женщина умерли, а 49 мужчинъ поступило въ военную службу, причемъ за ними послѣдовали 24 женщины. Остальные колонисты — 404 души мужск. и 351 женск. пола были водворены въ Таврической области и Екатеринославской губерніи[1]), а именно: 14 семействъ поселено въ шведской колоніи, гдѣ оказалось болѣе 40 необитаемыхъ домовъ, 21 семейство образовало особую колонію, сперва называвшуюся нѣмецкой, а впослѣдствіи, по переводѣ ея на новое мѣсто, получившую названіе *Стараго Данцига* (въ Елизаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи), остальные частію были водворены въ Крыму, частію разселились по городамъ[2]).

Всѣ эти колонисты получили отъ имени своей родины названіе—*Данцигскихъ*.

Какъ уже выше упоминалось, данцигскіе переселенцы получили десятилѣтнюю свободу отъ податей. Срокъ этой льготы истекъ въ царствованіе императора Павла въ 1797 году, съ котораго они стали платить подати наравнѣ съ государственными крестьянами тогдашней Новороссійской губерніи[3]).

---

[1]) В. А. Бильбасовъ, Историческія монографіи, томъ III, стр. 463 („Екатерина II и В. В. Каховскій").

[2]) Еще въ мартѣ 1787 года Траппе отправилъ 13 семействъ въ Севастополь. См. Госуд. Архивъ: письмо Траппе къ Потемкину отъ 9 апрѣля 1787 г. изъ Кіева.

[3]) Полн. Собр. Закон., т. XXVI, № 19372. См. также Журналъ Министерства Государствен. Имуществъ 1854 г., августъ: „Историческое обозрѣніе водворенія иностранныхъ поселенцевъ въ Россіи", стр. 64—65.

X. Вызовъ меннонитовъ въ Россію[1]).

Меннониты получили свое названіе отъ основателя ихъ секты, бывшаго католическаго священника Симониса Меннона (1496—1561 гг.), голландца по происхожденію, усвоившаго ученіе анабаптистовъ въ его основныхъ пунктахъ. Впрочемъ, сами послѣдователи Меннона не особенно охотно усвояютъ себѣ это наименованіе, такъ какъ одинъ изъ главныхъ ихъ принциповъ— отрицаніе какого бы то ни было человѣческаго авторитета въ области религіи; они желали бы быть извѣстными просто подъ именемъ христіанъ, отличающихся отъ остальныхъ христіанскихъ исповѣданій своимъ отношеніемъ къ *таинству крещенія:* послѣднее они *совершаютъ только надъ взрослыми*, которые въ состояніи дать отчетъ въ своей вѣрѣ, сознательно отнестись къ этому акту.

Другою особенностью вѣроученія меннонитовъ является *отрицаніе присяги и военной службы.* „Они осуждаютъ войну и употребленіе оружія, хотя многіе среди нихъ думаютъ, что есть случаи, когда можно защищать свою жизнь, свою личность, свою честь противъ несправедливаго зачинщика“, лишь бы это дѣлалось „безъ страсти ненависти и мести“. Сомнѣніе въ законности войны не препятствуетъ, впрочемъ, меннонитамъ жертвовать своимъ имуществомъ для защиты отечества во время войны и даже

---

[1]) 1. Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ:

а) „Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг. Письма, полученныя и отправленныя коллежскимъ асессоромъ Траппе, вслѣдствіе возложеннаго на него порученія набирать въ Данцигѣ на казенный счетъ охочьихъ людей къ поселенію въ намѣстничествахъ, ввѣренныхъ начальству князя Г. А. Потемкина, и отправлять ихъ въ Ригу“ („О поселеніи въ Россіи иностранныхъ колонистовъ и другихъ выходцевъ“).

б) „Сношенія Россіи съ имперскими городами“, III, Dantzig.

II. Государственный Архивъ, XVI, 692:

„О колонистахъ, переселенныхъ въ Екатеринославскую губернію изъ Корсики, Данцига и острова Даго“ (изъ дѣлъ князя Потемкина-Таврическаго).

своей жизнью, не посягая, однако, при этомъ на жизнь другихъ. Такъ, были случаи, что они съ самоотверженіемъ занимались тушеніемъ пламени бомбъ, бросаемыхъ непріятелемъ въ осажденный городъ (Грёнингенъ въ Голландіи).

Меннониты воздерживаются также отъ исполненія *судейскихъ обязанностей* и вообще обязанностей государственной службы, но не осуждаютъ лицъ другихъ вѣроисповѣданій за несеніе этихъ обязанностей.

Что касается положительной стороны ихъ вѣроученія, то, признавая, какъ и прочіе протестанты, единственнымъ источникомъ вѣры священное писаніе, меннониты ограничиваются принятіемъ тѣхъ положеній, которыя ясно выражены въ такъ называемомъ апостольскомъ символѣ.

По ученію меннонитовъ, „должно не только терпѣть, но и признавать за братьевъ и членовъ одного и того же вѣроисповѣданія всѣхъ тѣхъ, кои, исповѣдуя себя учениками Христа, чтутъ авторитетъ священнаго писанія и не безчестятъ своего исповѣданія своими порочными обычаями“. На этомъ основаніи они допускаютъ къ св. причащенію послѣдователей какого бы то ни было христіанскаго вѣроисповѣданія, лишь бы они исповѣдали Іисуса Христа своимъ Спасителемъ и не позорили своего исповѣданія дурнымъ поведеніемъ.

Принятіемъ основныхъ догматическихъ положеній анабаптизма, въ особенности же своимъ отношеніемъ къ таинству крещенія, меннониты дали поводъ смѣшивать ихъ съ фанатиками-анабаптистами, стремившимися разрушить старое общество и на развалинахъ его воздвигнуть новое; въ дѣйствительности же ученіе меннонитовъ, въ отличіе отъ анабаптизма, носитъ чисто-религіозный характеръ: Меннонъ отвергъ воинствующее, политическое значеніе церкви, на которомъ настаивали Ѳома Мюнцеръ и Іоаннъ Лейденскій, и даже направилъ противъ послѣдняго очень ѣдкое сочиненіе.

Смѣшеніе послѣдователей Меннона съ анабаптистами вызвало сильное гоненіе на нихъ со стороны правительствъ западно-европейскихъ государствъ: голова самого Меннона была оцѣнена Карломъ V, который своимъ указомъ отъ 1540 г. предписалъ меннонитовъ, а равно и лицъ, дающихъ имъ у себя пріютъ и укрывающихъ ихъ, казнить самыми жестокими казнями.

Во время гоненій оказывались среди меннонитовъ и „падшіе“, изъ страха передъ казнью отрекавшіеся отъ своихъ вѣрованій; когда же гоненія на время затихали, возникалъ естественно вопросъ объ отношеніи меннонитской религіозной общины къ

падшимъ своимъ сочленамъ; этотъ вопросъ пришлось рѣшать меннонитамъ еще при жизни основателя ихъ секты.

Болѣе строгіе, радикальные элементы меннонитской секты, во главѣ съ Диркомъ-Филиппомъ, требовали отлученія отъ секты всѣхъ падшихъ, безъ права возвращенія въ нее, болѣе же умѣренные соглашались на ихъ возсоединеніе. Это вызвало расколъ въ сектѣ. Самъ Меннонъ, несмотря на все свое миролюбіе и снисходительность, въ концѣ-концовъ долженъ былъ примкнуть къ радикальному большинству. Умѣренная партія, отлученная отъ секты, соединилась съ ватерландами, жителями одной изъ голландскихъ провинцій, и образовала огромную секту *либеральныхъ тауфгезинтовъ*, тогда какъ радикальная партія удержала за собой названіе меннонитовъ. Строгихъ меннонитовъ стали впослѣдствіи называть *утонченными*, а либеральныхъ — *грубыми* меннонитами.

Среди всеобщихъ гоненій, которымъ подвергались меннониты въ XVI, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ XVII столѣтіяхъ, являлось исключеніемъ благосклонное отношеніе къ нимъ польскаго правительства.

Поэтому около 1540 г., въ царствованіе Сигизмунда I, значительное число меннонитовъ охотно переселилось изъ Нидерландовъ въ Западную Пруссію и водворилось между гор. Данцигомъ, Эльбингомъ и Маріенбургомъ, на такъ называемой маріенвердерской низменности. Послѣдняя состояла въ то время изъ болотъ, песковъ и солончаковъ, заливаемыхъ то рѣкою Вислой, то моремъ. Меннониты вскорѣ осушили болота, оградили низменныя мѣста со стороны моря и рѣки различными искусственными сооруженіями и земляными плотинами, уничтожили пески и солончаки и превратили безплодную до того времени мѣстность въ тучныя нивы, луга и сады[1]).

Послѣ перваго раздѣла Польши одна часть поселившихся здѣсь меннонитовъ вошла въ составъ прусскаго королевства, другая — оставалась во владѣніяхъ города Данцига. И тѣ, и другіе вскорѣ почувствовали на себѣ всѣ невыгоды для нихъ совершившейся политической катастрофы.

Въ видахъ удержанія своего хозяйства на должной высотѣ, меннониты не признавали возможнымъ допускать дробленія сво-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Иностр. Д.: Дѣла колонистовъ 1786 - 1792 гг., „Extrait de l'Encyclopédie du Dictionnaire universel raisonné des connaissances humaines, imprimé à Yverdon, 1770. Tome II, voyez pag. 469". Православное Обозрѣніе, 1861 г., 6 т., „Общество анабаптистовъ" (ст. А. Вишнякова).

А. Клаусъ, „Наши колоніи" (4 гл. „Меннониты").

Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгаузъ и Эфронъ, полутомъ 37, стр. 93 („Меннониты").

ихъ земельныхъ участковъ; для вновь прибывавшихъ, путемъ естественнаго прироста, членовъ ихъ общины обыкновенно пріобрѣтались новые участки на сторонѣ; тѣсная сплоченность и зажиточность меннонитовъ доставляли имъ необходимыя для этого денежныя средства. Но очевидно, что такое расширеніе площади меннонитскаго землевладѣнія приводило къ обезземеленію коренного населенія, болѣе слабаго экономически и менѣе сплоченнаго, а „въ Гданской округѣ" къ тому же переживавшаго и тяжелый торгово-промышленный кризисъ. Ничѣмъ другимъ по крайней мѣрѣ нельзя объяснить сдѣланнаго данцигскимъ магистратомъ въ 80-хъ годахъ XVIII в. постановленія о воспрещеніи меннонитамъ покупки земель въ „Гданской области", о чемъ писалъ Георгъ Траппе, вызывавшій въ Россію колонистовъ изъ Данцига, въ своемъ письмѣ къ вице-канцлеру графу Остерману отъ 6/17 января 1788 г. [1]). Это воспрещеніе поставило меннонитовъ въ весьма затруднительное положеніе. Если часть коренного населенія Данцига и его округа могла еще разсчитывать на улучшеніе своего положенія въ случаѣ перехода Данцига подъ власть Пруссіи, что̀, по общему тогда убѣжденію, скоро ли, долго ли должно было случиться, то для данцигскихъ меннонитовъ эта перемѣна подданства представлялась „фатальной катастрофой": ихъ пугалъ полицейско-милитаристическій характеръ прусскаго государства, они съ ужасомъ думали о „прусскомъ ярмѣ" и имѣли для этого свои основанія. Ихъ единовѣрцы, перешедшіе по первому раздѣлу Польши подъ власть Пруссіи, рано стали подвергаться тамъ ограниченіямъ своихъ правъ. Въ 1780 г., взамѣнъ рекрутской повинности, на нихъ была наложена подать въ 5,000 тал. на содержаніе кульмскаго кадетскаго корпуса, а девять лѣтъ спустя прусское правительство, по примѣру данцигскаго, лишило ихъ права пріобрѣтать земельную собственность; исключеніе въ этомъ

---

[1]) Это ограниченіе правъ меннонитовъ состоялось не позднѣе 1786 г., когда они отправляли своихъ депутатовъ въ Россію для прісканія себѣ мѣстъ поселенія въ Новороссіи и для переговоровъ съ русскимъ правительствомъ объ условіяхъ водворенія тамъ,—посылку меннонитами депутатовъ въ Россію Траппе считаетъ прямымъ слѣдствіемъ воспрещенія имъ покупать земли въ Данцигской области: „Когда онъ (данцигскій магистратъ) или высоко и благомудрые правители весьма неблагоразумно запретили здѣшнимъ меннонистамъ въ Гданской области покупать земли, (за истину чего я отвѣтствую), то сами подали поводъ, что добрые, трудолюбивые и рачительные люди принуждены были отправлять нарочныхъ къ ея императорскому величеству и... на тѣхъ, кому безразсуднымъ образомъ отъ самихъ ихъ запрещено за наличныя деньги покупать недвижимыя имѣнія, нельзя досадовать, что принимаютъ они въ даръ на каждую семью въ потомственное владѣніе по 65 десят. земли отъ щедрой и благотворительной монархини..." Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Д.: Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг.

случаѣ дѣлалось лишь для тѣхъ меннонитовъ, которые соглашались подчиниться рекрутской повинности[1]).

Подвергаясь стѣсненіямъ въ Данцигской области въ настоящемъ и опасаясь прусскаго режима въ будущемъ, меннониты естественно начинали приходить къ мысли объ эмиграціи избытка ихъ населенія въ какую-либо другую страну, правительство которой согласилось бы предоставить имъ, сообразно съ ихъ вѣрованіями и бытомъ, нѣкоторыя особыя права и преимущества. Прибытіе въ Данцигъ въ 1786 г. Георга Траппе, которому кн. Потемкинъ поручилъ набирать колонистовъ для Новороссійскаго края, пришлось для меннонитовъ какъ нельзя болѣе кстати.

Траппе обратился съ приглашеніемъ эмигрировать въ Россію одновременно къ меннонитамъ и лютеранамъ, и самъ лично, и черезъ своихъ агентовъ описывая всѣ выгоды поселенія въ Новороссіи. На данцигскихъ пролетаріевъ, лютеранъ по вѣроисповѣданію, не объединенныхъ въ одну сплоченную религіозную общину, увѣщанія Траппе имѣли болѣе рѣшительное дѣйствіе, чѣмъ на меннонитовъ, и онъ еще въ теченіе 1786 г. отправилъ въ Россію значительное ихъ число[2]); что же касается меннонитовъ, то они не соглашались переселяться на общихъ съ прочими колонистами условіяхъ, а требовали себѣ исключительныхъ правъ и преимуществъ, и сверхъ того желали предварительно получить точныя свѣдѣнія о тѣхъ земляхъ, которыя имъ будутъ отведены для водворенія. Эти обстоятельства дѣлали необходимымъ отправленіе въ Россію со стороны меннонитовъ уполномоченныхъ для непосредственныхъ переговоровъ съ кн. Потемкинымъ и для выбора себѣ подходящихъ мѣстъ для водворенія. Такими уполномоченными или депутатами отъ 270 меннонитскихъ семействъ явились нѣкіе—Яковъ Геппнеръ и Іоганнъ Бартчъ.

22 сентября 1786 г. они заключили съ Траппе относительно своего путешествія въ Россію особый, засвидѣтельствованный нотаріусомъ, договоръ, коимъ выговорили себѣ слѣдующія условія:

а) какъ въ пути, такъ и во время пребыванія въ „Херсонѣ" (т.-е. въ Новороссійскомъ краѣ), каждый изъ депутатовъ получаетъ *„для пропитанія"* по четыре (4) голландскихъ червонца или по одиннадцати (11) рублей въ мѣсяцъ;

б) на путешествіе водою и сухимъ путемъ до Херсона и весною слѣдующаго (1787 г.) обратно до Данцига, чрезъ Варшаву или С.-Петербургъ (по усмотрѣнію кн. Потемкина), депутатамъ выдаются *„путевыя деньги"*;

---

[1]) Клаусъ, „Наши колоніи", стр. 115.
[2]) См. выше: „Вызовъ колонистовъ изъ Данцига".

в) какъ въ пути, такъ и во время пребыванія въ Херсонѣ, депутаты пользуются „свободными", т.-е. безплатными квартирами;

г) если на слѣдующую весну прибудетъ въ Россію около двухсотъ семей меннонитовъ, то кн. А. Г. Потемкинъ выхлопочетъ депутатамъ у императрицы „щедрое награжденіе" за ихъ труды и стараніе;

д) по прибытіи въ губерніи, подчиненныя кн. Потемкину, депутаты являются къ мѣстному начальству, которое будетъ оказывать имъ всевозможное содѣйствіе „къ безопасному ихъ проѣзду и къ осмотру" незаселенныхъ еще казенныхъ земель, чѣмъ „самымъ дѣломъ споспѣшествовано будетъ" патріотическимъ стараніямъ кн. Потемкина *о колонизаціи помянутыхъ земель и умноженіи населенія* [1]).

Депутаты меннонитовъ отправились въ Россію вмѣстѣ съ первой партіей „данцигскихъ колонистовъ", причемъ Траппе рекомендовалъ ихъ особенному вниманію и покровительству кн. Потемкина.

„Вотъ депутаты меннонитовъ,—писалъ онъ Потемкину (въ письмѣ отъ 19/30 октября 1786 г.),—о которыхъ я имѣлъ честь предупреждать вашу свѣтлость своими рапортами. Это очень хорошіе люди, весьма опытные земледѣльцы, и я знаю навѣрное, что будущей весной мы будемъ имѣть двѣсти семействъ и болѣе этихъ добрыхъ крестьянъ, которые не бѣдны и всѣ обнаруживаютъ большое желаніе отправиться для водворенія въ губерніи, находящіяся подъ вашимъ управленіемъ".

При этомъ Траппе указывалъ Потемкину, что успѣхъ эмиграціи меннонитовъ въ Россію будетъ зависѣть отъ того пріема, какой встрѣтятъ тамъ ихъ депутаты, и просилъ сдѣлать распоряженіе объ исполненіи заключеннаго имъ съ ними договора [2]).

Отъ Риги депутаты поѣхали отдѣльно отъ колонистовъ и съ большою поспѣшностью: 15 ноября 1786 г. они были уже въ Дубровнѣ и представились мѣстному начальнику, подполковнику фонъ-Сталю. „Сей достопочтенный мужъ, преисполненный добросердечія и благородной нѣмецкой честности" [3]), зналъ меннонитовъ еще со времени Семилѣтней войны, когда нерѣдко бывалъ

---

[1]) Государственный Архивъ. Въ подписи подъ означеннымъ договоромъ или „обязательнымъ письмомъ" Траппе титулуетъ себя „россійскимъ императорскимъ коллежскимъ асессоромъ и повѣреннымъ въ принятіи колонистовъ для высокой короны".

[2]) Государственный Архивъ.

[3]) Отзывъ нѣмецкой печатной рекламы (Госуд. Арх.).

въ ихъ деревняхъ, и теперь принялъ въ ихъ судьбѣ сердечное участіе. „Я сихъ людей посылаю къ вамъ прямо въ Кременчугъ,—писалъ онъ тамошней администраціи,—удостойте ихъ милостиваго вашего попеченія и старайтесь, чтобы имъ были отданы лутчія около Днѣпра земли, яко имѣющія выгоднѣйшее для ихъ заведенія положеніе, а особливо когда онѣ изобилуютъ паствами и лугами“ [1]).

Выборъ мѣстъ для поселенія Потемкинъ предоставилъ самимъ депутатамъ. Въ сопровожденіи секундъ-майора Мейера они обозрѣли „порожжія“ земли въ Павлоградскомъ, Славянскомъ и Бахмутскомъ уѣздахъ, но не нашли среди нихъ подходящихъ для своего водворенія: нѣкоторыя земли оказались безлѣсными, другія—гористыми и безводными, а третьи—„и совсѣмъ къ прожитію неудобными“. Тогда Потемкинъ обратилъ вниманіе депутатовъ на такъ называемыя долины Зеленую и Черную и урочище Молочныя Воды, но депутаты и эти мѣста не нашли для себя „выгодными“ и отказались отъ поселенія на нихъ. Свой отказъ они мотивировали слѣдующимъ образомъ:

„Такъ называемая Зеленая долина, лежащая въ 60 верстахъ отъ Бериславля, есть совсѣмъ безводная, а равномѣрно и Черная, сопряженная съ такими же неудобствами и застроивающаяся уже для другихъ поселенцовъ. Молочныя Воды удалены не только отъ Бериславля на 180 верстъ, но и отъ всѣхъ прочихъ промышленничьихъ мѣстъ и городовъ; находящіяся тамъ и впадающія въ неподвижное ихъ озеро пять рѣкъ не имѣютъ никакого сообщенія съ другими судоходными водами и теряютъ свое теченіе въ срединѣ самой твердой земли; самая земля не есть добрая, черная, но въ цѣлой степи состоящая изъ илу и сѣропесчаной земли, а что всего для насъ важнѣе, то во всей сей странѣ ни малѣйшаго слѣда не находится какого-либо кустарника“.

Депутаты, впрочемъ, безусловно отказывались только отъ Зеленой и Черной долинъ; что же касается урочища Молочныхъ Водъ, то принятіе ихъ въ свое владѣніе они ставили въ зависимость отъ того, какое число меннонитовъ и ихъ батраковъ прибудетъ въ Россію.

„Въ разсужденіи же урочища Молочныхъ Водъ, — писали Потемкину Геппнеръ и Бартчъ,—не прежде желаемъ имѣть въ своемъ владѣніи и засѣлить оное, какъ по достовѣрномъ освѣ-

---

[1]) Государственный Архивъ: письмо барона фонъ-Сталя въ Кременчугъ отъ 20 ноября 1786 г.

домленіи, коликое число изъ нашихъ собратій въ Россію выйти пожелаютъ. А сверхъ сего числа обнадеживаемся мы вывезть съ собою обоего полу рабочихъ людей, коихъ мы, по заработаніи ими извѣстнаго времени, не инако, какъ должны отпустить и заселить какъ ими, такъ и нѣкоторыми изъ насъ упомянутое урочище".

Депутаты облюбовали себѣ, во-первыхъ, лежащій противъ города Берислава островъ Тавань съ окружающими его мелкими островками [1]), омываемый рѣкой Конскими Водами и покрытый въ изобиліи кустарникомъ; во-вторыхъ, земли, лежавшія по правую сторону Конскихъ Водъ и на протяженіи 5 верстъ представлявшія изъ себя „луга и сѣнокосы"; въ-третьихъ, наконецъ, спеціально „для земледѣлія и хлѣбопашества" землю, лежавшую „въ одной верстѣ отъ большой дороги въ Черниньскую" и съ лѣвой стороны вдававшуюся въ степь.

„Чрезъ сіе самое,—мотивировали свой выборъ депутаты,—пріобрѣтено будетъ наше намѣреніе, которое себѣ за предметъ имѣетъ не только размножить земледѣліе, но и отчасти также распространить нѣкоторый торгъ, ибо по сему положенію, во-первыхъ, находиться мы имѣемъ въ сосѣдствѣ съ Чернымъ моремъ и лежащими вблизи насъ городами, какъ-то: Никополемъ, Бериславомъ, Херсономъ и Перекопомъ, а во-вторыхъ, и самый Днѣпръ доставитъ намъ наивеличайшую выгоду тѣмъ, что мы въ состояніи будетъ всѣ наши произведенія легчайшимъ способомъ въ помянутыхъ первыхъ трехъ городахъ съ рукъ сбывать. Производимою нами по берегамъ онаго рыбною ловлею снищемъ мы новую отрасль къ пропитанію, а напослѣдокъ и наибольшая часть, какъ россійскихъ, такъ и крымскихъ товаровъ, въ Перекопъ и изъ онаго идущихъ, близъ насъ провозимы быть должны" [2]).

Условія, на которыхъ ихъ довѣрители, 270 меннонитскихъ семействъ, готовы были водвориться въ Россіи, депутаты изложили (22 апрѣля 1787 г.) въ 20 статьяхъ и просили Потемкина исходатайствовать у императрицы „утвердительную грамату" на эти статьи и затѣмъ немедленно отпустить ихъ, депутатовъ, на родину въ Данцигъ.

Но Потемкину въ это время было не до разсмотрѣнія „просительныхъ статей" депутатовъ: онъ всецѣло занятъ былъ пріемомъ императрицы, совершавшей свое знаменитое путешествіе въ Но-

---

[1]) „Со всѣми къ оному принадлежащими отдѣленіями".

[2]) Государственный Архивъ: прошеніе Геппнера и Бартча на имя Потемкина отъ 22 апрѣля 1787 г. изъ Кременчуга.

вороссію и Крымъ. Сами депутаты все же не были забыты: 2/13 мая 1787 года въ Кременчугѣ они были представлены Потемкинымъ императрицѣ въ присутствіи графа Безбородко, римско-императорскаго посла и посланниковъ англійскаго и французскаго. Екатерина милостиво приняла депутатовъ и обѣщала имъ, а равно и всѣмъ данцигскимъ меннонитамъ, которые пожелаютъ переселиться въ Россію, свое покровительство и благоволеніе [1]).

Тѣмъ не менѣе окончательное рѣшеніе дѣла объ условіяхъ водворенія меннонитовъ въ Россіи, несмотря на обѣщанія Потемкина, туго подвигалось впередъ, и 17 іюня депутаты снова повторили свою слезную просьбу объ отпускѣ ихъ на родину, указывая на то, что они изнываютъ отъ скорби, будучи продолжительное время разлучены съ женами и дѣтьми и не получая отъ нихъ ни малѣйшаго извѣстія.

„Если желательно,—писали они въ своемъ прошеніи,—чтобы наше водвореніе въ Тавридѣ дало хорошіе результаты (wan unser Etablissement in Taurien gut von Statten gehen soll), то мы должны со многими другими меннонитами и работниками вернуться сюда по прошествіи осени, что̀ поистинѣ представляется труднымъ дѣломъ. Сжальтесь изъ человѣколюбія надъ нами, отпустите насъ милостиво, чтобы мы могли съѣздить домой, устроить свои дѣла и вернуться“ [2]).

Лишь 5 іюля послѣдовали резолюціи Потемкина на „просительныя статьи“ меннонитовъ. Въ виду того, что этотъ документъ не вошелъ въ *Полное Собраніе Законовъ* и нѣкоторыя статьи его приняты Потемкинымъ съ ограниченіями и оговорками, считаемъ болѣе умѣстнымъ привести его буквально, а не въ изложеніи.

„1787 года іюля 5-го дня... (слѣдуетъ обширный титулъ Потемкина) князь Потемкинъ-Таврическій, разсмотря нижеписанныя представленныя депутатами, присланными отъ общества данцигскихъ меннонистовъ, въ двухъ стахъ семидесяти семьяхъ состоящаго, статьи касательно предпріемлемаго ими въ Таврическую область переселенія, преподаю на оныя слѣдующія рѣшительныя положенія:

---

[1]) Московскій Главный Арх. Мин. Ин. Д. :„Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг.“, переводъ съ нѣмецкой рекламы, напечатанной Георгомъ Траппе въ Данцигѣ въ концѣ 1787 г.

[2]) Государственный Архивъ.

Просительныя статьи меннонистовъ.	Рѣшеніе.
1.	На 1-е.
Чтобъ дозволено было безпрепятственное отправленіе вѣры по ихъ церковнымъ положеніямъ и обрядамъ.	Дозволяется.
2.	На 2-е.
Отвесть:	
A. Для всякой семьи по 65 десятинъ напротивъ города Бериславля, возлѣ рѣки Конскихъ Водъ, по Перекопской дорогѣ вправо, не считая неудобной земли въ числѣ 65 десятинъ.	Подъ лит. A. Землю отвесть приказано будетъ.
B. Да противу же Бериславля лежащій островъ Таванъ со всѣми обтекающими оной водами и вкругъ лежащими островками, на которое по сіе время никто указа и плана не имѣетъ; имъ же необходимо нужны оныя для сѣнокоса.	Подъ лит. B. Изъ сего острова можетъ для нихъ отведена быть нѣкоторая только часть, ибо по дѣланію тамъ моста чрезъ Днѣпръ и по многимъ друг. казеннымъ работамъ немалая часть онаго должна остаться въ казенномъ вѣдомствѣ.
C. Полную власть въ рыболовлѣ на Днѣпрѣ и въ Конскихъ Водахъ, доколѣ ихъ границы распространяются, съ запрещеніемъ чужимъ пользоваться въ ихъ границахъ сею привилегіею.	Подъ лит. C. Предоставлено будетъ имъ право пользоваться рыболовлею въ водахъ, ихъ земли омывающихъ, на законномъ основаніи.
D. Какъ на вышеписанныхъ земляхъ не находится лѣсовъ, имъ же необходимо нужны оные на топливо, то изъ состоящихъ на островѣ Капрѣ еще не розданныхъ тысячи пятисотъ десятинъ всенижайше просятъ хотя половину тамо находящихся лѣсовъ отдать имъ на употребленіе.	Подъ лит. D. Нѣкоторое небольшое количество для нужнаго употребленія отведено быть имѣетъ.

3.

Десятилѣтнее освобожденіе отъ всѣхъ податей.

На 3-е.

Дается.

4.

Чтобъ по прошествіи 10-ти льготныхъ лѣтъ опредѣлено и навсегда ненарушимо утверждено было платить погодно за десятину отъ каждой фамиліи по 15 копеекъ съ вѣчнымъ увольненіемъ отъ подводъ, постою и казенныхъ работъ.

На 4-е.

Положеніе сіе утверждается, и какъ скоро урочные 10 л. минутъ, то за каждую во владѣніи меннонистовъ землю казна получать имѣетъ по 15 коп., съ увольненіемъ ихъ отъ подводъ, работъ и постою, кромѣ времени проходящихъ какихъ-либо командъ и содержанія въ исправности мостовъ и дорогъ въ своемъ владѣніи.

5.

Чтобы всякому изъ нихъ, кто заблагоразсудитъ, дозволено было, кромѣ сельскаго домоводства, въ городахъ и деревняхъ намѣстничества Екатеринославскаго или области Таврической заводить фабрики и другія нужныя для нихъ заведенія, равно какъ и вступать въ торговлю и въ художеское общество, и чтобъ фабрикантамъ и художникамъ безпрепятственно и безъ всякихъ какихъ-либо податей какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, позволено было рукодѣліе свое продавать.

На 5-е.

Позволяется, но не иначе, какъ на основаніи городового положенія.

6.

Чтобъ по изданному печатному отъ 22 іюля 1763 г. Высочайшему манифесту благоволено было каждой меннонистской семьѣ, которымъ

На 6-е.

Утверждается.

вспоможеніе нужно будетъ для заведенія хозяйства, выдать заимообразно 500 рублевъ съ тѣмъ, чтобъ сія выдача чинилась по прибытіи ихъ въ городъ Ригу ежемѣсячно по 100 рублевъ, которую сумму, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, въ силу Высочайшаго манифеста безъ процентовъ въ три послѣдующіе года они повинны въ казну уплатить.

7.

Чтобъ удостовѣреніе о ненарушимой ихъ вѣрности отъ ихъ и ихъ потомковъ было принимаемо по обряду ихъ исповѣданія.

На 7-е.

Исполнить сіе по ихъ обряду.

8.

Чтобъ они и ихъ потомки уволены были въ вѣчныя времяна отъ всякой воинской службы, поелику положенія ихъ вѣры никакъ имъ не дозволяютъ вступать въ воинскую службу.

На 8-е.

Отъ принужденія къ воинской службѣ свободны быть имѣютъ.

9.

Чтобъ по прибытіи ихъ изъ Данцига для каждой семьи всѣ къ построенію порядочнаго дома по нѣмецкому образцу нужные припасы, такъ же для всѣхъ ихъ вообще дубовый лѣсъ на двѣ мельницы и шесть хорошихъ мельничныхъ камней съ прочими на двѣ мельницы припасами были-бъ заготовлены, дабы они, прибывши, *съ помощію нѣсколькихъ казенныхъ* нужныхъ *работниковъ* все то сами состроить могли.

На 9-е.

Дано быть имѣетъ на каждую семью четырехсаженныхъ бревенъ по 120 и потребное число бревенъ на двѣ мельницы съ шестью камнями.

10.

Чтобы каждую семью изъ принявшихъ намѣреніе переселиться въ Россію благоволено было снабдить деньгами на дорожное продовольствіе и на провозъ.

На 10-е.

За провозъ ихъ и за дорожное продовольствіе заплачено будетъ.

11.

Чтобы всѣмъ прибывшимъ семьямъ въ Россійскія границы до Бериславля даны были повозки и лошади, и чтобы всякой душѣ со дня

На 11-е.

Повозки и лошади даны будутъ безъ излишества, а что

прибытія на сію границу до окончанія пути выдано было по 25 копеекъ.

принадлежитъ до денегъ, то выше 15 лѣтъ каждой мужеска и женска полу душѣ производить по 25, а ниже по 12 копеекъ.

12.

Чтобы изъ особливаго милосердія освободить отъ возвращенія выданныхъ имъ по 10 и 11 пунктамъ денегъ, то-жъ и за припасы на строеніе домовъ ихъ такимъ образомъ, чтобъ имъ оныхъ и по прошествіи десяти льготныхъ лѣтъ не платить, поелику корона немало пріобрѣтетъ пользы тѣмъ, что меннонисты хорошихъ фабрикантовъ и художниковъ съ собою приведутъ, и что они вознаградятъ въ короткое время трудолюбіемъ въ земледѣліи и другими выгодными заведеніями всѣ издержанные на нихъ убытки.

На 12-е.

Сіе зависитъ отъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества милосердія[1]).

13.

Чтобъ имъ, доколѣ не построются домы, очищены были по ту сторону рѣчки Конскихъ Водъ порожно стоящія карантинныя строенія и даны-бъ были порядочныя палатки для ихъ домостроителей, а для прочихъ меннонистовъ показаны-бъ были нѣсколько жилищъ въ городѣ Бериславлѣ.

На 13-е.

Жилища и палатки дадутся, но только на время, что всѣ и должны они потомъ возвратить. Квартиры также отведутся.

14.

Чтобы всѣмъ меннонистамъ со дня прибытія въ Бериславль до первой жатвы благоволено-бъ было выдавать на каждую душу по 10 копеекъ съ тѣмъ, чтобъ по прошествіи 10-ти льготныхъ лѣтъ въ три послѣдующіе года оная сумма въ казну уплачена будетъ, но только безъ процентовъ.

На 14-е.

Утверждается.

---

[1]) Расходъ казны на путевыя издержки меннонитовъ былъ имъ впослѣдствіи прощенъ.

15.

Чтобъ немедленно послано было въ Бериславль и Тавриду повелѣніе, дабы на отводимыхъ имъ земляхъ запрещено было дрова рубить, и чтобъ нынѣшняго же года никакой скотъ на просимыя ими мѣста болѣе былъ не допускаемъ, дабы они имѣть могли довольно травы для собственнаго своего скота.

На 15-е.

Пошлются сіи повелѣніи.

16.

Какъ и послѣ ихъ, можетъ быть, многія семьи изъ меннонистовъ пожелаютъ переселиться въ Россію, то чтобы и они одними съ ними пользовались правами и преимуществами и имъ дозволено было поселиться въ тѣхъ прекрасныхъ и плодоносныхъ странахъ, которыя депутатовъ ихъ въ удивленіе приводили, то-есть въ Старомъ Крыму, Өеодосіи, Бакчисараѣ и прочихъ мѣстахъ, гдѣ они сами пожелаютъ и гдѣ еще земля не роздана, однако съ тѣмъ, чтобы имъ не быть порукою за издержанныя на нихъ деньги, что̀ они исполнятъ между собою.

На 16-е.

Когда пришлются отъ оныхъ депутаты, то и съ ними могутъ быть учинены постановленія собразно съ сими.

17.

Чтобы всемилостивѣйше благоволено было къ нимъ вторично съ надлежащимъ наставленіемъ прислать господина Траппа, который склонилъ и согласилъ ихъ къ переселенію въ Россію, и которому всѣ ихъ обстоятельства по точности извѣстны. Онъ же въ состояніи отвратить всѣ препятствія, которыя имъ въ Данцигѣ въ отпускѣ ихъ случиться могутъ, и можетъ вѣрное попеченіе въ нуждахъ ихъ имѣть. По прибытіи же ихъ въ Тавриду, соотвѣтственно данному имъ наставленію, чтобы онъ былъ опредѣленъ директоромъ и представителемъ, дабы наставлялъ онъ ихъ въ заведеніяхъ ихъ и старался бы объ ихъ спокойствіи и безопасности.

На 17-е.

Опредѣленъ быть имѣетъ.

18.	На 18-е.
По прибытіи ихъ въ Бериславль, чтобъ присланъ къ нимъ былъ свѣдущій нѣмецкой языкъ и искусной землемѣръ, который бы какъ всю ихъ землю вообще, такъ и между каждымъ изъ нихъ его собственную часть раздѣлить и отмежевать могъ.	Данъ быть имѣетъ.

19.	На 19-е.
Какъ дальное разстояніе Тавриды отъ отечества ихъ воспрепятствуетъ имъ забрать съ собою разныхъ для посѣву сѣмянъ, то чтобы выдано имъ было для посѣянія разнаго хлѣба, который они современемъ и отдать должны.	Даны будутъ.

20.	На 20-е.
Напослѣдокъ просятъ, чтобы при ихъ прибытіи въ Бериславль строжайше повелѣно было объ нихъ и о имѣніи ихъ, покуда они выстроются, имѣть попеченіе, дабы они обижены, обкрадены и ограбленые не были[1]).	Повелѣніе о семъ дано будетъ.

Согласно 17-ой „просительной статьѣ“ меннонитскихъ депутатовъ, Траппе долженъ былъ отправиться съ ними вторично въ Данцигъ. И безъ просьбы меннонитовъ нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что на него будутъ возложены хлопоты по переселенію ихъ въ Россію, и наученный горькимъ опытомъ первой поѣздки въ Данцигъ, Траппе рѣшилъ заранѣе заручиться содѣйствіемъ со стороны русской дипломатіи. Въ своей промеморіи отъ 13 апрѣля 1787 года онъ совѣтовалъ Потемкину побудить коллегію иностранныхъ дѣлъ дать соотвѣтствующія предписанія аккредитованному при данцигскомъ правительствѣ русскому дипломатическому агенту, а именно, чтобы послѣдній предупредилъ данцигскій магистратъ, что Русскій дворъ находитъ нужнымъ производить посадку на суда меннонитовъ, отправляющихся въ Россію, на территоріи города, т.-е. что люди и ихъ вещи будутъ перевозимы на маленькихъ судахъ или шлюпкахъ чрезъ Вексель-Мюнде до кораблей, которые будутъ имѣть стоянку у деревни Бонзакъ,

---

1) Государственный Архивъ.

принадлежащей Данцигу. Такимъ путемъ Траппе думалъ избѣжать придирокъ со стороны пруссаковъ, которые владѣли Новымъ Фарвассеромъ, морскимъ портомъ Данцига. Свой совѣтъ Траппе подкрѣплялъ ссылкой на свое знакомство съ положеніемъ дѣлъ въ Данцигѣ и его окрестностяхъ. „Я приложилъ всевозможныя старанія къ тому,—писалъ онъ въ упомянутой промеморіи,—чтобы пріобрѣсти на мѣстахъ знакомство съ положеніемъ дѣлъ (pour acquérir sur les lieux des connoissances locales de la situation), и думаю, что я въ этомъ достаточно успѣлъ. Частыя экскурсіи, совершаемыя мною въ деревню къ крестьянамъ и въ особенности къ честнымъ меннонитамъ, съ которыми я совѣтовался для формы относительно хорошаго способа обработки земель, освѣдомили меня о всемъ“ [1]).

Дѣйствительно, для новой поѣздки въ Данцигъ трудно было подыскать болѣе опытнаго человѣка, и уже 14 іюля 1787 года Потемкинъ вручилъ Траппе свое письмо къ придворному банкиру Сутерланду объ открытіи кредита на расходы, связанные съ переселеніемъ меннонитовъ, и заключилъ съ Траппе условіе, аналогичное тому, которое предшествовало его первой поѣздкѣ въ Данцигъ.

Въ письмѣ къ Сутерланду Потемкинъ писалъ: „Предполагая, что ея величество императрица соизволитъ утвердить привилегіи, на которыя я только что изъявилъ согласіе депутатамъ меннонитовъ (que je viens d'accorder aux députés de mennonites), я прошу васъ уплатить предъявителю сего, г-ну Траппе, пятьсотъ голландскихъ дукатовъ и тысячу рублей на расходы по его путешествію въ Данцигъ и Торнъ. Сверхъ того вы будете добры доставлять ему чрезъ своихъ корреспондентовъ въ Данцигѣ и Варшавѣ средства на издержки по путешествію и пропитанію колонистовъ (fournir... les fraix de voyage et de subsistance pour les colons) такимъ же образомъ, какъ въ прошломъ году. Я желаю, чтобы все дѣлалось согласно содержанію привилегій, дарованныхъ меннонитамъ,—вотъ почему я думаю, что предварительно можетъ понадобиться сумма отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ рублей, и вы озаботитесь приказать вашимъ корреспондентамъ въ Ригѣ уплатить колонистамъ, какъ только они туда прибудутъ, тѣ суммы, которыя выговорены въ ихъ привиллегіяхъ и о которыхъ г-нъ Траппе не преминетъ васъ въ точности освѣдомить (les sommes stipulées par leurs privilèges et dont Mr. de Trappe

---

[1]) Государственный Архивъ: Extrait du Pro-memoria présenté à Son Altesse Monseigneur le Prince de Potemkine en date du 13-ieme d'Avril 1787.

ne manquera pas de Vous informer exactement). Будетъ также необходимо войти въ соглашеніе съ кабинетомъ ея величества (de faire les arrangements avec le cabinet de Sa Majesté) такимъ образомъ, чтобы послѣ прибытія меннонитовъ въ Бериславъ все, чего они въ правѣ будутъ требовать, имъ было уплачено чрезъ вашу Херсонскую контору быстро и какъ условлено въ ихъ названныхъ привилегіяхъ, дабы эти добрые земледѣльцы были довольны и въ состояніи устроить свое водвореніе безпрепятственно къ пользѣ Имперіи"[1]).

Среди заботъ объ экономическомъ благосостояніи новыхъ подданныхъ русской императрицы не были забыты и ихъ религіозныя потребности: Потемкинъ уполномочивалъ Траппе нанять „для Тавриды" (pour la Tauride) пастора съ ежегоднымъ жалованьемъ въ 400 рублей и отводомъ ему сверхъ того пятисотъ десятинъ земли въ полную и наслѣдственную собственность[2]).

Въ случаѣ удачнаго исхода всѣхъ заботъ и трудовъ по организаціи переселеній изъ Данцига, Потемкинъ обѣщалъ выхлопотать Траппе у императрицы „награду, достойную короны, и соотвѣтствующую важной услугѣ, которую онъ окажетъ государству"[3]).

7 сентября 1787 года послѣдовалъ именной указъ императрицы, коимъ санкціонировались льготы и привилегіи, предложенныя меннонитамъ Потемкинымъ, и обѣщалась выдача имъ жалованной грамоты „за подписаніемъ ея величества руки и съ приложеніемъ государственной печати".

Такимъ образомъ переселеніе въ Россію данцигскихъ эмигрантовъ съ высоты престола было признано дѣломъ государственной важности, и тѣ препятствія, чисто формальнаго свойства, которыя тормозили его въ Петербургѣ въ первую поѣздку Траппе, теперь были устранены. Траппе было вручено рекомендательное письмо къ русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Данцигѣ Семену Соколовскому, который долженъ былъ оказывать ему всевозможное содѣйствіе. Письмо было написано въ энергичномъ властномъ тонѣ.

„Предъявитель сего, — говорилось въ письмѣ, — господинъ Траппе... будетъ имѣть попеченіе о перевозкѣ меннонитовъ и другихъ свободныхъ колонистовъ, которые пожелаютъ отпра-

---

1) Государственный Архивъ.

2) Государственный Архивъ: Условіе, заключенное Потемкинымъ съ Траппе 14 іюля 1787 г. въ Кременчугѣ, 5-й пунктъ.

3) Тамъ-же, 6-й (и послѣдній) пунктъ.

виться въ Россію; и такъ *я*[1]) васъ прошу, милостивый государь, оказывать ему всякое зависящее отъ васъ содѣйствіе въ интересахъ короны. Вотъ почему вы не преминете объявить магистрату *твердымъ тономъ,* что нѣкоторое число меннонитовъ изъ города Данцига и его окрестностей (de la ville et des environs de Dantzig), люди совершенно свободные, по происхожденію голландцы, послали депутатовъ къ ея императорскому величеству, чтобы испросить у нея земли въ Тавридѣ и на островѣ Тавани, и ея величество соизволила имъ на ихъ просьбу. Она желаетъ, чтобы данцигскій магистратъ позволилъ свободнымъ людямъ переселяться (passer) такимъ же манеромъ, какъ обычно принято позволять свободный переходъ всѣмъ тѣмъ, которые хотятъ перейти на прусскую территорію. Вы хорошо сдѣлаете, внушивъ въ то же время магистрату, что ея императорское величество съ неудовольствіемъ только-что узнала о его пристрастіи въ пользу пруссаковъ по отношенію къ эмиграціи, т.-е. что предоставляютъ полную свободу (toute liberté) всѣмъ тѣмъ, которые отправляются для водворенія въ Пруссію, — свидѣтель тому — вывезенные (qui sont retirés) во множествѣ въ Ланге-Фуль, Новую Шотландію, (Neu Schottland), Шидлицъ, Оливу, Ельбингъ и пр. и пр., но несправедливо придирались ко всѣмъ тѣмъ, которые рѣшили отправиться въ Россію, такъ что у нихъ оцѣнили ихъ старую одежду и даже ихъ рубашки, чтобы взять съ нихъ десятину (pour en payer le dixième), какъ имѣются убѣдительныя доказательства этого. Доказано еще, что магистратъ потакалъ тому, чтобы король прусскій могъ добывать рекрутъ изъ города (Данцига) и его территоріи“.

Въ концѣ 1787 года Траппе былъ уже въ Данцигѣ. „Препоручительное“ письмо графа Остермана произвело должное дѣйствіе, и между Соколовскимъ и Траппе сразу установились наилучшія отношенія. Вмѣсто жалобъ и взаимныхъ обвиненій, имѣвшихъ мѣсто въ первый пріѣздъ Траппе, оба агента разсыпаются теперь въ похвалахъ другъ другу и стараются дѣйствовать рука объ руку въ интересахъ порученнаго имъ дѣла.

---

[1]) Приводимый здѣсь въ переводѣ на русскій языкъ документъ сохранился въ копіи въ Государственномъ Архивѣ, безъ подписи, среди бумагъ Потемкина по вызову колонистовъ, но, очевидно, принадлежитъ не Потемкину, а вице-канцлеру гр. Остерману, непосредственному начальнику Соколовскаго. Вѣроятно, именно это письмо и имѣлъ въ виду послѣдній, когда отъ 31 октября/11 ноября 1788 г. писалъ вице-канцлеру: „Уже тому миновалъ годъ, какъ я имѣлъ щастіе удостоиться чрезъ надворнаго совѣтника г-на Траппе получить высокосклоннѣйшее вашего сіятельства повелѣвающее мнѣ о принятіи нужныхъ здѣсь распоряженій для отправленія отсюда въ Ригу вольныхъ колонистовъ писаніе“. Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Dantzig.

„Онъ оказываетъ мнѣ, — писалъ о Соколовскомъ Траппе графу Остерману, — доселѣ все отъ него зависящее пособіе во ввѣренной мнѣ по высочайшему ея императорскаго величества имянному указу важной коммиссіи, такъ что если онъ, какъ я и надѣюсь, такъ продолжать будетъ, то, несмотря на всѣ затрудненія, безъ сомнѣнія достигну я, наконецъ, по крайному желанію моему, до моего предмета—доставить Россійской имперіи такихъ земледѣльцовъ, которыхъ она еще до сихъ поръ не имѣетъ“ [1]).

„Я съ моей стороны,—писалъ въ свою очередь вице-канцлеру Соколовскій, — осмѣливаюсь симъ вашему сіятельству поистинѣ донести, что... г-нъ Траппе весьма ревностно для интересовъ Россійской имперіи порученную ему коммиссію какъ невозможно лучше исполнить старается“ [2]).

Старанія Траппе были направлены къ тому, чтобы не только уже изъявившихъ согласіе на переселеніе въ Россію поддержать въ ихъ намѣреніи, но и завербовать новыхъ эмигрантовъ, какъ изъ общества меннонитовъ, такъ и изъ среды данцигскаго пролетаріата. Этой цѣли должны были служить издаваемыя для распространенія въ народѣ „рекламы“, „циркуляры“ и анонимныя письма (un circulaire, une lettre anonyme), сообщавшіе свѣдѣнія о „коммиссіи“ Траппе, восхвалявшіе жизнь колонистовъ въ Россіи и опровергавшіе ложные слухи на этотъ счетъ, распускаемые данцигской буржуазіей, въ особенности же сторонниками Пруссіи. Въ одномъ изъ такихъ „писемъ“, выдавая себя за данцигскаго уроженца, „съ давнихъ уже лѣтъ въ Россіи благополучно и въ довольствіи живущаго“, и ссылаясь на публикацію русскаго правительства, помѣщенную въ № 39 „Данцигскихъ Вѣдомостей“ за 1785 годъ, Траппе приглашалъ данцигскій пролетаріатъ и меннонитовъ безбоязненно эмигрировать въ Россію, обѣщая тамъ счастливую и свободную жизнь. Обращаясь къ пролетаріату, ремесленникамъ и батракамъ, онъ говорилъ: будьте вы совершенно увѣрены, что въ лицѣ иностранцевъ несравненно болѣе вольности и преимуществъ имѣете ожидать въ Россіи, нежели теперь обрящете въ рабствѣ, не имѣя земли ниже на пядень, а изъ поденщины за хлѣбъ насущный служа и работая на своего же брата, въ томъ числѣ нерѣдко и на жестокосердаго мужика превозносящагося“; „внемлите“, восклицалъ онъ, обращаясь къ мен-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг., „Переводъ съ письма г-на Траппе къ вице-канцлеру изъ Гданска отъ 6/17 генваря 1788 г.“.

[2]) Тамъ-же, Dantzig: P. S-m Соколовскаго къ его донесенію изъ Данцига отъ 13/24 января 1788 г.

нонитамъ, „и вы, въ трудолюбіи бодрствующіе данцигскаго подсуда меннонисты, коихъ промыселъ, проницательство и въ землеустройствѣ, равно какъ и въ разнообразномъ житейскомъ обращеніи искусство всякому государству отмѣнно полезно бываетъ, и которымъ при всемъ томъ однако, хотя неудобопонятнымъ образомъ, на сихъ же дняхъ запрещалося купить недвижимое имѣніе съ наложеніемъ на васъ всевозможныхъ затрудненій при пріобрѣтеніи въ данцигской окружности земель, васъ приглашаю, пріидите, сами смотрите, вкушайте и ощущайте отмѣнное счастіе подъ кроткою... Екатерины Великой... державою жить благополучно, покойно и во всякомъ довольствіи“ [1]).

Печатныя воззванія, а равно и устныя личныя бесѣды Траппе не оставались безрезультатными, и въ письмѣ къ графу Остерману отъ 6/17 января 1788 г. онъ писалъ изъ Данцига, что „тамошній простой народъ и земледѣльцы оказываютъ чрезвычайную приверженность и довѣренность къ Россіи“, которыя, при существующемъ положеніи дѣлъ, могутъ „обратиться въ пользу Россіи и послужить къ ослабленію прусской партіи“ [2]).

Разсчеты Траппе однако не оправдались.

Вывозъ въ Россію колонистовъ очень чувствительно задѣвалъ интересы правящей буржуазіи, лишая ее въ лицѣ эмигрирующаго пролетаріата дешевыхъ рабочихъ рукъ, а въ лицѣ состоятельныхъ меннонитовъ—исправныхъ плательщиковъ налоговъ; эмиграція изъ Данцига въ Россію была и не въ интересахъ Пруссіи, которая политическое подчиненіе себѣ данцигской территоріи считала лишь вопросомъ времени, и при томъ ближайшаго будущаго. Такимъ образомъ въ этомъ дѣлѣ интересы городского данцигскаго правительства и Пруссіи сходились, и это обстоятельство должно было усиливать прусское вліяніе, а не ослаблять его, какъ думалъ Траппе. Къ тому же данцигскій магистратъ не могъ не чувствовать угнетающей близости къ Данцигу Пруссіи, которая своей экономической политикой уже успѣла подорвать его благосостояніе, а въ будущемъ грозила при первомъ удобномъ случаѣ лишить его и политическаго бытія. Раздражить Пруссію, въ особенности же въ данный моментъ, для данцигскаго правительства было опаснѣе, нежели вызвать неудовольствіе со стороны Россіи: послѣдняя не была непосредственной

---

1) Государственный Архивъ. По поводу этой заранѣе заготовленной рекламы Траппе писалъ Потемкину отъ 7 февраля 1787 года изъ Кіева: je ne sçai pas si la traduction Russe a bien réussi, mais pour l'allemande je suis bien sûr que mes exhortations ne manqueront pas de faire un très bon effêt“.

2) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг.

сосѣдкой Данцига и къ тому же тогда занята была 2-й Турецкой войной, которая вскорѣ должна была осложниться одновременной войной со Швеціей; а при войнѣ на два фронта русскому правительству было не до Данцига.

Понятно, что при такихъ условіяхъ вскорѣ должно было обнаружиться какъ косвенное, такъ и прямое противодѣйствіе порученной Траппе „коммиссіи", и при томъ какъ со стороны данцигскаго магистрата, такъ и со стороны отдѣльныхъ „прусски настроенныхъ" лицъ.

Въ концѣ 1787 г., т.-е. вскорѣ послѣ прибытія въ Данцигъ, Траппе, по соглашенію съ Соколовскимъ, рѣшилъ собрать къ себѣ тѣхъ меннонитовъ, которые посылали въ Россію своихъ депутатовъ; ему нужно было условиться съ ними относительно организаціи ихъ переселенія и выбрать изъ числа ихъ, по большинству голосовъ, строительную коммиссію изъ 6 человѣкъ, „искусныхъ въ строеніи". По предложенію Траппе, Соколовскій обратился къ заступавшему мѣсто президента лицу (Конрадію) съ просьбой о позволеніи прочесть въ меннонитскихъ только церквахъ краткое объявленіе относительно „изъявленнаго" меннонитами „желанія переселиться въ Россію", „какъ прежде сего по требованію разныхъ магнатовъ въ Польшѣ, желавшихъ имѣть меннонитовъ, безъ всякаго препятствія учинено было". Сверхъ всякаго ожиданія, Соколовскому не только было отказано въ его просьбѣ, „но и хитрымъ образомъ все стараніе употреблено было, дабы чрезъ разсѣяніе многихъ устрашительныхъ слуховъ и чрезъ злобоковарныя разглашенія отвратить совсѣмъ" меннонитовъ отъ переселенія въ Россію. Распущенъ былъ слухъ, что меннонитскіе депутаты вовсе не были представлены императрицѣ, которая ничего и не знаетъ относительно обѣщанныхъ ихъ привилегій, что это—„единственно дѣло князя Потемкина" [1]).

Послѣ того Траппе не оставалось иного исхода, какъ напечатать къ меннонитамъ особое воззваніе. Упомянувъ въ немъ о возвращеніи депутатовъ изъ Россіи, о представленіи ихъ императрицѣ и о дарованіи меннонитамъ такихъ обширныхъ привилегій, какихъ еще никому изъ иностранцевъ не было пожаловано за все царствованіе Екатерины II, Траппе приглашалъ всѣхъ меннонитовъ обѣихъ меннонитскихъ общинъ, не исключая и тѣхъ, которые не принимали участія въ посылкѣ депутатовъ, явиться въ Данцигъ 19 января слѣдующаго 1788 г. въ 9 часовъ

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг., письмо Траппе къ гр. Остерману отъ 6/17 января 1788 г.

утра „въ россійскій императорскій министерскій домъ на Ландгартенѣ, гдѣ предъявлены имъ будутъ въ оригиналахъ привилегіи и резолюція императорскаго кабинета"; желающіе могутъ тогда же заявить о своемъ намѣреніи переселиться въ Россію, что имъ, какъ людямъ свободнымъ, и не можетъ быть возбранено, если они при отъѣздѣ выполнятъ всѣ свои обязательства.

Магистратъ, какъ бы въ отвѣтъ на это воззваніе, обратился къ Соколовскому съ требованіемъ о немедленномъ удаленіи Траппе изъ Данцига.

„Магистратъ,—доносилъ Соколовскій гр. Остерману (отъ 13/24 января 1788 г.),—мнѣ сдѣлалъ противу чаянія моего формальное чрезъ городского секретаря представленіе и просьбу, а имянно: дабы я постарался немедленно удалить отсюда надворнаго совѣтника г. Траппе, поставляя въ резонъ, аки бы его коммиссія нынѣ причиняетъ у многихъ бунтующихся жителей здѣшнихъ, а особливо у третьяго ордена и почти у всего мѣщанства, великое неудовольствіе, препятствующее будто благому успѣху ожидаемой россійскимъ дворомъ отъ здѣшняго правительства резолюціи. Я съ моей стороны осмѣливаюсь симъ ваше сіятельству по-истинѣ донести..., что злоумышленная здѣсь довольно великая партія, наущаема будучи стоять противу всего, что до чести и славы Россіи касаться можетъ, ищетъ только нарочито ложной причины отдать себя въ подданство новой державѣ, надѣясь тѣмъ самымъ свое сдѣлать счастіе" [1]).

Вскорѣ послѣ этого прямого требованія, со стороны правящей буржуазіи была сдѣлана попытка косвеннымъ путемъ воспрепятствовать эмиграціи изъ Данцига въ Россію.

Въ 1784 г. въ Амстердамѣ появились мемуары барона Тотта („Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares". 4 vls), бывшаго съ 1767 по 1769 г. французскимъ консуломъ въ Крыму при ханѣ, а потомъ служившаго въ Константинополѣ въ качествѣ военнаго инструктора. Въ своихъ мемуарахъ баронъ Тоттъ, между прочимъ, разсказываетъ о встрѣчѣ съ бѣглыми изъ Россіи колонистами въ количествѣ 16 человѣкъ (7 мужчинъ, 5 женщинъ и четверо дѣтей). Они были нѣмцы, родомъ изъ Пфальца (переселившіеся въ Россію въ силу манифеста Екатерины II отъ 22 іюля 1763 г.). Въ Россіи имъ не посчастливилось, и они бѣжали оттуда, но вскорѣ были схвачены ногайцами, которые намѣревались продать ихъ въ рабство при первомъ удобномъ случаѣ (au premier acquéreur). Тоттъ нашелъ

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: Dantzig.

бѣглецовъ въ самомъ печальномъ состояніи. *„Эти несчастные... были привлечены въ Россію“*,—нравоучительно замѣчаетъ Тоттъ,—*надеждой на лучшую будущность, которая вызываетъ переселенія, всегда обманываетъ переселенцевъ и скоро заставляетъ ихъ сожалѣть о своей отчизнѣ“* („Ces malheureux nés dans le Palatinat avaient été attirés en Russie par l'espérance d'une meilleure fortune, qui détermine les émigrations, trompe toujours les émigrants et leur fait bientôt regretter leurs foyers“ [1]).

Этимъ разсказомъ Тотта воспользовался данцигскій купецъ Георгъ Тонье, завзятый пруссофилъ, чтобы подорвать въ народѣ довѣріе къ колонизаціонной политикѣ русскаго правительства. Онъ помѣстилъ въ газетѣ *Elbingische Anzeigen* отъ 20/31 января 1788 г. нѣмецкій переводъ того мѣста мемуаровъ Тотта, гдѣ говорится о встрѣчѣ его съ колонистами, причемъ намѣренно исказилъ слова Тотта о томъ, что надежда на лучшую будущность вызываетъ переселеніе, но всегда обманываетъ переселенцевъ: по переводу Тонье выходило, что *Россія покровительствуетъ эмиграціи, но обманываетъ эмигрантовъ* („Diese Unglückseligen waren geborne Teutsche, die sich die Hofnung eines bessern Glückstandes nach *Russland* zu gehen hatten bereden lassen, *welches Auswanderungen begünstiget, aber die Auswanderer teuscht* und sie bedauern bald ihre alte Wonnungen verlassen zu haben“) [2]).

Въ опроверженіе искаженнаго перевода изъ Тотта Траппе попытался было помѣстить въ той же газетѣ якобы извлеченіе изъ своего дневника, веденнаго въ маѣ 1787 г. въ Крыму во время пребыванія тамъ императрицы. Это „извлеченіе“ и было уже напечатано для № 13 упомянутой газеты, но Ельбингская администрація (Policey-Directorium) воспретила выпустить его въ свѣтъ, „вѣроятно потому,—иронически замѣчаетъ Траппе,—что въ Ельбингѣ считаютъ для себя позволительнымъ помѣщать въ тамошнихъ вѣдомостяхъ только французскую, искаженную нѣмцемъ ложь противъ Россіи, но не истину въ пользу Россіи“. Траппе не оставалось иного исхода, какъ напечатать свое опроверженіе въ видѣ отдѣльнаго листа, что онъ и сдѣлалъ.

Въ этомъ опроверженіи Траппе прежде всего заявляетъ, что, заинтересовавшись извѣстіемъ Тотта о бѣглыхъ колонистахъ, онъ самъ лично наводилъ о нихъ справки въ Бахчисараѣ у та-

---

1) Mémoires du baron de Tott. Amsterdam. 1784. 97—99 p.

2) Elbingische Anzeigen, IX Stück, Donnerstag den 31 Januar 1788. Въ Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, въ Дѣлахъ колонистовъ 1786—1792 гг.

мошнихъ нѣмцевъ и чрезъ переводчика у нѣкоторыхъ татарскихъ мурзъ, но оказалось, что въ Крыму никто о нихъ ничего не знаетъ и не слыхалъ. Нѣмцы же, работавшіе прежде на монетномъ дворѣ, устроенномъ ханомъ въ Каффѣ, увѣряли, что неоднократно видали въ Крыму Тотта, но не съ нѣмцами, а съ небольшимъ таборомъ цыганъ, которыхъ (какъ говорятъ) онъ забавнымъ образомъ употреблялъ на то, чтобъ они предсказывали татарамъ завоеваніе русскаго царства.

Такъ какъ враждебная Россіи дѣятельность Тотта въ Крыму и въ Турціи окончилась полнѣйшей неудачей, „то ни одинъ благоразумный человѣкъ не будетъ удивляться тому, что хвастливый французъ ко вреду Россіи неоднократно передаетъ лживые разсказы въ своихъ мемуарахъ, которые ради ихъ неглубокаго содержанія (wegen ihres leichten Inhalts) и справедливо дѣлаемаго ему (Тотту) упрека въ отвратительномъ себялюбіи, не безъ основанія горько осуждаются солидными французами“ [1]).

Если бы дѣйствительно являлись къ Тотту въ Крыму бѣглые нѣмцы, то они могли бы быть только изъ колоній, основанныхъ на Украйнѣ, а именно: или изъ колоніи фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго — Вишеньки (Wischinka) [2]), или изъ значительныхъ коронныхъ колоній въ Бѣловѣжѣ. Но ничего подобнаго, увѣряетъ Траппе, ему не удалось обнаружить во время трехмѣсячнаго пребыванія въ Украйнѣ, несмотря на тщательное разслѣдованіе. „Вышеназванныя колоніи находятся въ цвѣтущемъ состояніи, что̀ совсѣмъ неудивительно, такъ какъ фельдмаршалъ съ отеческой любовью относится къ своей колоніи; и корона сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобы сдѣлать живущихъ въ Бѣловѣжѣ иностранцевъ зажиточными. Добрые люди (съ своей стороны) очень довольны и ничего не знаютъ о бѣглыхъ нѣмцахъ; но (имъ извѣстно), что у нихъ нѣсколько разъ появлялись цыгане, которыхъ они прогнали и которымъ очень легко могло придти на мысль черезъ степи отправиться въ Крымъ и, какъ выше сказано, отдаться подъ вполнѣ достойное ихъ покровительство г. Тотта.

---

[1]) Французское правительство недовольно было тѣмъ, что въ мемуарахъ Тотта турки рисовались въ ихъ дѣйствительномъ неприглядномъ видѣ. См. Бильбасовъ, „Исторія Екатерины II“, т. XII, ч. 1-я, стр. 305.

[2]) Въ 1772 г. жившіе въ Валахіи близъ Бухареста меннониты, по приглашенію фельдмаршала гр. Румянцева, переселились въ его имѣніе Вишеньки и водворились тамъ на основаніи заключеннаго съ графомъ контракта. Впослѣдствіи (въ 1784 г.) къ нимъ присоединилось еще 16 семействъ меннонитовъ, вышедшихъ изъ Венгріи и Богеміи. Это была первая меннонитская колонія въ Россіи. Журн. Мин. Госуд. Им. 1854 г., августъ: „Историческое обозрѣніе водворенія иностранныхъ поселенцевъ въ Россіи“, стр. 69.

Но если допустить, что пришедшіе въ Крымъ были дѣйствительно бѣглые нѣмцы изъ Россіи, то что̀ же доказываетъ этотъ фактъ? То, что уже давно и безъ того извѣстно, а „именно, что *во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ заводятся колоніи, появляются вмѣстѣ съ тѣмъ тунеядцы, негодяи, пьяницы, которые не хотятъ работать*, напослѣдокъ же принимаются за воровство и, наконецъ, когда имъ не хотятъ позволить этого безнаказанно, убѣгаютъ оттуда (см. экономическія сочиненія знаменитаго г. президента фонъ-Бенкендорфа)". Какъ на примѣръ, Траппе указываетъ на свою встрѣчу въ Польшѣ въ іюлѣ 1786 г. съ 5-ю оборванными и голодными уроженцами Виртемберга, бѣжавшими вмѣстѣ съ женами и дѣтьми изъ колоній Западной Пруссіи. Они жаловались, что въ этихъ колоніяхъ они чуть не умерли съ голода, но по справкамъ оказалось, что это были негодяи, проматывавшіе все, что̀ имъ ни ввѣрялось. „Если бы они только знали о мѣстопребываніи г. Тотта, то они также охотно прибѣгли бы къ его помощи, хотя бы въ Египтѣ. Подъ управленіемъ умершаго тайнаго совѣтника фонъ-Бренкенгофа въ королевско-прусскихъ земляхъ съ большою заботливостью устроено много колоній, хорошіе люди тамъ благоденствуютъ, тунеядцы же и пьяницы — нѣтъ, и напослѣдокъ обращаются въ мошенниковъ: *такъ бываетъ всюду, гдѣ основываются колоніи*, какъ уже сказано (выше)". Ни одна держава въ Европѣ не дѣлаетъ такъ много для иностранцевъ и ихъ благосостоянія, какъ Россія, и тѣмъ, кому близко къ сердцу улучшеніе своего положенія, нечего бояться розсказней француза, состоявшаго на службѣ у заклятаго врага христіанства: они смѣло могутъ основать свой домашній очагъ въ Россіи, „гдѣ безчисленные нѣмцы", — такъ заканчиваетъ Траппе свою публицистическую отповѣдь,—уже устроили свое счастіе и разбогатѣли" [1]).

Между тѣмъ требованіе данцигскаго магистрата объ отозваніи Траппе изъ Данцига, сообщенное Соколовскимъ графу Остерману въ письмѣ отъ 13/24 января, произвело очень быстрое и рѣшительное дѣйствіе на Петербургскій кабинетъ. Занятое тяжелой войной съ Турціей и ожидая войны со Швеціей, русское правительство не желало осложнять своихъ международныхъ отношеній какими бы то ни было инцидентами, и уже 27 января вице-канцлеръ писалъ Соколовскому объ отозваніи Траппе изъ Данцига.

„Поелику *въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ*,—говорилось въ письмѣ гр. Остермана,—не можетъ настоять удобности къ благо-

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг.

успѣшному производству порученной ассесору Траппе коммиссіи, то... угодно было всемилостивѣйшей государынѣ повелѣть мнѣ дать ему о томъ знать, дабы оставилъ онъ реченную коммиссію и, не дѣлая никакихъ дальнѣйшихъ по ней подвиговъ, немедленно сюда возвратился“ [1]).

Письмо графа Остермана, пришедшее въ Данцигъ 6/17 февраля, упало Траппе, какъ снѣгъ на голову: ничего подобнаго онъ не ожидалъ. Недоумѣніе его усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ письмѣ гр. Остермана ничего не говорилось о томъ, какъ быть съ навербованными для отправленія въ Россію *колонистами* (лютеранами) и *меннонитами*. Между тѣмъ многіе меннониты уже продали все свое движимое и недвижимое имущество, „bona fide, полагаясь вполнѣ на высочайше утвержденныя привилегіи“, и готовились къ отъѣзду въ Ригу. Поэтому на слѣдующій же день, 7/18 февраля, Траппе обратился за разъясненіемъ къ гр. Остерману, прося его сообщить, какъ слѣдуетъ поступить съ помянутыми людьми: „для высокой короны набранные, согласно содержанію всемилостивѣйше утвержденныхъ привилегій, и на счетъ короны продовольствованные люди должны ли быть сохранены и весной отправлены въ Ригу, или нѣтъ?“ Рѣшеніе этого вопроса въ послѣднемъ смыслѣ Траппе находилъ во всѣхъ отношеніяхъ неудобнымъ и потому просилъ назначить своимъ замѣстителемъ по отправленію колонистовъ и меннонитовъ Соколовскаго, и дать ему на этотъ счетъ письменную инструкцію и деньги [2]).

О передачѣ своей „коммиссіи“ Соколовскому Траппе одновременно хлопоталъ и передъ Потемкинымъ, при чемъ хвалилъ усердіе Соколовскаго и испрашивалъ для него покровительство всесильнаго вельможи. „Онъ (Соколовскій) меня увѣрилъ,—писалъ Потемкину Траппе,—и, я надѣюсь, онъ это исполнитъ,—что онъ хочетъ употребить всѣ свои старанія на то, чтобы такъ устроить, что прибудутъ въ Ригу всѣ меннониты, которыхъ я принялъ, и которые желаютъ отправиться, чтобы пополнить число лицъ, одаренныхъ ея императорскимъ величествомъ привилегіями. На этотъ предметъ я ему оставляю здѣсь денежныя средства, въ которыхъ онъ можетъ имѣть нужду. Если онъ исполнитъ свое обѣщаніе, то будетъ имѣть основаніе ожидать, что ея императорское величество вознаградитъ его путемъ вашего великодушнаго представительства и покровительства, къ чему я осмѣливаюсь его реко-

---

1) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дѣла колонистовъ 1786—1792 г.г.
2) Тамъ же.

мендовать, какъ моего друга и очень честнаго человѣка, которому покровительствуетъ г-нъ графъ Остерманъ“ [1]).

Въ письмѣ къ графу Остерману отъ 7/18 февраля Траппе между прочимъ заявлялъ о своей готовности исполнить приказаніе о выѣздѣ изъ Данцига, но сомнѣвался, чтобъ это можно было сдѣлать безъ ущерба „для короны“ ранѣе конца слѣдующей недѣли (7/18 число февраля въ 1788 г. приходилось на понедѣльникъ); въ дѣйствительности же онъ пробылъ въ Данцигѣ нѣсколько дольше: его удерживало здѣсь отчасти нежеланіе разстаться со своей „коммиссіей“, не только „полезной для Россіи“, но и выгодной лично для него, отчасти же необходимость привести въ порядокъ дѣла по организаціи переселенія навербованныхъ людей и укрѣпить ихъ рѣшимость переселиться въ Россію.

„Меннониты,—писалъ Траппе гр. Остерману отъ 6 марта (нов. ст.),—которыхъ я отправляю къ князю (Потемкину) и которые путешествуютъ въ своихъ собственныхъ экипажахъ, отняли у меня много времени. Добрые люди крайне встревожены, что я отъ нихъ уѣзжаю, они ссылаются на 17-й пунктъ своихъ ея императорскимъ величествомъ самолично утвержденныхъ привилегій; они рыдаютъ и плачутъ о моемъ отъѣздѣ, потому что ихъ энтузіазмъ къ Россіи и ихъ довѣріе ко мнѣ велики. Но я постарался ихъ успокоить и имъ добрымъ манеромъ объяснить, что передъ высочайшей императорской волей, вѣроятно только „ad interim“, даже привилегіи должны склоняться, хотя бы онѣ и были столь новы“ [2]).

Между прочимъ Траппе старался увлечь меннонитовъ заманчивой для нихъ перспективой обращенія въ христіанство крымскихъ татаръ, коихъ сосѣдями они сдѣлались бы по переселеніи въ Россію; *и этотъ мотивъ въ средѣ людей религіозно-настроенныхъ не могъ не имѣть нѣкотораго значенія, придавая переселенію, предпринятому въ силу чисто экономическихъ причинъ, нѣкоторую идеалистическую окраску.* „Они ничего не дѣлаютъ охотнѣе, — писалъ Траппе вице-канцлеру о меннонитахъ, — какъ крестятъ. О, если бы Россія пожелала воспользоваться приверженностью этихъ людей! Теперь —моментъ“ [3]).

Въ томъ же духѣ, разсчитанномъ на религіозное чувство эмигрантовъ, Траппе напечаталъ особую рекламу въ видѣ прощальнаго письма къ меннонитамъ. Въ ней онъ заявляетъ, что

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дѣла колонистовъ 1786—1792 г.г., „Extrait d'une lettre écrite à Son Altesse Monseigneur le Prince de Potemkin-Tavritscheskoi“.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

рѣшеніе меннонитовъ переселиться въ Россію *„есть дѣло Всемогущаго Творца, сокрывшаго подъ тѣмъ неисповѣдимыя премудрыя намѣренія“*...

Въ виду того, что въ его отсутствіе изъ Данцига недоброжелатели и завистники Россіи будутъ употреблять всѣ средства, чтобы отклонить меннонитовъ отъ переселенія, Траппе напоминаетъ имъ свой совѣтъ, который онъ давалъ имъ раньше неоднократно, „разсудить съ Богомъ о семъ дѣлѣ и ежедневно возсылать къ нему моленіе:

„Если дѣло Твое, о, Боже, помоги;
„Если же дѣло рукъ человѣческихъ, отврати,
„И помышленія наши премѣни“.
(„Ists Werk von Dir, so hilf zu Glück,
„Ists Menschenthun, so treibs zurück
„Und ändre unsre Sinnen“).

Указавъ на матеріальныя выгоды, соединенныя съ водвореніемъ въ Россіи, Траппе старается успокоить возможныя сомнѣнія меннонитовъ насчетъ свободы религіозной совѣсти въ Россіи:

„Если квакеры,—говорится далѣе въ рекламѣ,—изъ освобожденной Франціей Америки могли рѣшиться на переселеніе во Францію, нисколько не умаливъ этимъ истинныхъ заслугъ Франціи въ дѣлѣ освобожденія Америки, то тѣмъ менѣе вамъ слѣдуетъ колебаться выбрать вторымъ своимъ отечествомъ Россію, гдѣ еще въ большей степени, нежели во Франціи, существуетъ свобода вѣроисповѣданія и всѣ условія, необходимыя для благополучія, а въ особенности—для иностранцевъ. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, въ цѣломъ мірѣ можно было бы найти государыню, сдѣлавшую для иностранцевъ больше того, что̀ сдѣлала въ продолженіе 25-ти незабвенныхъ лѣтъ и еще теперь для нихъ дѣлаетъ проникнутая величайшимъ духомъ терпимости и благотворенія, премудрая монархиня Россіи, Екатерина Великая, чудо нашего вѣка?“

Въ заключеніе Траппе, во-первыхъ, проситъ меннонитовъ, переселяющихся въ Россію, позаботиться „о хорошихъ учителяхъ, о вѣрныхъ духовныхъ пастыряхъ“, которые пеклись бы о спасеніи ихъ душъ и благочестивой жизни, чтобы и въ Россіи меннониты „свѣтились свѣтомъ“ своимъ „предъ человѣки“, а во-вторыхъ, предостерегаетъ ихъ, чтобы въ составъ эмигрирующихъ партій не вошли люди нравственно испорченные, ведущіе явно порочный образъ жизни, какъ, напр., пьяницы, дабы тѣмъ не обезславить въ Россіи добраго имени меннонитовъ [1].

---

[1]) Оригиналъ печатный въ Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. (Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг.); русскій переводъ въ Государственномъ Архивѣ.

По словамъ самого Траппе, его „прощальное письмо“ произвело невѣроятное впечатлѣніе на меннонитовъ. „Я доволенъ тѣмъ, — писалъ онъ гр. Остерману отъ 6-го марта (нов. ст.) 1788 г., — что и въ такомъ случаѣ они не остались бы (на родинѣ), если бы захотѣли связывать ихъ веревками. На этой недѣлѣ меня дважды посѣтилъ ихъ епископъ, старый почтенный человѣкъ, сердечно расположенный къ Россіи; я представилъ ему мое письмо, онъ поцѣловалъ меня трижды и сказалъ, что все это правда, что Духъ Божій внушилъ мнѣ это, и вѣрно то, что императрица величайшая женщина, какая только существовала въ мірѣ“ [1]).

Еще разъ повторивъ въ письмѣ къ гр. Остерману отъ 9-го марта (нов. ст.) свою просьбу о порученіи отправки набранныхъ имъ людей Соколовскому, Траппе затѣмъ выѣхалъ изъ Данцига, но не въ Россію, а въ Любекъ.

2.

При 65-тидесятинномъ надѣлѣ на каждое семейство и при интенсивной системѣ хозяйства меннониты не могли обойтись безъ помощи батрачьяго труда, безъ найма работниковъ и работницъ.

Занимаясь сами преимущественно земледѣліемъ, они естественно нуждались въ услугахъ ремесленниковъ, не принадлежавшихъ къ ихъ религіозной общинѣ, въ особенности же такихъ, которые имѣютъ прямое и непосредственное отношеніе къ веденію сельскаго хозяйства, каковы, напр., кузнецы.

Наконецъ, намѣреваясь организовать сбытъ продуктовъ своего хозяйства по Днѣпру и Черному морю, меннониты должны были ощутить потребность въ людяхъ, привычныхъ къ водной стихіи, въ матросахъ. (Въ людяхъ послѣдней категоріи нуждался и императорскій флотъ, заведенный кн. Потемкинымъ на Черномъ морѣ).

Трудно было разсчитывать на то, что въ слабо населенномъ Новороссійскомъ краѣ найдутся эти три категоріи рабочихъ людей въ достаточномъ количествѣ, и потому приходилось подумать о приглашеніи ихъ изъ-за границы.

Когда въ 1787 г. Траппе вторично отправлялся со своей „коммиссіей“ въ Данцигъ, то ему одновременно поручено было резолюціей императорскаго кабинета, за подписью графа Але-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг.

ксандра Безбородко, „набрать для меннонитовъ въ Мекленбургскихъ владѣніяхъ значительное число батраковъ и служанокъ, а также нѣкоторыхъ имъ въ высшей степени необходимыхъ ремесленниковъ“ [1]).

Въ сѣверной Германіи въ XVIII столѣтіи Мекленбургъ былъ страной по преимуществу крупнаго дворянскаго землевладѣнія, гдѣ крестьянинъ спустился до положенія батрака.

Съ развитіемъ денежнаго капиталистическаго хозяйства здѣсь, какъ и въ другихъ государствахъ Германіи, дворяне начали стремиться къ завладѣнію крестьянскими землями, вопреки обычному праву. Опираясь на чуждое римское право, не считавшееся съ своеобразными условіями владѣнія и права средневѣковой Германіи, дворяне старались поставить своихъ крестьянъ въ положеніе временныхъ арендаторовъ, у которыхъ они въ правѣ на законномъ основаніи взять земли и отдать въ аренду. Это имъ въ концѣ концовъ и удалось. Большую роль въ созданіи крупнаго дворянскаго землевладѣнія, помимо реформаціи, съ ея секуляризаціей церковныхъ земель, и тридцатилѣтней войны, сыграла *огороженная* или *выгонная система полеводства*, которая въ началѣ XVIII столѣтія произвела переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ. „Эта система хозяйства основана на томъ, что черезъ извѣстные періоды обработка почвы мѣняется. Поля, засѣваемыя зерномъ, оставляютъ на нѣсколько времени въ покоѣ и превращаютъ ихъ въ искусственныя пастбища. Этотъ порядокъ усиливаетъ разведеніе скота и позволяетъ ограничить число работниковъ. Дворяне буквально массами гнали крестьянъ съ ихъ собственной земли, чтобъ очистить себѣ мѣсто для новой системы хозяйства“. Въ теченіе первой половины XVIII столѣтія такимъ образомъ дворяне въ Мекленбургѣ выселили болѣе 7.000 крестьянъ. Государственная власть была здѣсь безсильна противостоять организованной силѣ дворянства, и въ 1755 году формально подтвердила право дворянъ выселять осѣдлыхъ крестьянъ. Послѣ этого въ теченіе 27 лѣтъ, по свидѣтельству герцога Мекленбургскаго въ его письмѣ къ императору отъ 13 декабря 1782 года, рыцари выселили 49 деревень. „Однако же, если такъ пойдетъ дальше,— жаловался герцогъ въ упомянутомъ письмѣ, — то лѣтъ черезъ двѣсти въ тѣхъ мѣстностяхъ моей страны, гдѣ находится собственнность рыцарей и Landschaft, не останется ни одной деревни и ни одного крестьянина“ [2]).

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Письмо Траппе къ гр. Остерману отъ 7/18 февраля 1788 г.

[2]) „Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры“ П. Кампфмейера (Geschichte der Modernen Gesellschaftsclassen in Deutschland), 36—38 стр., Спб. 1898 г.

Въ виду указанныхъ особенностей своего хозяйственнаго строя, Мекленбургъ казался наиболѣе подходящимъ рынкомъ для вербовки батраковъ и работницъ въ меннонитскія колоніи. Вотъ почему, согласно упомянутой выше резолюціи императорскаго Кабинета, уже въ декабрѣ 1787 года Траппе послалъ своихъ эмиссаровъ въ „Нижнюю Саксонію" (Nieder Sachsen, т. е. нижнесаксонскій округъ священной Римской имперіи, въ составъ котораго входилъ Мекленбургъ) для приглашенія необходимыхъ меннонитамъ батраковъ, ремесленниковъ и работницъ. Сборнымъ пунктомъ для нихъ былъ назначенъ Любекъ, куда и направился Траппе послѣ выѣзда изъ Данцига.

Однако онъ не намѣренъ былъ оставаться здѣсь на продолжительное время и лично руководить наборомъ и отправленіемъ этого рода переселенцевъ: свою задачу онъ видѣлъ въ томъ, чтобы лишь наладить, организовать это дѣло.

Высшій надзоръ и контроль за отправленіемъ эмигрантовъ изъ Любека Траппе возложилъ на тамошняго русскаго консула надворнаго совѣтника Сапожникова, въ распоряженіе котораго онъ доставилъ и денежныя средства (3.000 марокъ). Наемъ кораблей, посадка въ нихъ колонистовъ и составленіе именныхъ списковъ послѣднихъ съ указаніемъ ихъ возраста, мѣста рожденія и вѣроисповѣданія были поручены особому оберъ-инспектору Калю (Kahl). Эти списки при письмѣ Сапожникова должны были пересылаться въ Ригу въ контору англійскихъ купцовъ—Торлея, Морисона, Угтерлони и К°, которой поручено было производить платежи за доставку и пересылку колонистовъ и содержать ихъ въ Ригѣ до отправленія на мѣсто водворенія.

Наконецъ, самая вербовка эмигрантовъ, съ обязательствомъ доставки ихъ прямо на корабли, была поручена особымъ тремъ агентамъ: 1) Генриху Христофору Герлаху, уроженцу Гамбурга, 2) Христофору Мейбауму изъ Гильдесгейма (aus dem Stifte Hildesheim gebürtig) и 3) Іоганну Адольфу Лангерману въ Данцигѣ.

Въ письмѣ Траппе къ Сапожникову изъ Альтоны отъ 16 апрѣля 1788 г., изъ котораго мы почерпнули свѣдѣнія о данной переселенческой организаціи, указываются и ея мотивы, а равно сообщаются свѣдѣнія о вербовщикахъ и даются Сапожникову указанія, въ какія отношенія онъ долженъ стать къ послѣднимъ. „Я прошу васъ замѣтить, пишетъ Траппе Сапожникову, — что не безразлично, какихъ людей мы будемъ принимать: не слѣдуетъ принимать разныхъ безполезныхъ бродягъ, которые будутъ напрашиваться. Отнынѣ и во все продолженіе войны слѣдуетъ принимать только такихъ людей, которыхъ ея императорское ве-

личество именнымъ указомъ сама соизволила назначить для блага и содѣйствія меннонитскимъ колоніямъ. Это значитъ, главнымъ образомъ, батраковъ и работницъ для земледѣлія и такихъ ремесленниковъ, которые нужны меннонитамъ, а также матросовъ и т. д."...

„Такъ какъ я по опыту въ Данцигѣ знаю, что ничто не производитъ такой сенсаціи и такого движенія, какъ если собрать въ большомъ городѣ много народа, чтобы содержать его и выдавать кормовыя деньги, и такъ какъ отсюда возникаетъ еще то зло, что сбѣгается много негодныхъ бродягъ, желая получить содержаніе, то я предусмотрительно заключилъ контрактъ съ нѣкіимъ Генрихомъ Христофоромъ Герлахомъ, уроженцемъ Гамбурга, чтобы онъ принималъ втихомолку, на счетъ короны, только такихъ людей, которыхъ я уже съ декабря мѣсяца прошедшаго года пригласилъ черезъ посланныя въ Нижнюю Саксонію агенства (Emissarien), чтобы поименованный сейчасъ Герлахъ собиралъ людей, потомъ ихъ, когда корабли будутъ почти готовы къ отплытію, отводилъ franco на корабль, за что онъ, согласно условію, получитъ съ каждой головы, не считая только дѣтей моложе 15-ти лѣтъ, по 4 ходячихъ Любекскихъ марки, а именно половину, т.-е. двѣ марки, при отплытіи каждаго корабля изъ рукъ вашего высокоблагородія, а другую половину въ Ригѣ послѣ прибытія колонистовъ. Такимъ образомъ вашъ трудъ облегчается: вамъ не придется выдавать кормовыхъ денегъ всякому въ отдѣльности, а только при отбытіи каждаго корабля вы возьмете у г-на Каля удостовѣреніе въ томъ, сколько головъ Герлахъ отвелъ на корабль, и вы заплатите ему за каждую голову старше 15 лѣтъ по двѣ Любекскихъ марки, взявъ съ него квитанцію.

„Если нѣкій Христофоръ Мейбаумъ изъ Гильдесгеймскаго монастыря, котораго я въ декабрѣ прошлаго года послалъ изъ Данцига съ полномочіемъ пригласить здоровыхъ молодыхъ батраковъ и работницъ, пріѣдетъ къ вамъ и привезетъ съ собою хорошихъ людей, то я прошу выдать ему удостовѣреніе въ томъ, сколько взрослыхъ людей привелъ онъ на корабль, по которому, при своемъ прибытіи въ Ригу, онъ получитъ условленную съ нимъ сумму денегъ. Если у этого Мейбаума выйдутъ деньги, напр., въ Любекѣ, то ваше высокоблагородіе могли бы ему въ томъ случаѣ, когда онъ привезетъ людей, выдать, разъ онъ потребуетъ денегъ, 30 или 40 Любекскихъ марокъ въ счетъ той суммы, которую онъ долженъ получить въ Ригѣ.

Я снабдилъ также нѣкоего Іоганна Адольфа Лангермана въ Данцигѣ полномочіемъ принимать людей. Если онъ приведетъ на

корабль хорошихъ безупречныхъ людей, то я прошу принять ихъ, и ему, Лангерману, выдать удостовѣреніе, сколько онъ привелъ головъ, по которому онъ получитъ въ Ригѣ слѣдуемое ему вознагражденіе при передачѣ людей. Но выдать Лангерману въ Любекѣ деньги на руки я считаю опаснымъ, потому что онъ кажется мнѣ недостаточно солиднымъ и надежнымъ".

За провозъ колонистовъ отъ Любека до Риги Траппе считалъ возможнымъ заплатить шкиперамъ по 2 Альбертовскихъ талера съ человѣка и по стольку же за содержаніе, — всего, слѣдовательно, за провозъ и содержаніе отъ Любека до Риги по 4 талера съ человѣка; но чтобы заинтересовать самихъ шкиперовъ въ этомъ дѣлѣ и тѣмъ обезпечить успѣхъ эмиграціи, онъ рекомендовалъ Сапожникову лучше отдѣлить плату за провозъ отъ платы за содержаніе колонистовъ, опредѣливъ послѣднюю въ 25 коп. за день для взрослаго эмигранта и въ 15 копеекъ для малолѣтняго, не достигшаго 15 ти лѣтъ[1]).

Всѣмъ этого рода эмигрантамъ, направлявшимся въ Россію черезъ Любекъ, Траппе гарантировалъ слѣдующія права и преимущества:

1) Безплатное путешествіе (freye Reise) отъ Любека до Риги водою.

2) Какъ только они (эмигранты) прибудутъ въ Ригу, т.-е. внутрь русскихъ границъ, каждому взрослому человѣку какъ мужескаго, такъ и женскаго пола—ежедневно четверть рубля, т.-е. 25 копеекъ, и каждому несовершеннолѣтнему ниже 15-ти лѣтъ—ежедневно 12 копеекъ денегъ на продовольствіе.

3) Равно такія же продовольственныя деньги и безплатный проѣздъ отъ Риги сухимъ путемъ до мѣста водворенія (bis an Ort und Stelle).

4) Сверхъ этого—содержаніе до первой жатвы.

5) Свободное исповѣданіе вѣры (freye Religionsübung, es sey, welche Religion es wolle).

6) Вѣчное освобожденіе отъ всякаго рода военной службы (ewige Befreyung von allen Soldatenübungen).

7) Батракамъ и работницамъ—хорошую и приличную плату отъ 18, 20, 24 до 30 рублей, смотря по тому, что они за люди; и когда они со временемъ захотятъ вступить въ бракъ и поселиться (ansetzen) — домъ съ необходимыми хозяйственными постройками, 60 десятинъ земли, также необходимое количество

---

[1]) Post-Scriptum къ письму Траппе на имя Сапожникова отъ 16 апрѣля 1788 г.

скота ((Zug-und-Nutz-Vieh) и 100 рублей ссуды для покупки на мѣстѣ водворенія земледѣльческихъ орудій и проч., сверхъ того десятилѣтнюю льготу отъ податей, по истеченіи которой назначается ежегодная подать неизмѣнно въ 9 рублей.

8) Ремесленникамъ въ деревнѣ—собственный домъ и столько пахотной земли и луговъ, сколько они желаютъ имѣть, при 100 рубляхъ ссуды и 10-ти льготныхъ (отъ податей) годахъ.

9) Ремесленникамъ въ городахъ—въ теченіе полугода безплатную квартиру, 10 льготныхъ лѣтъ и 100 рублей ссуды.

10) Свободу опять выѣхать изъ Россіи, когда пожелаютъ, если только возвратятъ коронѣ ссуду и уплатятъ подать за три года вмѣсто десятины (т.-е. десятой части нажитого въ Россіи имущества) [1]).

На этихъ условіяхъ консуломъ Сапожниковымъ было отправлено въ Россію всего 43 человѣка обоего пола [2]) въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, съ апрѣля по іюнь 1788 г., когда русскій посланникъ въ Гамбургѣ Гроссъ предписалъ пріостановить дальнѣйшій пріемъ эмигрантовъ такого рода впредь до новыхъ распоряженій изъ Петербурга [3]).

Дѣло въ томъ, что еще письмомъ отъ 30 марта 1788 года вице-канцлеръ гр. Остерманъ, „вслѣдствіе точнаго приказанія“ императрицы, поручилъ Гроссу принять въ свое вѣдѣніе „колонистскую коммиссію“ со всѣми ассигнованными на нее фондами. „Они (фонды) ввѣрены вамъ съ тѣмъ,—писалъ вице-канцлеръ Гроссу,—чтобы вы продолжали ихъ употреблять сообразно намѣреніямъ двора, и чтобы вы вспомоществовали ими тѣмъ лицамъ, которыхъ г-нъ Траппе принялъ на службу государству, разумѣется, всякій разъ, какъ вы предварительно удостовѣритесь въ ихъ неизмѣнномъ намѣреніи отправиться въ Россію, точно также какъ и относительно времени ихъ дѣйствительнаго отправленія. Мнѣ нѣтъ нужды предупреждать васъ относительно осмотрительности и мѣръ предосторожности, которыхъ требуетъ выполненіе плана, составленнаго во времена болѣе спокойныя, и который настоящія обстоятельства могутъ заставить разсматривать съ ложной точки зрѣнія. Ваша проницательность не позволяетъ

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг., письмо Траппе къ Сапожникову отъ 16 апрѣля 1788 г. изъ Альтоны.

2) Тамъ же: „Verzeichniss von Personen, die auf Anordnung des Herrn Director Trappe zum besten derer Mennonisten-Colonien in Taurien und theils für die Russisch-Kayserliche Flotte auf dem Schwarzen Meer allhier engagirt worden und mit denen nachher zugleich bemerkten Schiffern abgeseegelt sind“... Отправка колонистовъ обошлась съ небольшимъ въ 923 марки.

3) Тамъ же: письмо Гросса къ гр. Остерману отъ 20 іюня/1 іюля.

мнѣ сомнѣваться въ томъ, что вы направите Ваши шаги такимъ манеромъ, чтобы избѣжать всякой огласки, оказывая въ то же время новымъ колонистамъ ободреніе, какого они будутъ заслуживать“ [1]).

Одновременно, своимъ письмомъ отъ того же 30 марта, гр. Остерманъ предписывалъ Траппе немедленно, передъ отправленіемъ въ Россію, явиться въ Гамбургѣ къ русскому посланнику и не только объяснить ему причины своего путешествія въ Нижнюю Саксонію, но и дать отчетъ въ тѣхъ денежныхъ суммахъ, которыми онъ былъ снабженъ при отъѣздѣ изъ Россіи [1]). Письмо это было доставлено Гроссу для пересылки въ Любекъ по назначенію, но оказалось, что еще дней за 8 или за 10 до полученія письма въ Гамбургѣ, Траппе проѣхалъ черезъ этотъ городъ въ Голландію, „чтобы сдѣлать тамъ нѣсколько новыхъ наборовъ“ (колонистовъ), куда Гроссъ и переправилъ письмо вице-канцлера съ приложеніемъ собственнаго письма, въ которомъ убѣждалъ Траппе немедленно вернуться въ Гамбургъ, дабы сообща выполнить данныя имъ обоимъ приказанія двора [2]). Но возвращеніе въ Гамбургъ и затѣмъ оттуда въ Россію не входило въ намѣренія Траппе: ему вовсе не хотѣлось разставаться съ тѣмъ независимымъ и доставлявшимъ большія матеріальныя выгоды положеніемъ, которое обезпечивала ему „колонистская коммиссія“; при этомъ онъ могъ разсчитывать на скорое прекращеніе войны и на покровительство Потемкина, а потому подъ разными предлогами не исполнялъ предписанія гр. Остермана о дачѣ отчета въ израсходованныхъ суммахъ и о возвращеніи въ Россію. Придумывая все новыя и новыя препятствія къ исполненію этого предписанія, Траппе одинъ за другимъ составлялъ обширные проекты о соединеніи всѣхъ меннонитовъ въ одну религіозную общину и о привлеченіи въ Россію такихъ иностранцевъ, которые могли бы оказать ей существенныя услуги въ дѣлѣ развитія торговли, мануфактуръ, земледѣлія, судостроенія и мореплаванія.

На вышеупомянутое предписаніе вице-канцлера онъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ изъ Амстердама отъ 22 апрѣля/3 мая 1788 г.:

„Получи я это (письмо) въ бытность мою въ Гамбургѣ, я не поѣхалъ бы въ Голландію. Но не получая въ теченіе 8-ми недѣль никакого отвѣта на мое покорнѣйшее письмо отъ 18 фев-

[1]) Архивъ Гамбургской миссіи (въ Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.).
[2]) Тамъ же.
[3]) Моск. Гл Арх. Мин. Ин. Д.: Дѣла колонистовъ 1786—1792 г., письмо Гросса къ гр. Остерману отъ 18/29 апрѣля 1788 г.

раля, какъ я сообщилъ также г. Соколовскому въ Данцигъ, я вполнѣ соотвѣтственно обстоятельствамъ счелъ долгомъ послѣдовать инструкціи моего свѣтлѣйшаго начальника и сообразно съ этимъ приступить, наконецъ, къ путешествію по Голландіи, благодаря дальнѣйшему откладыванію котораго интересы короны сильно пострадали бы [1]). Въ теченіе 11 дней, которые я здѣсь нахожусь, я не щадилъ усилій, чтобы быть полезнымъ, имѣлъ при этомъ хорошій успѣхъ, и дѣло дошло до того, что будетъ созванъ синодъ меннонитскаго духовенства подъ предлогомъ изысканія подходящаго средства (ein schickliches Mittel ausfindig zu machen) къ соединенію и сліянію въ одну согласную общину эмигрирующихъ въ Россію данцигскихъ меннонитовъ, которые всѣ въ лицѣ ихъ предковъ происходятъ изъ Голландіи и нынѣ раздѣляются подъ именемъ грубыхъ и учтивыхъ меннонитовъ, и внушить имъ другъ къ другу ту самую вѣротерпимость, которая здѣсь достойнымъ подражанія образомъ господствуетъ въ общинѣ van het Lam en den Thoren. Если бы это осуществилось, то они могли бы не только между собою вступать въ браки, но и съ представителями иныхъ вѣроисповѣданій, что̀ принесло бы большую пользу государству.

„Я имѣю еще по поводу синода, къ выгодѣ Россіи, совершенно другія, простирающіяся на будущее время важныя намѣренія, о которыхъ я до времени не могу письменно распространяться.

„Вслѣдствіе милостиваго письма вашего сіятельства я такъ устрою (Durch Veranlassung Eu. Erlaucht gnädigen Schreibens werde ich meine Einrichtung nun so machen, dass ich mich noch einige Tage hier aufhalte), чтобы мнѣ остаться здѣсь еще нѣсколько дней, дабы поддержать начатое доброе дѣло и не имѣть необходимости снова сюда возвращаться, рѣшивъ препринять обратное путешествіе изъ Over-Issel'я чрезъ Доллартъ въ Остъ-Фрисландію и *оттуда прямо въ Гамбургъ*, какъ только это можно будетъ сдѣлать безъ ущерба для интересовъ короны“ [2]).

Траппе удалось заручиться посланіями голландскихъ меннонитовъ къ меннонитскимъ старѣйшинамъ въ Данцигѣ и сверхъ этого „очень трогательнымъ“ письмомъ ко всѣмъ переселяющимся

---

[1]) По увѣренію Траппе въ цитируемомъ письмѣ, онъ еще въ февралѣ 1787 г. изъ Кіева, съ вѣдома и одобренія Потемкина, вступилъ въ переговоры съ голландскими меннонитами, которые „съ большимъ усердіемъ приглашали“ его къ себѣ. Предписаніе графа Остермана застало его среди приготовленій къ путешествію во Фрисландію и Оберъ-Иссель къ тамошнимъ меннонитамъ.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг.

въ Россію меннонитамъ въ совокупности. Но онъ былъ не намѣренъ ограничиться этими результатами, такъ какъ вся его цѣль заключалась въ томъ, чтобы подъ разными предлогами продлить свое пребываніе за границей. Сейчасъ же у него возникаетъ планъ воспользоваться происходившей въ Голландіи борьбой между политическими партіями—княжеской и такъ называемой патріотической (къ послѣдней принадлежали почти всѣ богатые меннониты) для привлеченія въ Россію всѣхъ тѣхъ лицъ, чьи интересы такъ или иначе страдали отъ этой борьбы. Онъ вступаетъ въ сношенія съ „патріотами“ различныхъ голландскихъ городовъ (между прочимъ Гаарлема и Саардама) и по требованію ихъ отправляется въ Брюссель для переговоровъ съ эмигрировавшими туда голландскими крупными негоціантами и мануфактуристами, чтобы склонить ихъ къ переселенію въ Россію [1]). Эти переговоры требуютъ прямыхъ сношеній съ кн. Потемкинымъ, къ которому Траппе отправляетъ курьера изъ Брюсселя, а сверхъ этого въ томъ же Брюсселѣ и во Фрисландіи приготовляются депутаціи, „чтобы договариваться съ княземъ непосредственно“. Желающіе эмигрировать въ Россію требуютъ при этомъ, чтобы Траппе оставался, если не въ самой Голландіи, то по близости отъ нея до тѣхъ поръ, пока не будетъ полученъ отвѣтъ Потемкина. Такимъ образомъ опять находится приличный предлогъ не исполнять предписанія гр. Остермана о прибытіи въ Гамбургъ и затѣмъ въ Россію. Въ оправданіе своего поведенія Траппе совершенно некстати ссылается на то обстоятельство, что гр. Остерману, когда онъ отправлялъ свое предписаніе отъ 30 марта, не было извѣстно о назначеніи Каля оберъ-инспекторомъ по отправкѣ батраковъ и ремесленниковъ для меннонитскихъ колоній,

---

1) Въ письмѣ къ Гроссу отъ 12—23 мая изъ Амстердама Траппе, между прочимъ. писалъ: „Itzt noch ist der Zeitpunkt, dass Russland von denen hier immer noch herrschenden Unruhen Nutzen ziehen kann, vornehmlich in Ansehung derer Mennonisten, die bis diese Bunde erzpatriotisch gesinnt sind... Ew. Excellence belieben ja nicht zu glauben, als wenn hier die Gährung und Erbitterung der Gemüther schon aufgehört hätte. Keineswegs! Ich habe hier von etwa 9 Tagen von dem angeblich prinzlich-gesinnten Pöbel Excesse begehen sehen, deren sich vielleicht die guten Tataren in der Krimm geschämt haben würden“.

Въ письмѣ къ гр. Остерману отъ 5/16 іюня изъ Брюсселя Траппе также говоритъ о волненіяхъ въ Голландіи: „Ich bin seitdem die vereinigten Provinzen mit grossem Success durchgereiset, und habe zu meiner höchsten Verwunderung eine unglaubliche Gährung in denen Gemüthern angetroffen, wovon Russland fürs Commerce, Manufacturen, für die Landes-Cultur und für den Schiff-Bau und Schiff-Fahrt einen alle Erwartung übertreffenden soliden Nutzen ziehen kann. Denn die prinzlich-gesinnete Parthey übertreibt es und bringt die Patrioten, deren es in manchen Provinzen, als in Friesland, Gröningen und Nord-Holland ganz ausserordentich viele giebt, zur Verzweifelung, so dass brave wohlhabende Leute noch täglich emigriren, wovon ich als Augenzeuge sprechen kann“.

каковое назначеніе дѣлало излишнимъ дальнѣйшее пребываніе въ Любекѣ самого Траппе. „Это было бы для меня большимъ и, навѣрное, незаслуженнымъ униженіемъ, если бы министерство въ Петербургѣ хотѣло думать обо мнѣ,—писалъ Траппе гр. Остерману (отъ 5/16 іюня изъ Брюсселя),—что я не могу быть употребленъ ни на что лучшее, какъ только отправлять батраковъ и работницъ. Послѣдствія научатъ противному и укажутъ, что я способенъ сдѣлать для важнѣйшей пользы Россіи. Только мнѣ очень жаль, что я долженъ опасаться, что даже въ Петербургѣ изъ зависти къ славѣ князя (Потемкина) могутъ быть ставимы препятствія, коль скоро дойдетъ до того, чтобы привлекать въ Херсонъ крупныхъ негоціантовъ, мануфактуристовъ, судо-и мельнице-строителей“.

Полагаясь на покровительство Потемкина и пугая именемъ послѣдняго гр. Остермана, хотя и въ очень почтительной формѣ, Траппе продолжалъ въ указанномъ письмѣ:

„Когда ваше сіятельство въ будущемъ соизволите мнѣ присылать приказанія, я испрашиваю себѣ теперь только какъ милости, чтобы таковыя, гдѣ возможно, могли согласоваться:

1) съ моей отъ князя Потемкина полученной письменной инструкціей;

2) съ одобренной княземъ письменной конвенціей, которая также опредѣляетъ, какъ должны быть исчисляемы мною денежныя суммы по числу головъ, безъ обремененія этимъ г. министра Гросса въ Гамбургѣ, и

3) съ всемилостивѣйше утвержденными императрицей привилегіями, которыя служатъ для меня руководящей нитью“.

О своихъ намѣреніяхъ и планахъ Траппе извѣщалъ не только гр. Остермана, но и посланника Гросса въ Гамбургѣ, чрезъ посредство котораго отчасти велась и самая переписка съ вице-канцлеромъ.

Гроссъ былъ возмущенъ письмами Траппе и далъ настоящую оцѣнку его поведенія въ своихъ донесеніяхъ вице-канцлеру. Получивъ письмо Траппе отъ 12/23 мая изъ Амстердама, въ которомъ онъ сообщалъ о своемъ намѣреніи отправиться въ Фрисландію, чтобы воспользоваться происходившими тамъ волненіями для привлеченія эмигрантовъ въ Россію, Гроссъ писалъ вице-канцлеру отъ 16/27 мая 1788 г.: „Сколь сильно я ни склоненъ во всѣхъ отношеніяхъ, и въ особенности послѣ точныхъ приказаній со стороны нашего августѣйшаго двора, которыя я внушилъ ему о предметѣ его частнаго порученія, разсматривать все содержаніе его письма, какъ болтовню и приманку, предна-

значенныя къ тому, чтобы маскировать нѣкоторымъ образомъ его дурное намѣреніе, тѣмъ не менѣе я считаю своей обязанностью не освобождать себя отъ представленія здѣсь на усмотрѣніе вашего сіятельства... вѣрныхъ копій съ этой новой присылки г. Траппе ко мнѣ (des copies fidèles de cette nouvelle expédition du Sr. Trappe à moi), дабы вы сами могли судить объ излишествѣ его преувеличеннаго усердія или скорѣе его дерзости, обнаруженной въ этомъ случаѣ".

Получивъ затѣмъ сразу два письма Траппе (отъ 5/16 іюня) изъ Брюсселя—одно на свое имя, а другое—на имя гр. Остермана (отрывки изъ этого послѣдняго письма были приведены выше), Гроссъ снова писалъ вице-канцлеру отъ 13/24 іюня:

„Согласно тѣмъ понятіямъ, которыя я имѣю благодаря свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ вашего сіятельства, я откровенно признаюсь, что продолженіе этой корреспонденціи мнѣ кажется совершенно также непонятнымъ, какъ (и) содержаніе этихъ писемъ; но все же для меня невозможно сочетать все новые и обширные проекты г. Траппе съ тѣми точными приказаніями, которыя предписаны ему нашимъ августѣйшимъ дворомъ" [1]).

Въ Петербургѣ, повидимому, были сдѣланы попытки воздѣйствовать на Траппе чрезъ Потемкина, но онѣ ни къ чему не привели [2]): изъ Брюсселя Траппе переѣзжаетъ въ Лондонъ, откуда въ письмѣ отъ 8 іюля (пов. ст.) 1788 г. сообщаетъ вице-канцлеру новые проекты о привлеченіи въ Россію разнаго рода эмигрантовъ и обѣщаетъ ей отъ своей дѣятельности всякое ожиданіе превосходящія выгоды „для (умноженія) населенія, для торговли и мануфактуръ и, *что̀ самое главное и даетъ основаніе всему—для культуры прекраснѣйшихъ и плодороднѣйшихъ... (но) къ сожалѣнію лежащихъ невоздѣланными земель*".

На этотъ разъ вице-канцлеръ не счелъ возможнымъ отдѣлываться молчаніемъ отъ предложеній Траппе, и въ письмѣ отъ 8 августа того же года (ст. ст.) повторилъ ему данныя раньше приказанія.

---

[1]) Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Д.: Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг.

[2]) Гроссъ въ письмѣ къ вице-канцлеру изъ Гамбурга отъ 20/31 октября 1788 г., упомянувъ о полученіи консуломъ Сапожниковымъ двухъ писемъ отъ Траппе, писалъ: „Selon la première, qui est datée de Londres du 5 Août il paroit, que ce dernier (Trappe) continue de poursuivre son voyage et les recherches y relatives, quoique par une contradiction très évidente il y fasse mention en même temps d'un ordre exprès, par lequel Monseignenr le Maréchal Prince de Potemkin, sur les instructions duquel il s'est reporté toujours depuis, lui doit avoir enjoint en date du 10 juin de cette année, de surseoir jusqu'à une paix prochaine toute démarche ultérieure touchant sa sommission".

„Ни одно изъ вашихъ писемъ,—говорилось въ письмѣ вице-канцлера,—со времени отъѣзда изъ Данцига до вашего прибытія въ Лондонъ, не ускользнуло отъ вниманія ея императорскаго величества. По высочайшему повелѣнію я имѣю повторить вамъ отправленныя въ моемъ письмѣ отъ 30 марта точныя приказанія, потому что теперь не такое время, когда можно заниматься наборомъ и водвореніемъ новыхъ колонистскихъ семействъ. Вы должны поэтому во всѣхъ пунктахъ сообразоваться съ предписаніями, изложенными въ вышеуказанныхъ письмахъ, и по полученіи сего, до заключенія, дай Богъ, скораго мира, воздержаться отъ дальнѣйшаго набора (Enrolliren) колонистовъ, а также отъ осуществленія остальныхъ, вами предложенныхъ проектовъ [1]).

Но и это письмо не удержало Траппе ни отъ продолженія своего путешествія, ни отъ представленія новыхъ проектовъ. Вскорѣ его мы видимъ въ Шотландіи, откуда онъ (изъ Глесго отъ 30 сентября 1788 года) обращается въ Любекъ къ консулу Сапожникову съ предложеніемъ произвести расчетъ въ тѣхъ суммахъ, которыя ему были ввѣрены на отправку въ Россію батраковъ и работницъ. Но Гроссъ предписалъ Сапожникову оставшіяся отъ этой операціи деньги (2076 мар. съ небольшимъ или приблизительно, по опредѣленію Гросса, 600 экю) оставить неприкосновенными и отнюдь не возвращать Траппе. Это дало послѣднему поводъ жаловаться, что секвестръ указанной небольшой суммы лишилъ его возможности „доставить государству множество колонистовъ и матросовъ" [2]).

Вернувшись въ Англію, Траппе отъ 27 октября посылаетъ письмо вице-канцлеру, въ которомъ объясняетъ цѣль своей поѣздки въ Шотландію и излагаетъ новые свои проекты.

„Послѣ того, какъ я вернулся изъ моего путешествія въ Шотландію,—говорилось между прочимъ въ этомъ письмѣ,—*гдѣ я внимательно присмотрѣлся къ земледѣлію и фабрикамъ,* и гдѣ я нашелъ, что жители, вообще говоря, лучше относятся къ Россіи, чѣмъ въ Англіи, моя великая, даже безграничная, жажда учиться и расширить свои познанія, особенно касательно такихъ фабрикъ, которыя интересны для Россіи, привела меня вторично въ Іоркширъ, и я вамъ пишу это письмо изъ имѣнія одного изъ моихъ старыхъ друзей (Tyresal in Yorkschire) Ричарда Торнтона, бывшаго долгое время главою (chef) англійскихъ купцовъ въ Гамбургѣ: его большія свѣдѣнія могутъ мнѣ многое освѣтить, тѣмъ болѣе,

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг..
2) Тамъ же: письмо Гросса къ гр. Остерману отъ 20/31 октября 1788 г.

что его имѣніе лежитъ между Галифаксомъ и Лидсомъ, гдѣ находятся важнѣйшія шерстяныя іоркширскія мануфактуры. О, если бы я дожилъ до того дня, когда Россія послѣдуетъ примѣру англичанъ, создастъ въ деревняхъ классъ мелкихъ мануфактуристовъ и дастъ имъ возможность каждый кусокъ матеріи, сотканный на собственныхъ ткацкихъ станкахъ, немедленно превратить въ деньги. При нѣкоторомъ желаніи это можно осуществить, и быть можетъ въ будущемъ я смогу указать пути, ведущіе къ осуществленію этого. Черезъ три недѣли я думаю снова быть въ Лондонѣ и буду радъ найти тамъ отъ вашего сіятельства отвѣтъ, который несомнѣнно дойдетъ до меня, если будетъ адресованъ на имя придворнаго банкира Сутерланда".

Едва ли Траппе дождался отъ вице-канцлера какого-либо отвѣта на это письмо, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало продолженію его путешествія.

Въ 1790 г. онъ путешествуетъ по Франціи, знакомясь тамъ съ состояніемъ промышленности и входя въ сношенія съ фабрикантами и ремесленниками, а въ 1791 г. появляется въ Лозаннѣ въ Швейцаріи.

Столь настойчиво отказываясь повиноваться предписаніямъ вице-канцлера о пріостановкѣ своей дѣятельности до возстановленія міра, Траппе, очевидно, надѣялся на скорое прекращеніе военныхъ дѣйствій и покровительство Потемкина, который, по заключеніи мира, вѣроятно снова бы принялся за свою энергичную дѣятельность по заселенію и оживленію пустыннаго Новороссійскаго края, и не оставилъ бы безъ вниманія проектовъ, преслѣдовавшихъ эту цѣль. Но надеждамъ Траппе не суждено было осуществиться: война затянулась, и самъ Потемкинъ не дожилъ до заключенія мира. Траппе теперь не оставалось иного исхода, какъ просить императрицу объ увольненіи его отъ должности „директора и попечителя колоній", состоявшихъ въ вѣдѣніи Потемкина. Это онъ и сдѣлалъ въ прошеніи на имя императрицы и въ письмѣ и „меморіалѣ", адресованныхъ вице-канцлеру. Всѣ три документа датированы Лозанной 30-мъ декабря 1791 года.

Но, подавая прошеніе объ увольненіи и ходатайствуя при этомъ о награжденіи его чиномъ коллежскаго совѣтника и орденомъ св. Владиміра, Траппе питалъ надежду, что его отставка не будетъ принята, и одновременно съ просьбой о ней предлагалъ свои услуги для вызова въ Россію „разныхъ фабрикантовъ, ремесленниковъ и хлѣбопашцевъ изъ Германіи, Англіи, Франціи и Голландіи".

Въ случаѣ, если его услуги будутъ приняты, Траппе просилъ объ уплатѣ ему жалованья, слѣдуемаго въ силу условія, заключеннаго имъ съ покойнымъ кн. Потемкинымъ, о назначеніи съ 1 января 1792 г. новаго жалованья въ размѣрѣ 1200 голландскихъ дукатовъ ежегодно, о награжденіи чиномъ статскаго совѣтника и дарованіи права на пенсію въ 600 голландскихъ дукатовъ.

Несмотря на заключеніе мира съ турками въ декабрѣ 1791 г. въ Яссахъ, развязывавшее руки правительству для внутренней дѣятельности, предложенія Траппе были отклонены письмомъ вице-канцлера отъ 13 февраля 1792 г.

Графъ Остерманъ въ означенномъ письмѣ писалъ Траппе, что императрица въ данный моментъ не видитъ никакой необходимости въ вызовѣ предлагаемыхъ имъ колонистовъ, между тѣмъ какъ въ письмѣ отъ 8 августа 1788 г., когда былъ живъ Потемкинъ, вице-канцлеръ предлагалъ оставить проекты о вызовѣ *до заключенія мира*. Естественно, что отказъ русскаго правительства очень не понравился Траппе, и въ его запоздаломъ отвѣтномъ письмѣ (изъ Невшателя отъ 4 октября 1792 г.) звучитъ очень замѣтная нота раздраженія.

„Тотчасъ же,—писалъ Траппе вице-канцлеру,—по полученіи вашего милостиваго письма отъ 13 февраля текущаго года я не преминулъ, во всеподданнѣйшее исполненіе сообщенной мнѣ высочайшей императорской воли и приказанія, отказать рабочимъ, фабрикантамъ и поселянамъ, которые заявили мнѣ о своемъ желаніи поселиться въ Крыму и въ Новой Сербіи, и предложенія которыхъ я долженъ былъ принять къ свѣдѣнію въ силу именной инструкціи покойнаго кн. Потемкина, при чемъ я присоединилъ (къ отказу) объясненіе на англійскомъ, голландскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ, какъ вы изволите выражаться, что *„ея императорское величество не видитъ въ этомъ въ данную минуту никакой необходимости“*. Такое объясненіе произвело естественно удручающее впечатлѣніе на многихъ порядочныхъ людей, особенно же на добрыхъ французовъ, которые, тѣснимые страшной нуждой въ ихъ отечествѣ и господствующей въ немъ невѣроятной безработицей [1]), настоятельнѣйшимъ образомъ просили меня перенести ихъ промышленность и ихъ умѣнье въ Крымъ, какъ я объ этомъ откровенно и обстоятельно докладывалъ его превосходительству тайному совѣтнику Симолину, бывшему послу въ Парижѣ.

---

[1]) Это было время революціи во Франціи.

Я никогда не безпокоилъ бы ея императорскаго величества ни своимъ рапортомъ, ни своими предложеніями, если бы ваше сіятельство не писали мнѣ въ письмѣ отъ 8 августа 1788 г., чтобы я воздержался отъ дальнѣйшей вербовки колонистовъ, а также отъ исполненія другихъ мною предложенныхъ проектовъ до возстановленія мира. Я поэтому и ждалъ до заключенія мира".

Упомянувъ далѣе о своей рѣшимости не обращаться болѣе къ русскому правительству съ новыми предложеніями и выразивъ увѣренность, что императрица „zur Aufrechthaltung der öffentlichen Treue und des guten Glaubens" желаетъ исполненія контрактовъ, заключенныхъ покойнымъ кн. Потемкинымъ, и не требуетъ того, чтобы онъ (Траппе), въ качествѣ директора и куратора колоній, служилъ безъ жалованья, Траппе просилъ выдать ему: а) заслуженное и не полученное жалованье, б) 1980 руб. денегъ, затраченныхъ имъ на отправку колонистовъ и в) 2076 любекскихъ марокъ, составляющихъ около 270 голландскихъ дукатовъ[1]), которыя удержаны консуломъ Сапожниковымъ вопреки контракту, заключенному имъ, Траппе, съ кн. Потемкинымъ. „Если такой контрактъ въ Россіи недѣйствителенъ" (nicht gelten sollte), заключаетъ Траппе, то я по истинѣ долженъ пожалѣть каждаго честнаго человѣка, который захотѣлъ бы имѣть дѣла съ высокой короной".

Данное письмо Траппе гр. Остерманъ представилъ императрицѣ, которая повелѣла удовлетворить требованія „сего вызывателя", если они окажутся справедливыми, рѣшеніе же вопроса о томъ, насколько они справедливы, предоставить генералъ-майору Василію Степановичу Попову, какъ человѣку близкому къ Потемкину и посвященному во всѣ его дѣла и планы. Во исполненіе этого повеленія вице-канцлеръ при своемъ письмѣ отъ 2 ноября 1792 г. препроводилъ къ Попову какъ послѣднее письмо Траппе отъ 4 октября 1792 г., такъ и всѣ другіе документы, могущіе пролить свѣтъ на предстоящій его рѣшенію вопросъ. Къ какому заключенію пришелъ генералъ Поповъ по разсмотрѣніи всѣхъ этихъ данныхъ, изъ архивныхъ документовъ не видно. Но отъ самого „вызывателя" обратимся теперь къ набраннымъ имъ и покинутымъ въ 1788 г. въ Данцигѣ меннонитамъ[2]).

---

[1]) ...„Dukaten... die ich ihm baar anvertrauet, um solche nach Riga zur Bestreitung der Transport-Kosten einer kleinen holländischen Colonie zu übermachen, die ich nebst einem Prediger aus Edam auf ausdrücklichen schriftlichen Befehl des sel. Fürsten nach Riga habe senden müssen und die, falls ich recht berichtet bin, von ihm von Dubrovna aus nach Arabat in der Krimm gesandt worden".

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг..

3.

Депешей отъ 30 марта 1788 г. гр. Остерманъ предписалъ Соколовскому взять на себя отправленіе въ Россію набранныхъ Георгомъ Траппе меннонитовъ. Въ отвѣтъ на это предписаніе (въ донесеніи отъ 19/30 апрѣля того же года), упомянувъ о своей готовности приложить „крайнее раченіе“ къ отправленію въ Ригу „сготовившихся туда ѣхать колонистами гданскихъ менонистовъ“, Соколовскій выражалъ опасеніе насчетъ благополучнаго исхода порученнаго ему дѣла: „но не безъ опасности предвижу я, — писалъ онъ вице-канцлеру,—великое въ томъ теперь затрудненіе и почти самую невозможность по той причинѣ, что мнѣ такого отправленія моремъ скрытно предпринять въ разсужденіи прусскаго Фарвассера никакъ не можно, а публично и самъ магистратъ дозволенія дать не смѣетъ, дабы чрезъ то не подать непріятелямъ его причины къ приписанію ему того въ непростительное преступленіе. Я хотя еще и никому не объявлялъ содержанія вышепомянутой вашего сіятельства депеши, однако уже меня здѣсь подозрѣвать начинаютъ, и для того теперь слышу я, что правленіе отказывается давать отъ себя пашпорты ѣдущимъ гданскимъ людямъ въ Россію. Со всѣмъ тѣмъ, презирая всѣ трудности и заботы, намѣренъ я неустрашимо, но осторожно, дабы не зависить отъ прусскаго здѣсь резидента, отважиться послать, если счастье мнѣ послужитъ, нѣкоторое число колонистовъ *сухимъ путемъ*; и для того писалъ я въ Ригу и Митаву, дабы сюда прислано было нѣсколько русскихъ съ подводою извозчиковъ: ибо *какъ гданскимъ и прусскимъ здѣсь фурманамъ, такъ и шкиперамъ запрещено подъ великимъ штрафомъ каждому отъ своихъ начальниковъ наниматься везти въ Россію отсюда какихъ бы то ни было колонистовъ*...

„Прусскій здѣсь обрѣтающійся резидентъ, имѣя главную команду надъ Фарвассеромъ, изъясняется уже нарочно, что и онъ съ своей стороны никого изъ гданскихъ жителей изъ оной гавани велѣть пропустить не можетъ безъ гданскаго пашпорта. Для того я принужденъ былъ отказать одному дацкому шкиперу, пріѣхавшему было изъ Даніи сюда нарочно со мною подрядиться для колонистскаго такого же транспорта, какой онъ уже и прежде здѣсь имѣлъ отъ г. Траппе“ [1]).

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ: Сношенія Россіи съ имперскими городами, III, Dantzig.

Само данцигское правительство не удержалось отъ протеста противъ дѣятельности Соколовскаго по переселенію меннонитовъ въ Россію; правда, письмо заключавшее протестъ, носило полуофиціальный характеръ, какъ „писанное подъ видомъ одного сенатора“, но въ дѣйствительности оно выражало мнѣніе всего магистрата и при томъ съ бóльшей свободой, чѣмъ это допускалось въ строго офиціальныхъ актахъ. Въ письмѣ указывалось на неискренность поведенія Россіи, которая вмѣсто того, чтобы оказывать городу свое покровительство, стремится обезлюдить и привести его въ упадокъ, заботясь только о своей выгодѣ; что прусскіе эмиссары, очень чуткіе ко всему, что̀ можетъ служить ихъ интересамъ, пользуются этимъ для возбужденій данцигской буржуазіи противъ Россіи „и стараются подъ рукою (скрытно) сѣять величайшее недовѣріе къ русскому Двору“ [1]).

Однако послѣдній, несмотря на этотъ протестъ магистрата и неблагопріятныя политическія обстоятельства того времени, не могъ отказаться отъ переселенія меннонитовъ и прочихъ колонистовъ, принятыхъ Траппе, такъ какъ они уже ликвидировали на родинѣ свои имущественныя отношенія: запрещеніе переселиться въ Россію разорило бы ихъ и уронило бы престижъ русскаго правительства за границей. Вотъ почему данное Соколовскому предписаніе не могло быть отмѣнено. Магистратъ долженъ былъ считать себя удовлетвореннымъ уже и тѣмъ, что спеціальный агентъ для набора колонистовъ, производящій вербовку ихъ явно и съ шумомъ, былъ удаленъ изъ Данцига.

Впрочемъ, самъ Соколовскій понялъ повидимому шире возложенную на него „весьма для государства нашего полезную коммиссію“ и не ограничился отправленіемъ въ Россію только навербованныхъ Траппе колонистовъ, но принималъ въ число эмигрантовъ и новыхъ лицъ; тѣмъ не менѣе его дѣятельность не сопровождалась вызывающимъ и раздражающимъ шумомъ, происходила какъ бы втихомолку [2]).

---

[1]) „Il faut Vous faire Monsieur“, говорилось въ адресованномъ Соколовскому письмѣ, „encore une remarque, c'est que le troisième ordre a fait au Magistrat dernièrement que plusieurs mennonites du territoire Dantzigois quittent la ville, pour s'embarquer à Riga, au-delà de 200 familles; que Vous leur donniez des passeports, que pareille chose se faisoit pour des fils de paysans jeunes et de grande taille, lesquels s'embarqueront pour la Russie afin de devenir soldats et caet., que le dit ordre prend tout cela pour une marque trop évidente, que la Russie, au lieu de protéger la ville, ne tendoit qu'à dépeupler et détruire la ville, et profiter de ses dépouilles. Les émissaires prussiens, trop vigilants en tout ce qui peut servir leurs intérêts, insinuent aux bourgeois de pareilles propos contre la Russie, et s'empressent sous main de semer la plus grande méfiance contre Votre Cour. Москов Гл. Арх. Мин. Ин. Д., Dantzig: Приложеніе къ письму Соколовскаго отъ 18/29 апрѣля 1788 г.

[2]) Въ письмѣ отъ 11/30 апрѣля Соколовскій между прочимъ писалъ вице-канцлеру: „Послѣ отъѣзда отсюда г. надворного совѣтника Траппе, отправилъ я

Съ марта по ноябрь 1788 г. Соколовскій отправилъ въ Ригу тысячу триста тридцать три (1,333) души обоего пола меннонитовъ и лютеранъ, при чемъ тѣ, которымъ удавалось получить надлежащій „вольный“ паспортъ отъ прусскаго резидента, отправились туда моремъ, а остальные сухимъ путемъ. По прибытіи въ Ригу эмигранты поступали въ вѣдѣніе тамошней конторы англійскихъ купцовъ—Торлея, Морисона, Угтерлони и К°, которая выдавала имъ кормовыя деньги до тѣхъ поръ, пока правительство не отправляло ихъ въ городъ Дубровну. Въ Дубровнѣ же ближайшее попеченіе о колонистахъ было возложено на управляющаго дубровенскимъ графствомъ оберъ-квартирмейстера барона Карла Маркловскаго, который съ наступленіемъ весенняго времени долженъ былъ озаботиться отправленіемъ ихъ водою въ Екатеринославское намѣстничество для водворенія.

Такъ какъ подрядчики, явившіеся по публикаціи могилевскаго правленія, требовали слишкомъ высокой платы за перевозку туда колонистовъ и ихъ имущества, а именно—по 50 рублей съ души и по 40 копеекъ съ пуда клади, то Маркловскій, „единственно предохраняя казну отъ излишнихъ издержекъ“, согласился взять подрядъ на себя, полагая за перевозку до Кременчуга по 15 рублей съ человѣка и по 25 копеекъ съ пуда клади; за перевозку же отъ Кременчуга далѣе до Екатеринослава онъ потребовалъ дополнительной платы по 7 рублей съ души и по 10 копеекъ съ пуда клади „въ разсужденіи дороговизны въ тамошнихъ мѣстахъ въ наймѣ рабочихъ людей“. На приготовленныхъ Маркловскимъ баржахъ и совершилась перевозка колонистовъ въ Новороссійскій край весною 1789 года [1]).

Неизвѣстно по какимъ соображеніямъ правительство отказалось отъ водворенія меннонитовъ на выговоренныхъ ими мѣстахъ у Конскихъ Водъ, а отвело имъ для поселенія лежащее по правому берегу Днѣпра урочище Хортицы съ островомъ того же имени.

Здѣсь меннониты основали 8 колоній: Хортицъ, Розенталь, островъ Хортицъ, Эйнлаге, Кронсвейде, Нейенбургъ, Нейндорфъ и Шёнгорстъ; прибывшіе же одновременно съ ними изъ Данцига колонисты лютеранскаго вѣроисповѣданія были водворены въ количествѣ 90 семей особой колоніей въ Новомосковскомъ уѣздѣ

уже благополучно въ Ригу сухимъ путемъ *безъ малѣйшаго шуму и примѣчанія* 99 душъ мужеска и женска пола какъ меннонитскаго, такъ и лютеранскаго исповѣданія колонистовъ, на русскихъ тогда нечаянно здѣсь случившихся подводахъ“... Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Dantzig.

[1]) Государственный Архивъ.

Екатеринославской губерніи, гдѣ имъ отведено было 3,970 десятинъ 1,558 саженъ удобной земли. Отъ имени своей колоніи Іозефсталь они получили названіе Іозефстальскихъ; среди нихъ были не только земледѣльцы, но и ремесленники [1]).

Поселеніе въ Новороссіи упомянутыхъ выше меннонитовъ, которыхъ называютъ меннонитами перваго водворенія, предпринято было не въ добрый часъ. Главный организаторъ въ дѣлѣ заселенія Новороссійскаго края и покровитель иностранныхъ колонистовъ, Потемкинъ, былъ занятъ въ это время военными дѣйствіями противъ турокъ, а потомъ въ 1791 году скончался. Къ тому же война истощила средства казны, и послѣдняя, нуждаясь въ деньгахъ, не могла своевременно выполнить своихъ обязательствъ передъ меннонитами по выдачѣ имъ выгодныхъ пособій въ размѣрѣ 500 рублей на каждое семейство. Деньги выдавались меннонитамъ по частямъ и тратились ими на текущіе расходы по содержанію семьи и необходимое обзаведеніе домашней утварью; на то же пошелъ и выданный имъ въ количествѣ 120 бревенъ на семейство лѣсъ, который они продавали для той же цѣли. Дѣло въ томъ, что собственныхъ средствъ у меннонитовъ не было никакихъ, и даже привезенныя ими съ родины домашнія вещи перепортились совершенно или отчасти во время пути; въ мало же культурномъ и слабо заселенномъ Новороссійскомъ краѣ пріобрѣтеніе необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ требовало большихъ расходовъ. Немудрено поэтому, что положеніе меннонитовъ въ первые четыре года по водвореніи было далеко не завиднымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и письмо Траппе къ вице-канцлеру гр. Остерману отъ 4 октября 1792 года. Въ этомъ письмѣ Траппе между прочимъ писалъ:

„Голландскіе меннониты, въ особенности нѣкоторые очень богатые изъ сѣверной Голландіи, рѣшили, по моему совѣту, употребивъ на то значительныя денежныя средства, устроить большое поселеніе въ Херсонѣ, или въ Очаковѣ, или въ Крыму, и послали съ этой цѣлью человѣка, на котораго можно положиться, въ эти отдаленные края, чтобы изслѣдовать все нужное на мѣстѣ. Этотъ человѣкъ теперь вернулся, но въ виду положенія, въ которомъ онъ нашелъ данцигскихъ меннонитовъ, несмотря на обѣщанія, сдѣланныя покойнымъ княземъ (Потемкинымъ) и утвержденныя самой императрицей, онъ представилъ такой плачевный докладъ, что я его не могъ читать безъ слезъ. Изъ этого до-

[1]) Журналъ Министерства Госуд. Имуществъ 1854 г., августъ: „Историческое обозрѣніе водворенія иностранныхъ поселенцевъ въ Россіи“, 65 стр.

клада видно, что онъ нашелъ большинство этихъ несчастныхъ людей живущими еще въ землянкахъ, и по прошествіи четырехъ лѣтъ у нихъ все еще нѣтъ строительнаго матеріала и денегъ, такъ что многіе отъ отчаянія, вызваннаго обращеніемъ губернатора Синельникова, умерли, а другіе отказались отъ всякой надежды избавиться отъ голода, страшной нужды и прочихъ ужасныхъ вещей“ [1]).

Несмотря на тяжелыя испытанія, которымъ подверглись меннониты въ Россіи на первыхъ порахъ, переселеніе въ нее ихъ единовѣрцевъ изъ Данцига не прекращалось. Съ 1793 по 1796 годъ прибыло въ Россію еще 118 семействъ, составившихъ *второе водвореніе* меннонитовъ.

Такъ какъ на островѣ Хортицѣ и лежащихъ на правомъ берегу Днѣпра дачахъ имѣлось всего лишь 20,000 десятинъ земли и, слѣдовательно, для поселенія здѣсь всѣхъ меннонитовъ, если считать по 65 десятинъ на каждое семейство, ея не хватало, то депутатъ Геппнеръ просилъ правительство объ отправленіи части меннонитовъ „на избранное ими прежде противъ Бериславля мѣсто“. Но еще болѣе желательнымъ выходомъ изъ этого затрудненія Геппнеру и его довѣрителямъ представлялось переселеніе русскихъ крестьянъ изъ деревни Хортицкой на другое мѣсто: во-первыхъ, тогда всѣ меннониты могли бы поселиться въ дачахъ Хортицы, а во-вторыхъ, въ оставленныхъ крестьянами домахъ они „на первый случай могли бы“ „имѣть пристанище“ вмѣсто неудобныхъ землянокъ [2]).

Правительство, впрочемъ, несмотря на все свое расположеніе къ меннонитамъ, не сочло возможнымъ согласиться ни на ту, ни на другую мѣру. Изъ 118 семействъ второго водворенія 86 семействъ было поселено на Хортицѣ, а остальныя 32 семейства въ 1797 году составили двѣ отдѣльныя колоніи: Шёнвизе (17 семействъ) въ Александровскомъ уѣздѣ и Кронсгартенъ (15 семействъ) въ Новомосковскомъ уѣздѣ.

Меннониты второго водворенія прибыли въ Россію со значительными денежными средствами и привели съ собою болѣе 400 головъ лошадей и нѣкоторое количество рогатаго скота хорошихъ иностранныхъ породъ; сверхъ этого они своевременно получили и обѣщанную правительствомъ ссуду. Поэтому прибытіе ихъ сильно ободрило упавшихъ было духомъ ихъ единовѣрцевъ перваго водворенія, которые теперь же, одновременно съ

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дѣла колонистовъ 1786—1792 гг.
[2]) Государственный Архивъ: изложеніе прошенія Геппнера (по-русски).

меннонитами второго водворенія, получили всю недоданную имъ раньше долю ссудныхъ денегъ. Мало-по-малу меннониты обзавелись домами и необходимымъ хозяйственнымъ инвентаремъ, усердно занялись хлѣбопашествомъ и получили возможность обходиться собственнымъ, не покупнымъ хлѣбомъ.

Такъ посѣяны были нашимъ правительствомъ первыя сѣмена нѣмецкой, въ частности меннонитской, колонизаціи на югѣ Россіи, давшія впослѣдствіи обильные всходы.

Вторая турецкая война въ царствованіе Екатерины II, прервавъ на время дальнѣйшее переселеніе меннонитовъ въ Россію, вызвала иммиграцію въ нее христіанъ изъ Оттоманской имперіи.

По взятіи Измаила переведено и добровольно перешло на нашу сторону 46 человѣкъ христіанъ (въ томъ числѣ 24 человѣка „пилипоновъ“, т.-е. русскихъ старообрядцевъ); въ продолженіе „экспедиціи Исакчинской“ выведено 183 семьи. Затѣмъ послѣдовали переселеніе армянъ изъ Измаила: по 24 сентября 1791 г. выѣхала оттуда 91 армянская семья для водворенія въ Новомъ Дубосарѣ. Генералъ-поручикъ Голенищевъ-Кутузовъ приказалъ бендерскому коменданту барону Вестфалену временно помѣстить часть армянъ въ Бендерахъ, „принявши ихъ въ особое покровительство“ [1]).

Въ ту же войну, по распоряженію Потемкина, „взято изъ разныхъ мѣстъ“ по рѣкѣ Дунаю 831 семейство болгаръ для поселенія по лѣвому берегу Днѣстра, во вновь пріобрѣтенной отъ Порты области. Но такъ-какъ изъ числа ихъ 58 семей убѣжали въ Молдавію, то послѣ этого „всѣ сомнительныя и наклонные къ побѣгу“ болгаре въ числѣ 287 семей (873 души взрослыхъ и 103 малолѣтнихъ обоего пола) были переведены на лѣвую сторону рѣки Буга „и поселены тамъ по мѣстамъ выгоднѣйшимъ, самими ими избраннымъ. Для ихъ тамо всегдашняго съ ними пребыванія и способствованія къ доставленію имъ всего потребнаго“ въ 1792 году опредѣленъ былъ отставной капитанъ Савва Бадюлъ, „человѣкъ испытанной въ усердіи къ службѣ и имѣющій свойственную къ тому способность“. Жалованье ему было опредѣлено въ размѣрѣ 250 рублей въ годъ. На построеніе домовъ и обзаведеніе скотомъ и земледѣльческими орудіями поселеннымъ по Бугу болгарамъ, по докладу графа Платона Зубова отъ 12

---

[1]) Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба, № 555, опись 194.

октября 1794 года, выдано было 13.282 рубля 50 копеекъ въ безпроцентную ссуду, съ обязательствомъ погасить ее въ теченіе трехъ лѣтъ по минованіи десятилѣтней льготы отъ податей [1]).

Въ слѣдующемъ 1795-мъ году графомъ Зубовымъ, на основаніи ранѣе изданныхъ манифестовъ о вызовѣ иностранцевъ въ Россію, были выработаны „два положенія о устроеніи въ г. Одессѣ и окрестностяхъ онаго селеній единовѣрныхъ намъ народовъ". Первое положеніе касалось грековъ и албанцевъ, „кои, служивъ ... въ прошедшую (2-ую) съ Портою Оттоманскою войну въ Средиземномъ морѣ, многими пожертвованіями и кровію запечатлѣли усердіе къ престолу"; второе же относилось къ тѣмъ, кои изъ разныхъ заграничныхъ мѣстъ восхотятъ въ Одессу переселиться и тамо основать себѣ жительство съ нѣкоторымъ со стороны казенной вспоможеніемъ".

Смѣна лица на посту главнаго начальника Новороссійскаго края (замѣна умершаго Потемкина Зубовымъ) не отразилась такимъ образомъ на судьбѣ колонизаціонныхъ мѣропріятій правительства, такъ-какъ вдохновительницей ихъ была сама императрица. Выразивъ еще до вступленія на престолъ свое глубокое убѣжденіе въ необходимости увеличенія населенія въ Россіи, Екатерина осталась вѣрна ему до самой своей кончины: совершавшійся въ ея царствованіи ростъ русской государственной территоріи, въ особенности же включеніе въ ея составъ обширныхъ, но малонаселенныхъ земель на югѣ, которыя путемъ колонизаціи нужно было пустить въ народно-хозяйственный оборотъ, поддерживали императрицу въ рѣшимости слѣдовать разъ принятому ею направленію своей политики народонаселенія.

Результаты этой политики, имѣющіе наступить для колонизируемыхъ земель въ недалекомъ будущемъ, рисовались ея сподвижниками въ самыхъ радужныхъ краскахъ. „Мѣстоположеніе высочайше ввѣренной управленію моему Вознесенской губерніи [2]), писалъ Платонъ Зубовъ въ своемъ докладѣ императрицѣ, „подавая многіе способы къ привлеченію иностранныхъ народовъ для заселенія лежащихъ тамо впустѣ пространныхъ мѣстъ, удостовѣряетъ меня несомнѣнно, что, при попечительномъ ободреніи заселенія оной и приведеніи въ силу и дѣятельность торговли черноморской, сія плодоносная страна вскорѣ пріидетъ въ то цвѣтущее и изобильное состояніе, къ коему доброта земли и удобство къ

---

[1]) Московскій Отдѣлъ Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора: Архивъ Кабинета Его И—го Величества, дѣло № 130, опись № 390.

[2]) Территорія, пріобрѣтенная отъ Турціи по Ясскому міру 1791 г.

мореплаванію ее предназначили. Благораствореніе воздуха, способное къ произрастенію многихъ изъ тѣхъ произведеній, кои въ полуденныхъ мѣстахъ прочихъ частей Европы родятся, а паче шелковичныхъ деревъ и виноградныхъ лозъ, плодоносіе земли, которая при воздѣланіи вознаграждаетъ въ благопріятные годы труды земледѣльца со сторицею, пространныя и изобильныя степи для разведенія лучшихъ родовъ рогатаго скота и овецъ, нахожденіе ея при берегахъ Чернаго моря, доставляющее обитателямъ всю удобность и облегченіе къ выгодной продажѣ избытковъ ихъ,—суть выгоды, коими каждый поселившійся на сихъ земляхъ можетъ въ полной мѣрѣ воспользоваться, и которыя обнадеживаютъ, что употребленныя на вспоможеніе ихъ издержки возвращены будутъ по минованіи обыкновенныхъ льготныхъ лѣтъ безъ отягощенія, и что впредь будутъ платить установленную подать бездоимочно“ [1]).

Екатеринѣ не суждено было видѣть осуществленія этихъ широкихъ плановъ и надеждъ, такъ какъ въ слѣдующемъ-же 1796-мъ году она скончалась. До извѣстной степени они воплотились въ жизнь лишь при ея внукѣ Александрѣ I, въ эпоху, стоящую уже за предѣлами настоящаго нашего труда.

---

[1]) Московскій Отдѣлъ Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора: Архивъ Кабинета Его И—го Величества, дѣло № 254, опись № 390, докладъ Зубова отъ апрѣля мѣсяца 1795 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1. Контрактъ канцеляріи опекунства иностранныхъ съ барономъ Кано де Борегаромъ.

Contrat entre la chancellerie de tutelle des étrangers et le baron Caneau de Beauregard.

Im Jahre 1765 den 19 Mai ist in ihr Tutel-Canzley der fremden Colonien auf ausdrückligen Befehl Ihro Kaiserlichen Majestät, nach geschehenem Vortrag des Präsidenten gedachter Canzley Hn. Grafen Grigori Grigoriewitsch Orloff mit dem Ausländer, dem Baron von Boregard, der sich anheischig gemacht, fremde Kolonisten nach Russland zu bringen, folgender Contract auf nachstehende Bedingungen geschlossen worden.

1) Soll ihm die Tutel Canzley nach ihrem Gutbefinden von denen noch unbewohnten Ländern, nach Proportion eines jeden Gesindes der mit ihm herausgereisten Ausländer die gehörige Districte Land zur Colonie anweisen, welche er nach seinem Gutbefinden unter die verschriebenen Colonisten wird vertheilen können.

2) Würden einige von seinen Colonisten, die sich bereits niedergelassen, aussterben, oder sonst abgehen, so soll er die erledigte Plätze wieder zu besetzen, weder Leute aus andern Colonien, noch solche Colonisten, die sich schon bey den Russischen Ministern angegeben und auch schon etwas auf die Hand empfangen haben, unter keinerlei Vorwand und auf keinerlei Weise an sich locken; sondern seine Colonie mit aufs neue verschriebenen Leuten wieder besetzen, auch in solchem Falle, ausser den Reise—und Kostgeldern für diejenige Anzahl Leute, welche er aufs neue kommen lässt, nichts weiter verlangen.

Falls er aber binnen zwei Jahren die erledigte Plätze nicht wieder besetzet hätte, so sollen ihm nach der Anzahl der abgegangenen Gesinder, die von ihnen besessenen Länder wieder abgenommen werden; zu seinem eigenen Besitz aber von jedem hundert Gesinder der herausgekommenen Fremden, drey von denen, für ein jedes bestimmten Theilen Land an ihn abgegeben werden; die er aber weder an die Colonisten verkaufen, noch verschenken, oder vertauschen darf.

3) Zu einem Gesinde wird gerechnet, ein Mann mit seiner Frau und Kindern, davon die männlichen unter 20, die weiblichen aber unter 18 Jahren alt stehen sollen.

Die unverheyratheten müssen die von männlichen Geschlechts nicht unter obgedachte Jahre, die von weiblichen aber nicht unter 18 Jahre seyn.

4) Wenn der Entrepreneur Baron von Boregard noch ausser den Colonisten fremde Arbeiterleute annehmen und für dieselbe Land verlangen sollte, so wird ihm für jedes Gesinde dieser Arbeiter ebenso viel Land eingeräumt werden, als

den Colonisten, mit dem Beding, dass diese Arbeitsleute gleichfals als Colonisten angesehen werden; im fall aber in der Nähe kein ledig Land vorhanden seyn sollte, so kann er sich ihrer Arbeit nur auf dem schon angewiesenen Lande bedienen.

5) Die Tutel-Canzley wird dem Baron Boregard die verlangte Summe von 15000 Rubel zum Anfang seiner Unternehmung, nach gestellter hinlänglicher Caution oder Pfand, in Hamburg bey dem daselbst residirenden Russischen Kaiserl. Minister anweisen, und für sothan Summe ist der Baron Boregard verbunden nicht unter drey hundert Familien zu verschreiben; falls derselbe aber seine Verbindlichkeit nicht erfüllet, indem er entweder gar keine, oder doch nur einen Theil der Colonisten schaffet, so hat der Entrepreneur oder seine Cautionisten das ihm von der Krone vorgeschossene Geld nach geschehener Berechnung nebst den Interessen wieder zu bezahlen.

6) Die angeworbenen Colonisten soll er nach Hamburg oder Lübeck bringen lassen, wo an ersterem Orthe der Gesandte, an letzterem aber der hierzu verordnete Commissair gedachte Leute in Empfang nehmen und nach St. Petersburg befördern wird; wobei denn der Minister oder Commissair demjenigen, der die Leute verschrieben, oder dessen Gevollmächtigten, das für die Colonisten auf die Reise ausgelegte Geld wieder bezahlen soll, jedoch nicht über 40 Rubel für jede Familie; ferner die ohne Wieder-Erstattung ihnen ausgemachte 1000 Rubel für 100 Familien zu ihrer Beköstigung.

Dagegen nun soll der Ministre oder Commissair sich von den Entrepreneurs, die die Colonisten geliefert, der Colonisten ihre Empfangs-Scheine geben lassen, und ihnen eine allgemeine Quittung dagegen geben; der Colonisten ihre Quittungen aber in die Tutel-Canzley einsenden.

Sollten die gedachten 15000 Rubel aber auf ein hinlängliches Pfand oder sichere Caution vorausbezahlet werden, und der Entrepreneur bey der ersten und den folgenden Lieferungen seine Berechnungen darüber machen wollen, so wird ihm auch sein Pfand nicht zurückgegeben, und die Bürgen ihrer Caution nicht entlassen werden; dannenhero der Ministre bey Auszahlung des Geldes die gehörige Vorsichtigkeit zu gebrauchen, und solches den Garanten vorher zu sagen verbunden ist.

Bey der Abfertigung aber, soll der mehrerwähnte Gesandte oder Commissair dem Entrepreneur das Geld für den Unterhalt und die Reise gedachter Leute bis St. Petersburg auszahlen; nachdem er vorher ungefähr die Zeit ausgerechnet, die sie unterwegs bringen müssen, und wieviel Lebensmittel sie auf ihrer Reise brauchen, zu dem Preise, in welchem sie seines Orthes stehen; jedoch etwas übriges, sondern soviel als auf das genauste nöthig ist; nicht weniger die Bezahlung für die Fracht, davon denn der Entrepreneur nach ihrer Ankunft zu St. Petersburg die von ihm und den Colonisten unterschriebenen Quittungen nebst seiner genauer Rechnung eingeben soll. Wenn aber dem Entrepreneur der Transport der von ihm verschriebenen Colonisten bis Hamburg mehr als 40 Rubel für jedes Gesinde zu stehen kam, so soll ihm solche Auslage, nachdem die ihm angewiesenen Ländereyen bebaut und er seine wirthschaftlichen Einrichtungen an dem Orthe seiner Colonie gemacht, von den durch ihn verschriebenen Colonisten selbst wieder erstattet werden; jedoch ohne ihre Beschwerde oder Nachtheil und zufolge den mit den Colonisten besonders verabredeten Bedingungen, welche diejenige mit denen er solche Conditions macht, noch ehe der Contract geschlossen, den Russischen Ministres an den Orthen wo sie befindlich zur Approbation vorzeigen müssen; nach ihrer Ankunft in St. Petersburg aber sollen sie

selbige in der Tutel-Canzley eingeben, woselbst man sie bestätigen und aufheben, ihm selbst aber unterschriebene Copien davon geben wird.

Soll er über die drey Tausend Familien, die er zu liefern sich anheischig gemacht, noch mehr Leute kommen lassen wollen, so muss er um Erlaubniss dazu bey der Tutel-Canzley anhalten, und fürs erste seine Gevollmächtigte, mit denjenigen, die schon zur Colonie reisen, abschicken.

Wenn er aber seine Leute mehr kommen zu lassen willens wäre, und selbsten zu Einrichtung seiner Colonie nach dem ihm dazu aufgewiesenen Orth kommet, so sollen ihm,

7) nachdem er alle zur Colonie gehörige Leute zusammengebracht, zu seiner wirthschaftlichen Einrichtung für jedes hundert Gesinde 4000 Rubel auf zehn Jahre ohne Interessen vorgeschossen werden; welche er nach Verfluss dieser Zeit dem Manifeste zufolge in drey Terminen bezahlt haben muss.

Über dieses soll er noch zum recompense seiner Bemühung zu Aufbauung eines Hauses, für jede hundert Familien 350 Rubel bekommen.

Sollten sich aber in seiner Colonie weniger als 3000 Familien von den dahin verschriebenen Leuten befinden, so wird ihm sowohl an dem Gelde zu Aufbauung des Hauses, als an dem Lande, welches ihm zu seinem eigenen Besitz eingeräumt vird, nicht mehr gegeben werden, als die Anzahl der Leute beträgt.

8) Die Colonisten sind verbunden sich in allen Stücken den mit dem Entrepreneur geschlossenen besonderen Contracten gemässig zu erhalten, worunter hauptsächlich folgendes genau beobachtet werden soll, nämlich:

1) Dass der Entrepreneur den Colonisten nichts verspreche, was den Russischen Gesetzen zuwieder läuft, oder was in dem die Colonisten betreffenden Manifesten nicht begriffen ist, 2) soll darin mit eingeschlossen stehen, dass den Colonisten vor der Wiedererstattung der auf sie verwandten Unkosten, nicht erlaubt sei wieder herauszureisen, 3) dass dieselben in allen Stücken gehalten seyn, sich nach den in Russland eingeführten und noch küuftighin einzuführenden Gesetzen zu richten. Was aber seine eigene Einkünfte und die übrige Verbindlichkeiten, die sie unter sich selbst gemacht, betrifft, so steht es ihnen frey dieses nach ihrem eigen Gutdünken abzumachen.

9) Die von den Colonisten verfertigten Caren und Materialien (ausgenommen der eingekauften) soll ihm frey stehen in den mittleren 10 Jahren unverzollt zu verkaufen.

10) Die Jagdt und Fischerey, die nicht zu den Abgaben gehört und nicht verpachtet ist, kann er sich ungehindert zu Nutzen machen.

Zu der Eintheiluug der Wälder und übrigen Ländereyen, hat er nach seinen Gutdünken zu verfahren; dennoch aber damit solches mit den Reichs-Gesetzen, und dem allgemeinen Besten übereinkommen möge, der Tutel-Canzley solche zur Approbation vorzustellen.

11) Zu Bestätigung dieses wird die Tutel-Canzley diesen Contract unverbrüchig halten und beobachten; dagegen auch er, der Baron Boregard, verbunden ist alles, was darinnen begriffen ist, aufs genauste zu erfüllen, weshalben dem gleichfals die besonders gemachte Separat-Puncte hiebey angeschlossen werden.

12) Es wird auch dem Baron Boregard frey stehen, zu Erfüllung dieses Contracts mit andern in Companie zu treten; insofern er nur die Tutel-Canzley bey Zeiten so wohl von seiner Associirung mit andern, als von den unter ihnen verabredeten besondern Bedingungen geziemend benachrichtiget.

Der Tutel-Canzley hat der Baron Boregard, um die Colonisten zur Emi-

Darauf hat die Tutel-Canzley zur Antwort gegeben und beschlossen:

gration nach Russland desto besser zu ermutigen, folgende Separat-Puncte vorgestellt:

1) Dass alle in dem Contracte vorkommende Ausdrücke keineswegs zum Vorurtheile der in gedenkten Manifeste ertheilten Allergnädigsten Privilegien, und beständigen Freyheit der Colonisten ausgelegt werden sollen.

Auf den 1-ten Punct.

Alle sowohl in Ihro Kais. Maj. Allerhöchsten Manifest versprochenen Privilegien und Freiheiten, als auch die in dem Contracte beregte Ausdrücke wird, u. kann die Tutel-Canzley nicht anders auslegen, als nach ihrem wahren Inhalt und Verstand.

2) Dass diejenigen seiner Compagnons, die an anderen Höfen Caracteres bekleidet haben und ihre Patente oder andere Beweissthümer darüber haben, ihren verdienten Rang nicht verlieren mögen.

Auf den 2-ten.

Wer von seinen Compagnons beweisen kann, dass er irgend einen Caracter in fremden Diensten erworben hat, wird ihn auch in Russland ohne ein wichtiges Verbrechen nicht verlustig seyn, sondern nach seinem Patent genannt werden, z. B. Wer in Frankreich Capitain gewesen, der wird auch hier den Titel führen und nur mit dem Beding, dass diese Officiers unter keinerley Vorwand die Russich - Kayserl. Uniform tragen sollen.

3) Dass es den Vorgesetzten in der Colonie erlaubt seyn möge, um ihre Leute in Gehorsam zu erhalten, die Colonisten auf schweizerischen Fuss in Regimenter, Compagnien und Corporalschaften einzutheilen, und denjenigen, die tüchtig befunden werden, verschiedene militairische titulaire Caracters beyzulegen, die nur in ihrer Colonie würdelich seyn werden, dabey aber doch zu erlauben, solche Titel auch in den Pässen zu führen, jedoch mit dem Unterschied, dass die Officiers, deren in № 2 gedacht, nur bloss Obriste, Capitains etc. genannt werden, die andern aber mit dem Zusatz des Wortes *Colonie*, das ist: Capitain, Lieutenant u. s. w. von der und der Colonie. Eine solche Einrichtung wird, ohne des Reichs geringsten Nachtheil, dazu dienen, dass sich bey den Leuten Lust und Eifer erwecket.

Auf P. 3) Um den Entrepreneurs keine Hindernisse im Weg zu legen, so wird erlaubt, in Ermanglung der mündlichen Caracterisirten, deren im 2-ten Punct gedacht worden, bey den Colonien Leute zu bestellen, die den Officierdienst verstehen, von denen die Entrepreneurs verschrieben und die sie tüchtig dazu befinden, doch mit dem Beding, dass sie in den Pässen nicht anders angeführt werden, als nähmlich: *der bey einer solchen Colonie die Dienste eines Capitains, Leutenants, oder Fähnrichs versehende Namens N. N.*

4) Dass es den Entrepreneurs versprochen werden möge, dass falls es geschehe, dass ohne ihre Schuld einige Verzögerung in dem Transport der Colonisten, oder sonst einiges Unglück

Auf P. 4) Wenn die Entrepreneurs bey solchen Umständen deutlich dargethan haben werden, dass es nicht ihre Schuld sey, wird man ihnen den Schaden nicht tragen lassen, ausgenommen,

vorfiele; und sie es gehörigermassen bewiesen hätten, man solches nicht auf ihren Conto setzen werde, z. B., es wären Kriegszeiten, und das Schiff, worauf sich die Colonisten befanden, geriethe in feindliche Hände; sie also in solchem Falle schadloss gehalten werden mögten.

Die Entrepreneurs aber werden sich angelegen seyn lassen, die Colonisten, wenndie bequeme Zeit schon verstrichen, nicht mehr nach Hamburg oder Lübeck zu bringen, damit sie nicht genöthiget seyn daselbst zu überwintern. Es sey denn, dass ein unvermuthlicher Zufall, der nicht vorauszusehen war, schuld daran war.

dass sie für die Anzahl der Colonisten, welche auf irgend eine unglückliche Art verloren gegangen, einen Vorschuss an Gelde zu ihren wirthschaftlichen Einrichtungen, und beim Land zu ihren Gebäuden bekommen werden.

Indem dieses Verfahren alsdenn erst bewerckstelliget werden soll, wenn die Leute bereits wircklich an den Ort ihrer Kolonien angekommen sind.

5) Der Entrepreneur verlangt eine attestirte Copie von der Einrichtung, wie viel den Colonisten an Land und an Geld-Vorschuss zu ihrem Unterhalt gerechnet werden soll, um solche den Colonisten vorweisen zu können.

Auf P. 5) Bey dem Schluss des Contracts werden die verlangten Copien von den Einrichtungen gegeben werden.

6) Dass man ihn versichern möge, man werde, um die Colonisten desto eher in Stand zu setzen, ihre Schuld abzutragen, ihnen in den ersten zwanzig Jahren eine zehnjährige Freyheit zur Ausfuhr ihrer Producten erlauben.

Auf P. 6) Sobald ihre Colonien wircklich besetzt seyn und die Entrepreneurs bey der Tutel-Canzley um die Erlaubniss ihre Production abführen zu dürfen, anhalten werden; soll ihnen auch von der Zeit an ein zehnjähriges Privilegeium dazu ertheilet werden.

7) Dass bey der ersten Emigration der Colonisten dem Entrepreneur der ganze District eingeräumt werde, den sie an dem niedrigen Ufer des Wolga-Stroms zu bevölkern willens sind; damit sie ihre Eintheilung überhaupt machen, wie sie solche in verschiedenen Cantons vertheilen werden; und mit ihren Leuten nach ihrer Beschaffenheit und Fähigkeit bestehen können. Innerhalb drey Jahre aber, von Schliessung des Contracts an gerechnet, verbindet er sich 3000 Familien dahin zu bringen.

Auf P. 7) Dieses Begehren wird zugestanden, jedoch mit der Ausnahme, dass, falls nach der bestimmten Proportion für die 3000 Familien an einem Orthe und in derselben Reihe, aus irgend einer Ursache nicht genug Land angemessen werden könnte, in solchem Fall das daselbst mangelnde Land in der von dem ersten Orth am nächsten gelegenen Gegend eingeräumt werden soll.

8) Dass nun die Entrepreneurs für gut befinden sollten, die Colonisten gradewegs nach St. Petersburg zu schicken; man ihnen für jede Familie, über das ausgemachte Reise - und Kostgeld bis nach Hamburg, noch zwanzig Rubel auf eben die Bedingungen wie in der Forme

Auf P. 8 и 9) Diese beyde letzten Puncte werden ohne einige Ausnahme bewilliget.

des Contracts gedacht worden, gut thun möge.

9) Dass übrigens diese Colonie aller derjenigen Vorrechte geniessen möge, die in dem Manifeste vorgeschrieben sind; gleich andern Fremden, die sich als Colonisten nach Russland begeben haben; und dass diejenige, welche etwa Lust hätten, sich an dem gebirgichten Ufer der Wolga zu setzen, die Freyheit dazu haben, zugleicher Zeit aber die Einrichtungen, die in andern Colonien eingeführet sind, gleichfalls unterworfen seyn mögen.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ип. Д.: „О колонистахъ", Ч. III. Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie III).

№ 2. Aussicht

derjenigen Vortheile,

so bey der

im Russischen Reich neu zu errichtenden Colonie

anzutreffen sind.

Man bietet den Personen beyderley Geschlechts, und vornehmlich denen in misslichen Umständen sich befindenden Hausleuten, die Vortheile des Wohlstandes in einer neuen Colonie an, so in Russland unter der Aufsicht solcher Directoren aufgerichtet werden soll, die selbst aus fremden Nationen bestehen, welchen Ihro Kayserliche Majestät allergnädigst die Mittel an die Hand gegeben haben, diejenigen, so sich dahin zu begeben Willens sind, in allem, was die Menschlichkeit erfordet, kräftigst zu unterstützen, um ihnen den Widerwillen zu benehmen, den sie etwa haben könnten, von den Eingebornen regieret zu werden, deren Regierungsform das allerungerechteste Vorurtheil mit misslichen Farben abschildert.

Der Ort, wo sich diese Colonie befindet, bietet zu dem Landbau sowol, als zu der Handlung, die man allda errichten will, die glücklichste Lage an. Er ist in dem mittägigen Theile Russlands, und zwar an dem Flusse Wolga, in dem Königreich Astracan, belegen; eine Luftgegend, die derjenigen von Frankreich in nichts nachgiebt, was die Mässigkeit und Fruchtbarkeit des Erdreichs anbelangt, es sey an Wein, Getreide, Wiesenwachs, Holz und fischreichen Flüssen.

Kann man an dessen Ueberfluss zweifeln, da selbst diejenigen, die schon dahin übergegangen sind, gestehen, dass allda zwey Pfund Weizen-Mehl einen halben französichen Sol, und das Rind-Kalb und Hammelfleisch nur einen Sol

kostet? Die Fische, das Federvieh, Milchspeisen und Zugemüse sind fast umsonst zu bekommen.

Da aber alle diese Vortheile der Natur denjenigen, so sich dahin zu begeben gedenken, nicht allein zülänglich sind; so wird man ihnen, um ihren guten Willen zu unterstützen, und ihr Vorhaben bestens zu erleichtern, die wirksamsten Mittel an die Hand geben, die sie an dem glücklichen Erfolg dessen, was man ihnen verspricht, nicht werden zweifeln lassen.

Erstlich werden sie von dem Orte ihrer Abreise, bis zu dem Orte, allwo die Colonie aufgerichtet wird, freygehalten; doch mit dem Bedinge, dass sie sich von dem erstern nach dem zur Einschiffung am nächst gelegenen begeben, allwo sie sich, dann bey denen dazu gesetzten resp. Herren melden können, nämlich in Hamburg bey Ihro Kayserlichen Majestät Gesandten, in Amsterdam bey dem Russisch-Kayserlichen Vorgesetzten und in Lübeck bey dem Commissarius. Doch muss dieses in der zur Schiffahrt bequemen Zeit geschehen, nämlich vom Anfange des März bis in den Monat October eines jeden Jahres. Diese Fremden müssen bey ihrer Ankunft an dem Orte ihrer Einschiffung ihr Verlangen, das sie haben, in die Cathrinenburgische Colonie aufgenommen zu werden, und derjenigen Vortheile zu geniessen bey ihren Landsleuten zu seyn, zufolge nächstkommenden 7-ten Art. bezeigen.

Zweitens, so bald, als sie bey der Colonie angekommen, werden ihnen fünfzig Morgen Land nach französischem Maass, welches ein wenig mehr, als das Deutsche, ausmacht, und zwar so, wie sie ein jeder neuer Einwohner nach seiner Kenntniss verlangen kann, zum Genuss gegeben, um ihnen diejenige Gemächlichkeit zu verschaffen, die ein ehrlicher Mann haben sollte, die er aber doch nicht allezeit besitzet.

Drittens, die Häuser, Werkzeuge, der Vorrath und Vieh sowohl, als die zum Ackerbau nothwendigen Materialien, werden ihnen von den Vorgesetzen der Colonie verschafft, deren Betrag ohne Zinsen nur erst nach Verlauf von zehen Jahren wieder erstattet werden soll.

Viertens, Ihro Russisch-Kayserliche Majestät verstatten den neuen Einwohnern eine dreyssigjährige Freyheit, während welcher Zeit sie von allen Abgaben befreyet sind, ausgenommen einen Zehnten, so sie an die Vorgesetzen an Naturalien zu entrichten haben.

Fünftens, wird denen Römisch-Catholischen sowohl, als denen Protestanten, eine ungestöhrte Religions-Freyheit, nebst Kirchen und Geistlichen von jeder Art, verstattet.

Sechstens, die Freyheit, sich nach ihrem Gefallen aus Russland zu begeben, mit dem Bedinge, eine ihrem Verdienste gemässe Abgabe zu entrichten, nämlich, von ein bis zu fünf Jahren den fünften Theil, und dann von zehen Jahren und darüber den zehnten Theil; und alsdann kann ein jeder sich, wohin er will, verfügen.

Siebentens, die Annehmlichkeit, in der Colonie Leute zu finden, die aus einem nämlichen Lande sind, auch selbige Sprache und Religion haben.

Achtens, werden die Häupter der Colonie beständig ein wachsames Auge haben, auf alles, was der Colonie gebricht, um ihr alles, was derselben mangelt, zu verschaffen.

Neuntens, diejenigen, welche besondere Fähigkeiten zu dem Landbau, der Handlung, u. s. w. haben, werden besonders geschützt, und in Stand gesetzt werden, vieles zu gewinnen.

Zehntens, werden Messen und Jahrmärkte an dem Orte der Colonie vest-

gesetzt werden, um denselben gemächlicher und für diejenigen handelbar zu machen, die denselben bewohnen, indem sie alsdann an die Eingebornen ihre Waaren verkaufen, oder von denselben kaufen können; die Handlung, die sie auf dem Flusse Wolga treiben können, ungerechnet.

Eilftens, die Vorgesetzen der Colonie werden auch eine besondere Aufmerksamkeit haben, den Ueberfluss an dem Orte derselben zu unterhalten, auf dass man der Annehmlichkeit geniesse, sich alles Nothwendige zu verschaffen, und so, wie man es in einer schon lange bewohnten Stadt oder Flecken zu haben vermögend wäre. Sie werden auch nichts versäumen, der Jugend alle zu ihrer Erquickung beytragende Ergötzlichkeiten in den Tagen, da der Gottesdienst ihrer Arbeit Einhalt thut, zu verschaffen.

Aus allen diesen Vortheilen, welche die Wirkung der huldreichen Gnade sind, die Ihro Russisch-Kayserliche Majestät den Fremden angedeihen lassen wollen, ersiehet man leicht, dass diejenigen Hausleute, welche in ihrem Lande nichts haben, sich in Russland als Eigenthümer von Häusern, Ländereyen, es sey zum Acker oder Weinwachs, ja selbst einer Handlung, wenn sie die Fähigkeiten dazu haben, betrachten können, und nach Verlauf einiger Zeit, so wie es durch diejenigen, die schon in das Land übergegangen, und deren Anzahl sehr beträchtlich ist, erhellet, sich als Besitzer eines Gutes befinden, das sie in Stand setzet, mit vieler Gemächlichkeit zu leben, und ihren Erben, die sonst eben so elend verblieben wären, als ihre Väter, die Hoffnung verschaffen, dereinsten ein Gut zu theilen, welches diese Hausleute anderwärts nicht würden haben erwerben können.

(Архивъ Министерства Земледѣлія и Госуд. Имуществъ, 25.782.
Archives du Ministère de l'Agriculture et des Domaines de l'Etat à St.-Pétersbourg, № 25.782).

№ 3. Реляція Симолина изъ Регенсбурга отъ ${}^{12}/_{23}$ сентября 1765 г.

Relation du ministre Simoline en date du ${}^{12}/_{23}$ sept. 1765.

Allerdurchlauchtigste Grossmächtigste Kaiserin,

Allergnädigste Kaiserin und Frau!

So bald Euer Kaiserl. Majestät höchstzuverehrendes Rescript vom 30-ten Juli die allerhöchste Benehmigung meines allerunterthänigsten Vorschlags wegen Bestellung zweyer Commissarien in Ulm und in Frankfurt am Mayn enthaltend, mir zu Händen gekommen ist, habe ich mir die gehörige Vollstreckung desselben auf das eifrigste angelegen seyn lassen

Wie nur Euer Kaiserl. Majestät Karl Friedrich Meixnern in Augsburg zum Ulmer Commissario zu agréiren, und mir ferner die Auswahl eines geschickten Subjecti zum Commissario in Frankfurt am Mayn zu überlassen allergnädigst geruht haben; so ist hierzu ein gewisser Johann Facius allhier von mir auersehen worden.

Es ist dieser Facius aus dem Hanauischen, nicht weit von Frankfurt am Mayn hergebürtig, und hat in seiner Jugend verschiedene Jahre als Schreiber oder

Canzellist daselbst gedient. Schon seit zehn Jahren aber ist er bey den königlich — Grossbritanischen Ministris in München und hier in Regensburg, dem von Burisch, von Cressener, von Stanhope und von Gordon, als Secretarius engagirt gewesen; er würde diese Stelle auch bey dem neuen nach München bestimten Englischen Gesandten von Greville überkommen haben, wenn er nicht meinen Antrag, Euer Kaiserl. Majestät Commissario in Frankfurt am Mayn zu übernehmen, vorgezogen hätte. Er hat sich sogleich hierzu verstanden, ohngeachtet man ihm den Posten eines Grossbritannischen Legations-Secräter hier bey dem Reichs Conwent in Perspectiv gesetzt hatte; und gleichwie es ihm nicht an Activität und Geschicklichkeit mangelt: so darf ich auch, nach seiner bisherigen guten Aufführung wohl versichert seyn, dass Euer Kaiserliche Majestät in allen Stücken einen rechtschaffenen Diener an ihm haben werden.

Erstbesagtem Meixner, der just bey Einlangung meiner Benachrichtigung, dass ihm das Russische Comissariat in Ulm angetragen stehe, seine Erklärung von sich geben solte, ob er eine Hofraths Stelle, mit der eventuellen Anwartgehalt auf den Canzler Posten bey der kleinen Fürstlichen Probstey Ellivangen in Schwaben, annehmen wolle? Habe ich zur jährlichen Besoldung fünf Hundert Rubel zugestanden. Gegen Facius hingegen bin ich nur bis zu vier Hundert Rubel gegangen; in Besehung welcher Verminderung ich mich aber auch nicht füglich habe entbrechen können, ihm zu seiner Reise und Einrichtung in Frankfurt ein Hundert Rubel zu verwilligen. Meixner gehet in diesen Stücken leer aus.

Nurbemeldeten beyden Euer Kaiserl. Majestät neuen Commissariis habe ich zuvörderst die schuldigste eidliche Pflichtleistung gegen Euer Kaiserl. Majestät mit Vorlegung eines schriftlichen Reverses abgefordert. Dieser Eydes Revers ist von Meixner und Facius, nach den Original sub Lit. A et Lit. B., in Hand und Petschaft vollzogen worden.

Ihr Beglaubigungsschreiben respective an den Magistrat in Ulm und in Frankfurt am Mayn ist hier unter dem Buchstaben C. in Abschrift allerunterthänigst angeschlossen.

Aus denen wegen der Colonisten-Geschäfte mir von Zeit zu Zeit zugegangenen allerhöchsten Befehlen und Vorschriften, und insonderheit mit aus der Beylage zu eingangerwähntem Euer Kaiserl. Majestät allerhöchstem Rescript vom 30-ten Juli, habe ich hauptsächlich diejenigen Instructions-Puncte für oftbenannte Comissarien zusammengezogen und ihnen hinausgegeben, welche hier sub Lit. D. mitfolgen.

Ich unterwerfe solche in tiefster Ehrfurcht Euer Kaisl. Majestät allererlauchtester Einsicht und Beurtheilung.

Die Verordnung von Seiten Euer Kaiserl. Majestät Tutel-Kanzley, dass alle auf unvermögende Colonisten gewandte Ausgaben, mit ihren eigenen Quittungen sollen beleget werden, scheinet mir in der Ausführung platterdings unmöglich zu seyn. Der Colonist bekömt egentlich nichts, als das Tag-oder Sustentationsgeld für sich und die seinigen in die Hände, und darüber kann und muss er allerdings quittiren. Dieses aber macht beynahe nur den geringsten Theil der Unkosten aus. Die Quartiers-Miethe für die Kolonisten, die Fuhr-und Fracht-Wägen für Weiber und Kinder, die Ein-und Ausschiffung der Colonisten, wenn sie ein Stück Weges zu Wasser transportirt werden, die Bezahlung des Conducteurs, der den Transport führet, vieler hiebey nothwendig mit vorfallenden kleinen Ausgaben zu geschweigen sind lauter unentbehrliche Artikel, die ins Grosse gehen, und die lediglich das Commissariat, nicht aber der Colonist, besorget. Über alle diese Puncte kann man demnach auch von dem Kolonisten keine Quittung oder keinen Empfang-

schein einziehen, ja die meisten derselben sind überhaupt von der Beschaffenheit, dass sie sich nicht leicht mit Quittungen belegen lassen.

Wenn zur Expedirung der Colonisten weiter nichts erforderlich wäre, als nur eine jede Familie mit dem benöthigten Reisegeld zu versehen, und sie sodann selbsten dafür sorgen zu lassen, ob? wie? und wann sie dahin kommen möchten, so ginge es mit ihrer Abfertigung hurtig von statten, und so liesse sich auch leicht über das baar vorgestreckte Geld, worinnen so dann der ganze Aufwand, ohne einige Nebenkosten bestünde, von jedweder Familie eine Quittung abnehmen, dadurch solchergestalt alles, was selbige, der Krone bis Lübeck gekostet hat, auf einmal und ohne alle Weitläufigkeit bewiesen wäre. Allein, wie kann man unerfahrene, einfältige Bauersleute, die weder Weg noch Steg wissen, und wobey man, wenn man sie lediglich sich selbst überlässet, nicht die geringste Sicherheit hat, noch haben kann, ob sie nicht nach genommenem Vorschuss austreten, und über alle Berge davon gehen werden, ohne Aufseher und Anführer ziehen lassen?

Selbsten bey denen Transports von hieraus, die ihren ordentlichen Conducteur gehabt haben, ist es nicht leicht ohne Desertion abgegangen. Manche Familie, die eine Zeitlang ihren Unterhalt genossen hat, ist unterwegs davon geschlichen. Mancher stirbt auch auf der Reise; und in solchen und dergleichen Fällen, ist der auf die abgegangenen Personen gleichwol wirklich gemachte Aufwand, dennoch nicht anders, als durch die blosse Angabe der Rechnungs-Führer, ohne Aufweisung einer Quittung, erweislich.

Hierbey ist aber billig zu erwegen, dass die jetzigen Commissarii in Euer Kaiserl. Majest. Eid-und Pflichten stehen. Ihre Colonisten-Sammlungen und Transports gehören unmittelbar für die Crone, und sie werden dafür von Euer Kaisel. Majest. besoldet. Zwischen ihnen und denen Unter-Commissionärs die von Privat-Contractanten mit der Crone ausgeschicket werden, Colonisten zusammenzubringen, ist ein grosser Unterschied. Jn erstern als verpflichtete Diener, kann man billig das Vertrauen setzen, dass sie ihre Rechnungen ehrlich gewissenhaft einrichten werden, wenn sie gleich nicht alle und jede Partikel mit Quittirung und Documenten justificiren können.

Die Belohnungen für diejenigen Leute, welche den Commissariis gute Colonisten Familien zuweisen, sind ganz insbesondern von der Beschaffenheit, dass sich nicht wohl eine Quittung darüber begehren lässet. Wenn ein aufmerksamer und kluger Mann mit der von Euer Kaiserl. Majest. ausgeworfenen Gratification von drey bis vier Ducaten, für eine jede Familie freyhalten und walten darf, so kann er darmit dem Colonisten Wesen, durch Anlegung guter Kundschaften, Canale, und Correspondenzen, unsäglichen Nutzen schaffen. Der in dieser Absicht dem 5-ten Instructions-Punct beygefügte letzte Absatz beruhet inzwischen noch lediglich auf Euer Kaiserl. Majest. allerhöchsten Approbation. Ich habe beyde Commissarios mündlich verständiget, dass dieser Passus vor der Hand nach und bis auf nähere Ordre, in suspenso bleiben solle.

In zwey bis drey Wochen werden immittelst Meixner und Facius ihren Posten wirklich antreten, weshalber ich denn auch den 1-sten October neuen Styls, um eine gerade Quartal-Rechnung in ihrer Gage zu treffen, zum Anfang derselben bestimmet habe.

Ich werde einem jeden das Reise-und Equipirungsgeld von Ein Hundert Rubeln, für den Commissarium Facius ungerechnet, fünf Hundert Gulden mitgeben, um pressanten Ausgaben, die den bevorstehenden Winter ihnen etwann in den Colonisten-Geschäften, oder sonst zu Euer Kaisel. Majest. allerhöchstem Dienst vorfallen möchten, davon zu bestreiten.

Gegen das Frühjahr, wenn die Colonisten-Transports angehen, hat man sich immer auf ansehnliche Geldsummen gefasst zu halten, deren Mangel oder Verzögerung alle Operationen derer Commissarien ins stecken bringen und den ganzen Colonistengeschäfte zu einen irreparablen Nachtheil gereichen würde. Euer Kaiserl. Majest. werden demnach mich allergnädigst anzuweisen geruhen, wo ich, nach Erschöpfung derer, anjetzo bey mir vorhandenen Gelder für die Crone, neue Baarschaften für Unterstützung oftbesagter Commissarien hernehmen soll? Imgleichen sehe ich Euer Kaiserl. Majest. allerhöchsten Verfügung entgegen, wie es mit deren Besoldung zu halten ist? ob solche nemlich von denen zu dem Colonisten Wesen gewidmeten Geldern zu bezahlen sey? oder ob selbige a part anhero wird remittirt werden? Ich ersterbe in allertiefster Devotion und Treue.... Simolin.

Regensburg den $^{12}/_{23}$ Semtember 1765.

(Московскій Главн. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ: „О колонистахъ", Ч. II. Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie II).

№ 4. Instruction

für den Russisch-Kaiserlichen Commissarium

in { Ulm Carl Friedrich Meixner,
Frankfurt am Mayn Johann Facius.

Ich Endesunterschriebener füge hiermit zu wissen, dass Ihro Kaiserl Majest von allen Reussen mich per Rescriptum clementissimum de dato St. Petersburg den 30-sten Juli 1765 befehliget und autorisiret haben, zu dero Diensten, und insonderheit in Betracht der jetzigen Bevölkerungs-Anstalten in Dero Reiche, einen Commissarium in der deutschen freyen Reichsstadt Ulm (Frankfurt am Mayn) mit einer jährlichen Besoldung von fünf (vier) Hundert Rubeln, so lange dessen Kommission dauern wird, zu verordnen und zu bestellen, auch den selben mit der benöthigten Instruction zu seinen Amts Verrichtungen zu versehen.

Wie nun in Erfolg nunbesagten allerhöchsten Kaiserlichen Befehls, kraft gegenwärtigen Vorstellungsbriefes Karl Johann Friedrich Meixner, Facius zum Russisch-Kaiserlichen Commissario in der Reichstadt Ulm (Frankfurt) mit vorbemerkter Gage, welche vom Ersten October neuen Styls des jetzigen Jahres 1765 zu laufen anfängt.

(Not. in der Frankfurter Bestellung allein: und vorüber er noch zu seiner Reise und Einrichtung in Frankfurt Ein Hundert Rubel empfängt in Ansehung seiner angerühmten Geschicklichkeit und guten Begabnisse ernennet und eingesetzet wird. So hat sich derselbe überhaupt, seiner schriftlich abgelegten eidlichen Pflichtleistung gemäss gegen Euro Kaiserl. Majest. unsere Allerdurchlauchtigste Monarchin, und gegen dero nachgeordnete Ministros und Befehlshaber, in allen Stücken so zu verhalten, wie es einem ehrliebenden, rechtschaffenen und getreuen Diener eignet und gebührt).

Insbesondere aber soll sich der Commissarius Meixner (Facius) noch folgende Punkte zu seiner Vorschrift und Beachtung dienen lassen:

1.

Hat derselbe nach seiner Ankunft in Ulm (Frankfurt) und nach verrichteter Uebergabe des ihm zu seiner Legitimation, von diesseitiger Gesandschaft ertheilten Schreibens an den Magistrat daselbst, das allerhöchste Kaiserliche Manifest de dato Peterhof den 22 Iulii 1763 die Aufnahme der Fremden in Russland betreffend, imgleichen, das wegen der Verpflegung und Transportirung der Colonisten, in den Druck getretenen Avertissement, in den dortigen Gegenden je mehr und mehr bekannt zu machen, wie ihm dann diese Piecen, welche er so oft, und viel es von nöthen seyn möchte, und zwar letztern mutatis mutandis, kann nachdrucken lassen, hiermit zugleich zugestellt werden.

2.

Bey dem Colonisten Sammlungs-Geschäften selbsten muss sich der Commissarius Meixner (Facius) zuförderst alle Klugheit, Circumspection und Behutsamkeit dermassen empfohlen seyn lassen, dass durch dessen Betrieb, so wenig der Stadt Ulm (Frankfurt am Mayn) als den benachbarten hohen und niederen Reichständen, noch sonsten männiglich, am wenigsten aber dem ganzen Schwäbischen, Ober- und Nieder-Rheinischen Kreysse, ein gegründeter, oder auch nur scheinbarer Anlass zu Klagen und Beschwerden gegeben, mithin auch dadurch die fernere Einschränkung der Emigrations-Freyheit in Deutschland, so wie möglich verhütet werde.

3.

Unter denen mit obiger Voraussetzung zusammengebrachten Colonisten, über welche der Commissarius ordentliche Bücher und Listen zu führen hat, muss zuvörderst zwischen vermögenden und mittellosen Leuten ein Unterschied gemacht werden. Ersteren Herbeibringung dem Commissario vorzüglich empfohlen wird, haben ihre Reise aus ihren eigenen Mitteln zu bestreiten, und darf man selbige nur mit gutem Rath, Vorschub und Anleitung zu ihrem Fortkommen, an die Hand gehen. Letzteren hingegen, nemlich denen von Geldmitteln entblössten Personen, oder welche, den Unterhalt und die Verpflegung ausdrücklich verlangen, muss von dem Commissario ein gesundes und reinliches Quartier verschaffet, und das in vorgedachtem Avertissement bemerkte Taggeld, nemlich für eine völlig erwachsene Manns-Person 16 Kreuzer, oder Vier gute Groschen, für eine Weibs-Person desgleichen für einen herangewachsenen Sohn oder Tochter, jedem 10 Kreuzer, oder $2^1/_2$ gute Groschen, und für ein Kind gleichfalls ohne Unterschied des Geschlechts 6 Kreuzer, oder $1^1/_2$ gute Groschen richtig gereichet werden. Hierbey ist jedoch selbigen keinesweges zu verhalten, sondern vielmehr deutlich zu verstehen zu geben, wasmassen sie sämmtliche von der Crone auf sie gewandte Kosten, die durch ihre Quittirung erweislich sind, und sonsten überhaupt auf sie sind verwendet worden, hinwiederum zu ersetzen haben. Weshalber denn auch der Commissarius nicht ausser Acht zu lassen hat, von diesen Colonisten ordentliche Empfangs-Scheine über die genossenen Tagegelder einzuziehen. Allzubetagte, oder sonst zum Ackerbau und zur Handarbeit untaugliche Leute werden gar nicht aufgenommen, sondern gleich abgewiesen.

4.

Die Colonisten-Transports für Rechnung der Crone sollen jedesmal nur in kleinen Haufen, höchstens von sechzig bis Ein Hundert Köpfe, mit zwey oder drey

Wägen geschehen, und werden insgesamt nach der Stadt Lübeck an den dortigen Russischen Kaiserlichen Commissarium, H. d. Christoph Heinrich Schmidt gerichtet. Einem jeglichen Transport muss ein tüchtiger Conducteur zugeordnet werden, der das Fortkommen und die Sustentation unterwegs besorge. Solche Transports können, gegen den Eintritt des Frühlings, ohngefehr schon in der Mitte des Merz-Monaths, ihren Anfang nehmen, länger als bis zum 15 September neuen Styls darf aber nicht darum fortgefahren werden, dieweil die allzukalte Jahreszeit der Schiffahrt auf der Ostsee von Lübeck nach St. Petersburg oder einem anderem Russischen Seehafen nicht leicht favorisiret. Nach Abfertigung eines Transports müssen sämmtliche darauf verwandte Kosten specificirt, in eine Rechnung gefasst, derselben die Quittungen oder Empfangscheine derer Colonisten in Originali beygelegt, und solche an den Commissarium Schmidt in Lübeck befördert werden, um solchen Rechnungen mit ihren Belegen an die Kaiserliche Tutel-Kanzley in St. Petersburg gelangen zu lassen.

5.

Eine jedwede Colonisten-Familie, wofür ein Hausvater mit Frau und Kindern, oder zwey junge unverheirathete Manns-Personen, oder Vier ledige Weibs-Personen gerechnet werden, muss mit Inbegrif aller und jeden Spesen, als Einquartirungs—, Verpflegungs-und Transport-Kosten, oder wie solche sonst Namen haben möchten, bis nach Lübeck in den Händen des dortigen Commissarii durchaus nicht höher als vierzig Rubel zu stehen kommen, welches nach dem jetzigen. Ulmer (Frankfurter) Geld - Valor in circa achtzig (vier oder funf und sechzig) Gulden beträgt. Man setzet jedoch in den Commissarium Meixner, Facius das gänzliche Vertrauen, dass derselbe das Colonisten-Geschäft mit solcher Oekonomie und Sparsamkeit werde einzurichten wissen, dass eine Familie bis nach Lübeck der Crone Vierzig Rubel, sondern um ein nahmhaftes weniger koste. Über diese Summe wird jedoch auch dem Commissario ein Douceur von drey bis Vier Ducaten auf eine jegliche Familie für diejenigen Unterhändler oder Bewerber passirt, die ihm taugliche Coloniste zuweisen; welche Belohnungen oder Geschenke des Commissario klüglichem und gewissenhaften Ermessen anheimgestellt werde.

6.

Woferne sich etwann Entrepreneurs melden möchten, und die Lieferung vieler Colonistenfamilien mit einander zu fünfzig und Hunderten übernehmen wolten; so hat der Commissarius Meixner, Facius in solchem Fall nach einer aparten Vorschrift zu richten, vovon er hiermit ebenermassen eine Copie empfängt.

7.

Da übrigens Ihro Kaiserliche Majestät allerhöchst für gut gefunden haben, beyde dero neuverordnete Commissarios in Ulm und in Frankfurt am Mayn, dero hieselbst in Regensburg subsistirenden Gesandschaft zu subordiniren; so liegt einem, wie dem andern ob, seine Berichte, Colonisten-Transports-Listen, Rechnungs-Duplicate, und sämmtliche übrige die Geschäfte des Hofes belangenden interressante Papiere und Nachrichten anhero anzusenden, und in zweifelhaften Fällen, oder wenn es sonstig die Wichtigkeit der Sache erfordet, allhier Special-Instruction einzuholen.

Sollte in der Folge der Zeit in vorliegenden des Commissarii Meixner, Facius Verhaltungsbestehen, eine Abänderung oder Zusatz zu machen seyn, so wird ihm solches in separato zu wissen gethan werden.

Zum Beschluss wird demselben noch ausdrücklich empfohlen, auf das dortige Bücherwesen in so weit ein aufmerksames Auge zu richten, dass seinerseits dem öffentlichen und heimlichen Verkauf aller zur Lästerung und Verunglimpfung des Staates von Russland directe oder per indirectum abzielenden Schriften möglichster Einhalt geschehe.

Urkundlich unter meines Nahmens-Unterschrift und Vordrückung meines Petschafts gegeben Regensburg den $^{9}/_{20}$ September im Jahr 1765.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ", Ч. II. Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie II).

№ 5. Schreiben (des Ministers Simolin) an des Herrn General Feld-Zeug-Meisters, Präsidentens der Tutel-Canzley und Ritters Grafens von Orloff Excellenz de dato Regensburg den 20 Febr./3 März 1766.

P. P.

Euer... haben gnädig geruhet, ein Schrieben an mich ergehen zu lassen, wobey sich eine Abschrift von dem abseiten der Crone mit dem Freyherrn von Beauregard wegen des Colonistenwesens geschlossenen Contract befindet. Dieses höchstzuverehrende Schreiben ist mir allererst mit der lezteren Post vor ein Paar Tagen zu Händen gekommen, ungeachtet der Inhalt desselben immassen es kein Datum führet, zu erkennen giebt, dass selbiges schon im jungstverwichenen Jahre musse seyn ausgefertiget worden. Ich säume mich demnach keinesweges Euer... hiermit meine unterthänigste Antwort darüber zu erstatten.

Aus meinem Pro Memoria an die allerhöchst verordnete Tutel-Canzley vom $^{19}/_{30}$ Januar werden Euer... in Gnaden ersehen haben, dass mir dasjenige richtig zugegangen ist, was mir gedachtes Hochpreissliche Collegium unterm 6-ten December vorigen Jahres, in Ansehung der von mir geschehenen Bestellung der beyden Cron-Commissarien in Ulm und in Frankfurt am Mayn, an mich zu rescribiren geruhet hat. Es sind mir darinnen die benöthigsten Erläuterungen, in Betreff der Colonisten-Quittungen, imgleichen wegen der Gratificationen für die Zubringung der Colonisten ertheilet worden. Allein das wesentlichste und unentbehrlichste bey dem Colonisten-Geschäfte, nemlich die Anweisung zulänglicher Fonds zur Bestreitung derer hiermit verknüpften grossen Ausgaben beruhet noch auf allerhöchste Verfügung. Meine Verlegenheit über den fortwährenden Mangel am Gelde, worüber ich sowohl dem Reichs-Collegio auswärtiger Sachen, als der Tutel-Canzley schon zum besten geziemende Vorstellung zu thun mich nothgedrungen gesehen habe, auf welche ich mich hiedurch, mit Euer... gnädiger Erlaubniss, in der Kürze beziehe, ist unbeschreiblich gross. Ich kann dem nach nicht umhin Euer... hohen Vorsorge die Erledigung dieses Puncts auch hiermit in tiefester Ehrerbietung zu empfehlen; woferne nicht das ganze Colonisten-Negotium, in wie weit solches unmittelbar für Rechnung der Crone getrieben wird, platterdings Schiffbruch leiden soll.

An meinen eifrigsten Bemühumgen, alle Excesse, Unordnungen und Missbräuche bey dem Colonisten-Geschäfte abzuwenden, und solchen zu steuern, hat es nie gefehlet. Ich werde hierinnen auch ferner gewiss nichts erwinden lassen. Von denen unter meiner Direction und Aufsicht stehenden Cron-Commissariis, darf ich auch wohl gänzlich versichert seyn, dass sie sich keinen Excess oder Ungebühr werden lassen zu Schulden kommen. Hingegen kann ich die Colonisten-Werber, welche von den Privat-Entrepreneurs selbsten, und von deren Unterhändlern ausgeschicket werden, nicht füglich im Zaum halten dieweil mir ihre Aussendung, und der Ort ihres Aufenthalts, von Niemanden auf eine beglaubte Art angezeiget wird. Ich erfahre ihre Existenz immer nur von ohngefähr und meistentheils erst bey der Gelegenheit, wenn ein oder der andere ins Gedränge kömmt. Es schwärmen dergleichen Leute in allen vorliegenden Reichs-Preyssen, in Franken, Schwaben, am Ober- und Nieder-Rheinstrom, in ungeheurer Menge herum, und die übertriebene Anzahl derselben, wovon immer einer den andern zu überlisten, und den Rang abzulaufen trachtet, thut dem Colonistengeschäfte in der That grossen Schaden. Es entstehen daraus vielerley Inconwenienzien und Verdrüsslichkeiten, wodurch die deutschen Reichsstände gegen die Gestattung der diesseitigen Colonisten Sammlungen nur immer schwieriger gemachet werden; wie es denn auch schon dahin gekommen ist, dass in Ulm und in Frankfurt am Mayn unsere Commissarii nicht weiter wollen geduldet werden. Vielleicht würde auch dem hiesigen, von M-r Pictet und le Roy dependierenden Unter-Commissionnaire Florentin, ein gleiches Schicksal allhier in Regensburg begegnen, wenn der Magistrat hieselbst nicht auf die Anwesenheit einer Russisch-Kaiserlichen-Gesandtschaft, und auf meine persönliche Unterstützung besagten Commissionnairs, eine billige Rücksicht machte. Ein gewisser von Stein, der sich das Prädicat eines Russisch-Kayserlichen Raths und Land-Drosts beygeleget, und in Aufenau ohnweit Frankfurt am Mayn für den Herrn von Beauregard Colonisten geworben hat, ist den $^{9}/_{20}$ Februarii in der Nacht von einem Chur-Maynzischen Commando, aus seiner Wohnung gefänglich aufgehoben worden. Mir ist noch zur Zeit nicht wissend, was eigentlich zu sothaner Arrestirung Anlass gegeben hat; ich erwarte aber hierüber mit nechstem nähere Nachricht. Inzwischen hat diese Begebenheit viel Aufsehens gemachet, und die von gedachtem von Stein gesammelten Colonisten, sind dadurch in nicht geringes Misstrauen und Unruhe gesetzet worden. Man fängt an von den Russischen Colonisten-Anstalten ungleiche Begriffe zu fassen, die hernach nicht so leicht wieder zumal bey dem gemeinen Volke, auszurotten stehen. Im Maynzischen und im Hanauischen ist auch neuerdings auch ein geschärftes Verboth gegen die Emigration ergangen. Diese von mir wohl voraus gesehene üble Suiten haben mich bewogen, den Vorschlag ins Mittel zu bringen, dass an denen Orten, wo sich Commissarii von der Crone befinden, kein Colonisten-Werber für Privatleute möchte gelitten werden. Die obgedachtermassen so höchstschädliche Vervielfältigung solcher Werber würde dadurch zum wenigsten in etwas seyn verhütet worden. Der Fähndrich Cäsar hat sich selbsten mit seinen listigen Unternehmungen berühmet, mithin ist die Wirklichkeit derselben keinem Zweifel unterworfen. Wenn mir dergleichen frevelhaftes Beginnen ferner zu Ohren kömmt, werde ich Euer... gnädigem Befehl zufolge, nicht unterlassen den Thäter dafür zu warnen und ihm zu bedeuten, dass er von den disseitigen Ministris keinen Schutz und Beystand zu gewarten habe, im Fall ihm von seinem unrechfertigen Benehmen, Ungelegenheit und Ahndung zuwachsen würde.

Die Russische Sprache ist mir bey meinem nun schon Zwey und zwanzig jährigen Aufenthalt ausserhalb Landes, nicht mehr so geläufig, dass ich mir zu-

trauen könnte, solche Expeditiones in dieser Sprache, die nicht von politischen Geschäften handeln, nach ihrem wahren Verstand vollkommen und ohne Anstoss zu assequiren. Ich habe demnach, mir von dem rechten Sinn derer aus der Tutel-Canzley an mich ergangenen Befehle desto mehr vergewissert zu seyn, den Translateur bey der disseitigen Gesandtschaft in Wien jedesmal um deren Vertirung ins Deutsche angehen müssen. Die daraus entstehende Verzögerung in Ausrichtung der allerhöchsten Befehle, ingleichen die merkliche Vergrösserung der Versions-Arbeiten nunbesagten Translateurs, kann durch Beyfügung eines Translats bey denen an mich zu erlassenden gnädigsten Verfügungen, abgewendet werden. Euer... werden mir demnach gnädig erlauben, dass ich hiermit um sothane Veranstaltung untertranigst bitte.

Ich empfehle mich.... Simolin.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ", Ч. IV.
Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Patrie IV).

№ 6. Реляція Симолина изъ Регенсбурга отъ $^{6}/_{17}$ апрѣля 1766 года.
Relation du ministre Simolin en date du $^{6}/_{17}$ avril 1766.

Allerdurchlauchtigste, Grossmächtigste Kaiserin, Allergnädigste Kaiserin und Frau!

Es ist mir von Euer Kaiserlichen Majestät Gevollmächtigstem Ministre am Kaiserlich-Königlichen Hofe, dem Fürsten von Galitzin, hinterbracht worden, in welcher Masse man sich dortigen Ortes über das disseitige Colonisten Samlungs-Geschäft in dem deutschen Reiche, hat vernehmen lassen, welche Aeusserung hauptsächlich dahin hinausläuft, dass Seine Römisch-Kaiserl. Majestät dieser Angelegenheit nicht etgegen seyn wollten, woferne nur die Klagen und Beschwerden der Ober-und Nieder-Rheinischen Creyssstände, die Interposition Dero Kaiserlichen Amts hierinnen nicht gewissermassen zu einer Nothwendigkeit machen möchten. Da gedachter Ministre Euer Kaiserl. Majestät hierüber selbsten seinen allerunterthänigsten Bericht abgestattet hat; so beziehe ich mich darauf in tiefester Unterthänigkeit.

Mir scheinet es, dass der Römisch-Kaiserliche Hof, seine durch verchiedene Umstände schon verrathene Abneigung gegen besagtes Geschäft, nur mit einem scheinbaren Vorwand bemänteln will. Ich habe demnach dem Fürsten von Galitzin unverzüglich die Wiederantwort ertheilet, welche ich hier in Abschrift sub Lit. A. allerunterthänigst beylege.

Ich ersterbe... allerunterthänigstgehorsamster Knecht

Iohann Simolin.

Regensburg
den $^{6}/_{17}$ April 1766.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ". Ч. IV.
Archives du Ministère des Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Patrie IV).

№ 7. Реляція Симолина изъ Регенсбурга отъ $^{17}/_{18}$ апрѣля 1766 г.
Relation du ministre Simoline en date du $^{17}/_{18}$ avril 1766.

Allerdurchlauchtigste, Grossmächtigste Kaiserin,

Allergnädigste Kaiserin und Frau!

Von Seiten der Churfürstlichen Regierung in Mainz ist an die Gräfliche Isenburgische in Büdingen, das hier sub Lit. A in Copia allerunterthänigst angeschlossene Schreiben erlassen worden, worinnen erstere nur allzudeutlich die Absicht verräth, die Regierung in Büdingen gegen das diesseitige Colonistengeschäft aufzuhetzen. Der in demselben unter der Namen eines russichen Emissarii erwähnte Arrestant ist der von Stnin, ein Commissionaire, der von Beauregard, von dessen gefängliche Niederwerfung ist bereits in einem Euer Kaserlichen Majestät mit meiner allerunterthänigsten Relation sub № 16 vom 20 Februar/3 März eingeschickten Schreiben an den Präsidenten der allerhöchst verordneten Tutel-Canzlei Meldung gethan habe. Dieser Stein hat unter andern zehn Isenburgische Unterthanen zu Colonisten angeworben, deren Namen Eingangsgedachtem Schreiben beygefügt gewesen sind.

Sothaner befremdliche Vorschritt der Churfürstlich Mainzischen Regierung hat mich bewogen, demselben ungesäumt mit einem Pro Memoria ut sub Lit. B, entgegen zu gehen, welches ich dem hiesigen Chur-Maynzischen Gesandten von Linker, mit einer convenablen mündlichen Vorstellung begleitet, zur Beförderung und Unterstüzung insiuiirt habe.

Die übertriebene Anzahl von Privatwerbern für die Russischen Colonien, womit die vorliegenden deutschen Reichs-Kreysse, so zu sagen überschwemmt sind, thut dem diesseitigen Colonistengeschäfte im Grunde wirklich den grössten Schaden.

Zur Erreichung ihrer eigennützigen und habsüchtigen Absichten trachten sie bloss dahin viel Volk zusammenzuraffen und erlauben sich zum öftern die unzulässigsten Mittel hierzu.

Sie bekümmern sich nicht leicht darum, ob die Leute, welche sie annehmen, frey und entlassen sind, oder ob selbige in einem Nexu stehen, der sie an der Emigration hindert, daher ihren Colonisten-Transports auch bissweilen mit Husaren nachgesetzt, und ihnen die unrechtmässige Beute an unentlassenen Unterthanen wieder abgejaget wird. Die verstohlene Abführung undimittirter Insassen, muss nothwendig üble Folgen nach sich ziehen und den Stand des Reichs, den es trifft, zum Unwillen reitzen.

Wird hingegen das Colonistengeschäft in guter Ordnung getrieben, und alle Ausschweifung dabey sorgfältig vermieden; so bleiben die deutschen Fürsten bey gutem Willen, und werden der Emigration nach Russland so wenig als es sonsten den Wanderschaften in andere Weltheile geschehen ist, etwas in den Weg zu legen verlangen. Deutschland kann auf solche Art, wenn gleich nicht auf einmal, doch nach und nach, die russischen Colonien reichlich bevölkern, und für selbige eine unerschöpfliche Quelle von Menschen abgeben.

Ich ersterbe.... Simolin.

Regensburg
den $^{17}/_{28}$ April 1766.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ", Ч. IV.
Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie IV).

**№ 8. Реляція Симолина изъ Регенсбурга отъ $^{8}/_{19}$ мая 1766 г.
Relation du ministre Simoline en date du $^{8}/_{19}$ mai 1766.**

Allerdurchlauchtigste, Grossmächtigste Kaiserin,

Allergnädigste Kaiserin und Frau!

Die Ausschreibenden Fürsten des hiesiegen Bayerischen Kreysses, der Churfürst von Bayern, und der Erzbischof zu Salzburg, haben sich ermächtiget, unter Vorschützung eines grossen patriotischen Eifers für die Wohlfahrt und Bevölkerung des deutschen Reichs, nicht nur in den Bayerischen Kreysse mittelst eines Circular-Schreibens an sämtliche Stände desselben sub dato München den 16 April, und Salzburg den 28-ten April, sondern auch bey den Auschreibenden Fürsten des Fränkischen und Schwäbischen Kreysses, durch ein anderweitiges ersterm gleichfalls mit angefügtes gemeinschaftliches Schreiben, darauf anzutragen, und sich gleichsam ein eigenes Geschäft daraus zu machen, dass die diesseitigen Colonisten Anwerbungen in Deutschland durchaus nicht mehr gelitten, sondern die nachdrücklichsten Massregeln zu ihrer gänzlichen Störung und Hemmung ergriffen werden möchten. Es sind da bey auch, mit nicht geringer Dreistigkeit, allerhand unglimpfliche und verkleinerliche Einstreuungen gegen Euer Kaiserliche Majestät Colonisten-Anstalten mit eingemischt worden. Indem ich bemeldete beyde Schreiben hier in der Beylage, sub Lit. A, allerunterthänigst einsende, stelle ich es lediglich Euer Kaiserliche Majestät allererleuchtestem Ermessen und allerhöchsten Vorschrift anheim, wie solcher unbedachtsamen Unternehmung gehörig zu begegnen seyn dürfte? immassen sonsten, wenn die vorliegenden Reichs Kreysse auf gegenwärtige Suggestion des Bayerischen Kreyss auschreib. Amts mit widrigen Schlüssen gegen die diesseitige Colonisten Sache hervor gehen solten, der äusserste Nachtheil, wo nicht der gänzliche Ruin derselben, davon zu besorgen stehet.

Ich ersterbe.... Simolin.

Regensburg
den $^{8}/_{19}$ Maii 1766.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ“, Ч. IV.
Archives du Ministère des Affaire Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie IV).

№ 9. Schreiben der Ausschreibenden Fürsten des Bayerischen Kreysses an die Ausschreibenden Fürsten des Fränkisch und des Schwäbischen Kreysses de dato München den 4-ten April 1766.

Euer Liebden wird zweifelsohne die Nachricht von Russisch en beträchtlichen Colonisten-Anwerbungen in verschiedenen Provinzen Deutschlands und deren Transport aus dem Reiche bereits zugekommen seyn. Wiewohl nun dergleichen

höchstnachtheilige Anwerbungen in den Churbayerischen Landen niemals gestattet worden, so ist doch, wegen der allzunahen Nachbarschaft derjenigen Oerter, wo sie geduldet werden, nicht zu verhindern gewesen, dass nicht durch die, zu diesen Colonien-Wesen aufgestellten, theils heimlichen, theils öffentlichen Emissarien, verschiedene Bayerische und Ober Pfälzische Landeskinder zum Auszug verleitet worden wären, wovon sich erst neuerlich ein merkwürdiges Beyspiel an einem solchen Russischen Colonisten Transport durch die Stadt Amhoff, welcher von dem Churfürstlichen Beamten zu Weix angehalten und durchsuchet worden, eräuget hat.

Euer Liebden sind viel zu erlauchtet, als dass Dieselben, diejenigen allgemeinen patriotischen Grundsätze misskennen sollten, nach welchen dergleichen Colonisten-Transports in auswärtige, mit Unserm werthesten deutschen Vaterlande in gar keiner Verbindung stehendem Reiche, für das grösste Übel zu achten ist, welches einen Staat immer befallen kann: folglich da die Stärke und Wohlfahrt aller Stände ganz ungezweifelt auf Ihrer Bevölkerung beruhet, kein zuverlässigeres Mittel zu deren Schwächung erdacht werden kann, als dasjenige, welches auf die Entvölkerung derselben alzielet und nicht zu gedenken, dass dergleichen Colonisten ihr erworbenes Vermögen mit sich fort ausser Landes schleppen, so geben dergleichen Anwerbungen auch noch zu Meutereyen der Dienstboten Anlass, die diese Gelegenheit ergreifen, um sich wider ihre Herrenschaft aufzulehnen, unfleissig, mürrisch und ungehorsam zu seyn.

Hier nechst sind dergleichen arme Colonisten für das ganze menschliche Geschlecht so gut als verloren, da die wenigsten daraus das fremde Clima vertragen können, und da sie noch überhin, vermöge der Russisch-Kaiserlichen Patente, in solche Gegenden um Astracan und an dem Wolgastrom verlegt werden, deren Verödigung und Entvölkerung bekanntermassen sonst nichst, als denen fast täglichen Streiffereyn der benachbarten Tartaren beyzumessen ist, wider welche die Russische Macht, wegen dem allzugrossen Umfang ihrer weitläuftigen Staaten, sie nicht zur Genüge bedecken kann; und eben dieses scheinet die Bevölkerung selbiger Gegenden unmöglich zu machen, wenn man auch ganze Länder von ihren Einwohnern entblössete, um sie nach und nach Colonistenweise dahin zu schicken. So gerne Wir daher dem Russischen Reich die Aufnahme seiner Bevölkerung gönnen, eben so sehr wünscheten Wir entgegen, dasselbiges die Mittel darzu in seinem eigenen Ingeweiden und nicht in andern Staaten, besonders in Unsern deutschen Vaterlande, welches ohne das keinen Überfluss an Volk besitzet, sondern vielmehr Mangel daran leidet, suchen möchte.

Diesem grossen Übel und enormen Schaden, welcher in der Folge die Entvölkerung von Deutchland unfehlbar nach sich ziehen dürfte, vorzubeugen, sehen Wir kein anderes Mittel, als dass, wo nicht von allen, doch wenigstens von den mehresten Reichs-Kreissen, gemeinschaftlich zu Werke gegangen, und diese Russische Colonistenwerbungen allerdings abgestellet und unter den stärkesten Strafen sowohl gegen die Emissarien als austretenden Unterthanen verbothen, und auf das unnachlässigste hierauf gehalten werde.

Wir, als Ausschreibende Fürsten dieses Bayerischen Kreysses, werden hierunter nichtserwinden lassen, was Unsere Pflichten und patriotische Gesinnungen immer von Uns fordern mögen, und Wir verhoffen zuversichtlich Euer Liebden werden aus dem reinesten Triebe der gleichmässigen Vaterländischen Denkensart, die nehmlichen gedeihlichen Maassregeln zu Abwendung alles Übels von diesen des Heil. Römisch. Reichs-Kreyssen und in der Folge von dem allgemeinen Vaterlande einzuschlagen, nicht entstehen, worüber Wir Uns Deren fördersamsste,

jedoch ohnmassgeblichste beliebige Gesinn und Ausserung erbitten, und zu Erweisung.

(Московскій Главн. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ: „О колонистахъ“, Ч. IV. Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie IV).

№ 10. Circular-Schreiben der Ausschreibenden Fürsten des Bayerischen Kreysses an die Bayerischen Kreysstände de dato München den 16 April und Salzburg den 28-sten April 1766.

Wir mögen nicht umhin Eurer Freundschaft die sehr bedenklichen Umstände der eine geraume Zeit her im deutschen Reiche, besonders aber in den benachbarten Kreyssen, geduldeten Russischen Colonistenanwerbungen, so viel an Uns ist, nachdrücklichst zu Gemüthe zu führen, da die Bevölkerung Unseres werthest n Vaterlandes, welche ohnehin nach dem untrüglichen Zeugniss der Erfahrung, mehr ab als zuzunehmen beginnt, durch dergleichen gemeinschädliche Völker-Entführung einen unverschmerzlichen Stoss leidet.

Wir haben demnach von Kreyss Ausschreib-Amts wegen Unserer Schuldigkeit zu seyn erachtet, die benachbarten Fränkisch-und Schwäbischen Kreyss-Ausschreib-Ämter, beweist der schriftlichen Nebenlage zu Abwendung dergleichen gemeinschädlichen Übels aufzumuntern, und Wir halten uns daher für entübriget, die Beweggründe davon, welche in besagtem Schreiben enthalten sind, hieher zu wiederholen.

Wir sind von Eurer Treundschaft patriotischer Gesinnung allzugewiss versichert, als dass Wir glauben könnten, dass dieselben in diesem höchstwichtigen Stücke Unserm patriotischen Eifer entsprechen sollten, um so mehr als Deroselben eigenes Interesse eben sowohl als die allgemeine Wohlfahrt des deutschen Reichs darunter befangen ist; Gesinnen daher an Eure Freundschaft von Kreyss-Ausschreib-Amts wegen, Dieselben belieben in Dero in hiesig-Bayerischem Kreysse entschlagenen Gebieth, solche verfängliche und ernstliche Verfügungen zu treffen, womit denen Russischen Colonisten-Anwerbungen, sie geschehen offentlich oder heimlich, unter Bedroh-und Verhängung schärfester Strafen gegen die betretende Emissarien und Theilnehmer vorgebogen werden möge, und diese gemessene Verordnung durch Anschlagung öffentlicher Patente bekannt machen zu lassen, annebst aber versichert zu seyn, dass Wir Denenselben hierinfalls nach all Unseren Kräften bey zustehn ohnermangeln werden.

Wir verbleiben Eurer Freundschaft dabey mit geneigtem Willen beygethan, auch zu Erweisung angenehmer Freundschaft und Willfärigkeiten jederzeit sonders geneigt und bereit.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ“, Ч. IV. Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie IV).

№ 11. Allerdurchlauchtigste, Grossmächtigste Kaiserin,

Allergnädigste Kaiserin und Frau!

Gegen die diesseitige Colonistensache hat sich nun auch in den Ober-Rheinischen Kreysse ein Ungewitter von eben der Art zusammengezogen, als sich hier in den Bayerischen Kreysse darwieder erhoben hat. Die Ausschreibenden Fürsten besagten Ober-Rheinischen Kreysses, nemlich der jetzige Churfürst zu Trier, als Bischof zu Worms, und der Churfürst von der Pfalz, als Herzog zu Simmern, sind mit dem Directorial-Antrag beyden Kreyss-Convent zu Frankfurt am Mayn hervorgetreten, der in der allerunterthänigsten Beylage Sub Lit. A. enthalten ist.

Je mehr ich diesen Bewegungen der Deutschen Reichs-Kreysse auf den Grund sehe, desto überzeugender leuchtet es mir ein, dass solche blos in dem Zaum und zügellosen Betragen ihren Ursprung haben, mit welchem die Privat-Entre-preneure oder ihre Unterhändler in den Colonistengeschäfte zu Werke gegangen sind. Ich habe die gegenwärtigen unangenehmen Folgen davon wohl vorausgesehen, solche auch nicht verschwiegen.

Die öffentlichen Ausbrüche des Missvergnügens einiger deutschen Reichsstände über sothane Handlungs-Weise in der disseitigen Colonisten-Annehmung, bestermassen abzuwenden, habe ich den hiesigen Salzburgischen, Wormsischen und Pfälzischen Gesandschaften mit dem gehörigen Nachdruck zu Gemüthe geführt, dass es mit der Russischen Colonisten-Aufnahme in Deutschland, nach Euer Kaiserl. Majt. allerlautersten Gesinnung, ledeglich auf freye, dimittirte, und ohnehin ihrer besten Nahrung halber fortwandernde Leute, angesehen sey, wodurch dann keinem Stande des Reichs nur die mindeste Beeinträchtigung geschehen könne, noch solle. Vorjetzo hätte man überhaupt auch schon alle weitere Colonisten-Reception völlig eingestellet.

Die hierauf erfolgten Gegen-Aeusserungen giengen insgesammt dahin, dass sie von den Massregeln ihrer Höfe noch gar nicht belehret worden, und dass sie von meinen Vorstellungen den geziemenden Bericht abstatten würden.

Von dem Chur-Maynzischen Gesandten, von Linker, welcher Trier und Worms mit vertritt, ward mir auch bey dieser Gelegenheit zu erkennen gegeben, dass Sn. Churfürstliche Gnaden zu Maynz den Rath von Stein, welcher sich mit nichts legitimiren, noch entschuldigen können, in Betracht meiner Intercession für seine Entlassung aus der gefänglichen Haft, wieder auf freyen Fuss gestellet hätten, wiewohl mit der Bedeutung, das Churfürstlich Maynzische Gebieth künftighin zu meiden.

Der hiesige Regensburgische Magistrat, als ein Bayerischer Freyststand, hat mich durch einen Raths-Consulanten versichert, dass selbiger das Bayerisch-Kreyss Directorial Ausinnen, zu vermeyndlichen Nachtheil des disseitigen Colonistenwesens, vor der Hand unbeantwortet auf sich werde beruhen lassen, obgleich Churbayern selbigen auch noch anlegen, öffentliche Patente nach Massgebung des Schreibens auschlagen zu lassen.

Verschiedene andere hiesige Gesandschaften haben mir ihre Befremdung über das unüberlegte Benehmen des Münchener Hofs nicht verborgen, und selbiges als eine gehässige und unanständige Partheilichkeit angesehen, mit welcher noch viele Unwissenheit von den innerlichen Verfassungen des Russischen Reichs vergesellschaftet ist, um das Publicum zu hintergehen.

Im übrigen hat es alles Ansehen, dass Chur Bayern und das Ober-Rheinische Kreyss-Directorium, hierinnen nicht sowohl aus eigenem Antriebe handeln, als vielmehr aus einer fremden mächtigen Impulsia ins Spiel treten.

Die allerhöchst verordnete Tutell-Canzley hat mir unterm 18-ten April die gnädigste Anzeige gethan, dass mir und dem Translateur Wichlajeff in Hamburg, bey Hofe und Comp. in Amsterdam, für die Summe von 267,300 Gulden Holländisch Current, und auf allen Fall noch auf eine andere Post von 30/m Rubeln oder 66825 h. Holl. Current, ist Credit gemacht worden.

Da ich derselben heute den Empfang dieser Benachrichtigung geziemend hinterbringe, so sende ich zugleich des Commissarii Facius in Büdingen Listen und Rechnungen über seinen Fünfzehnten und Sechzehnten Colonisten-Transport ein, welchen ferner die Liste und General-Berechnung von demjenigen Transport beygefüget ist, der von besagtem Commissario für Rechnung der Crone, einem Unterhändler des le Roy in der Gegend von Frankfurt am Mayn, Namens Dreystock, ist abgenommen worden.

Aus der hier sub Lit. B. beygeschlossenen Fortsetzung der Colonisten, Transports-Ausgaben Recaptulation stehet zu ersehen, sowohl wie stark diese drey Transports gewesen sind, als was selbige gekostet haben.

Ich ersterbe... Iohann Simolin.

Regensburg
den $^{15}/_{26}$ May 1766.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ“, Ч. IV.
Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie IV).

№ 12. Directorial Antrag der Ausschreibender Fürsten des Ober-Rheinischen Kreysses.

Dictatum Frankfürt
den 5-ten May 1766.

Directorium derer höchsten Kreyss-Ausschreibenden

Herrn Fürsten, Churfürstliche Gnaden und Churfürstliche Durchlaucht könnet von einiger Zeit her wahrzunehmen, mit was für einer unglaublichen Leichtsinnigkeit sich das gemeine Volk verleiten lässet, in grosser Menge aus dem Teutschen in das Russische Reich über zu ziehen, durch welche häufige Emigrirung oft. in ganzen Familien das werthe Vaterland einen merklichen Zuwachs dienst tauglicher Leute verliehret, und in gewissen Maassen nicht wenig entvölkert wird.

Um nun diesem gemeinschädlichen Ubel noch in rechter Zeit einen Einhalt zu thun und eine völlige Abhülfe zu verschaffen, welche hiesame Endzweck sich nicht wohl füglicher und wirksamer erringen lässet, als wenn in eines jeden Hoch und Löblichen Herrn Standes Landen der Frevel des Emigrirens durch öffentliche Gebote bey scharfer Strafe untersaget, solche auch in Widerhandlungs-Fällen an denen sich als schuldig betretenen lassenden ohnnachsichtig zum abschreckenden Ezempel anderer vollzogen, sonderlich aber nirgendwo denen Emigrirenden eine Versammlungs-Niederlage und eine Transportirungs-Gelegenheit zu Land oder zu

Wasser gestattet, wie nicht minder und ein Hauptwerk auf die verführerische Anwerber und Unterhändler das Auge gerichtet wird, und diese als die Stifter und Urheber des ganzen Unwesens überall zu verfolgen, bey ihrer Ertappung gefänglich niederzuwerfen, und wieder sie mit aller Strenge, auch allenfalls nach bewandten Umständen, nnd Bestraffung, an Leib und Leben zu verfahren. So haben Eingangs Höchsterwehnte Kreyss-Ausschreibende Höchste Herren Fürsten der Nothdurft ermessen, mittelst dem gegenwärtigen die Dringlichkeit des Betreffs Hoch und Löblichen Herren Ständen zur patriotischen Rücksicht und zu gleicher Zeit anheim zu stellen, was hierunter in Dero Landen zu des Reichs und dieses Kreysses allgemcinen Dienst etwa nach der obigen Bemerkung oder sonst zu verfügen ohnschwer gefällig seyn mögte.

Frankfurt den 29/,Mannheim den 30 April 1766.

№ 13. Rescript an den Grossfürstl. Schleswig-Hollsteinischen Ober-Jägermeister und Ministre in Hamburg H. v. Bredoll.

P. P.

Быть по сему.

Въ Сарскомъ Селѣ 10 Маія 1766 года.

Da Wir eures rühmlichen Eifers zu Unserem Dienst vollkommen versichert sind. so haben Wir euch eine solche Commission auferlegen wollen, deren Bewerckstelligung eine besondere Vorsicht und sehr viele Mässigung erfordert, um wiedrigenfalls, durch einen unzeitigen Eclât nicht etwa aus eigener Schuld, den Erfolg derselben zu erschweren und zu behindern.

Es betrift die Sache die, in Hambourg befindliche und euch vielleicht persöhnlich nicht unbekante Colonisten-Beruffern, Le Roi und Precourt, als welche (obgleich der Termin ihrer Contracte schon längst verflossen, und sie zu seiner Zeit schon mehrere Colonisten herbeigeschaft haben, als im Contract verabredet worden, folglich gleicht darauf, und zwar schon im verwichenen Herbst, hätten hieher kommen sollen, um mit Unserem Tutel-Canzlei gehörig liquidiren zu können) dennoch sicherdreistet haben, die Sammlung und den Transport der Colonisten eigenmächtig fortzusezzen, gleichsahm als wenn ihre Contracte noch in ihrer vollen Kraft wären, da ihnen doch von gedachter Canzlei zu verschiedenen mahlen zugeschrieben worden, sich in dieses, ihnen gar nicht mehr zu mischen. Es ist kein Wunder, dass sie diese Vorschrift überschritten, da sie, allem Ansehen nach, durch den unrechtmässigen Vortheil bei Fortsezzung der Colonisten-Sammlung, geblendet worden: allein, das ist allerdings befremdlich, dass sowohl Unser in Hamburg gewesener Minister Musin-Puschkin, als auch der nach ihm zurückgebliebene Translateur Wichlajow, nach seinem Beispiel sich von diesen Intriganten dergestalt haben hinter das Licht führen lassen, dass sie, da doch von der Tutel-Canzlei eine ausdrückliche Anweisung vorhanden war, dass ihnen die weitere Herbeischaffung der Colonisten untersaget sei, gleichwohl bei allem dem, sich mit ihnen immerfort eingelassen, und ihnen für jede aufzunehmende Familie, nach einer willkührlichnen Sazzung, Vierzig Rb. ausgezahlet haben, und zwar

schnur stracks wieder die Vorschrift der Tutel-Canzlei, als welche ausdrücklich verordnet hatte, ihnen selbige, nicht anders, als gegen die, von denen Colonisten selbst auszustellende Quittungen, unter dem Bedinge auszuzahlen, dass eine ganze Familie nicht über Vierzig Rubel in allem zu stehen kommen mögte. Bei einem so willkührlichen und unverantwortlichen Verfahren des Le Roi und Precourt und, umso nicht weiter ihrem Betruge blos gestellet zu seyn, sondern selbigen nunmehr, so viel nur immer möglich, in ein helles Licht zu sezzen, ist das beste und kürzeste Mittel, sie selbst hieher zu schaffen, mittlerweile aber, ihre eigenmächtige Negociation, dem Publico zur Warnung so zu schildern, wie es sich damit würcklich verhält, dass Wir selbige nemlich für missfällig und von dem hiesigen Hofe für desavouirt erklären, damit einjeder solches wissen, und sich durch ihre unstatthafte, und das Manifest überschreitende Lockungen nicht verleiten lassen, sondern im fall jemand hieher zu emigriren Verlangen trüge, sich an diejenigen wenden könne, die dazu von hieraus oder von Unsern Ministres hinläuglich authorisiret worden.

In dieser zweifachen Absicht geben Wir euch hinmittelst auf, 1-mo) die hiebei folgende Publication in die Hamburger und andere Zeitungen von deren Örtern, wo die Emissairs gedachter Le Roi und Precourt seyn könnten, einrücken zu lassen, damit auf solche Weise, ihr ganzes Vorhaben auf einmahl übern Hauffen geworfen werden könne. 2-do) sie selbst zu sich zu beruffen, und ihnen von dieser Unserer Rezolution so viel ihnen davon zu wissen nötig, mit der Bedeutung kund zu thun, dass sie jezt, da sie schon nicht mehr zu thun hätten, ohne weiteren Aufenthalt, hieher reisen mögten, um, wegen derer herbeigeschaften Leute, gehörige Richtigkeit zu treffen, als wozu sie durch den Contract selbst verbunden wären, und zwar um so mehr, als in dem fall, wenn etwa nach der, von ihnen bereits getroffenen Veranstaltung aufs neue sich einige Colonisten melden sollten, selbige auch in ihrer Abwesenheit angenommen und hieher transportiret werden könnten, 3-tio). Im fall sie in die Hieher-Reise einwilligten, in aller Stille einen zuverlässigen Menschen zu verordnen, der sie nicht aus den Augen lasse, damit sie in der Zwischenzeit, und weil sie sich ihres Unrechts bewusst sind, nicht etwa anders Sinnes werden und sich aus dem Staube machen mögten. Ihr könnet also, um sie nicht vor der Zeit schüchtern zu machen, wie ihr es an Stelle und Ort am Zuträglichsten erachteh werdet, auch die Publication selbst, bis zu ihrer Abreise, daferne selbige sich nur nicht etwa verzögern solte, aussezzen, 4-to) würdet ihr sie dazu gänzlich abgeneigt finden, oder es würden selbige fortfahren nach wie vor, leere Ausflüchte und Einwendungen vorzuschüzzen (als welches für eine förmliche abschlägige Antwort anzusehen ist); so habet ihr den Hamburgischen Magistrat, durch die euch bekannten Mittglieder desselben, auf eine schickliche Weise zu sondiren, ob selbiger sich in diesem falle wohl dazu verstehen mögte, dieselben zu arretiren, und euch, zur Absendung an unsere Tutel-Canzlei, mit ihrem Haab und Gut zu überliefern, in der gerechten Betrachtung, dass sie eine ansehnliche Summe Geldes aufgenommen und dagegen wieder den ausdrücklichen Innhalt ihres Contracts, keine gehörige Beweissthümer aufzeigen, ohne welchen man doch mit ihnen, weder liquidiren, noch hinter ihr Recht oder Unrecht kommen könne. 5-to) Im fall einer gewünschten Willfährigkeit hierinn abseiten des Magistrats, werdet ihr, sobald ihr dessen gewiss seyd, nicht unterlassen, eurem eigenen Ermessen nach, entwe der selbst; oder durch den Translateur Wichlajew, beim Magistrat in Unserm Namen, umb die Arretirung und Auslieferung gedachten Le Roi und Precout an Uns, förmlich anzuhalten, umb ihre Aufführung hieselbst nach aller Billigkeit untersuchen zu können, 6-to) sobalde

sie nun auf solche Weise vom Magistrat arretiret, und von euch unter Wache mit dem ersten Schiffe, lie-ber aber mit dem vielleicht eben gegenwärtigen Paquet-Bote, hieher abgefertiget worden, so ist nothwendig, damit dem Publico der gerechten Bewegursachen dazu kund werden mögen, in denen Zeitungen eine andere, ebenfalls hier angeschlossene Publication zu inseriren; und endlich 7-timo) im fall einer merklichen Abgeneigtheit der Stadt, Uns in Zeiten davon Bericht abzustatten, nebst Beifügung eures Sentiments, ob man nicht etwa, auch ohne Zuziehung des Magistrats, oder wenigstens doch mit dessen stillsshweigender Einwilligung, gedachten Le Roi und Precourt heimlich auffangen und auf eben die Weise hieher schicken könne.

Ihr werdet übrigens von selbst einsehen, dass Unsere Haupt-Absicht bei gegenwärtiger, euch übertragenen Commission, dahin geht,

1-mo) der Continuation, sothanen gemissbrauchten und kostbahren Aufwandes bei der Colonisten Enrollirung, zuvor zukommen und selbige zu unterbrechen, und dabey 2-do) den hiesigen Credit in allendem, was denen Leuten, die sich hieselbst etabliren wollen, versprochen worden, ungekränkt zu erhalten.

Auf was für eine Art und Weise, und in welchen Stücken ihr Unsern Befehl eigentlich von Zeit zu Zeit bewerkstelligen werdet, darüber erwarten Wir alsdann eure ausführliche Berichte, und verlassen Uns übrigens auf eure bewährte Treue und Geschicklichkeit, und damit auch der Translateur Wichlajew, mittlerweile euren Aufträgen eine genaue Gnüge leiste, so ist ihm darüber gegenwärtig der Befehl zugefertiget worden, euch aber empfehlen Wir bestens, sowohl ihn, als den von Unseren Tutel-Canzlei, des Colonistes-Geschäftes wegen, abzufertigenden Adjutanten Magnitzscy, der sich ebenfalls an euch zu addressiren beordert worden, in allen Fällen mit euren Anweisungen zu versehen. Wir verbleiben euch ügrigens mit Kaiserlichen Gnaden wohl beigethan. Gegeben St. Petersburg den 12 May 1766.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ", Ч. IV.
Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie IV).

№ 14. Реляція Симолина изъ Регенсбурга отъ 22 мая/2 іюня 1766 г. Relation du ministre Simoline en date du 22 mai/2 juin 1766.

Allerdurchlauchtigste, Grossmächtigste Kaiserin,

Allergnädigste Kaiserin und Frau!

Gleich nach der Abfertigung meines lezten allerunterthänigstens-Berichts an Euer Kaiserliche Majestät sub № 51 ist des Comissarii Facius in Büdingen die Anzeige und Communication eines Schreibens bey mir eingelangt, welches der Translateur Wichlayew in Hamburg unterm $^{4}/_{15}$ May an ihn erlassen hat. Er giebt ihm darinnen zu erkennen, dass er der Commissarius, mit Absendung mehrer Colonisten für dieses Jahr gänzlich einhalten sollte, wie solches aus der hier sub Lit. A. beygefügten Abschrift besagten Schreibens mit mehreren erhellet.

Der Commissarius Facius hat bey mir angefraget, wie er sich bey dieser Intimation, die ihm ganz unbegreiflch falle, zu verhalten habe?

Mir schien sothane uneingeschränkte Inhibition aller weitern Colonisten-Transports von Büdingen, von der aussersten Consequenz und Wichtigkeit zu seyn.

Die Befolgung derselben ist offenbar nicht mir mit einem beträchtlichen Verlust für die hohe Crone verknüpft; sondern es waltet auch vornehmlich die grosse Bedenklichkeit darbey vor, ob nicht die über alles gehende unschätzbare Ehre und Würde der Krone darunter leiden möchte, wenn eine grosse Anzahl treuherziger Emigranten, die auf Euer Kaiserliche Majestät allerhöchstes Manifest gebaut, und zuversichtsvoller Hoffnung auf die unverletzliche Erfüllung desselben, ihrem Vaterlande schon den Rücken gekehrt haben, solchergestalt Hilf und Trostlos entlassen würden.

Dass die Abdankung der bereits wirklich gesammelten, und schon eine zeitlang alimentirten Colonisten, unter dem von dem Translateur Wichlajew angeführten, mir aber unmittelbar nicht zugefertigten Befehle Keine Colonisten weiter zu engagiren, schwerlich mit zu verstehen ist, das leget sich meines Ermessens, aus dem von der Tutel Canzley an Euer Kaiserl. Majestät Reichs Collegium der auswärtigen Sachen unterm 23-sten Februarii erlassen Pro Memoria klärlich zu Tage, welches mir als eine Beylage zu dem allerhöchsten Rescript vom 27-sten Merz Instructionsweise ist zugesandt worden.

Ich that demnach, ohne den mindesten Zeitverlust dem Translateur Wichlajew züförderst die umständlichste Remonstration, die in dem hier sub. Lit. B. in Copia, beygesclossene Schreiben an denselben de dato $^{18}/_{29}$ May, enthalten ist, und ertheilte demnächst auch mit gleicher Eilfertigkeit, dem Commissario Facius in Büdingen die Anweisung, sich der Wichlajews Vorschrift, in Ansehung der Fortsetzung oder der gänzlichen Einstellung seiner Colonisten-Transports, platterdings zur Richtschnur zu nehmen.

Auf den Fall nun dass oftbesagter Wichlajew sich getrauen dürfte an die Dimmission der Colonisten in Büdingen, den dortigen Commissarii wirklich zu instruiren, habe ich diesen letztern noch nachdrüklich recommandiret, dass er hierbey gleichwohl den Credit des disseitigen allerhöchsten Manifestes wegen der Aufnahme der Fremden in Russland aufrechtzuerhalten, ingleichen den aus der Entlassung seiner zusammengebrachten Colonisten entstandenen Schaden, so viel als möglich zu mildern und zu verringern suchen möchte.

Er könnte zu diesem Behuf die Gräflich Isenburgische Regierung mit ins Spiel ziehen und bey derselben unter dem scheinbaren Vorwande, dass die Ausschreibenden Fürsten des Ober Rheinischen Kreysses seinen dortigen Aufenthalt, und die Fortschaffung der noch vorhandenen Colonisten durchaus nicht gestatten wollten, die Injunction auswirken, die Entlassung seiner Leute ungesäumt ins Werk zu richten, welche sodann gleichsam abgenöthigterweise erfolgte.

Er möchte sich auch dem Umstand dass, wie ich sicher vernehme, vor Kursem ein Commissarius in Frankfurt am Mayn angekommen ist, der für die königlich Grossbritanischen Colonien Leute sammelt, zu Nutze machen, und selbigem seine Emigranten ganz oder zum Theil, wie es sich am füglichsten will thun lassen, gegen die gehörige Restitution, sämtlicher auf sie gewandtem Kosten, abtreten.

Inmittelst stünde zu versuchen, ob die Emigration in Büdingen nicht einstweilen, und bis es etwane noch zu ihrer Transportirung nach Lübek kommen möchte, mit der Hälfte des zeither genossenen Tagegeldes für einen jedweden Kopf vorlieb nehmen wollte.

Ich communicire gegenwärtigen allerunterthänigsten Bericht, und dessen

zwo Beylagen, der allerhöchst verordneten Tutel-Canzley zu ihrer Nachricht, mit der fernerweitigen Anzeige, dass ich heute abermal für die Summe von Zehn Tausend Gulden Holländisch Current auf Hope und Comp. in Amsterdam gezogen habe. Ich füge auch die Berechnung derer 16/m. h. Holländisch Current zugleich mit bey, welche von mir den $^{18}/_{29}$ May auf nurbesagtes Comptoir sind trastiret, und dagegen die unterm $^{11}/_{22}$ May an die Tutel Canzley von mir ausgestellten Wechsel auf 6120 Rubeln, wieder zurückbezogen worden.

Ich ersterbe.... Simolin.

Regensburg
den 22 May/2 Iuni 1766.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ", Ч. IV.
Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie IV).

Переписка Симолина съ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ княземъ Д. М. Голицынымъ.

Correspondance entre le ministre Simoline et le prince D. M. Golitzine, ambassadeur russe à Vienne.

(№№ 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24).

№ 15. Симолинъ—Голицыну отъ $^{11}/_{22}$ марта 1766 г.
Le ministre Simoline au prince D. Golitzine le $^{11}/_{22}$ mars 1766.

Vers la fin de l'année passée je reçus un ordre de la cour d'accréditer un commissaire à Ulm et un autre à Francfort sur le Mein qui auraient soin de faire passer à Lubec les personnes libres et duëment congediées de leurs superieurs, qui s'annonceroient chez eux pour emigrer en Russie. J'y satisfis incessamment en dépêchant le S-r Meixner à Ulm, et le S-r Facius à Francfort avec mes lettres de créance ou d'adresse aux magistrats des dites villes impériales.

Le magistrat de Francfort ne reputant pas le S-r Facius suffisamment légitimé par une lettre de ma part, lui fixa un terme de trois mois pour se procurer sa légitimation en qualité de commissaire de Sa Majesté Impériale, notre Auguste Souveraine, immédiatement de sa personne sacrée. N'en ayant pas été pourvu, il ne restoit pas d'autre parti à prendre au S-r Facius, que de quitter la ville de Francfort, et de s'établir dans un autre endroit voisin, où il ne fut pas empêché de remplir l'objet de sa commission.

Il eut recours à la ville de Budingue dans le comté d'Isenbourg, où il demeure encore actuellement. Le comte regnant de ce petit païs lui fait toutes les facilités imaginables pour loger les colons, les entretenir, et les transporter. Aussi y a-t-il déjà plusieurs transports très considérables dépêchés de Budingue à Lubec. Mais comme la régence de Budingue vient d'être informée de Vienne, que l'électeur de Mayence y avoit porté des plaintes contre le support que l'on donnait à Budingue au commissaire Facius, et qu'il y avoit à craindre qu'il ne fût défendu par un rescrit impérial au comte d'Isenbourg-Budingue de souffrir le commissaire dans son païs; la régence tremble déjà pour cette ordonnance à la quelle on ne pourroit qu'obéir. Si le séjour de Budingue venoit à être dénoncé

à notre commissaire par ordre de l'empereur, et sur la demande de l'électeur de Mayence, aucun état du Haut et du Bas Rhin n'oseroit plus recevoir ce commissaire, et l'affaire des colons ou des peuplades de la Russie y perdroit infiniment. Pour ne pas la laisser tomber entièrement, il faut tâcher de parer ce coup ruineux. Je vous supplie M-r de vouloir bien Vous y employer de la manière que Votre Altesse le jugera le plus convenable. Je mande à la cour de m'en être rapporté à Votre intervention.

Il est enjoint à tous nos commissaires en Allemagne de ne transporter absolument personne en Russie qui ne puisse prouver par un certificat de son seigneur territorial, ou de ses officiers de justice, d'avoir la pleine liberté de s'expatrier. On renvoye indistinctement chacun qui n'est pas muni d'une telle attestation, et qui est né dans un païs, où l'emigration est interdite. Cette prohibition existe dans l'électorat de Mayence et de Bavière, dans le Palatinat, dans le comté de Hanau sciement on ne prend personne qui soit originaire de ces provinces. Le commissaire Facius a même admis près de lui un député de la régence de Budingue pour examiner conjointement avec lui les attestations des familles qui s'y présentent pour être dépêchées en Russie. Celles qui viennent du païs de Mayence et de Hanau font principalement l'objet de leur attention, et ne seront jamais enrolées. Sur ce pied-là nos transports ne peuvent préjudicier à qui que ce soit, et il n'y a pas de titre légitime pour s'y opposer.

En faisant part ici au ministre de Mayence des arrangements faits relativement aux sujets de l'électeur, il m'en a témoigné toute la satisfaction possible promettant d'en informer Son Altesse Electorale, et assurant que son maître ne pensoit pas d'ailleurs de mettre obstacle à nos opérations pour rassembler des colons.

La cour impériale désobligeroit sensiblement la notre si elle s'avisoit de donner des entraves à nos commissaires dans l'Allemagne, qui se conduisent d'une façon qui ne sauroit préjudicier á aucun état. Il importe donc beaucoup de prévenir toute démarche odieuse et précipitée.

J'ai tout lieu de soupçonner que les ministres ici à la diète font tout ce qui dépend d'eux pour faire naître des ombrages au sujet de nos entreprises. Cette façon de penser est d'autant plus surprenante de leur part, que le souvenir de tout le sang que nous avons répandu pour les intérêts de la cause de leur cour, est encore bien récent. Raisonnablement on devrait s'attendre, que bien loin de mettre obstacle à sa réparation elle devroit y concourir de toutes ses forces. Comme le S-r Facius seroit mis dans le dernier embarras avec plusieurs centaines de familles, qu'il auroit sur le bras, si la ménace de la cour impériale à l'égard du comté de Budingue sortoit son effet, il n'y a point de temps à perdre de prévenir ce coup, et je supplie Votre Altesse de me mettre au fait le plutôt, que faire se peut, du succès de ses offices.

J'ai l'honneur d'être...

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ", Ч. III.
Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie III).

№ 16. Голицынъ—Симолину отъ 22 марта/2 апрѣля 1766 г.
Le prince D. Golitzine au ministre Simoline le 22 mars/2 avril 1766.

J'ai reçu la lettre que Vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le $^{11}/_{22}$ du mois passé.

Je sens qu'il est très essentiel, que les opérations des commissaires établis en Allemagne pour faciliter le transport des personnes qui souhaitaient d'aller en Russie, ne soient point interrompues, encore moins que l'on tâche de les suspendre tout-à-fait; en conséquence et conformement à ce que Vous avez bien voulu M-r me mander à ce sujet, j'ai pris les mesures nécessaires pour parer cet inconvénient, mais je ne sais si mes démarches seront suivies du succès, que nous désirons, mes premières tentatives n'ayant pas eu de quoy me satisfaire; mais je Vous prie, Monsieur, d'être persuadé que les difficultés ne me rebutent point, et qu'il ne dépendra pas de moi, que l'affaire ne prenne la tournure la plus conforme à nos voeux. Je vous écrirai dans peu plus amplement à ce sujet. En attendant....

(Московъ. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ", Ч. III.
Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie III).

№ 17. Голицынъ—Симолину отъ 29 марта/9 апрѣля 1766 г.
Le prince D. Golitzine au ministre Simoline le 22 mars/2 avril 1766.

J'ai répondu le 2 de ce mois préliminairement à la lettre que Vous m'avez fait l'honneur de m'écrire au sujet des empêchements, dont sont menacées les opérations de nos commissaires pour les colonies en Allemagne.

Vous y citiez, Monsieur, l'électeur de Mayence comme principal moteur de cette querelle, mais s'il l'a été, ce n'est qu'en sa qualité de directeur du cercle du Bas-Rhin, attendu que suivant les informations que j'ai prises, ce sont les deux cercles du Haut et du Bas Rhin, qui jaloux des premiers succès de nos opérations et craignant, qu'elles ne tournent à leur desavantage, ont porté à cet égard conjointement des plaintes au ministre impérial résidant auprès d'eux, en lui représentant le tort, qui résulteroit pour l'empire de toutes ces émigrations, si on les toléroit plus longtemps, et en le priant d'engager Sa Majesté l'empereur de les suspendre par un rescript. Les personnes qui m'ont donné ces informations sont celles de qui dépend „en partie" le sort de l'affaire. Je dois d'autant plus ajouter foi à leurs paroles, quand elles m'assurent que la cour impériale n'a encore pris aucune résolution à ce sujet, quoiqu'elle soit informée depuis quelques mois de toutes les circonstances de l'affaire.

Elles m'ont fait espérer même, que l'empereur restera dans cette inaction, à moins que les cercles ne s'adressent à lui directement et ne requièrent formellement son autorité, au quel cas Sa Majesté ne peut point se refuser à leurs instances, sans manquer à ses devoirs de chef suprême de l'empire.

Voilà du moins ce que l'on m'a fait entendre sur les représentations réitérées, que j'ai faites en conséquence de Votre lettre, et sur le raisonnement que

j'ai opposé à celui des cercles, qui, à ce que je remarque, leur paroît ici très solide et très bien fondé. Tout ce que j'ai pu obtenir en vertu de mes vives instances est, que dans ce cas on ne prendroit aucune résolution sans m'en prévenir auparavant, afin que nous puissions aviser aux moyens de sortir d'affaire convenablement.

Mais Vous jugerez aisement, Monsieur, qu'il est de la prudence de ne pas laisser venir les choses à ces extremités pour ne pas perdre tout d'un coup les fruits de nos opérations, et ménager, autant qu'il est possible la dignité de la cour. Pour cet effet il ne nous reste, ce semble, que deux choses à faire: ou d'assigner une autre place à nos commissaires ou bien d'engager les membres des cercles à suspendre leurs plaintes. Comme chacun des princes, qui les composent, entretient un ministre à la diète, Vous serez à même, Monsieur, d'entamer cette négociation. Si les cercles prennent le parti du silence, nous pouvons compter que l'empereur ne s'opposera point à nos vues.

Par la conduite que Sa Majesté a tenue jusqu'à présent, nous pouvons juger qu'Elle veut user de complaisance et de ménagement.

Je serai de mon côté fort attentif à fomenter ces bonnes dispositions comme en général je n'oublierai rien de tout, ce qui peut faire tourner cette affaire à bien; en même temps que j'aurai soin de Vous instruire de tout ce qui parviendra dorénavant à ma connaissance relativemeut à cet objet.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ", Ч. III.
Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie III).

№ 18. Симолинъ—Голицыну отъ $^{4}/_{15}$ апрѣля 1766 г.
Le ministre Simoline au prince D. Golitzine le $^{4}/_{15}$ avril.

P. P.

Il paroit par la lettre, dont V. A. m'a honoré le 29 mars/9 avril, que le ministère de l'empereur, en prenant le dehors d'une grande complaisance, nous veut induire à croire que ce soient les etats des cercles du Haut et du Bas Rhin, qui ayent pris ombrage de notre ramas de colons, et qui craignant peut être la dépopulation de leur païs, en soient venus à implorer le chef de l'empire, de mettre fin à nos opérations. V. A. voudra bien juger de ce qui en est d'après ce que je m'en vois avoir l'honneur de lui exposer.

Les etats les plus considérables des cercles du Haut et du Bas Rhin sont sans doute l'électeur de Mayence, le landgrave de Hesse-Cassel, et celui de Hesse-Darmstadt. Leurs ministres ici à la diète, ayant été requis de ma part au sujet du libre passage des transports de nos colons, qui iroient de Budingue et de Francfort à Lubec, m'ont tous déclarés en réponse, qu'il n'y avoit à cela aucune difficulté, et que les ordres étoient donnés en conséquence. Ils m'ont fait voir les rescripts pleins de protestation de la meilleure disposition du monde, qui leur ont été adressés à ce sujet.

M-r le baron de Linker, ministre de l'électeur de Mayence, m'a assuré plus d'une fois en vertu d'un rescrit qu'il m'a montré, que son maître ne prétendoit guère gêner nos opérations bien qu'il avoit défendu à ses sujets de se

transporter ailleurs. Le landgrave de Hesse-Cassel a ordonné à ses baillifs de recevoir nos colons sur les frontières, de les conduire par son païs, et de leur servir de pourvoyeurs. Le landgrave de Hesse-Darmstadt, à qui quelques personnes de la magistrature de Francfort avoient prêté des sentimens peu favorables à nos levées de colons, en a été tellement indigné, qu'il m'a fait prier de lui indiquer les auteurs de cette imputation fausse et mensongère, pour en tirer vengeance.

Croyés-Vous, M-r, que ces princes se soient réunis, pour demander à S. M. I. l'inhibition de nos levées qui ne leur font aucun tort, ni à qui que ce soit dans l'empire? Nous ne prenons que des gens, qui ont la liberté de s'expatrier et qui peuvent produire leurs lettres dimissoriales. Plusieurs membres des cercles du Haut et du Bas Rhin sont même très aises d'être débarassés de la superfluité de leurs sujets, trop entassés les uns sur les autres, et ne font aucune difficulté à leur accorder leur congé. Ce comte d'Isenbourg-Budingue qui ne demande pas mieux, que de garder notre commissaire Facius dans sa résidence, et qui lui fait toutes les facilités imaginables pour l'execution de sa commission s'y trouve nommement.

S'est-on encore recrié contre les émigrations en Hongrie, qui n'ont jamais discontinué et qui sont bien plus nombreuses, que celles pour la Russie? La France n'a-t-elle pas tiré de ces contrées plusieurs milliers de familles pour en peupler Cayenne, sans que personne en ait murmuré? Si ces deux cercles veulent effectivement retenir tous leurs habitants, il faut commencer par ne leur plus donner la démission. Ils ne s'adresseront pas à ce sujet à l'empereur, à moins qu'ils n'y soient excités par ses ministres.

Je sais de bonne part que M-r le Baron de Widmann travaille en Suabe à emmener les états de ce cercle à faire un conclusum en haine des émigrations. La diète qui va s'assembler à Ulm le mois prochain, le fera peut être éclore. L'envie de complaire à la cour impériale pourra determiner le duc de Wurtemberg, à y donner les mains, quoique les pactes qui subsistent entre lui et ses états provinciaux, garantissent à chaque Wurtembergeois la liberté de changer à son gré de domicile. Le magistrat d'Ulm n'en fait point de mistère que c'est à la cour impériale que déplaisent nos transports de colons. Aussi les enroleurs autrichiens à Gunzbourg, petit bourg appartenant à l'abbaïe de Kempten ont déjà osé les inquiéter et s'en vendiquent les sujets propres à porter les armes.

N'y a-t-il pas la vraisemblance la plus frappante, que M-r le le comte de Pergen dans les cercles du Haut et du Bas Rhin, ait un même plan avec M-r de Widmann. Dans le temps que notre commissaire Facius étoit encore à Francfort, le magistrat lui a fait entendre assez clairement, que sa commission n'étoit pas régardée de bon oeil des impériaux. Tout concouroit à le prouver. Quand des païsans s'annonçoient aux portes de cette ville pour avoir à parler au commissaire de Russie, ils étoient repoussés rudement. On leur insinuoit en revanche, qu'il falloit se transporter en Hongrie, où se faire enroler dans les troupes impériales.

Supposons encore, M-r, que quelques états de l'empire, mécontents de nos levées, pensassent véritablement à en faire un objet de délibération dans leurs cercles, y auroit-il rien de plus aisé à la cour impériale que de les détourner? Les princes dirigents les cercles ne proposent rien, que cette cour ne veut pas, qui soit mis sur le tapis. La protection et l'assistance que l'empereur doit aux états, n'y seroient guère compromises. Il faudroit du moins que les complai-

gnants prouvent premièrement en quoi ils sont lésés, tandis que nous ne prenons qu'une poignée de pauvres laboureurs sur lesquels personne n'a aucun droit, parce qu'ils sont formellement congédiés.

Ici, en Baviére et dans le Haut Palatinat il y a une défense des plus sévères contre les émigrations. Cependant on n'empêche pas le passage de nos transports, qui moyennant les dits arrangements ne portent aucune atteinte à cette défense. On n'y songe pas certainement non plus à en faire une réclamation à l'empereur. Si S. M. veut rester en inaction jusqu'à ce que les états de l'empire demandent son intervention de leur propre mouvement et sans y être instigués, nous n'avons rien à craindre.

En faisant part à V. A. des menaces de la cour impériale et faites au comte d'Isenbourg-Budingue, je savois qu'il n'y avoit pas encore de résolution prise à ce sujet. Je l'ai prié de s'employer à la prévenir.

La ville de Francfort n'ayant pas voulu souffrir le commissaire Facius, il s'est d'abord appliqué à trouver un autre séjour, que le comte Isenbourg lui a accordé dans sa résidence. Mais la cour impériale le poursuivant d'un endroit à l'autre, il sera à la fin impossible de lui en trouver un dans l'empire. Ladite ville permet actuellement l'enrôlement des milliers de colons dans l'enceinte de ses murailles et sur son territoire, par les émissaires particuliers des entrepreneurs, qui ont contracté avec la chancellerie de tutelle. Mais ceux-ci ne doivent cette connivence qu'à leur déguisement, disant que ces colons sont destinés pour la Hongrie. A l'égard de l'empire, la Hongrie est tout autant un état étranger que la Russie.

Voilà les termes dans lesquels se trouve actuellement l'affaire de notre levée de colons en Allemagne. Son sort dépend des dispositions de la cour impériale. Celles des états de l'empire laissés à eux-mêmes, n'y sont pas contraires. Après les assurances que j'en ai, il n'est plus besoin de négociations à ce sujet.

Je fais part à la cour du contenu de cette lettre.

J'ai l'honneur d'être...

P. S-tum.

Les ministres de la cour impériale qui sont à la diète, ont voulu sonner également ici le tocsin, et un article de la Gasette d'Altona du mois de février, relatif aux émigrations pour la Russie, a paru à l'un d'eux une occasion d'attirer l'attention des autres ministres commitiaux, et de les disposer à faire des émigrations des Allemands un sujet des délibérations de la diète.

Il y a toute apparence, que ce ministre a ignoré absolument ce qui s'est passé à la dernière diète d'élection à Francfort, relativement à l'article d'une défense des émigrations, sans quoi il n'en auroit pas fait si cruement la proposition.

Cette anecdote étant connue de peu de personnes, je suis d'autant plus aise d'en informer V. A. qu'elle mit l'affaire dont il s'agit dans son véritable jour et prouve combien peu la cour impériale est autorisée de s'en mêler.

Les ministres de Bohème, avec leurs créatures et adhérents, avoient proposé lors de la confection de la capitulation Imp-le un article, qui devroit être une loi dans l'empire, portant que toutes les émigrations des Allemands au delà des mers, devroient être rigoureusement défendues.

Comme cette défense n'auroit pas gêné l'impératrice reine de faire passer autant de colons qu'elle auroit désiré dans la Hongrie, ni le roi de Prusse d'en rassembler pour ses états, les ministres d'Hannovre pressentirent sans difficulté que le susdit article ne pouvoit regarder que le roi de la Grande Bretagne et la nation britanique. M-rs de Busch et de Gemmingen s'y opposèrent le plus vivement, soutenant que l'émigration ne pouvoit être défendue aux Allemands nés libres, que les lois de l'empire même portoient, que les Allemands en payant aux seigneurs où ils demeuroient un droit, nommé en allemand *Nachsteuer*, pouvoient quitter leur domicile, et se transporter avec leurs effets, où ils le trouveroient bon.

Les ministres autrichiens ayant insisté, nonobstant ces remontrances sur cet article, ceux d'Hannovre refusèrent d'entrer plus dans la discussion d'aucun autre article de la capitulation, et menacèrent de quitter brusquement la diète, pour quel effet ils avoient déjà ordonné des dispositions dans leurs hôtels. M r Borié, ministre de Bohème, a employé toute une nuit à prévenir cet éclat, et à les détourner de l'exécution de leur menace, et il n'y a réussi qu'en renonçant absolument à cet article.

Les Lois de l'Empire qu'on veut faire valoir à cette occasion, parlent simplement des enrôlements militaires, et même à leur égard, quoiqu'ils soient sujets à bien d'autres considérations, que la levée innocente des colons libres, la dernière capitulation imp-le, article IV, § 14, s'explique ainsi:

Dass denen fremden Potentaten je zu Zeiten im Reiche ihre Werbungen anzustellen wohl verstattet werde... der Kaiser solle und wolle... nur zuförderst dahin sehen, dass das Reich der Mannschaft nicht entblösset werde..

Les constitutions de l'empire autorisent aussi peu les états de s'adresser dans le cas présent au chef suprême de l'empire, qu'elles qualifient peu ce dernier à s'en mêler. Il n'y a que l'envie et la jalousie qui puissent en suggérer le motif.

Ut in litt.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ", Ч. IV.
Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie IV).

№ 19. Симолинъ—Голицыну отъ 1 мая 1766 г. по нов. ст.
Le ministre Simoline au prince D. Golitzine, le 1 mai 1766 (nouv. st.).

Les nouvelles réitérées qui me reviennent de la Souabe, ne confirment que trop ce que j'ai eu l'honneur de mander à V... A.... dans ma dernière lettre du $^{4}/_{15}$ avril, relativement aux obstacles, et même aux voyes de fait, que les ministres autrichiens opposent à nos transports de colons.

Le Grand-Baillif à Guntzbourg, ou Guntzberg, dans le marggraviat de Burgau, mr. le baron d'Ulm, a déjà écrit deux fois au magistrat de la ville impériale d'Ulm, pour le requérir de faire sortir les commissaires de Russie et de ne les y plus souffrir. Il n'y a là cependant qu'un seul commissaire pour la Couronne, le S-r Meixner, qui n'a encore expédié en tout que neuf personnes pour la Russie,

munies de passeports et de lettres dimissoriales de leurs supérieurs portant très expressément la permission d'émigrer, et nommément pour nos colonies.

Les transports de colons qu'un commissionnaire particulier dépêche de ce côté là ici sur le Danube, sont harcelés continuellement malgré mes passeports, auxquels les officiers autrichiens ne font la moindre attention. A toute outrance ils veulent porter les gens engagés chez nous, à passer en Hongrie. Ils en enlèvent les sujets qu'ils trouvent à leur gré, pour les faire soldats. Cela est arrivé à un certain nommé Jean Schreiber, de la Lorraine, qui a été arraché d'un transport avec sa femme et trois enfants. Nos employés m'en portent les plaintes les plus amères, et désirent que j'y mette ordre. V.... A..... me permettra de m'en rapporter à ses ordres.

J'ai fait des représentations au prince héréditaire de Hesse-Cassel, en sa qualité de comte régnant de Hanau, touchant l'innocence de nos levées de colons dans l'empire, ayant eu lieu de remarquer qu'il en avoit pris des impressions sinistres. Ce prince détrompé à ce sujet, et convaincu que nous ne prétendons préjudicier à aucun état de l'empire, m'a fait la réponse du monde la plus obligeante, où il m'assure que le passage de nos colons pour son païs seroit facilité de toute façon.

En aggrégeant encore ce prince aux autres états des cercles du Haut et du Bas-Rhin, qui avoient déjà déclaré antérieurement leurs bonnes dispositions pour notre affaire de colons, les plus considérables sont toujours de notre côté; à moins qu'ils ne nous soient aliénés par les impériaux.

Selon leurs principes les émigrations des Allemands libres sont très permises, dès que c'est pour la Hongrie. Elles ne le sont plus, au contraire tout l'empire doit s'en récrier, si les émigrants suivent leur penchant de s'établir chez nous. La thèse en est tout à fait changée.

J'ai l'honneur d'être...

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ", Ч. IV.
Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie IV).

№ 20. Голицынъ—Симолину отъ $^2/_{13}$ мая 1766 г.
Le prince D. Golitzine au ministre Simoline le $^2/_{13}$ mai 1766.

J'ai reçu les deux lettres que Vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le 1-ier et le 3. de ce mois.

Sur les informations que Vous m'avez données par la première des voies de fait exercées sur nos transports, et des démarches du grand-baillif de Guntzbourg, qui rendent cette affaire plus sérieuse, j'ai jugé de ne plus devoir m'en tenir à des insinuations verbales, mais qu'il étoit convenable de faire des représentations par écrit. En conséquence j'ai présenté hier deux notes, l'une au prince de Kaunitz et l'autre au prince Colloredo, pour les instruire de nos griefs, et en demander le redressement.

J'ai appuyé mon raisonnement par tout ce que nous pouvons dire de mieux, tant pour engager la Cour de Vienne à ne pas refuser le transit à nos colons que

pour porter Sa Majesté l'empereur à suspendre ses inhibitions, et donner ordre à ses ministres de ne point contrecarrer nos opérations.

Je ne manquerai point, M., de vous faire part de l'effet qu'aura produit ma démarche, en vous communiquant la réponse que j'aurai reçue.

J'ai l'honneur d'être...

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ", Ч. IV.
Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie IV).

№ 21. Экстрактъ изъ письма Симолина къ Голицыну отъ 3 мая 1766 года (по нов. ст.).

Extrait de la lettre du ministre Simoline au prince D. Golitzine en date du 3 mai 1766.

J'ai reçu il y a deux jours, les deux lettres que V.... A..... m'a fait l'honneur de m'écrire le 26. de l'autre mois. Je suis charmé de l'espérance qu'elle a, que la cour impériale ne prendra aucune part aux manigances de ses ministres dans les cercles de l'empire, contre les opérations de nos commissaires, et que nous n'avons pas de surprise à craindre. Ils ont continué jusqu'ici leurs transports avec assez de succès du côté de Francfort; il n'y a qu'à Guntzbourg ou le grand-baillif de Burgau se conduit d'une façon qui ne répond pas aux assurances qu'on donne à Votre Altesse. J'espère qu'en conséquence de ma dernière, les plaintes cesseront également de ce côté-là, et que la Cour y mettra si bon ordre, que nous serons dispensés de les renouveler.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ", Ч. IV.
Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie IV).

№ 22. Записка, врученная княземъ Голицынымъ имперскому вице-канцлеру князю Коллоредо 12 мая 1766 г. по новому стилю.

Note remise par le prince D. Golitzine au vice-chancelier de l'empire, le prince Colloredo, le 12 mai 1766 (nouv st.).

Depuis que la cour impériale de Russie a fait publier les avantages qu'elle accorde aux étrangers, qui se transportent dans les païs de sa domination, pour y défricher les terres incultes, nombre de gens, libres de sortir de chez eux, auroient voulu en profiter; mais l'éloignement des lieux, l'impuissance, où ils étoient de fournir aux frais du voyage, et le défaut de personnes, auxquelles ils auraient pu s'adresser pour obtenir du secours, étoient autant d'obstacles à leurs désirs.

Pour remédier à cet inconvénient, on crut convenable d'établir en empire où l'affluence des étrangers de tous les païs est grande, des commissionnaires qui pussent donner les conseils et les instructions nécessaires aux personnes qui se présentent, et leur fournir de quoi entreprendre le voyage.

Ces commissionnaires, dont l'un s'est transporté d'abord à Francfort, et puis à Budingen, non loin de cette ville, et l'autre à Ulm en Souabe, avoient les ordres les plus précis de ne point recevoir des gens nés dans des païs où les émigrations sont défendues, et de ne fournir de secours d'argent qu'à ceux qui seroient munis, de la part de leurs seigneurs, de passeports ou de certificats constatant la liberté qu'ils ont de se transporter où bon leur semble.

Bien loin de s'écarter de ce point de leurs instructions, ils y ajoutèrent plutôt une nouvelle précaution, en rendant témoin de leurs opérations un membre de la régence du païs, et en examinant conjointement avec lui les pièces justificatives des personnes qui se présentoient pour aller en Russie.

Cette conduite, aussi exacte que scrupuleuse, leur a concilié la confiance de tous les états des cercles, au milieu desquels ils séjournent. Pleins de bonne volonté ils concoururent les uns à l'envie des autres à seconder les vues de la cour impériale de Russie, en donnant libre passage aux transports des colons, et en leur procurant toute sorte d'aide et d'assistance.

L'électeur de Mayence, les landgraves de Hesse-Cassel et de Darmstadt et le prince héréditaire de Hesse Cassel, en qualité de comte régnant de Hanau, qui forment les états les plus considérables des cercles du Haut et du Bas Rhin, y ajoutèrent, par leurs ministres à la diète, les protestations les plns solennelles de leurs bonnes dispositions à cet égard, et donnèrent les assurances les plus positives, que jamais de leur chef les commissionnaires de Russie ne seroient inquiétés, mais seroient plutôt secourus et assistés dans le besoin.

Même en Bavière et dans le Haut Palatinat, où toute émigration est sévèrement défendue, on ne refusa point le transit aux personnes qui alloient en Russie, sans doute parce que suivant les précautions et les arrangemens qu'on avoit pris, il n'y en avoit aucun préjudice à craindre.

Dans ces circonstances, et tout paroissant seconder les vues des commissionnaires de Russie, ils ne se seroient point attendus à être gênés dans leurs opérations, encore moins eussent-ils imaginé que ce pût être de la part de la cour impériale, dont les bonnes dispositions pour celle de Russie sont connues, et qui au défaut des plaintes de la part des cercles ne paroissoit pas avoir un intérêt suffisant pour agir dans cette affaire.

Dès le commencement la ville de Francfort fit difficulté d'admettre le commissionnaire russien, sous prétexte que sa commission n'étoit pas regardée de bon oeil par la cour impériale. En conséquence de cette déclaration, il se transporte à Budingen, ville appartenante au comte d'Isenbourg; mais il y est également inquiété et menacé même d'un rescript impérial qui l'obligera, dit-on, à suspendre sa commission. Celui qui est établi à Ulm en Souabe, se trouve dans le même embarras, le magistrat de cette ville ayant, à ce qu'on assure, déjà été requis de le faire sortir de son enceinte. Le ministre plénipotentiaire de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies, qui a l'honneur de faire ce rapport à monsieur le vice-chancelier de l'empire, prince de Colloredo, est bien éloigné de croire que ces appréhensions soient fondées, et que tels soient les principes du ministère de sa majesté l'empereur. En tout cas il est persuadé qu'elles ne tirent leur source que de l'infidélité des rapports qui lui ont été faits, et de la façon désavantageuse dont un zèle aveugle et une jalousie déplacée lui ont fait envisager cette affaire.

L'on scait qu'il n'existe point de loy générale en empire qui en défende les émigrations et que, suivant la capitulation impériale, les puissances étrangères peuvent même y faire des enrôlemens, pourvu que l'empire ne soit pas dépourvu de milice.

La France en a tiré des milliers de familles pour en peupler Caïenne, et l'Angleterre s'est servi de la même ressource, ainsi que la Prusse, sans aucune opposition.

Et s'il est permis de l'observer, il se fait encore tous les jours sous nos yeux des émigrations fréquentes et nombreuses pour la Hongrie de tous les cercles d'Allemagne. Cependant l'on ne disconviendra point que ce royaume ne soit aussi étranger à l'empire que tout autre puisse l'être.

D'ailleurs les commissionnaires de Russie n'envoyent pour la plupart que des sujets d'Alsace et de Lorraine, ou bien des gens qui croupissant dans la misère chez eux, et tombant à charge à leurs concitoyens, rendent un vrai service à l'état en le quittant et le débarrassant d'autant de mendiants.

Les personnes qui ont du bien, quelque peu considérable qu'il puisse être, et qui veulent se transporter en Russie, ne sont favorisées dans ce projet par les mêmes commissionnaires, qu' autant qu'elles peuvent constater par des certificats authentiques d'avoir payé au seigneur les droits que l'on appelle *Abzug-Gelder*, et qui une fois acquittés, laissent à un chacun la liberté d'aller où bon lui semble.

Dans cette position des choses et moyennant les précautions et les arrangemens pris par les commissionnaires mentionnés, envers lesquels ils ne peuvent causer aucun préjudice à qui que ce soit, ledit ministre plénipotentiaire a lieu d'espérer que sa majesté impériale ne voudra point mettre d'obstacles à leurs opérations, qui d'ailleurs sont favorisées par les états, dans le territoire voisinage desquels ils ont établi leur domicile, et qu'elle donnera plutôt ses ordres à ses ministres résidants aux cercles de veiller à ce qu'on s'abstienne de toute voïe de fait à leur égard et qu'on n'ose plus les inquiéter ni directement, ni indirectement.

Plus cette complaisance constatera la bonne amitié et intelligence, qui régnent entre les deux cours, plus ledit ministre plénipotentiaire la fera valoir auprès de la sienne, qui la réciproquera avec plaisir dans l'occasion.

C'est ce dont il a l'honneur d'assurer M. le vice-chancelier de l'empire, en le suppliant de vouloir bien lui faire scavoir la résolution de Sa Majesté Impériale, et en lui renouvelant en même temps ses sentiments de la plus haute considération.

Того-же числа была вручена записка тождественнаго содержанія «надворному штатскому канцлеру» князю Кауницу.

Une note identique fut remise le même jour au chancelier de la cour et de l'état, le prince Kaunitz.

(Московь. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ", Ч. IV.

Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie IV).

№ 23. Письмо Симолина къ кн. Голицыну отъ 19 мая 1766 г. по нов. ст.
Le ministre Simoline au prince D. Golitzine, le 19 mai 1766 (nouv. st.).

Je n'ai reçu qu'aujourd'hui la lettre, dont votre altesse a bien voulu m'honorer le 13 de ce mois, et par laquelle il lui a plu me donner part des démarches qu'elle a faites pour le redressement des griefs des employés à Ulm, contre le grand-baillif de Gunzbourg.

La chancellerie de tutelle vient d'ordonner aux entrepreneurs de suspendre pour cette année l'engagement ultérieur des colons pour la Russie, vu l'affluence du monde à Lubec et les difficultés des transports, faute de vaisseaux; en conséquence de cet ordre les entrepreneurs ont rappelé leurs employés dans l'empire Mr. de Goguel qui a été à Ulm pour le compte de mrs. Pictet et Leroy, et qui a nommément porté des plaintes contre les vexations du grand-baillif de Gunzbourg, en est revenu ces jours passés, et m'a dit, que mr. le baron d'Ulm lui avoit écrit en dernier lieu le plus obligeamment, qu'il n'apporteroit plus d'obstacle aux transports des colons pour la Russie, pourvu qu'on produisît toujours à leur passage leurs passeports, congés et certificats, par lesquels on pourroit vérifier, que ces émigrants ne sont pas des sujets de l'impératrice-Reine, qui passent de l'Autriche-antérieure en Hongrie. Nos commissaires ayant des ordres de se conformer partout où leurs transports passent, à ces demandes, il est à supposer qu'ils n'auront pas des empêchements à essuyer de ce chef.

Les envieux des arrangements pour la population de nos provinces, n'ayant pas les loix de l'empire à alléguer en leur faveur, s'appliquent présentement à les miner, en excitant par un zêle patriotique, à ce qu'ils disent, les cercles antérieurs à s'opposer de toutes leurs forces aux émigrations en Russie.

L'électeur de Bavière et l'archevêque de Salzbourg, abusant dans cette occasion de leur qualité de princes dirigeants du cercle de Bavière, se sont avisés de faire une lettre aux états dudit cercle, en leur communiquant en même temps une lettre, que l'électeur a adressée au commencement du mois passé aux directeurs de cercles de Franconie et de Souabe; le temps me manquant aujourd'hui, je me réserve d'en faire parvenir à Votre Altesse la copie par l'ordinaire de demain. C'est un manifeste contre nos opérations, où l'électeur n'a pas rougi d'avancer des faits très faux et éloignés de la vérité, qui ne tendent qu'à détruire dans l'esprit du public nos arrangements, et à lui donner les impressions les plus sinistres. Je me suis contenté de les envoyer à la cour, afin qu'elle y réponde d'une manière convenable, si elle le juge à propos. Au reste on paroit être d'opinion à Pétersbourg, que les affaires relatives aux colonies ne sont pas d'une nature qui souffre qu'on s'adresse aux cours, pour écarter les difficultés que les commissaires rencontrent dans l'exécution de leur commission. Votre Altesse permettra qu'en confidence je lui dise aussi que la proposition, que j'avois faite de s'employer à Vienne, pour que les ministres de cette cour dans les cercles fussent instruits favorablement à l'égard de nos opérations, qui ne tendent au préjudice de personne, n'a pas été goûtée de notre collège.

J'ai l'honneur d'être...

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ", Ч. IV.
Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie IV).

№ 24. Отвѣтное письмо князя Голицына къ Симолину отъ $^{17}/_{28}$ мая 1766 года.

Réponse du prince D. Golitzine au ministre Simoline en date du $^{17}/_{28}$ mai 1766.

J'ai reçu la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le 19 de ce mois. Dans la position où vous me mandez que sont les choses, on ne peut qu'applaudir à la résolution prise par la chancellerie de tutelle de suspendre pour cette année l'engagement ultérieur de colons. Peut-être est-ce le seul moyen de faire taire l'envie et d'arrêter le zêle apparent ou réel de ceux qui s'opposent à nos opérations.

Je ne puis vous dissimuler, mr., que la démarche des princes convocateurs du cercle de Bavière ne m'ait fortement surpris.

D'après ce que vous m'avez fait l'honneur de me mander, je croyois que nous n'avions à combattre que la répugnance de cette cour, sans avoir rien à craindre de la part des états, qui en effet sont les seuls, dont la mauvaise volonté peut nous nuire efficacement en cette occasion.

S'ils persistent dans leur résolution, il ne nous importe pas trop, ce semble, de connoitre les dispositions de la cour impériale, quelque favorables qu'elles puissent être à nos opérations.

Les états sont les maitres de tolérer nos levées ou de les défendre, et le parti qu'ils prennent doit naturellement diriger celui de la cour impériale.

Peut-être dans ce moment-ci se prêtera-t-elle plus aisément à une complaisance, qui, vu la position des choses, ne peut produire qu'un bon effet, en la mettant hors de tout reproche, sans cependant empêcher, ni retarder le succès de ses vues.

La réponse qu'a faite à ma note le chancelier de cour et d'état, prince de Kaunitz, est conçue dans les termes les plus satisfaisants, et d'après son contenu, il ne seroit question que de prendre d'un commun accord le parti propre à empêcher que des personnes intentionnées de se transporter en Hongrie ne soient détournées de cette idée. Quant au reste, on expédiera, à ce que m'assure mr. le chancelier, les ordres nécessaires pour qu'on ne mette aucun obstacle au transport de ceux, qui de leur libre et premier mouvement, préféreront de se transporter en Russie.

J'ignore encore la résolution positive du prince de Colloredo dans cette affaire, n'ayant reçu jusqú'à présent aucune réponse de sa part.

D'après ce que vous avez bien voulu, mr., me mander de la façon de penser de nôtre auguste cour, relativement à cet objet, je ne compte pas non plus la presser; mais je suspendrai mes démarches, dont d'ailleurs il n'y avoit plus, ce semble, aucun fruit à espérer.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ“ Ч. IV.

Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie IV).

№ 25. Отвѣтъ князя Кауница (отъ 27 мая 1766 г. по нов. ст.) на письменное представленіе князя Голицына.

Réponse du prince Kaunitz en date du 27 mai 1766 (nouv. st.) à la note du prince D. Golitzine.

Le chancelier de cour et d'état se flatte que monsieur le ministre plénipotentiaire de Russie, prince de Galitzine, aura reconnu dans les occurences qui se sont présentées jusqu'ici une déférence marquée de l'impératrice reine apostolique pour tout ce qui peut faire plaisir à sa majesté l'impératrice de toutes les Russies, mais il se persuade aussi que l'équité de monsieur le ministre plénipotentiaire le fera convenir que cette complaisance de l'impératrice reine ne peut et ne doit aller jusqu'à faire tort à ses intérêts les plus essentiels.

Ses intérêts se trouveroient néanmoins lésés, si les personnes et familles, décidées de leur propre mouvement d'aller peupler les contrées moins habitées de la Hongrie étoient sous main détournées de cette résolution et engagées à se transporter en Russie pour en défricher les terres incultes et désertes.

C'est là sans doute ce que le baillif de Gunzbourg et les autres officiers de l'impératrice-reine en Souabe auront cherché d'empêcher, et quoique le chancelier de cour et d'état ne sache pas qu'il leur soit parvenu des ordres là—dessus, il se peut néanmoins fort bien que leur zèle y ait suppléé.

L'impératrice-reine ne prétend pas apprendre aux Cercles, états et villes de l'empire, jusqu'où ils peuvent regarder l'émigration de leurs sujets et habitans comme indifférente.

Mais si les mesures qu'ils jugent à propos de prendre, favorisent préférablement la Hongrie, ils peuvent avoir la bonne raison de regarder ce royaume, non comme tout-à-fait étranger à l'empire, mais comme son boulevard ancien et naturel, boulevard pour la conservation duquel ils ont plus d'une fois accordé des *Mois Romains*.

Après ces considérations simples et naturelles et vu la disposition constante de l'impératrice-reine à obliger s. m. l'impératrice de toutes les Russies, il ne s'agit que de prendre d'un commun accord le parti propre à empêcher que des personnes inclinées à se translater en Hongrie, ne soient détournées de cette idée; et le chancelier de cour et d'état s'empressera à faire expédier les ordres nécessaires pour qu'on ne mette aucun obstacle au transport de ceux qui de leur et premier mouvement préfèreront de se transplanter en Russie. C'est de quoi le chancelier de cour et d'état a l'honneur d'assurer mr. le ministre plénipotentiaire prince de Galitzine en lui renouvelant les assurances de sa considération distinguée.

Vienne, ce 27 May 1766.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: „О колонистахъ", Ч. IV.

Archives du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou: Documents relatifs aux colons, Partie IV).

№ 26. Lettre envoyée par M-r de Boffe au forster J. B. Girod.

Au forster Girod

à Rossochy.

J'apprends dans le moment que vous avez envoyé pour saisir et enlever les effets de Jérôme Bertrand, pour raison de dette ancienne qu'il a contractée. Je suis surpris que me sachant à la colonie vous ne me (faites pas) part de vos opérations, quoique je vous aye déjà dit qu'il n'étoit pas possible de vendre par autorité les effets des colons, ni volontairement; l'existence des familles nous est chère et il ne dépend pas de vous de les mettre à la paille; ces effets sont la sûreté des fonds de la couronne, et vous devez sentir que vous n'avez à ce sujet pas plus d'autorité qu'un autre, et aussi je vous défends d'aller en avant et que vous ayez à Vous rappeler l'oukase du mois de juillet qui m'est envoyée pour veiller à son exécution, où est défendu de laisser ni vendre, ni engager les effets des colons, et d'ailleurs vous vous devez rappeler que vous êtes sous ma direction et que vous devez vous conduire en conséquence, ou sinon je me pourvoirai comme de raison.

De Rossochy, le 10 janvier 1769.

Le Directeur de Boffe.

(Архивъ Министерства Земледѣлія и Госуд. Им., № 25782.

Archives du Ministère de l'Agriculture et des Domaines de l'Etat, № 25782).

№ 27. Меморіалъ форштегера колоніи Россоши Жана Баптиста Жиро.

Mémorial du forster de la colonie Rossochy, Jean Baptiste Girod.

A Monsieur le Brigadier, premier Président au comptoir de la chancellerie de tutelle à Saratof.

Le forster de la colonie Rasoschy, Jean Baptiste Girod, a l'honneur de faire rapport à Monsieur le Brigadier qu'après avoir reçu en différentes fois des ordres du comptoir, pour forcer le colon Jerôme Bertrand, dit Francoeur, d'entrer en paiement de la somme de vingt-trois roubles qu'il devoit depuis très longtemps au nommé Jean Becque de la même colonie, sans pouvoir déterminer par ce moyen ledit Bertrand à donner à cet effet seulement une bonne parole, et qu'ayant plu-

tôt découvert en lui mauvaise foi et de faux détours, il a été obligé de lui faire saisir une partie de ses meubles superflus et nullement nécessaires pour la culture des terres, comme il en conste par le détail ci-joint, sans dessein de mettre en exécution ladite saisie, sans en avoir eu du comptoir la permission; mais que le sieur de Boffe, quoique persuadé que ledit Bertrand est un très mauvais sujet, ne pouvant avoir d'autres motifs que ceux de faire valoir sa direction imaginaire et de faire renaître le trouble et la désunion dans la colonie, a commencé à donner des ordres contraires, en défendant au gardien des effets saisis de les remettre à la police, a même défendu audit Bertrand de prendre chez le forster son passe(port) pour écrire à Saratof, en disant qu'il avoit une oukase pour en donner à qui bon lui sembleroit, pour aller et venir partout, où bon on aviseroit, et a envoyé en même temps au soussigné la lettre dont la copie se trouve ci-jointe. La colonie a été tranquille, tant que ledit de Boffe a été absent, ou qu'il ne s'est point avisé de prendre des tons et de s'arroger des droits qu'on lui a toujours contestés et, qu'à l'avenir, lui seront de même disputés, la colonie réclamant sans cesse son contrat, entendant de le suivre ponctuellement et rien de plus, comme il a été répresenté plusieurs fois à Monsieur le Brigadier. Après ce qui s'est passé au sujet de Bertrand, on voit aisément que la police établie à la colonie est comme détruite et inutile, car dès qu'elle voudra blanc, la direction voudra noir. La partie mécontente ira tout de suite la rechercher, elle en prendra le parti, et par là la colonie retombe nécessairement dans les troubles et agitations qui ont paru si souvent au comptoir au désavantage de la colonie, à moins que Monsieur le Brigadier n'interpose son autorité et sa justice, pour décider le différend. Le sieur de Boffe a-t il à voir dans la police, ou non? Y a-t il de la faute de retrancher le superflu à un mauvais sujet pour faire payer celui qni en fera son profit? Quoiqu'un colon n'auroit pas deux lits de plume et ne boiroit pas chaque jour deux fois le café, ne pourroit-il pas vivre? La colonie demande que la question soit décidée par Monsieur le Brigadier. Le soussigné, quant à son particulier, ne demande pas mieux que d'être affranchi des embarras et des désagréments qu'il a eus pendant les 18 mois qu'il a été forster. Il a demandé sa démission à Monsieur le Brigadier et le supplie derechef aujourd'hui de prendre égard aux raisons qu'il a alléguées, qui seront, à ce qu'il espère, recevables. Il n'a plus de paie journalière et ne reçoit plus d'avances, il est tout-à-fait reculé dans son établissement par la perte du temps que demandoit cette charge, et par l'argent que lui en a coûté, tant pour faire faire ses ouvrages par des domestiques, que par les pertes qu'il en a ressenties, qui sont à plus de 25 roubles pour les 18 mois qu'il a été forster; d'ailleurs il ne sait ni la langue allemande ni russe, ce qui cause son grand inconvénient, ne pouvant s'expliquer que par interprète, au reste il y en a dans la colonie de mieux en état pour cela. Le soussigné supplie Monsieur le Brigadier de lui vouloir donner à cet effet une résolution.

A Rasoschy, le 13 janvier 1769.

B. Girod, forster.

(Архивъ Министерства Земледѣлія и Госуд. Им., № 25782.
Archives du Ministère de l'Agriculture et des Domaines de l'Etat, № 25782).

№ 28. Меморіалъ колоніи Грязноватки.

Mémorial de la colonie Griaznowatka.

An

ein allerhöchst verordnetes Kaiserliches

Contor der Tutell-Canzley.

Gelanget unsere unterthänigste Vorstellung und Erinnerung wegen von dem abgewichenen 1767 Jahre am 22 December eingegebenen Bittschrift von gesammten Vorstehern von genannter De-Boffischen Direction, um mit derselben nichts zu schaffen zu haben, in dem wir gar nicht einsehen können, was abgemalte Direction vorstellen soll, sondern unterwerfen uns gänzlich der hohen Crone Directissements, wie aus der obenerwähnten d. 22 December 767 eingegebenen Bittschrift zu ersehen, denn es wäre uns und unsern Nachkömmlingen eine grosse Schande soligen aus Francreich hergekommen jemalen unterthänig sein sollen, oder ihnen die geringste Abgifte von uns gereichet würden, dieweilen wir niemahlen und niemandem mit keiner Leibeigenschaft verknüpfet gewesen, und nun sich der H. de Boffe doch verlauten lässt und denen Leuten zu verstehen giebt, dass er nicht nur den Zehnten von denen Früchten, sondern auch von dem Flügelwerk auf das künftige Jahr einsamlen will; wir aber frey gestehen, dass aus seinem Vorhaben oder gemachten Entschluss nichts werden wird, indem der hohen Crone, wie auch dem hochverordnetem Kaiserlichem Contor der Tutel-Canzley sehr bekannt, dass sich keine Ursachen zeigen, welche uns den geringsten Antrieb geben, denen Directors anhängig zu seyn, sondern wann die grosse Obsorge nicht von einem höchstverordneten Kaiserl. Contor wäre, schon längsten alles Volk zu nichten worden; und wann er auch auf die Colonie kommet, welches nun schon zweimal geschehen, so kann ihm, H-rn de Boffe, kein ander Lob beygeleget werden, als dass er die Leute vernichtet, verachtet und sogar mit Prügeln an sich ziehen will, welche aber dem Bauern ein unerträglich Gastmal, welcher zu sagen Tag und Nacht mit schwerer Arbeit beladen und doch von einem H. Directeur mit Schlägen soll dafür belohnet werden. Nun bitten wir ein hochverordnetes Kaiserl. Contor der Tutel-Canzley so wohl auf die den 22 December 767, wie auch auf die jetzige Bittschrift um eine gnädige Resolution, damit wir einmal zu dem Endzweck gereichen möchten, und verbleiben einem höchstverordn. Kaiserl. Contor der Tutel-Canzley dienstwillige Iohannes Grosch Vorsteher, Heinrich Göttig Beisitzer, Georg Justin Beisitzer.

Gräsnowatka d. 27 August 768.

(Архивъ Министерства Земледѣлія и Госуд. Им., № 25782.

Archives du Ministère de l'Agriculture et des Domaines de l'Etat, № 25782).

№ 29. Меморіалъ колоніи Карамышевки.
Mémorial de la colonie Karamischewka.

An

ein allerhöchst verordnetes Kaiserliches
Contor Eurer Erlauchter Tutel-Canzley.

Belanget unsere unterthänigste Bitte und Erinnerung wegen von dem abgewichenen 767 Jahre d. 22 December eingegebenen Bittschrift sämmtlicher Vorsteher von genannter De Boffischer Direction, um derselben sich nicht zu ergeben, sondern haben uns bey der Publication der innerlichen Jurisdiction Unterschrift zur besonderen Gnade ausgeboten, gänzlich der hohen Krone Directissements zu unterwerfen und uns als Krons-Colonisten anzusehen, und ihrer Gerechtigkeiten angedeihen zu lassen, warum wir nochmals einmütig unterthänigst anflehen, ein allerhöchst verordnetes Contor Eurer Erlauchten Tutel-Canzley wolle uns wieder der Gnaden hilfsreiche Hand zu statten kommen, und uns mit einer gnädigen Resolution erfreuen, wo unsern unmündigen Kindern ihr bestes brauchet, dazumalen auch der H. Directer de Boff sich verlauten lasse, künftiges Jahr den Zehnten einzufordern. Da wir aber gegenwärtig noch keinen Erweis haben, warum und was Ursachen wir den Zehnten geben sollen, auch nie davon eine reale Vorschrift vorhanden gekommen, indem wir die verrante Zeit unseres Hierseins, unter der hohen Vorsorge eines allerhöchst verordneten Kaiserlichen Contors gestanden; befehlen uns auch noch sämmtlich mit unsern Kindern der fernern Obhut und Fürsorge eines Erlauchten Contores.

Verbleiben also einem allerhöchst verordnetem Kaiserlichem Contor Eurer Erlauchten Tutel-Canzley

gehorsamster Knecht
Iohann Georg Mohr
Vorsteher,
Conrad Gärber Beysitzer,
Lorenz Gellerut Beysitzer.

Karamischewka
d. 8 September 1768.

(Архивъ Министерства Земледѣлія и Госуд. Им., № 25782.
Archives du Ministère de l'Agricultnre et des Domaines de l'Etat, № 25782).

№ 30. Меморіалъ колоніи Каменнаго Оврага.
Mémorial de la colonie Camennoï Ovrague.

An

ein allerhöchst verordnetes Comptoir
Seiner Durchlauchten Tutel-Kanzley.

Da es einem allerhöchst verordnetem Comptoir annoch in geneigtem Angedenken seyn wird: wie im Namen aller Colonien, so unter der Direction Mons.

Meunier de Precourt und Mr. de Boffe seyn sollen, des abgewichenen 1767 Jahres den 10 December eine Klagschrift dem allerhöchst verordnetem Comptoir Eurer Erlauchten Tutel-Kanzley eingeliefert worden, mit unterthänigster Bitte uns von der Direction zu befreyen und als Crons-Colonisten allergnädigst auf-und anzunehmen. Da wir aber bis dato von einem allerhöchst verordnetem Comptoir noch keine Resolution erhalten, so nehmen wir die Freyheit nochmalen fürzutragen, wie dass wir ganz und gar keine Hilfe sehen von unseren Directeurs und dass sie ihr Versprechen ganz und gar in keine Erfüllung bringen, welches uns in Deutschland versprochen worden, nehmlich dass uns sollen Häuser, wo wir trocken inwohnen können, nebst Scheuren, worinnen wir unsere Getreide trocken bergen, auch Stallung für unseres Vieh soll erbaut werden. Auch sollen uns Geistliche, Schulmeister, Hebeammen und Doctors freigehalten werden, weilen bis dato aber noch garnichts ist gehalten worden, und wir arme Leute durch solche Directeurs werden, so nehmen wir unsere Zuflucht zu einem allerhöchst verordneten Comptoir Euer Erlauchten Tutel-Canzley mit allerunterthänigsten Bitte die Hohe Gnade zu erzeugen uns bey Ihro Kaiserlichen Majestät und der hohen Crone, denen wir den treuen Eyd zu Oranienbaum geleistet haben, zu verhelfen, dass wir der französischen Direction entlediget und als Ihro Majestät Crons-Colonisten auf-und angenommen werden. Wir getrösten uns gnädiger Erhörung unserer Bitte und einer baldigen Resolution. Uebrigens haben die Gnade mit tiefschuldigstem Respect zu verharren....

Ludwig, Vorsteher...

Camennoï Owrack, d. 28 August 1768.

(Архивъ Мин. Земледѣлія и Госуд. Имуществъ, № 25.782.
Archives du Ministère de l'Agriculture et des Domaines de l'Etat: à St.-Pétersbourg, № 25.782).

№ 31. Меморіалъ колоніи Копенки.
Mémorial de la colonie Kopenka.

An

ein allerhöchst verordnetes Kaiserliches Comptoir

Eurer Erlauchten Tutel-Canzley.

Es wird einem allerhöchst verordneten Comptoir Euer Erlauchten Tutel-Canzley annoch im geneigten Angedenken seyn, wie dass wir den 18 December des letzten abgewichenen 1767 Jahres wegen denen Directeurs monsieur De Précour und seinen Consorten dem allerhöchst verordneten Comptoir klagent eingebracht haben, dass wir nicht den geringsten Vortheyl, sondern den grössten Schaden von ihnen haben, indem wir erstlich lange in Saratof uns aufhalten müssen und den Vorschuss, so wir empfangen, allda meystens mit unserem Gelde zugesetzt, und da wir, nachdem den 18 Juli 1766 Jahres auf unseren Platz gekommen, keyne Heuschläge mehr gefunden, sondern alles von den benachbarten Colonien abgehauen gewesen, so haben wir das Futter für unsere Viehe für teures Geld kaufen müssen, dass also der ganze Vorschuss, den wir von der hohen

Crone empfangen, ausgegangen und nachdem zur Einrichtung des Ackerbaus nichts mehr gehabt haben, wodurch wir in eine grosse Armuth gerathen sind; und da wir sehen, dass deren Crons-Colonisten ihre Gränzen angewiesen werden, uns aber von deren Directeurs noch nichts ist abgemessen worden, dass wir also stets wegen dessen mit unsern Nachbaren in Streitigkeiten seyn müssen, und dann es auch bey unser Angagierung in Deutschland von denen Directeurs uns vieles versprochen worden, nehmlich, dass uns zugleich Häuser, Stuben und Scheuren sollen gebaut werden, so müssen wir leider erfahren, dass uns nichtmahlen die benötigste Häuser gebauet, viel weniger die Scheuren, wo wir unsere Früchte bergen, noch die Ställe gebauet werden, also entsagen wir uns gänzlich der Direction nochmahlen und unterwerfen uns der hohen Crone, derer wir unser Eit der Treue zu Oranienbaum geschworen haben; bitten demnach ein allerhöchst verordnetes Comptoir Euer Erlauchten Tutel-Canzley ganz unterthänigst uns dero hohen Gnade wiederfahren zu lassen, dass wir der Directionen befreyet, uns als Crons-Colonisten, wie wir auf-und angenommen worden, und alsdann eine baldige Resolution erteilen, wornach wir uns zu achten haben; in welcher gesicherten Hoffnung wir mit aller Ehrfurcht ersterben.

Allerunterthänigster Iohann Nicolaus Vollmer, Vorsteher.
Kopenka den 26-ten August 1768.

(Архивъ Мин. Земледѣлія и Госуд. Имуществъ, № 25.782.
Archives du Ministère de l'Agriculrure et des Domaines de l'Etat, № 25.782).

№ 32. Описаніе поступковъ вызывательскихъ въ новозаведенныхъ колонистскихъ селеніяхъ.

Description des abus des entrepreneurs dans les colonies nouvellement établies.

1766 года августа 16-го дня по привезеніи вызывателей Леруа и Прекурта изъ Гамбурга подъ карауломъ, хотя они въ самой скорости о всѣхъ нужныхъ канцеляріи изъясненіяхъ чрезъ заданныя имъ вопросныя пункты и допрошены и многія противныя ихъ поступки найдены были, однакоже не доставало еще разныхъ къ тому ясныхъ доказательствъ, коихъ отчасти надлежало искать въ письменныхъ Гамбуркскихъ дѣлахъ, а отчасти спрашивать и самихъ колонистовъ, наипаче о выданныхъ имъ денгахъ, потому что поданныя ихъ отъ вызывателей квитанціи или росписки, какъ уже выше обстоятельно объявлено, весма великія и многія въ себѣ заключали сумнительства, то не изоблича еще совершенно вызывателей въ нарушеніи ими контракта и въ протчихъ противныхъ доброй совѣсти поступкахъ и не имѣя причины опасатся утечки ихъ, 766-го года сентября 20-го числа позволила имъ жить на свободѣ, а 767 года февраля 27-го числа, склонясь на прозбу вызывателя Леруа, дозволила ему вмѣсто себя для надзиранія за колонистами отправить въ Саратовъ повѣреннаго, иностранца Гогеля, которой и при наборахъ колонистскихъ употребляемъ имъ былъ эмисаромъ, и которой, какъ извѣстно, въ Саратовъ прибылъ

тогожъ года въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, ибо самого его туды отпустить было неможно затѣмъ, что потребенъ онъ былъ канцеляріи на лицо для многихъ еще по дѣлахъ его изъясненій, да и самъ того не требовалъ, а съ товарыщемъ его Питетомъ не можно было канцеляріи имѣть никакого дѣла, яко уже съ осужденнымъ человѣкомъ къ изгнанію, а товарыщъ вызывателя Прекурта Дебофъ отправленъ уже былъ въ Саратовъ 764-го года октября съ 19 числа.

О поданной въ канцелярію отъ Леруа внутренней юрисдикціи.

Первое со стороны Леруа покушеніе къ произведенію непозволенныхъ видовъ своихъ посредствомъ своего повѣреннаго Гогеля въ дѣйство состояло въ томъ, что подалъ онъ въ канцелярію въ 767-мъ году прожектованную имъ для колонистовъ внутреннюю юрисдикцію, требуя на оную канцелярской апробаціи, которая нужна ему была въ разсужденіи изображенной въ ней для него, Леруа, власти надъ колонистами, посредствомъ которой весма бы не трудно ему было доказанное уже ево корыстолюбіе насыщать безъ всякаго почти препятствія, что̀ ясно видѣть можно изъ учиненнаго о семъ изъ юрисдикціи экстракта, приложеннаго здѣсь подъ № 19[1]). Но какъ канцелярія во первыхъ не имѣя точнаго о томъ повеленія, какую вызывателямъ надъ колонистами власть дать должно, и видя при томъ, что присвояемая самимъ имъ, Леруа, предосудительна не только правамъ колонистскимъ, но и несовмѣстна частному человѣку, и что поступки ево Леруа нимало съ тѣмъ не сходствуютъ, чтобъ здѣлать ему столь великую побѣренность, подвергнувъ колонистовъ ево порабощенію, оставила оную проэктованную юрисдикцію безъ дѣйствія тѣмъ наипаче, что къ сочиненію оныя, въ силу высочайшаго ея императорскаго величества повеленія, изображенного на докладѣ отъ Сената по вступившему во оной отъ президента канцеляріи опекунства иностранныхъ доношенію, за недовольнымъ познаніемъ нравовъ, обычаевъ и состоянія колонистовъ приступить было рано, сами же колонисты, какъ извѣстно уже, сочинить оной не могли, а подавъ токмо разногласныя мнѣнія, оставя на волю постановленнымъ надъ ними правительствамъ, ожидали спокойно устава сего отъ оныхъ, будучи между тѣмъ управляемы чрезъ насылаемыя изъ канцеляріи опекунства иностранныхъ, изъ ея канторы, указы, содержащія въ себѣ разныя учрежденія; и канцелярія опекунства иностранныхъ, не слыша до сего года ни о какихъ противныхъ поступкахъ помянутого Лероева повѣренного Гогеля, кромѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ и несовершенно еще извѣданныхъ проступковъ, не могла себѣ и вообразить, чтобъ, какъ то послѣ оказалось, объявленная прожектованная юрисдикція дѣйствіе свое возъимѣть могла, о чемъ равномѣрно и кантора до нынѣшняго года не вѣдала; и сею то самою юрисдикціею, какъ ниже будетъ объявлено, нашелъ онъ, Леруа, способъ корыстоватся и въ самыхъ селеніяхъ отъ бѣдныхъ колонистовъ разными образы, что̀ и составляетъ уже важное его преступленіе тѣмъ наипаче, что отъ сего произошли всѣ ниже изображенные крайне вредные въ селеніяхъ безпорядки и между самыми колонистами смятенія и беспокойства, которыя однако же Леруа или, правильнѣе сказать, повѣренный его Гогель по наставленію его Леруа и въ его лицѣ не преступленіемъ, но неоспоримымъ почитаетъ правомъ и

---

[1]) Упоминаемыхъ въ этомъ документѣ приложеній въ дѣлѣ № 25,838 не имѣется.

утверждает оное упорно и донынѣ одним токмо тѣмъ, что въ подложно заключенныхъ Лероемъ, какъ уже доказано, съ колонистами контрактахъ обѣщали колонисты подвергнуть себя той внутренней юрисдикціи и полицейскимъ учрежденіямъ, кои имъ отъ Леруа сочинены будутъ, съ предварительнымъ только оныхъ учрежденій подтвержденіемъ канцеляріею опекунства иностранныхъ, не взирая на то ни мало, что не только противенъ сей поступокъ высочайшему о колонистахъ манифесту и его Леруа собственному контракту и предосудителенъ правленію, но и не сходствуетъ съ самымъ симъ неправильно включеннымъ въ колонистскія контракты условіемъ, потому что канцелярія помянутой прожектованной юрисдикціи отнюдь не апробовала и донынѣ, и апробовать собою не имѣла власти, а что противенъ поступокъ сей высочайшему манифесту, собственному его, Леруа, обязательству, и предосудителенъ правленію, то первое доказывается тѣмъ, что юрисдикція оставлена самимъ колонистамъ, не опредѣляя въ разсужденіи оной никакихъ начальниковъ, и при томъ съ одобренія оной напредъ правительствомъ, какъ о томъ гласитъ высочайшее ея императорскаго величества повеленіе 764-го года, второе тѣмъ, что контрактомъ, съ нимъ, Леруа, заключеннымъ, не сочиненіе юрисдикціи оставлено ему на волю, но раздѣленіе токмо участковъ по первому пункту, а по 4-му пункту контракта и по 8-му формы разпоряженіе о лѣсныхъ и протчихъ угодьяхъ, и при томъ имянно выговорено, чтобъ ничего колонистамъ не обѣщать и въ контракты съ ними не включать ни лишняго сверхъ манифеста, ни предосудительного государственнымъ узаконеніямъ и правамъ; а какъ власти никто самъ себѣ присвоивать и опредѣлять права не имѣетъ, а принадлежитъ сіе право правленію, сирѣчь здѣсь въ Россіи государю, онъ же Леруа посредствомъ самовольно сочиненной юрисдикціи присвоилъ себѣ недозволенную надъ колонистами власть самъ собою, слѣдовательно учинилъ тѣмъ явное предосужденіе правленію, а въ своемъ мѣстѣ прибавится къ сему и еще не меншей сего важности обстоятельство.

Недозволенной поступокъ. Второй недозволенной поступокъ открылся нынѣ, а учиненъ былъ въ началѣ марта мѣсяца прошлого 1768 года наученіемъ колонистовъ подавать въ кантору, для выможенія у оной въ ссуду денегъ, меморіалы подъ весма убѣдительными, но вымышленными токмо, а не праведными предлогами, дабы имѣть только случай поживиться отъ колонистовъ самой такъ называемой дирекціи вызывательской, сирѣчь повѣренному Лероеву съ его подручными иностранцами кромѣ колонистовъ, въ чемъ имъ, какъ ниже будетъ объявлено, и удалось обмануть кантору въ отсутствіе брегадира Резанова; здѣсь сообщается одинъ токмо изъ сихъ меморіаловъ въ приложеніи подъ № 19 на 1-мъ листу съ примѣчаніями для того, что заключаетъ оной въ себѣ не одну только прозбу, но и весма обидное на кантору нареканіе, а что по наученію повѣренного Гогеля оной поданъ, оное видно изъ слѣдующихъ сво поступковъ.

Меморіалъ Гогеля предосудительной и обидной канцеляріи. Третей, какъ скоро отважился Леруа въ маіе мѣсяцѣ прошлого 768 года подать въ канцелярію здѣсь под № 12 приложенной весма предосудительной и обидной канцеляріи меморіалъ, сообща оной, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ протчими наставленіями повѣренному своему Гогелю въ Саратовъ, то и начались тамъ съ сего времяни продерзского сего человѣка нестерпимыя уже безпорядки, противности канторѣ и многія ей озлобленія; ибо 26-го числа

того же года іюня мѣсяца, въ согласіе объявленного меморіала, прислалъ Гогель въ кантору имянемъ колонистовъ другой гораздо еще язвительнѣйшей прежняго, какъ значитъ въ приложеніи подъ № 19 на страницѣ 4; меморіалъ сей, какъ изъ самого экстракта явствуетъ, произвелъ токмо напрасное на кантору нареканіе и двумя бывшими слѣдствіями потеряніе времяни, потому что какъ слѣдователи, такъ и колонисты въ то время не могли исправлять дѣлъ по должности своей, и клеветники прямо несысканы и по достоинству не наказаны, хотя подозрѣніе и ощутительно.

Четвертой, главной канторы опекунства иностранныхъ судья бригадиръ Резановъ, по пріѣздѣ своемъ въ исходѣ февраля мѣсяца сего года, между протчимъ подалъ въ канцелярію при доношеніяхъ своихъ два отъ колонистовъ Лероевыхъ меморіала, одинъ отъ 3-го генваря, а другой отъ 19-го того же мѣсяца. Въ первомъ изъ оныхъ жаловались колонисты на дирекцію вызывательскую объ отнятіи якобы у нихъ полученныхъ изъ канторы денегъ, о неустойкѣ сю по обязательству своему въ роспашкѣ для нихъ земли и о прочемъ, какъ значитъ въ приложеніи подъ № 19 на страницѣ 8, а во второмъ меморіалѣ, въ томъ же приложеніи и на томъ же листу, между изображенными жалобами ихъ просили о увольненіи ихъ отъ обязательствъ ихъ съ вызывателемъ Леруа по причинѣ подложнаго оныхъ заключенія, по каковымъ обстоятельствамъ просилъ главной канторско-судья канцелярію, чтобъ отозвавъ какъ вызывателя Дебофа, такъ и повѣренного Лероева Гогеля съ его подручными въ Петербургъ, до окончанія ихъ дѣла, и пока вызывателямъ точной надъ колонистами власти предписано не будетъ, препоручить колонистовъ ихъ въ единственное смотрѣніе и управленіе канторское, представляя разныя отъ нихъ учиненныя помѣшательства только и безпорядки, а особливо ухищренныя Гогелемъ чрезъ наученіе колонистовъ къ выможенію въ отсутствіе его у канторы по десяти рублевъ на семью денегъ, изъ коихъ онъ съ Питетомъ не малое число себѣ удѣлили, а тѣмъ самымъ и другимъ колонистамъ поводъ подали, такъ что кантора принуждена, оставя всѣ дѣла, разбирать одни только колонистскія вымышленныя о ссудахъ прошенія, уважа сію свою прозбу господинъ Резановъ тѣмъ, что хотя вызывательскихъ колонистовъ противу коронныхъ и пятью стами семьями больше, однако же де въ разсужденіи чинимыхъ со стороны вызывателей колонистамъ обмановъ корысти ради и по худому ихъ о хозяйствѣ старанію едва только третью часть противу коронныхъ хлѣба наработали, что и съ поданною ея императорскому величеству вѣдомостью явилось сходно; а сверхъ того представилъ вторично о незаплатѣ Питетомъ, которой во ожиданіи рѣшенія товарыща своего Леруа дѣла съ маія мѣсяца 767 года находился въ Саратовѣ и вдругъ оттуда тайно уѣхалъ, поставщикамъ воловъ по заключенному имъ обще съ Гогелемъ съ тѣми воловъ продавцами контракту денегъ, потому что первая резолюція канцелярская показалась ему Резанову сумнительною въ разсужденіи того, что въ посланномъ въ силу оной въ кантору указѣ написано было: „а за розданныя колонистамъ волы заплатить изъ казны деньги", ибо они вызывателями колонистамъ были не розданы; всѣ сіи представленія хотя и включены уже въ изготовленной къ ея императорскому величеству докладъ, однакожъ здѣсь безъ упоминанія объ ономъ оставить нельзя для того, что

Жалобы колонистовъ на вызывательскую дирекцію.

Что вызыватели изъ данной колонистамъ ссуды себѣ удѣлили.

О волахъ.

великое они имѣютъ сопряженіе съ разными другими произшествіями, о коихъ упоминатся будетъ ниже сего, такъ, какъ и о показанныхъ подъ помянутыми изъ меморіаловъ колонистскихъ экстрактами долгахъ на дирекціи, о коихъ рапортъ присланъ изъ канторы послѣ уже проѣзда господина брегадира Резанова. Ухищреніе сіе, какъ господинъ Резановъ изъяснялъ, учинено было такимъ образомъ: Гогель съ Питетомъ, уговоря напередъ колонистовъ, чтобъ въ отсутвіе его приступили колонисты съ убѣдительнымъ прошеніемъ къ канторѣ, обѣщавъ облегчить труды ихъ въ распашкѣ цѣлины за договорную умѣренную цѣну, а между тѣмъ заключили съ ними о сей роспашкѣ контрактъ, коего содержаніе и донынѣ неизвѣстно, потому что содержали его отъ него, господина Резанова, и канторы въ тайнѣ, а какъ получили колонисты деньги на тѣ вымышленные надобности, на кои просили, то дирекція, удѣливъ изъ оныхъ по желанію своему часть въ задатокъ, отдала оныя также въ задатокъ поставщикамъ воловъ трехъ сотъ паръ, а обязательства своего съ колонистами не исполнила, а Леруа словесно мнѣ сказывалъ, что де колонисты на неисполненіе сіе жалуются напрасно потому, что де въ контрактѣ сроку, когда всю землю роспахать, не означено, изъ чего уже само собою и явствуетъ, что есть въ семъ контрактѣ обманъ, чего однакоже еще не изслѣдовано, но подлинная причина сей неустойки произошла оттого, что третью часть воловъ такъ называемая дирекція размытарила и деньги употребила на другія свои издержки, а когда продавцы воловъ стали требовать отъ Питета и Гогеля достальныхъ за волы и плуги безъ мала пяти тысячъ рублевъ денегъ, отрицая взять воловъ, по причинѣ изнуренія ихъ, по той же цѣнѣ, по какой продали, обратно, то Питетъ, не имѣя чѣмъ заплатить, изъ Саратова тайно уѣхалъ, а Гогель просилъ кантору представить о томъ въ канцелярію, чтобъ заплачены были деньги изъ казны на щотъ имѣющагося въ канцеляріи вызывательскаго заклада. Канцелярія, не видя изъ перваго доношенія о волахъ, на что оные куплены, требовала отъ Леруа изъясненія, которой писменно далъ знать, что оные куплены ево товарыщемъ и повѣреннымъ Гогелемъ ради вспаханія колонистамъ земли, также и для другихъ колонистскихъ же нуждъ, почему заключа изъ сего канцелярія, что волы розданы для паханія земли колонистамъ, и опредѣлила заплатить деньги изъ казны на щотъ вызывателя Леруа съ тѣмъ, чтобъ сами они тѣ деньги взыскали съ колонистовъ, коимъ волы розданы, ибо присланныхъ изъ таможни товаровъ, кои Гогель назвалъ закладомъ, далеко на заплату другихъ на нихъ казенныхъ денегъ не достаетъ; а какъ представилъ брегадиръ Резановъ вторично, что волы колонистамъ не розданы, а взяты канторою въ предостереженіе казнѣ убытковъ въ ея смотрѣніе, то канцелярія подтвердила только прежнюю свою резолюцію съ такою единственно отмѣною, чтобъ роздать воловъ тѣмъ колонистамъ, съ коими о распашкѣ земли контрактъ заключенъ, и, выдавъ продавцамъ деньги, поставить въ запасъ на щетъ и вызывателямъ и колонистамъ до будущаго между ими о неустойкѣ въ роспашкѣ земли рощета, и то по той больше причинѣ, что волы для сей работы колонистамъ нужны, и они о томъ, какъ брегадиръ Резановъ объявлялъ, просили, а Гогель нынѣ и самъ Леруа приносятъ жалобы, какъ о томъ ниже яснѣе показано будетъ, будто кантора неправильнымъ своимъ представленіемъ, несходную съ дѣломъ испрося резолюцію, привела ихъ въ

О долгахъ колонистскихъ на вызывателяхъ.

убытокъ, но сія жалоба столь неосновательна, сколько велико жалобщиковъ безстыдство, потому что хотя четыре тысячи въ задатокъ они и дали продавцамъ, а послѣднія отъ канторы заплачены, но какъ, 1-ое, деньги тѣ взяты были у колонистовъ, коимъ и затѣмъ еще много должными остались, 2-ое, до ста воловъ сами на свои нужды употребили, и слѣдоватслько больше уже двухъ тысячъ отъ сей ухватки барыша получили, слѣдобательно сія ихъ выдумка причинила имъ неправедной прибытокъ, а неубытокъ, а казнѣ только излишнюю и напрасную издержку, колонистамъ же убытокъ какъ отъ быковъ, такъ и отъ нероспашки земли, ибо взять съ хитрыхъ сихъ людей нечего не только колонистамъ и партикулярнымъ заимодавцамъ, но и самой коронѣ, потому что они столько же и роскошны, сколько и коварны, почему и неможно удивляться, когда современемъ еще больше заимодавцовъ ихъ явится, коихъ они обыкли для заплаты посылать въ канцелярію опекунства иностранныхъ всегда подъ тѣмъ видомъ, будто они долги свои нажили по колонистскимъ дѣламъ изъ великого своего ко услугамъ Россіи усердія, которое и при семъ случаѣ такъ, какъ и при всѣхъ протчихъ, ощутительно въ самомъ дѣлѣ ко вреду казенному и многихъ партикулярныхъ людей послужило.

Пятое, въ мартѣ мѣсяцѣ подалъ Лероа въ канцелярію присланной отъ его повѣренного Гогеля меморіалъ, изъ коего экстрактъ находится въ приложеніи подъ № 19 на страницѣ 11, а приложенныя при ономъ меморіалѣ разныя писма за множествомъ не сообщены, кромѣ формы присяжнаго листа, съ коего переводъ находится въ томъ же приложеніи подъ экстрактомъ всѣхъ его меморіаловъ; изъ сего меморіала весма ясно усматривается, что во время отлучки брегадира Резанова изъ Саратова повѣренной вызывателя Леруа, иностранецъ Гогель, началъ уже дѣлать между колонистами явнымъ образомъ смуту, преклоняя ихъ къ жалобамъ на кантору, а наипаче на главного судью брегадира Резанова для оправданія чрезъ то поступковъ вызывателей и собственныхъ своихъ; въ каковомъ намѣреніи и прислалъ въ канцелярію при томъ своемъ меморіалѣ копіи со взятыхъ имъ отъ нѣкоторыхъ колонистовъ подписокъ по учиненіи имъ напередъ формальныхъ допросовъ въ томъ, будто нѣкоторые изъ нихъ принуждаемы были къ подпискѣ поданного въ кантору отъ общаго имяни ихъ на вызывателей своихъ прошенія о причисленіи ихъ къ коронпымъ колонистамъ, а другія хотя и не были къ тому принуждаемы, но въ угодность якобы только канторѣ, а паче брегадиру Резанову, подписались подъ тѣмъ прошеніемъ, не имѣя будто нимало причинъ на вызывателей своихъ жаловаться, доказательства же изображенныя въ меморіалѣ помянутого иностранца Гогеля о истинѣ канторскихъ и брегадира Резанова на вызывателей Леруа и Питета нападковъ состоятъ только въ однихъ догадкахъ, такъ что хотя бы присланные въ канцелярію копіи со взятыхъ Гогелемъ отъ колонистовъ подписокъ и дѣйствительно съ подлинными подписками (о коихъ еще сумнѣватся можно) сходны были, то и тогда однакоже на однихъ показаніяхъ сихъ колонистовъ утвердиться было не можно, потому что большая часть изъ нихъ суть тѣ самые, коихъ кантора, какъ то изъ прежнихъ ея репортовъ видно, въ числѣ безпорядочныхъ полагаетъ, а наипаче потому, что и въ самыхъ копіяхъ присланныхъ въ канцелярію со взятыхъ съ нихъ подписокъ, о томъ, чтобъ кто либо изъ членовъ канторскихъ колонистовъ

Что Гогель между колонистами въ Саратовѣ началъ дѣлать смуты.

сихъ къ принесенію на вызывателя жалобъ уговаривалъ, не отъ одного не показано, но изображено токмо то одно, какъ которой колонистъ отъ другихъ изъ своей собратіи о томъ или другомъ умыслѣ противъ вызывателей слышалъ, не означая при томъ и того, имѣютъ ли и на слышанное свидѣтелей? Чтожъ касается напротивъ того до разныхъ недозволенныхъ поступковъ, надѣланныхъ какъ самими вызывателями, такъ и повѣренныйъ ихъ иностранцомъ Гогелемъ, о томъ уже и по обьявленнымъ до сего случаямъ ни малѣйшаго сомнѣнія имѣть не можно, да и самые присланные отъ помянутого иностранца Гогеля приложенныя при его меморіалѣ копіи съ подписокъ колонистовыхъ довольно уже худобу поступковъ такъ называемой дирекціи вызывательской доказываютъ; ибо прислана между протчимъ копія съ письма, писанного однимъ колонистомъ къ помянутому Гогелю, въ которомъ оной колонистъ укоряетъ вызывателей и самого повѣреннаго Гогеля не по наученію уже чьему либо, но по собственному побужденію во всѣхъ тѣхъ учиненныхъ ими колонистамъ обманахъ и подлогахъ, о коихъ во общемъ отъ вызывательскихъ колонистовъ прошеніи показано, объявляя при томъ ему прямо, что о важнѣйшихъ еще преступленіяхъ ихъ умолчалъ онъ въ томъ намѣреніи, чтобъ изобличить ихъ во оныхъ въ такомъ случаѣ, есть-ли они, по извѣстной ихъ хитрости, какимъ либо образомъ иногда ко оправданію своему дорогу сыщутъ, повѣренной же вызывателя Леруа Гогель напротивъ того, жалуясь на сего колониста и ево послѣдователей, называетъ ихъ между протчимъ клятвопреступниками, прислдвъ въ доказательство сего въ канцелярію копію съ формы той присяги, къ которой онъ Гогель, по наставленію вызывателей, своихъ колонистовъ приводилъ, а они подписывались. Форма сей присяги между протчимъ главнѣйше въ томъ состоитъ, что колонисты обязывались оною съ клятвою имянемъ Божіимъ поступать во всемъ по точной силѣ и содержанію проектованного Лероа и Питетомъ полицейского устава, и вѣрно о всемъ томъ доносить обѣщали, что ими вредного или предосудительного въ разсужденіи дирекціи, спрѣчь въ разсужденіи вызывателей, примѣчено ни будетъ, на каковой поступокъ канцелярія опекунства иностранныхъ не только никогда дозволенія не давала, но еще и вовсе о томъ до присылки сего меморіала не вѣдала, кромѣ того токмо, что уставъ полицейской и проэктованной помянутыми вызывателями въ канцелярію присланъ былъ еще въ прошломъ 767 году съ прошеніемъ о утвержденіи оного, но канцелярія оставила прозбу сію втунѣ по изображеннымъ уже выше сего причинамъ.

Гогель по наставленію вызывателей приводилъ колонистовъ къ присягѣ.

И такъ не только присвоилъ себѣ и далъ повѣренному своему вызыватель Леруа власть повелѣвать колонистами, допрашивая ихъ формально судебнымъ поряткомъ, но еще сочиня въ вѣрности къ себѣ присягу, принудилъ, какъ колонисты жалуются, присягать ихъ себѣ, но неизвѣстно токмо какимъ образомъ присягали колонисты, то есть подписывались ли только подъ присяжнымъ листомъ, или и съ обыковенными при присягѣ обрядами учинили клятву, что уже нетолко предосудительнымъ правительству, но и оскорбительнымъ бы почтено быть могло; а хотя они, какъ по слуху извѣстно, и почитаютъ сіе за обыкновенное между партикулярными людьми съ клятвою обѣщаніе, но сія ихъ выправка весма слаба, ибо и самыя возмутители отговоркою бы сею отбывать могли, коимъ въ томъ также обыкновенно не вѣрятъ, да при томъ.

и самыя слова иностранца Гогеля противное сему оправданію гласятъ, когда называетъ противныхъ ему колонистовъ клятвопреступниками, нарушившими присягу; ибо никому не присягаютъ, кромѣ какъ токмо государямъ или особамъ, имѣющимъ въ рукахъ своихъ верховную власть правленія, и отечеству, и обыкновенно разумѣются подъ имянемъ клятвопреступниковъ тѣ только, кои нарушили вѣрность къ государю и отечеству въ случаяхъ важныхъ.

Шестое, вступившія въ канцелярію въ половинѣ апрѣля мѣсяца отъ господина брегадира Резанова присланныя къ нему изъ канторы отъ колонистовъ вызывателя Леруа жалобы на дирекцію ихъ, какъ то изъ приложенія подъ № 19 обстоятельно усмотрѣть можно, гласятъ тако, что дирекція, то есть повѣренной Лероевъ иностранецъ Гогель съ товарыщи, вмѣсто старанія о содержаніи колонистовъ въ хорошемъ порядкѣ, печется единственно о произведеніи безпокойствъ и возмущенія въ колоніяхъ, допрашивая всѣхъ колонистовъ послѣ подачи ими прошенія о причисленіи ихъ къ коронным, извѣстно ли имъ и довольны ли они тѣмъ, что фортштегеры ихъ оное прошеніе въ кантору подали? разсѣвая при томъ слухи, будто оные форштегеры обѣщанную колонистамъ вольность продали, а самимъ тѣмъ форштегерамъ толковалъ Гогель, что они подлинно вольность свою потеряли, отчего де въ самомъ дѣлѣ всѣ приведены въ сумнѣніе. Все сіе подтверждаютъ сверхъ того отъ нѣкоторыхъ форштегеровъ частно принесенныя на Гогеля и его сообщниковъ жалобы въ сихъ подговорахъ, объявляя при томъ, что дирекція, наряжая отъ себя слѣдственныя коммисіи, безъ всякой причины опредѣленныхъ, по выбору самихъ колонистовъ, форштегеровъ канторою смѣняетъ, опредѣляя на ихъ мѣсто бездѣльниковъ, держащихся стороны ся, которые по наученію оной дирекціи нетолько уговариваютъ разными вымышленными разглашеніями отказывающихся отъ дирекціи колонистовъ держаться вызывательской стороны и не слушать указовъ канторскихъ, но и угрaживаютъ побоями и самымъ убіеніемъ до смерти, а иныхъ имяна записываютъ и безъ ихъ вѣдома и воли, будто они подъ дирекціею вызывателя остатся желаютъ, такъ что сіи люди, да многіе и самовольно подписавшіяся, раскаявшись, не знаютъ, какъ имъ отбыть отъ налагаемой имъ дирекціею тягости? Сколь все оное невѣроятно, однакоже опредѣлено напередъ изслѣдовать, потому что кантора, какъ о томъ ниже объявлено будетъ, во изысканіе по симъ жалобамъ истины, за ослушаніемъ повѣренного вызывательскаго Гогеля, не входила, но принявъ отъ колонистовъ прошенія ихъ, прислала оныя въ подлинникѣ, изъ чего не можно другаго заключить, какъ только то, что происходитъ теперь между колонистами сего вызывателя великое смятеніе, и они въ работахъ полевыхъ имѣютъ оттого помѣшательство, а всѣ сіи невкусныя плоды произрасли очевидно отъ наглости и корыстолюбія такъ называемой вызывательской дирекціи, или, правильнѣе сказать, отъ самого вызывателя Леруа; ибо извѣстно, что онъ по пріѣздѣ сюды господина брегадира Резанова четырехъ человѣкъ отправилъ въ Саратовъ по почтѣ съ новыми наставленіями къ своему повѣренному, не взирая на учиненное ему отъ канцеляріи въ томъ запрещеніе, такъ что я [1]), съ своей стороны, не знаю, что о семъ вызывателѣ и думать и какимъ

О произведеніи Гогелемъ въ колоніяхъ безпокойствъ.

[1]) Вице-президентъ канцеляріи опекунства иностранныхъ Василій Баскаковъ.

его признавать властелиномъ? Что пренебрегъ онъ запрещеніе канцелярское, оное подлинно, а что смятеніе между колонистами произошло отъ его повѣренного съ товарыщи, оное утверждаю тѣмъ, что есть ли бы вмѣсто явного ослушанія повиновался онъ канторѣ и не обманывалъ колонистовъ, выманивая у нихъ деньги подъ разными видами, то бъ не было и причинъ ни колонистамъ, ни канторѣ на него жаловаться, а наипаче тѣмъ, что самъ онъ, какъ выше упомянуто, канцелярію увѣдомляетъ, что, ѣздя по колоніямъ и призывая колонистовъ, допрашивалъ вмѣсто того, чтобъ надлежало ему, принося только канцеляріи жалобу, ожидать отъ оной резолюціи, а не самому въ собственномъ своемъ дѣлѣ чинить изслѣдованіе и колонистамъ формальные судебнымъ порядкомъ допросы, присвоя тѣмъ себѣ самовластно право судебного мѣста.

Жалоба канторы на Гогеля, что повелѣніемъ оной пренебрегаетъ.

Седмое, обще съ помянутыми отъ колонистовъ на дирекцію вызывательскую жалобами прислала кантора девять меморіаловъ, вступившихъ во оную отъ повѣренного вызывателя Леруа Гогеля, увѣдомляя при томъ канцелярію съ жалобою на него, Гогеля, что она, по всѣмъ онымъ меморіаламъ видя изъ оныхъ ясно, что повеленія оной Гогель пренебрегаетъ, ни въ какую съ нимъ, Гогелемъ, и переписку больше не входила, а главный судья канторской господинъ брегадиръ Резановъ, чрезъ коего кантора всѣ сіи меморіалы сообщила, прося его о заступленіи, поданнымъ отъ себя доношеніемъ представилъ: 1-е, что по причинѣ великихъ въ новозаведенныхъ селеніяхъ отъ повѣренного вызывателя Леруа замѣшательствъ, онъ о успѣхѣ по предписаніямъ канцелярскимъ распоряженій своихъ никакой надежды не имѣетъ, есть-ли оныхъ прекращено не будетъ, 2-е, что члены канторскіе и офицеры для надзиранія надъ колонистами вызывателя Леруа опредѣленные въ разсужденіи причиненной имъ отъ дирекціи обиды и явного ослушанія никакихъ болѣе между оными колонистами распорядковъ учреждать не могутъ и отрекаются, почему и просилъ, учиня разсмотрѣніе, отъ нанесенныхъ канторѣ и ему обидъ защитить, а ежели де отъ наглыхъ поступковъ такъ называемой вызывательской Леруа дирекціи впредь приключится наивящее зло и казнѣ убытокъ, то бы на немъ и на канторѣ онаго не взыскивать, 4-е, а наконецъ просилъ, чтобъ, опредѣля надъ сими колонистами другихъ смотрителей, велѣть изслѣдовать, потому что де безъ того непорядкамъ симъ и слѣдствіямъ конца не будетъ. Упомянутые же повѣренного вызывателя Леруа иностранца Гогеля обидныя меморіалы заключаютъ въ себѣ главнѣйше слѣдующія укоризны канторѣ и прочимъ, а именно:

Объ отрѣшеніи канторою форштегера, Гогелемъ опредѣленнаго.

Въ первомъ меморіалѣ, изображенномъ въ приложеніи подъ № 19 на страницѣ 20, укоряетъ Гогель кантору, 1-е, будто она утвержденіемъ опредѣленного прежде выбору самихъ колонистовъ форштегера, въ его начальствѣ, а о отрѣшеніи имъ, Гогелемъ, опредѣленного не спрося о томъ его, поступила противу правъ всего свѣта, 2-е, утверждаетъ, что контора въ разсужденіи отрѣшенія и опредѣленія форштегеровъ, сирѣчь избираемыхъ колонистами изъ промежду себя начальниковъ, не имѣетъ права чинить собою только рѣшенія, и будто сіе не только противно манифесту, но и контрактамъ, колонистами заключеннымъ съ вызывателемъ, и потому, приславъ отъ нѣсколькихъ колонистовъ о выборѣ нового форштегера подписокъ, объявилъ конторѣ, что оное онъ учинилъ для ея только разсмотрѣнія и вѣдѣнія,

а не для подтвержденія. Опроверженіе сихъ ябедническихъ выправокъ учинено мною въ приложеніи противъ самого экстракта сего меморіала, а здѣсь за нужное почелъ изъяснить, что на манифестъ ссылается онъ, Гогель, въ такомъ разсужденіи, что въ немъ между прочимъ изображено: „коронные начальники во внутреннихъ колонистовъ распорядкахъ никакого участія имѣть не будутъ"; но сіе отнюдь того не значитъ, чтобъ вызывателямъ власть въ томъ была дана, о коихъ тогда помышляемо не было и которые не суть колонисты, а при томъ сами колонисты противъ того спорятъ, да и неможно имъ самимъ рѣшить собственныхъ своихъ споровъ, когда одной колоніи жители вдругъ выбирать станутъ трехъ или четырехъ начальниковъ, отрѣшая каждая часть выбранныхъ другими частьми. Сверхъ того какъ сіе, такъ и другіе неудобства предусмотрены были въ разсужденіи неспособности еще первовыѣхавшихъ колонистовъ (ибо нѣтъ между ними такихъ, каковы суть Сарептскія колонисты, но и тѣ въ случаѣ несогласія подвергли себя разбирательству постановленнаго надъ ними правительства), чего ради въ собственную самихъ же колонистовъ пользу ея императорское величество соизволила указать, разсмотря сочиненную самими колонистами юрисдикцію или сочиня оную для всѣхъ вообще, подать въ Сенатъ для утвержденія, но въ то время, когда оная дана будетъ, такъ какъ нынѣ вмѣсто того послана къ нимъ инструкція, отъ смотрѣнія за ними отнюдь они не изъемлются, но съ тѣмъ только, чтобъ тотчасъ такъ поступали, какъ предписано въ наставленіи, или какъ гласить будетъ внутренняя ихъ юрисдикція, въ коей непремѣнно сему быть должно, чтобъ опредѣленіе и отрѣшеніе начальниковъ зависило всегда отъ разсмотрѣнія и утвержденія правительства, потому что право давать начальство или утверждать воономъ кого принадлежитъ токмо власти правительствующей и повелѣвающей, также и учрежденнымъ отъ оныя правительствамъ и начальникамъ, то почему же присвояютъ дерзскіе сіи пришельцы право сіе, котораго имъ отнюдь не дано? а что написали они можетъ быть о томъ въ нѣкоторыхъ съ колонистами подложно заключенныхъ контрактахъ, кои въ рукахъ ихъ находятся (ибо въ поданныхъ въ канцелярію прямо сего не находится), то за сію ухватку достойны больше наказанія, нежели такой власти, какую присвояютъ.

Объ отрѣшеніи Гогелемъ форштегера.

Въ другомъ своемъ меморіалѣ утверждаетъ Гогель, 1-е, что онъ опредѣленного канторою фортштегера отрѣшилъ правильно потому, что де оной фортштегеръ безъ вѣдома колонистовъ самовольно за нихъ далъ подписку, якобы они желаютъ состоять непосредственно въ покровительствѣ высокой короны.

Опроверженіе на сіе видѣть можно въ примѣчаніи на сей артикулъ, а къ тому еще прибавить можно и то, что сіе самое утвержденіе служитъ уже доказательствомъ, что Гогель всячески старался о приведеніи канторы въ подозрѣніе, потому что когда бъ колонисты такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ отъ подписокъ своихъ отперлись, то бы жалоба его, Гогеля, на кантору о возмущеніи колонистовъ противъ дирекціи довольную получила вѣроятность, о чемъ однакоже опредѣлено изслѣдовать.

2-е, что капитанъ Дитмарнъ, правящей окружного комиссара должность, ложной будто подалъ репортъ, называя оной Гогель сновидѣ-

Якобы Капитанъ Дитмарнъ ложной репортъ на Гогеля въ кантору подалъ.

ніемъ и прося кантору, чтобъ приказала ему, Дитмарну, репортъ свой доказать, изъясняется при томъ, что, въ противномъ сему случаѣ, онъ самъ Дитмарна къ тому понудитъ или доведетъ, каковыя ево угрозы не только Дитмарну обидны, но и предосудительны весьма канторѣ, почему впредь еще и вящей наглости ожидать отъ него есть причина.

Объ опредѣленіи форштегеровъ.

3-е, изъясняясь Гогель на общее отъ канторы всѣмъ форштегерамъ о неперемѣнѣ начальниковъ своихъ безъ позволенья канторскаго повеленіе утверждаетъ, что хотя онъ самъ форштегеровъ не смѣняетъ, но оставляетъ оное изслѣдованію наряженной имъ, въ силу самовластно учиненной юрисдикціи, коммисіи, однакожъ де за основаніе помянутого канторского повеленія (кое дано по указу канцелярскому) принять и того терпѣть не можетъ, чтобъ кантора надъ Лероевскими колонистами самодержавную власть имѣла къ несносной колонистамъ тягости и въ противность освященному ея императорскаго величества намѣренію, а напослѣдокъ прямо говоритъ, что не намѣренъ онъ слушать въ томъ канторы и ожидать ея повелѣній, потому что де сіе зависитъ отъ внутренняго колоніи учрежденія, что де отъ ея императорскаго величества директорамъ предоставлено, укоряя впротчемъ кантору неоднократнымъ покушеніемъ нарушить оное.

Сіе ложное его утвержденіе, какъ выше въ описаніи сихъ Гогелевыхъ похожденій, такъ и въ примѣчаніи въ томъ же приложеніи, довольно ясно опровержено, а несносная дерзость его сама собою видна; ибо кантора повелѣніе сіе учинила, какъ объявлено, не отъ себя, а власти такой вызывателямъ отъ ея императорскаго величества, какъ Гогель утверждаетъ, отнюдь не дано.

Гогель утверждаетъ, что кантора старается дирекцію ввести въ убытокъ.

Въ третьемъ меморіалѣ своемъ утверждаетъ Гогель, что кантора, стараясь прилежно ввести дирекцію въ убытокъ, явную якобы учинила несправедливость тѣмъ, что не заплатя за купленныхъ имъ Гогелемъ и Питетомъ быковъ поставщикамъ оныхъ денегъ, не смотря на присланной о томъ указъ изъ канцеляріи опекунства иностранныхъ, чрезъ что будто приведенъ онъ, Гогель, въ самомъ дѣлѣ въ великой убытокъ.

А какъ въ томъ же приложеніи въ примѣчаніи, такъ и выше сего во описаніи семъ весьма ясно опровергнута сія его поклепная и ложная жалоба и доказано, что сія ихъ Гогеля и Питета ухватка имъ корысть, а колонистамъ убытокъ, казнѣ же излишнюю издержку причинила, то впрочемъ можно сказать, что за столь дерзкое нареканіе канторѣ заслужилъ онъ, Гогель, по справедливости и самоличио наказаніе, потому что хотя сіе учинилъ онъ, какъ думать есть причина, и по наставленію Леруа, но въ беззаконномъ дѣлѣ повѣренной отнюдь не обязанъ слушаться: и такъ во всѣхъ его продерзостяхъ и самоличио онъ, Гогель, данною ему отъ Леруа повѣренностью извиненъ быть не можетъ.

Что кантора не сдѣлала никакого рѣшенія на вопросъ его, Гогеля, съ кого взыскивать за потравленную траву.

Въ четвертомъ своемъ меморіалѣ укоряя Гогель кантору, что не здѣлала никакого рѣшенія на вопросъ его, съ кого взыскать за потравленную будто бы въ дачныхъ вызывателя Леруа лугахъ траву, утверждаетъ, что Леруа принадлежитъ будто оныхъ двѣ тысячи десятинъ, въ силу его контракта, въ наслѣдственное и безспорное владѣніе, между тѣмъ съ пренебреженіемъ отвѣтствовалъ члену канторскому ассесору Тилингу,

что онъ, Тилингъ, либо Лероева контракта не читалъ, или позабылъ, когда де еще спрашиваетъ, кому тѣ потравленныя луга принадлежатъ? Ибо ассесоръ Тилингъ при смотрѣ луговъ спрашивалъ такимъ образомъ колонистовъ.

Опроверженіе на сіе изображено уже въ примѣчаніи на сей меморіалъ и состоитъ въ томъ, что хотя по контракту и надлежало бы Леруа около трехъ сотъ десятинъ луговъ отвести, но сего еще за нарушеніе имъ, Леруа, того контракта и многихъ противныхъ доброй совѣсти поступковъ не учинено, да учинить того канцелярія собою не можетъ: слѣдовательно никакихъ луговъ дирекція принадлежащихъ себѣ и почитать не можетъ, а за неучтивство противъ канторского члена заслужилъ онъ, Гогель, наказаніе.

О волахъ.

Въ пятомъ меморіалѣ укоряя Гогель вторично контору по дѣлу о волахъ, но въ томъ уже, что будто она ложной о томъ въ канцелярію репортъ послала, утверждая, 1-е, что во всѣхъ канторскихъ дѣяніяхъ нѣтъ никакого основанія, 2-е, что онъ, Гогель, въ разсужденіи помянутого ложнаго репорта признаетъ себя въ разсужденіи канторы ни къ чему не обязаннымъ и имѣетъ совершенное право требовать въ причинившихся ему отъ того убыткахъ заплаты, и напослѣдокъ, 3-е, что его императорское величество Петръ Великій никогда себѣ не воображалъ, чтобъ коллегіи нарочно для причиненія челобитчикамъ затрудненій и убытковъ сочинять стали неправильные репорты, и конечно бы де его величество, яко справедливѣйшій законодавецъ, кантору къ заплатѣ тѣхъ убытковъ осудилъ, а его бы, Гогеля, въ томъ оправдалъ, будто бы онъ кантору обидѣлъ.

Все сіе довольно уже изъяснено, и утвержденія его, Гогеля, опровергнуты какъ въ семъ описаніи, такъ и особливо въ примѣчаніи на меморіалъ сей, а здѣсь прибавить можно, что Леруа, сообща къ своему повѣренному вторичную по дѣлу о волахъ канцеляріи резолюцію, обвиняетъ и канцелярію уже въ несправедливости, которая, не принявъ пустыхъ ихъ о убыткахъ будто имъ оттого произшедшихъ увѣреній, воловъ только колонистамъ роздать опредѣлила, слѣдовательно, самымъ симъ нареканіемъ обидилъ Леруа и Гогель самую канцелярію опекунства иностранныхъ; а впрочемъ въ разсужденіи включенныхъ въ меморіалѣ его словъ о Государѣ Петрѣ Великомъ со основаніемъ можно сказать, что лжи и дерзости людей сихъ нѣтъ предѣловъ, о чемъ канцеляріи опекунства иностранныхъ умолчать и безъ представленія обойтится, думаю, не можно.

Объ отнятіи Гогелемъ у рыболововъ сѣтей.

Въ шестомъ меморіалѣ на посланной къ нему, Гогелю, изъ канторы по случаю отнятія имъ у рыболововъ сѣтей указъ, коимъ требовалось отъ него о семъ его поступкѣ изъясненія, потому что помянутыя рыболовы въ округѣ, для Лероевыхъ колонистовъ отведенномъ, ловили рыбу по отдачѣ имъ находящихся въ немъ озеръ на откупъ, отзывался онъ, Гогель, такимъ образомъ, что онъ, Гогель, о томъ, что находящіяся въ Леройскомъ округѣ болоты и пруды, въ коихъ отъ розливу Волги рыба остается, въ наемъ отдано, совсѣмъ неизвѣстенъ, и такъ когда де мнѣ о таковыхъ откупахъ никакого извѣстія не дано, то для утвержденія правъ дирекціонныхъ въ сходствіе заключенного съ канцеляріею опекунства иностранныхъ контракта, для предупрежденія дальнѣйшихъ препятствъ, онъ къ

такому заарестованію какъ принадлежащими ему, такъ и колонистамъ имѣетъ право, а за всѣмъ тѣмъ допустить не можетъ и до того, чтобъ въ Лероевскомъ округѣ находящіяся озера на откупъ отданы быть могли, чего ради принужденнымъ де себя нашелъ поступить въ противность оного насланного къ нему объ оныхъ откупахъ указа, формально протестуя чрезъ сіе, что онъ въ правахъ своихъ себя защищать будетъ и впредь.

Отговорки его, Гогеля, довольно уже и тѣмъ однимъ опровергаются, что въ контрактѣ, съ Леруа заключенномъ, рыбныя и звѣриныя ловли въ дачахъ, ему отведенныхъ, имѣть дозволено только, а не въ колонистскихъ, и то кромѣ отдающихся въ оброки и заповѣдныхъ, а въ формѣ контрактовъ, которая служила ему Леруа изъясненіемъ его контракта и правиломъ его дѣйствій, на которую и самъ онъ во многихъ мѣстахъ ссылается, тоже самое изображено въ 10 артикулѣ такими словами: „звѣриными и рыбными ловлями, кои не въ оброкѣ и не на откупу, могутъ они, то есть вызыватели, въ дачахъ своихъ пользоваться невозбранно“.

Но какъ выше уже во многихъ мѣстахъ объявлено, что вызывателямъ не только дачи за худыя ихъ поступки не учинено и учинить канцелярія опекунства иностранныхъ до рѣшенія ихъ дѣла не смѣла, хотя бъ и хотѣла, но и земли имъ по числу людей отвести отнюдь велѣно не было кромѣ того, что при отводѣ земель для колонистовъ ихъ въ запасъ и слѣдуемое вызывателямъ количество земли захватить велѣно было, дабы въ случаѣ воспользованія имъ отъ ея императорскаго величества въ винахъ ихъ прощенія, въ раздѣленіи земель по округамъ не послѣдовало перебивки и отъ того казнѣ убытка, то изъ сего само собою слѣдуетъ, что канторѣ и объявлять имъ, вызывателямъ, объ откупѣ рыбныхъ ловель въ озерахъ, находящихся въ отведенномъ округѣ для поселенія подъ ихъ имянемъ пріѣхавшимъ колонистамъ, не было ни малого повода, да и самимъ колонистамъ, для коихъ земли въ силу манифеста ея императорскаго величества отведены, по содержанію того же самого манифеста о томъ особливаго дозволенія просить надлежало, потому что въ силу гражданскихъ правъ, безъ учиненія особливыхъ дачъ на рыбныя ловли, собою никто права на оныхъ присвоять не долженъ и не можетъ, а имъ сіи угодья съ такимъ же условіемъ обѣщаны и дачъ еще на земли ихъ за неокончаніемъ специальнаго межеванія не учинено и плановъ не дано, то чѣмъ же онъ Гогель можетъ утверждаемое имъ право свое доказать?—я не понимаю; а какъ напротивъ того манифестъ, такъ особливо контрактъ съ Леруа заключенной былъ ему, какъ самъ объявляетъ, извѣстенъ, а при томъ отнявъ онъ у рыболововъ сѣти и наловленную рыбу, какъ о томъ кантора репортуетъ, употребилъ уже оные вещи въ свою пользу, не представя правительству, то есть канторѣ, то сей его поступокъ невозможно инако назвать, какъ грабежомъ, прикрытымъ токмо ябедническою выправкою; почему еще по справедливости строжайшее заслуживаетъ наказаніе, потому что грабежъ сей учиненъ имъ, Гогелемъ, сверхъ неправеднаго пріобрѣтенія корысти и съ умышленнымъ нарушеніемъ и презрѣніемъ правъ гражданскихъ и самого заключеннаго вызывателемъ съ канцеляріею договора, дабы чувствительнѣе уязвить ненавидимое ими правительство, сирѣчь кантору, за непотачку ее имъ, надѣясь можетъ быть получить все, по желанію своему требуемое, наглостію, чего они отъ правосудія ожидать не могли. . . . . .

Примѣчаніе.

Хотя по сему случаю по справедливости помянутыхъ рыбаковъ отъ канторы удовольствовать въ убыткахъ ихъ и опредѣлено, потому что взыскать нынѣ съ него, Гогеля, нечего, равно, думаю, и съ самого вызывателя Леруа; однакоже взыскать бы съ него впрочемъ надлежало по той причинѣ, что изъ казны даромъ оплачивать за такихъ дерзкихъ обидчиковъ и грабителей, какъ Гогель съ товарыщи, канцелярія власти не имѣетъ, а довольно и того, что она, избѣгая отъ природныхъ россіянъ изъ простолюдиновъ, по невѣжеству ихъ, на самое полезное впротчемъ заведеніе иностранческихъ селеній нареканія, скорою выдачею денегъ ихъ правосудно удовольствовала.

Въ седмомъ своемъ меморіалѣ по случаю сказанныхъ членомъ канторскимъ майоромъ Данненштерномъ подчиненному Гогелю иностранцу словъ, что онъ, Данненштернъ, поступокъ Гогелевъ съ рыбаками почитаетъ грабительствомъ и нарушеніемъ контракта, пишетъ Гогель между протчимъ, 1-е, что господинъ Данненштернъ о грабежѣ и нарушеніи контракта не имѣетъ понятія, оправдая поступокъ свой тѣмъ же самымъ, какъ объявлено въ 6-мъ его меморіалѣ, 2-е, обвиняя кантору за необъявленіе ему объ откупѣ, укоряетъ ее вмѣсто защищенія колонистовъ утѣсненіемъ колонистскихъ правъ и вольности, а на послѣдокъ, 3-е, прося о увѣдомленіи, гдѣ обѣщанною рыбною ловлею пользоваться, съ язвительною насмѣшкою представляетъ, что на степи де рыбы ловить нельзя.

Выше сего въ описаніи и въ примѣчаніи на сей меморіалъ какъ утверждаемое имъ право опровергнуто, такъ и о истинѣ учиненного имъ, Гогелемъ, грабительства изъяснено, а здѣсь за нужно почелъ показать неосновательность утвержденія его о обѣщаніи самой рыбной ловли, то есть рѣкъ и озеръ, по той причинѣ, что въ насмѣшку сказанные имъ слова о обѣщаніи рѣкъ и озеръ съ перваго взгляду въ глаза кидаются; но въ самомъ дѣлѣ, какъ точныя слова гласятъ въ контрактѣ и формѣ, обѣщаніе сіе заключаетъ въ себѣ условіе такое, что рыбныя ловли имѣть дозволяется тогда только, когда на отведенной вызывателю въ собственное владѣніе землѣ такія рыбныя рѣки и озера окажутся, кои не на оброкѣ и въ откупы не отдаются, а отнюдь не такія земли имъ отвести обѣщано, въ коихъ бы рѣки и озера съ свободною въ нихъ рыбы ловлею неотмѣнно находились, потому что и обѣщать сего было нельзя; есть-ли такъ криво толковать дозволяется, какъ учинилъ Гогель, то всѣхъ почти колонистовъ переселить доведется, ибо весма малому токмо числу оныхъ такія угодьи достались; слѣдовательно тѣ его слова, что на степи рыбы ловить нельзя, болѣ ничего не значатъ, какъ токмо злохитрую выдумку, чтобъ тѣмъ чувствительнѣе здѣлать обиду, нанесенную имъ симъ меморіаломъ господину майору фонъ Данненштерну.

Что кантора мимо его, Гогеля, посылаетъ къ форштегерамъ указы.

Въ осмомъ меморіалѣ укоряя онъ, Гогель, кантору тѣмъ, что она мимо его къ форштегерамъ посылаетъ указы, а особливо что не ему, но россійской службы капитану Дитмарну препоручила деньги на заплату приторговываемыхъ колонистами лошадей, угрожаетъ, что просить о томъ будетъ на кантору удовольствія въ надлежащемъ мѣстѣ.

Сія его укоризна и угроза хотя съ перваго взгляда никакой важности въ себѣ не заключаетъ, но въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ онъ, Гогель, и за сей поступокъ наказаніе потому, 1-е, что кантора чрезъ его, Гогеля, опредѣленія свои колонистамъ объявлять нипочему обязана не была, и слѣдовательно присвоилъ себѣ сіе право самовластно, 2-е, что кантора имѣла важную причину перестать объявлять чрезъ него колонистамъ опредѣленія свои и канцелярскія затѣмъ, что примѣтила чинимыя имъ при сихъ объявленіяхъ развратныя оныхъ толкованія, 3 е, а въ разсужденіи непорученія ему казенныхъ денегъ, за что онъ, Гогель, наиболѣе вознегодовалъ, не могла ему кантора въ нихъ повѣрить, не наруша своей должности, примѣтя и видя столь многократно чинимыхъ злоупотребленій корысти ради, а сверхъ того и указы канцелярскія обязывали къ тому кантору, чтобъ интересъ казенный наблюдаемъ былъ самою ею и чрезъ подчиненныхъ ей офицеровъ въ службѣ ея императорскаго величества находящихся, имѣя смотрѣніе въ томъ и за самими вызывателями: слѣдовательно, укоризна его, Гогеля, и угроза канторѣ и въ семъ случаѣ клонилась къ опроверженію установленного токмо порядка и къ присвоенію себѣ такихъ преимуществъ, чрезъ кои надѣялись удобнѣе корыстоваться, а колонистовъ содержать въ наложенномъ имъ самовластно тягостномъ ярмѣ порабощенія, кое имъ наложено было учиненною собою юрисдикціею.

О розданномъ Гогелемъ колонистамъ казенномъ сѣнѣ.

Въ девятомъ и послѣднемъ обидномъ своемъ для канторы меморіалѣ на требованіе канторское отъ него, Гогеля, о розданномъ имъ колонистамъ казенномъ сѣнѣ росписокъ и для чего онъ за оное себѣ деньги вычиталъ изъ опредѣленной и выданной колонистамъ на пропитаніе суммы, отвѣтствуетъ онъ, Гогель, что будто за дальностію того въ роздачу назначеннаго сѣна возить было нельзя и что будто не имѣющимъ онаго колонистамъ давалъ онъ сѣно, забирая у другихъ имѣющихъ онаго во излишествѣ, а между тѣмъ насмѣхается искуснымъ образомъ, какъ изъ самого экстракта въ приложеніи подъ № 19 усматривается, канторскому распоряженію, потому что укоряетъ кантору, что будто она какъ до того времяни противъ дирекціи вызывательской какъ тайно, такъ и явно съ непозволительною хитростію и лукавыми ухватками поступала, такъ же и въ семъ случаѣ прилагается пріятнѣйшее попеченіе о употребленіи противъ дирекціи крючковъ.

Хотя выправка Гогелева довольно ясно опровергается и тѣмъ однимъ, что колонисты сами, какъ выше объявлено, требуютъ за вычтенные у нихъ деньги за казенное сѣно тысячи ста девятнадцати рублевъ, однакоже по причинѣ многихъ, хотя явно поклепныхъ, на кантору отъ него, Гогеля, подозрѣній велѣно прежде о семъ изслѣдовать. Я съ моей стороны о присвоеніи Гогелемъ помянутой за сѣно суммы въ корысть его не сумнѣваюсь, а объявляю о томъ здѣсь для того, что и сей одной ухватки весма довольно для доказательства ненасытнаго дирекціи вызывательской корыстолюбія и для оправданія канторы, какъ то въ восмомъ меморіалѣ означено, въ томъ, что она имѣла достаточную причину Гогелю не вѣрить, хотя бъ онъ и право имѣлъ получать деньги изъ казны для нуждъ колонистскихъ выданныя, впрочемъ же насмѣшкою и порицаніемъ канторѣ крючками и лукавыми ухватками нанесенная ей обида весма явственна, и можно-ль сіе сносить безъ возмездія? я оставляю на

разсужденіи канцеляріи опекунства иностранныхъ, а яснѣе, какъ самые ложные выправки, такъ и опроверженіе оныхъ, можно видѣть въ самомъ оного меморіала экстрактѣ и учиненномъ мною на ономъ примѣчаніи.

Примѣчаніе.

Вотъ плоды хвалимаго столь много самимъ вызывателемъ Леруа къ услугамъ Россіи усердія, честныхъ и благонамѣренныхъ поступковъ его, и превосходныхъ дарованій, о коихъ въ обидномъ своемъ для канцеляріи подъ № 19 меморіалѣ объявляетъ, что онъ ихъ за дешевую цѣну продать не намѣренъ, и правда, что дорого они казнѣ обошлись, однакоже по истинѣ сказать можно, что лучше еще прибавить, но съ тѣмъ, чтобъ пожаловалъ,—вынесъ ихъ на продажу въ свое отечество или въ какое другое государство, а не здѣсь бы товаромъ симъ промышлялъ. Симъ окончилось описаніе о поступкахъ его, Леруа, канцеляріи и мнѣ понынѣ извѣстныхъ, разсуждая по которымъ думаю, что нѣтъ нужды и во ожиданіи окончанія тѣхъ слѣдствій, кои въ послѣдне-посланныхъ въ кантору и къ ассесору Либгарду указахъ учинить предписано, а можно кажется рѣшить ихъ дѣло и безъ оныхъ, потому что есть-ли дожидаться окончанія сихъ слѣдствій, то онымъ, по мнѣнію моему, конца не будетъ; ибо между тѣмъ не только новыя легко могутъ приключиться въ селеніяхъ явленія, но и по старымъ ожидать надобно новыхъ на слѣдователя ассесора Либгарда подозрѣній; нужды же говорю нѣтъ въ томъ потому наипаче, что взыскать съ вызывателя Леруа и кромѣ причиненныхъ ево повѣреннымъ убытковъ за неимуществомъ его не можно; ибо похищенное давно промотано, а отчасти въ товарахъ и колонистамъ досталось, которые, по силѣ воспослѣдовавшей отъ ея императорскаго величества на докладъ о подложномъ колонистами провозѣ вызывательскихъ товаровъ конфирмаціи, имъ ни денегъ, ни товаровъ, какъ извѣстно, не возвратили; по правдѣ же и правосудію, какъ то мнѣ кажется, права своего Леруа на контрактахъ, канцеляріею опекунства иностранныхъ съ нимъ заключенныхъ, удержать никоимъ образомъ не можетъ, а буде пожалуетъ его тѣмъ ея императорское величество, изъ высочайшей своей милости и щедроты простя въ винахъ его, то въ то время кончатся, уповаю, всѣ тѣ слѣдствія либо тѣмъ же самымъ прощеніемъ, или собственнымъ его признаніемъ, ибо тогда выправокъ ему столь ухищренныхъ и дѣлать не будетъ нужды; впрочемъ все сіе оставляю на разсмотрѣніе и благоизобрѣтеніе канцеляріи опекунства иностранныхъ.

Описаніе

поступковъ вызывателя Дебофа, товарыща Прекуртова, въ самыхъ новозаведенныхъ селеніяхъ.

О поступкахъ Дебофа въ колоніяхъ.

Сей человѣкъ отправленъ былъ въ Саратовъ по собственному сво обще и товарыщами Дотерива и Прекурта прошенію, съ набранными сими вызывателями колонистами еще по первому контракту, заключенному въ Парижѣ княземъ Голицынымъ въ

изходѣ 764 года, но поссорившись съ колонистами своими онъ, Дебофъ, въ Москвѣ и побоясь угрозъ ихъ убивствомъ, остался въ помянутой столицѣ, прося канцелярію не только о посылкѣ въ Саратовъ на его мѣсто товарыща его Дотерива, но и вовсе о уволненіи ево отъ обязательствъ, признавая за невозможное безъ большой ссуды исполнить оное свое обязательство, касающееся до заведенія колоніи; но какъ товарыщъ его, находившійся тогда въ Петербургѣ, Дотеривъ не хотѣлъ согласиться на уволненіе его до тѣхъ поръ, покуда они положенное по контракту число ста семей не вызовутъ и ращота съ канцеляріею не учинятъ, представляя, что де мы, какъ извѣстно канцеляріи, учинили взаимное между собою обязательство, чтобъ Прекурту набирать людей, а мнѣ остаться въ Петербургѣ для корреспонденціи, а Дебофу упражняться при колоніяхъ въ распоряженіяхъ сельскихъ; почему и опредѣлено было канцеляріею выслать ево Дебофа изъ Москвы въ Саратовъ, придавъ ему тамо для безопасности салвогвардію, покуда въ ней нужда будетъ, а виноватыя колонисты наказаны тюрмою.

И такъ пріѣхавъ онъ, Дебофъ, въ половинѣ 765 года въ Саратовъ, находится тамъ и понынѣ, и хотя столь наглыхъ продерзостей, какъ объявлено о повѣренномъ вызывателя Леруа иностранцѣ Гогелѣ, онъ, Дебофъ, не учинилъ, однакоже изъ нижеслѣдующаго ясно видно, что и его поведеніе такого руководства колонистамъ въ сельскомъ хозяйствѣ не обѣщаетъ, какого отъ нихъ канцелярія ожидала, а именно:

Дебофъ требовалъ дозволенія для колонистовъ ево вызову строить каменные домы.

первое дѣло, за которое онъ, Дебофъ, принялся, состояло въ томъ, что требовалъ онъ отъ Саратовской канцеляріи, которой поручено было тогда главное надъ колонистами смотрѣніе, чтобъ дозволила ему для вызванныхъ товарищемъ ево колонистовъ строить каменные домы, и увѣривъ оную канцелярію, что каждой домъ обойдется не болѣе какъ во сто десять рублевъ, получилъ себѣ желаемое дозволеніе, и пользуясь нерадѣніемъ саратовской канцеляріи о исполненіи своей должности, которая не имѣла за нимъ никакого присмотра, забравъ въ разныя времена до трехъ тысячъ девятисотъ рублевъ казенныхъ денегъ, не построилъ до учрежденія канторы опекунства иностранныхъ, безъ мала чрезъ два года, болѣе двухъ домовъ, да заготовленныхъ матеріаловъ канторою найдено только на тринатцать такихъ же домовъ, а между тѣмъ, хотя и представлялъ онъ, Дебофъ, что въ прежнемъ своемъ исчисленіи ошибся, однакоже и по прибавкѣ довольной цѣны на каждой домъ, сверхъ собственного ево вторичного исчисленія, столь же мало обѣщаніе свое исполнилъ, какъ и прежде, и отказавшись напослѣдокъ отъ сего строенія вовсе, явно солгалъ канторѣ въ томъ, что будто на всѣ достальные въ тритцать домовъ матеріялы у него въ готовности находятся; коихъ однакоже, какъ и выше значитъ, на тринатцать только найдено; почему и принуждена была кантора достраивать изъ тѣхъ оставшихся матеріаловъ домы колонистамъ подъ своимъ уже смотрѣніемъ чрезъ подчиненныхъ ей офицеровъ, а между тѣмъ считала его какъ въ полученныхъ отъ Саратовской канцеляріи, такъ и въ выданныхъ отъ себя уже деньгахъ, потому что по вступленіи канторы въ правленіе удалось ему и у оной на окончательную достройку оныхъ домовъ выпросить тысячу рублевъ, увѣривъ ложно, какъ уже объявлено, будто всѣ матеріалы готовы, однакоже изъ сихъ денегъ утраты никакой не послѣдовало, потому

что препоручены оныя были при строеніи находящемуся афицеру. Всѣ сіи ложныя увѣренія произходили отъ него ради пріобрѣтенія себѣ корысти, потому что по ращету съ нимъ остался онъ казнѣ долженъ двѣ тысячи триста девяносто четыре рубли дватцать двѣ копѣйки.

Второе, извѣрясь по сему случаю кантора въ немъ, Дебофѣ, перестала производить чрезъ него во избѣжаніе излишнихъ хлопотъ какъ кормовыя колонистамъ, такъ и ссудныя деньги, а особливо по причинѣ колонистскихъ на него жалобъ и отрицанія быть подъ его управленіемъ, какъ о томъ въ приложеніи подъ № 20 явствуетъ, но и онъ, Дебофъ, съ своей стороны въ поведеніи своемъ, которое по засвидѣтельствованію канторскому до сего случая было кротко, перемѣнился же; ибо съ сего самого времени начали и отъ него происходить разныя представленія и жалобы не только на колонистовъ, но и на самое кантору и всегда подъ тѣмъ видомъ, якобы кантора ему недоброходствуетъ и старается уничтожить право его и его товарищей, отнимая данную будто бы отъ ея императорскаго величества вызывателямъ во правленіи колонистами власть, которая состоитъ только въ его хотѣніи и воображеніи, а именно:

Объ отрицаніи колонистовъ быть подъ управленіемъ Дебофа.

3, поданнымъ въ контору меморіаломъ отъ 19 декабря прошлаго 768 года на Всевысочайшее ея императорскаго величества имя представилъ, 1-е, коимъ образомъ ласкалъ онъ себя тою надеждою, чтобъ контрактъ имъ съ канцеляріею заключенной и договоры съ колонистами служить будутъ основаніемъ власти вызывательской и правиломъ поведенія какъ присутственныхъ мѣстъ, такъ и вызывателей, однакоже де въ самомъ дѣлѣ въ надеждѣ сей я весьма обманулся, потому что де какъ Саратовская канцелярія, такъ и учрежденная потомъ кантора никогда не могли принять твердой въ томъ резолюціи, чтобъ оставить вызывателей при данданныхъ имъ правахъ и власти, но вмѣсто де того нетолько совсѣмъ тому противно поступали они, но и самой высочайшей ея императорскаго величества манифестъ и обязательства колонистскія съ вызывателями канторскими поступками уничтожены, приводя сему въ доказательство только то одно, что указы изъ канторы присланы были прямо къ нему, Дебофу, только по 22 февраля 767 года, а послѣ того присылаемы уже были къ форштегерамъ; и такъ де съ того времяни вызыватели зделались безъизвѣстными, отчего де и послѣдовало, что колонисты стали роптать на вызывателей и отказываться отъ своихъ обязательствъ, присвояемую же власть, во-первыхъ, утверждаетъ 6-мъ пунктомъ манифеста, коимъ учрежденіе внутренней юрисдикціи оставлено на волю самимъ колонистамъ, во-вторыхъ тѣмъ, что во всѣхъ колонистскихъ контрактахъ до полиціи касающіяся распоряженія здѣлать оставили сами колонисты на волю вызывателямъ съ тѣмъ только, чтобъ распоряженіи сіи напередъ апробованы были канцеляріею опекунства иностранныхъ.

Поданное Дебофомъ на Высочайшее имя въ кантору прошеніе.

Учрежденная въ Саратовѣ кантора, не слыхавъ отъ него до сего времяни никакихъ на себя нарѣканій, изъясняла ему, 1-е, что указомъ канцеляріи опекунства иностранныхъ предписано канторѣ управлять всѣми колонистами безъ изъятія и всякія распорядки и главное надзираніе имѣть во всѣхъ селеніяхъ, доколѣ внутренняя юрисдикція сочинена и правительствомъ утверждена, а вызывателямъ власть опредѣлена не будетъ; 2-е, что кантора его, Дебофа, отъ смотрѣнія за своими коло-

нистами и руководства ихъ отнюдь не отрѣшаетъ и не нарушаетъ тѣмъ правъ вызывательскихъ, что перестала къ нему насылать указы по причинѣ приносимыхъ отъ колонистовъ на него, Дебофа, и его товарищей разныхъ жалобъ и отрицанія быть подъ ихъ управленіемъ, 3-е, что самыя заключенныя вызывателями съ колонистами контракты канцеляріею еще не апробованы, но, сколько канторѣ извѣстно, имѣетъ канцелярія о дѣйствительности самыхъ тѣхъ контрактовъ сомнѣніе; и такъ надѣялась кантора сими и многими другими изъясненіями склонить его, Дебофа, къ спокойному ожиданію рѣшенія сего дѣла, но тщетно, потому что, какъ ниже явствуетъ, подалъ онъ другой меморіалъ, наполня многими жалобами и нареканіями на кантору, требуя, чтобъ всѣ тѣ его, Дебофа, жалобы не только отосланы были въ канцелярію опекунства иностранныхъ, но и вручены бъ были ея императорскому величеству.

Изъ самыхъ канторскихъ изъясненій довольно уже усмотрѣть можно, что инако ей слыша при томъ не только отрицаніе колонистовъ отъ управленія вызывательскаго, но и видя особливо весма худой успѣхъ распоряженій ево, Дебофа, въ колоніяхъ, о чемъ особливо кантора неоднократно и репортовала, не можно ей было инако и поступить для успокоенія колонистовъ, какъ посылать о всякихъ касающихся до нихъ дѣлахъ указы выбраннымъ самими ими ихъ начальникамъ по собственному ихъ требованію, а власти вызывателямъ надъ колонистами и донынѣ никакой еще, за неоканчаніемъ ихъ дѣла, не дано. Въ контракты, заключенные съ колонистами, они, вызыватели, слова о сочиненіи внутренней юрисдикціи и полицейской должности внесли противно своему обязательству; ибо въ контрактѣ ихъ дозволено имъ только сочинить распоряженія о лѣсахъ и другихъ всякихъ угодьяхъ, власти же предписать себѣ имъ ни самимъ имъ, ниже колонистамъ дать имъ оную надъ собою не можно, да и совсѣмъ нескладно, а хотя бы и въ самомъ дѣлѣ дозволено сіе было или толкованіе-бъ ево 8-го пункта за правильное признано было, въ коемъ между протчимъ сказано, что „колонисты во всемъ должны поступать по заключеннымъ ими съ вызывателями контрактамъ“, разумѣя подъ тѣмъ Дебофъ чрезъ сочиненіе полицейскаго устава и данную колонистами надъ собою власть, то и тогда бы утвержденіе его было неправильно потому одному, что канцелярія полицейскаго устава и юрисдикціи еще не апробовала, а что касается до невступательства коронным начальникамъ во внутреніе распорядки, какъ о томъ манифестомъ предписано, то во оныя, по сочиненіи внутренней юрисдикціи, концелярія не только сама вступать не намѣрена, но и другихъ вступаться не допуститъ, кромѣ того только, что смотрѣть будетъ за всѣми колонистами, такъ ли они исполнятъ станутъ, какъ оною юрисдикціею или полицейскимъ уставомъ предписано будетъ, къ чему канцелярія въ разсужденіи всѣхъ ей подчиненныхъ колонистовъ имѣетъ право и должность; самое же сочиненіе сего устава, а паче утвержденіе оного принадлежитъ единственно и зависитъ отъ власти ея императорскаго величества, а въ подтвержденіе сего мнѣнія своего ссылаюсь на высочайшую конфермацію ея и-го величества, воспослѣдовавшую въ 764 году на докладъ Правительствующаго Сената по вступившему отъ президента канцеляріи опекунства иностранныхъ доношенію, въ которомъ между протчимъ имянно написано, „чтобъ внутреннюю для колонистовъ юрисдикцію, сочиненную самими колонистами, по разсмотрѣніи оной на-

передъ, или сочиня оную самой канцелярiи по соглашенiи на то колонистовѣ, для разсмотрѣнiя въ Сенатъ представить". 2-е, другая жалоба, изображенная въ томъ же мемоpiалѣ, состоитъ въ томъ, что кантора при прочтенiи колонистамъ сочиненныхъ ею для нихъ внутреннихъ уставовъ, къ чему онъ, Дебофъ, приглашенъ былъ, не слыхалъ, чтобъ упоминалось что-либо о власти вызывательской, а только объ однихъ окружныхъ комисарахъ и форштегерахъ, отчего де и произошло, что форштегеры, пользуясь симъ случаемъ, отреклись отъ всякаго вызывателямъ своимъ повиновенiя, а офицеры де, правящiя комисарскую должность, учреждены совсѣмъ не въ такой силѣ, какъ Дебофъ требовалъ, чрезъ что де отнята вовсе принадлежащая вызывателямъ власть, яко главнымъ надъ ними директорамъ, даже до того, что какъ въ ближнiя мѣста на малое время, такъ и въ дальнiе отпускаются колонисты, испрашивая себѣ билеты и пашпорты отъ окружныхъ комисаровъ, а не отъ него, Дебофа, да и дѣвокъ де выдаютъ изъ ево колонiи въ замужество безъ его-жъ вѣдома; а протчiя въ семъ мемоpiалѣ разсѣянныя жалобы—подобнаго сему содержанiя, но гораздо меньшей важности, коихъ и самъ онъ, Дебофъ, столь много, какъ объявленныхъ, не уважаетъ.

Упоминаемая Дебофомъ сочиненная канторою временная юрисдикцiя нынѣ уже канцелярiею опекунства иностранныхъ исправлена и апробована подъ имянемъ инструкцiи, дабы до тѣхъ поръ, пока колонисты не придутъ въ такое состоянiе, что всѣ до единаго собственное отъ трудовъ своихъ пропитанiе имѣть будутъ, нравы ихъ совершенно извѣданы, и больше ко внесенiю въ ихъ юрисдикцiю случаевъ не откроется, а вызывательскiя дѣла рѣшены и власть ихъ надъ колонистами точно означена не будетъ, посредствомъ оной инструкцiи удержать было можно всѣхъ колонистовъ въ надлежащемъ порядкѣ, а что не упоминалось во оной, какъ Дебофъ представляетъ, о власти вызывательской, оное потому, что канцелярiи не только въ разсужденiи неудовольствiя колонистовъ на вызывателей, но и потому, что не зная, останутся ли они при присвояемомъ ими правѣ, и предписать имъ того не могла, о комисарахъ же упоминалось только то одно, что до ихъ токмо касалось должности, сирѣчь какимъ образомъ они за цѣлымъ приходомъ или округомъ смотрѣть, а форштегеры имъ о всѣхъ приключенiяхъ репортовать должны, а отнюдь не въ томъ, чтобъ комисары сiи имѣли какую нибудь власть и право вступаться въ какiе либо внутреннiе колонистовъ разпоряженiя или давать судъ и расправу въ такихъ дѣлахъ, которыя отданы во власть собственнымъ ихъ начальникамъ; паспорты же колонистамъ давать какъ форштегерамъ, такъ и самимъ вызывателямъ совсѣмъ неприлично, да и дѣйствительными такiе пашпорты быть не могутъ не только потому, что на иностранныхъ языкахъ написаны будутъ, которыхъ немногiе внутрь Россiи знаютъ, но и потому, что подпискамъ вызывательскимъ никто вѣрить не будетъ, а въ дальнiя мѣста и природныя россiйскiя крестьяня, какъ государственныя, такъ и помѣщичьи, берутъ всегда изъ канцелярей печатныя паспорты; чтожъ принадлежитъ до отдачи изъ его колонiй дѣвокъ безъ вѣдома ево, въ томъ онъ, Дебофъ, какъ о томъ главной канторы опекунства иностранныхъ судья господинъ брегадиръ Резановъ писменно объявилъ, солгалъ. И такъ не трудно, уповаю, изъ всего объявленнаго усмотрѣть, что истинная причина перемѣнѣ поведенiя своего вызывателемъ Дебофомъ есть не

иное что, какъ учиненное канторою прекращеніе тѣхъ способовъ, помощію которыхъ удалось ему прежде получать въ свои руки и употреблять на свои росходы казенныя деньги; ибо жалобы колонистскіе на него и его товарыщей начались, какъ выше упомянуто, съ самого колонистовъ въ 764 году съ нимъ, Дебофомъ, отправленія, и продолжались оные непрерывно по сіе время, а кантора, сколько по дѣламъ извѣстно, вмѣсто того, чтобъ стараться о уничтоженіи правъ вызывательскихъ и власти ихъ, старалась всегда по предписаніямъ канцелярскимъ о удержаніи колонистовъ до рѣшенія дѣла, сколько ей возможно было, въ послушаніи противъ вызывателей.

4-е, въ другомъ своемъ меморіалѣ вызыватель Дебофъ, поданномъ 10-го генваря сего года, упоминая о тѣхъ-же самыхъ въ первомъ своемъ меморіалѣ жалобахъ, укоряетъ кантору, угрожая ее принесеніемъ самой ея императорскому величеству на нее жалобы, недачею ему, яко свободному человѣку, въ Санктъ-Петербургъ пашпорта и возбужденіемъ колонистовъ къ упрямству и вредительнымъ оттого произшедшимъ слѣдствіямъ, представляя въ примѣръ, 1-е, что пожитки сиротъ, у коихъ родители померли, не отданы ему въ руки, 2-е, что будто бѣдные сіи дѣти оставлены безъ пропитанія и безъ обученія христіанской вѣры, и что многіе будто колонисты, отъ пресѣченія ему отъ управленія способовъ, бродятъ по колоніямъ, прося милостыни.

Кантора пашпорта ему не дала отговорясь, что безъ позволенія канцелярскаго учинить сего не смѣетъ, что̀, по мнѣнію моему, учинено ею напрасно, наипаче потому, что подала чрезъ то поводъ на себя къ подозрѣнію въ томъ, будто бы въ самомъ дѣлѣ оказала ему какое либо неправосудіе, протчіе же жалобы его въ семъ меморіалѣ столько жъ неосновательны, какъ и въ прежнемъ; ибо послѣ умершихъ колонистовъ дѣти отдавались на воспитаніе другимъ колонистамъ, также и пожитки ихъ на сохраненіе симъ воспитателямъ съ росписками, въ силу канцелярскаго опредѣленія; въ вѣрѣ же наставленіе преподавать и грамотѣ учить велѣно опредѣленнымъ кистерамъ, которые хотя въ разсужденіи непостроенія нарочныхъ училищъ и домовъ кистерскихъ по надлежащемъ во обученіи дѣтей по желанію успѣвать еще и не могутъ, но по меншой мѣрѣ преподаютъ оное лутче, нежели бы Дебофъ отъ себя учинить то былъ въ силахъ; а о нищенствующихъ колонистахъ, по объявленію господина брегадира Резанова, вовсе онъ солгалъ, умалчивая уже о томъ, что онъ, Дебофъ, прежде въ нищіе пустить, нежели обогатить своихъ колонистовъ въ силахъ.

Однимъ словомъ, нѣтъ ни малой надежды ко ожиданію впредь и отъ сего товарищества вызывателей пользы, а развѣ вящихъ убытковъ и излишнихъ токмо постановленнымъ надъ колонистами правительствамъ хлопотъ и вредныхъ въ новыхъ селеніяхъ замѣшательствъ.

(Архивъ Министерства Земледѣлія и Госуд. Имуществъ, № 25.838. 1769 г.

Archives du Ministère de l'Agriculture et des Domaines de l'Etat à St. Pétersbourg, № 25.838).

№ 33. Указъ канцеляріи опекунства иностранныхъ въ экспедицію означенной канцеляріи.

Oukase de la Chancellerie de Tutelle à l'Expédition de ladite Chancellerie.

По указу ея и—го в—ва канцелярія опек. ин. по репорту оной экспедиціи, при коемъ представила поданной во оную отъ вызывателя колонистовъ барона де Борегарда меморіалъ о дозволеніи ему въ отведенной подъ поселеніе вызову ево колонистовъ колоніи построить для Россійскихъ работныхъ людей и торгующихъ купцовъ церковь, приказали: ему, барону Борегарду, въ просьбѣ ево отказать, для того, что главнѣйшее попеченіе канцеляріи опек. ин. состоитъ въ построеніи домовъ колонистамъ изъ перво-приготовленныхъ матеріаловъ, а далѣе—кирокъ въ главныхъ селеніяхъ, а потомъ уже, есть-ли надобность потребуетъ быть и Россійскимъ церквамъ, то и сего исполнить безъ напоминанія его не упустить, о чемъ во оную экспедицію послать указъ. Августа 11-го дня 1767 года.

Василей Баскаковъ.
Секретарь Иванъ Нордстетъ.
Подканцеляристъ Михайла Титовъ.

(Архивъ Министерства Земледѣлія и Госуд. Им., № 25.697, листъ 137.

Archives du Ministère de l'Agriculture et des Domaines de l'Etat, № 25.697, folio 137).

Renseignements sur les colonies près Saratof (№№ 34—36).

№ 34. Извѣстіе о поселеніяхъ колонистскихъ около Саратова (отъ 2-го мая 1771 г.).

Всѣхъ колонистовъ хлѣбопашцовъ дѣйствительно поселено, сколько ихъ и нынѣ на лицо находится . . . . 6229 семей.

Которые жительство имѣютъ во 103-хъ мѣстахъ или колоніяхъ около Саратова по обѣимъ сторонамъ рѣки Волги.

Домовъ жилыхъ для нихъ построено было по 768-й годъ . 3453.

А пристроекъ къ тѣмъ домамъ, т.-е. амбаровъ и хлѣвовъ, по то время не болѣе 1000 было сдѣлано затѣмъ, что главная тогда нужда состояла въ жилыхъ покояхъ.

По прошествіи 767-го года узнавъ канцелярія учиненныя по коммиссіи г-на Дурново опыты, сколь великимъ трудностямъ подвержено доставленіе лѣсовъ рѣкою Волгою по причинѣ перемѣны ея ходу и бываемыхъ часто сильныхъ погодъ, которыя не только згонкѣ лѣсовъ препятствуютъ, но и совсѣмъ разбиваютъ оныя, опредѣлила въ томъ

году построить токмо 600 связей или 1200 домовъ; но какъ и на толикое число матеріаловъ поставить не удалось, ибо всѣ почти оно бывшими въ томъ году бурями розбиты и по берегамъ были разнесены, то и построено было въ томъ году токмо 998 домовъ, что и учинитъ съ прежде построенными 4451

А въ 769-мъ году, не имѣя уже болѣе канцелярія надежды о доставленіи розбитыхъ и разнесенныхъ по берегамъ лѣсовъ, отыскала подрядчиковъ на 1294 дома и то съ такимъ договоромъ, чтобъ выстроить имъ помянутое число въ три года, а не прежде, причиною же такому подряду, какъ подрядчики при договорахъ представили, есть ихъ доставленія въ Саратовъ лѣсовъ, почему они, подрядчики, и не обязались, чтобъ по равному числу построить каждой годъ, а обнадеживали только, что есть-ли благополучна сгонка будетъ, то они и прежде того времяни помянутое число домовъ выстроить постараются: и такъ, полагая выстроенными понынѣ по сему подряду двѣ трети изъ оного числа, т.-е. 862 дома, какъ то бывши здѣсь г-нъ бригадиръ Резановъ подтвердилъ, что оныхъ столько выстроено, совершенно готовыхъ домовъ нынѣ построено 5313

Что принадлежитъ до пристроекъ, которыхъ сначала весьма мало было выстроено, но въ сіи послѣднія три года т.-е. въ 768, 769 и 1770 мъ построено оныхъ, считая и съ прежде выстроенными. . 4851

Да въ нынѣшнемъ году подряжено построить 300, а о построеніи достального числа, т.-е. 1078 пристроекъ, велѣно канторѣ сыскать на мѣстѣ подрядчиковъ, примѣняясь къ послѣднему подряду, ибо здѣсь оныхъ болѣе не отыскалось.

И такъ жилыхъ домовъ, противъ числа семей непостроенныхъ понынѣ 916,
въ томъ числѣ неподряженныхъ 485

Выстройкою сего послѣдняго числа, какъ жилыхъ домовъ, такъ къ нимъ и пристроекъ, торопиться канцелярія не намѣрена для того, во-первыхъ, что много есть одинакихъ семей, т.-е. не только такихъ, кои состоятъ изъ мужа и жены, но и безжённыхъ хлѣбопашцовъ, которые причислены къ другимъ семьямъ; во вторыхъ, для того, что нѣсколько есть и такихъ, которые за непостоянство отданы въ работники добропорядочнымъ и, слѣдовательно, для всѣхъ таковыхъ, пока одни не женятся, а другіе не исправятся, особыхъ домовъ строить нѣтъ нужды.

Сверхъ сего построено, какъ то по изустному г-на бригадира Резанова объявленію канцеляріи извѣстно, 12 кирокъ и толикое-жъ число пасторскихъ домовъ и школъ, а построить еще осталось 3 кирки и столько-жъ пасторскихъ домовъ, ибо всѣ колоніи раздѣлены по ихъ мѣстоположенію на 15 приходовъ.

(Государственный Архивъ.

Archives de l'Etat à St.-Pétersbourg).

№ 35. Изъ канцеляріи опекунства иностранныхъ учрежденному къ принятію на всевысочайшее ея и—о в—ва имя челобитенъ г-ну коллежскому совѣтнику Козицкому

Извѣстіе.

Минувшаго мая 2-го дня сего 1771-го году по требованію вашего высокоблагородія дано вамъ изъ канцеляріи оп. ин. извѣстіе къ свѣдѣнію ея и—о в—ва о поселенныхъ около Саратова колонистахъ и о построенныхъ для нихъ домахъ, также о киркахъ, пасторскихъ домахъ и о школахъ такого содержанія,—за неполученіемъ тогда изъ канторы опекун. ин. достовѣрнаго увѣдомленія,—что хлѣбопашцевъ во 103-хъ мѣстахъ дѣйствительно поселено 6229 семей, и что построено для нихъ жилыхъ домовъ 5313, пристроекъ 4851, кирокъ — 12, пасторскихъ домовъ и школъ по толикому-жъ числу; а нынѣ, по истребованіи отъ канторы извѣстія, оказалось:

хлѣбопашцовъ дѣйствительно въ поселеніи состоитъ 6242 семьи, для нихъ по 771-й годъ построено жилыхъ домовъ 5845, въ тѣхъ домахъ пристроекъ 8417; къ тому въ добавокъ построить подряжено, и нынѣшнимъ годомъ точно выстроится, жилыхъ домовъ 176, пристроекъ 1032, болѣе же сего строить, какъ въ прежде данномъ вашему высокоблагородію извѣстіи явствуетъ, нужды не предвидится. Сверхъ того построено кирокъ 12, пасторскихъ домовъ 13, школъ 13.

Сентября 12 дня 1771 году.

Секретарь Иванъ Ананьевской.

(Государственный Архивъ.
Archives de l'Etat à St.-Pétersbourg).

№ 36. Изъ канцеляріи окекунства иностранныхъ учрежденному къ принятію на всевысочайшее ея и — о в — ва имя челобитенъ г-ну коллежскому совѣтнику Козицкому

Извѣстіе.

Присланнымъ отъ вашего в—дія сего февраля отъ 8-го, а въ канцеляріи оп. ин. полученнымъ 11-го числъ запросомъ требовано извѣстія: 1-е), до нынѣшнихъ-ли наличныхъ или до будущихъ колонистовъ саратовскихъ относится въ присланномъ изъ канцеляріи опек. ин. къ вамъ сентября 12 дня 1771-го году извѣстіи прописанныя въ концѣ слѣдующія слова: болѣе же строить нужды не предвидится? 2-е), есть-ли колонисты будутъ въ Россію пріѣзжать сами, какое въ канцеляріи опек. ин. положеніе о томъ сдѣлано, какъ принимать ихъ, и опредѣлено-ли ихъ число на годъ, или нѣтъ? 3-е), всѣ-ли и Борегардовы колонисты обстроены?

Напротивъ сего требованія канцелярія оп. ин. симъ вашему в—дію сообщаетъ: на 1-е), что вышеобъявленныя написанныя въ прежнемъ извѣстіи слова касаются единственно токмо до тѣхъ колонистовъ, кои по то время дѣйствительно на мѣстѣ поселенія состояли, а не до тѣхъ, которые послѣ сего выѣхали и впредь выѣзжать будутъ, для коихъ строеніе производить непремѣнно долженствуетъ; на 2-е), о выѣзжающихъ собою колонистахъ, послѣ воспослѣдованія высочайшаго ея и—о в—ва соизволенія о прекращеніи вызова оныхъ, сдѣлано въ канцеляріи опекун. ин. положеніе такое, чтобъ ихъ принимать и отправлять на поселеніе по ихъ желаніямъ, равно какъ и протчихъ прежде выѣхавшихъ собою-же и по вызовамъ на основаніи высочайшаго 1763-го году іюля 22 дня манифеста,—что̀ дѣйствительно и исполняется, ибо помянутымъ высочайшимъ ея и—о в—ва соизволеніемъ прекращенъ единой токмо вызовъ, а собою выѣзжающихъ отвергать не повелѣно; числа же, поскольку въ годъ имъ выѣзжать или по скольку ихъ принимать, не опредѣлено, да и опредѣлить нельзя потому, что выѣзжаютъ они, не давая напередъ знать канцеляріи оп. ин. о намѣреніи своемъ къ выѣзду, а узнаетъ канцелярія опек. ин. о пріѣздѣ ихъ тогда, когда они уже явятся во оную канцелярію и потребуютъ себѣ отправленія на мѣсто поселенія, такъ-же и кормовыхъ денегъ, а посему и выѣзжало ихъ не по равному числу, а имянно: въ 767-мъ г. — 79, въ 768-мъ г. — 12, въ 769-мъ г.—5, въ 770-мъ въ выѣздѣ не было, въ 771-мъ—7, въ 772-мъ годѣхъ—25-ть, итого 128-мь семей, въ нихъ мужеска и женска полу 574 души; на 3-е), выѣхавшихъ подъ имянемъ Борегардовыхъ колонистовъ по іюль мѣсяцъ 771-го года въ поселеніи около Саратова состояло въ двадцати шести колоніяхъ 1417 семей, а къ нынѣшнему 773-му году за разными убылями осталось 1365 семей; въ сихъ колоніяхъ состоитъ жилыхъ домовъ, построенныхъ по 771 годъ—1386, пристроекъ, построенныхъ по 772 годъ: амбаровъ 1233, конюшенъ 1273, да подрядившемуся въ 771-мъ году къ построенію въ три года вообще во всѣхъ саратовскихъ колоніяхъ 800 амбаровъ и толикого-жъ числа конюшенъ подрядчику назначено было въ помянутое количество построить и въ Борегардскихъ колоніяхъ амбаровъ 91, конюшенъ 67, а по присланнымъ изъ канторы опек. ин. отъ 20 дек. 772 года вѣдомостямъ явствуетъ, что у сего подрядчика къ нынѣшнему 773-му году осталось недостроенныхъ въ число всего подряженнаго количества анбаровъ 60, конюшенъ 40, кои въ нынѣшнемъ 773-мъ году дѣйствительно и построены будутъ; а какъ и по выстроеніи сихъ пристроекъ по числу состоящихъ нынѣ на поселеніи колонистовъ доставать не будетъ въ Борегардскихъ колоніяхъ анбаровъ 41, конюшенъ 25-ти, да въ другихъ вызывательскихъ же и коронныхъ колоніяхъ жилыхъ домовъ 185-ти, анбаровъ 700, конюшенъ 578, то о достроеніи сего не оставитъ канцелярія опек. ин. приложить своего старанія, сколь скоро только нѣкоторыя нужныя справки отъ канторы опек. ин. истребованы будутъ.

Февраля 14 дня 1773 года.

(Государственный Архивъ.
Archives de l'Etat à St.-Pétersbourg).

№ 37. Всеподданнѣйшій рапортъ графа Григорія Орлова.

Rapport du Comte Grégoire Orloff à l'Impératrice Catherine II.

Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской

от президента канцеляріи опекунства иностранныхъ всеподаннѣйшій рапортъ.

Сколько въ новозаведенныхъ около Саратова колоніяхъ способныхъ къ произведенію хлѣбопашества и неспособныхъ иностранческихъ семействъ, также мужеска и женска полу душъ, и сколько у нихъ и какого званія скота находится, и по сколку четвертей каждая колонія прошлою осенью по перемолотѣ отъ собственныхъ трудовъ своихъ хлѣба получила, а къ будущему лѣту ржи высѣяно, равнымъ образомъ и коликое число понынѣ колонистскихъ домовъ построено,—о всемъ томъ вашему и—му в—ву всеподданнѣйше подношу при семъ обстоятельную вѣдомость и планъ, какъ всѣмъ колоніямъ вообще, такъ и порознь каждой, съ означеніемъ мѣстоположенія и расположенія самого строенія.

Графъ Г. Орловъ.

Февраля 14 дня
1769 года.

№ 38. Вѣдомость о числѣ способныхъ и неспособныхъ къ хлѣбопашеству колонистовъ, и сколько мужеска и женска пола душъ всего на лицо состоитъ, о находящемся у нихъ всякого званія скотѣ и вымолоченномъ прошлою осенью хлѣбѣ, и сколько четвертей ржи къ будущему лѣту высѣяно, и сколько всего понынѣ домовъ для нихъ построено. Февраля 14 дня 1769 году.

Rapport sur le nombre des colons aptes et inaptes à l' agriculture, sur la quantité effective d'âmes du sexe masculin et du sexe féminin, sur toute espèce de bétail qui se trouve chez eux (les colons), sur le blé battu l'automne dernier, sur la quantité de seigle semé pour l'été prochain, et sur le nombre des maisons construites pour les colons jusqu'à aujourd' hui.

Разстояніемъ отъ Саратова верстъ.	ЗВАНІЕ КОЛОНЕЙ. Коронные.	Въ тѣхъ колоніяхъ семей состоитъ.			Въ тѣхъ селеніяхъ душъ состоитъ.		
		Способныхъ къ хлѣбопашеству.	По свидѣтельству тѣхъ колоней жителей неспособныхъ.	Итого.	Мужеска.	Женска.	Итого.
118	Грязнуха	59	3	62	108	94	202
119	Усть Грязнуха . .	72	1	73	134	113	247
108	Водяной Буеракъ .	29	2	31	51	47	98
63	Сплавнуха. . . .	75	4	79	161	158	319
96	Каменка	98	5	103	187	191	378
105	Пановка	41	—	41	64	72	136
108	Гнилушка	92	5	97	175	142	312
92	Елшанка	34	—	34	54	48	102
118	Семеновка. . . .	48	1	49	96	89	185
112	Илавла.	46	1	47	73	77	150
101	Караульной Буеракъ.	84	2	86	155	134	289
110	Крестовой Буеракъ.	34	2	36	54	58	112
62	Ключи	60	4	64	137	114	251
65	Усть Залиха . . .	84	1	85	175	154	329
58	Савастьяновка . .	56	3	59	116	125	241
57	Голой Карамышъ. .	97	6	103	210	200	410
59	Поповка.	78	1	79	149	139	288
66	Гололобовка . . .	102	4	106	203	181	384
77	Лѣсной Карамышъ .	171	6	177	345	342	687
60	Норка	208	4	212	400	372	772

У нихъ скота состоитъ.					Изъ нажатаго въ прошедшемъ лѣтѣ хлѣба по перемолотѣ.		Прошедшею осенью разсѣено ржи.		Къ жительству построено.		
Лошадей.	Рогатаго. Рабочихъ воловъ.	Рогатаго. Коровъ съ телятами.	Овецъ.	Свиней.	Четверти.	Четверики.	Четверти.	Четверики.	Жилыхъ покоевъ.	Анбаровъ.	Конюшенъ.
117	10	124	—	—	346	2	163	—	48	34	54
158	—	125	24	4	597	5	153	7	36	28	48
58	6	58	3	—	217	2	72	6	32	18	18
177	2	209	222	11	760	4	163	2	60	26	42
179	—	260	12	27	1859	2	260	—	69	10	10
68	2	76	—	—	442	5	62	4	36	32	32
156	2	150	—	—	512	—	230	—	80	26	18
81	—	90	98	—	1746	—	89	7	34	34	34
82	—	89	—	—	173	2	121	5	40	36	44
80	—	59	—	6	518	7	120	1	34	18	32
152	—	147	—	—	225	3	224	3	56	22	30
63	—	55	—	—	144	—	89	7	34	34	34
155	2	148	11	21	842	5	154	7	37	—	—
278	—	144	456	54	1478	1	215	1	37	—	—
155	—	204	—	12	1448	5	115	6	31	—	38
275	2	205	107	17	1527	1	237	4	74	—	—
167	4	167	4	17	694	2	160	—	60	28	66
259	1	290	94	38	2725	5	199	3	57	—	—
417	59	411	240	70	2584	4	379	3	104	16	16
444	40	410	—	7	1361	2	417	6	172	118	168

Разстояніемъ отъ Саратова верстъ.	ЗВАНІЕ КОЛОНЕЙ.	Въ тѣхъ колоніяхъ семей состоитъ.			Въ тѣхъ семьяхъ душъ.		
		Способныхъ къ хлѣбопашеству.	По свидѣтельству тѣхъ колоней жителей неспособныхъ.	Итого.	Мужеска.	Женска.	Итого.
41	Сосновка	91	5	96	199	205	404
60	Ягодная Поляна. .	83	—	83	167	145	312
44	Таловка	76	—	76	144	154	298
131	Нижняя Кулалинка.	51	3	54	122	97	219
133	Нижняя Добринка .	63	22	85	168	155	323
127	Верхняя Добринка .	28	3	31	71	53	124
126	Буйдаковъ Буеракъ.	44	—	44	81	77	158
115	Щербаковка . . .	45	3	48	109	87	196
102	Линево Озеро. . .	108	10	118	240	198	438
91	Крестовой Медвѣдицкой Буеракъ . .	103	12	115	215	210	425
88	Гречина Лука . . .	90	9	99	188	194	382
83	Песковатка . . .	21	2	23	62	45	107
30	Краснояровка. . .	106	6	112	190	185	375
35	Подстепная. . . .	53	12	65	141	85	226
40	Усть-Караманъ . .	20	13	33	52	55	107
45	Телауза	35	1	36	67	65	132
33	Звонаревка . . .	18	6	24	41	39	80
34	Звонаревъ Кутъ. .	31	13	44	76	76	152
33	Луговая Грязнуха .	16	19	35	70	57	127
31	Старица	53	4	57	115	107	222
123	Верхняя Кулалинка.	44	1	45	105	85	190
	Итого коронныхъ.	2747	199	2946	5670	5224	10894

У нихъ скота состоитъ.					Изъ нажатаго въ прошедшемъ лѣтѣ хлѣба по перемолотѣ.		Прошедшею осенью разсѣено ржи.		Къ жительству ихъ построено.		
Лошадей.	Рогатаго.		Овецъ.	Свиней.	Четвертей.	Четвериковъ.	Четвертей.	Четвериковъ.	Жилыхъ покоевъ.	Анбаровъ.	Конюшенъ.
	Рабочихъ воловъ.	Коровъ съ телятами									
282	11	303	20	52	1524	4	123	1	61	—	7
205	12	220	350	1	475	—	205	—	80	80	80
186	26	193	—	49	899	2	109	1	48	1	7
127	2	178	24	39	642	7	111	6	36	3	3
149	42	169	—	9	1463	2	174	$4\frac{1}{2}$	32	20	20
65	22	112	—	19	785	6	45	5	26	16	13
102	24	87	115	71	396	—	101	3	42	32	38
117	18	172	—	8	976	7	80	7	14	2	2
300	9	443	11	21	1520	3	252	1	120	120	120
259	—	169	53	11	663	2	265	2	120	120	120
174	8	165	8	5	220	2	195	2	100	100	100
53	—	54	135	—	202	3	62	4	30	30	30
266	4	136	—	8	990	7	240	2	120	46	86
157	9	163	27	48	806	7	129	7	30	37	35
76	—	47	—	3	596	2	75	—	32	14	13
142	9	149	32	90	473	4	58	7	3	—	21
48	6	73	6	11	229	5	48	5	20	18	14
93	38	133	—	16	297	5	71	3	30	20	20
68	—	65	—	—	184	6	86	—	25	25	25
140	—	164	12	51	366	1	108	1	39	18	18
117	—	94	29	20	763	5	88	5	21	2	2
6647	370	6610	2093	816	34691	1	6264	$1\frac{1}{2}$	2186	1184	1458

Разстояніемъ отъ Саратова верстъ.	ЗВАНІЕ КОЛОНЕЙ. Вызову барона Деборегарда.	Въ тѣхъ колоніяхъ семей состоитъ. Способныхъ къ хлѣбопашеству.	По свидѣтельству тѣхъ колоній жителей неспособныхъ.	Итого.	Въ тѣхъ семьяхъ душъ. Мужеска.	Женска.	Итого.
52	Екатеринштатъ . .	132	88	220	431	381	812
61½	Орловская. . . .	83	6	89	168	144	312
67	Гокеръ-Бергъ . .	12	12	24	60	45	105
65	Брокгаузенъ . . .	26	6	32	52	57	109
68½	Баскаковка . . .	24	15	39	70	61	111
67	Резановка. . . .	36	8	44	87	82	169
70	Сусаненталь . . .	33	6	39	70	64	134
71½	Унтеръ-Валденъ. .	40	—	40	89	58	147
75	Цугъ	42	1	43	69	64	133
73	Луцернъ	44	—	44	76	64	140
77½	Кларисъ	25	—	25	76	31	107
72½	Базель.	25	1	26	43	40	83
72	Баратаевка . . .	39	1	40	60	56	116
67½	Панинская. . . .	40	2	42	64	63	127
70	Бернъ	36	—	36	59	53	112
70	Цырхъ	42	—	42	77	69	146
67	Золотурнъ. . . .	42	1	43	63	65	128
60	Боару	87	1	88	189	155	344
63½	Цесарфелдъ . . .	40	1	41	68	59	127
60	Эрнестинендорфъ. .	41	—	41	72	69	141
75½	Шафгаузенъ . . .	31	—	31	46	41	87
55	Кано	85	2	87	158	152	310
42	Оберъ Монжу. . .	87	4	91	176	148	324
58	Филипсфельдъ . . .	40	1	41	78	66	144
54	Борегардъ. . . .	54	6	60	105	91	196
46	Нидеръ Монжу . .	84	3	87	154	154	308
48	Паулская	87	1	88	160	138	298
	Итого вызову Борегарда	1357	166	1523	2820	2470	5290

У нихъ скота состоитъ.					Изъ нажатаго въ прошедшемъ лѣтѣ хлѣба по перемолотѣ.		Прошедшею осенью разсѣено ржи.		Къ жительству ихъ построено.		
Лошадей.	Рогатаго.		Овецъ.	Свиней.	Четвертей.	Четвериковъ.	Четвертей.	Четвериковъ.	Жилыхъ покоевъ.	Анбаровъ.	Копоненъ.
	Рабочихъ воловъ.	Коровъ съ теляты									
422	3	254	29	47	587	6	491	$^1/_2$	130	62	62
192	—	75	11	2	314	3	105	—	90	50	82
40	—	14	—	—	—	—	17	4	8	—	—
54	—	31	—	—	—	—	96	4	16	—	—
80	—	40	—	—	—	—	100	—	10	—	—
85	7	52	—	—	—	—	85	7	14	—	—
87	—	39	—	—	—	—	90	—	10	—	—
80	—	41	—	—	—	—	102	1	8	—	—
75	—	46	—	—	—	—	110	—	—	—	—
72	—	44	—	—	—	—	83	1	16	—	—
39	—	18	—	—	—	—	35	3	16	—	—
42	—	25	—	—	—	—	32	4	12	—	—
63	—	34	—	—	—	—	40	6	14	—	—
58	—	35	—	—	—	—	105	—	16	—	—
72	—	36	—	—	—	—	93	4	14	—	—
76	—	30	—	—	—	—	110	—	14	—	—
60	—	27	—	—	—	—	110	—	8	—	—
254	—	97	—	—	446	1	226	—	84	84	84
94	—	47	—	—	3	2	126	4	14	—	—
97	6	58	—	—	115	2	103	6	20	—	—
49	—	16	—	—	—	—	28	6	12	—	—
193	—	108	—	—	215	3	220	6	66	64	60
231	—	110	—	—	287	6	67	3	84	72	84
76	—	52	—	—	53	3	99	6	28	2	—
151	6	85	—	16	301	—	148	—	49	—	40
182	—	87	—	—	301	6	206	4	62	2	16
215	—	87	—	—	166	3	102	—	86	54	45
3139	22	1588	40	65	2792	3	3737	$5^1/_2$	901	390	473

Разстояніемъ отъ Саратова верстъ.	ЗВАНІЕ КОЛОНЕЙ.	Въ тѣхъ колоніяхъ семей состоитъ.			Въ тѣхъ семьяхъ душъ.		
	Вызову Леруа и Питета.	Способныхъ къ хлѣбопашеству.	По свидѣтельству тѣхъ колоней жителей неспособныхъ.	Итого.	Мужеска.	Женска.	Итого.
65	Привольная. . . .	135	14	149	290	234	524
54	Тарлыкъ	59	2	61	106	87	193
55	Тарлыковка . . .	50	2	52	91	82	173
59	Скатовка	53	1	54	104	91	195
52	Яблоновка. . . .	39	2	41	76	76	152
53	Поповкина. . . .	57	16	73	126	112	238
49	Вольская	43	3	46	83	84	167
48	Степное.	47	16	63	96	102	198
39	Зауморье	28	—	28	47	41	88
40	Березовка. . . .	41	—	41	79	75	154
38	Казицкая	96	6	102	183	167	350
72	Кочетная. . . .	50	2	52	107	87	194
79	Кустарево. . . .	68	9	77	130	117	247
75	Краснорыновка . .	69	2	71	119	119	238
70	Краснополье . . .	115	7	122	207	195	402
81	Ровная.	70	4	74	127	102	229
47	Тонкошуровка. . .	67	21	88	180	178	358
44	Суслы	20	12	32	66	61	127
57	Хансоль.	36	2	38	81	75	156
39	Липовка	34	16	50	101	88	189
34	Осиновка	20	10	30	48	46	94
41	Крутояровка . . .	34	8	42	82	70	152
56	Отроговка. . . .	38	12	50	103	99	202
39	Роскаты	39	7	46	79	80	159
38	Липовъ Кутъ. . .	39	9	48	81	79	160
	Итого вызову Леруа и Питета. . .	1347	183	1530	2792	2547	5339

У нихъ скота состоитъ.					Изъ нажатаго въ прошедшее лѣто хлѣба по перемолотѣ.		Прошедшею осенью разсѣено ржи.		Къ жительству ихъ построено.		
	Рогатаго.										
Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ съ телятами	Овецъ.	Свиней.	Четвертей.	Четвериковъ.	Четвертей.	Четвериковъ.	Жилыхъ покоевъ.	Анбаровъ.	Конюшенъ.
281	27	146	2	11	236	6	362	7	152	64	73
114	11	113	—	—	52	1	138	3	42	12	24
124	9	92	8	4	79	5	91	1	38	18	18
99	42	141	—	—	135	6	98	5	32	18	26
101	2	65	2	—	98	1	115	—	36	10	22
136	1	48	—	—	69	6	172	1	46	20	32
96	—	75	—	—	175	1	117	2	32	6	14
159	—	97	—	—	289	—	155	—	62	—	—
59	4	63	—	—	282	4	84	—	20	—	12
80	1	73	—	—	209	5	102	—	36	2	34
207	13	187	8	3	811	3	278	1	78	12	34
99	6	43	—	—	53	1	126	1	32	12	12
151	3	61	—	—	9	5	214	—	48	2	10
141	—	70	—	—	43	1	204	—	50	24	46
254	8	197	—	—	34	5	316	—	80	8	52
166	—	147	—	—	10	6	222	—	48	—	6
178	—	152	4	6	401	7	183	1	49	7	7
70	—	61	—	—	72	1	80	3	35	30	30
83	—	65	—	—	120	7	91	6	43	41	41
102	22	93	5	14	240	5	97	5	41	9	9
57	—	50	—	15	191	5	68	3	24	26	26
98	—	65	—	—	184	1	99	3	36	15	15
133	—	130	—	—	224	—	111	6	55	34	34
94	4	110	—	2	332	5	114	—	41	3	3
97	—	83	51	—	174	2	100	7½	48	41	48
3179	153	2427	78	55	4533	1	3803	7½	1204	417	628

Разстояніемъ отъ Саратова верстъ.	ЗВАНІЕ КОЛОНЕЙ. Вызову Дебофа съ товарыщи.	Въ тѣхъ колоніяхъ семей состоитъ. Способныхъ къ хлѣбопашеству.	По свидѣтельству тѣхъ колоней жителей неспособныхъ.	Итого.	Въ тѣхъ семьяхъ душъ. Мужеска.	Женска.	Итого.
87	Разсоши	47	11	58	98	71	169
95	Копенка	45	2	47	95	82	177
90	Грезноватка . . .	33	3	36	66	58	124
75	Карамышевка. . .	49	4	53	107	89	196
87	Вершинка	28	—	28	61	49	110
89	Верховіе	39	—	39	68	66	134
86	Олешня	67	1	68	158	126	284
84	Каменный Оврагъ .	9	2	11	22	21	43
84	Макаровка. . . .	29	1	30	68	47	115
86	Починная	28	6	34	67	60	127
87	Паметная	29	1	30	53	54	107
	Итого вызову Дебофа съ товарыщи .	403	31	434	863	723	1586
	Всего коронныхъ и вызывательскихъ. .	5854	579	6433	12145	10964	23109
	Сверхъ того живущихъ въ городѣ Саратовѣ.	—	—	—	77	60	137

Да сверхъ онаго въ прошедшемъ лѣтѣ построено двѣ кирки съ

(Военно-ученый Архивъ

Archives militaires et

У нихъ скота состоитъ.					Изъ нажатого въ прошедшее лѣто хлѣба по перемолоченьѣ.		Прошедшею осенью разсѣено ржи.		Къ жительству ихъ построено.		
	Рогатаго.										
Лошадей.	Рабочихъ воловъ.	Коровъ съ телятами.	Овецъ.	Свиней.	Четвертей.	Четвериковъ.	Четвертей.	Четвериковъ.	Жилыхъ покоевъ.	Анбаровъ.	Конюшенъ.
106	95	110	6	4	279	3	67	—	23	13	13
100	7	137	—	14	917	7	102	—	8	8	8
82	20	73	—	19	671	6	75	5	16	4	4
115	2	133	21	26	648	5	55	4	32	—	—
55	—	55	10	—	78	4	67	4	20	14	14
88	2	72	—	9	257	—	99	3	28	18	18
150	15	140	15	—	623	3	140	—	30	24	24
27	3	38	—	—	133	3	25	6	12	—	—
51	—	40	6	5	431	3	44	1	36	—	—
47	13	69	—	6	340	2	71	7	48	—	—
56	2	60	—	—	108	2	71	5	16	14	4
877	159	927	58	83	4489	6	820	3	269	95	85
13842	704	11552	2269	1019	46506	3	14626	1½	4560	2086	1327

пасторскими домами и школами и для поклажи провіанта.

Графъ *Г. Орловъ.*

Главнаго Штаба, V, 543.

scientifiques de l'Etat-Major à S-t Pétersbourg, V, 543).

Важнѣйшія опечатки и поправки.

Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
На стр. 11, 10 строка сверху: *общимъ правомъ колонизаціи*	*общимъ правомъ иммиграціи.*
На стр. 55, 18 строка сверху: Геркулу	Деркулу
На стр. 131, прим. 2-ое, 2 строка снизу: Государственный Архивъ XVI	Государственный Архивъ XV, № 397.
На стр. 181, послѣдняя строка: работъ	заботъ.
На стр. 182, 14 строка сверху, послѣ словъ — *Вортубъ* и *Подстенной* пропущены скобки.	
На той-же страницѣ, 18 строка: Мейгартъ	Мейнгартъ
На стр. 183, 10 и 11 строки: главное селеніе въ округа	главное селеніе въ округѣ.
На той-же стр.—17 строка: при Большемъ Караманѣ	при Большомъ Караманѣ
На той-же стр., 3 срока снизу въ примѣчаніи: Dillhey	Dilthey
На стр. 185, примѣчаніе 2-ое, 9 строка снизу: послѣ словъ — Военно-Ученый Архивъ Главнаго Штаба—пропущены цифры — V, 542.	
313 стр., примѣчаніе 2-ое: Въ 1772 г. жившіе въ Валахіи близь Бухареста *меннониты....* Впослѣдствіи (въ 1784 г.) къ нимъ присоединилось еще 16 семействъ *меннонитовъ*, вышедшихъ изъ Венгріи и Богеміи. Это была первая меннонитская колонія въ Россіи.	Въ 1772 г. жившіе въ Валахіи близь Бухареста *нѣмецкіе сектанты...* Впослѣдствіи къ нимъ присоединилось еще 16 семействъ ихъ единовѣрцевъ, вышедшихъ изъ Венгріи и Богеміи. Это была первая, *по оффиціальной терминологіи,* меннонитская колонія въ Россіи. Но уже Клаусъ показалъ, что причисленіе этихъ колонистовъ къ меннонитамъ неправильно. См. Наши Колоніи, колонія Радичевъ.
Приложеніе № 7-й, стр. 17, строки 1—2 сверху: отъ $^{17}/_{18}$ апрѣля en date du $^{17}/_{18}$ avril	отъ $^{17}/_{28}$ апрѣля en date du $^{17}/_{28}$ du avril.
Приложеніе № 15, стр. 29, 14 строка сверху: sciement	sciemment
Приложеніе № 29, 45 стр., 10 строка: ausgeboten	ausgebeten

Дополненіе къ примѣчанію 2-му на 11 стр.

По изслѣдованіямъ Эриха Нейгауза (Erich Neuhaus), недавно издавшаго свой трудъ—„Die Fridericianische Kolonisation im Warthe-und Netzebruch" (Schriften des Vereins für Geschichte der Neumark, fasc. XVIII), населеніе Новой Марки, послѣ Семилѣтней войны, съ 213.000 сократилось до 156.000 душъ.

